АҨСНЫ АҬҬААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

АҨСНЫ АҬҬААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА

АДЫРРАҬАРА

№ 2

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ

№ 2

АҨСНЫ АҨЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

Адыррақара
№2

Вестник
№2

Аҟаа – Сухум – 2007

ББК 72.4(5Абх)
В38

Аредакциатә коллегиа:
Арсҭаа Ш.Ҟ. (аредактор хада), Аиба Л.И., Бҩажәба О.Хә., Бебиа С.М. (аредактор хада ихаҭыԥуаҿ), Максимов М.З., Салаҟаиа Ш.Хь. (аредактор хада ихаҭыԥуаҿ), Ԥьапуа З.Ԥь. (аҭакзыԥхыҟәу амазаныҟәгаҿ)

Редакционная коллегия:
Арстаа Ш.К. (главный редактор), Айба Л.Я., Бгажба О.Х., Бебия С.М. (заместитель главного редактора), Джапуа З.Д. (ответственный секретарь), Максимов М.З., Салакая Ш.Х. (заместитель главного редактора).

Аҵакы
Содержание

Раздел I Аҟәша
Агуманитартә ҵцаарадыррақәа. Гуманитарные науки
Афилологиа. Филология

Салакая Ш. Х. Развитие литературы и науки в Абхазии 5
Арсҵаа Ш. К. Ажәаҳәа хәҵақәа рпроблема аҧсуа бызшәаҿы 18
Габуниа З. М. Р.Гусман Тирадо. К проблеме малочисленных языков в лингвистике XXI века 37
Пазов С. У. Типы определения и однородные члены предложения в абазинском языке 44
Гацалова Л.Б. Глобализация и проблема сохранения миноритарных языков Северного Кавказа 65
Бижева З.Х. Лингвоконцепты как репрезентанты этнической картины мира 68
Гублиа Р.К. К этимологии Зиуоу – обряда вызывания дождя 70
Хьециа А. Ԥь. Ацыҕҳара алеҟсика аҧсуа бызшәаҿы 74
Хагба Л. Р. Концептуализация положительных эмоций в абхазском и абазинском языках (на материале фразеологии) 102
Бганба В.М. Категория грамматического числа в абхазском языке 108
Ԥьапуа З. Ԥь. Аҧсуа фольклор заатәи анцамҵақәак ртекстологиатә згәаҵарақәа 133
Мамиева И. В. Архетип дороги в современной осетинской повести 158

Аҵоурых. История

Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В. Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии. 164
Горлов Ю.В., Безрученко И.М., Бжания Д.С. Раннехристианский комплекс в Себастополисе 182
Скаков А.Ю. Некоторые проблемы изучения хронологии колхидской культуры 189
Хонелия Р. А. Некоторые историографические и источниковедческие разыскания по истории Абхазии и абхазов по данным армянского историка Х.в. Иованнеса Драсханакертци 209
Гумба Г.Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу» 225
Аргәын И.Гә. Адиаспора «Аҧсуара» еиқәнархоит 244
Ачугба Т. А. Грузинские источники 2-й пол. XIX в. об изменении этнической ситуации в Абхазии 248
Хашба М. М. Народная музыка абхазов: жанры, стилистика, кросс-культурные параллели 258
Шалашаа З.И. Оценка инвестиционных проектов в условиях Республики Абхазия 265

Раздел II Аҟәша
Аҧсабаратәи атехникатәи ҵцаарадыррақәа.
Естественные и технические науки

Зыков Б.М., Марколия А.И, Сабо Е. П., Швангирадзе Р.Р. Водородная энергетика и экология 273
Дгебуадзе К. А., Козлов О.Ф., Красненкова Т.М., Марколия А.И., Оганезов З.А., Тимошенко А.П., Элошвили Ю.Л. Низкотемпературное формирование коаксиальных металлокерамических гермовводов 279
Казаков А.В., Каневский И.Н., Максимов М.З., Марколия А.И., Уткина Л.А. К вопросу расчёта характеристик импульсного излучения антены на большие расстояния 286

Инглизян П.Н., Криворучко С.П., Сабо Е. П., Судак Н. М., Чиликиди А.А. Метод определения термоэлектрических параметров материалов для расчёта преобразователей 298
Дбар Р.С., Марколия А.И.,Экба Я.А. Абразионные процессы и береговая линия в прибрежной зоне Абхазии.....307
Козлов О.Ф., Марколия А.И., Тимошенко А.П., Элошвили Ю.Л. Экспресс-метод определения качества аргона, используемого в высокотемпературных установках.....317
Косиченко Л.П., Баркая В.С., Барцыц С.Ч. Мутагенный эффект в соматических клетках обезьян при разных условиях облучения 320
Кикория А.Д., Какубава В.В., Агрба Д.В. Широта инфицирования вирусами гепатита В и С населения Абхазии.....328
Кокоша Л.В., Осия О.В. Два случая «пельгеровской» аномалии лейкоцитов в Абхазии 331
Осия О. В., Джалагония Ш. Л. Глинолечение как разновидность пелоидотерапии 339
Джалагония Ш. Л. Особенности соматического состояния детей дошкольного возраста 347
Ҿытанаа С. М. Аҧсуа жәлар ретноботаника.....351
Айба Л.Я., Цугба Д.В., Айба В. Ш. Основные направления перспективного развития виноградарства в Абхазии.....357
Айба Л.Я., Авидзба М.А. Районированные и рекомендованные сорта цитрусовых, плодовых, субтропических и технических культур Научно-исследовательским институтом сельского хозяйства Академии наук Абхазии 360
Хватыш Г.А. Результаты изучения генофонда томата и баклажана в условиях Абхазии 366

Раздел III Акәша.
АХҦЫС. ХРОНИКА

Дзидзария О.П., Саманба Л.Х. К 20-летию издания первого толкового «Словаря абхазского языка» 373
*Алиева А.И.*Новое слово в нартоведении.....378
Чкок-Эшба Э. М. Международная научная конференция «Вызовы глобализации и Кавказ».....382
Бебия С.М., Гуланян Т.А. Международная научная конференция «Сохранение биоразнообразия растений в природе и при интродукции», посвященная 165-летию Сухумского ботанического сада и 110-летию Сухумского субтропического дендропарка 387
Бебия С. М. 2-ая международная научная конференция восточных и центральных ботанических садов – «Eastcentgard II» «Европейским ботаническим садам совместно осуществлять стратегию охраны растений» 395
Салакая Ш.Х. Впечатляющие итоги.....398

In memoriam

Салакаиа Ш. Хь. Владимир Леуа-ипа Ацнариа 402
Баджгур Еснатович Сагария (некролог).....405
Эрлих В. Р., Джопуа А. И., Ксенофонтова И. В. Памяти Г. К. Шамба 407

Personalia

Адзинба З. И. Альфред Алексеевич Колаковский (1906 – 1997) (К столетию со дня рождения).....410

Раздел I Аҟәша.
Агуманитартә тцаарадырраҟәа
Гуманитарные науки
Афилологиа
Филология

Салакая Ш. Х.

Развитие литературы и науки в Абхазии
(Общее обозрение)

I.

Абхазская литература принадлежит к категории так называемых младописьменных (или новописьменных) литератур, которые появились на карте мира главным образом в течение последних одного-двух столетий. Реальные возможности и более или менее благоприятные условия для зарождения художественной литературы создаются в Абхазии после добровольного присоединения края к России (1810 г.). Конкретной отправной точкой истории абхазской литературы принято считать 1862 год – опубликования первого абхазского алфавита, составленного на основе русской графики лингвистом-кавказоведом П.К. Усларом как приложение к его монографии «Абхазский язык» (Тифлис, 1862 г.).

Весь путь, пройденный абхазской литературой с момента создания письменности и до наших дней, можно разделить на три основных периода: 1) дореволюционный (или досоветский (1862-1921 г.), гг.) советский (1921-1991 гг.) и постсоветский (с 1992 г. по настоящее время).

Конечно, не все эти периоды равномерны как по протяженности, продолжительности во времени, так и по насыщенности каждого из них фактическим материалом. Наиболее продолжительным по времени и богатым фактами и событиями следует признать второй, советский, период, который в свою очередь подразделяется на ряд этапов, или подпериодов. Что же касается первого и третьего периодов, то каждый из них (особенно последний) охватывает и меньший отрезок времени, и меньшее количество новых имен и литературных фактов, но тем не менее они обнаруживают такие качественные особенности, которые оправдывают их выделение в отдельный период.

В развитии дореволюционной литературы явственно намечается два основных этапа: 1) с 1862 по 1912 год – до выхода в свет первенца собственно художественной литературы – сборника Д.И. Гулиа «Стихотворения и частушки» (1912 г.), положившего начало абхазской национальной литературе и 2) 1912-1921 годы – период, когда были сделаны первые, но твердые решительные шаги, характеризующие становление и дальнейшее развитие зародившейся молодой литературы.

Основоположником абхазской литературы явился Дмитрий Иосифович Гулиа (1874-1960 гг.) – центральная фигура не только в истории литературы, но и всей национальной культуры абхазского народа. Еще совсем в молодом возрасте, семнадцатилетним юношей (в 1891 г.), совместно со своим школьным учителем К. Мачавариани он создает вторую по счету азбуку, изданную в 1892 г. по которой стала обучаться родной грамоте абхазская детвора. С таких ранних лет Д.И. Гулиа твердо и непоколебимо становится на путь просвещения родного народа и

до самых последних дней своей долгой, продолжительной, плодотворной жизни ни разу не сворачивал с избранного пути. Он положил начало как поэзии, так и абхазской прозе (рассказ «Под чужим небом», 1918 г.), был основателем и первым редактором первой абхазской газеты «Апсны» («Абхазия», 1919-1921 гг.), организовал первый передвижной, самодеятельный театр силами учеников Сухумской учительской семинарии, где он преподавал родной язык и литературу. И все это до 1921 года, до установления советской власти в Абхазии. Еще в те годы он приступил и к научной работе: сбору фольклорного материала, исследованию языка, истории и этнографии абхазов, хотя публикации его основных научных трудов относятся уже к советскому периоду.

В первый, дореволюционный, период вслед за Д.И. Гулиа решительно и непоколебимо выступил на литературное поприще и Самсон Яковлевич Чанба (1886-1937 гг.) – незаурядный талант, драматург, прозаик, поэт, впоследствии не только знаменитый писатель, но и крупный общественный и государственный деятель, один из признанных руководителей республики, в печально известном 1937 году оказавшийся невинной жертвой беззакония и произвола. Начав с публицистических статей и очерков, С. Чанба выступил на страницах газеты «Апсны» с такими значительными публикациями, как первая абхазская романтическая поэма «Дева гор» и первое оригинальное драматическое произведение «Махаджиры», положившее начало абхазской национальной драматургии.

Дмитрий Гулиа и Самсон Чанба – это две могучие фигуры, два зрелых мастера художественного слова, являющиеся представителями первого, самого старшего поколения абхазских писателей дореволюционного (досоветского) периода. Правда, к самому концу периода, на его исходе, как бы на подмогу старшим писателям вступает в литературу целая плеяда молодых поэтов, прозаиков, драматургов, главным образом из числа учащихся Сухумской учительской семинарии, опубликовавших свои первые произведения на страницах гулиевской «Апсны». Многие из них (И.Когониа, И. Папаскир, Д. Дарсалия, М. Лакрба, М.Хашба и др.) в советские годы стали крупными, признанными деятелями литературы и искусства.

Второй период истории абхазской литературы охватывает самый большой отрезок времени: между 1921-ым годом – годом победы советской власти в Абхазии, и 1991-ым годом – годом распада СССР. Период этот не только в одной Абхазии, но и на всем постсоветском пространстве выглядит весьма неоднозначным, противоречивым, во многом загадочным. С одной стороны, совершенно неоспорим и очевиден небывалый взлет экономической и культурной жизни страны, с другой же стороны, не менее ощутимы тяжелые удары, грубо и методично наносившиеся нашему народу с целью искажения, а то и полного отрицания его исторического прошлого и современного этнического и культурного облика.

Все это не могло не отразиться на характере развития литературы. Правда, на первых этапах развития абхазской литературы советского периода, вплоть до середины 50-х годов прошлого столетия, в литературе преобладает восторженный взгляд на все, что происходит вокруг, хотя порою отмечаются и некоторые незначительные недочеты и упущения, сопутствующие новому укладу жизни. Критический взгляд стал все больше набирать силы с конца 50-х годов, а в 80-90-х годах становится даже преобладающим.

В первое десятилетие советской власти Д.И. Гулиа несколько отошел от литературно-творческой работы, сосредоточившись главным образом на научной деятельности и на выполнении актуальных, неотложных задач государственного

характера (написание и издание «Истории Абхазии», 1925 г., создание различных отраслевых, терминологических словарей, издание пособий по делопроизводству на абхазском языке, поскольку язык этот стал государственным, обслуживающим независимую республику). С. Чанба опубликовал ряд драматических и прозаических произведений («Апсны-Ханым», «Случай из прошлого», «Киараз», «Бог Саваоф», «Киараз», «Песнь страдания» и др.).

Самым крупным явлением литературной жизни Абхазии 20-х годов стало творчество талантливого, самобытного поэта, классика абхазской поэзии Иуа Абасовича Когониа (1904-1928 гг.). Несмотря на короткую жизнь (прожил всего 24 года), поэт поднял абхазскую эпическую поэзию на такую высоту, которая до сих пор в определенном смысле остается недосягаемым (восемь поэм, вошедшие в сборник «Старинные сказания», изданный при жизни автора, в 1925 году). Это поэмы: «Абата Беслан», «Навей и Мзауч», «Зосхан Ачба и сыновья Жанаа Беслана», «Хмыч-охотник и ходок» и др., основанные главным образом на историко-героических и фольклорных сюжетах и мотивах и воспевающие идеальных народных героев.

В двадцатых годах увидели свет сборник рассказов М. Хашба «Алло», пьеса Дз. Дарсалия «В глухой старине» и др.

В эпических жанрах в те годы все еще преобладала историко-революционная тематика, а в лирике новая современная жизнь изображалась в ярком, контрастом противопоставлении с безотрадным прошлым (особенно лирика И. Когониа).

Сплочению творческих сил во многом способствовало создание в 1928 году Абхазской ассоциации пролетарских писателей (АбАПП), издававшая и свой печатный орган-газету «Ецваджаа» («Созвездие», кстати, недавно, с 2003 года, возобновленную новой Ассоциацией писателей Абхазии).

Новый этап в абхазской литературе советского периода наметился с начала 30-х годов. Это было связано в значительной степени и с изменениями в социально-экономической жизни республики, и прежде всего с развернувшейся вовсю камапнией по коллективизации сельского хозяйства.

В связи с новыми задачами центральным объектом художественного изображения становится современная тематика, новые люди и новые отношения как в деревне, так и в городе.

Произошли определенные сдвиги и в организационно-творческом плане. В начале 30-х годов (в 1933 г.) был создан Союз писателей Абхазии, а также основаны литературно-художественный журнал и литературная газета «Советский писатель Абхазии». Писательская организация Абхазии объединила наряду с абхазскими, также русских, грузинских, армянских и греческих писателей, проживавших в Абхазской республике. Представители Абхазской писательской организации принимали участие в работе I Съезда писателей СССР в Москве, в 1934 году.

Эти факторы также способствовали активизации творческой жизни в республике. Особенно же отрадным явлением в литературно-культурной жизни Абхазии 30-х годов нужно признать выход на творческую арену целой плеяды молодых мастеров художественного слова. Это были поэты Леварса Квициниа, Леонтий Лабахуа, Шалва Цвижба, Киазым Агумаа, прозаики Владимир Агрба, Степан Кучберия, драматург Муты Кове, а с середины 30-х годов – талантливейший поэт и прозаик, впоследствии народный поэт Абхазии, народный писатель Кабардино-Балкарии и Адыгеи, Герой Социалистического Труда Баграт Васильевич Шинкуба (1917-2004 гг.).

К новой, современной тематике и в поэзии, и в прозе обратилось прежде всего именно это молодое поколение писателей. Несмотря на некоторую схематичность и декларативность, произведения молодых, несомненно, привнесли свежую струю в творческую жизнь, приковывая внимание к насущным проблемам новой, изменившейся действительности.

Наряду с гражданской остропублицистической лирикой, появился целый ряд эпических и лиро-эпических произведений в поэзии. Имеются в виду в первую очередь поэмы Леварсы Квициния «Шаризан» и «Даур», Шалвы Цвижба «Кинжал» и «Невестка», Леонтия Лабахуа «Подкидыш», «Голос Ткуарчала» и др.

Как особенность литературного процесса 30-х годов следует признать и то, что все три поколения абхазских писателей активизировали свою творческую деятельность, как бы вступая в поэтическое состязание друг с другом.

К активной творческой жизни вновь возвращается Д.Гулиа. Он создает проникновенные стихи о созидательном труде, о мире, о защите Родины, о дружбе народов, лиро-эпическую поэму «Песнь об Абхазии» - о прошлом и настоящем Абхазии, и остроумные сатирические и юмористические стихи, следуя поэтике русских частушек, даже определяя жанровую природу их как «частушки», однако самое крупное создание его этих лет – это социально-бытовой роман «Камачич»(1933-1940) – о судьбе абхазской женщины на стыке двух столетий – девятнадцатого и двадцатого.

Самсон Чанба в 30-х годах, будучи председателем Союза писателей Абхазии и членом директората Абхазского научно-исследовательского института краеведения, наряду с научно-организационной работой плодотворно трудится в жанре прозы: создает повесть «Сейдык» - на тему коллективизации села, а также прекрасные бытовые новеллы «Камень с очага дедушки», «О, аллах, аллах!» и др.

И, наконец, увидел свет и первый социально-психологический роман Ивана Папаскира «Темыр» (1937 г., в некоторых русских изданиях он выходил под названием «К долгой жизни»), живо, колоритно повествующий о молодых современниках, об острых проблемах окружающей деревенской жизни.

Успехи абхазской писательской организации, несомненно, были бы еще более весомыми и внушительными, если бы не тот тяжелый и коварный удар, который был нанесен ей в середине и второй половине 30-х годов. Совершенно безвинно были оклеветаны, репрессированы и вскоре казнены Самсон Чанба, Леонтий Лабахуа, Владимир Агрба, был осужден и оторван от творческой жизни почти на двадцать лет Шалва Цвижба.

Этот урон еще более усугубила начавшаяся вскоре вторая мировая война. На полях Великой Отечественной войны 1941-1945 годов пали смертью храбрых молодые, но успевшие стать широко известными абхазские писатели: Леварса Квициниа, Степан Кучберия, Михаил Гочуа, а также начинающие поэты: Камуг Хурцлаа, Шалва Тория, Владимир Чичериа, Владимир Капба и др. Видные писатели Киазым Агумаа, Алексей и Чичико Джонуа, Сандро и Шалва Сануглиа храбро сражались с врагом на фронте и многие из них вернулись с тяжелыми ранениями. От таких неизлечимых ран скончался после возвращения с фронта талантливый поэт, прозаик и драматург Киазым Агумаа – автор многочисленных лирических стихов, остросюжетных новелл, поэмы «Тариал Рашба», повести «Узник» и драмы «Большая земля», повествующих о героизме простых людей на войне, о неимоверных трудностях, перенесенных ими и о их неиссякаемом оптимизме. В золотой фонд абхазской литературы вошло творчество писателей –

фронтовиков: фронтовая лирика и книга воспоминаний Чичико Джонуа «Огонь тушат огнем», лирика, поэма «Кровь и любовь», повесть «У партизанского костра» Алексея Джонуа, воспоминания участника истребительного батальона на кавказских горах Платона Чкадуа и многих других.

Энергично и призывно зазвучал в те годы голос уже далеко не молодого народного поэта Дмитрия Гулиа, создавшего цикл стихов об абхазах-воинах – о первом Герое Советского Союза из абхазов Владимире Харазия, славных бойцах: Пианце Чолокуа, Саше Назадзе, Киазиме Агрба, летчице Мери Авидзба и многих других.

К крупным достижениям поэзии военного времени должны быть отнесены лирические стихи и поэма Баграта Шинкуба «Леонид Лунин», стихи и поэма Ивана Тарба «Краснодонцы» и др.

Послевоенная абхазская литература (1945-1955 гг.) развивалась по тем же закономерностям, как и все остальные национальные советские литературы. Ведущей темой литературы того периода становится восстановление разрушенного войной народного хозяйства и его дальнейшее развитие, а главным героем – вчерашний фронтовик, совершающий в новых условиях неимоверный трудовой подвиг. Цель, безусловно, благородная, но способы достижения этой цели зачастую, мягко выражаясь, не внушали доверия. Это был период безграничного господства так называемой «теории бесконфликтности», которая утверждала, что в нашем обществе, где полностью победил социализм, нет классовых врагов, следовательно нет и значимых социальных конфликтов! Поэтому жизнь в литературе и искусстве чаще всего изображалась как сплошное изобилие, в приподнятых, розовых тонах, тогда как на деле она, эта жизнь, была неимоверно тягостной, часто сопровождаемой голодом, холодом, и лишенной элементарных земных благ.

К сожалению, определенное влияние этой псевдотеории испытали на себе не только неопытные или молодые авторы, но почти все деятели литературы Абхазии, в том числе и ведущие писатели, такие как Д. Гулиа (поэма «Осень в деревне»), И. Папаскир (роман «Путь Химур», переработанная редакция которого впоследствии была названа «Женской честью»), Б. Шинкуба (роман в стихах «Мои земляки»), Ч.Джонуа (повесть «Гудиса Шларба»), А. Ласуриа (повесть «Хашкарат») и др. Нельзя считать случайностью и тот очевидный факт, что многие из этих произведений впоследствии, уже после осуждения культа личности Сталина, авторами были подвергнуты существенной переработке именно в плане усиления в них общественных, социальных конфликтов.

Помимо общих для всех советских литератур тормозов, замедлявших или искажавших их прогрессивное развитие, для абхазской существовали еще и другие, специфические факторы, которые неотвратимо вели её, как и всю национальную культуру абхазов, к свертыванию. Речь идет о грубой, разнузданной, ничем не прикрытой ассимиляторской политике грузинских шовинистов, преследовавшей конечной целью полную грузинизацию абхазского этноса и его культуры, включая туда и литературу. Об этом отчетливо свидетельствуют: закрытие абхазских школ; перевод обучения на грузинский язык; необоснованное переименование абхазских топонимических названий, заменив их грузинскими; объявление абхазской литературы западногрузинской, а Союза писателей Абхазии – Абхазским отделением Союза писателей Грузии и т.д.

Однако, к счастью, такой невиданный произвол продолжался не бесконечно долго. Пришла пора так называемой «хрущевской оттепели». Для развития абхазской литературы, как и всех других сторон экономической, политической,

социальной и духовной жизни республики, создаются относительно более благоприятные условия. Грузинские шовинисты и в новых условиях, конечно, не отказались от своей вековой мечты, однако вынуждены были до поры до времени, до более подходящих времен, замаскироваться, натянуть на себя тогу миротворца. Несколько забегая вперед, заметим, что маскировки этой хватило ненадолго. Не добившись успеха мирным путем, они решили реализовать свои намерения, свой коварный план силою - пошли войной на безвинную Абхазию. И грубо просчитались: поднявшийся на защиту своего Отечества немногочисленный народ наголову разбил врага, превосходящего его численностью в сорок раз. Но это случилось позже, в начале 90-х годов прошлого столетия.

С середины 50-х годов, как было сказано выше, начинается новый этап в развитии абхазской литературы советского периода, этап, который продолжался до начала 90-х годов, до развала СССР.

Этап этот ознаменовался рядом новых качественных особенностей. Прежде всего литература значительно раздвинула свой жанровый и тематический диапазон, стала глубже и правдивее отображать жизнь как современную, так и прошлую, историческую. Появляются и утверждаются новые для абхазской национальной литературы жанровые разновидности и стилевые направления, такие, как интеллектуально-психологическая и исповедально-лирическая проза, документально-мемуарная литература, медитативная, философская лирика, разновидности малых драматических жанров: скетчи, водевили, интермедий и т.д.

В эти годы были посмертно реабилитированы писатели, ставшие жертвою необоснованных репрессий 30-х годов и их творческое наследие вновь возвращено народу. Это классики абхазской литературы Самсон Чанба, Леонтий Лабахуа, Муты Кове. После продолжительного заключения в особых лагерях вернулись на Родину замечательный поэт и прозаик Шалва Цвижба, талантливый драматург и новеллист Михаил Лакрба.

Продолжают активную творческую деятельность писатели старшего и среднего поколений. В эти годы были опубликованы поэма Дмитрия Гулиа «Мой очаг», роман Ивана Папаскира «Женская честь», повести Дзадза Дарсалиа «Из жизни» и «Водоворот», Мушни Хашба – «В весенние дни» и «Джмахух сын Оленя», романы Баграта Шинкуба «Последний из ушедших», «Рассеченный камень», его же роман в стаихах «Песень о скале», романы Ивана Тарба «Известное имя», «Солнце встает у нас», поэтические и прозаические произведения Алексея и Чичко Джонуа, Платона Чкадуа, Киршала Чачхалия и Шараха Пачалиа.

В послевоенное годы волна за волною на творческую арену выступает несколько поколений мастеров художественного слова.

Отдавая должное представителям старшего поколения, следует подчеркнуть, что наиболее интересные, свежие, новые явления и процессы в литературной жизни этого периода были связаны прежде всего с именами писателей послевоенного поколения.

Здесь должны быть названы стихи и поэмы Алексея Ласуриа, Кумфа Ломиа, Георгия Гублиа, романы Алексея Гогуа «Нимб», «Большой снег» («Асду»), его повести и рассказы «Гора красивая», «На повороте», «Вкус воды», «Белый конь», «Глаза Такара», «Елана», «Безмолвный ягненок», «Дорога длиною в трое суток», роман Шалоди Аджинджал «Дьявол с мечом» и его повести «Судьба», «В ночь новолунья», романы Алексея Джения «Восьмой цвет радуги», «Анымирах – божество двоих», поэмы Мушни Ласуриа «Золотое руно», роман Нелли Тарба «Морской царь Хайт» и повесть «Мациса», роман Джумы Ахуба «При-

стань», комедии Шоты Чкадуа «Кто из нас глухой?», «Кукла», сатирические комедии Рушни Джопуа «Дочь Ажвейпшаа» и «Переполох в лесу», роман Виталия Амаршан «Царь абхазов», историческая драма Анзора Мукба «Затмение Луны»,проза и публицистика Николая Хашиг, Бориса Тужба, лирическая и эпическая поэзия Анатолия Аджинджал, Мушни Микая, Николая Квициния, Бориса Гургулиа, Платона Бебия, Константина Герхелиа, Рушбея Смыр, Таифа Аджба, Терентия Чания, Сариона Таркил, Заура Кварчиа, Анатолия Лагулаа… Новым явлением в абхазской прозе следует признать книги поэта и прозаика Шамиля Пилиа «На морских волнах» и «Глаз Нептуна», представляющие собою главным образом дневниковые записи участника кругосветного путешествия на кораблях дальнего плавания.

За писателями этого поколения следует еще более молодая плеяда, которая представлена именами таких поэтов, как Геннадий Аламиа, Гунда Сакания, Гунда Квициния, Энвер Ажиба, Инна Хашба, Владимир Зантария, Белла Барцыц, Саида Делба, Алхас Кварчия, Сергей Гындия, прозаиков Владимира Басария, Сергея Квициния и др.

Подрастает и совсем молодая поросль поэтов, из которых кое-кто уже опубликовал первые свои книжки стихов(А. Чхамалиа и др.).

С начала 90-х годов ушедшего столетия в связи с общим для всех бывших советских народов крупнейшим событием – крушением великой державы, и со специфическим для абхазского народа трагическим событием – грузино-абхазской войной 1992-1993 гг., в развитии абхазской литературы отчетливо намечается новый период.

Правда, после этих судьбоносных событий прошло пока слишком мало времени, что совершенно недостаточно для адекватного воплощения в широких эпических полотнах обобщенных высокохудожественных эпических образов. Несомненно, наступит и такой момент, когда все это будет глубоко обдумано и достойно отражено. Но и в том, что уже создано, причем не только в малых жанрах (стихи Б.Шинкуба, Р.Смыр, Г. Гублиа, Н. Квициниа, П. Бебия, К. Герхелия, очерки и рассказы А. Гогуа, Н.Хашиг, А. Мукба, С. Квициния…), но и в более крупных произведениях (роман Дж. Ахуба «Незабывное», роман М. Микаиа «Непримиримые», повесть Ш. Аджинджал «Волчья пляска», поэма М. Ласуриа «Отчизна») явно намечаются эти новые черты.

Острые социальные и особенно межнациональные конфликты, которые раньше обычно умалчивались, обходили стороной или в лучшем случае упоминались как бы мимоходом или приглушенно, теперь уже выдвинулись в центр повествования, о них заговорили в открытую, они зазвучали во весь голос.

Абхазская литературная критика и литературводение зародились в 30-х годах XX столетия. На первом этапе наиболее видными представителями этой отрасли были профессора Х.С. Бгажба и Ш.Д. Инал-ипа. С 50-х годов в данном жанре активно выступают одаренные критики и литературоведы, ныне уже известные доктора и кандидаты наук: В.Л. Цвинария, С.Л. Зухба, М.Г. Ладария, А.А, Аншба, Т.К. Гублиа,, М.Т. Ласуриа, В.Б. Агрба, В.Ш. Авидзба, З.Д. Джапуа, В.А. Когониа,Д.С. Аджинджал, Н.П. Лакоба, Л.А. Хибба, Р.А. Хашба, Ц.С. Габниа, Л.Д. Чацба, И.И. Квициниа, В. К. Зантария, А. Е. Ашуба и другие, которыми опубликованы не только статьи и очерки, но и монографические исследования по важнейшим проблемам истории литературы и современного литературного процесса. Изданы обобщающие коллективные труды по истории абхазской литературы на абхазском и русском языках, плодотворно изучаются также и проблемы абхазского народнопоэтического творчества.

Абхазскую литературу своеобразно представляют также писатели, выходцы из абхазского народа, создающие свои произведения на других языках (чаще всего – на русском). Еще до революции таким писателем был Георгий Чачба (Шервашидзе) – сын последнего владетеля Абхазии, писавший на грузинском, русском и некоторых западноевропейских языках. А в наше время к ним принадлежат широко известные во всем мире русскоязычные писатели-прозаики Фазиль Искандер и Георгий Гулиа, а также более молодые прозаики Этери Басария и Даур Зантариа, поэт и кинодраматург Юрий Лакербай, поэт Денис Чачхалиа и др.

Абхазская литература обогащается не только за счет оригинальных произведений, но и переводами из русской, грузинской и вообще мировой классики. Переводами занимался прежде всего сам Д.Гулиа, а вслед за ним почти все абхазские поэты, прозаики и драматурги. Особо должны быть названы имена таких деятелей, как Б.Шинкуба, Я. Чочуа, М.Хашба, М. Ласуриа, Н. Квициниа, А. Гогуа и многих других, усилиями которых зазвучали на абхазском языке шедевры Пушкина, Байрона, Шекспира, Руставели, Лермонтова, А. Островского, Л.Толстого, Н. Гоголя, Горького, Фурманова, Фадеева, Лонгфелло, Лопе-де- Вега, Хемингуэя, А. Церетели, Н. Бараташвили, Блока, Маяковского, Есенина, К. Симонова М. Чикатуева и многих других.

Следует, отметить, что и сама абхазская литература не замыкается в рамках национальных границ. Лучшие произведения мастеров абхазского художественного слова широко переводятся на русский язык и многие другие языки ближнего и дальнего зарубежья. Благодаря переводу на другие языки широкое распространение и признания по всему читающему миру получили поэзия и проза Дмитрия Гулиа, Самсона Чанба, Иуа Когониа, Ивана Папаскира, Михаила Лакрба, Баграта Шинкуба, Ивана Тарба, Кумфа Ломиа, Алексея Гогуа, Нелли Тарба, Шалоди Аджинджал и др.

II.

Наука как определенная система знаний об окружающей действительности в целом или об отдельных ее отраслях в условиях Абхазии складывается сравнительно поздно, уже в советские годы. Однако задолго до этого, начиная еще с 30-40-х годов XIX века, зарождаются основы, или вернее сказать, зачатки научных знаний, связанные как с подвижнической деятельностью местных краеведов, любителей-энтузиастов, так и с неизменным интересом, проявляемым заезжими именитыми учеными и путешественниками к этому экзотическому краю и к его древнему аборигенному населению. К первой категории относятся такие местные интеллигенты-краеведы, как С. Званба, К, Мачавариани, В. Гарцкия, Н. Джанашия, П. Чарая, Д. Гулиа, Н. Патеипа, А. Чукбар, А. Чочуа, С. Чанба и др., ставшие известными своей просветительской и краеведческой деятельностью еще до революции, а некоторые из них (например, Д.Гулиа, А. Чочуа, С. Чанба…) в советские годы превратились в крупных научных, культурных и общественных деятелей. А ко второй категории мы причислили бы таких русских ученых, как П.К. Услар, И.А. Бартоломей, Н.Я. Марр, Н.М. Альбов и другие, которые активно содействовали становлению абхазоведения как науки не только непосредственными своими исследованиями, но и неутомимой научно-организационной деятельностью.

В этом отношении особое место в истории науки и общественной мысли Абхазии принадлежит славному роду Вороновых, насчитывающему уже несколько поколений знаменитых ученых и общественных деятелей, начиная от старшего среди них Н.И. Воронова, ученого обществоведа – сподвижника А. Герцена, Н. Огарева, Н. Чернышевского, организатора издательского дела на Кавказе («Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник статистических сведений о Кавказе», газета «Кавказ» и др.), обосновавшего имение «Ясочка» в горном историческом абхазском селе Цабал (Цебельда) еще во второй половине XIX в. (1874 г.). Традиции отца достойно продолжил его сын Ю.Н. Воронов – ученый биолог, отдавший много сил и энергии изучению флоры Абхазии. А уже в наше время представителем этого славного рода, перенявшим эстафету от знаменитых предков, выступил их не менее знаменитый праправнук Ю.Н. Воронов – крупный ученый-археолог, обогативший абхазскую (да не только абхазскую, но и всю кавказскую) историческую науку рядом фундаментальных исследований и отдавший свою жизнь непримиримой борьбе за освобождение родной для него Абхазии от национальной и колониальной независимости.

XIX – начало XX века в истории абхазской науки был периодом зарождения и становления, периодом накопления фактического банка, сбора и публикации полевого этнологического, археологического, лингвистического, фольклорного материала, приобретающего впоследствии характер ценнейшего первоисточника. С этой точки зрения, наибольший интерес представляют этнографические этюды С. Званба, фольклорно-этнографические и лингвистические материалы А. Иоакимова, В. Гарцкия, Н. Джанашия, К. Мачавариани, П. Чарая, Д. Гулиа и, конечно же, богатая коллекция фольклорных записей, произведенных так называемым «Бзыбским комитетом» по поручению и под непосредственным методическим руководством академика Н.Я. Марра в 10-х годах XX столетия, ныне хранящихся в Санкт-Петербургском отделении Архива Российской Академии наук (частично они были опубликованы лишь в 60-х годах молодым тогда фольклористом, ныне академиком АНА С.Л. Зухба).

С установлением советской власти в Абхазии, как и все другие отрасли экономики и культуры, абхазская наука (и гуманитарная, и естественная) встала на путь наиболее интенсивного и планомерного развития. Создаются первые научные организации: Абхазское научное общество (АбНО, 1922 г.) и Академия абхазского языка и литературы (1925 г.). Последняя – по инициативе академика Н.Я. Марра. Её председателями попеременно были А.М. Чочуа и Д.И. Гулиа.

Правда, эти первые научные организации не были еще в достаточной степени обеспечены соответствующими, теоретически подготовленными кадрами. В них были объединены, главным образом, любители-энтузиасты, краеведы, педагоги-практики, хозяйственные руководители. Привлекались специалисты и из других республик и областей.

Развернулась в широких по тем временам масштабах экспедиционно-собирательская, научно-исследовательская и издательская деятельность. Изучались не только проблемы истории и культуры, но не в меньшей степени и состояние экономики, природных условий, производительных сил, флоры и фауны Абхазии. Материалы публиковались в «Известиях» и «Трудах» АбНО, а также в специальных тематических сборниках и в виде монографических исследований. Таковы, например, труды Д.И. Гулиа «История Абхазии», «Абхазский общественно-терминологический словарь», «Божество охоты и охотничий язык у абхазов» и др., опубликованные в 20-х годах; первые профессиональные нотные за-

писи абхазских народных песен, включенные в сборники композитора-этнографа К. Ковача «101 абхазская песня» и «Песни кодорских абхазов» и т.д.

Все это было очень важно и нужно, но все-таки деятельность любителей-энтузиастов не могла подменить собой профессиональную науку. Нехватка профессиональных кадров особенно остро чувствовалась в области общественных наук. Необходимо было в спешном порядке воспитать научные кадры с основательной академической подготовкой. В этом отношении неоценимой оказалась помощь, безвозмездно оказанная академиком Н.Я. Марром Республике Абхазия. Под его руководством два молодых, талантливых выпускника Ленинградского Института востоковедения (Арсений Хашба и Виктор Кукба) прошли полный курс аспирантской подготовки, защитили первыми среди абхазов кандидатские диссертации в области абхазской филологии и в начале 30-х годов вернулись в родную республику.

Еще в 1930 году Академия абхазского языка и литературы была преобразована в Научно-исследовательский институт абхазского языка и литературы, а через год (1931 г.) на базе двух первых абхазских научных учреждений – Абхазского института языка и литературы и Абхазского научного общества (АбНО) был создан Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (АбНИИК), который призван был заниматься и действительно занимался исследованием материальной и духовной культуры Абхазии. Постепенно расширяясь и укрепляясь, неоднократно меняя свое название и ведомственную подчиненность (относился то к Наркомпросу Абхазии, то к Грузинскому филиалу АН СССР, то к АН Грузии, а с 1993 г. – к Академии наук Абхазии), Абхазский институт языка, литературы и истории (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА) превратился в подлинный научный центр абхазоведения, хотя и были тяжелые периоды, когда он переживал острые критические моменты (особенно с 1937 г. по 1953 г.)

Уже с начала 30-х годов, рядом с Д.И. Гулиа, здесь работают первые абхазские профессиональные ученые А. Хашба и В.Кукба – ученики академика Н.Я. Марра. В те же годы вливаются в коллектив института такие ученые, как А. Фадеев, А. Олонецкий, И. Аджинджал, И. Антелава, К. Шакрыл, Х. Бгажба, Г. Дзидзария и др., многие из которых впоследствии стали ведущими специалистами в различных отраслях науки, их имена широко известны не только в Республике Абхазия, но и далеко за ее пределами.

Несмотря на тяжелые военные и послевоенные годы исследовательская работа в стенах этого института никогда не затухала. В эти годы коллектив института пополнился такими учеными-абхазоведами, как Ш. Инал-ипа, З. Анчабадзе, Б. Шинкуба, М. Трапш, Л. Акаба, Ц. Бжания, А. Куправа, М. Циклоия, В. Пачулия, А. Абшилава и др.

Подготовка профессиональных кадров-абхазоведов значительно усилилась начиная с 50-х, особенно со второй половины 50-х и 60-х годов XX столетия. Кадры готовились, главным образом, в Москве, Тбилиси, Ленинграде и других научных центрах бывшей Страны Советов. Именно воспитанники этих научных центров составили основной костяк коллективов и Абхазского института, и Сухумского госпединститута (ныне Абгосуниверситета). К ним относятся языковеды, ныне академики АНА Ш. Арстаа и Л. Чкадуа, а также сестры Е. и Т.Шакрыл, сестры В. и С. Амичба, Р. Гублиа, В. Конджария, В. Кварчия, А. и В. Касландзия, Н. Аршба, Э. Килаба, Л. Хагба, А. Хеция, Т. Халбад, Б. Джонуа, Л. Саманба, литературоведы и фольклористы: академики АНА С. Зухба, М, Ласуриа, В. Цвинария, М. Ладария, З. Джапуа, а также Дж. Адлейба, В. Бигуаа, Е. Бебия, В. Дарса-

лия,А. Аншба, В. Когония, Ц. Габниа, Р. Хашба, Р. Капба, Д. Аджинджал, С. Тапагуа, Л. Хибба, А. Ашуба; историки, этнографы, археологи, академики АНА: В. Ардзинба, Б. Сагария, О. Бгажба, Г. Шамба, а также Ю. Воронов, Л. Шервашидзе, Л. Хрушкова, Х. Аргун, Л. Шервашидзе, С. Шамба, Г. Лежава, Л. Хрушкова, Г. Амичба, С. Лакоба, М. Гунба, Е. Малия, Ю.Аргун, В. Бжания, Ю. Анчабадзе, И. Цвинария, А. Хашба, А. Габелия, И. Агрба, Т. Ачугба, Р. Кация, В. Пачулиа, П. Квициния, Г. Тарджман-ипа (Копешавидзе), С. Дбар, В. Бутба, Г. Гумба; искусствоведы: А. Аргун, А. Кация, А. Отырба, А. Гумба; экономисты: Б. Ашуба, Н. Бушина, Р. Лагвилава, Я. Феизба, О. Шамба, А. Гулиа, В. Аршба, З. Шалашава, И. Ардзинба, К. Гогиа, М. Квициниа; юристы: Т. Шамба, Г. Колбая, С. Смыр, В. Микадзе и др.

Многие из названных ученых, к сожалению, уже ушли из жизни, другие продолжают плодотворно работать в стенах АбИГИ, АГУ, на ответственных государственных постах в Республике Абхазия и за ее пределами.

Во всех отраслях абхазоведения имеются значительные успехи. Созданы обобщающие коллективные труды, а также индивидуальные фундаментальные монографические исследования. Однако, далеко не все проблемы еще исчерпаны. Из публикаций в области абхазоведения в первую очередь должны быть названы такие обобщающие труды, как: «Грамматика абхазского языка», «Русско-абхазский словарь», «Словарь абхазского языка» в 2 т., «Очерки истории абхазской литературы», «Очерки истории Абхазской АССР» в 2 т.; «История Абхазии» (учебник), а также такие монографии крупнейших абхазоведов: Г.А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX в.», Ш.Д. Инал-ипа «Абхазы», З.В, Анчабадзе «История и культура древней Абхазии» и «Из истории средневековой Абхазии», Х.С. Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка», М.М. Трапш «Труды» (в 4 т.), Ш.К. Арстаа и Л.П. Чкадуа «Грамматика абхазского литературного языка» и мн. др.

Картина абхазской науки была бы, несомненно, однобокой, ущербной, если бы ее ограничили только рамками гуманитарных дисциплин. В Абхазии успешно развиваются и естественные науки: медико-биологические, сельскохозяйственные, физико-математические и технические науки. Основы некоторых из них были заложены еще в XIX в., как, например, знаменитый Сухумский ботанический сад (1840г.), на базе которого впоследствии был создан ныне функционирующий Институт ботаники АНА.

В советские годы в Республики Абхазия был основан ряд крупных научных институтов всесоюзного или республиканского значения, такие, как: Институт экспериментальной патологии и терапии Академии медицинских наук СССР (на базе Сухумского обезьяньего питомника), Сухумский физико-технический институт, Институт акустики (ныне Гидрофизический институт), Институт курортологии, Всесоюзный научно-исследовательский институт чая и субтропических культур (ВНИИЧиСК), Сухумская опытная станция Всесоюзного института растениеводства и др.

Каждый из этих институтов функционировал как самостоятельное научное учреждение, подведомственное всесоюзному или республиканскому отраслевому министерству или головному научному центру в Москве, Тбилиси, Ленинграде, Краснодаре и т.д. В них работали или продолжают работать десятки и сотни крупных ученых, таких как Б. Лапин, А. Колаковский, В. Старцев, М. Максимов, Г. Айба, Р. Швангеридзе, А. Марколия, С. Бебия, Л. Айба, Ш. Джалагония и др. Широкой известностью и за пределами республики пользуется имя абхазского математика, ректора Абхазского госуниверситета, академика А.А. Гварамия.

После распада ССР, бывшей великой державы, и после грузино-абхазской войны 1992-1993 годов положение в науке, как и во всех других областях экономической, политической и духовной жизни Абхазии, резко изменилось. С одной стороны, долгожданная и желанная национальная и социальная свобода, за которую отчаянно и самоотверженно боролся народ против грузинского шовинизма и в годы меньшевистского господства в крае (1918-1921 гг.), и практически беспрерывно в течение всех советских лет, а с другой стороны, страшная экономическая разруха и политическая неопределенность, усугубленные продолжающейся годами экономической, идеологической, информационной блокадой со стороны окружающего мира, создают в стране нестабильное, напряженное социально-экономическое и политическое положение, которое, конечно, сказывалось отрицательно на всех сферах жизни, в том числе и на науке.

После распада СССР и фактического отложения Абхазии от Грузии в результате грузино-абхазской войны 1992-1993 гг., научные учреждения Абхазии, ранее принадлежавшие всесоюзным или грузинским республиканским министерствам и ведомствам, оказались разобщенными, разрозненными, представленными самому себе, без ведомственной крыши над головой. Необходимо было, прежде всего, сохранить эти коллективы, их богатую исследовательскую материально-техническую базу и научный потенциал, что нелегко было осуществить в условиях страшной экономической разрухи и объявленной молодой республике экономической и политической блокады.

Наиболее оптимальным, если не единственным, выходом из сложившегося положения было признано создание Академии наук, которая объединила бы под своей крышей все научные учреждения республики. И буквально через два месяца с небольшим после окончания грузино-абхазской войны Верховный Совет Республики Абхазия принимает Постановление о создании Академии наук (12 декабря 1993 г.). Однако в тех тяжелых экономических, финансовых условиях быстро решить вопрос этот не удалось, пришлось несколько отодвинуть сроки его исполнения. И тем не менее в марте 1997 г. Президент Республики Абхазия издает Указ «Об образовании Академии наук Республики Абхазия». Был создан Оргкомитет, который провел необходимую работу по подготовке и проведению учредительного собрания Академии. Объединенным Ученым советом разового функционирования с участием членов отраслевых академий наук Российской Федерации 30 октября 1997 года был избран первый состав действительных членов (академиков), членов-корреспондентов и иностранных почетных членов Академии наук Абхазии. Первым президентом Академии стал известный ученый языковед Ш.К. Арстаа, вице-президентом – академик Г.Г. Айба, ботаник по специальности. После учредительного собрания еще дважды проводились выборы в Академию наук.

В настоящее время Академия состоит из 3 отделений: 1) Отделение гуманитарных и социальных наук, 2) Отделение физико-математических и технических наук и 3) Отделение биологических, сельскохозяйственных наук и наук о Земле. Академия издает свой ежегодный печатный орган «Вестник АНА», первый выпуск которого был осуществлен в 2005 году.

В последние годы науке уделяется больше внимания и со стороны руководства Республики Абхазия. Принят «Закон о науке и научно-технической политике» (август 2005г.), учреждена Государственная премия Республики Абхазия им. Г.А. Дзидзария в области науки. Первыми ее лауреатами стали ведущие ученые Абхазии: академики республиканской академии Ш.К. Арстаа, Л.П. Чкадуа, Г.К. Шамба и доктора наук, профессора С.М. Бебия и В.Е. Кварчия.

Знаковым событием в научной жизни республики было признано заключение «Соглашения о научно-техническом сотрудничестве между Российской Академией наук и Академией наук Абхазии» (ноябрь 2005г.). На базе этого соглашения значительно расширяется сотрудничество научных учреждений Академии наук Абхазии с головными научными институтами России.

Литература

I.

История абхазской литературы. Ч. I. Сухум, 1986 (на абх.яз.).

Очерки истории абхазской литературы. Сухум, 1974.

Абхазская литература. Краткий очерк. Сухум, 1968.

Бгажба Х.С. и Зелинский К.Л. Дмитрий Гулиа. Критико-биографический очерк. М., 1956.

Бгажба Х.С. Этюды и исследования. Сухум, 1974.

Инал-ипа Ш.Д. Из истории абхазской литературы. Сухум, 1961 (на абх.яз.).

Инал-ипа Ш.Д. Заметки о развитии абхазской литературы. Сухум, 1967.

Дарсалия В.В. Абхазская советская драматургия. Тбилиси, 1968.

Дарсалия В.В. Абхазская проза 20-60-х годов. Тбилиси, 1980.

Цвинария В.Л. Творчество Б.В. Шинкуба. Лирика. Эпос. Поэтика. Тбилиси, 1970.

Лакоба Н.П. Самсон Чанба. Жизнь и творчество. Сухум, 1972.

Ласуриа М.Т. Творчество И.А. Когониа и развитие эпических жанров в абхазской советской поэзии. Сухум, 1979.

Авидзба В.Ш. Абхазский роман. Сухум, 1997.

Бигуаа В.А. Абхазский исторический роман. История. Типология. Поэтика. М., 2003.

Гулиа Г.Д. Дмитрий Гулиа. Повесть о моем отце. ЖЗЛ. М., 1962.

Салакая Ш.Х. В ногу со временем. Сухум, 1989.

II.

Авидзба В.Ш. Абхазский институт гуманитарных исследований: прошлое и настоящее// Новая Евразия: Россия и страны ближнего Зарубежья, №13, М. 2002, с. 40-49.

Бгажба Х.С. К истории Абхазского института // Труды Абхазского ин-та ЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Вып. 32, Сухуми, 1961. – С. 197-204.

Дзидзария Г.А. Расцвет науки // Абхазская АССР в братской семье советских народов. Сухум, 1972. – С. 119-132.

Салакая Ш.Х. Центр абхазоведения. Сухум, 1982.

Салакая Ш.Х. К истории создания Академии наук Абхазии // Вестник АНА, №1, 2005. – С. 7-11.

Арсҭаа Ш. К.

Ажәаҳәа хәҭаҟәа рпроблема аҧсуа бызшәаҽы

Иарбанзаалак абызшәа ажәартә еилазаара ажәаҳәа хәҭала ашара атеориатә шьаҭаҟәа рышьҭацара аҭоурых ду амоуп. Антикатәи аҭцааҩцәа иаадыркны иахьа уажәырааныза ари апроблема иазкны иҟаҵоу маҷзам[1]. Ари апроблема иадҧхьалоуп абызшәадырратә ҭцаарадыррақәа рыдагьы алогикатә, апсихологиатә, афизиологиатә уҳәа аҭцаарадыррақәа рыҟәҽиарақәагьы. (Аха ус егьа иҟазаргьы, иахьа уажәырааныза агәаанагаратә еиҽагыларақәа ирҭымҵыц, избатәу азҵаарақәа ыҟоуп).

Иҧышәоуп ажәаҳәа хәҭаҟәа аклассификациа рзураҽы еиуеиҧшым азнеишьақәа – алексикатә-грамматикатә, аморфологиатә, асинтаксистә, акомплекстә уҳәа уб. иҵ. Убарҵқәа ирыбзоураны ишьақәыргылахаз убри ауп: а) ахшыҩтәара, уи алогикатә закәанқәа ауаатәыҩса зегьы изларзеиҧшу ала, ахшыҩзцареи абызшәеи рышьхәа ҕәҕәала излеивҵоу ала еиуеиҧшым абызшәақәа рҟны ажәақәа ажәаҳәа хәҭала ршараҟны иҟоуп хымҧада ауниверсалтә ҟазшьақәа змоу азакәанқәа. Иарбан бызшәазаалак аҟны, уи грамматикатә еилазаашьала иамазаалак, иазҷыдароуп арҽиара, апроцесс аазырҧшуа ажәақәа, амаҭәартә ҵакы аазырҧшуа ажәақәа, амаҭәар аҟазшьа аазырҧшуа ажәақәа. Иҟоуп иара убас иҵегь иҭбаау аобстраттә ҵакы змоу, ацхыраагзатәқәа ҳәа изышьҭоу ажәақәа. Иарбанзаалак абызшәа ахшыҩзцара артәареи акоммуникативтә функциа анагзареи иазҟаҵоуп ҧсабарала, ус анакуха ажәаҳәа хәҭақәа ралкаара иазышьҭаҧазар алшоит азеиҧш, ауниверсалтә ҟазшьа змоу атеориатә шьаҭа. Ари агәаанагара ганкахьала уахәаҧшузар, иҵабыргу мҩоуп уҳәартә иҟоуп, аха рыцҳарас иҟалаз, апрактикаҽы имаҷымкәа аҽагыларақәа аиуит. Иарбанзаалак аҭцаарадыррратә классификация логикала аиҽагылара амамзароуп, абызшәтәқәагьы уахь иналаҵаны, изызку, иаҳҳәап, абызшәатә материал уи иаҽамгылозароуп. Ус ианыҟамла, ҭцаарадыррратә классификациахом ҳәа ирыҧхьазоит. Аха ус иҟоу, аиҽагылара змам ауниверсалтә теориатә шьаҭа зыҟамлеит. Абызшәақәа зегьы ирзеиҧшу акәым, бызшәак аҩнуҵҟагьы ажәаҳәа хәҭақәа ршара ҧкара маҵарак ала ҟазшьа амам зҳәогьы ҟалеит. Абарҵкәа ирыхҟьаны иҟәымгылар амуит азҵаара, изыхҟьозеи, изыруадаҩуазеи абри апроблема азбара? Иҟоуп агәаанагарақәа ахархәара змоу аметодқәеи аметодикаҟәеи маншәаламзар, избатәызар зынза даеа знеишьак уҳәа уб. иҵ. Атеоретикцәа аклассикатә ҳәа изышьҭоу аклассификациа адагьы рхы иадырхәахьеит егьырҵ аклассификациаҟәагьы, аха урҵ макьана азеиҧшзхаҵара рымам[2].

Ганкахьала уахәаҧшуазар, уаҩы иҵьеишьартә иҟоуп: атеоретикцәа усс ирымазам абызшәа ашьақәыргылара, уи ҧсабарала ишьақәгылоуп, афункциақәагьы заманала инанагзоит. Атеоретикцәа ируалу убри ҧсабарала ирҽиоу, зфункциақәагьы ҟәҽиарала иназыгзо ауаҩытәыҩса

---

[1] Ажәаҳәа хәҭаҟәа рпроблема еиҧшым абызшәақәа рҟны иазкны интенсивла аусура мҩаҧган еиҳарак. 1950 – 1960-тәи ашыҟәсҟәа рзы. Уахә.: Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Учёного совета Института языкознания АН СССР, посвящённом дискуссии о проблеме частей речи в языках различных типов, М., 1954.; Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов, Л., «Наука», 1968.

[2] Уахә. Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов, Л., 1968, стр. 107 – 115; 185 – 190…

ибызшәа закәан еиуаршәас иамоу ашьакәыргылара ауп. Аха иара уигьы даара ихьанҭахеит, ҟаҵашьа амам зҳәоғьы ҟалеит[1]. Ажәа, ишдыру еиԥш, афункциа рацәа амоуп. Уи иахәаԥшуеит лексикологиатә акны, уи иахәаԥшуеит аморфологиа иҭнаҵааua обиектны, уи иахәаԥшуеит синтаксистә акны уб. иҵ. Ус анакәха, ажәа ҭцаатәуп убарҭ аҭцаарадыррақәа ирыцааиуа аметодқәа рыла. Убарҭ аметодқәа рыла комплексла, ганрацәала ажәа ҭцаазар, издыруада, ажәаҳәа хәҭақәа рпроблема аҭцаара еиҳа иманшәалахар. Аха уи азнеишьа абызшәаҭцаоцәа аиҳараоык шадгылогьы, апроблема ацыхәтәанза иазымызбеит. Еилкааup, иарбанзаалак абызшәа асемантикатә-грамматикатә ҷыдарақәа азгәамҭакәа ажәаҳәа хәҭақәа рпроблема збашьа амам. Аха абызшәа ҷыдарас иамазаалак ажәақәа ажәаҳәа хәҭала ршара узавсуам, ажәақәа даеа шашьак рымазароуп ҳәа згәы иаанаго атеоретикцәа шыҟоугьы.

Ажәаҳәа хәҭала иршо ажәақәа роуп, ус анакәха рапҳьаза иргыланы ишьақәыргылазароуп ажәа захьзу аилкаара хьаҳәаԥаҳәада. Аха иара уигьы мариамхеит, инагзаҵәҟьаны збашьа аимуит иахьа уажәраанзагьы. Ганкахьала уахәаԥшуазар, ари апроблема азбара уадаорас иалоузеи, ажәа ажәа ауп уҳәартә иҟоуп. Аха ҭцаарадыррала азнеира аан ауадаорақәа цәырҵуеит. Ажәа, ишдыру еиԥш, иамазароуп ахатәы конкреттә жәартә ҵакы, ажәа иамазароуп аҳәаақәа – иахьалаго, иахьынҵәо, ажәа аонуҵҟа ишаны иатәым даеа ажәак заламлозароуп, ажәа иалшозароуп аҳәоу хәҭатә функциа анагзара уб. иҵ. Аха иарбан бызшәазаалак аҷы иҟоуп ажәа зда ихәарҭам ачыдарақәа ҳәа ирыԥхьазо змам, аха ажәаҳәа зда ихәарҭам акҟәагьы. Убас иҟоуп, иаҳҳәап, аԥсшәаҷы аидҳәалагақәа и, гьы, ахәҭачҟәа ҷьоукы, ашьҭынгылақәа, абыжьҭҟьақәа уҳәа уб. иҵ. Урҭ ҳәоу хәҭасгьы изыҟалом, ҳәарада. Аха ажәаҳәа хымԥада иаҭахуп, инарыгзоит еуеиԥшым асинтаксистә функциақәа. Урҭ ацхыраагзатә ажәаҳәа хәҭақәа ҳәа иалыркааит, аха уи иазызбом ажәа апроблема. Иҟоуп ацхыраагзатә ажәақәа ҳәа изышьҭоу ҷыдара рацәала зхала иҟоу ажәақәа излорҷеагыло ала урҭ ирхыԥхьазалатәым ҳәа зҳәо абызшәадырыоцәагьы[2].

Ажәеи ажәаҳәа хәҭеи шеидҳәалоу еилкааup. Ус анакәха, ажәа захьзу еилгамзар, шьақәыргылашьас иамоузеи ажәаҳәа хәҭа?

Рацәак уаоы ихәом аморфологиатә знеишьагьы, избан акәзар абызшәақәа зегьы рҷы иҟоуп аморфологиатә ажәаԥсахра змам ажәақәагьы, иаҳҳәап, ацынгылақәа, ҳарҟәаҵып ацхыраагзатәқәа ҳәа изышьҭоу ажәақәагьы. Уимоу аморфологиатә ажәаԥсахра змам абызшәақәагьы ыҟоуп, ишдыру еиԥш.

Асинтаксистә знеишьагьы апроблема азызбом, избан акәзар, синтаксистә функциа мацарак иазку ажәақәагьы ыҟазам.

Абызшәа еиднакыло ажәақәа, уи афункциа хада, акоммуникативтә функциа, анагзарақәы ахы ианархәо аелементқәа ртцаара хымԥада иаҭахуп, узавсуам. Уи абызшәа ҭцаарадыррала аҭцаара адагьы, апрактикатә цак дугьы амоуп. Избан акәзар уи иаҭахуп атәым бызшәақәа

[1] Убас, хыхь иаҳарбаз аусумҭаҷы ҳаԥхьоит: «Оставляя в стороне взгляды тех, кто считает вопрос о традиционных частях речи вопросом вечным и по существу в свете требований современной науки о языке неразрешимым, можно охарактеризовать несколько методических подходов и теоретических направлений, принадлежащих сторонникам позитивного решения проблемы.(Указ. раб. стр. 3).

[2] Уахә.: Вопросы теории частей речи… стр. 40.

рҵаразы, ашколҟәа, авузҟәа рҟны абызшәаҟәа рҭҵааразы, еиуеиԥшым ажәарҟәа реиҟәыршәаразы убас ирацәазаны.

Ҳәарас иаҭахузеи, зегьы еизҽакны ирыдыркылаз ажәаҟәа рклассификациа иазку атеориатә шьаҭаҟәа шьаҟәгылааныза абызшәа аҭҵаара уаҩ дзаҟәыҵуам.

Ус анакәха, иҟоу атеориатә знеишьаҟәа рҟнытә еиҳарак алҵшәа змоу ҳәа ирыԥхьазо ахархәара аҭатәуп, иҟәыҟәатәуп иарбанзаалак абызшәа аҭҵаара аан. Ус иҟоу ҳәа ирыԥхьазо макьаназы ажәаҟәа рклассификациа комплексла азнеира ауп. Даеакала иаҳҳәозар, ажәаҟәа аклассификациа рзура аан иазгәаҭалатәуп урҭ рлексикатә-грамматикатә ҿыдараҟәа, рморфологиатә еилазаашьа аҿыдара, рсинтаксистә функциаҟәа рынагзараҽы иаадырԥшуа аҿыдараҟәа.

Аус злоу, абызшәа иацәтәыму аԥҟара ҟаҵаны, уи иҭасҵалоит ҳәа уалагар, егьалҵуам. Абызшәа иԥсабаратәу иара азакәанҟәа рыла ишьаҟәгылоуп, убарҭ азакәанҟәа ииашаны иаарԥштәуп. Усҟан абызшәатә акҟәа рҭҵаареи рфункциаҟәа раарԥшреи еиҳа иманшәалахоит..

Ажәаҟәа рлексикатә ҿыдараҟәа рыла ҳанрыхәаԥшуа, иазгәаҳамҭарц залшом урҭ ишшо ихадоу ҩгәыԥкны: иалкаау зхатә жәартә ҵакы змоу ажәаҟәа, иалкаау зхатәы жәартә ҵакы змам ажәаҟәа. Зхатә жәартә ҵакы змоу ажәаҟәа зхала иҟоу, ихадоу (ихадоу, ихадам абызшәаҽы ишыҟамгьы) ажәаҟәа хәҵаҟәа ҳәа ирышьҭоуп. Аха арагьы иаҳҿагыло афактҟәа ыҟоуп. Убас, рхатә жәартә ҵакы шрымоугьы, рҳәааҟәа шрымоугьы, рхатәы морфологиатә еилазаашьаҟәа шрымоугьы, синтаксистә функциалагьы ишхәыдамгьы, зхала иҟоу ирхымԥхьазалам алахәыраҟәеи, арлахәыраҟәеи, амасдари (еиԥшым абызшәаҟәа рҟны иҟазар ауеит егьырҭ ажәа хккәагьы).

Урҭ рыдагьы проблема хьанҵаны иҟоуп ахьызцынхәреи аԥхьазара хьзи рсемантикатә ҿыдараҟәагьы. Урҭ, ишдыру ейԥш, аконкреттә жәартә ҵакы рымазам, абстракттә семантикоуп ирымоу, иаадырԥшуа аҵакы иарбанзаалак иалкаау еилкаареи иадҳәалазам абызшәаҟәа зегьы рҟны. Убри иаҽырԥшны урҭ аҵхыраагзатә ажәаҳәа хәҵаҟәа ирхыԥхьазалазар еиҵзар ҟалап ҳәа згәы иаанаго атеоретикцәагьы ыҟоуп[1]. Убас Ф. Буслаев ахьызцынхәреи аԥхьазара хьзи аҵхыраагзатә ажәаҳәа хәҵаҟәа ирхыԥхьазалатәуп ҳәа ипхьазон[2].

Ажәа асемантикатә-грамматикатә ҵакала ианазнеиуа, иазгәарҭоит еидыркыло ажәаҟәа еицырзеиԥшу аграмматикатә семантика. Иаҳҳәап, ахьызҟа ажәа асемантикатә-грамматикатә ҵакала ианазнеиуа, иазгәарҭоит еидыркыло ажәаҟәа еицырзеиԥшу аграмматикатә семантика. Уи азеиԥш маҭәартә ҵакоуп, аҟаҵарбазы арҽиара, апроцесс арԥшроуп, аҟазшьарбазы – аҟазшьа уҳәа уб.иҵ. Азеиԥш грамматикатә семантика мап аҵәызҟо, уи грамматикатә еилкаарам ҳәа изыԥхьазо абызшәаҭҵааҩцәагьы ыҟоуп[3]. Аха еиҳараҩык уи рыдыркылоит. Арагьы уадеҩрас иҟоу убри ауп, абарҭ аҵакҟәа еиԥшым абызшәаҟәа рҟны ирыцааиуам еиԥшу аграмматикатә формаҟәа. Иаҳҳәап, ахьызҟа абызшәаҟәа зегьы рҟны иамоуп азеиԥш граматикатә маҭәартә ҵакы, аха бызшәаҟәак рҽы уи иацаиуеит ахыԥхьазаратә, ародтә, ападежтә категориаҟәа, иаҳҳәап, аурышәаҽы, даеа бызшәаҟәак рҽы

---

[1] Уахә.: Александров Н. М. К вопросу о классификации частей речи в индоевропейских языках. Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов, Л., 1968, стр. 107.

[2] Уахә.: Буслаев Ф. Историческая грамматика русского языка., М., 1959, стр. 288.

[3] Уахә.:Русская грамматика, изд. «Наука». М., 1982. том I, стр. 460.

ахьызҟа аматәартә ҵакы шамоугьы, падежлагьы родлагьы аҽеаԥсахзом. Падежла, родла аҽеаԥсахуам аԥсуа бызшәаҟны аҟазшьарбагьы, егьырҭ ахьызҟәагьы. Ус анакәха, аԥсуа бызшәаҟны ахьызҟа хазы ажәаҳәа хәҭаны алкааразы ападежтә, ародтә категориаҟәа амазароуп ҳәа аԥхьазара залшом. Ажәакала иаҳҳәозар, зхала иҟоу ажәаҳәа хәҭаҟәа зеиԥш грамматикатә ҵакыла абызшәаҟәа зегьы рҽы ишеиҟәшәогьы, урҭ ирыцааиуа аморфологиатә ажәаԥсахраҟәа рыла еиҟәшәом. Ус анакәха, аморфологиатә знеишьала ажәаҳәа хәҭаҟәа аналаҳҟааua, бызшәак ачыдараҟәа даеа бызшәак ахь ииамгакәа, абызшәаҟәа дасу ирымо ачыдараҟәа ааҳарԥшыроуп, урҭ ҳрыҟәыҟәароуп.

Ажәаҳәа хәҭаҟәа ркласификациа синткасистә знеишьала ҳанахәаԥшуагьы, иҭаҳцааua абызшәа асинтаксистә еилазаара ачыдараҟәа ҳрыҟәыҟәароуп. Ари абызшәадырратә литератураҽы ишьаҟәдыргылеижьҭеи акырцуеит. Аха ажәа захьзу аилкаара ауниверсалтә ҟазшьа амазароуп, абызшәаҟәа зегьы ирзеиԥшхароуп уҳәартә иҟоуп Аԥсуа бызшәаҟны ажәаҳәа хәҭаҟәа ркласификациа атеориатә зцаараҟәа ирызку аҭцаарадырратә усумҭа макьана иаԥцазам, уи аԥцарагьы иаарласны иамуазар акәхап. Иҟоуп ари апроблема иазку статиа заҵәык, аха иара уигьы азцаара аҟәыргыларoуп изызку[1].

Кавказтәи абызшәаҟәа рҭцаара иазку аҭцаарадырратә литератураҽы иҟоуп агәаанагара аԥсуа-адыга бызшәаҟәа рҟны ахьызҟатә шьаҭаҟәеи аҟаҵарбатә шьаҭаҟәа имачны еиҟәыҭхаауп, реодыраара ауадаоурақәа ацуп ҳәа. Ауадаоурақәа ҟазҵо ҷыдараны иазгәарҭоит, урҭ еицрзеиԥшу ажәахырҽиааратә маҭәахәҟәак ахьаҳԥыло адагьы, иарбанзаалак ахьызтә шьаҭа имарианы аҟаҵарбатә морфологиатә маҭәахәҟәа шьҭнахуеит ҳәа иахьырыԥхьазо иабзоураны. Иаҳҳәап, арԥыс – дарԥысуп, ауаоы – дуаоуп, ахьы – ихьуп, аҵла – иҵлоуп уб.иҵ. Ара ахьызҟатә шьаҭаҟәа, ишаабо еиԥш, ишьҭырхуеит аҟаҵарбатә шьаҭаҟәа ирызҷыдароу ахаҽытә, аркьынаатә, аамҭатә формаҟәа. Ари еиԥш аҭагылазаашьа ахьыхԥыло егьырҭ абызшәаҟәагьы ыҟоуп. Иаҳҳәап, П. А. Скорик излазгәеиҭо ала, ахьызҟа ачукот бызшәаҟны ахаҽытә категриа амоуп. Н. М. Терешьенко игәаанагарала, ахьызҟа аненец бызшәаҽы аамҭатә категориагьы амоуп[2].

Ииашаҵәкьаны аԥсуа-адыга бызшәаҟәа рҟны ахьызҟатә шьаҭаҟәа рыдагьы, иарбанзаалак ажәашьаҭа иалшоит ишьҭнахыр ахаҽытә, аамҭатә, аркьынаатә формаҟәа. Иаҳҳәап, аҟазшьарбатә шьаҭа: абзиа – ибзиоуп, аԥшза – дыԥшзоуп, аҟаԥшь – иҟԥшьуп; ацынгылатә шьаҭаҟәа: ахара – ихароуп, ара – ароуп, ана – аноуп, ҵаҟа – ҵаҟоуп; аԥхьазара хьзытә шьаҭа: хәба – хәбоуп, жәаба – жәабоуп уб.иҵ.

Абызшәадырыоцәа мачымкәа абас иҳауз ажәаҟәа ҟаҵарбаҟәоуп ҳәа ирыԥхьазоит. Ари агәаанагара иашазар, абас иҟоу абызшәаҟәа рҟны ажәаҟәа жәаҳәа хәҭала маорфологиатә ҷыдараҟәа ирыҟәыҟәаны ршара даара иуадаохоит. Аха ара, ҳара ҳгәы излаанаго ала, рыцҳарас иҟалаз убри ауп, еилыргам ажәахырҽиааратә еилкаараҟәеи, аморфологиатә еилкараҟәеи, асинтаксистә еилкаараҟәеи. Иарбан бызшәазаалак аҟны ахаҽытә, аамҭатә, аркьынаатә формантҟәа ажәахырҽиааратә маҭәахәҟәазам, урҭ морфологиатә рбагоуп, урҭ рхархәарала ажәа ҽыцҟәа ҳаузом. Аԥсуа-адыга бызшәаҟәа рҟны ахьызтә шьаҭаҟәа адхаларатә

[1] Гецадзе И. О. О частях речи в абхазском языке (к постановке вопроса). Вопросы теории частей речи на мат.языков различных типов. Л., 1968, стр. 245.

[2] Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка, ч. I, М.-Л., стр. 216.

формаҽы адхаларатә хаҽытә ԥынгылаԛәа шьҭнахуеит: с-лаба, с-ышәҟәы, с-шьа, с-ыԥшза, с-ыхәба, у-лаба, ҳ-аѡны б.иҵ. Ишаабо еиԥш, адхаларатә ахаҽытә ԥынгылаԛәа ара иаадырԥшуеит ахаҽы, ахыԥхьазара, акласс (аѡбатәи, ахԥатәи ах.азаҵә хыԥхьазааҽы). Иаанагома ари ахьызҟа (егьырҭ ажәаԛәагьы) хаҽыла, классла аиҭакра рымоуп ҳәа? Иаанагазом, ҳәарас иаҭахузеи. Избан акәзар абарҭ акатегориаԛәа зыдҳәалоу ахьызтә шьаҭаԛәа адхаларатә ҵакала иҳәаԛәызҵо ажәаԛәа роуп. Убас, с-ышәҟәы иаанаго сара с-ышәҟәы ҳәа ауп, иара убас уара у-шәҟәы, лара л-ышәҟәы, ҳра ҳ-аѡны, Алис и-ҭаацәара уб.иҵ. Адхаларатә хаҽытә ԥынгылаԛәа иаадырԥшуа аҵакԛәа рԟнытә ахьызтә шьаҭаԛәа иртәу адхаларатә ҵакоуп. Убри азоуп адхаларатә форма змоу ажәа хыԥхьазарала аиҽагылара аан изцәырҵуа азаҵә хыԥхьазараҽы аноль рбага, арацәа хыԥхьазараҽы асуффиксԛәа -ԛәа, -ҵәа: с-лаба – с-лаба-ԛәа, ҳ-лаба – ҳ-лаба-ԛәа, ҳ-аԛкәына – ҳ-аԛкын-ҵәа. Ахыԥхьазаратә еиҽагылараԛәа адхаларатә хаҽытә ԥынгылаԛәа иаадырԥшуа ахьызтә шьаҭа иатәызҭгьы, асуффиксԛәа рыла уи аарԥшра аҭаххазомызт. Ишдыру еиԥш, ибанзаалак ажәа аморфологиатә форма ѡынтә аарԥшра аҭахзам. Убас иԟоуп акласстә ҵакԛәагьы. Адхаларатә формаҽы ахьызтә шьаҭа иацло адхаларатә хаҽытә ԥынгылаԛәа л, и, у, б... иаадырԥшуеит акласстә еиҽагыларәәагьы. Ара еиҽагылоит аҳәса, ахацәа, аматәар класстә формаԛәа. Урҭ ахьызҟа иатәуп ҳәа иҳаԥхьазар, иаанаго убри ауп ахьызтә шьаҭаҽы иҳамоуп акласстә еиҽагылараԛәа ҳәа, ахьыз иамоуп классла аҽыԥсахра ҳәа. Ишаадыруа еиԥш, ҳбызшәаԛәа рҽы акласстә категориа ахьызԛәа рԟны ажәаԥсахрадатә морфологиатә категориоуп, ажәаԥсахратә морфологиатә категориазам. Даҽакала иаххәозар, ахьыз классла аҽаԥсахзом, класстә формакауп иаанахәо, - ауаѡытәыѡсатә класс ма аматәар класс. Адхаларатә формаҽы иҳаоуп у-лаба, б-лаба, и-лаба. Арҭ аиҽагылараԛәа ахьз иатәызар, ажәа **алаба** зны аҳәса ркласс иатәуп – л-лаба, б-лаба, даҽазных – ахацәа ркласс – и-лаба, у-лаба. Аха ишадыруа еиԥш, ахьызҟаҽы аҳәса, ахацәа рклассԛәа рыла аиҽагылара ыԟазам, ара иҳамоу ауаѡытәыѡса икласси аматәар класси роуп, иара урҭгьы префиксла акәымкәа суффиксла ауп ишарбоу: ашәҟә-ԛәа, аԛкәын-ҵәа.

Ара иҳамоу синтаксистә акуп, морфологиатә акзам. С-лаба иаанаго сара слаба ҳәа ауп, **ашәҟәы аасхәеит** иаанаго сара ашәҟәы аасхәеит ҳәа шакәу еиԥш. ахаҽытә еиҽагылараԛәагьы ахьыз ашҟа ус рымазам, ахьз аморфологиатә парадигмаҽы ахаҽытә еиҽагылара ҳамазам, уи зегьы ирдыруеит.

Ахьызтә шьаҭаԛәа аамҭатә, аркьынаатә формаԛәа анышьҭырхуа мзызс иамоузеи? Зегьы ишеицырдыруа еиԥш, ахьыз аморфологиатә парадигмаҽы ахаҽытә, аамҭатә, аркьынатә еиҽагылараԛәа ҳамазам. Ара ахьз акәзам ахаҽытә, аамҭатә, аркьынаатә формаԛәа шьҭызхуа, азҳәа ауп. Иарбанзаалак ажәа ҳара ҳбызшәаԛәа рԟны азҳәа апозициаҽы иангылалак, иаднакылоит апредикативтә ҵакы ашьаԛәгыларазы иаҭаху асинтаксистә категориаԛәа. Убас, аурыс бызшәа аԟнытә аԥсшәахь еиҭаагар аҳәоу **Пушкин – поэт** иԟалоит абас: Пушкин – д-поетуп. Аурыс ҳәоу аҽы аамҭа, аркьына уҳәа раарԥшра иадҳәалоу ацхыраагзатә ԟаҵарба уажәтәи аамҭаҽы ибыжьшәоит, егьырҭ аамҭаԛәа рҽы иԟоуп: **Пушкин был поэт, Пушкин будет поэт.**

Аԥсшәаҽы аамҭаԛәа зегьы рԟны ишаарԥшыц иаарԥшуп: Пушкин д-поетын (ииасхьоу), Пушкин дпоетуп (уажәтәи аамҭа).

Иара убасҵәҟьа аамҭатә, аркьынаатә рбагақәа шьҭырхуеит аҧсшәаҽы аурыс бызшәаҽы ахьызтә ҳәоуқәа ҳәа изышьҭоу: хьҭоуп, зынроуп, ладароуп, ҿадароуп, гәырґьароуп, чароуп, гәаҟроуп[1].

Хыхь ишарбоу еиҧш абарҭ аиҽагыларақәа (еиҳа еиґьуп иаҳҳәар аилататарақәа) зыхҟьо абызшәа аҿазарақәа (уровни) реиларҿашьара ауп.

Аҳәоу Алиас дынхаҿуп аҟны ахьзи (Алиас) аҟаҵарбеи рыбжьара аиқәшәара ҟалоит хаҽыла, классла, аҟаҵарбаҽы арҭ акатегориақәа арбоуп асубиекттә хаҽытә ҧынгыла д ала. Ара иқәҳаргылар ҟалоит азҵаара: Ахьызҟа Алиас морфологиала аклассгьы амам ахаҽгьы амам (ахьызҟа акласстә еиҽагыларақәа ахьамоу арацәа хыҧхьазараҽоуп), нас аҟаҵарбаҽы уи ахҧатәи ахаҽы ауаҿытәыҿса класс арбагала изарбоузеи? ҳәа.

Ахҧатәи ахаҽала изарбоу убри ауп, уи аҳәоу аҽы иааннакылоит ажәаҳәаҽы изыхцәажәо апозициа. Аҳәоу аҽы изыхцәажәо, субиектзаргьы иобиектзаргьы, синтаксисла ахҧатәи ахаҽытә ҵакы шьҭнахуеит, убри ишьҭнахыз асинтаксистә хаҽоуп аҟаҵарбаҽы иарбоу ахаҽытә ҧынгыла д ала. Аклассгьы убас ауп ишарбоу, избан акәзар ахьызҟа азаҵә хыҧхьазараҽы морфологиала акласстә еиҽагылара амазам. Азҳәаҽы ауаҿытәыҿсатә класс ала изарбоу убри ауп, ахатәы хьзы Алиас ҵакыла ахацәа рыхьзқәа рахь иаҵанакуеит. Ара семантикала иҳамоу ахацәа ркласс ацакы азҳәаҽы морфологиатә рбагала иарбоуп. Ара иҳамоу асинтаксистә хаҽытә еизыҟазашьа ауп. Даеа усуп ахыҧхьазара, уи ахьызҟа морфологиала азаҵә хыҧхьазараҽы иарбоуп аноль рбагала, арацәа хыҧхьазараҽы асуффиксқәа -қәа, -цәа рыла, убри аҟнытә хыҧхьазарала аиқәшәара асинтаксистә еизыҟазаашьа адагьы иамоуп аморфологиатә шьаҵа аҿкомпонентк рҽы.

Ахьызҟеи аҟаҵарбеи ажәаҳәа ҳасабла реиҿдыраара зыруадаҿуа ҳәа акгьы ыҟазам ажәахырҽиаарала акәзааит, морфологиатә еилазаашьала акәзааит. Егьырҭ абызшәақәа рҟны ахьызҟа ахаҽытә, аамҭатә категориақәа шьҭнахуеит ҳәа згәы иаанаго дара ирусуп, ишьақәдыргылааит уа мзызқәас иҟоу, аха ҳара агәра ганы ҳаҟоуп убрагьы хыхь иазгәаҳҵаз амзызқәа роуп аус зуа.

Убас иҟоуп ахьзи ахьзи рыбжьара адхаларатә еизыҟазаашьа анҳамоугьы: Зина л-ышәҟәы, Алиас и-шәҟәы аҳәса ркласси (актәи аҽы) ахацәа ркласси и, л рыла изарбоу убри ауп, ахьызқәа Алиас семантикала ахацәа рыхьз ауп, Зина аҳәса иртәуп. Ари асемантикатә еиҽагылара ажәеидҳәалаҽы аҳәаақәнаҵаҽы морфологиала иарбоуп.

Ажәакала, ара асинтаксистә еизыҟазашьақәа рҽоуп аус ахьҳамоу.

Аҧсуа-адыга бызшәақәа рҟны еиҳа ипроблемоуп ахьызҟеи азшьарбеи ажәаҳәа хәҵала рклассификациа. Акы, ахаҵашьатә ҟазшьарбақәа еиҳарак иахырҽиаам ҟазшьарбақәоуп. Иахырҽиаам ахьызҟақәеи дареи рышьаҵа аилазаашьала еиқәшәоит: аҵла – абзиа, аҿны – ахаа, азы – аша… Иахырҽиааy ахаҵашьатә ҟазшьарбақәа даара имаҷуп, дара урҭгьы хырҽиаашьалеи ахырҽиааратә маҵәахәқәеи рыла ахьызҟа иақәшәоит; рҿыцьарагьы иҳамоуп ашьаҵеиҵара: ахымхәа, ананамга, алахьыцәгьа, амшьҭацәгьа, ахымхәа (ахаҵашьатә

[1] См. подробнее об этом: Аристава Ш. К. Проблема простого предложения в абхазском язык. Тбилиси, 1982, стр. 100 – 104.

ҟазшьарбаҟәа), азлагара, азлагарахьча, аеҟаза, ауасахьча, аҳәахьча, аҵьмахьча (ахьызҟаҟәа).

Азыҟашьатә ҟазшьарбаҟәагьы ажәахырҽиаарала ибеиам. Ара ажәахырҽиааратә суффиксныгьы иаҳҧыло –тә(ы)\\тәи ауп, иара уигьы ашьҭахь ахархәара зауз ажәахырҽиааратә морфуп, аха ахархәара еиҳа-еиҳа иҭбаахоит: аихатәы, амҭәы, ахьтәы, аҕәтәы, иахьатәи, уаҵәтәи, ҵыҧхтәи, абзазаратә, аԝнуҵҟатәи, адәахьтәи, акоммунисттә, асоциалисттә.

Ари инаваргыланы иахьагьы иаҳҧылоит ахьызтә шьаҭаҟәа азыҟашьатә ҟазшьарба апозициаҽы атребутивтә жәеидҳәалаҟәа рҟны: аласа ҟлаҧад, абырфын касы, аҭыҵь гәагәым уб.иҵ. Аҽырҧштәҟәа ишаҳдырбо еиҧш, азыҟашьатә ҟазшьарба асинтаксистә (атрибутивтә) функциа назыгзо ахьызҟатә шьаҭаҟәа роуп, ажәытә ишыҟаз еиҧш.

Ахьызҟатә шьаҭаҟәеи аҟазшьарбатә шьаҭаҟәеи еилазаашьала иахьеиҟәшәо иабзораны ара аконверсиа иҭбааны ахархәара амоуп. Ахьызтә шьаҭа ахархәашьа зеиҧшроу еиҧш зны аҟазшьарба апозициаҽы иаҳҧылоит, атребутивтә функциа нанагзоит, даеазных ихьызҟоуп: Ахәыҷы дцәуоит, аԝны хәыҷы, аҧшза зегьы дыргәаҧхоит, аҭыҧҳа ҧшза; акьаҽ дԝамзит, ау дымлаҟәит, алаба ау, алаба кьаҽ уб.иҵ.

Морфологиатә еилазаашьалагьы ахьызҟеи аҟазшьарбеи еиҳарак еиҟәшәоит, аморфологиатә рбагаҟәагьы еиҟәшәоит. Морфологиатә ҷыдарас урҭ злеиҽагыло акласстә ктегориа мацароуп. Ахьызҟа арацәа хыҧхьазараҽы акласстә еиҽагылара амоуп, аҟазшьарба иамазам: ашәҟәы бзиаҟәа, аҭыҧҳацәа бзиаҟәа, арҧарцәа ҟәышҟәа…

Егьырҭ аформаҟәа ахьызҟа ишьҭнахуа аҟазшьарбагьы иазҷыдароуп.

а-лаба	а-ҧшза
лаба-к	ҧшза-к
с-лаба	с-ыҧшза
лаба-с	ҧшза-с
а-лабаҟәа	аҧшза-ҟәа

Ахьызҟеи аҟазшьарбеи реизааигәара дыԝоегьых иааҧшуеит атрибутивтә жәеидҳәалаҟәа рҟны. Ара рыԝбагьы еицырзеиҧшу аформант шьҭырхуеит. Уи префиксзар, аҧхьа игылоу ажәа иацлоит, исуффиксзар, ашьҭахь игылоу акомпонент иацлоит: а-ԝны ҳарак, а-шәҟәы ҽыц, а-хаҳәтә ԝны; ԝны ҳаракы-к, шәҟәы ҽыц-к, хаҳәтә ԝны-к; с-хаҳәтә ԝны, с-барфын касы, с-ышәҟә ҽыц; хаҳәтә ԝны-с, хьтәы лаба-с; ахьтәы лаба-ҟәа, амҭәы ԝын-ҟәа.

Атрибутивтә комплекс аҽы аҧхьа игылоу акомпонент ауаԝытәыԝсатә класс иатәызар, арацәа хыҧхьазаратә формант рыԝбагьы ирыцзар ҟалоит, аха уи имаҷны иа́ҳҧылоит: арҧарцәа бзиа-ҟәа, аҭыҧҳацәа бзиа-ҟәа, аҽарацә ҟәыш-ҟәа…

Аҟазшьарба алкаараҽы еиҳарак ахархәара зауа уи азеиҧш грамматикатә семантикеи (аҟазшьа аарҧшра) асинтаксистә позициеи роуп. Ахаҭашьатә ҟазшьарбаҟәа иҳәаақәыро ажәа иашьҭанеиуеит, азыҟашьатәҟәа иҳәаақәырҵо ажәа иаҧынгылоуп:

ахьтәы мҳаҵә
ахаҳәтә ԝны
аԝны ҽыц
арҧыс ҧагьа

Ахьзҟагьы аҳәаақәҵа афункциаҿы иҳәаақәнаҵо ажәа иаԥыҵгылоуп, аха усҟан ахьызҟа шьаҟәҳаргылоит семантикала: **аласа** қлаԥад, **абырфын** касы, **аҵба** шаха.

Иазгәаҳҵаз аҿыдараҟәа ирыҟәныҟәаны арҵага шәҟәҟәа рҟны зхала иҟоу ажәаҳәа хәҵаҟәаны иадырбоит ахьызеи аҟазшьарбеи, уи иазыразым шыҟоугьы.

Егьырҵ абызшәаҟәа рҟны ишыҟоу еиԥш, еиҳа ипроблема хьаԥҵоуп ахьызцынхәра хазы ажәаҳәа хәҵаны алҟаара атеориатә шьаҵа азышьҵаҵара, зхала иҟоу ажәаҳәа хәҵаҟәа ишырхырԥхьазалогьы традициала.

Зхала иҟоу ажәа аганахьала ҳахәаԥшуазар, ахьызцынхәра иадубало убри ауп ажәаҳәаҿы ахала иҟоуп, иамоуп иахьалаго, иахьынҵәо, интонациала акәзаргьы даеа ажәак иалазом. Ари ԥырхагас иамоу убри ауп, ажәартә конкреттә ҵакы амам, иарбанзаалак еилкаарак алкааны хьзыс иамазам. Ара ҳара ҳзыхәажәо ахаҿытә хьызцынхәраҟәа роуп. Егьырҵ алада ҳрыхәаԥшуеит. Ахаҿытә хьызцынхәраҟәа жәартә ҵакыс ирымоу ахаҿытә, ахыԥхьазратә, акласстә (аҩбатәи, ахԥатәи аз.-х.аҿы) ҵакҟәа роуп. Урҵ ахаҿытә хьызцынхәраҟәа рҟны аффиксла акәымкәа ашьагәыҵҟәа рылоуп излаарԥшу: Ахаҿытәҟәа зегьы ршьагәыҵҟәа ирыцуп адетерминантә суфикс –ра, аха урҵ суффиксдагьы ахархәара рымоуп, избан акәзар асуффикс –ра семантикала иҵаҵәуп, акгьы ҳнарбазом.

Ахаҿытә хьызцынхәра ажәартә ҵакы ҳәа ҳзышьҵоу егьырҵ зхала иҟоу ажәаҳәа хәҵаҟәа (аԥхьазара хьзы ада) ржәартә ҵакҟәа излареиԥшым убри ауп, уи абстракттә еилкароуп. Актәи ахаҿытә хьызцынхәра иаанарԥшуа ажәаҳәаҩ ихаҿоуп, уи дарбанзаалак ажәаҳәаҩ ихы иаирхәар ҟалоит, иалкааны азәгьы идҳәалазам. ҵакыла ари аҟаҵарба аморфологиатә хаҿытә еиҿагылараҟәа ирыҟәшәоит. Ахьызцынхәраҿы уи морфологиатә еиҿагыларoуп узҳәом, избан акәзар ажәа ашьагәыҵ са-ра ала иаарԥшуп. Аграмматикатә ҵакы ажәа ашьагәыҵ ала изаарԥшхом, ашьагәыҵ ма ашьаҵа иацымкәа аморфологиатә морф зыҟалом. Ахаҿытә хьызцынхәраҟәа зегьы ус ауп ишышьаҟәгылоу[1].

Аҩбатәи ахаҿы аарԥшуп ахаҿытә хьызцынхәраҟәа уара, бара рыла. Уара ахацәа ирыдҳәалоуп, **бара** аҳәса ирыдҳәалоуп, рыҩбагьы ауаҩы из / азҵаара **дарбан**? шьҭырхуеит.

Ахаҿытә хьызцынхәраҟәа **иара, лара** ахԥатәи ахаҿы аадырԥшуеит, **иара** ахацәа ирызкуп, **лара** – аҳәса.

Ахаҿытә хьызцынхәраҟәа ҳара, шәара, дара актәи, аҩбатәи, ахԥатәи ахаҿҟәеи арацәа хыԥхьазареи аадырԥшуеит.

Инеидкыланы ахаҿытә хьызцынхәраҟәа иадырԥшуа ахаҿытә, ахыԥхьазаратә, акласстә ҵакҟәа еицаарԥшуп ашьагәыҵҟәа рыла.

Арбагатә хьызцынхәраҟәа ажәартә ҵакы аганахь ала урыхәаԥшуазар, аконкреттә жәартә ҵакы акәым абстракттә жәартә ҵакгьы рымазам. Ахаҿытә, акласстә ҵакҟәа зынза ирныԥшзом. Ус наакәха ажәартә ҵакы аганахьала ахаҿытәҟәа дареи злеидукыло ҳәа акгьы рымазам. Аҳыԥтә цынгылатә шьаҵаҟәа ара\\абра, ана\\абна, уа\\убра рҟнытә иахьышьаҟәгылоу иабзоураны хыҟәкра рзыруеит ажәаҳәаҩ, изааигәоу, блала иибо, маҷк ицәыхароу, иҵегьгьы ицәыхароу

[1] Уахә.: Аристава Ш. К. Проблема простого предложения в абхазском языке. Тбилиси, 1982, стр. 46.

аматәарқәа[1]. Урҭ аҵакқәагьы ҕәҕәала иабстракттә ҵакқәоуп. Абарҭ аҭыԥтә ҵакқәа иаалкааны ҭыԥк иадҳәалазам, иахьҟазаалак ҟалоит. Ажәаҳәаҿ изааигәоу аматәар хыԥкәра азыруеит ари\\абри, арҭ\\абарҭ; ажәаҳәаҿ маҷк ицәыхароу хыԥкәра азыруеит ани\\абни; ажәаҳәаҿ ицегьы ицәыхароу – уи\\убри.

Иалкаау ажәартә ҵакы рымазам ахьызцынхәраԥәа ирхырыԥхьазало егьырҭ ажәаԥәагьы. Убарҭ иреиуоуп адхаларатәԥәа стәы, схатәы (ухатәы, бхатәы, ихатәы,лхатәы…) еилкаау схаҭа, ухаҭа, бхаҭа… дарбанзаалак, иарбанзаалак, азҵааратәԥәа дарбан, иарбан, дызуҵада, изакәызеи уб.иҵ.

Ахьызцынхәраԥәа рԥкны еидыркыло ажәаԥәа морфологиатә еилазаашьалагьы ирзеиԥшу маҷуп. Ус анакәха аморфологиатә ҷыдараԥәа рылагьы урҭ жәаҳәа хәҭак аҽы еидукыло иԥкам.

Ахаҽытә хьызцынхәраԥәа, хыхь ишарбоу еиԥш, морфологиатә форма рымазам, ирымоу ахаҽытә акласстә, ахыԥхьазаратә ҵакқәа жәартә обстракттә ҵакқәоуп.

Арбагатә хьызцынхәраԥәа морфологиала аиҽагылара рымоуп ахыԥхьазаратә категориала. Азаҵә хыԥхьазаратә форма аарԥшуп асуффикс -и ала, арацәа хыԥхьазара – асуффикс -ҭ ала.

ар-и\\абр-и	ар-ҭ\\абар-ҭ
ан-и\\абн-и	ан-ҭ\\абан-ҭ
у-и\\убр-и	ур-ҭ\\убар-ҭ
егьи	егьыр-ҭ

Уаҳа иарбанзаалак ажәаԥсахра рымазам. Ахаҽытәԥәа рԥкынгьы, ишаабаз еиԥш, иҳамоуп ахыԥхьазаратә еиҽагылара, аха уа уи жәартә ҵакуп, шьагәыҵла иаарԥшуп, арбагатәԥәа рԥкны морфологиатә еилкааароуп суффиксла иаарԥшуп.

Шадури И. арбагатә хьызцынхәраԥәа жәаҳәа хәҭа ҳасабла аԥазшьарба иадылкылоит (указательные местоимения прилагательные ҳәа иалырбоит). Аԥсуа бызшәаԥны арбагатәԥәа семантикатә-морфологиатә ҷыдарала аԥзшьарба излаԥәшәо ҷыдара рымазам. Семантикала урҭ иарбанзаалак аԥазшьа аадырԥшзом, ажәаҳәаҽы хыԥкәра ззыруа, ирыԥсахуа ахьызԥаԥәа ма аматәартә ҵакы змоу ажәаԥәа роуп. Морфологиала арбагатә хьызцынхәраԥәа аԥазшьарба излаԥәшәо ҳәа ҷыдара рымазам. Урҭ ишҭырхзом азеиԥштә, еилкаам, адхаларатә, анагаратә формаԥәа. Ахыԥхьазаратә еиҽагылара ирымоугьы асуффиксԥәа –и, -ҭ (-д) рыла иаарԥшуп, аԥазшьарбаҽы аноль рбагеи асуффикс -ԥәа-и рыла иаарԥшуп. Синтаксистә функциа хадасгьы ирымоу асубиекттә-обиекттә (азхҳәаа, азырха, ахарҭәаага) функциаԥәа роуп. Урҭ инарыгзар рылшоит аҳәааԥәҵа афункциаԥәагьы, аха уи дара ирызҷыдара хадам, аҳәааԥәҵа афункциа иарбанзаалак ахьыз инанагзар алшоит, уимоу ахаҽытә хьызцынхәрагьы аҳәааԥәҵа афункциаҽы иаҳԥылоит. Иара Михагьы аизараҽы дыԥказамызт; иара аҽы ҳәа дызҽеугьы сара исымбацт…

Ииашаны, аурыс бызшәаԥны арбагатәԥәа аԥазшьарбаԥәа ирхырыԥхьазалоит[2], аха уа арбагатә хьызцынхәраԥәа аԥазшьарба морфологиатә ажәаԥсахрала (родла, падежла) еиҳарак еиԥәшәоит. Ус еиԥш иԥоу аиԥәшәара аԥсуа бызшәаҽы иԥкам. Убри аԥнытә арбагатә хьызцынхәраԥәа аԥазшьарба адкылара ҵаҵгәы амам.

---

[1] Уахә.: Ломтатидзе К. В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-адыгских диалектов. Тбилиси, 1954, стр. 66 – 75.

[2] Уахә.: Русская грамматика. Изд. «Наука». М., 1982, стр. 542.

Азцааратә хьызцынхәрақәа рҟны еидыркыло ажәақәа аивгарақәа рымоуп еиԥшым авторцәа рҟны.

1966 ш. иҭыԥыз «Аԥсуа бызшәаҽы»[1] еидкылоуп абарԥ ажәақәа: иарбан, дарбан, дызусҭа\\дызусҭада, закәи\\закәызеи, заҟа\\шаҟа, шаҟантә, избан, иарбан, уарбан, иабатәиу, уабатәиу.

Аԥсуа бызшәа аграмматикаҽы (1968 иҭыԥыз)[2] хыхь иарбоу ирыцрыхуп заҟа\\шаҟа, шаҟантә, избан, иабатәиу, дабатәиу, ирыцԥоуп изтәыда, дызтәыда.

Аԥсуа литературатә бызшәа аграмматикаҽы[3] азцааратә хьызҟынхәрақәа ҳәа иарбоу иарбан, дарбан роуп, егьырԥ рыцрыхуп.

«Грамматика абхазского литературного языка»[4] аҟны еидкылоуп иаба, иабантә, ианба, ишба (ишԥа), шаҟа (арԥ ацынгылатәқәа ҳәа иарбоуп); дарбан, иарбан (ахьызҟынхәратәқәа ҳәа иарбоуп).

«Аԥсуа бызшәа аморфологиа» аҟны азцааратә ажәақәа ԥьоукы аҟаԥарба азцааратә формақәа ирхыԥхьазаланы ирыхцәажәоуп. Ари азцаара иазкны автор илыԥоуеит: «Наряду с частновопросительными формами полнозначных глаголов, в абхазском языке существуют лексемы, которые выполняют роль вопросительных местоимений, однако по своей структуре являются глаголами»[5].

Абас иҟоу ажәақәа ҳәа иалылкааueит изакәызеи, дызусҭада. Иабатәиу, дабатәи, иарбан, дарбан аҟазшьарбатә хьызцынхәра аҳасабала дрыхцәажәоит. Ахьызцынхәра аҳасабала дахцәажәоит ажәа шаҟа, аха жәаҳәа хәҭак иадылҳәалом. Ҳара ҳгәы излаанаго ала, ажәақәа иабатәиу, дабатәиу, иарбан, дарбан... аҟазшьарбақәа излархуԥхьазалаша ҷыдара рымам. ҵабыргны, ажәа иабатәиу аҟны иҟоуп аҟазшьарбатә ахырҽиааратә суффикс –тәи, аха уи зхала иҟоу ажәашьаҭа иацым иахьатәи, уаҵәтәи, аратәи уҳәа рҟны ишыҟоу еиԥш. ара асуффикс –тәи иаԥынгылоуп азцааратә аффикс ба, уи иаԥынгылоуп аҭагылазаашьатә елемент ахь (хь быжәаны иҟоуп), уигьы зхала иҟоу ажәашьаҭам. Аҭагылазаашьатә елемент иаԥынгылоу хаҽытә ԥынгылоуп (д-а-ба-тәи-у, у-а-ба-тәи-у, и-а-ба-тәи-у...). Ажәа анҵәамҭаҽы игылоу –у аамҭарбагатә суффиксуп, уи ԥсаххар ҟалоит ииасхьоу аамҭеи аинфинитреи ҳзырбо асуффикс з алагьы (дабатәии-з). Убри иабзоураны ара иеилкаау ажәартә ҵакгьы ыҟазам, хадара зуа азцааратә ҵакы ауп. Убри азы акәхап ҳазлаҵәажәо ажәа аҳәаақәҵарагьы залымшо. Иҟазшьарбазар уи хымԥада аҳәаақәҵара алшозар акәын. Аҳәоу аҟны ари азҳәа афункциаҽы ауп иахьаҳԥыло иара ахала ма иеилоу ахьызтә зҳәа иахәҭакны: ари дабатәи-у? Ари дабатәи хаҵоу? Аамҭа рбага у ара ишаҳҳәахьо еиԥш еилоу азҳәа аобатәи акомпонент ахь ииасуеит. Иара усгьы ажәа иабатәиу, дабатәиу морфологиала иарбанзаалак ҟазшьарбатә ҷыдарак аныԥшуам.

---

[1] Арсҭаа Ш. К., Чкадуа Л. П. Аԥсуа бызшәа (афонетикеи аморфологиеи). Алекциақәа ркурс. Аҟәа, 1966, ад. 54 – 55.

[2] Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфологиа. Сухум, 1968, стр. 37 – 39.

[3] Арсҭаа Ш. К., Чкадуа Л. П. Аԥсуа литературатә бызшәа аграмматика. Афонетика, афонологиа, ажәахырҽиаара, аморфологиа. Аҟәа, 2002, ад. 193 – 195.

[4] Яковлев Н. Ф. Грамматика абхазского литературного языка. Сухум, 2006, стр. 167.

[5] Шадури И. Морфологиа абхазского языка. Тбилиси, 2006, стр. 94 – 95.

Иара убас азцааратә хьызцынхәра иарбан, дарбан ҟазшьарбатә ҷыдарак ҳәа акгьы аныԥшуам морфологиалагьы. Синтаксислагьы ҳәаақәцас изыҟалом, азҳәа афункциаҽы ауп иахьаҳԥыло.

Аԥсуа бызшәаҽы азцааратә цакқәа еиҳарак аҟацарба азцааратә формақәа рыла иаарԥшуп. Иҟоуп азцааратә формақәа аҟацарба арҽиара иазхоу. Убарҵ ирейоуп ма, у, и: дца-ма, дыҟоу-ма, иҳәа-ма, дыҟо-у, дцо-у, иааиго-у, имҳәе-и, иҟаимце-и, иааимхәе-и.

Иҟоуп асубиект ма аобиект иазку азцаара аазырԥшуа аформантқәа. Урҵ рҟнытә иҟоуп ауаҩытәыҩса изку, амаҵәар изку. Ауаҩытәыҩса (асубиект ма аобиект) изку рахь иацанакуеит азцааратә формант да: ица-да, изҳәа-да, изба-да, изга-да, иҟа-да, ирга-да, ирба-да, ирааза-да, изацәажәа-да[?].

Амаҵәар (асубиект ма аобиект) иазку рахь азцааратә суффикс зеи\\зи: ииаи-зеи, ица-зеи, иаархәа-зеи, ирга-зеи…

Иҟоуп аҵагылазаашьатә зцааратә формант ба: дан-ба-цеи, дыш-ԥа-цеи, да-ба-цеи.

Азцааратә формант ба аҵагылзаашьатә елементқәа ахь, ан, шь ирыцынгьы хазы иҟоу зцааратә ажәангьы иахԥылоит: ианба, ишба→ишԥа, иаба. Аха ари еиҳарак аҟацарба иаланоуп ишаҳԥыло: д-анба-цеи, и-аба-цеи, ды-шԥа-цеи.

Иазгәаҳҵаз аҟацарба зцааратә формала абеиара иахҟьаны азцааратә хьызцынхәрақәа рхыԥхьазарагьы рхархәарагьы ҵбаам. Дәеакала иаҳҳәозар, азцаара азцааратә хьызцынхәрақәа рыла аарԥшра анаҵахо мачԥ. азцааратә форманти азцааратә хьызцынхәреи еибаԥсахуа маҵәахәқәаны иҟалоит. Иаҳҳәап,ица дарбан ацынхәрас иаҳҳәар ҟалоит ицада, иаазхәа дарбан ацынхәрас – иаазхәада. Абри таблицала иаҳарбар, еиҳа ауаҩы ихаҽы ииаиртә иҟалоит:

ииаиуа дарбан – ииаиуада
ииаиуа иарбан – ииаиуазеи
ица дарбан – ицада
ица закәызеи – ицазеи
ирааза дарбан – ираазда
иарбан ирааза – ираазазеи
дцеит ианба – данбацеи
иҟаицеит ишԥа – ишԥаҟаицеи
дцеит иаба – дабацеи

Иацааиуа азцааратә хьызцынхәра иамазам арҽиара иазхоу азцааратә формант ма. Убас, аҟацарба азцааратә форма дцама зцааратә хьызцынхәрала иаҳзыԥсахзом, избан акәзар ус иҟоу зцааратә хьызцынхәра ҳамазам.

Ишаабо еиԥш, азцаара еиуеиԥшым авариантқәа (асубиект иазку, аобиект иазку, амаҵәар иазку, ауаҩытәыҩса изку) еиҳарак аҟацарба азцааратә формақәа рыла, морфологиала ииаҳарԥшуеит. Абри аформант ала азцаара аарԥшра еиҳагьы иԥсабаратәуп, иманшәалоуп. Аха уи инаваргыланы азцаара аарԥшхар ҟалоит азцааратә хьызцынхәрақәа рфункциа назыгзо ажәақәа рылагьы.

---

[1] Асуффикс –да азцааратә хьызцынхәра дарбан аҟнытә иаагоуп ҳәа ирыԥхьазоит. Уахә. Ломҵатизе Ҟ.В. Азцааратә форма аԥсуа бызшәаҟны. Сообщения Академии Наук Грузинской ССР, т. III. №9, 1942, стр. 975.

Хыхь иазгәаҳҭз аҷыдарақәа ирыхҟьаны азцааратә хьызцынхәарақәа анеидыркыло аҟацарбатә, ацынгылатә, аҟазшьарбатә уҳәа азцааратә цакы змоу, насгьы азцааратә хьызцынхәарақәа рфункциа назыгзо ажәақәа уахь иахырыԥхьазалоит.

Азцааратәқәа рморфологиатә ҷыдарақәа абас иҟоуп. Азцааратә хьызцынхәра –арбан «д» ариад иатәу ахаҽытә ԥынгылақәа рыла ҽеаԥсахуеит. Усҟан уи хаҽыла, хыԥхьазарала, классла (иназамкәа) ҽеаԥсахуеит. Ари аиҽагылара морфологиатә еиҽагыларо уп, избан акәзар уи аморфологиатә морфқәа рыла ааирԥшуп. Ахаҽи, ахыԥхьазареи, акласси азцаара зызхоу аилкааро уп изыдҳәалоу

с-арбан	ҳ-арбан
у-арбан	
б-арбан	шә-арбан
д-арбан	и-арбан (дара)
и-арбан	

Азцааратә цакы ара азцааратә формант ба(н) ала, морфологиала ааирԥшуп.

Егьырҭ азцааратә хьызцынхәарақәа рфункциа назыгзо ажәақәа изакәызеи, изтәыда, дызусҭада лахәыратә формақәоуп. Рышьаҭақәа ирыцуп азыҟашьатә хьызцынхәратә рбага з, ирымоуп уажәтәи, ииасхьоу еилкаам амҭатә формақәа[1]:

и-закәи	и-закәызеи
д-ызтәыда	д-ызтәыдаз
д-зеиԥшроуи	д-зеиԥшрадаз

Арҭгьы, ишаабо еиԥш, «д» ариад иатәу ахаҽытә ԥынгылақәа рыцлоит, реырыԥсахуеит хаҽыла, хыԥхьазарала, классла (иназамкәа). азцаара злаарԥшу асуффиксқәагьы аҟацарбатә зцааратә суффиксқәа роуп.

Адхаларатә хьызцынхәарақәа раҳасабла ахархәара рымоуп ажәақәа стәы, схатәы. Цакыла рыԥбагьы еизааигәоуп, аха шьақәгылашьала еиԥшзам. С-тәы аҟны тәы шьагәыҭуп, ажәа атәы аҟнытә иаагоуп, с-ха-тәы аҟны –тәы суффиксуп, ашьагәыҭ ха иацуп. Ржәартә цакқәа рыла еивгарас ирымоу убри ауп, атәы ԥцакык амоуп, акы, атәы (раб аанарԥшуеит; ԥба, ауаԥы (ма амаҭәар) иитәу (собственность) аанарԥшуеит. Рԥынтәгьы раан хьызҟа ҳасабла ахы аанарԥшуеит, азеиԥш маҭәартә цакы амоуп. Ҳәааақәцара аузом, иара аҳәааақәца шьҭнахуеит. Ирҳәом стәы аԥны, стәы мал; ирҳәоит сара стәы, уара утәы, Алиас итәы, Алиас иуаса, иҽы шыҟоу еиԥш. ажәа ахатәы шьақәгылашьалагьы зыҟашьатә ҟазшьарбоуп, ҳәааақәцара ауеит, иҳәааақәнатцо ажәа иаԥынгылоуп: схатә ус, схатә мал, схатәы маҭәа уб.иц. Ахьызҟеи аҟазшьарбеи реиԥш адхаларатә форма еиԥшны ишьҭырхуеит:

с-тәы	с-хатәы
у-тәы	у-хатәы
б-тәы	б-хатәы
л-тәы	л-хатәы
и-тәы	и-хатәы
ҳ-тәы	ҳ-хатәы

[1] Уахә. Ломҭатизе Ҟ.В. Азцааратә форма аԥсуа бызшәаҟны. Сообщения Академии Наук Грузинской ССР, т. III. №9, 1942, стр. 975.

шə-тəы шə-хатəы
р-тəы р-хатəы

Адхаларатə формақəа ирыцааиуа ахьызцынхəрагьы рыцны ҳҳы иаҳархəар ауеит:

сара с-тəы сара с-хатəы

Асинтаксистə функциалагьы ахьызцынхəрақəа аивгарақəа маҷымкəа ирымоуп. Ари зыхҟьо ахьызцынхəрақəа еиуеиԥшым ажəаҳəа ҳəтақəа рҟнытə иахьеидыркыло ауп.

Синатксистə функциала ахаҷытə хьызцынхəрақəеи арбагатə хьызцынхəрақəеи ахьызҟа иақəшəоит. Ари зыбзоуроу урҭ еиҳарак ажəаҳəаҷы ахьыз рыԥсахуеит, ахьызҟа ахаҭыԥан ҳҳы иаҳархəоит. Убри аҟнытə ирыԥсахуа ахьызҟа асинтаксистə функциақəа дара рахь ииасуеит. Ахьызҟақəа реиԥш азхҳəаатə, азырхатə функциақəа роуп еиҳарак имоаԥырго. Азҳəеи дареи рыбжьара ишьақəгыло асинтаксистə хаҷытə, ахыԥхьазаратə, класстə еиқəшəарақəа рҟны хадара руеит ахьызцынхəрақəа. Ахьызцынхəра ахаҷытə, ахыԥхьазаратə акласстə ҵакқəа иамоу аҟаҵарба аерықənаршəоит.

сара иаа-с-хəеит
уара иаа-у-хəеит
бара иаа-б-хəеит
лара иаа-л-хəеит
ҳара иаа-ҳ-хəеит
шəара иаа-шə-хəеит
дара иаа-р-хəеит

Арбагатəқəеи ахаҷытəқəеи ари аиқəшəараҷы излеиԥшым убри ауп, арбагатəқəа ахаҷытə, акласстə ҵакқəа рымазам, аха дара ирыԥсахуа ажəа иамоу абарҭ асинтаксистə ҵакқəа дара ишьҭырхуеит, урҭ аҟаҵарба аерықənашəоит. Иаҳҳəап, Зина аҵкы лзахуеит ҳəа иҳамазар, Зина арбагатə хьызцынхəрала ианаҳаԥсахлак иҟалоит Уи (лара) аҵкы л-захуеит; Алиас аҵкы изахуеит ҳəа иҳамазар, уи аҵкы (и)-и-захуеит ҳəа иҟалоит.

Ахатəы хьызҟақəа ахаҷытə, акласстə ҵакқəа морфологиала ирымазам, аха аҳəоу аҷы ҳзыхцəажəо амаҭəарқəа аадырԥшуеит аҟнытə синтаксисла ахԥатəи ахаҷытə ҵакы шьҭырхуеит, аҟаҵарба уи аеақənаршəоит. Акласстə ҵакы арҭ ахатəы хьызқəа рҟны жəартə ҵакыла иаарԥшуп, ари жəартə ҵакыла иаарԥшу акласстə еилкаара аҟаҵарбаҷы морфологиала иарбахоит ахаҷытə ԥынгылақəа и, л рыла. Ахыԥхьазарала аиқəшəара наҟааҟгьы морфологиала иарбахоит, избан акəзар ахьызҟа азаҵə хыԥхьазараҷы ахыԥхьазаратə ҵакы аноль рбагала иаарԥшуп, арацəа – суффиксла.

Анхаоы д-цəаҕəоит уи\\убри д-цəаҕəоит
Анхацəа (и)-цəаҕəоит урҭ\\убарҭ (и)-цəаҕəоит

Ахаҷы аарԥшраҷы ахаҷытəқəеи арбагатəқəеи злеиԥшым убри ауп урҭ (арбагатəқəа) ахаҷытə ҵакы зынза иахьрымам адагьы, аҳəоу аҷы ишьҭырхыр ирылшо ахԥатəи ахаҷытə ҵакы ауп; актəи, аобатəи ахаҷытə ҵакқəа синтаксислагьы ишьҭырхзом, избан акəзар арбагатəқəа аҳəоу аҷы еснагь ирыԥсахуа, хықəкра ззыруа изыхцəажəо аилкаара ауп, изыхцəажəо хымԥада аҳԥатəи ахаҷытə ҵакы шьҭнахуеит. Иаҳҳəап, **сара с-цəажəоит, уара у-цəажəоит** рҟны актəи, аобатəи ахаҷытə хьызцынхəрақəа ҳзыԥсахзом арбагатəқəа рыла; **иара д-цəажəоит, лара д-цəажəоит** ҳəа

иҳамазар, иара, лара ԥсаххоит уи\\убри ала: уи\\убри дцәажәоит. Убри иабзоураны ажәаҳәаҿы ахԥатәи ахаҿытә хьызцынхәраҟәа лассы-лассы иԥсаххоит арбагатәҟәа рыла.

Арбагатәҟәа аобиект анырыԥсахуагьы аиҟәшәара убас ауп ишыҟало. Иаҳҳәап, сара и-аа-с-хәеит аеы – сара иаасхәеит уи\\убри.

Ишаабо еиԥш, ахаҿытәҟәеи арбагатәҟәеи еиҟәшәоит асубиекттә-обиекттә функциаҟәа рынагзаҿы, аха урҭ раарԥшраҿы аивгараҟәа маҷымкәа ирымоуп. Ари зыхҟьо арбагатәҟәа ахаҿытә акласстә ҵакҟәа, семнатикала акәзааит, морфологиала акәзааиҵ иахьрымам ауп.

Азҵааратәҟәа синтаксистә функциала егьырҭ ахьызцынхәраҟәа зынза ирыҟәшәом, аха дара зегьы еидызкыло асинтаксистә хархәашьа рымоуп. Уи азҳәа афункциа ауп. Азҵааратә иашаҟәа ҳәа изышьҭоу **иарбан, дарбан** азыхҳәааи азырхеи рфункциаҿы иаҳԥылазом, ахаҿытәҟәеи арбагатәҟәеи шаҳԥыло еиԥш. уи адагьы азҵааратә хьызцынхәраҟәа злоу аҳәоу афиниттә еилазаашьа аҟнытә ииасуеит аинфиниттә еилазаашьахь. Еиҿырԥшы: **Аҵаԩы ашколахь дцеит.** Дарбан ашколахь ицаз? Актәи аҳәоу аҟны азҳәа афункциа назыгзоз аҟаҵарба **дцеит** аинфиниттә формахь ииасуеит, аҵагылазаашьа **ашкол ахь-и** иареи синтаксисла инфиниттә еицааирахоит, азхҳәаа афункциа шьҭырхуеит, азҵааратә хьызцынхәра азҳәа афункциа нанагзоит.

Аинфиниттә еицааираҿы д субиекттә рбагахоит азҳәа **дарбан** аҿы. Азҵааратә ҳәоу Ашкол ахь ица дарбан? Аҵак аҵазар ҟалоит аинфиниттә еицааира злоу аҳәоу **Ашколахь ицаз аҵаԩы иоуп** ала ма афиниттә еилазаашьа змоу аҳәоу **Аҵаԩы ашколахь дцеит** ала.

Аинфиниттә еицааира злоу аҳәоу аҿы аинфиниттә еицааира **ашкол ахь ицаз** азхҳәаа афункциа шамоу инхоит, **аҵаԩы иоуп** еилоу ахьзтә зҳәа ҳнаҵоит. И ацхыраагзатә ҟаҵарбаҿы субиекттә рбагоуп, азхҳәаа **аклассахь ицаз** иадҳәалоуп. Аинфиниттә еицааира синтаксистә ҵакыла ишьҭнахыр егьырҭ ахаҿытә, ахыԥхьазаратә, акласстә ҵакҟәа ацхыраагзатә ҟаҵарбаҿы асубиекттә рбага урҭ ирыцааиуеит. Иаҳҳәап: Фатима ашкол ахь дцеит – Ашкол ахь ицаз Фатима л-оуп; Аҵаԩоҵәа ашкол ахь ицеит – Ашкол ахь ицаз аҵаԩоҵәа р-оуп; Ҳара ашкол ахь ҳцеит – Ашкол ахь ицаз ҳара ҳ-ауп; Шәара ашкол ахь шәцеит – Ашкол ахь ицаз шәара шә-оуп.

Егьырҭ азҵааратә хьызцынхәраҟәа рфункциа рыҵаны ҳҳы иаҳархәо изакәызеи, дызусҭада, изеиԥшроузеи ҟаҵарбатә формаҟәоуп, аркьынатә, ахаҿытә, акласстә, ахыԥхьазаратә еиҿагылараҟәа морфологиала иаадырԥшуеит, хыхь ишарбоу еиԥш. Аҳәоу аҿы арҭ аформаҟәа асинтаксистә функциаҟәа шьҭырхуеит, азҳәа аарԥшра иацхрааueит, дара зцааиуа аҟаҵарбатә формаҟәагьы азҳәа афункциа нарыгзоит. Арҭ злоу аҳәоугьы аинфиниттә еилазаашьа шьҭнахуеит. Азхҳәаа афункциа назыгзо аинфиниттә еицааиреи дареи рыбжьара ишьаҟәгылоит асинтаксистә хаҿытә, хыԥхьазаратә, кластә еизыҟазаашьаҟәа. Урҭ зегьы субиекттә рбагала азҳәаҿы иарбахоит:

Шьежьнаҵа иаҳҵааз д-ызусҭада?
Ҵыԥх ара уаныҟаз иуцыз д-ызусҭадаз?
Изакәызеи иахак зыбжьы гоз?
Асаби ииз дзеиԥшрада?

Ишаабо еиԥш, ҳзыхцәажәо аҟаҵарбатә формаԥәа синтаксисла иарбанзаалак аинфиниттә форма змоу аҟаҵарбеиԥш ахархәара рымоуп аҳәоу аҽы.

Адхаратә хьызцынхәраԥәа рфункциаҽы ҳхы иаҳархәо ажәаԥәа **стәы, схатәы** симнтаксистә функциала еиԥәшәом. **Схатәы** ҳәааԥәцара ауеит, иҳәааԥәнаҵо ажәа иаԥынгылоуп, азыҟашьатә ҟазшьарба еиԥш, ҟалашьалагьы, хыхь ишарбоу еиԥш, зыҟашьатә ҟазшьарбоуп. Иҳәааԥәнаҵо ажәеи иареи еидҳәалоуп апозициатә жәеибаркырала: Уи ихатә ус ауп еснагь дзызхәыцуа: Амал усҟантәи аамҵазы еидкыланы ирымаз, рхатә мал аконфискациа азыруит; Уи хатәы ешьас диман.

Ажәа **с-тәы** аҟны **тәы** суффиксзам ишьагәыҵуп, хьызҟатә ҵакуп иамоу, ҳәааԥәцарагьы аузом **схатәы** еиԥш. ахьызҟеиԥш азхҳәаа ма азырха афункциаҽы иаҳԥылар ауеит.

Стәы азәы и-шԥаисҵои?
Утәы-стәы (и)-ҟамзааит?

Даеакала иаҳҳәозар, аҳәоу аҽгьы ахьызҟа адхаратә формеиԥш ахы мҩаԥнагоит. Иара усгьы ажәаҳәаҽы иара ахала имаԥны ахархәара амоуп.

Иҳәааԥәцоу ахьызцынхәраԥәа ҳәа еидыркыло ажәаԥәа синтаксисла рхархәараҽы аиԥәымшәараԥәа рымоуп. Ахьызцынхәра хаҵа еснагь иацааиуеит (ианбжьажьу ыҟазаргьы) хаҽытә хьызцынхәрак ма хьызҟак. **Хаҵа** усҟан алкааратә ҵакы амоуп: сара схаҵа, уара ухаҵа, Алиас ихаҵа. синатксисла урҵ шеицу захҳәааны ма изырханы (харҵәаагас иаҳԥыларгьы алшоит) иаҳԥылоит. Усҟан азҳәеи иареи синтаксистә хаҽыла еиԥәшәоит: Сара схаҵа с-цеит; Алиас и-хаҵа д-цеит. Иара иацааиуа ажәеи иареи адхаратә еизыҟазаашьала иадҳәалоуп, иаарԥшуп уи «л» ариад иатәу адхаратә хаҽытә ԥынгылаԥәа рыла. Азҳәаҽы рыԥбагьы еицырзеиԥшу синтаксистә хаҽыла иарбахоит (изхҳәаазаргьы) изырхазаргьы: Алиас ихаҵа дцеит; Алиас ихаҵа ддәыԥәырҵеит.

Ахьызцынхәра **дасу** ажәаԥсахра амазам. Хыԥәкра зызнауа ажәа синтаксисла иамоу ахаҽи ахьызцынхәреи иаргьы ишьҭнахуеит: Дасу иус иара идыруеит; Досу русԥәуа инрыдгылоит; Досу илеи иҳәеи иара иеиԥшхоит (ажәаԥҟа).

Ахьызцынхәра **зегьы** ажәаԥсахра амазам, аизгатә ҵакы амоуп, убри аҟнытә азҳәеи иареи рыбжьара арацәа хыԥхьазарала аиԥәшәара рыбжьалоит. Ахаҽы аганахьала иаԥсахуа ажәа синтаксисла иамоу ахаҽытә ҵакы иаргьы ишьҭнахуеит, убри ала азҳәеи иареи еиԥәшәоит: Зегьы аизарахь ицеит.

Ахьызцынхәра **зегьы** иаԥсахуа ажәа ма ажәа еицааира иацны ианҳԥыло ыҟоуп: **Ара инҳоз зегьы ахыҵны иабацеи?** (Аԥс.лакә.). Ҳара зегьы уахь ҳ-нарԥхьеит; Имцхәу зегьы гәыԥҵәагоуп (ажәаԥҟа); Алаԥәа зегьы рымзырхаҽы иҕәҕәоуп (ажәаԥҟа).

Ишаабо еиԥш, ахьызцынхәра зегьы (иара ахала ма иацааиуа ажәа ацны) азхҳәаа ма азырха афункциаҽы иаҳԥылар алшоит.

Ахьызцынхәра **иарбанзаалак** хыԥәкра зызнауа ажәа иацны иаҳԥылоит еиҳарак. Ишеицу урҵ синтаксистә функциак нарыцлоит (азхҳәаа ма азырха), усҟан азҳәеи дареи рыбжьара асинтаксистә хаҽытә еизыҟазаашьа шьаԥәгылоит: Дарбанзаалак аҟәыш амҩа уԥәиҵоит.

Ахьызцынхәраԥәа дарбанзаалак, дызусҵазаалак функциала еиԥәшәоит, еибаԥсахыр рылшоит. Ажәаҳәаҽы имаԥны ахархәара рымоуп,

иаҳҵылогьы еиҳарак аѡбатәи, ахҵатәи ахаҽытә ҵакҟәа рыманы иаҳҵылоит.

Иҳәаақәҵам (еилкаам) ахьызцынхәрақәа рфункциа рыҵаны ҳхы иаҳархәо ахыҵхьазаратә ҵхьазара хьызқәа акы, азәы азхҳәаатә азырхатә ҵакҟәа нарыгзоит аҳәоу аҽы. азҳәеи дареи рыбжьара ишьақәгылоит асинтаксистә хаҽытә еизыҟазаашьа, дара морфологиала ахаҽытә, ахыҵхьазаратә еилагыларақәа шрымамгьы. Урҵ хықәкра ззыруа аҳәоу аҽы ҳзыхцәажәо аилкаарақәа роуп, убри аҟнытә азҳәеи дареи рыбжьара ишьақәгылоит ахҵатәи ахаҽытә еизыҟазаашьа. Ахҵхьазаратәқәа акы, азәы классла аиҽагылара рымоуп. Убри аҟнытә азҳәеи дареи рыбжьара класслагьы аиқәшәара ҟалоит: Азәы иҵҳәыс шаҳаҵс дҟаиҵон (ажәаҵҟа); Зхы ҳаҵыр ақәызҵо азәгьы ҳаҵыр иқәиҵоит (ажәаҵҟа); Азәы иуааҳәыѡцәа ашьхаҟа ирҵшуан (ажәаҵҟа); Акы згыз игыз идыруан, ѡба згыз игыз идыруамызт (ажәаҵҟа); Акы ахьырҳәо акы ыҟоуп (ажәаҵҟа); Аҵҳәызба ҟаыҵш азәыр дижьама? (Б. Шь.).

Еилкаам хьызцынхәра ҳасабла ахархәара амоуп ажәа ҵьоукы\\шьоукы. Аригьы морфологиала ахаҽытә, акласстә, ахыҵхьазаратә еиҽагылара ҟәа амазам (жәартә ҵакыла аизгатә ҵакы амоуп), аха аҳәоу аҽы позициас иианнакыло иаҽырҵшны (ажәаҳәаҽы изацәажәо ма изыхцәажә) синтаксисла ишьҭнахуеит аѡбатәи ма ахҵатәи ахаҽытә ҵакы, убри ахаҽала азҳәеи мареи рыбжьара иҟалоит аиқәшәара.

Жәартә ҵакыла еиҳарак ауаѡытәыѡсатә ҵакы аҵаны ахархәара амоуп, аха амаҵәар иакынгьы зхы ианаҳархәо ыҟоуп. Акласстә ҵакы иамоу азҳәаҽы изарбахом, избан акәзар арацәа хыҵхьазарала иарбахоит азҳәаҽы, арацәа хыҵхьазараҽы ахаҽытә ҵынгылақәа (исубиекттәзааит иобиекттәзааит) акласс аадырҵшзом: Абгьы ҽыхуа гәырҵа ашәала иалоуп шьоук ачеи (Б. Шь.); Ҵьоукы амхы иалоуп, аҵьыкәреи ҽыхуа; Амра ацара амацараз Аҳаргь налгом илхакны. Иҵалкоит уи лыҵшзара, Ҵьоук аблыр ҳәа дацәшәаны! (Б. Шь.). Ахьча иҵьмақәа ҵьоукы абна ицәылахеит.

Аҵхьазаратәқәа акы, азәы асуффикс –р рыцны иаҳҵылоит. Усҟан урҵ ахҵхьазаратә ҵакы рцәызны еилкаам ахьызцынхәратә ҵакы еиҳа инагзаны ишьҭырхуеит: Акры убама, акры уаҳама, азәыр дуқәшәама, азәыр рызбахәқәа аарылаѡит.

Ахҵхьазаратә азәы иацны иаҳҵылоит иара убас асуффикс –рѡы – азәырѡы. Усҟан уи аизгатә ҵакы шьҭнахуеит, ауаѡытәыѡсатә ҵакы аманы иаҳҵылоит, азҳәеи иареи рыбжьара асинтаксистә хаҽи хыҵхьазареи рыла аиқәшәара шьақәгылоит: Азәырѡы уа срықәшәеит. Ахьызцынхәра акыр аамҵатә цынгылангьы иаҳҵылоит: Уи ашьҭахь акыр бжьысит иареи сареи ҳаиқәшәааныа.

Амапкратә хьызцынхәрақәа рфункциа рыманы иаҳҵыло ажәақәа акгьы, азәгьы, акымзарак, азәымзарак аҳәоу аҽы азхҳәаа ма азырха афункциа нарыгзоит, азҳәеи дареи рыбжьара ишьақәгылоит асинтаксистә, хаҽытә, хыҵхьазаратә, класстә еизыҟазаашьақәа. Арҵ ажәақәа ҵакылагьы морфологиалагьы ахаҽытә ҵакы рымазам, аха ажәаҳәаҽы еиҳарак ҳзыхцәажәо аилкаара хықәкра азыруеит, убри аҟнытә синтаксисла ахҵатәи ахаҽытә ҵакы шьҭырхуеит. Убри ахаҽытә ҵакы азҳәа ҽеақәнаршәоит: Акгьы\\акымзаракгьы (и)сымбеит; азәгьы\\азәымзаракгьы дсымбеит. Акгьы, акымзаракгьы аматәарқәа ирызкны ҳхы иаҳархәоит; азәгьы, азәымзаракгьы – ауаѡытәыѡса изкны.

Хыԥхьазарала аиҽагылара рымазам, аха азхәаҽы азаҵҽ хыԥхьазарала иарбахоит: азәгьы\\азәымзаракы дмааит; акгьы\\акымзаракгьы (и)-сымбеит.

Аԥхьазара хьзы ҵакыла ахьызцынхәра излазааигәоу убри ауп, уи иамазам аконкреттә жәартә ҵакы, ахыԥхьазаратә ҵакы иаанарԥшуа абстракттә еилкааароуп, иналкааны маҵәарк иазкзам.

Традициала аԥхьазара хьзы зхала иҟоу ажәаҳәа хәҵаҟәа ирхыԥхьазалоуп, ацхыраагзатә ажәаҳәа хәҵаҟәа ирхыԥхьазалатәуп ҳәа зҳәо шыҟоугьы[1]. Избан акәзар уи иамоуп егьырҵ зхала иҟоу ажәаҳәа хәҵаҟәа изларҽагыло аҷыдарақәа. Акы, аԥхьазара хьзы иамоуп ахатәы жәартә ҵакы – ахыԥхьазаратә ҵакы, уи егьа иобстракттәызаргьы, ахԥхьазаратә ҵакала аԥхьазаратә ажәаҟәа аки-аки еиҽагылоит. Аԥхьазара хьзы егьырҵ ахьызҟәа ирҽагылоит ажәаԥсахра алагьы, уи акласстә еиҽагылара ада иамазам ажәаԥсахра. Акласстә еиҽагыларақәа раарԥшразы иамоуп иара ахатәы суффиксҟәа –ҿы, -ԥьа, -ба.

Ажәахырҽиаарала уахәаԥшуазаргьы, аԥхьазара хьзы иамоуп аҷыдара, уи ахырҽиаара змам иарку ажәаҳәа хәҵоуп.

Аԥхьазара хьзы егьырҵ зхала иҟоу ажәаҳәа хәҵаҟәа ирҽырԥшны ианахәаԥшуа, уи аԥсыҽрақәа иамоугьы адырбоит. Убарҵ ирԥшуп, иаҳҳәап, синтаксистә функциала амаԥьанарақәа иамоу. Аурыс бызшәаҟны уи традициала синтаксисла изыдҳәалоу ажәеи иареи ҳәоу хәҵакны ирыхәаԥшуеит. Иаҳҳәап, Я купил шесть книг еиԥшу аҳәоу аҽы **шесть книг** еицҵаны обиект ҳасабла иахәаԥшуеит, избан акәзар аԥхьазара хьзы иаанарԥшуа ахыԥхьазаратә ҵакы уи зҵааиуа ажәа иазҷыдарам ҳәа ирыԥхьазоит. Зҵаарала ҳазнеиуазаргьы я купил ксколько? ҳәа азҵаара ыҟәҳаргылар, аҵак ҟаҳҵароуп **шесть** ҳәа. Усҟан **шесть** абстракттә еилкааароуп, иаҳнарбо ҳәагьы, ҳәоу хәҵас иаҳаԥхьазаша акгьы аанагом ҳәа азгәарҵоит. Убри аҟнытә азҵаара ыҟәыргылатәуп **Я купил сколько книг?** ҳәа, аҵакгьы ҟаҵатәуп **я купил шесть книг** ҳәа. Ус анакәха, аԥхьазара хьзы зҵааиуа ажәеи иареи синтаксисла еицрыхшьа рымам ҳәа ирыԥхьазоит.

Ахьызцынхәрагьы аконкреттә ҵакы амам, аха аҳәоу аҟны уи еснагь хыҟәкра зызнауа, иаԥсахуа ажәа ыҟоуп, убри аҟнытә уи асинтаксистә функциа еиҳа еилкааԥ ҳәа ирыԥхьазоит.

Аԥхьазара хьзы дырҽеиҭыҳ ԥсыҽрас иамоу убри ауп, ахыԥхьазаратә ҵакы змоу (еилкаау акәзаргьы, еилкаам акәзаргьы) уи еиднакыло ажәаҟәа морфологиатә еилазаашьала ҵьара реидкылара залшом ҳәа ирыԥхьазоит. Избан акәзар уа еидыркыло ажәаҟәа еиҳа иззааигәоу егьырҵ ажәаҳәа хәҵаҟәа ыҟоуп ҳәа ирыԥхьазоит. Иаҳҳәап, аԥсуа бызшәаҟны аԥхьазара хьзы иахырыԥхьазало ажәаҟәа рҟнытә аишьҭагылатәҟәа актәи, аҩбатәи, ахԥатәи уҳәа ажәахырҽиаашьала, синтаксистә функциала иҟазшьарбаҟәоуп, ахԥхьазаратә шьаҭаҟәа ажәахырҽиааратә (аҟазшьарбатә) суффикс –тәи рыцҵарала ишьаҟәгылоит. Асуффикс –тәи еиуеиԥшым ажәаҳәа хәҵаҟәа рҟнытә иаҳнаҵо ажәаҟәа изхырҽиаау ажәаҳәа хәҵаҽы ианахазом, иаҳнаҵоит ажәа ҽыц – аҟазшьарба. Иаҳҳәап, ацынгыла **иахьа** асуффикс –тәи ацахҵар, ишцынгылоу ианахазом, аҟазшьарбахьы ииасуеит. Убас, Аҟәа – аҟәатәи,

[1] Уахә.: Александров Н. М. К вопросу о частях речи в индоевропейских языках. Вопросы теории частей речи. Л., 1968, стр. 107 – 115.

цаҟа – цаҟатәи, хыхь – хыхьтәи, нырцә – нырцәтәи уҳәа уб.иц. Убри аҟнытә аԥхьазаратә шьаҭа жәаба асуффикс –тәи анацаҳцалак, иҳауа ажәагьы ԥхьазара хьзуп ҳҳәар ииашам, ҳәарас иаҭахузеи, уи зыҟашьатә ҟазшьарбахоит, синтаксислагьы даеа хьзык ҳәаақәнаҵоит, иҳәаақәнаҵо ажәагьы иаԥынгылоуп, азыҟашьатә ҟазшьарба еиԥш: ажәабатәи аихагыла, аԥшьбатәи аҿны, ахәбатәи ариад уб.иц.

Убри адагьы абас иҳауз ажәаҟәа акласстә еиҿагылара рцәызуеит аҟазшьарба ишамам еиԥш. Иаҳҳәап ахԥхьазаратәҟәа классла еиҿагылоит хәба – хәҿык, актәи, аҿбатәи, ажәабатәи классла аиҿагылара рымазам. Ус анакәха абас иҟоу ажәаҟәа аԥхьазара хьзы ахыԥхьазалара зынза цаҵгәы амам.

Убас, аҷыдара рымоуп азырҳаратәҟәагьы. Урҭгьы шьаҟәгылоит ахԥхьазаратә шьаҭаҟәа асуффикс –нтә рыцҵарала – хынтә, ԥшьынтә, хәынтә,, аҭыԥтә цынгылаҟәа – абрантә, убрантә, хыхьынтә, усҟантә шьышьаҟәгылоу еиԥш уб.иц. Абасала иҳауз ажәаҟәа ацынгылатә цакы шьҭырхуеит, ицынгылахоит[1], аҳәоу аҟынгьы аҟаҵарба иацааиуеит: дыԥеит хынтә, азцаарагьы аҟаҵарба (азҳәа) аҟнытә ишьҭнахуеит: дыԥеит шаҟантә? Иаҿырԥшны, иаасхәеит х-шәҟәык, иаасхәеит шаҟа шәҟәы? – х-шәҟәык.

Азырҳаратә цынгылаҟәа аԥхьазара хьзы иаҿагылоит морфологиалагьы, избан акәзар аԥхьазара хьызҟәа зегьы ирзеиԥшу акласстә категориа азырҳаратәҟәа ирымазам, иарбанзаалак ацынгыла уи еиԥш иҟоу аиҿагылара шамам еиԥш.

Аурыс бызшәаҟынгьы иҟоуп азырҳаратә цакы змоу ажәаҟәа: дважды, трижды уҳәа, урҭ ацынгылаҟәа ирхыԥхьазалоуп.

Аԥсшәаҟны иаҳԥыло аиҟәшаратәҟәа ҿба-ҿба, хәба-хәба ԥхьазара хьызҟәоуп, егьырҭ аразриадҟәа реиԥш классла аиҿагылара рымоуп: хԥа-хԥа, хҿы-хҿы…

Ацхыраагзатә ажәаҳәа хәҭаҟәа ҳәа изышьҭоугьы имаҷымкәа апроблемаҟәа рыцуп. Урҭ зынза ажәа иадукыло иҟам, ажәаҳәа хәҭагьы иадукыло иҟам, избан акәзар ажәеи ажәаҳәа хәҭеи рзы ишьаҭаркыроу аҷыдараҟәа рҟнытә акгьы дара ирымам: рхатә цакы, иабстракттәзаргьы, ирымам; аформаԥсахра рымам, ҳәоу хәҭас изыҟалом; рхала ажәак иа ымкәа иуԥымлогьы маҷым (иаҳҳәап, аԥсуа бызшәаҿы аидҳәалагаҟәа ,ҭгьы, ашьҭынгылаҟәа ҟа, нза, нтәи).

Аха ажәаҳәа зда ихәарҭам дара рхатә функциаҟәа рымоуп, абызшәаҟәа зегьы рҟны иаҳԥылоит. Ус анакәха урҭ ажәеи ажәаҳәа хәҭеи ирҿамыргылаҟәа, ажәаҳәатә маҭәахәҟәа ҳәа хазы иалкаазар еиҭьхар ҟалап. ҵьарак реидкылара (рыҿнуцҟа функциала ишаны) алзыршо еицырзеиԥшу аҷыдараҟәа шьаҭас илыҟаҵаны.

Хыхь иҟаҳҵаз анализ иаҳнарбо ҳныҟәныҟәаны иҟаҳҵар ауеит абарҭ алкааҟәа:

1. Аԥсуа бызшәаҟны зхала иҟоу ажәаҳәа хәҭаҟәа – ахьызҟа, аҟазшьарба, ацынгыла, аҟаҵарба, ахьызцынхәра, аԥхьазара хьзы – ралкааразы иуҿагыло, збашьа змам проблема ыҟазам.

2. Ажәаҳәа хәҭа ахьызцынхәраҿы еидаҳкыло ажәаҟәа ралкаара аан ҿ-принципк ҳрыҟәныҟәозар ҟалоит. Акы, еидаҳкылар ҟалоит ахыҟәкратә

[1] Уахә.: Арсҭаа Ш. К., Чкадуа Л. П. Аԥсуа литературатә бызшәа аграмматика. Аҟәа, 2002, ад. 113.

функциа назыгзо, даеа ажәаҳәа хәҵак ахаҵыԥан ахархәара зылшо ажәаԥәа зегьы. Усҟан ахьызцынхәра иахыԥхьазалахоит егьырҵ ажәаҳәа хәҵаԥәа рҟнытә иаагоу морфологиатә структуралеи синтаксистә функциалеи еиԥәымшәо ажәаԥәа. Усҟан ахаҽыҵәԥәа, арбагатәԥәа (арбагатәԥәа, хыхь ишарбоу еиԥш, аҟазшьарбаԥәа ирхызыԥхьазало ыҟоуп, аха уаҩ дзаԥәшаҳаҵхом) уҳәа инрыварҗыланы иалкаатәхоит аҟазшьарбаԥәа схатәы, ухатәы, аҟаҵарбатә формаԥәа изакәызеи, дызуҵада, дзеиԥшроузеи, дабатәиу, ацынгылаԥәа иаба, инаба, ишԥа, аԥхьазара хьызԥәа акы, азәы, шаҟа, шаҟаҩы уҳәа уб.иҵ.

Аҩбатәи азнеишьа ҳԥәныҟәаны иалҳԥаар, еидаҳԥылоит ҵакылагьы, функциалагьы морфологиатә еилазаашьалагьы еиҳарак еиԥәшәо, даеа жәаҳәа хәҵак ахь иаҵанамкуа ахьызцынхәраԥәа. Арагьы иаҳҽагыло ҟалоит, избан акәзар арбагатәԥәа морфологиатә еилазаашьала егьырҵ ахьызцынхәраԥәа ирыԥәшәом, арҵ ахаҽыҵә, акласстә еиҽагылара зынза ирымазам. Ирымоу ахыԥхьазаратә еиҽагыларо уп, иара уигьы суффиксла иаарԥшуп, аха семантикалеи (аобстракттә), функциалеи (ахыԥәкытә функциа), синтаксислеи (субиеттә-обиекттә функциаԥәа) ахьызцынхәраԥәа еиҳа ирзааигәоуп егьырҵ ажәаҳәа хәҵаԥәа раасҭа.

Убас, аҩбатәи азнеишьала (инагзаҵәҟьаны еиԥәымшәо ыҟазаргьы) еидкылазар ҟалоит ахаҽыҵәԥәа, арбагатәԥәа, иҳәаакәҵоу (схаҵа, ухаҵа, зегьы), иҳәаакәҵам (шьоукы, ҵьоукы), азҵааратәԥәа (иарбан, дарбан...).

3. Аԥхьазара хьзы еиднакыло ажәаԥәа ралкаара аангьы ҳҳы иаҳархәаар ҟалоит ҩ-знеишьак. Акы, аԥхьазаратә ҵакы змоу ажәаԥәа зегьы еидаҳԥылар ҟалоит ажәаҳәа хәҵа аԥхьазара хьзы аҟны. Усҟан ара еидкылахоит морфологиатә еилазаашьалеи, синтаксистә функциалеи, ажәахырҽиааралеи еиԥәымшәо ажәаԥәа. Убас, ара еидкылахоит ахԥхьазаратәԥәа, аиҟәшаратәԥәа уҳәа инрыварҗыланы аҟазшьарбатәԥәа актәи, аҩбатәи, ахԥатәи... ацынгылатәԥәа ҩынтә, хынтә, ԥшьынтә, имаԥны, ирацәааны уҳәа уб.иҵ.

Аҩбатәи азнеишьала еидкылахоит ахԥхьазаратәԥәа, аизгатәԥәа, аиҟәшаратәԥәа, азааигәаратәԥәа.

Габуниа М. М. (Нальчик)
Р.Гусман Тирадо (Гранада)

К ПРОБЛЕМЕ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЯЗЫКОВ В ЛИНГВИСТИКЕ XXI ВЕКА

Разве мы должны менее грустить о потере эякского или убыхского языков, чем от потери панды или кондора Калифорнии.

М. Краусс

Современный мир – это движение к новой, более радикальной фазе глобализации и политической интеграции, и он требует самоутверждения местных, региональных и этнических интересов, проявлением которых является возникновение новых независимых государств в Восточной и Центральной Европе. Трения, создаваемые в обществе, ставят сложные задачи, касающиеся статуса языков и языковых процессов.

Одна из важнейших проблем современной лингвистики – это комплекс нерешенных вопросов о малочисленных языках мира и нахождение новых методов сохранения их во времени и пространстве. В настоящее время в большинстве цивилизованных стран наблюдается запоздалое стремление остановить процесс языковой ассимиляции, во многих странах национальная политика направлена на развитие и поддержку малочисленных языков. При рассмотрении данных вопросов необходимо учитывать совокупность факторов, определяющих социально-языковое состояние и основные проблемы лингвоэкологии как общего, так и чисто лингвистического характера, которое включает такие компоненты: политико-административный статус, степень развитости ее политической, экологической и социальной инфраструктур, этнодемографические и образовательные особенности населения, принципы национально-языковой политики, принадлежность к определенному культурно-историческому ареалу, общий объем коммуникативного пространства данного языка и других используемых языков на данной территории, их общественных функций и другие аспекты.

Процессы, происходящие в обществе, всегда отражаются в языке. Известно, что современная языковая ситуация в мире сформировалась в результате активно протекавшей урбанизации, миграции, под воздействием политических, межэтнических процессов, войн, а также развития туризма и других факторов (например, многие кавказские этносы оказались в бóльшем количестве на чужбине, чем на исконной родине, и т.д.).

Гуманитарная наука вновь и вновь возвращается к этой ситуации, но до сих пор нет совместных общих социально-политических и лингвистических решений. В силу такой обстановки лингвисты должны располагать настоящей информацией для планирования приоритетов в социолингвистических исследованиях. Принятые документы и решения носят декларативный характер, нет специальных заинтересованных комиссий, которые контролировали бы решения в каждом отдельном случае, нет постоянно действующих научных центров.

Например, из 230 альяских языков только два языка изучают дети, и то, как предмет. В северных районах России из 30 языков только 14 изучаются, т.е. 60-70% - на грани исчезновения. Что касается США и Канады, то в этих странах из

187 языков 149 – на грани исчезновения. В общем из 900 языков Америки – 300 в опасности, они находятся на грани исчезновения. В Австралии обстановка не лучше – на грани исчезновения 90 процентов языков. По подсчетам российских социологов, в России приблизительно 50% - исчезающих. Наши подсчеты составляют большее число – 60-65%.

Согласно известному ученому М. Крауссу («Языки мира в кризисе», 1992), в конце XXI веке исчезнет 90% существующих языков, что представляет собой глобальную мировую катастрофу, до сих пор неизвестную истории человечества. Помимо уже уходящих (умирающих – по Крауссу) языков, есть языки, которым угрожает исчезновение. В эту группу автор включает языки, на которых говорят от 100 до 300 тысяч человек, практически владеющих родным языком. Пока их дети учат в школах родной язык, они в какой-то степени сохраняются, но исследования показывают, что уменьшается число изучающих родной язык, и в ближайшие 100 лет эти языки перестанут изучать. И данный процесс является угрозой для синергетической системе нашей планеты…

Сегодня, как никогда, встает очень много вопросов, касающихся малочисленных языков, в частности: кто должен заниматься этой проблемой; какова роль государства и общественных организаций в этом процессе; скольким языкам грозит исчезновение; кто будет финансировать проекты, координировать их и др. Главное – определить роль лингвистов, способных оказать серьезное влияние на решение этой проблемы и уточнить приоритеты в исследовании малочисленных языков, направленных на их сохранение, используя и традиционных опыт.

Если проанализировать ситуацию, очевидно, что политически доминирующие языки и культуры ставят малочисленные языки в такую ситуацию, что они вынужденно исчезают. Информация правительства не всегда достоверна, потому что она носит статистический характер, а не научный (определяется по национальной принадлежности, а не по владению языком). Самое удивительное в том, что доминирующий в мире английский язык занимает первое место по воздействию на исчезновение языков. Основная часть языков мира исчезли благодаря английскому языку. В этом плане русский язык приблизительно такого уровня, только среди народов Севера. И если это соотношение распределить по всей России, тогда получится 50-55%.

Главная причина, по нашему мнению, которая привела к настоящему уровню смертности языков, - это геноцид, а именно: социальный, экономический, политический, демографический, языковой запрет, образовательный и СМИ. Телевидение, как отмечено Крауссом, для малочисленных языков - это культурный нервно-паралитический газ, оружие для их уничтожения. Все это выглядит очень пессимистично. Лингвистическое богатство мира, как видим, в XXI веке постепенно теряет представителей своей пестрой картины языков. Примером может служить один из самых коренных языков Европы, так называемых «менее престижных», - это язык цыган, этнос, который распространен по всему европейскому материку. Равнодушие, даже презрение к этому языку, приводит к тому, что он иногда «не признается» как европейский, который нуждается во всесторонней помощи для существования и сохранения как этническая единица. Можно поражаться тому, какое мизерное (и то чисто историко-этнографическое) внимание уделяют европейские университеты этому языку. Нет даже ни одного общего концентрированного центра всех его диалектов и говоров.

Социолингвист Акира Иамамото (Akira Yamamoto) в работе «Местные реакции на языковой кризис», исследуя языки гуалапай (Gualapai), сделал ряд существенных заключений, важных для носителей данного языка. Акира составил

программу занятий на двух языках - на родном гуалапай и английском. Американский центральный институт по развитию языков направил на изучение языка гуалапай носителей данной языковой единицы. Составленные программы, экспериментально подтвержденные, вошли в программы школ, институтов, университетов как интеграционная часть общего развития студентов. Основное преимущество этого метода, как нам представляется, в том, что носителям было впервые показано преимущество и возможности родного языка. Он так же, как все языки мира, дает знание и образование.

Науке известны также результаты обследования некоторых миноритарных языков Никарагуа. По данным Колетте Краид (Kolette Craid), на Атлантическом берегу Никарагуа существует область-полиглот, в которой широко распространено многоязычие, где, кроме испанского, английского и родных языков, есть люди, которые говорят на языках никкитум, суму, рама, гарифуна (носители - от 10 тысяч до нескольких десятков). Когда эти языки получили автономию, они были признаны конституцией Никарагуа, вошли в Атлантическое сообщество малочисленных языков и культур. Все это означает признание **мультиэтнической** и **мультиязыковой** природы населения Никарагуа. На основании юридических, языковых прав и проведенных мероприятий был сохранен язык рама. **Спасение не состоит в создании нового общества носителей исчезающего языка, а состоит в самом уважении и создании возможных условий сохранения и развития этнической специфики данного языка.** Человеческая ценность не может быть исчислена количеством людей - носителей языка. В этом плане помехой не должны быть титульные языки, которые пользуются преимуществом в некоторых малочисленных республиках России.

Известный кавказовед А.Е.Кибрик, изучая проблему исчезающих языков России, классифицирует их на 5 групп. В группу I входят языки, на которых количество говорящих доходит до 10-15 человек (алеутский, керекский, югский), фактически их уже нельзя спасти. В группу II входят «смертельно больные языки», которые нуждаются в срочных мерах по их ревитализации (энецкий, ительменский, удэгейский и др. языки). В группу III входят «серьезно больные языки» (эскимосский, юкагирский, нихский). Группу IV составили «хронически больные языки», которые сохраняют определенную сопротивляемость и стремление их носителей к культивированию своего родного языка (орочский, ульчский, селькупский, кетский языки). К группе V отнесены бесписьменные языки, обслуживающие малочисленные этносы на уровне разговорно-бытового общения семьи и села. Это языки Дагестана: арчинский, гинухский, гунзибский, годоберинский и др. (Кибрик, с. 69-79). Это позволяет сделать вывод о том, что «этой опасной зоне находится половина миноритарных языков» (Нерознак, с. 7).

При правильной национальной политике государства, разумеется, многие причины исчезновения можно свести к минимуму. Оценивая состояние изученности бесписьменных народов СССР, М.Е. Алексеев отмечает, что «языковые коллективы, проживающие компактно и относительно замкнуто, менее подвержены процессам перехода на другие языки, в то время как активное иноязычное окружение заметно ускоряет эти процессы» (с. 17). Ссылаясь на наблюдения последних лет, автор характеризует пагубное влияние переселения и миграционных процессов, при этом подчеркивая, что с отрывом от традиционной среды существования фактически утрачивается одна из важнейших функций языка - моделирование специфической для данного языка картины мира. Эти факторы способствуют ускорению процессов утраты родного языка.

Сегодня необходимо решительно пресечь любые попытки вытеснения малочисленных этносов. Существующие факты говорят о том, что многие современные могущие языки, как английский, немецкий, французский и др., зародились как диалекты малочисленных этнических групп, племен или общин, не имевших на момент возникновения ни малейшего культурного и политического влияния на империю.

Однако сегодня это мощные языки и обязаны защитить и сохранить исчезающие языки миноритарных этносов. В настоящее время, используя современные технические системы, число носителей языков можно сосчитать более или менее точно, т.е. приближая к объективности. Однако эти данные тоже в некоторых случаях могут быть относительными, так как существующие в мире социальные и политические интересы иногда могут сыграть свою негативную роль и привести к ложным ответам. Если информатор владеет двумя языками, один считается государственным, более престижным, другой – менее; бывают случаи, когда информатор признает, что говорит лишь на первом, престижном языке, хотя его родным языком является второй – менее престижный, чтобы «завоевать» симпатию элитного государственного языка.

При описании языковой ситуации в любом регионе мира прослеживается связь целого ряда факторов социологического, демографического, лингвистического характера для признания языка своей национальности в качестве родного. К экстралингвистическим факторам относится коэффициент этнотерриториальной компактности населения, интенсивность миграционных и переселенческих (местных) процессов, проживание населения в городской или в сельской местности, религия, смешанные браки и др. К лингвистическим признакам относятся такие, как степень изученности языка, его диалектов и их отдаленности, состояние функционирования литературного языка. Если в качестве родного языка называется язык, связанный не с этническим происхождением, а с социальной обстановкой, в такой ситуации происходит постепенное исчезновение языка. Компактное проживание населения, малая его миграция, жизнь в сельской местности, сохранение эндогамности способствуют сохранению и развитию своего родного языка.

В настоящее время в любой среде можно встретить поликультурные, неоднородные общества со своей мультикультурой. Это значит, что у носителей разных языков складывается разное восприятие мира, разные субкультуры, что необходимо учитывать уже при обучении детей в школах. Вся языковая система в поликультурных обществах должна быть ориентирована на мирное сосуществование языков и культур, дающих развитие метаязыкового сознания и приобщение к иному видению мира. Отсюда понятно, что самым разумным является не просто терпимость, как обычно говорят, к чужой, рядом существующей культуре, а взаимное приятие культур, активное взаимодействие и взаимоуважение.

Лингвисты должны включиться в социальную жизнь миноритарных языков и внести свой вклад в их поддержку. «Если бы все усилия ученых были бы направлены на изучение не доминирующих языков, а малочисленных, то через 5 лет мы получили бы информацию обо всех существующих языках», - пишет известный испанский социолингвист Juan Carlos Moreno (2000, с. 231). В настоящее время необходимо вести активную научно-практическую работу, защищая законодательные права исчезающих языков, принятых в официальных документах и декларациях, в то же время глубоко проникая в состояние их изученности. Исследованию исчезающих языков нужно придать многоплановый характер как в

лингвистическом, так и в историческом, культурном, социально-политическом, экологическом аспектах.

Советом Европы в 1992 г. принята Европейская Хартия о региональных языках и языках меньшинств, которая обязывает все государства – члены Совета Европы соблюдать декларируемые Хартией языковые права национального меньшинства государства. Подход, применяемый в Хартии, предусматривает требование – учитывать культурную и социальную реальность, принимать меры для содействия сохранению региональных языков и языковых меньшинств.

Основная задача Хартии – защита и поощрение региональных языков и языков меньшинств как культурного наследия всего мира. Главное внимание в ней уделяется культурному аспекту и использованию языков во всех сферах жизни его носителей.

Приходится с горечью констатировать, что в мировом сообществе в целом по отношению к коренным малочисленным народам доминирует ассимилятивный подход. Это вызывает необходимость принятия новых международных норм по сохранению и защите исчезающих языков, особой языковой программы их жизни. По данным Т.Л. Пятаковой, в 1999 г. из 22652 учащихся г.Майкопа Республики Адыгея адыгейский язык изучали 10583 чел., т.е. 47%. Преподавание адыгейского языка ведется практически во всех общеобразовательных школах города. В 1993 г. в г.Майкопе адыгейский язык изучали всего 6% учащихся. Вместе с тем, несмотря на значительное увеличение количества изучающих адыгейский язык, русский продолжает оставаться языком основного общения между учащимися-адыгейцами в школе. По всем данным, только 1% адыгейцев города говорит в школе на родном языке. Уровень владения родным языком среди учащихся остается низким: 32% городских школьников «вообще не говорят» и 25% - «говорят с большим трудом» (с. 190). Значит, данное поколение уже относится к «больному этносу», оно уже не в состоянии передать родной язык очередному поколению. Позже эти процессы отразятся на языковой компетенции. Такое же положение наблюдается и в других городах Северо-Западного Кавказа.

Признавая человека и субъектом, и объектом, и результатом, и высшим мерилом человеческой цивилизации, нельзя допускать противопоставления малочисленных и многочисленных наций друг другу, а тем более разжигать между ними какую-либо разновидность вражды и ненависти. А они, к сожалению, существуют. К наиболее распространенным типам конфликтов в наше время можно отнести: конфликты межнациональные, межэтнические, расовые, религиозные и другие. Межнациональные и расовые конфликты охватывают этнически разнородные массы людей. В их основе лежит много факторов: разность национальной и религиозной принадлежности, территориальные споры, расизм, национализм, фашизм и др. Простых воспитательных мер по урегулированию такого рода конфликтов недостаточно, необходимо изначально сохранить законодательное равноправие всех граждан независимо от национальной принадлежности и количества этноса.

Известный кавказовед академик РАН Г.Г. Гамзатов в предисловии к книге «Дагестанские языки» пишет о том, что билингвизм не может строиться на альтернативе «или-или» и тем более – реализовываться за счет судеб национальных языков, сужения сфер их функционирования и тем самым ущемления лингвокультурных интересов народов Дагестана. Он предлагает максимально разумный, внимательный и справедливый учет языковых потребностей каждого из этносов, без попытки выстраивания их по ранжиру и табели о рангах. Не предпочтение одного перед другим, а свободное владение обеими языковыми стихиями и

равноправное пользование ими в социальной практике – такова общая теоретико-методологическая и практическая установка на феномен двуязычия. Недооценка любого из языков сопряжена с невосполнимыми издержками духовного развития общества в целом (2000, с. 14).

Кроме этого, многие проблемы межнациональных отношений и защиты миноритарных языков были бы успешно решены, если бы для каждого человека законодательно признавался приоритет родных языков, а не государственных языков титульных народов. Это позволило бы устранить правовое неравенство между носителями государственных языков и языков, не имеющих официального статуса. В эффективном использовании всего национально-культурного генофонда и состоит новая модель человечества, ориентированная на изменение системы ценностей. В этом источник выживания малочисленных языков мира.

Вместе с тем, как очевидно, культура языковой жизни и культура национального самосознания – категории взаимосвязанные и взаимообусловленные. Нужна оптимальная концентрация цивилизованных национальных отношений, разработанных Всемирным комитетом ученых по защите исчезающих языков.

Мы считаем целесообразным во многих университетах открывать кафедры и центры по социолингвистике для изучения малочисленных языков. В первую очередь, они должны быть поддержаны ЮНЕСКО, Европейским Союзом и многими современными общественно-политическими организациями. Проекты и программы должны быть составлены так, чтобы они помогали развитию, изучению и внедрению данных языков. Наше видение первого этапа создания центра по изучению малочисленных языков выглядит примерно в такой последовательности (при возможной корректировке). Центры должны защищать интересы малочисленных языков от начальной стадии изучения до карьеры (в том числе даже социальной). Они должны иметь свои национально-специфические особенности – и в исследовательской, и в преподавательской, и в административной структурах, где в обязательном порядке должны участвовать носители малочисленных (исследуемых) языков. На начальном этапе необходимо:

1) проведение семинаров для распространения и привлечения научного интереса к этим языкам. Издание серии работ по данным языкам;
2) составление сводного библиографического справочника по изучаемым языкам;
3) составление многоязычных словарей, в основе которых лежит известный большинству язык (где будут представлены и малочисленные и многочисленные языки);
4) проведение лингвистической компьютеризации (составление программ лингвистических обследований, анкеты для разных возрастов, записи текстов, аудио- и видеоматериалы, картографирование как в диахронии, так и в синхронии);
5) установление реального социолингвистического и политического статуса миноритарных языков через банк данных и происходящих в них изменениях (процессах);
6) связи и экспедиции (с включением молодых исследователей) в места компактного проживания данных языков;
7) изучение опыта других центров и сотрудничество с ними, а также с другими научными учреждениями, занимающимися данными проблемами;
8) систематическое распространение полученного опыта через журналы, методические пособия, программы и научную литературу;

9) создание лингвопедагогических многоплановых разработок, используя существующий мировой опыт;
10) центры в основном должны быть при университетах, учитывая особенности их пополнения молодыми кадрами;
11) добиться планомерного финансирования и создания административной штатной структуры. Все вопросы решаемы, если этот параграф будет поддержан государственными и общественными организациями. По нашему мнению, последующая работа центра будет успешна только тогда, когда первый этап получит реализацию.

Наши усилия в этом направлении сводятся к изучению и укреплению социолингвистического положения малочисленных языков, составлению многоаспектных анкет, картографированию, обследованию состояния изученности языка, использованию мирового опыта в этом направлении для составления перспективной развернутой программы малочисленных языков в современном мире, а также проведению научно-практических мероприятий, оберегающих малочисленные языки от стихии самотека, субъективных инициатив политиков и обеспечивающих их материальную и духовную защищенность.

Не отрицая значимости традиционных путей постижения языка и культуры, следует подчеркнуть, что в XXI веке для изучения языков и культур малочисленных народов особое значение приобретают различные средства НИТ (новые информационные технологии), которые позволяют фиксировать их в устной и письменной формах, а также разработать методику кодирования и декодирования текстов на основе использования базы знаний во всех сферах функционирования языков.

Таким образом, современная языковая ситуация, как видно, характеризуется сложной иерархией социолингвистических признаков. Все языки, как многочисленные, так и малочисленные, должны быть субъектом равного языкового права. Образование и культурные ценности могут сохранить нации, как малые, так и большие.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев М.Е. Языки малочисленных народов СССР: современное состояние и перспективы. Сб.: Проблемы языкознания в СССР: 1987-1999 гг. М., 1992.

Габуниа З.М., Гусман Тирадо Р. Миноритарные языки в современном мире. Кавказские языки. М., 2002.

Гак В.Г. Аспекты языкового урегулирования // Национальные языковые проблемы СССР и зарубежных стран. М., 1990.

Габуниа З.М., Гусман Тирадо Р. Современные проблемы исчезающих языков (на исп. яз.). Гранада, 2001.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

Красная Книга языков народов России (под ред. В.П.Нерознака). М., 1994.

Краусс М. К общим проблемам социолингвистики. ВЯ. 1974, №4.

Краусс М. Языки мира в кризисе. 1992.

Moreno Cabrera, J.C. La Dignidad e Igualdad de las Lenguas (critica de la discriminacion Linguistica). Madrid, 2000.

Пазов С. У. (Карачаевск)

ТИПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Однородность членов предложения, а также их структурная форма выражения (имеется в виду такое синтаксическое явление, как распространенность) являются немаловажными показателями структурно-семантической организации простого предложения в целом. В данном сообщении представлена характеристика определения с точки зрения реализации им таких синтаксических категорий, как однородность и неоднородность, распространенность и нераспространенность.

Однородность считается одной из структурно-семантических категорий синтаксиса[1]. Однородными могут быть все члены предложения, а в некоторых случаях и компоненты членов предложения. Не является исключением и определение в абазинском языке. Однако отсутствие серьезного монографического исследования сущности определения и основных характерных особенностей его функционирования в структуре простого предложения сказывается и на степени изученности однородных и неоднородных определений и структурных разновидностей его выражения.

В лингвистическом абазиноведении нет исследований, посвященных рассматриваемому вопросу. Отдельные моменты, связанные с расстановкой знаков препинания в предложении, распространенном однородными членами, приводятся в работе Н. Т. Табуловой «Орфография и пунктуация абазинского языка»[2]. В этом отношении учебная литература по абазинскому языку, в силу своей специфики, начиная с первых же изданий (30-40-е годы XX в.) и по настоящее время определенное внимание уделяла и уделяет вопросу однородности членов предложения. Так, в учебнике «Грамматика абазинского язык. II. Синтаксис», составленный Т. З. Табуловым[3] и изданный в 1948 г., специальные параграфы посвящены «Однородным членам предложения», «Союзам при однородных членах предложения», «Знакам препинания при однородных членах предложения», «Однородным и неоднородным определениям», «Согласованию однородных членов предложения со сказуемым в числе», «Обобщающим словам при однородных членах», а также «Знакам препинания при однородных членах с обобщающими словами». Однако теоретический материал, приводимый в первых учебниках, страдал одним недостатком – он был ориентирован на школьные учебники по русскому языку, которые к тому времени уже имели большую положительную традицию изложения учебного материала, и часто копировал их. Порой некоторые положения, приводимые в школьных учебниках, прямо заимствовались их составителями из грамматики русского языка без учета особенностей абазинского. Например, вопрос согласования однородных членов предложения со сказуемым в числе на стр. 62 вышеозначенного учебника излагается

---

[1] Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. III. Синтаксис и пунктуация: Учебн. пос. –М.: Просвещение, 1981. –С. 143.

[2] Тобыль Н. Абаза бызшва аорфографии апунктуации //Тобыль Н. Абаза бызшва аорфография ажвар. – Черкесск: Къарча-Черкес гІвырагІацІщтырта, 1992. – 316-333 ан.

[3] Тобыль Т. З. Абаза бызшвала грамматика. II-хауа ахъвы. Синтаксис. – Ставрополь: Ставропольское краевое книжное издательство, 1948. – 46-63 ан.

так: «В абазинском языке в предложении может быть два или более подлежащих. В таких предложениях сказуемое может иметь и не иметь в своей структуре суффикс множественного числа «ква». В большинстве случаев сказуемое выступает без этого суффикса»[1]. В данном случае верно отмечено то, что при однородных подлежащих структура глагола-сказуемого выражает их множественность. Однако способ выражения этой формы множественности определен неверно. Известно, что финитная форма глагола в абазинском языке не имеет отдельного специального аффикса для обозначения формы множественного числа. Множественное число здесь выражается классно-личными аффиксами. Суффикс *–ква,* приводимый в учебнике якобы для выражения множественности, в самом деле в финитных глаголах абазинского языка обозначает модальность, а именно «неуверенность, неполноту действия»[2].

В лингвистике в наиболее общей формулировке «однородными называются члены предложения, которые находятся в одинаковых синтаксических отношениях с одним членом предложения, выполняют одну синтаксическую функцию и объединяются друг с другом сочинительной связью»[3]. Из этого следует:

- однородные члены возникают и существуют только на уровне предложения;
- однородные члены предложения синтаксически равноправные структурные элементы;
- они занимают синтаксическую позицию одного члена предложения;
- все компоненты ряда однородных относятся к одному члену предложения или связаны с одним членом предложения;
- связаны между собой сочинительной связью;
- в большинстве случаев имеют одинаковое морфологическое выражение, возможны однородные определения, выраженные различными частями речи или конструкциями, фразеологическими единицами;
- в семантическом плане выражают однородные (одноплановые) понятия[4].

---

[1] «Абаза бызшва апны йызквчважвауа гІвбата йа рыцІа йайхІата йангІайуа йаквчважвауа пхьадзара щарда гІазырбауа суффикс «ква» алатагьи йаламкІвагьи йгІайырныс ауаштІ. Ауаса рыцІа щардара йшгІайуа ауи асуффикс аламкІва акІвапІ. Умар, Мусса, сара апххъа хІыквчІвапІ (хІыквчІваквапІ), хІацгІайтІ (хІацгІайкватІ)». Тобыль Т. З. Абаза бызшвала грамматика. II-хауа ахъвы. Синтаксис. – Ставрополь: Ставропольское краевое книжное издательство, 1948. – 62 ан.

В действующих учебниках дается правильное толкование способа выражения множественного числа при однородных подлежащих: «Йацапшу йызквчважвакваua йыргІарбагата йаквчважвауа йалу субъект хъатарбага акІвпІ, йара ауыгьи йанакІвызлакІгьи щардара пхьадзара йтапІ» («Показателем однородных подлежащих в структуре сказуемого выступает классно-личный формант субъекта. Последний всегда имеет форму множественного числа»). Тобыль Н., Тлыс Л. Абаза бызшва. 8-9 аклассква. Синтаксис. – Черкесск: Къарча-Черкес гІвырагІацІщтырта, 1993. – 44 ан.

[2] Клычев Р. Н., Табулова-Мальбахова Н. Т. Краткий грамматический очерк абазинского языка //Абазинско-русский словарь /Под ред. В. Б. Тугова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – С. 516.

[3] Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. III. Синтаксис и пунктуация: Учебн. пос. –М.: Прсвещение, 1981. – С. 102.

[4] Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. /Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – С. 160-173; Современный русский литературный язык: Учебн. /Под ред. П. А. Леканта. – М.: высшая школа, 1982. – С. 316-321; Современный русский язык. Ч. 2. Синтаксис: Учебн. /Под ред. Д. Э. Розенталя. – М.: Высшая школа, 1979. – С. 102-114.

Вопрос дифференциации однородных и неоднородных определений в абазинском языке является одним из наиболее трудных вопросов в деле выделения однородных членов предложения в целом. Это связано со многими языковыми особенностями и в первую очередь с отсутствием самостоятельных грамматических категорий у имен прилагательных, которые чаще остальных выполняют функцию семантических атрибутов. В абазинском языке прилагательное вместе с определяемым существительным морфологически оформляется как одно слово[1], в силу этого квалификация первого как самостоятельного члена предложения весьма проблематична. Поэтому, выделяя и анализируя прилагательное как члена ряда однородных определений, мы исходим пока только из семантического критерия квалификации прилагательного как части речи и как члена предложения, в данном случае определения.

Однородные определения в абазинском языке характеризуют определяемое слово по одному признаку однoплановыми понятиями независимо от того, чем выражены эти определения – существительными, прилагательными, местоимениями, числительными, одиночными причастиями или причастными оборотами:

- по цвету: *АцIла быгъь* ***удзышваква, гIважьква, бжакъапщква*** *уыла зынла йгIацIашвитI, удыркьахвитI* «Зеленые, желтые, красноватые (досл.: полукрасные) листья деревьев сразу бросаются в глаза, поднимают настроение»;

- по материалу: ***Араса, аджьычIв, амзагIв*** *цIлаква акIвар аурала кIьыдакIьыда йалагылан* «Орешники, дубы, сосны (досл.: ореховые, дубовые, сосновые деревья) росли вдоль ущелья отдельно»;

- по действию: *ХIаба йа* ***йчауа****, йа* ***йыжвуа****, йа* ***йгIахIвуа*** *ахъачваква дгьрыламылуазтI* «Отец не составлял компанию ни кушающим, ни пьющим, ни танцующим мужчинам»;

- по состоянию: *Сара* ***йбахыз*** *йгьи* ***йгIваз*** *амшI тшытква гIасхъвшватI.* «Я собрал обсохшие сухие ветки»;

- по размеру: ***Йдухаз, йкIылчIврыз, аба йхъыхIвуз*** *Рамазан гвы йыуымтуашта дгьаъамызтI* «Выросшего, вытянувшегося, ставшего выше отца Рамазана нельзя было не заметить»;

- по принадлежности: ***Дугьи хвыцгьи*** *ргвква ласылас йкшауа йалагатI* «Сердца и взрослых, и малых начали биться учащенно»;

- по качеству (качественному признаку, качественной характеристике): ***Йамуаш, хайыр гIазцIымцIуаш*** *ауыс заман аквуымрыдзын.* «На негодное, никчемное дело не трать время»;

- по количеству и последовательности: ***ЙыгIвбахуз, йхпахуз, йащтагIайуаз*** *акIварква рпынгьи арахвква гьаъамызтI.* «И во второй, и в третьей, и в последующей балках не было скота»;

- по признаку места: ***АхIба дъану, ажвычIв зыгIвну*** *аунагIва шви пхи гьагхум* «В доме, в котором есть старшие, старики, есть и честь, и совесть»;

- по признаку времени: ***Йанакьазуу йучпауа, йаназаману уыздгылуа*** *ауыс архъйара рыцIа ймайрахитI* «Своевременно поднятое, своевременно начатое дело выполняется легче»;

---

[1] К. В. Ломтатидзе. Абазинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. – М.: Наука, 1967. – С. 132; Р. Н. Клычев. Краткий очерк абазинского языка //Р. Н. Клычев. Абазинский литературный язык. Поиски и находки. – Карачаевск: КЧГПУ, 2000. – С.129.

- по внешнему виду, облику: ***ПцIа зквыз, ларбгIвыга зхъаз, зхъабрагьи пшдзата йхъахIвалыз*** *хъацIа хIагIакI дгIашылтI* «Вошел высокий мужчина с усами, в очках и с красиво расчесанными волосами»;

- по наличию или отсутствию определенного признака, качества и т.д.: ***Саби дзыгIвнам, саби хъыччабыжь гIазгIвнымггIауа*** *атдзы насыпыдапI* «В доме, в котором нет ребенка, из которого не раздается детский смех, нет счастья» и др.

Слова, характеризующие определяемое слово с разных сторон, разноплановыми понятиями, разными признаками, являются неоднородными определениями. *Апещ* ***лашара ду*** *апны айшва гайын* «В светлой, просторной (досл.: большой) комнате был накрыт стол». ***МшIы чарх зцIаз йахъышвтыз*** *ауандыр ужвыгьи амгIва атшпы йщтIаркIван* «Перевернувшаяся бричка с деревянными колесами все еще лежала на обочине».

В абазинском языке относительные прилагательные составляют небольшую группу слов, образованных от наречий с помощью аффикса **–чIви (←чIвы + й)**[1]. Функцию относительных прилагательных в большинстве случаев выполняют имена существительные в препозиции, которые являются определениями по отношению к постпозиционному существительному[2]. Они более естественны в позиции одиночных определений: *цIыпхчIви тшыгIвра* «прошлогодний урожай», *хIахъв гвара* «каменная ограда» и т.д.

Однородные определения, относящиеся к одному члену предложения, сколько бы их ни было, объединяются в один ряд или цельный блок и вступают в синтаксические отношения с другими членами предложения (словами, конструкциями, оборотами) вместе как одна структурная единица. Каждый компонент этого ряда (т.е. каждый из однородных членов) связан непосредственно с определяемым словом и по отношению к последнему все они равнозначны. На материале абазинского языка это подтверждается постановкой в посессивных конструкциях аффикса принадлежности во множественное число. *Атажви алыгажви рпа ласдза дгIахъынхIвыхтI* «Сын старика и старухи вернулся быстро». *Абага, аквыджьма, амшв ртып абна тшшаракI апны йанырг*Iалын «Шалаш (пристанище) лисы, волка и медведя был расположен на лесной полянке». В соответствующих конструкциях посессивный префикс и одиночное определение согласуются в лице, числе и классе (в случаях, когда класс выражен): *алыгажв* ***й-лаба*** «палка старика», *ацIла* ***а-щапIы*** «корень дерева» и т. д.

В тех случаях, когда одно из определений относится непосредственно к определяемому слову, а другое (или другие) определяет все словосочетание в целом, а не только его именной компонент, то определения являются неоднородными. ***АцIла ащапIы йыцIаз йхвапсаз*** *ачIва агIа йнадзахьан* «Лежавшее под деревом червивое яблоко было спелым». В данном случае одиночное причастие *йхвапсаз* «червивое (досл.: то, что стало червивым)» определяет подлежащее *чIва* «яблоко», а причастный оборот *ацIла ащапIы йыцIаз* «лежавшее под деревом» относится уже ко всему атрибутивному комплексу *йхвапсаз ачIва* «червивое яблоко».

---

[1] Клычев Р. Н., Табулова-Мальбахова Н. Т. Краткий грамматический очерк абазинского языка //Абазинско-русский словарь /Под ред. В. Б. Тугова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – С. 492.

[2] Н. Т. Табулова. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1976. – С. 68-70.

Встречаются случаи, когда одно слово определяет второе, а то, в свою очередь, третье. Они также являются неоднородными определениями, поскольку относятся к разным членам предложения, характеризуют определяемые слова поразному, к ним ставятся разные вопросы. ***Ари ахабар зчвымгъу къомкIгьи*** *ауи рылаква лацIашвата йрыцIапI* «И многим, кому не нравится эта весть, она (весть, новость) колет глаза». В этом предложении три последовательно расположенных определения: указательное местоимение *ари* «этот», причастный оборот *ахабар зчвымгъу* «те, кому не нравится весть (новость)» и субстантивированное *къомкIгьи* «многие». Последнее определяет косвенное дополнение *рылаква* «их глаза» и одновременно является определяемым словом для причастного оборота, а именной компонент оборота *ахабар* «весть (новость)» в свою очередь определяется указательным местоимением *ари* «этот». ***Абани асы ъакву абыхъв ащапIы йыцIачIву*** *хIыгвлачвагьи йара ауи асквш амшв гIальамат рызнахатI* «И соседям, живущим у подножья вон тех гор, которые покрыты снегом, в тот год медведь устроил интересный случай». Из трех последовательно расположенных определений, которые имеются в первой части этого предложения, указательное местоимение *абани* «вон тот» относится к именному компоненту *асы* «снег» инфинитной конструкции *асы ъакву* «там, где снег лежит», которая (инфинитная конструкция) в свою очередь является препозитивным определением для именного компонента *абыхъв* «гора» причастного оборота *абыхъв ащапIы йыцIачIву* «расположенные у подножья горы; те, кто живут у подножья горы». Последняя целиком выступает как определение косвенного дополнения *хIыгвлачва* «наши соседи».

В один ряд однородных определений включаются как обычно слова и конструкции, имеющие одинаковые морфологические формы, например, только качественные прилагательные, причастия и т.д. *АхIврапшдза* ***чIыхвква, гIважьква, къапщква*** *кьазу-кьазу йгIалахвуамца дырфгIвышвун* «Она брала по очереди и наслаждалась запахом (досл.: нюхала) синих, желтых, красных цветов». ***Йажвыз, йшлаз, йгIапшлашвхаз*** *ала абжьы тхгIадза зынзамыза йгIашуан.* «Постаревшая, поседевшая, полуослепшая собака время от времени хрипло лаяла».

В абазинском языке одиночные причастия и причастные обороты могут составлять вместе ряд однородных определений. ***Архъа йгIайхыз, йгIапсаз, йызтахъу ззымхIвасыз*** *ахъацIа апшвыма дшрызпшуазымцара ачва дагатI* «Вернувшийся с поля, уставший, не успевший высказаться мужчина заснул, ожидая хозяев».

Относительные прилагательные или выполняющие их функцию имена существительные в препозиции и качественные прилагательные в постпозиции вместе никогда не образуют ряд однородных определений. Несмотря на то, что в ряде случаев такие слова характеризуют определяемое слово довольно близкими понятиями, они являются неоднородными определениями. ***УыжвгIанчIви*** *пхIвыспа* ***шIакI*** *ауатыкв дгIаталтI* «Современная молодая девушка вошла в круг». *Ауи* ***раса*** *баца* ***ауыкI*** *гIарылихтI* «Он выбрал длинную хворостину из орешника».

Такими же неоднородными являются определения, выраженные качественными прилагательными и причастиями или причастными оборотами, относительными прилагательными и причастиями или инфинитными (причастными) конструкциями. ***ЙгIвахыз*** *ацIла* ***хIагIа ду*** *пикъныс аджвгьи гвы гьизымчпузтI* «Никто не решался спилить высохшее большое высокое дерево». ***Абыхъв хIагIаква йырхъышвтхьаз*** *амара* ***къапщмаскIьа*** *ануркваажвгIванд йанырkIван* «Лучи скрывшегося за высокими горами высокого солнца все еще были заметны на

небе». *Щарда цIуата* ***закIгьи зтамыз аджьычIв*** *бкъвыл пшшатI* «Дубовая бочка, в которой давно уже ничего не хранили, рассохлась». Вышеприведенные ряды определений не являются однородными даже и тогда, когда причастие, как и качественное прилагательное, занимает постпозицию. *АмгIваймыгIв* ***нашхыйа, йызнымкIва збзибари змуради йрайжьаз,*** *дгIашIасын йхъа дачвпхащахуа ауи ацIис хвыц дапшитI* «Унылый путник, не раз изменивший своей любви и своей мечте, остановился, и, стыдясь самого себя, смотрит на маленькую птичку».

Известно, что основной синтаксической позицией определения, выраженного причастием или причастным оборотом, является место перед определяемым словом[1]. Однако встречаются случаи с постпозицией причастия-определения.

Причастия или причастные обороты, выполняющие функцию определения и занимающие позицию после определяемого слова, являются однородными. *ДнайтI ауи дкIвырша гвыргIвала,* ***йынцIра шабгу ауаса йзгаз, зынзаджвыкIгьи тшыззымчпалуз чвала, зынзаджвыкIгьи гвауаракI зымхIваз*** «Поехал он, убитый горем, всю жизнь проживший также, никогда не притворявшийся и не сказавший дурного слова». *СуыхIвитI уа –* ***цIла хвыцкI лазрысуа, бацакI агвара йхъазпауа*** «Я прошу тебя, сажающий хоть один саженец в землю, хворостину вдевающий в плетень ограды».

Одним из основных синтаксических факторов однородности считается и интонация. Чем длиннее ряд однородных членов, тем ярче выражается интонация перечисления, которая сигнализирует об однородности компонентов ряда. Это хорошо заметно и на ряде однородных определений в абазинском языке. *АжвгIванд йыцIасуазшва йкIылчIврыз, гъынгьи пхынгьи сыла йхъгIваз, хъарачIвыла уылаква зкIынхалуаз, щарда цIуата сызшIызтуаз Урышвихъымгiва аов сыквгылата спхызтI йахъа»* «Вчера мне приснилось, будто я стою на вершине достающего до небес, закрытого снегом и зимой, и летом, завораживающего издали и давно меня манящего Эльбруса».

Ряды однородных определений могут быть открытыми и закрытыми. Открытые ряды допускают увеличение количества однородных определений, их продолжение, развитие. ***Апхъа йгылаз, швахъ шкIвокIва гIазылтIтIуз, абах гIазхъычуаз*** *хIчарахса акIвын* «Та, которая стояла впереди, которая покрылась пеной, над которой струился пар, была наша гнедая». Закрытые ряды однородных определений ограничены представленными в предложении компонентами и не допускают расширения. ***Аби апи*** *ртдзы цкьата йалырган* «В доме отца и сына было чисто прибрано». *АшварацыгIв* ***йхвыз,*** *ауаса* ***йзымщыз*** *амшв ащтаква дыртагыла щарда дымгIвайстI* «По следам раненного, но не убитого медведя охотник шел долго».

И, наконец, необходимо отметить, что однородные определения занимают те же позиции, что и одиночные:

- качественные прилагательные – постпозицию. *АчIва* ***къапщква, удзышваква, гIважьква*** *кIьыда-кIьыда атараква йыртан* «Красные, зеленые, желтые яблоки были упакованы отдельно»;

- относительные прилагательные и имена существительные, выполняющие их функцию, – препозицию. ***УыжвгIанчIви, уахьчIвачIви*** *хъацIакI дшаъу даъапI* «Он таков, каков современный сегодняшний мужчина». ***АкIважви*** *ауи* ***лпхIи*** *руыс йшыртахъыз йгьаквымшватI.* «Дело княгини и ее дочери не получилось так, как было ими задумано»;

---

[1] Р. Н. Клычев. Некоторые вопросы синтаксиса абазинского языка //Р. Н. Клычев. Абазинский литературный язык. Поиски и находки. – Карачаевск: КЧГПУ, 2000. – С.63.

- причастия и причастные обороты – препозицию. ***Йхъарачвамківа йгіакіашваз, улымхіа ацігіва ацІызхуа йагІвжваз*** *атоп ахы ацІлаква йрызарархатІ* «Осколки упавшего недалеко и разорвавшегося со страшной силой снаряда повредили и деревья». В отдельных случаях, как уже было отмечено, причастия и причастные обороты в функции однородных определений могут занимать и постпозицию по отношению к определяемому слову. *СбыхІвитІ ба* – ***хІурамла йагІвсуа, хІгваран сабила йтзырчвгІуш*** «Прошу тебя, которая идет по нашей улице, которая заполнит наш круг детьми»;

- порядковые числительные, имеющие грамматическую форму причастия, – препозицию. ***ЙыгІвбахуз, йхпахуз, йпщбахуз*** *амшква хІара хІшварацуа абна хІылан* «На второй, третий, четвертый дни мы охотились в лесу»;

- количественные числительные от двадцати и выше – постпозицию. *Асквшква* ***зкьи жвшви пщынгІважви жвагІ, зкьи жвшви пщынгІважви жвежв, гІвынзыкь*** *хІуагІа рыхъазла швабыжта йбаргвын* «Годы тысяча девятьсот девяносто восемь, тысяча девятьсот девяносто девять, две тысячи были очень трудными для нашего народа»;

- местоимение – препозицию. ***Уари сари*** *хІуыс ауат гІаламщщыргІатІ* «Пускай они не встревают в наши (досл.: в твое и мое) дела»;

- собственное имя существительное – как обычно, постпозицию. *ЙгІайызза Мыхц Кьарим йуыса шІыцква* ***«Схакв», «Бзазара», «АкъвыцІхра», «ГІайхра»*** *рыцІа йыргвапхатІ* «Собравшимся больше понравились стихи Керима Мхцы «Мой край», «Жизнь», «Расставанье», «Возвращенье». Ряд однородных, состоящих из собственных имен существительных, может занимать и препозицию. *АршІыйара ахъвлапын апны апхьагІвчва* ***Цекъва Пасарби, Джьгватан Къальи, ЛагІвычв Джьамльадин, Мыхц Кьарим*** *руысаква йгІарыпхьатІ* «На творческой встрече учащиеся прочитали стихи Пасарби Цекова, Кали Джегутанова, Джемуладина Лагучева, Керима Мхцы».

Определение, являясь чрезвычайно важным в семантическом отношении компонентом предложения, может конкретизировать обозначаемый признак или свойство предмета или явления действительности по-разному, с разной степенью достоверности или глубины. Для этого используются как отдельные слова, так и распространенные обороты. В зависимости от того, какой структурной единицей языка выражено определение, в абазинском языке выделяются распространенные и нераспространенные его разновидности. Первые выражаются словосочетаниями и различными инфинитными синтаксическими конструкциями, вторые – отдельными словами.

Определения, составляющие ряд однородных, могут быть одиночными и распространенными. В позиции одиночных однородных определений чаще встречаются качественные прилагательные и причастия. *Амари акви зчва зхъырцаз, йдражвыз ахъчхъкъьа* ***шкІвокІваква, гъраква, чвапщква*** *дукІ гьагІврымгахуазтІ* «Выцветшие на солнце и дожде старые белые, пестрые, розовые наволочки уже мало чем отличались друг от друга». ***Йгъгъуаз, йшуаз*** *ала багъьата йкІыдхІвалан* «Рычавшая, лаявшая собака была крепко привязана». Распространенными однородными определениями в абазинском языке можно считать причастные обороты. *СуыхІвитІ уа* – ***къыж псылакІ йалсуа, тшыгІврала хІайшва гІазжвагвуш*** ... «Я прошу тебя, кто нарезает (нарезающего) жирную борозду, кто наполнит урожаем наши корма (досл.: наш обеденный стол)». Одиночные и распространенные определения вместе могут составить один ряд однородных определений, например одиночные причастия и причастные обороты. ***Йхьшвашву, йачІвала йбайу, щхъа хІауа цкьала угІакІвзыршауа*** *ауахъ гІаталтІ* «Наступила

свежая (досл.: холодная), богатая звездами, обнимающая (досл.: окружающая) чистым горным воздухом, ночь».

Нераспространенное определение в абазинском языке может быть выражено именем существительным, именем числительным, местоимением, причастием, прилагательным и в редких случаях деепричастием и наречием.

1. Имя существительное в синтаксической позиции нераспространенного определения явление частое и обычное. Выделяется несколько разновидностей одиночного определения, выраженного именем существительным:

а) между определяемым словом и определением существуют отношения посессивности (принадлежности). Аффикс посессивности, который содержится в структуре постпозитивного определяемого слова, согласуется в лице, классе и числе с определяющим существительным в препозиции. ***АхъацIа йы-згIвадара анхIвыс йылбзирапI*** «Если муж здоров – это заслуга жены». ***АгIвычIвгIвыс йы-хвага йыщта йхъыпI*** «Тень – спутник человека» (досл.: тень человека следует за ним). ***Адгьыл а-мгIа хъынйырхIвитI*** «Дай опору – мир перевернет» (досл.: вертит ручку земли). ***АкIвтIагъь а-гвы хъвыц гIалихитI*** «И в яичном желтке находит волосок (т.е. до того придирчив)». Существительные *йы-згIвадара* «его здоровье», *йы-хвага* «его тень», *а-мгIа* «ее ручка», *а-гвы* «его желток (досл.: сердце)» в приведенных примерах выполняют функции различных членов предложения (подлежащего в первых двух случаях, прямого дополнения в третьем предложении и обстоятельства места в последнем случае). Все они оформлены классно-личными аффиксами **й-** (3 л., ед. ч., кл м.) или **а-** (3 л., ед. ч., кл. в.), которые являются выразителями посессивных отношений между определяемым и определяющим словами. В зависимости от контекста (точнее, от грамматических характеристик определения) позицию классно-личного аффикса могут занять и другие аналогичные префиксы ряда **D** (номинатива). Это общеизвестный и установленный факт в абазиноведении[1]. Обращает на себя внимание другое – в данном атрибутивном комплексе грамматическая форма главного (определяемого) компонента зависит от грамматических характеристик (лицо, число, класс) препозитивного определения, т.е. определяемое слово согласуется с определением;

б) отношения между определением и определяемым словом выражены только порядком их последовательности: определение занимает препозицию, определяемое слово – постпозицию. Аффиксы, которыми оформляются эти слова (атрибутивное сочетание в целом), присоединяются только к одному из них, но относятся ко всему сочетанию. ***Адари дзцаха анышвкъвара йылазтынгьи йгIалпшуаштI*** «Шелковый лоскут и в мусоре виден» (соотв.: Золото и в грязи блестит). ***Айха гвашв змугьи чIвымыгъ йтахъхитI*** «И тот, у которого ворота железные, нуждается в гвоздях». ***АгIапын жвгIванд кIынхIарапI*** «Весеннее небо – дырявое». ***АгIвыма ла гIайын агIвна ла гварнацатI*** «Чужая собака пришла и прогнала домашнюю (т. е. хозяйскую)». *АгIвы **джькIа путкI** йыцуымфкIва дгьудыруашым* «Чтобы узнать человека, надо пуд соли с ним съесть». В выделенных атрибутивных комплексах, как и в предыдущих случаях, препозицию занимает существительное-определение, постпозицию - определяемое существительное. Однако в данном случае грамматические отношения компонентов комплекса выражаются только последовательностью слов. Здесь нет классно-личных формантов и потому нет той формы согласования, которая наблюдается в первом случае;

---

[1] Ломтатидзе К. В. Абазинский язык // Языки народов СССР. IV. Иберийско-кавказские языки. – М.: Наука, 1967. – С. 135.

в) позицию одиночного определения могут занимать субстантивированные слова. ***Адуква*** *(←ду* «большой»*)* ***рцхIвахьа*** *ачкIвынква йырхIвахитI* «Что говорят взрослые, то повторяют дети». ***Агымха*** (←*гымха* «плохой») ***йпIай*** *ахыйа йхьищитI* «Виноватый обвиняет невинного». ***Алашв*** (←*лашв* «слепой) ***й-лымхIа*** *цIарапI* «У слепого слух острый». ***Абайа*** (←*байа* «богатый») ***йартмакъ*** *мцыла йжвагвапI* «Перметная сума богача набита ложью». В данном случае атрибутивные отношения между определением и определяемым словом так же, как в первом случае, выражены аффиксами посессива **р-** (3 л., мн. ч.), **й-** (3 л., ед. ч., кл. м.). Встречаются случаи, когда атрибутивные отношения между определением - субстантивированным словом и определяемым не оформляются морфологически, а выражаются, как во втором случае, порядком последовательности слов: ***АгIвыма*** (←*гIвыма* «чужой») ***ла*** *уызгIайырквын бзипI* «Во двор пришла чужая собака – к добру». ***АгIвыма*** (←*гIвыма* «чужой») ***пхдзы*** *къуат гьацIам* «Чужое добро впрок не идет»;

г) функцию одиночного определения могут выполнять и отглагольные имена существительные. ***Аламба*** (←*ла* «глаз» + *м* (глагольный аффикс отрицания) + *ба-ра* «видеть») ***мшвы*** *гьщхум* «Незамеченный медведь остается целым (т.е. нельзя убить медведя, не увидев его)». *АгIв бзи* ***ачара*** (← *чара* «кушать») ***ацIыхъва*** *дгIаквшвитI* «Хороший человек приходит к концу обеда». *Нхаща зымдыруа* ***йынхара*** (←*нхара* «работать») ***ацIыхъва*** *бауачвапI* «У того, кто не умеет работать, трудно увидеть конец работы».

Здесь так же, как и в предыдущих случаях, атрибутивные отношения между определением – отглагольным именем существительным и определяемым словом могут быть выражены порядком последовательности слов (первое предложение) или аффиксами категории принадлежности (второе и третье предложения);

д) в качестве одиночного определения встречаются и собственные имена существительные. ***Дадым й-лажв*** *лажвкI гIанадын йгIайхтI* «Старая собака Дадыма привела другую собаку (т.е. мало того, что он сам иждивенец у кого-то, да еще привел и своего дружка)». ***Мурат й-тшы*** *ласы йгьимаухтI* «Мурат не скоро нашел своего коня». ***ЛампIыр й-тшчвата*** *ймцIбгъьыжвхтI* «Разлетелись (разбрелись) как всадники Лампыра». ***КIвыра й-мартанта*** *салхъвдахатI* «Чтоб я лишился чего-то как корзины Куры».

Следует обратить внимание на то, что в приведенных конструкциях атрибутивные отношения между собственным именем и определяемым существительным почти всегда морфологически маркированы – классно-личный аффикс категории посессива присоединяется к определяемому члену предложения.

Встречаются случаи, когда одно слово одновременно является определением для двух разных членов предложения. ***АгIвычIвгIвыс й-аджьаль йы-кIва*** *йтапI* «У человека смерть за пазухой» (соотв.: смерть не за горами, а за пазухой). В этом предложении препозитивное имя существительное *агIвычIвгIвыс* «человек» одновременно является определением как для подлежащего *йаджьаль* «его судьба», так и для обстоятельства места *йыкIва* «за его пазухой». Определяемые члены предложения (и подлежащее, и обстоятельство) одинаково оформлены одним и тем же аффиксом принадлежности **й-** (3 л., ед. ч., кл. м.).

В отдельных случаях одно нераспространенное определение может относиться к другому такому же одиночному определению ***АхъацIа йаба йлаба*** *гIаргылтI* «Занесли палку отца мужчины». В этом предложении прямое определение *й-лаба* «его палка» определяется именем существительным *й-аба* «его отец», который в свою очередь также определяется препозитивным существительным

ахъацIа «мужчина». Следовательно слово *й-аба* «его отец» одновременно является и определением (по отношению к постпозитивному прямому дополнению *йлаба* «его палка»), и определяемым словом (по отношению к препозитивному определению *ахъацIа* «мужчина»).

Возможны случаи, когда место первого определения, выраженного именем существительным, занимает одиночное причастие в той же функции. ***УыздымгIапсалыз амгьал ахъгIара*** *гьудыруашым* «Не сможешь оценить вкуса хлеба, который не заработан тобой». ***Йрымщыс амшв ачва*** *ршитI* «Делят шкуру еще не убитого ими медведя». Одиночные причастия *уыздымгIапсалыз* «то, над чем ты не трудился» и *йрымщыс* «еще не убитый ими» определяют постпозитивные имена существительные *амгьал* «хлеб» и *амшв* «медведь», которые в свою очередь являются простыми определениями по отношению к прямому дополнению *ахъгIара* «вкус» (в первом предложении) и *ачва* «шкура (во втором предложении). Одиночное причастие может быть заменено на причастный оборот. Тогда получается конструкция, где распространенное определение относится (определяет) к нераспространенному, который в свою очередь является определением для члена предложения в постпозиции (подлежащее, прямое или косвенное дополнение, обстоятельство), выраженного именем существительным. ***Пари змам апхIвыс лсаби*** *дыгьчIвыуам* «У бездетной женщины ребенок не плачет». ***Зыла цкьу агIвы йгвгьи*** *цкьапI* «У кого ясные (чистые) глаза, у того и душа чиста».

Естественными являются и такие случаи, когда два и более разных определения относятся к одному члену предложения, т. е. определяют в предложении одно и то же слово. Они могут быть однородными и неоднородными, занимать по отношению к определяемому слову одинаковую или разные позиции. ***Зар лаба пыкв рыдзадзакIгьи*** *йдучвамкIва йымапI* «И в руках у него небольшая кизиловая палка, заостренная к концу». ***Араса, азар, ахIамшвкIвытI лабаква*** *хъвмаргата йхIыман* «В качестве игрушек (предметов для игры) у нас были палки из орешника, кизила, боярышника». В первом предложении существительное *зары* «кизил» и именное словосочетание *пыкв рыдзадзакIгьи* «заостренное к концу» определяют подлежащее *лаба* «палка». Они не являются однородными и занимают разные позиции по отношению к определяемому слову: препозицию и постпозицию. Во втором предложении сразу три слова выполняют функцию однородного определения: *араса, азар, ахIамшвкIвытI,* и все они занимают препозицию по отношению к определяемому слову.

В простом предложении абазинского языка встречаются и случаи синтаксического синкретизма. Так существительное может выполнять функцию главного члена предложения и входить в состав распространенного определения. ***АлахIва запхъагылагIву апссгIачIвква*** *атшпсы йазнарцапI* «Если ворона – вожак птиц, то она приведет их к издохшей лошади» (соотв.: С кем поведешься, от того и наберешься). В данном случае имя существительное *алахIва* «ворона» является подлежащим, на что указывает классно-личный формант **на-** (3 л., ед. ч., кл. в.) в структуре сказуемого *йаз-**на**-рцитI* «ведет». Однако это же слово одновременно входит в причастный оборот *алахIва запхъагылагIву* «те, для кого ворона предводитель», который в свою очередь выполняет функцию препозитивного определения по отношению к прямому дополнению *апссгIачIвква* «птицы». На тесную взаимосвязь компонентов причастного оборота (и в целом на то, что слово *алахIва* «ворона» является частью вышеприведенной инфинитной конструкции) указывает и классно-личный аффикс ряда **D-** в слове *(й)-запхъагылагIву* «те, для кого предводитель» **й-** (3 л., ед. ч., кл. в.), который выпадает позиционно.

Следует обратить внимание и на случаи, когда составные компоненты атрибутивного словосочетания, будучи определением и определяемым в семантическом плане, не являются таковыми грамматически. ***Агъыч йыхвагагьи дарыхIахитI*** «Вор и тени своей боится». В атрибутивном словосочетании *агъыч йыхвага «тень вора»* препозитивное имя существительное в предложении выполняет функцию подлежащего, на что указывает классно-личный формант субъекта **д-** (3 л., ед. ч., кл. ч.) в структуре сказуемого *дарыхIахитI* «пугает», постпозитивное же – функцию косвенного дополнения. Атрибутивные отношения между компонентами словосочетания маркированы – в слове *йы-хвага* «его тень» аффикс посессива **йы-** указывает на лицо (3), число (ед.) и класс (чел.) препозитивного имени-определения и на принадлежность первого второму. То же самое имеем и в следующем предложении. ***Ала агвыжвкIра*** *ахIва йаквнацIитI* «Собака срывает зло на свинье». На атрибутивные (посессивные) отношения компонентов словосочетания *ала агвыжвкIра* «злость собаки» указывает аффикс **а-** (3 л., ед. ч., кл. в.) во втором слове. Однако наличие в структуре глагола-сказуемого *й-а-кв-на-цIитI* «обвиняет в том» классно-личных показателей субъекта (**-на-**), прямого (**й-**) и косвенного (**а-**) объектов заставляет квалифицировать компоненты атрибутивного комплекса как подлежащее (*ала* «собака») и прямое дополнение (*агвыжвкIра* «ее злость»).

В абхазско-адыгских языках из-за отсутствия системы падежей (абазинский, абхазский) или ее слабой развитости (адыгейский, кабардино-черкесский, убыхский) порядок последовательности слов выполняет большую синтаксическую нагрузку (А. Н. Генко[1], У. Аллен[2], Л. П. Чкадуа[3], Ш. К. Аристава[4], М. М. Циколиа[5], И. О. Гецадзе[6], Р. Н. Клычев[7], А. М. Камбачоков[8], З. Г. Хутежев[9] и др.). Особо наглядно это проявляется во взаимоотношениях определения и определяемого. Определение в абазинском языке, как обычно занимает препозицию по отношению к определяемому слову[10]. Это подтверждает большинство вышеприведенных примеров. Однако в ряде случаев как одиночные, так и распространенные определения занимают постпозицию. Это касается и одиночных определений, выраженных именем существительным. ***АчкIвын <u>чрын</u>*** *уахьчIва гIапсара щарда йбатI* «Мальчик-слуга сегодня очень намучился (устал)». *Ужвыгьи йгIарылггIаркIвитI ацIх аудзаква ахв хьантаква* ***ргврымбыжь <u>гвцIыхгаква</u>*** «До сих

---

[1] А. Н. Генко. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта. – М., 1955. – С. 191-193.

[2] W. S. Allen. Structure and System in the Abaza Verbal Complex //Transaction of Philological Society. – Hertford, 1956.

[3] Л. П. Чкадуа. Связь слов в предложении //Сборник материалов по абхазскому языку. – Тбилиси, 1970; ее же: Финитные и инфинитные глагольные образования абхазского языка в функции выражения предикативности //Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. – Нальчик, 1977. – С. 148-156.

[4] Ш. К. Аристава. Проблема простого предложения в абхазском языке. – Тбилиси, 1982.

[5] М. М. Циколиа. Порядок слов в абхазском языке. – Тбилиси, 1973. – На груз. яз.

[6] И. О. Гецадзе. Очерки по синтаксису абхазского языка. Л., 1979.

[7] Р. Н. Клычев. Некоторые вопросы синтаксиса абазинского языка //Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. XIV. – Тбилиси, 1987. – С. 127-158.

[8] А. М. Камбачоков. Проблема простого предложения в кабардино-черкесском языке. – Нальчик, 1997.

[9] З. Г. Хутежев. Порядок слов в простом предложении кабардино-черкесского языка. – Автореф. дис. … канд. филол. н. – Нальчик, 1999.

[10] Исключение составляют атрибутивные комплексы, состоящие из имени существительного и качественного прилагательного, где последнее всегда занимает постпозицию.

пор длинными ночами слышится душераздирающий стон тяжелораненых». Обычный порядок последовательности определения и определяемого в данном случае чаще нарушают собственные имена существительные. ***Алыгажв Ахмат*** *аттигІва апны алгІва зхъычуа амца дадзхъачІван* «Старик Ахмат сидел у очага возле дымящегося огня». Одиночных определений, выраженных собственным именем существительным и занимающих постпозицию, может быть несколько. *Амца йгІадзхъахаз* ***ахыгІвхъачва – ГІазиз, Нартби, Джьамбакь*** *– закІы йалачважвун* «Оставшиеся возле огня трое мужчин – Газиз, Нартби, Джамбак - беседовали о чем-то». ***АгІвтшанхча чкІвынкІ – КІарабити Рамазани*** *– тшбжьахьата хвба агварта йгІарылыркІгІатІ* «Два молодых табунщика – Карабит и Рамазан – отделили от табуна пять объезженных лошадей».

2. Причастие занимает синтаксическую позицию нераспространенного определения также часто, как и имя существительное. ***Йузылымщтхуаш апхІвыс*** *думырджьан* «Жену, с которой не сможешь развестись, не хули». ***ЙбагІдзахаз йдзамгІва*** *чвышква йрыцкьарныс йбльатакв гІатихтІ* «Он вынул носовой платок, чтобы вытереть намокшие бледные щеки». ***ЙадкІылу акъару*** *абхъв атнарытитІ* «Объединенная сила и скалу с места сдвигает». ***Йуыжвуаш адзы*** *утамджвджван* «Не плюй в воду, которую будешь пить» (соотв.: Не плюй в колодец, пригодится воды напиться). ***ЙкІайпсауа йыхъва*** *пхата угьахъайыжьуатым* «Он не разрешит подойти к золе, которую выбрасывает, если только она еще теплая (о жадном человеке)». Следует обратить внимание на существование ложных словосочетаний аналогичной структурной модели, когда препозитивное причастие не определяет последующее имя существительное, а выполняет функцию подлежащего или дополнения. ***Йкшуш*** *лаба йауитІ* «Кто хочет бить, тот найдет палку». ***ЙкІахІуш*** *ашыхІцгьи дкІанарахІитІ* «Кому суждено упасть, упадет и о соломинку споткнувшись». В приведенных предложениях одиночные причастия *йкшуш* «тот, кто хочет бить» и *йкІахІуш* «тот, кому суждено упасть» занимают позицию перед существительным, как и в предыдущих случаях, и формально создают конструкцию, похожую на атрибутивную. Однако эти причастия относятся не к постпозитивным именам существительным *лаба* «палка», *ашыхІвц* «соломинка», а выполняют функцию главных членов предложения: подлежащего - в первом случае и прямого дополнения - во втором. Скрытая атрибутивность причастия в данном случае объясняется тем, что вышеприведенные предложения являются усеченными – отсутствует определяемое имя существительное. В обычном, исходном, более привычном виде предложения должны иметь следующую структурную форму: ***Йкшуш (ахъацІа)*** *лаба йауитІ* «Мужчина, который хочет бить (ударить), найдет палку». ***ЙкІахІуш (агІвы)*** *ашыхІцгьи дкІанарахІитІ* «Человеку, которому суждено упасть, упадет и о соломинку споткнувшись». В этих предложениях функцию подлежащего (прямого дополнения) выполняют существительные *ахъацІа* «мужчина», *агІвы* «человек», а причастия, предшествующие им: *йкшуш* «тот, кто хочет бить», *йкІахІуш* «тот, кому суждено упасть», определяют их. Следовательно, это полноценные атрибутивные сочетания. В случаях, когда в таких сочетаниях выпадает стержневое, определяемое имя существительное, его функцию (как члена предложения) начинает выполнять причастие, поскольку в простом предложении абазинского языка подлежащее или дополнение занимает более высокую ступень в иерархии членов предложения, чем определение. Наличие первых куда более важно для организации предложения, чем последнее, поскольку и подлежащее, и дополнение (прямое и косвенное) отражаются в структуре глагола-сказуемого специальными классноличными формантами, а определение не имеет такового. В абазинском языке за-

мещение синтаксической функции стержневого слова (имени существительного) препозитивным причастием явление обычное.

Встречаются случаи, когда в атрибутивном комплексе между причастием-определением и определяемым словом возникают посессивные отношения, которые оформляются аффиксом принадлежности, как это традиционно бывает, когда и определение, и определяемое слово являются именами существительными. ***Йынхауа й-чуан*** *гьымцырахарым* «Кто работает, у того котел не бывает пустым». ***Йзымдзахуа лы-рахъва*** *ауыпI* «У той, кто не умеет шить, нитки длинные». ***Йзымфахуаш йы-мхы*** *бажвхитI* «Кому не суждено пользоваться плодами своего труда, у того просо дает богатый урожай». ***Йпсыз йы-чвгьа*** *гьырхIвум* «О покойнике плохо не говорят». И в этих случаях препозитивное причастие замещает синтаксическую функцию отсутствующего (выпавшего) имени существительного. В отличие от предыдущих случаев в этих предложениях отсутствующее (выпавшее) имя существительное являлось препозитивным определением, поэтому и замещающее его причастие также выполняет функцию определения. Вместо определительного словосочетания «имя существительное + имя существительное» создается новый атрибутивный комплекс, состоящий из причастия-определения и имени существительного, являющегося подлежащим или дополнением.

Известно, что в обычных атрибутивных сочетаниях структурной модели «причастие + имя существительное» определяемое слово не оформляется аффиксом посессива (*йгIайыз асас* «пришедший гость»), а в вышеприведенных предложениях такой префикс имеется. Это тоже особенность, которую вновь образованный атрибутивный комплекс унаследовал (перенял) от исходного словосочетания: *йпсыз агIвы* ***йы-чвгьа*** «плохое о человеке, который умер» → *йпсыз* ***йы-чвгьа*** «плохое о том, кто умер».

Обычная позиция определения, выраженного причастием, - это позиция перед определяемым словом. ***Дызквгылу*** ***ахIахъв*** *блитI* «Камень, на котором он стоит, горит (о злом человеке)». ***Дызхъватшуа*** ***адзы*** *дзы алайчвахитI* «В воду, в которой он тонет, сам же подливает воду». ***Йуыжвуаш*** ***адзы*** *гьгIацIымцIстI* «Родник, из которого будешь пить, еще не пробился (т.е. ты еще молод, твое счастье впереди)». Однако встречаются случаи, когда причастие-определение занимает постпозицию. ***АтшыгIв*** ***йымгIвайсуа*** *квсага гIайыквылхитI* «С проезжего всадника выкройку снимает» (об искусной портнихе). ***Ухъа*** ***йуымхьуа*** *божв акIвумыршан* «Не завязывай бязью голову, которая не болит» (соотв.: Не знала баба горя, купила баба порося). ***XIбзазара*** ***йгвыгIвмыгIву*** *абыжь чIвыхъква йгIан асаби дкIьазызуа тшлыдикIылитI йан* «Услышавши тревожные звуки нашей жизни, малыш прижимается к матери».

Рассматриваемый атрибутивный комплекс может быть осложнен вторым (и более) причастием-определением, который создает однородный ряд (однородные определения, выраженные причастием). *Сара* ***йбахыз, йгIваз*** ***амшI*** *тшытква гIасхъвшватI* «Я собрал сухие и высохшие деревяшки». *ИсхIакъ амакъым шIыц дгIаситI,* ***йажвыз, йфайдахым*** ***амакъым*** *йпсаххитI* «Исхак заводит новую музыку, старую, бесполезную (бесприбыльную) меняет». В приведенных предложениях прямое дополнение (*амшIы* «дерево, деревяшка», *амакъым* «мелодия, музыка») оформляется двумя препозитивными однородными определениями, которые выражены одиночными причастиями (*йбахыз* «высохший, не мокрый», *йгIваз* «высохший, не сырой»; *йажвыз* «постаревший», *йфайдахым* «не приносящий пользы»).

3. В атрибутивных комплексах, состоящих из имени существительного и имени прилагательного, признание последнего синтаксическим определением в абазинском языке ставится под сомнение. И на это есть основание[1]. Дифференциальным признаком имени прилагательного в абазинском языке является только его содержательный план. Грамматически слова, «обозначающие качество предмета» (Н. Т. Табулова), не являются самостоятельной частью речи, они самостоятельно (отдельно, автономно) не характеризуются грамматическими категориями[2]. Атрибутивные комплексы «имя существительное + имя прилагательное» в абазинском языке оформляются как одно грамматическое слово – все префиксы (**а** - категория определенности, **с-, у-, б-, й-, л-, а-, на-, хI-, шв-, р-** – категория посессива) присоединяются к препозитивному имени существительному, а суффиксы (**-ква** – категория числа, **-кI** – категория единичности, **-и**, **-гъи** – соединительные суффиксы, **-ла** – суффикс инструменталиса и др.) - к постпозитивному имени прилагательному. Более того, в предложении этот атрибутивный комплекс воспринимается глаголом-сказуемым как единый нерасчлененный компонент, о чем свидетельствует позиционное выпадение форманта субъекта (или прямого объекта при переходном глаголе-сказуемом) в тех случаях, когда подлежащее (прямое дополнение) стоит в предложении непосредственно перед сказуемым. ***АцIла гIва кIахIатI*** «Сухое (высохшее) дерево упало».

Аналогичное грамматическое оформление наблюдается и у атрибутивных комплексов структурной модели «имя существительное + имя существительное», когда между компонентами сочетания нет отношений посессивности: *хIахъв гвара* «каменная ограда» → ***а-хIахъв гвара-ква*** «каменные ограды» и т. д. Однако и здесь, и в предыдущем случае содержательный план довлеет над грамматической цельнооформленностью, вследствие чего слова пишутся традиционно раздельно и воспринимаются так же, как основная часть атрибутивных комплексов, компоненты которых грамматически оформлены самостоятельно. Исходя из этого представляется возможным в атрибутивных комплексах структурной модели «имя существительное + имя прилагательное» последнее квалифицировать как синтаксическое определение[3]. *Аквашуа ласы йахъыситI,* ***аква сса*** *тшарауаитI* «Проливной дождь быстро проходит, а мелкий – идет долго». ***Апа бзи*** *аба чIен дгьазкIылпшуам* «Хороший сын не рассчитывает на наследие отца». ***АхIвынап чвкIеры*** *хъвы гIаквихтI* «Облезлая мышь снова обросла шерстью». ***МгIва айшыс ***ха*** *ацкIыс* ***мгIва хъара бзи*** «Лучше длинная, но хорошая дорога, чем короткая, но плохая».

---

[1] В свое время и мы высказывали сомнение относительно целесообразности признания за именем прилагательным статуса самостоятельного члена предложения – определения. И это было связано с грамматической цельнооформленностью соответствующего атрибутивного комплекса.

[2] А. Н. Генко. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта. – М., 1955. – С. 127; К. В. Ломтатидзе. Абазинский язык //Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. – М. 1967. – С. 132; Р. Н. Клычев. Некоторые вопросы синтаксиса абазинского языка // Р. Н. Клычев. Абазинский литературный язык. Поиски и находки. – Карачаевск: КЧГПУ, 2000. – С. 59-60; его же: Краткий очерк абазинского языка // Р. Н. Клычев. Абазинский литературный язык. Поиски и находки. – Карачаевск: КЧГПУ, 2000. – С. 129-130.

[3] Предлагаемое положение носит характер предварительного сообщения. Дальнейшее исследование этой проблемы призвано дать ему более глубокое научное обоснование.

В вышеприведенных атрибутивных комплексах в качестве определения выступает качественное прилагательное. Оно может быть первичным или производным и всегда занимает постпозицию.

В абазинском языке имеется и другая небольшая группа прилагательных, образованных с помощью аффиксов **–чIв(ы)**, **-чIви.** В атрибутивных комплексах они могут занимать как препозицию, так и постпозицию. *Агъныла* ***ахIвра*** ***рашвачIв*** *къагIума*? «Разве зимой сорняк цветет?». *Апещ* ***апхъанчIви*** ***чгIвыча*** *бзидздза гIвнан* «В комнате было достаточно (много) старинной одежды». *Ашта* ***уыжгIанчIви тдзы*** *аквгылакIгьи тшкIарагылан* «В имении стояло и современное двухэтажное (досл.: этажное) здание».

4. Местоимение в функции одиночного определения в абазинском языке встречается реже имени существительного и причастия. *Ауаса йанаъазара* ***уара утшада уандыр ари алыгажв*** *йытта ауи тшадакI гIайынханацIыкIьара даланырха* «Если так, то отдай свою повозку этому старику и дай ему возможность заработать на осла». ***Ауи йыла*** *чIыхв хвыцква закIгьи гIарнымцIуазшва апхIвыспа къапцы дгIадырхъвыхуан* «Его небольшие голубые глаза, ничего не выражая, следили за рыжей девушкой». ***Ари асурат*** *анхъырхуаз ауи гIвысквша айхIа йхъыцIхьан – ужвы пцыскша айхIа дыртан* «Когда делали эту фотографию, ему было более двух лет, сейчас - уже более четырех».

Местоимения 3 лица единственного числа класса мужчин *йара* «он» и класса вещей *йара* «оно» наиболее употребительны из разряда личных местоимений: *Ажьи гвымха* ***йара йчIвы*** *алайцIитI* «Плохой кузнец свое добавляет» (т.е. добавляет свой материал, ибо испортил чужой). *Атшанхча* ***йара йтлакIва*** *дазцатI* «Табунщик подошел к своему жеребцу». Личное местоимение *йара* «он» в этих предложениях является определением и относится к прямому дополнению *йчIвы* «его», «то, что принадлежит ему», в первом случае, и косвенному дополнению *йтлакIва* «его жеребец», во втором предложении.

В качестве определения указательные местоимения встречаются чаще личных. Они могут относиться к подлежащему, дополнению и обстоятельству с предметным значением, иметь простую или осложненную форму: ***Ауи йымаша*** *уа угьтарцIушым* «Тебя не похоронят в его могиле» (т.е. не будь непрошенным нравоучителем). Указательное местоимение *ауи* «тот» выполняет функцию определения и относится к обстоятельству места *йымаша* «его яма (могила)». *Атшхъапара* ***ауи йтшы*** *ыдхIвалан* «К коновязи был привязан его конь». В данном предложении указательное местоимение *ауи* «тот» определяет подлежащее *йтшы* «его конь».

Анализ отношений между определением и определяемым словом в рассматриваемой группе атрибутивных словосочетаний (так же, как и в предыдущих случаях, когда определение было выражено именем существительным или причастием) позволяет выделить две группы, в которых:

а) между определением и определяемым членом предложения существует отношение посессивности, которое выражено лично-местоименным аффиксом: ***Ауи йыйачIва*** *гIакIашватI* «Его звезда упала» (т.е. он умрет). Подлежащее *йыйачIва* «его звезда» маркировано аффиксом **й-** (3 л., ед. ч., кл. в.), указывающим на посессивные отношения между подлежащим и определяющим его местоимением *ауи* «тот». Здесь следует иметь в виду, что в тех случаях, когда форманты обоих компонентов атрибутивного словосочетания включены в структуру глагола-сказуемого, несмотря на ярко выраженное отношение посессивности между ними, местоимение не может квалифицироваться как определение. Синтаксическая

функция местоимения в этой позиции определяется классно-личным глагольным аффиксом, который согласуется с ним в лице, числе и классе, т. е. местоимение может быть подлежащим, прямым или косвенным дополнением: ***Ауи йхъахв гьидырам*** «Он не знает себе цены». Классно-личный аффикс субъекта **й-** (3 л., ед. ч., кл. м.) является формантом указательного местоимения *ауи* «тот» и поэтому оно занимает синтаксическую позицию подлежащего, а постпозитивное имя существительное *йхъахв* «его цена» – позицию прямого дополнения;

б) между определением и определяемым членом предложения нет посессивных отношений, синтаксическая связь между ними выражена порядком последовательности слов: ***Ауат ахIвыхIвква зысхIваз бзыльхвагIахатI*** «Голуби, о которых я говорил, превратились в девушек». Подлежащее *ахIвыхIвква зысхIваз* «голуби, о которых я говорил», выраженное словосочетанием, определяется указательным местоимением множественного числа *ауат* «те». *Ауищтара* ***ауи абыхъв*** *Ахмат бхъвы-хIва йапхьитI* «С тех пор ту скалу называют скалой Ахмата». Косвенное дополнение *абыхъв* «скала» определяется указательным местоимением единственного числа *ауи* «тот».

В отдельных случаях местоимение выполняет функцию определения не самостоятельно, а в составе инфинитной конструкции (обычно причастного оборота): ***Ауи дызту адзы*** *гьхъдзарым* «Вода, в которой он находится, будет всегда мутной» (говорится о скандалисте). В этом случае указательное местоимение *ауи* «тот», употребляемое в значении личного местоимения 3 лица единственного числа класса человека *йара* «он» или *лара* «она», выполняет синтаксическую функцию определения в составе конструкции *ауи дызту* «то, в чем он (она) находится» и относится к подлежащему *адзы* «вода».

Указательное местоимение в функции определения может встречаться и в осложненной форме: *Ухъа йацIбу дырта уадыргIвана* ***антахьгьыт рыцIба*** *хIва* «Прежде чем говорить о чьих-либо недостатках, подумай о своих». Местоимение *антахьгьыт* «остальные» считается осложненной формой указательного местоимения множественного числа *анат* → *ант* «те». «Оно образовано сочетанием указательного местоимения *ант*, наречия места *ахь* и элемента *-гьыт*».[1] В этом предложении *антахьгьыт* является определением и относится к прямому дополнению *рыцIба* «их недостаток». Между определением и определяемым словом существует отношение принадлежности, на что указывает личноместоименный аффикс **р-** (3 л., мн. ч.) в структуре дополнения.

В качестве определения встречаются и так называемые «определительные местоимения»[2] *дасу* «каждый», *зымгIва* «все» и другие: ***ЗымгIва*** *ргвы угьзынадзарым* «Всем не угодишь» (досл.: до всех сердец не дойдешь). *ЗымгIва* «все» – определение, обстоятельство *ргвы* «их сердце» – определяемое слово. ***Дасу*** *йынасып йара йнапIылапI* «Счастье каждого в его руках». Определение *дасу* «каждый» относится к подлежащему *йынасып* «его счастье» и связано с ним, как и в предыдущем предложении, отношением посессивности. ***Дасу йпынцIа кIылчIвыр*** *дипсылапI* «Всякому свое дитя мило». В этом предложении местоимение *дасу* «каждый, всякий» выполняет одновременно две синтаксические функции. Основная грамматическая функция – это функция подлежащего, что подтверждается классно-личным аффиксом **д-** (3 л., ед. ч., кл. чел.) в структуре сказуемого

[1] Н.Т. Табулова. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. –Черкесск, 1976. – С. 95.

[2] Н.Т. Табулова. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. – Черкесск, 1976. – С. 98. В абазиноведении существует мнение, что выделение аналогичных слов в отдельный разряд местоимений весьма проблематично.

дипсылапI. Однако занимая препозицию по отношению к косвенному дополнению, выраженному словосочетанием *йпынцIа кIыгчIвыр* «дитю» (досл.: сопливый), служит определением для последнего. Это подтверждается наличием посессивных отношений между ними и аффикса принадлежности **й-** (3 л., ед. ч., кл. муж.) в структуре определяемого дополнения.

5. В синтаксической позиции нераспространенного определения имя числительное – явление нечастое[1]. ***Заджвы*** *йсыгъсъыдра заджвы йдитсарапI* «Для одного – веселье, для другого – хлопоты».

Прежде всего следует оговориться, что количественные числительные от 1 до 10 включительно в атрибутивных сочетаниях пишутся слитно[2] и поэтому функцию определения выполняет сложное слово в целом: ***ПлакI*** *рпыкв абарбзитI* «Две собаки друг другу морды облизывают» (соотв.: Рука руку моет). Слово *гIвлакI* «две собаки» занимает препозицию и выполняет синтаксическую функцию определения. Оно относится к подлежащему *рпыкв* «их морда». Отношение посессивности, которое существует между препозитивным определением и постпозитивным определяемым подлежащим, выражено лично-местоименным префиксом **р-** (3 л., мн. ч.).

Количественные числительные в функции определения встречаются и как самостоятельные слова. В таких случаях отношения между числительным-определением и определяемым членом предложения всегда определяются лично-местоименным аффиксом посессива: ***Заджвы*** *йчIвы дзыдзъ йгъамаркIуам* «То, что принадлежит одному, не должно стать яблоком раздора для других». Числительное *заджвы* «один» (в классе человека) определяет прямое дополнение *йчIвы* «то, что принадлежит ему», «его собственность», а отношение принадлежности, существующее между ними, выражено аффиксом **й-** (3 л., ед. ч., кл. м.) в структуре постпозитивного дополнения.

Необходимо отметить, что в анализируемых предложениях, так же, как и в предыдущих случаях, когда определение было выражено именем существительным, причастием, местоимением, наличие ярко выраженного отношения посессивности между компонентами атрибутивного комплекса не может гарантировать того, что препозитивное числительное всегда будет выполнять функцию определения. В тех случаях, когда его формант представлен в структуре сказуемого, синтаксическая роль числительного определяется значением соответствующего классно-личного показателя: ***Заджвы*** *йчиа дзыи йгъатъыркуам* «С одного человека дважды шкуру не сдирают» (соотв.: С одного вола две шкуры не дерут). В этом предложении показатель препозитивного числительного *заджвы* «один» представлен в структуре сказуемого в качестве форманта косвенного объекта **й-** (3 л., ед. ч., кл. м.) и поэтому слово *заджвы* является косвенным дополнением (а не определением, как в предыдущих предложениях).

Особо следует сказать о порядковых числительных, их функции в предложении. Как известно, функцию порядковых числительных в абазинском языке выполняют причастия (вернее, соответствующие количественные числительные

---

[1] Здесь не учитываются порядковые числительные, которые имеют грамматическую форму причастия, и в структуре предложения характеризуются всеми теми особенностями, которые присущи причастию, в том числе и в синтаксической функции определения.

[2] К.В. Ломтатидзе. Тапантский диалект абхазского языка (с текстами). – Тбилиси, 1944. – С.100; Р.С. Джанашиа. Имя числительное в абхазско-адыгских языках (Автореф. дисс. … канд. н. – Тбилиси: Мецниереба, 1977. – С. 17.

в грамматической форме причастия[1]). Следовательно, в структуре предложения порядковые числительные ведут себя так же, как и рассмотренные выше причастия, выполняющие функцию определения: ***Йхпахуз ауандыргьи*** *гІадзатІ* «И третья бричка (арба) доехала». Числительное *йхпахуз* «третья» определяет подлежащее *ауандыргьи* «бричка» и занимает, как и причастие, препозицию по отношению к определяемому слову. ***Йхвбахуз амшгьи*** *гІашатІ* «Настал и рассвет пятого дня». Порядковое числительное *йхвбахуз* «пятый» определяет подлежащее *амшгьи* «и день».

6. В отдельных случаях в составе инфинитной конструкции в синтаксической позиции определения встречается и деепричастие, преимущественно образованное с помощью суффикса **-та**. Такое деепричастие относится к причастию, выполняющему синтаксическую функцию подлежащего или дополнения и определяет его: ***ЙчІвата*** *йрымбаз дгылын тшдйырбатІ* «Кого сидящим не увидели, тот встал и тем обратил на себя внимание». ***Йхвыцта йырбаз*** *айква гьишвырымцІатІ* «Не надели штаны на того, кто показался маленьким». В этих предложениях подлежащее выражено причастием прошедшего времени *йрымбаз* «кого не заметили», *йырбаз* «кого, заметили», которое имеет при себе определение *йчІвата* «сидя», *йхвыцта* «маленьким (показался)» в форме деепричастия.

Общей особенностью этой группы определений следует считать то, что деепричастие, сохраняя все свои формально-категориальные (грамматические) характеристики, по значению сближается с причастием, образованным относительно-местоименным аффиксом **й-**, и имеет тенденцию перехода в разряд наречия.

7. Наречие в качестве определения встречается реже всех вышеозначенных частей речи. Как обычно, оно определяет член предложения, выраженный именем существительным или причастием: ***УачІвы*** *ахІампІал абга ацкІыс* ***уахьчІва*** *ахІампІал бжа рыцІа йагъьпІ* «Полхампала[2], который можешь иметь сегодня, лучше, чем целый хампал, который обещают дать завтра». В этом предложении два определения, и оба выражены наречием. В первом случае непроизводное наречие времени *уачІвы* «завтра» относится к сравнительному обороту *ахІампІал абга ацкІыс* «чем целый хампал», который является обстоятельством образа действия; второе определение, выраженное также непроизводным наречием времени *уахьчІва* «сегодня», относится к подлежащему *ахІампІал* «хампал».

Распространенные определения выражаются различными словосочетаниями и инфинитными конструкциями, чаще всего причастными оборотами и субстантивными атрибутивными сочетаниями.

1. В функции распространенного определения в абазинском языке более употребительны причастные обороты. Соответствующие определения относятся к подлежащему, прямому или косвенному дополнению и реже к обстоятельству, выраженному именем существительным, или другому определению.

Определяемое подлежащее, как обычно, выражается именем существительным. ***ХъацІара злу йгвы*** *гьыдзуам* «Смелый духом не падает». ***Ахъышв йгІакІылкІкІгІуз амызчв*** *Гващамыда лшІахъа шкІвокІви лыбра квайчІви цкьата йалнахуан* «Заглядывающая (досл.: светящая через окно) в окно полная луна от-

---

[1] А.Н. Генко. Абазинский язык. Наречие Тапанта. – М., 1955. – С. 179; К.В. Ломтатидзе. Тапантский диалект абхазского языка (с текстами). – Тбилиси, 1944. – С. 108; Р.С. Джанашиа. Имя числительное в абхазско-адыгских языках /Автореф. дисс. … .канд. н. – Тбилиси: Мецниереба, 1977. – С. 23; Н.Т. Табулова. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. – Черкесск, 1976. – С. 88.

[2] Хампал – вареная лепешка из кукурузной или пшенной муки.

теняла белое лицо и черные волосы Гашемиды». ***Зыбыз хъгIу асыс*** *гIвуасакI йрыцIчвитI* «Ласковый ягненок двух маток сосет». Реже подлежащее, к которому относится распространенное определение, может быть выражено местоимением, числительным и другими частями речи. ***Зыхв бзийу йаргьи*** *бзихпI* «Что дорого стоит, то и само дорогое (хорошее)». ***Швагалата йаъу зымгIвагьи*** *йапшыта йуыуитI* «Все волчьи стаи воют на один лад».

Подлежащее может одновременно определяться несколькими причастными оборотами. Они (определения) могут быть однородными и неоднородными, занимать по отношению к определяемому одинаковую или разные позиции. ***Анхара йащцаз, зынцIра шабгу нхарала йгIазгыз Асльамбакь*** *ужвы йчпушыз, йнапIква здикIылуашыз гьйымдыруазтI* «Прывыкший к работе, всю жизнь проработавший Асламбек сейчас не знал что делать, к чему приложить свои руки». *Абар йгIайитI* ***уыгIвзачвагьи, уыгIвзачва партинаква, уыззыпшгIуз дядя Ваня йыгIвзачва*** «Вот идут и твои друзья, друзья-партизаны, друзья дяди Вани, которых ты искал». ***Ауи дзызхъвыцуаз*** *лхъапщыла Умар,* ***жвахъажвамшкI цIуата йаъамыз, зыдзща лымдыруаз*** *йакIвын* «Она думала о своем муже Умаре, которого уже десять дней как не было и об исчезновении которого она не знала». В первом предложении подлежащее определяется двумя препозитивными однородными причастными оборотами, во втором – двумя постпозитивными неоднородными, но обособленными распространенными определениями. При этом необходимо обратить внимание на то, что только последнее из них выражено причастным оборотом. В третьем предложении три определения. Из них два причастных оборота в постпозиции являются однородными, имеется и препозитивное определение, выраженное также причастным оборотом.

Определяемое дополнение (как прямое, так и косвенное) в абсолютном большинстве случаев также выражается именем существительным. При этом следует отметить, что атрибутивные отношения между определением и определяемым словом (дополнением) может быть выражено порядком последовательности членов предложения или оформлено аффиксом посессива, который присоединяется к последнему. ***Абна йнадзаз*** *амшв гьырщуам* «Медведя, достигшего леса, не убивают» (соотв. : После драки кулаками не машут). ***Зыладз гIазщтиуа ахъацIа*** *хъацIара гьйылам* «Тот не мужчина, кто слезы льет». ***АчIен йазыпшгIауа йчIен*** *ршахитI* «Кто хочет завладеть имуществом покойного, того имущество раздают другим».

Обстоятельство, имеющее при себе распространенное определение, выражается только именем существительным. ***Адзы зцIабаз пслачвата*** *агвы дгIаквхатI* «Остался как рыба, из-под которой ушла вода (т.е. остался ни с чем)». Чаще остальных распространенное определение относится к обстоятельству места или образа действия.

Определяемое обстоятельство может быть оформлено аффиксом принадлежности, который указывает на атрибутивные отношения причастного оборота и имени существительного, занимающего синтаксическую позицию обстоятельства. ***Бзира згвы йту йхъа*** *гвымхара гьгIаталуашым.* «У кого добрые намерения, тому худое на ум не приходит».

В отдельных случаях определение может одновременно выполнять синтаксическую функцию и определяемого члена предложения, т. е. одно определение может относиться к другому определению. В таких случаях одиночное определение, как обычно, выраженное именем существительным, занимает позицию определяемого. *ЙцIыхъвахауата ауи ачвартагъв махъа йыквпсаз акьасей шIарыцкьага гIалахвын* ***Мащал йхъапахь йгIаквначваз апхдзы*** *ткIвапс пкъашква*

гIалрыцкьауа далагатI «Наконец она взяла со спинки кровати полотенце из белого ситца и начала вытирать выступившие на лбу Мащала крупные капли пота». ***Йхварззауа йныкъваua апхIвыспа лыпкъ*** *пшдза щардагIвы рыла аквшвун* «Многие приметили стройный стан девушки, которая ходила, словно парила». ***Агъарква йрыуаз аурышв хъацIа*** *йхъарамкIва йщтIаз ТIалиб йгъыз бжьы дгIанаршIыхатI* «Пленного русского разбудил стон недалеко лежащего Талиба».

Следует обратить внимание и на случаи, когда причастный оборот, выполняющий функцию распространенного определения, в случае выпадения или отсутствия определяемого существительного занимает синтаксическую позицию отсутствующего (подразумеваемого как определяемое) члена предложения. ***Айха гвашв змугьи*** *чIвымыгъ йтахъхитI* «И тот, у которого ворота железные, нуждается в гвоздях». ***ХъацIара злу*** *чхIарагьи йымапI* «У кого мужество, у того и терпение». ***Хъара йпшуа*** *йаба йща гьизыхахуам* «Кто считается со всеми, тот не может отомстить за кровь отца».

В абазинском языке распространенное определение часто выражается инфинитными конструкциями комбинированной структуры – структурообразующими элементами инфинитной конструкции являются не только причастный оборот, но и инфинитные формы глагола. ***Бакь дзызхъвыцырныс йылшахуаз*** *закIзаджвыкI акIвын: «Спсы таркIвапI»* «Бек мог думать только об одном: «Я еще жив». ***Асаби йайгвыргъьара згвыгъаз*** *апхIвыс дгыланхатI* «Женщина, которая думала, что обрадуется ребенку, застыла на месте». ***ЙгIахьымшвауата йцарыквын йгIарыртуашыз*** *адгьыл йалхъвдахатI* «Они лишились того участка земли, который могли бы получить, если бы смогли прийти без опоздания». В первом предложении в структуре определительной инфинитной конструкции имеется глагол в условно-целевом наклонении *дзызхъвыцырныс*, во втором - масдар *йайгвыргъьара,* в третьем – деепричастие *йгIахьымшвауата* и глагол в условном наклонении *йцарыквын*.

2. Распространенное определение в абазинском языке может быть выражено цельным словосочетанием с сочинительной связью между компонентами, которые являются существительными или субстантивированными словами. ***Аби апи*** *ракъыль рысабичва йырбзахащапI* «Каков разум родителей, таково и благополучие детей». ***Адагви абзагви райчвжвара*** *йапшпI* «Похож на разговор (общение) глухого и немого». Обращает на себя внимание тот факт, что в аналогичных словосочетаниях союзный аффикс -и присоединяется и к первому и ко второму компоненту. Аффикс посессивности, выражающий отношения атрибутивности между словосочетанием и определяемым существительным, присоединяется, как и в предыдущих случаях, к определяемому члену предложения.

3. Атрибутивное словосочетание, состоящее из препозитивного имени существительного и постпозитивного прилагательного, также выполняет функцию распространенного определения. Синтаксические отношения между определением и определяемым в данном случае могут быть выражены двояко:

- морфологически оформлено, т. е. категорией посессива (аффиксами принадлежности): ***АгIвычIвгIвыс бзи йла*** *уафыргьи йгьтшпынхIвам* «Если тебя съест (в значении: укусит) собака хорошего человека – это не позор (т.е. не обидно, когда тебя поругает хороший человек). ***АгIв бзи йайшва*** *гайпI* «Для хорошего человека всегда стол накрыт». ***АгIв бзи йлымхIа*** *чIыгвпI* «У хорошего человека уши законопачены» (о человеке, который делает вид, будто не слышит, что говорят в его присутствии). ***АпхIвыс бзи лхъацIа*** *хьадъа дгьджвыквлыжьуам* «Хорошая хозяйка не отправляет мужа в дорогу без провизии»;

- порядком последовательности слов: ***АгIв бзи кIас*** *лхъалцIатI* «Она одела платок хорошего человека» (т.е. нужда заставила подчиниться нежелательным обстоятельствам). ***ГIвычIвгIвыс лага чва*** *йхъыстI* «Он стал восприниматься как дурак (дурной человек)».

Распространенные определения в абазинском языке по своей структурной организации бывают бинарными и многокомпонентными. Бинарные конструкции более употребительны. ***Анхара йачвымпсуа йуыс*** *ласхитI* «Кто работы не боится, у того дело спорится». Многокомпонентные распространенные определения в абсолютном большинстве представлены инфинитными конструкциями (и как обычно причастными оборотами). ***Зхъа гврышхIва азызчпауа агIвы*** *йыхвагагьи йгьазхъайцIум* «Мнительный человек не верит и своей тени».

Гацалова Л.Б.
(Владикавказ)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 05-04-37407 а/Ю)

Опыт социальных экспериментов XX века привел к тому, что мировое сообщество окончательно отказалось от идеи этнокультурной унификации. При этом одним из результатов победы международно-правовых принципов гуманизма и демократии стало утверждение идеала культурного многообразия человечества.

Так, во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии и сопутствующем ей Плане действий, принятых 31-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже 2 ноября 2001 г., говорится: «Формы культуры изменяются во времени и пространстве. Это культурное разнообразие проявляется в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество. Будучи источником обменов, новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений». При этом признается, что процесс глобализации, стимулируемый быстрым развитием новых информационных и коммуникационных технологий, хотя и представляет вызов для культурного разнообразия, вместе с тем создает условия для нового диалога между культурами и цивилизациями.

В Основных направлениях Плана действий по реализации Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии в качестве основных целей определены:

1) сохранение языкового наследия человечества и содействие в возможности выражать, создавать и распространять информацию в области культуры с использованием как можно большего числа языков;

2) поддержание языкового разнообразия – при сохранении уважения к родному языку – на всех возможных уровнях образования и стимулирование изучения нескольких языков с самого раннего возраста.

Эти цели обозначены ЮНЕСКО не только в качестве теоретических и декларативных ориентиров: в феврале 2005 года в Республике Северная Осетия-Алания была создана кафедра ЮНЕСКО по полилингвальному образованию. Этому предшествовало принятие Концепции национального образования Республики Северная Осетия-Алания – государственного документа, устанавливающего цели, основные направления и стратегию развития национального образования республики в начале XXI века. Концепция в какой-то мере является гарантией сохранения социокультурной ситуации плюрализма и многообразия, защитой культурной самобытности каждого этнического сообщества, создавая тем самым гуманитарный фундамент для гражданских, надэтнических принципов общественного устройства.

При этом отношение к Концепции среди осетинской интеллигенции очень неоднозначно. С одной стороны, мы до последнего времени могли наблюдать, что ни одно собрание, телепередача, газетная статья или съезд Союза писателей республики не проходит без «плача» по умирающему осетинскому языку и воззваний о принятии срочных и чрезвычайных мер по его сохранению. С другой стороны, стадия обсуждения Концепции проходила очень жестко, и те же самые представители научной и творческой интеллигенции приводили множество формальных причин, как-то «слишком дорогой проект», латентно подразумевая и в кулуарах говоря о том, что «осетинский уже не возродить и зачем тратиться на такие дорогие похороны».

Действительно, возрождение миноритарного языка – это довольно дорогой для дотационной республики проект. Содержание кафедры ЮНЕСКО, ставшей научно-методическим и экспериментальным центром, в котором сконцентрирована основная работа по разработке государственных стандартов и программ по всем предметам школьного образовательного цикла, созданию учебно-методических комплектов нового поколения и их экспериментальной апробации, обошлось республике в 2005 году примерно в 2 млн. руб. Уже сейчас стоит задача финансирования издания подготовленных и прошедших апробацию учебников, методических пособий, аудиовидеосопровождения.

Представляется, что федеральная национально-культурная политика, в том числе и в сфере языкового строительства и образования, должна более активно содействовать сохранению и развитию этнокультурного и языкового разнообразия в стране, всячески, в первую очередь, в методологическом и финансовом отношении, содействовать формированию региональных систем национального образования [1]. Позиция стороннего наблюдателя, отвечающего только за федеральный компонент образования, не может быть признана конструктивной.

И еще. Доминирующая роль США, усиление процессов глобализации, в основе которой лежит, прежде всего, американская модель общества, его экономики, политики и культуры, направлены на унификацию наций и языков. На протяжении двух столетий в США были проведены самые масштабные эксперименты по нивелированию культурных различий между народами, в результате которых предполагалось переплавить все этническое разнообразие страны в некую супернацию – американский народ. В США всегда господствовала концепция единого языка. Идея одноязычия как свойства культурных и богатых людей, и связи двуязычия с бедностью и отсталостью широко распространена именно в США [2].

Вспомним также времена Советского Союза, когда шел эксперимент по созданию другой единой супернации – советского народа. Мысль о безальтернативности двуязычия считалась аксиомой. При этом на деле из образовательной системы активно вытеснялись национальные языки как языки обучения, а затем и изучения. В 70-80-х гг. осетинский язык как предмет изучался факультативно. В результате в Северной Осетии сложилась ситуация, когда городские дети перестали говорить по-осетински. Выросло уже несколько поколений, не владеющих осетинским языком осетин-горожан, и теперь, пытаясь исправить ситуацию и видя решение проблемы в механическом увеличении часов по осетинскому языку, мы столкнулись с проблемой, когда в семье ни родители, ни бабушки с дедушками не могут помочь своим детям при выполнении домашнего задания по осетинскому языку.

Прогрессивная культурная политика в современном государстве – это политика, ориентированная на сохранение национально-культурного своеобразия и

разнообразия. Несомненно, что именно в этом направлении должна развиваться образовательная и языковая политика в таком многонациональном государстве как Россия. И если раньше говорилось о необходимости внедрения в образовательную систему национальных республик модели двуязычия, то в современных условиях в основу языковой политики должна быть заложена, на наш взгляд, доктрина многоязычия, полилингвальности.

Необходимой культурной основой полноценного национального развития и нормальной жизнедеятельности общества является, на наш взгляд, такая система образования, которая способна транслировать национальную культуру, обеспечивая открытость в другие культуры и современное цивилизационное развитие нации.

Естественной функцией национальной культуры является постоянное обновление, предполагающее интенсивную модификацию этнокультурного комплекса, выработку и освоение инноваций в ходе активного межкультурного сотрудничества. Обеспечение социокультурной стабильности и информационной защиты общества, а также создание благоприятного режима социализации новых поколений особенно важно на этапе общероссийской модернизации, происходящей в условиях нарастающей изменчивости современного мира.

Важной проблемой является и обеспечение языкового разнообразия в киберпространстве, создание, наряду с традиционными, информационно-образовательных систем, являющихся общественным достоянием, на различных, в том числе и миноритарных, а не только на мировых языках. В связи с этим Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева разработал проект, осуществление которого предполагается начать в 2007 году, по созданию электронного корпуса текстов осетинской литературы и фольклора, а также электронной версии Научного архива института. Это будет способствовать не только сохранению для будущих поколений культурного продукта в цифровой форме, но и к уменьшению языковых барьеров и стимулированию взаимодействия людей с помощью Интернета на родном языке.

Литература

1. Skutnabb-Kangas T. Bilingualism or Not. The Education of Minorities. Clevedon, 1983. P. 66; Tollefson J.W. Planning Language, Planning Inequality. N.Y., 1991. P. 12.
2. Камболов Т.Т. Стратегия образования в Осетии: полилингвальность и поликультурность // Мат. Междунар. научной конф. «Полилингвальное образование как основа сохранения языкового и культурного разнообразия человечества. – Владикавказ, 2006. – С. 181.

Бижева З.Х.
(Нальчик)

Лингвоконцепты как репрезентанты этнической картины мира

Лингвокультурология как междисциплинарная наука по своей сути – знаковая характеристика современной антропологии. Развитие лингвокультурологического направления, обусловленное попыткой изучить феномен культуры как специфической формы существования Человека, связано с такими глобальными проблемами современности, как межэтническая коммуникация и интеграция гуманитарных наук. Все более актуальным становится прикладной аспект лингвистического знания, необходимый для осмысления как интроспекции отдельной языковой личности, так и коллективного опыта общества.

Лингвокультурология как комплексная сфера научного знания в идеале предполагает анализ целостного взгляда на мир, характерного для каждого конкретного типа культурного мышления. Однако в контексте современной научной парадигмы лингвокультурология именно в силу присущего ей междисциплинарного характера не может избежать фрагментарности изучения языка как специфичного способа когниции мира и Человека.

В современную эпоху, когда глобальное контактирование активизирует межкультурную коммуникацию, исследование языка как формы репрезентации картины мира требует новых методик.

Одним из аспектов обоснования взаимодетерминированности языка и когнитивных процессов является исследование лингвоконцептов в этнических языковых картинах мира.

Констатация факта, что концепты в когнитивном аспекте привлекают к себе пристальное внимание самых различных исследователей (этнографов, философов, культурологов, историков, социологов, филологов и др.), становится уже тривиальной. И все же она неизбежна и в данном сообщении. С тем лишь уточнением, что лингвистов культурные концепты интересуют прежде всего как форма репрезентации знаний в системе естественного языка, наряду с формой языкового сознания и концептуализации (организации) действительности.

Адыгское концептуальное пространство, многоаспектное, как и любая другая концептосфера, в настоящий момент исследуется в основном в когнитивном аспекте. Речь идет об анализе лексических языковых значений, представляющих собой особый тип знания – знания о словах и их ментальных репрезентациях.

Обратимся к фрагментам репрезентации адыгского лингвокультурного концепта «джэгу» (джэгун) – «игра» (играть).

Характерность культурной семантики данного концепта обусловлена тем, что игра считается «предвестником культуры». Иными словами, в способности человека к игровой деятельности видят источник культуры. Как известно, игра как предпосылка происхождения культуры представлена (хотя и в разных версиях) в концепциях Г. Гадамера, Й. Хёйзинги, Е. Финка и др.

С игрой сравнивали и язык. Более того, это сравнение стало наиболее «навязчивым», по словам М.А. Кронгауза, у лингвистов и философов 20 века.

Анализируя репрезентацию игры в адыгской картине мира, следует исходить из того, как это понятие «покрывается словами, отвечающими ему» (Й. Хёйзинга). Несмотря на понимание категории игры как одного из самых фундаментальных духовных элементов жизни, далеко не все языки номинируют

игру в одном слове. Разные языки неодинаково «вмещают» различные формы данного понятия в одно слово. Очевидно, эта всеобщая категория не во всех языках дифференцировалась одинаково.

С такой точки зрения и интересует нас концепт «джэгу» в адыгской языковой картине мира: обобщены ли в ней все формы игры в одном термине, или же в адыгских языках для различных форм игр имеются разные номинации? Иначе говоря, является в адыгской лингвокультурной традиции абстракция данного явления столь же второстепенной, как в некоторых других (при первостепенности самой функции игры)?

Лингвокультурологический анализ семантического поля рассматриваемого концепта на материале лексем, фразеологизмов и паремий позволяет констатировать следующее.

Выражение игровой сферы в адыгской языковой картине мира связано с чем-то беззаботным, веселым, радостным. Квалификация же детской игры не имеет своего специфического обозначения, как это наблюдается в некоторых европейских языках. Для номинации такой своеобразной формы деятельности, как драматическое искусство, адыгские языки используют наименование, связанное с общим понятием игры: "джэгун" – играть. В этом случае игра приобретает более конкретный смысловой оттенок – «представление». «Джэгун», как и «джэгу», в качестве культурного концепта относится к игровой сфере. Значение игровой деятельности, заключенное в существительном, выражается в глаголе в форме процесса. Это актуализирует то, что данная деятельность, обладая особенными свойствами игры, не входит в ряд обычных видов деятельности в смысле «делать».

Такая сфера игры, как игровые состязания и поединки, не объемлется термином «джэгу» (джэгун). Для номинации различных состязаний используются разные обозначения. Например: скачки – шыгъажэ (букв.: бег лошадей).

Что касается пользования музыкальными инструментами, в адыгской языковой картине мира не применяется термин «джэгун» (при несомненности того, что музыка входит в сферу игры, а значит, музицированию свойственны практически все признаки игровой деятельности). Навыки владения музыкальными инструментами номинируются в адыгских языках глаголом «еуэн», основное значение которого «бить, колотить, ударять кого-л. или по чему-л.». Например: играть на гармошке – пшынэм еуэн, играть на скрипке – скрипкэм еуэн и т.п. Очевидно, в адыгских языках связующий элемент между этими навыками и игрой следует искать в значении «быстрое, ловкое, упорядоченное движение рук».

Не обнаружены в адыгской языковой картине мира и лингвоконцепты, эксплицитно выражающие одновременно игру и борьбу, вооруженную схватку, при том, что понятия «опасность», «риск» близки игре.

Таким образом, в адыгской языковой картине мира, как и во многих других, отсутствует обобщенное название для всех видов игровой деятельности. Лингвоконцепт «джэгу» (джэгун) выражает понятие игры как того, что связано с весельем, несерьезностью, шуткой, детскими забавами, представлением (упорядоченной драматической игрой), спортивными движениями (топ джэгун – играть в мяч) – безотносительно к состязанию. Состязания номинируются концептами «зэпеуэныгъэ», «зэхьэзэхуэныгъэ», в которых выражается дух соперничества.

Гублиа Р.К.

К этимологии Зиуоу – обряда вызывания дождя

Религиозные верования, абхазские культы, мифология представляют особую сферу духовной культуры народа.

Это древнейший пласт культуры, зафиксированный мировоззренческий опыт народа. В нем накоплены уникальные эмпирические знания об окружающем мире, о происходящих в нем явлениях, о самовосприятии, о временных и пространственных представлениях и т.д.

Изучение этого древнейшего пласта культуры способствует глубокому пониманию истории и культуры народа.

В древности абхазы, как и все народы, были язычниками и поклонялись древним культам. Формирование пантеона божества ранних религиозных верований было тесно связано с условиями жизни человека, с обожествлением тех природных богатств и стихии, от которых зависела его жизнь.

Первоначально древние люди различали священную силу, заключенную в предметах природы, с внешней формой проявления, и поэтому в качестве главных объектов поклонения выступали сами предметы.

Предметы становились священными по разным причинам: главное – они должны были отличаться от себе подобных, должны были быть необычными по форме; форма, цвет, свойства должны были выделить их в ряду себе подобных. Таким образом, не всякий предмет становился священным. Со священными предметами древний человек связывал многое происходящее с ним. Он наделял их охранительными функциями, в его мышлении явления и предметы материального быта сопоставлялись, прежде всего, в ассоциативном плане. В частности, наблюдая причудливые скопления туч и облаков, составлял из них узоры и линии животных, растений, людей, великанов, духов и т.д. И люди наделяли магическими свойствами, которые особо выделялись, как было сказано выше, по своим размерам, цвету, местоположению, главным образом по общей конфигурации, чем-то напоминавшей человека или какое-либо животное.

Как известно, обряд вызывания дождя был распространен не только на Кавказе, но и в фольклоре многих народов мира. Примечательно и то, что у всех народов обряд справляли женщины. В связи с этим предполагается, что его возникновение относится к глубокой древности, в эпоху матриархата (А.А. Чибиров).

Абхазский обряд вызывания дождя с помощью человекоподобной куклы представлен в нескольких вариантах. Первая запись была сделана С. Званба, а затем Н. Джанашия, Н. Патейпа, И. Джавахашвили, П. Чарая, Н. Марр, Ш. Иналипа и другие.

Приведем описание обряда в том виде, как его дал С. Званба.

Совершая этот обряд, толпа сооружала из двух крест-накрест связанных палок или из деревянного половника, тряпок куклу, на которую надевали женское платье и повязывали платком. Одна часть отправлялась к речке и сооружала из ветвей плот, другая сносила к плоту сухую солому, а остальные наряжали куклу (акьанца) в виде женщины, используя для этого деревянную лопату. После этого эту куклу сажали на ишака, покрытого белой простыней. Одна девушка поддерживала куклу, остальные, разбившись на две стороны, начинали шествие к месту, где был устроен плот и пели следующую песню

Зиуоу, Зиуоу, воду дождевую, маргаритку красную.

Сын владыки жаждет немного воды, немного воды.

Зиуоу, Зиуоу, зарикәакәа мыркылдыш, ах ипа дзышуеит: зы хәҷык, зыхәҷык

Придя к плоту, снимали с ишака куклу, сажали ее на плот, зажигали наброшенную на нее солому, затем горящий плот пускали по течению воды, а ишака заставляли выкупаться в той же речке и сами окунались в воду.

С. Джанашия само слово Зиуоу считает сложным, состоящим из азы «вода», уоу- ау от аура «иметь возможность достать что-либо». Отмечает также, что оно означает и «идти», относительно снега, дождя: акәа ауеит – «дождь идет». На основе этого слово Зиуоу переводит так: «тот, кто имеет воду, кто имеет возможность дать воду». Он приводит также свой вариант песни, распеваемой в этих случаях, записанной им в селе Атара:

Зиуоу, Зиуоу!
Зарикәаҟәа мыркылда
Ах ипа дзышуеит, зы иауам
Абжь – кәарак еимидоит
Зы ҳат, зы ҳат.
Зиуоу, Зиуоу!
(Ты) жемчужная дождевая вода!
Сын владетеля жаждет воды;
Вина не пьет, воды не достает,
Во всех семи ручьях ищет воды.
Дай воды нам, дай воды нам!

Выражение зарикәакәа, по его мнению, означает «темная дождевая вода» зари вместо з «вода» кәакәа от аҟәа «дождь темный». Однако, в данных словах разные звуки:кәакәа – кә абруптивный, лабиализованный звук; в аҟәа – глухой лабиализованный его вариант.

На наш взгляд, кәакәа усилительная частица, употребляющаяся для усиления проявления качества, признака, действия ср. ахаакәакәара «сладкая, сладкая», ашкәакәа «белый» и т.д.

В целом Зиуоу он описывает таким образом: большую куклу (почти в рост человека) насаживают на длинный шест, а во многих селах сажали на лошадь или на осла и с пением песни несли ее к реке. Все одеты празднично.

Подойдя к реке, опускают Зиуоу в воду и мочат его. При этом сами же толкают друг друга в воду в полном одеянии и мокнут. Кроме того, атарцы устраивают, атыҵ на котором разводится огонь и пускают его по течению воды. По его предположению, это символ того, что настала такая страшная засуха, что даже и вода горит. Это замечание, нам кажется, вполне вероятным.

В следующих записях исчезают из этого обряда плот, солома, покрывало, ишак.

Приведем один из самых распространенных вариантов.

К ручке деревянной лопаты прикрепляли немного ниже лопасти крестообразную палку, затем на приготовленную таким образом основу надевали женское платье. Лопасть оборачивали тряпками и на полученном подобии головы рисовали черным углём глаза, рот, нос и повязывали изображение головы платком. Затем две девушки брали к себе на плечи эту куклу и в окружении всех остальных девушек с песней Зиуоу отправлялись к реке. Они погружали куклу в воду, стараясь при этом столкнуть в воду и друг друга.

Песня, сопровождавшая этот обряд, также представлена в нескольких вариантах, в одних - это сын царя, в других - дочь царя.

Некоторые исследователи в начальных словах песни (Зиуоу, Зиуоу) видят имя божества или божественной силы, другие же – жертву, изображение человека, приносимого в жертву, от которого зависит дождь. В Зиуоу – Зиуоу Г.Ф. Чурсин объединяет бога и жертву, наделяя и жертву божественными атрибутами.

Зиуоу разные исследователи переводят по-разному: водяной воу! (И.Джавахищвили); дает воды (С. Званба); воды достать (С. Джанашия, П. Чарая); высыхает вода (Н. Марр), а по мнению А. Генко этот обряд связан с анимистическими воззрениями древних абхазов на природу дождя. И слова песни переводит таким образом:

Рождается ли вода? Рождается ли вода?

Дожди водяного воинства, resp - божество

Зар подобна белому перламутру.

Приведем точки зрения еще нескольких исследователей по данному вопросу.

По мнению Ш. Салакая Зиуоу – посредница между теми, кто просит воды и покровителем водной стихии к земной женщине, которую символизирует кукла. С. Бганба осетинское Зwar/Зiwara «крест» «святой», «святилище», «оспа» считает, что имеет отношение к абхазскому Зиуоу, к абазинскому зиуара/зыуара – название божества дождя. На наш взгляд, осетинское зwar «крест» идет от абхазского аԥьар «крест», а не Зиуоу, это – разные термины.

Абхазский аԥьар первоначально языческий знак, связанный с культом дуба и молний, нательный знак – оберег от злых духов. С принятием христианства (IV- V в) этот термин стал означать четырехконечный христианский знак. Затем он постепенно усваивается и другими народами, в том числе и осетинами. Связано это с тем, что христианство на Кавказе начинает распространяться с территории Абхазии (Абазгии). Как известно, уже в первой четверти IV в. одним из главных центров христианства на Кавказе становиться Питиунт (Пицунда), где была учреждена епископская кафедра (Гублиа 2004:94).

В какое-то время обряд Зиуоу, полностью утратив свое магическое значение, стал веселым представлением. Дети наряжали в женское платье кочергу или лопату с поперечной перекладиной и ходили с ним, распевая песни. Сегодня он совершенно исчез и в этом виде и забыт.

Обряд Зиуоу по форме и содержанию наиболее близко стоит адыгское ханцегуаше.

Одной из главных общих особенностей адыгского и абхазского обрядов является то, что они одинаково оканчивались обливанием водой и сбрасыванием в воду всех участников, в том числе и куклы. Некоторые, как отмечалось выше, этот момент объясняют как имитация человеческого жертвоприношения, а другие считают, что обливание водой женщин является символическим действием языческого времени владыке туч. Чтобы умилостивить разгневанного владыку вод в жертву ему бросали в воду, в реку человека затем, вместо этого, чтобы не топить человека стали довольствоваться тем, что его только окунали, толкали в воду. Обряд, как полагают содержит магические действия, основанные на принципе подобия: собрание женщин было аналогично скоплению туч, а окропление водой было аналогично дождю.

Таким образом, так или иначе, этот обряд связывают с тучами, облаками, (с предвестниками дождя), дождем.

На наш взгляд, происхождение культа Зиуоу связано с обожествлением кучевого облака или тучи, принявшие человеческий женский облик, от которых ждут дождя, несущие дождь.

Таким образом, кучевое облако или тучу наделяют сверхъестественными свойствами и делают объектом религиозного культа, т.е., превращают в божество вод, властительницу водного мира. Иначе рождение вод как не от божества им не объяснимо. Что касается куклы, то это срисованное с этого божества изображение, его подобие (женский облик с носом, со ртом, с глазами) и как всякое изображение, изваяние– неподвижное, молчаливое, отрешенное.

Данное объяснение подтверждает и структуру слова Зиуоу-Зиуоуа, которое распадается на зи и уоу - ууа - определительное словосочетание, где и означает «рождающая воду», из з «вода» и и от глагольного корня аира «рождать», ср. ажьи «кузнец» ахьи «золотых дел мастер», а уоу-уоуа «отрешенный, неподвижный, безжизненный», характеризующий ее облик, ср. дуауаза дгылоуп «стоит отрешенно, молчаливо, неподвижно». В этом же значении может выступать и само слово в целом: дзиуоуза дгылоуп «стоит отрешенно, неподвижно».

Таким образом, если сложить все части слова, то получим: «рождающая воду, отрешенная, неподвижная, молчаливая». Здесь можно привести незабвенные строки поэта «Изображение языческого божества и в ликах их печать недвижных дум» (А. Пушкин)

У абхазов многие божества не имеют изображений, но те, которые имеют, как бы скопированы с человека. Так, например главное божество, всевышний творец природы и людей Анцаа представляют в виде молодого красивого мужчины, или седым старцем, с длинной бородой.

А это не результат ли той же причудливой игры туч и облаков, принявших облик длиннобородого старца?

По понятиям древних абхазов земные божества созданы для покровительства людей Всевышним, верховным божеством, повелителем, вседержателем мироздания, пребывающего на небе – Анцаа. Они могут быть и добрыми и злыми в отношении к данной личности, смотря, по тому насколько эта личность рачительно исполняет свои обязанности по отношению к Богу. Единственное - расположить к себе того или иного разгневанного Бога, это чистосердечное раскаяние и жертвоприношение. По этому поводу Н. Джанашия писал: «И благодаря множеству богов вся жизнь абхазов – сплошное, непрерывное моление и жертвоприношение Богам». (Н. Джанашия 860:23).

Литература

1. Л. Акаба. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухум, 1984.
2. С. Званба. Этнографические этюды. Сухум, 1956.
3. Н. Джанашия. Статьи по этнографии Абхазии. Сухум, 1960.
4. Ш. Инал-ипа. Абхазы, Сухум, 1965.
5. Религиозные верования адыгов. Майкоп, 2000.
6. Г.Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухум, 1957.
7. А.Шартанов. Адыгская мифология, 1982.
8. Ш. Салакая. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси. 1966.

Хьециа А. Ҿь.

Ацыҕара алеҟсика аҧсуа бызшәаҷы

Ацыҕара аҧсуаа ирылаҵәаны иҟаз традициатә шәарыцара хкын. Уи знаҧы алакыз ауаа уҧылон ааигәанзагьы, аха ҳцьынцьтәылатә еибашьра ашьҭахь Аҧсны зҭадыргылаз аекономикатә блокада иахҟьаны, ари ашәарыцара хкы есааира ихьысҳахо иааугеит ацыҕцәа адкыларҭа, аҭирҭа ахьыҟам азы. Убри анаҩсангьы, адунеитә ҿьармыкьаҷы ацыҕцәа ҧыхьа иамаз аҳаҭыр аҵыхәтәантәи ажәашыҟәсаҟәа рзы акыр илаҟәит, аахәаҩцәа аҵәмаҳхеит.

Аҧсуаа, Кавказ иашьагәыҭу егьырҭ ажәларкәа реиҧш, ацыҕ зыркуаз ацәазы акәын. Ацыҕцәа ахә бзиан, абри ашәарыцара хкы знапы алакыз ауаа ахашәала бзиа рнаҭон – ацыҕцәа аҧара аҭнырхуан, мамзаргьы ирымамыз маҭәак, ма маҭәахәык иаҭнырыҧсахлон.

Ҳаҷцәажәаҩцәак изларҳәоз, насгьы алитература ҿыдаҷы изларбоу ала, асовет мчра ҟалааныза аҧсуаа ацыҕцәа аҭиразы икылыргон амшын иаҧныз ахәҳахәҭырҭаҟәа рахь. Урҭ ыҟан Гагра абааҭа (ажәытә Гагра), Лзаа абааҭа (Пицунда), Бамбора, Гәдоуҭа, Ҧсырзха (Афон Ҿыц), Аҟәа, Кьалашәыр, Шәҟәырча, Тамшь, Очамчыра, Елыр уҳәа аҭыпҟәа рыҟны. Араҟа Ҭырҟәтәылантә, ма даеаҵьарантә иааугаз ахәҳахәҭцәа, аҭуҵьарцәа ацыҕцәаҟәа аархәон аиҭарсразы, абжьахәҳахәҭразы.

Ацыҕцәаҟәа ирызҷелымҳан иара убас, аҧсуаа "акаҵкәырцәа", "акаҵкәырҟәа", "акаҵкәыруаа" ҳәа изышьҭаз, зыҵитәҟәа акаҵкәырҟәа ирҭаҵаны, наҟ-ааҟ ҩба-ҩба еидҳәаланы, зыхәда ихшьны аҟыҵаҟәа ирылаз, атәым милаҭ иреиуаз, акылҷ-мылҷ, асса-мысса зҵиуаз акреиҭарсцәагьы.

Асовет аамҭазы акәзар, ацыҕҳацәа усҟан ҳәынҵҟарратәла еиҷкааз "Ашәарыцаҵәа реидгыла" иалалон, уаҟа аиҟәшаҳаҭра рыбжьарҵон, уантә ирҭаху акыга маҭәахәҟәа аахәаны иргон, иркуа ацыҕҟәа рцәаҟәа ракәзар, "Аидгыла" адкыларҭаҟәа рахь иаларҵон, ахәгьы уаҟа ироуан.

Ареволиуциа ҟалааныза (1917 шыҟәсанза) Аҧсны иаҭаахьаз аҳәааныркәтәи аныҟәаҩцәа азәыркы, иара убас ацыҕцәа иазҷелымҳаз аурыс чынуаа аҧсуаа рцыҕҳара иазкыз анҵамҭаҟәа маҷымҟәа иаҳзынрыжьит еиуеиҧшым акьыҧхьымҭаҟәа рыҟны. Убарҭ авторцәа рахьынтә зызбахә уҳәаша иреиуоуп Евлиа Челеби, Жан Шарден, Едмонд Спенсер, М. Пе́исонель, С. Броневски, М. Ольшевски, И. Аверкиев, С. Сафонов, А. Шугуров, Н. Хоҵьаев уҳәа азәыркы. Урҭ рдырраҭарақәа рыҟны иуҧылоит аҧсуаа рцыҕкра иазку аҭоурыхтә, аетнологиатә, астатистикатә уҳәа еиуеиҧшым аматериалҟәа маҷымкәа. Асовет аамҭазы ҳаҧсуа ҵарауаа С. Басариа, Гь. Зизариа, Хә. Бҕажәба, Ш. Инал-иҧа, Ц. Бжьаниа алитература ҿыда иаларгалеит уааныза ицәыргамыз, зызбахә ҳәамыз аматериал ҿыцҟәа акыр.

Хыхь зызбахә ҳхәаз авторцәа ранҵамҭаҟәа иахьагьы актуалра шрылоу́гьы, урҭ хаҭәаам, ихыбжа-ҿыбжоуп, еиҳарак алеҟсика аганахьала. Ҳажәлар ари ашәарыцара хкы иадҳәалоу, уи аҷахәы

нагзаны изҳәаша ажәархәҭеи, аҟьабзҟәеи, ахымоаҧгашьаҟәеи рсистема аҧырҵеит. Уи зырҵабыргуа здаҟам аматериал лыҧшаах ҳнапы иакуп, аинтерес ду аҵоуп, маҭәахәрагьы ауеит аҧсуаа рышәарыцаратә культура аҭҵаараҿы. Аха, уеизгьы, абри аусхкы аҟны ҳажәлар рҧышәа иарҿиаз адыррақәа ааидкыланы иугозар, есымшааира азрахь, ахашҭрахь рхы дырхеижьҭеи акраацуеит, урҭ згәалашәо иахьагьы ишуҧылақәогьы.

Аҧхьаа идаагало абри акьыҧхьымҭаҟны ҳәазаҳшәоит ҳзызҿлымҳау атема хыҟәкыла ахцәажәара, аилыргара. Аусумҭа шьаҭас иамоуп аеҟспедициақәа раан Аҧсны аонуҵҟа ҳара хаҭала акыр шыҟәса (1970-2000 шыҟәсақәа рзы) еизаагоз ажәартәи аетнологиатәи ҧшаамҭақәеи аҧыхьашәамҭақәеи. Ҳхы иаҳархәеит, иара убас, ҳаамҭазтәи аҧсуа кьыҧхь аҟны (афольклортә, апериодикатә, асахьаркыратә) иуҧыло ажәақәа, атерминқәа, афразеологиатә ажәеицааирақәа. Агәыҧра ҳамоуп ари азҵаара иазҿлымҳау аҧхьаа ҳара иҳазгәамҭаз, иаҳцәыбжьахаз (уи, ҳәарада, иҟалашт) ҳаҵеиҳәап, игәаанагара ҳадигалап ҳәа. Абраҟа, ҳнаҧыоланы иаҳҳәозаргьы, иазгәаҭатәуп алеҟсикаҿгьы аетнографиаҿгьы абжьыуааи абзыҧкәеи ирзеиҧшу хараза ишырацәоу ари аусхкы аҟны, аивыгарақәа раасҭа. Ҳалагап аматериал хыҟәкыла аилыргара, ахцәажәара.

Ацы́ҧ (урысшәала – куница; алатын бызшәаҿы – Martes); абна бызшәаҿы – **ахәы́ҧшҟа** (абжь. адиалект), **ахәы́мш** (бз. адиалект). Иаҳҧылоит иара убас "ацәаҧхьазара" ҳәа авариантгьы Ажәеиҧшьаа рашәаҟәак рыҟны:

Ахәыҧшҟазаргьы – цәаҧхьазароуп;
Уаа, шәарах цәаҧхьазароуп.

(Аҧсуа жәлар рҿаҧыц рҿиамҭа. Еиҟәдыршәеит Д. И. Гәлиа, Хә. С. Бҭажәба. II аҭыжьра. Аҟәа, 1972, ад. 72; 73).

Ацыҧ ашәарахҟәа ирхыҧхьазалоу ҧстәуп аҧсуаа ртрадициатә шәарыцараҿы. Уи аныҧшуеит акьыҧхьгьы:

"Сасрыҟәа ихҿа ааирххеит, аха ашәарах ццьа данахәаҧш, ахысра изымгәаҧуа даашанхеит, избан акәзар, убри ацыҧ акалашәа иҧшзан" (Б. Шьынҟәба. Ахьырҵәаҵәа. Аҟәа 1990. ад. 162).

Аха аиҭагамҭақәа ирылҵшәаны, аҵыхәтәантәи аамҭазы аҧсуа кьыҧхь аҟны ахархәара аиуа иалагеит "агыгшәыг хәычы" ҳәа ажәеицааира (иаҿшәырҧшы аурыс ажәа "зверек").

Бзыҧтәи адиалект иаҵанакуа қыҭақәак рыҟны (Блабырхәа, Уаҳҳара, Ҟәланырхәа, Аацы, Дәрыҧшь, Аҳандара, Хәаҧ, Ҵьырхәа) "ацыҧ" ҳәа авариант зхы иазырхәо ауаа уҧылоит. Уи ҳаамҭазтәи асахьаркыратә литературагьы ианыҧшит:

Икаҧа-чаҧо аҵыҧ еиҧш аҿзаны,
Амацәыс аҿнаванарзит ааҵра.
(Р. Смыр. Абжьы. Аҟәа 2005, ад. 74).
Аҵыҧ еиҧш наҟ амшгьы аҿазеит(иара уаҟа, ад. 103).

Ҧслаҳәи шьабысҭеи, хаз аҵыҧҟәа (Заур Кәарҵиа. Иоымҭақәа реизга. I атом. Аҟәа, 2006, ад. 136).

Даеа ҵьоукгьы, уи илыцҳаз кәытрыбгамызт, ҵыҷын ҳәа рҳәоит (Ф. Искандер. Иҵасхәым ачыс. Аҟәа 1969, ад. 69. Аиҵагаѡ – Ш. Аҟәысба).

Иҟалап абжьыуатәи адиалеҟт аҟынгьы иазгәаҳҵаз авариант ыҟазар. Ф. Искандер иажәабжьҟәа реиҵагаѡ Ш. Аҟәысба изгәамҵаз, ма машәырны ицәцаз коррекҭуратә гхамзар ҟалап хыхь иаагоу аҳәоу аҟны "аҵыҷ" ҳәа ахьану, "ацыҷ" ҳәа акәымкәа (шәахәаԥш аҳәоу ѡадахьҟа). Ишдыру еиԥш, Шамиль Аҟәысба Аҵаратәын, абжьыуатәи адиалеҟт дахаҵарнакын. Иаҳҳәаз ахшыѡзцара арҵабыргуеит уҳәартә иҟоуп иара убас абжьыуатәи адиалеҟт аҟны иуԥыло, асахьаркыратә кьыԥхь аҟынгьы зхархәара ԥкым алеҟсема **аҵы́ҷшәа**. Ари ажәа "ззара ҭкәыцәаа иҟоу", "ацыҷ еиԥш адәахьтәи зеиҿартәышьа, зҵеиҵыԥш, зыплан ԥшзоу" ҳәа аҵакҟәа амоуп. Ҳара ҳазлахәаԥшуа ала, уи шьаҟәгылоуп **аҵыҷ+шәа** ахәҵаҟәа рыла. Абри асхьемала еиҿкааԥ аԥсуа бызшәа иарҿиаз абарҵ ажәаҟәагьы: "аԥсшәа", "абызшәа", "аныҟәашәа", "алеишәа", "ауаѡышәа" уҳәа уб иҵ. Аиллиустрациазы акьыԥхь аҟынтә иааҳгап ажәа "аҵыҷшәа" злоу аҳәоуҟәа:

Қәрала дмаҷын Зина, аха лоура, лыҵбаара назахьеит уҳәаратәы дыҟан. Лыхцәы ԥшқа лмаҟҿаҳәара ҵыҷшәа аҟынза егьаагымхо иназахьан (И. Папасқьыр. Ҵемыр. Ароман. Аҟәа 1955, ад. 7). Ԥыҵрак ашьҭахь (аеы – А. Хь.) абҭа ҭьеит, ахәы бзарыбзаруа, **иҵыҷшәаза** анкьатәи аҵеиҵыԥшхә аманы иаақәгылт (Ф. Искандер. Иҵасхәым ачыс. Аҟәа, 1969 ад. 136). Иуана аеыбҭаҟаза Иасыф иԥа иакәын. Иасыф абарҵ ахымш ирылагзаны, Хьаԥшь ашьамхи анархеи гәеиҵеит. Хаха-хымш ԥшымзар акгьы аҿеимҵеит. Мышкы хынтә икәабон. Иаргьы азара еиѡаҳаҳа, **ҵыҷшәа** иаақәгылт (М. Миқаиа. Ахҟа. II ашәҟәы. Аҟәа 2003, ад. 63).

Аинтерес аҵоуп Аԥсны шаҟа ҵыҷ ыҟоу ҳәа абиологцәа ирҳәо ахыԥхьазара. 1990 шыҟәсазтәи агазеҵ "Аԥсны ҟаԥшь" аномерҟәа руак аҟны ҳаԥхьоит: "Аԥсны ацыҷҟәа 2150-хы ыҟоуп" (№30, ад. 4).

Атермин "ацыҷ" абызшәадырыѡцәа азәырѡы аетимологиа азырухьеит. Ҳарзааҵгылап урҵ ргәаанагарақәа:

Акад. Х. С. Бҭажәба аԥсуа "аҵыҷ", аедыга "цызэ" ажәаҟәа ирзеиԥшу ашьаҵа шрымоу азгәеиҵеит.

Абызшәадырѡы Г. А. Климов атермин "ацыҷ" дахцәажәо, аԥсуа-аедыгь бызшәаҟәа ирзеиԥшу жәытә формоуп ҳәа азиҳәеит "ццыҷәа", насгьы уи ақырҵуа ажәа "циҟви" – аеш иаҿирԥшуеит. Иадигалоит иара убас авар бызшәа иатәу алеҟсемаҟәа "цакьу", "цикьу" – ацыҷ.

Аҟабарда бызшәаҵцәаѡы А. К. Шагиров иакәзар, аԥсуа-аедыгь бызшәаҟәа рыҟны иҳамоу атерминҟәа "ацыҷ", "дзыдзэ", "цызэ" аҵиурҟ бызшәаҟәа рыҟнытә иаланагалаз ажәоуп ҳәа ишьон.

Иахьа аԥсуа бызшәаҿы иаҳԥылоит ахатәы ԥҳәыс хьызҟәа Ҵыҷ, Циза. Циза аедыгь ажәа "цызэ" аҟнытә иааԥеит ҳәа иуԥхьазартә иҟоуп.

Алеҟсема "ацыҷ" инеиҵыху аҵакала ахархәара амоуп, уи аласра, аилҟьара аанарԥшуеит, иаҳҳәап:

Иҟаларын ацыҷцәкьагьы уиаҟара иазмырласыр. Дахьцоз ҳәа ак ибо, иаҳауа дыҟамызт (П. Ҵкадуа. Иалкаау, Аҟәа 1976, ад. 175).

Сашьцәа аҿыцьагьы хәыҵқәан, аха аҵла ацыҷ еиԥш ʼиқәлон (М. Миқаиа. Ахҟа. II ашәҟәы. Аҟәа, 2003, ад. 137). Сыҵкәынан, ашьха аҽаларазы ацыҷ саҿызан (Амцабз №3, 1983, Ԥь. Аҳәба).

Ажәа "ацыҷ" аиҽыԥшратә ҵакы аннықәнаго ыҟоуп, усҟан уи адәахьтәи аҵеиҵыԥш бзиа, ацәеижь аиҽартәышьа ԥшза иадҳәалоуп:

Аҽы аԥынҵа афаԥь икылҟьо шьамхахьы иҿеиуа аҳаскьын арҽуеит. Ацыҷ еиԥш азара быжьпааup, аныҟәашәа аԥша еиԥш иласуп (Б. Шьынқәба. Ахьырҵәаҵәа. Аҟәа 1990, ад. 190).

Атермин "ацыҷ" ажәаԥҟаԥәа шьаԥәнаргылоит, урҵ ирыхәҵакуп:

Багаԥшьаа рҵыҷ аҵла иԥәҵалан ахә ршьон.

(Аԥсуа жәаԥҟаԥәа. Еиԥәдыршәеит О. Шамба, Б. Гәыргәлиа. Аҟәа, 2003. ря. 376).

Ацыҷ – хәҽа аагара ицаз – ахәыжәгьы азаамгеит.

Ацыҷ аҵла иԥәҵаланы ахә зшьоз ҳәа.

(Аԥсуа жәаԥҟаԥәа. Еиԥәиршәеит Хә. С. Бԥажәба. Аҟәа, 1983, ад. 49).

Аҵыхәтәантәи ажәаԥҟа аурысшәахь еиҵеигеит апроф. О. Б. Шамба абас:

Куницу на дерево загнали,
А на базаре цену назначили.

(Афоризмы абхазов. Собрал, перевел и обработал проф. Олег Шамба. Изд. 2-ое испр. и доп., Сухум, 2003, ад. 98).

Ари ажәаԥҟа иавариантны Ҭырԥәҵәыла инхо аԥсуаа рҵәажәараҽгьы иаҳԥылоит абас:

Бгаԥшьаа ацыҷ аҵла иԥәҵаланы ахә ршьон (Орҳан Шамба иҳәамҵаны ианҵоуп Аҟәа, жьҭаара 1975 ш.).

Аԥсуаа ацыҷ, ацгәи ажьеи реиԥш, зымшьҭа ҵәгьоу ԥстәуп, уи зԥылаз, ма зымҿа еихнаҵәаз, усказы амҿа иԥәу ауаҿы дахьҵо деиԥәшәом, дманшәалахом ҳәа ирыԥхьазон.

Ажәа "ацыҷ" иахырҽиаау алеԥсемаԥәа рацәоуп. Урҵ рахьтә еиҳа уаҿы иԥылоит "ацыҷҵәа" – ацыҷ ацәа иалху (куний мех):

Аххьа хылԥа, цыҷҵәа хамы,
Ала алырԥьан аҽа зшьыз.

(Аԥсуа жәлар рпоезиа. Еиԥәиршәеит Б. Шьынқәба. Аҟәа 1959, ад. 279).

– Уажәшьҭа сара ишуасҳәо уныҟәала! – аҳәан, ацыҷ еилыбзааua, Сасрыҟәа иикыз ацыҷҵәа ааимнахын, Сасрыҟәа инаганы инеишәнаҵеит. Ашамҭазы ацыҷҵәа илаҳәаз Сасрыҟәа днаганы аҳ иашҭа аҵыхәаҽы дынканажьын, иара нылашәкәа ицеит (Б. Шьынқәба. Ахьырҵәаҵәа. Аҟәа, 1990, ад. 168).

Алеԥсема "ацыҷҵәа" злоу ажәартәах абас иҟоуп:

"Ацыҷҵәа зҭиуа дыччааныза ахә иауеит (ыцихуеит)"; уи ҵакыс иамоуп: "ацыҷҵәа ахә бзиоуп", "аԥьармыкьаҽы ирласны ицо, ирҵиуа тауаруп".

Аԥсуа кьыԥхь аҟны атермин "ацыҷҵәа" инеицыху аҵакы аанахәо иалагеит, уи аурыс ажәаԥҟәа "мех", "меховой" аҵакы шьҭнахит:

Ихәда ацыҷҵәа хҵаны, еихамҿатә форма шинельк ишәны… (Н. Островски. Аԥыр шзрыжәхаз. Аҟәа, 1956, ад. 253). – в форменной железнодорожной шинели с меховым воротником… ацыҷҵәа зхыз Тониа

лботқәа... (иара уаҟа, ад. 254) – меховые боты Тони... Ацыҷ иалхыз ашведтә кьаҿ бзиа (иара уаҟа, ад. 256) – Прекрасная меховая шведская куртка. Ауаҩы ау ацыҷцәа зхыз палта еиқәаҵәак ишәын (Ал. Ҵьениа. Абна амаза. Аҟәа, 1971. ад. 284). Ацыҷцәа зыхәда иахыз сахҳан палта кьаҿк ишьамхы иныкәгыло ишәын (М. Миқаиа. Ахҟа. II ашәҟәы. Аҟәа, 2003, ад. 240).

Иаҳҵылоит "аҵыҷцәа" ҳәа авариантгьы:

Аҵстҳәаҟәа ааугәыҵаукыр – ҵыҷцәоуп,
Ажәфан – амшын ҟәандашьышьра.
(Р. Смыр. Абжьы. Аҟәа 2005, ад. 98).

1990-тәи ашыҟәсҟәа рзы апериодикатә кьыҧхь аҟны ицәырҵит ажәа ҿыцҟәа "ахәбыбцәа", "ахәбыбцәатә", "ахәбыбцәалых" ҳәа алеҟсема "ацыҷцәа" иавариантҟәаны:

Асаамцәа рнапы алакуп абнацәаазареи, аҧсызкреи, еинырҭалоит ахәбыбцәа (Аҧсны ҟаҧшь №109, 1989, ад. 3). Ахәбыбцәатә аалыцҟәа рызахразы Ловозиортәи ацех аҟны еиқәырхоуп асаамцәа ртрадиция (иара уаҟа). Ахамҟәа, ахәбыбцәаҟәа рыҟаҵара аан уи аус адызуло аҟазацәа хаҧсырацәгьа днарбоит ашьапхыцҟәа рыбаҩҟәа (Аҧсны ҟаҧшь №123, 1990, ад. 4). Аҧсуа жьа ацәа аҳәса рцәашәцатәҟәа рырҧшзаразы хамыс, хәбыбцәас ирейҭьу акы акәны иҟалеит (иара уаҟа). Абра иҟарҵоит ахамҟәа, акурткаҟәа, ахәбыбцәалых, ахәфага шьаҵаҟәа (Аҧсны ҟаҧшь №195, 1989, ад. 3).

Иаҳҵылоит "ахәыҧшҟа", "ахәыҧшҟацәа" ҳәа абна бызшәа алеҟсикон аҟнытә иаагоу авариантгьы, аурыс бызшәа иатәу атерминҟәа "пушнина", "пушной" реиҭагара иалҵшәаны:

Урҵ ираазоит абнацәҟәа, иркуеит аҧсыз, еизыргоит ахәыҧшҟацәа (Аҧсны ҟаҧшь №144, 1989, ад. 2.) ахәыҧшҟа зҟәу агыгшәыгаазара – пушное звероводство) ахәыҧшҟа – пушнина (Аҧсны ҟаҧшь, Советская Абхазия №246, 1989, ад. 2); ахәыҧшҟатә аалыц – пушно-меховая продукция (Аҧсны ҟаҧшь №182-183, Советская Абхазия №182, 1989, ад. 2).

Аҧсуа бызшәаҿы еицырдыруа ажәа "ахамы" (еиуеиҧшым аҧстәҟәа рцәаҟәа ирылху, ахәы зҟәу, ма ацәа зыцҟьоу азын цәаматәа ау – шуба; аҵакы ыртбааны, ахархәара аҭан аҧсуа периодикатә кьыҧхь аҟны аурыс термин "мех" арбаразы:

Рдамра иҭашәымҵан ирзымго,
Ахамҟәа, еидарак-еидарак.
(Алашара №10, 1988 ад. 70. М. Лашәриа иеиҭагамҭа).

Аурыс бызшәаҟны аоригинал абас иҟоуп:

Не кладите тяжкой ноши
Ни мехов, ни украшений.

... абриллиант, ахьы, хә-змоу ахаҳәҟәа, ахамы, зыхә ҳараку асортҟәа ирылху алыхымҵаҟәа (Аҧсны ҟаҧшь №36, 1990 ад. 1) – бриллиант, золото, драгоценные камни, изделия из высококачественных сортов меха; акырза иаҧсоу ахамы ххҟәа ирылху ахәдахцаҟәа (Аҧсны ҟаҧшь №49-50, 1990 ад. 2) – воротники из ценных видов меха.

Иарбоу аамҭазы акьыҧхь аҿы рхархәара ҧкымызт ажәахырҿиааҟәа "ахамытә", "амехтә":

... Ахамытә аарыхратә еидҵара (Аҧсны ҟаҧшь №56, 1989 ад. 1); Каунастәи ахамытә аарыхратә еидҵара (Аҧсны ҟаҧшь №56, 1989 ад. 2); амехтә, атрикотажтә, ақалҧадтә лыхымҵақәа (Аҧсны №28, 1999 ад. 2).

Имаҷны акәзаргьы, акьыҧхь аҟны иуҧылоит "албаада" захьзу ацыҧцәа иалырхуа ацәашәҵатәы:

Абарҵа дыцагылоуп иҵакәажә
Ацыҧцәа лбаада лышәҵаны.

(А. С. Пушкин. Аҧсызкои аҧсызи рлакә. Еиҵеигеит Б. П. Ҵьанашьиа).

Аурыс текст аҟны абас ҳәоуп:

На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке.

Ари алакә зну ахҧатәи акласс азы аҧсуа бызшәа арҵага шәҟәы (Сухум, 1950ш.) аҟны иаҳҧыло атермин "албаада" абас еиҧш иҟоу аилыркаага ацуп: "ацыҧцәа ма ахәыҧшқа змоу даеа цәак иалху ажәоақәыршә". Жәартә хәҵаҷк аҳасабала алеҟсема "албаада" ануп В. А. Касланзиа еиҟәиршәаз ҩ-томкны иҟоу "Аҧсуа-аурыс жәар", уаҟа ҳаҧхьоит:

Албаада – сущ. Устар. Одежда, которую носили женщины высшего сословия поверх платья (I ат., Аҟәа, 2005, ад 638).

Аҧсуаа рыматәа ҭызҵааауа аетнолог Е. Малиа абас лыҩуеит: "Албаада, акьаҷ – (кафтанчик) аҵкы иаҵарҵон ма уи ахыхь иршәыртцон (Е. Малиа. Аҧсуа матәа. Аҟәа, 2003, ад. 76).

Ажәа "ацыҧ" иахырҿиааауп иара убас ладахьыҟа иаагоу еилоу абарҵ ажәаҟәагьы: "ацыҧҳара", "ацыҧҳаҩы", "ацыҧкра", "ацыҧкоы", "ацыҧшәара", "ацыҧшәаҩы", "абгарцыҧ", "ацыҧмҩа", "ацыҧҭра", "ацыҧырҵа", "аҵыҧшәа" ...

Аҵы́ҧмҩа. Урҵ арахь, ацыҧ-мҩа еиҧш ашыц бнара илагалаз амҩахәасҵа заҵә ала имҩанызгаран иҟаз, бҧьарла еиҟәныхыз арҧарцәа лбаа абна аҿыҟәан иҧшыхәуа, инаҧшы-аапшуа игылан (В. Амаршьан. Аҧсҳа, Аҟәа, 1994, ад. 314). Абна тоура илганы инаган ацыҧ мҩа аҟара иҭшәаз амҩахәасҵа (М. Миҟаиа. Ахҟа. II ашәҟәы. Аҟәа, 2003, ад. 309).

Аҵы́ҧырҵа. – Ишшәасҳәахьоу еиҧш, "Ебырҳам иҩны лацәҟәысырҵоуп!!!" – рҳәеит. Аҳых, убри инаркны ҳхәы иныҟәыршәны рҿынархеит. "Хакәлиса иҩны цыҧырҵоуп!" – рҳәеит. "Чаҩыр мгәа Расҵа!" – рҳәеит (М. Миҟаиа. Иара уаҟа, ад. 181).

Аҵы́ҧҭра. – Хакәлиса иҩны цыҧҭроуп! – рҳәеит. Ари уареи сареи еицәааазо ҳәа акгьы ыҟам (М. Миҟаиа. Иара уаҟа, ад. 180).

Аҧсны аҵакырадгьыл аҟны иаҳҧылоит акомпонент "ацыҧ" хәҵас измоу аҵыҧхьызкәа: Аҵы́ҧмҩа, Аҵы́ҧзы, Ацыҧцҳаҟәа, Ацыҧҳацәа рҳаҧы азы зкылсыз (зҵалаз, зкылыҩрыз) уҳәа уб. ицҵ.

Цы́ҧмҩа – ккароуп, мҩагәҵоуп, кызҧырҵоуп. Уи ҵьоуҟгьы Зҧымҩа ҳәа иашьҵоуп (Т. Шь. Гыцба. Аҧсуаа рышьхахьызкәеи рышьхацамҩаҟәеи. Аҟәа 2002, ад. 116).

Аҵы́ҧмҩа – мҩоуп, абри амҩала ашьханыҟәаҩцәа неиуеит Арашкәара аҧсҵахьы. Ацыҧмҩаҟәа егьырҵ ашьхаҟәа рҿгьы иуҧылоит (Т. Шь. Гыцба. Иара уаҟа, ад. 321).

Ацы́ҕцҳаҟәа. Ацы́ҕцҳаҟәа (Бзыԥ ахыҟә, Быԥәаа рҟьамԥаҟәа рнаѡс аѡада, Бзыԥ аҟәыцәаҟәа аԥлаҟәа рхырԥон, ацыҕ аларкуан). (В. Кәарҷиа. Аԥсны атопонимика. Аҟәа, 2002, ад. 153).

Ацыҕҳацәа рҳаԥы азы зкылсыз (зԥалаз, зкылыѡрыз). Ари азиа ахьз акыраамԥа ҵуеит аԥсуаа урысшәала ахьз рҳәоижьԥеи "Голубое озеро" ҳәа. Зны-зынлагьы аурысшәаҟынтә аԥсшәахь еиԥаганы "Азиа Иаԥәа", "Ижәѡангәыԥштәылоу азиа" ҳәа акьыԥхь аҟны иаҳԥылоит. Зызбахә ҳамоу азиа ахаԥа Бзыԥ аԥсԥала Риԥаҟа уанцо 14-тәи акилометр аҟны амѡаду арымарахь ала абахә аԥаҷы иԥоуп, ланарԥшырак аҳасабала, аныҟәаѡцәа равтомашьынаҟәа аанырҕыланы, иахәаԥшуеит. Уи аҟалашьа иадҳәалоу аҳәамԥа абас иҟоуп:

"Уажә азыгьежь ахьԥоу анкьа зны иҳаԥын. Убра ацыҕҳацәа рԥыԥ ҟаԥаны азынра иԥаԥхьон. Уахык зны изыдтәалаз рымца аҷыцәаара иалагеит. Амца иахьыз абаразы иѡагыланы иахәаԥшызар, ахәа баазажжыраза иҟан. Ари ееик ишазҳәамыз рԥәа иалашәан, рыматәаҟәа рыманы, аҳаԥы иԥыԥны ицеит. Шьыжьымԥан иҟалаз аабоит ҳәа иааизар, аҳаԥы азы газго иԥан, ркәасԥаҟәа хаԥԥала азы ихыԥсалан, аҳаԥы азы ԥыкьаса ацара иаҷын... Иахьагьы аҳаԥы аҳамԥ цԥьа унаԥаԥшыр, алѡаҟ иашәны ишыҟоу убоит. Ари азиа ажәытә сара схаан "Ацыҕҳацәа рҳаԥы", "Ашәацәа рҳаԥы азы зкылсыз" ҳәа иашьԥан. "Азиԥәа ахьԥоу", "Азиаԥәа ахьԥоу" ҳәа зҳәозгьы ыҟан" (Хьециа Ԥьота Кьаҕәса-иԥа иҳәамԥоуп. 1911ш. диит. Иаԥцоуп 1983ш. Калдахәара).

Абиологцәа ишазгәарԥо ала, Аԥсны аԥакырадгьыл аҟны ацыԥҟәа ѡ-хкык уԥылоит. Аурыс литература ԥыдаҷы урԥ руак "лесная куница" ҳәа ахьз амоуп, "желтодушка", "желтогорлая куница", "желтогрудая куница" ҳәа авариантҟәа ацны (лаԥын бызшәала – Martes martes). Егьи – "каменная куница" ҳәа иашьԥоуп, "белодушка", "белогорлая куница", "белогрудая куница" ҳәа авариантҟәа аманы (лаԥын бызшәала – Martes foina).

"На территории Псху–Гумистинского заповедника встречаются два вида куниц – лесная и каменная. Первая предпочитает темнохвойные лесные массивы, вторая – скалистые участки склонов" (Заповедники СССР. Заповедники Кавказа. М., 1990, ад.112).

"В Кавказском заповеднике распространена куница двух видов: желтодушка или лесная и белодушка или каменная куница. Желтодушка в пушном отношении более ценная, она имеет мягкий тёмный мех с густым подшерстком. Горловое пятно её чаще всего жёлтого цвета. Подошвы ног покрыты волосами. Горловое пятно у белодушки сильно развито, отличается по своей форме, чаще всего белое. Подошвы у белодушки голые" (С. С. Туров. Очерки охотника натуралиста. 2 изд., испр. и доп. М., 1952, ад. 214-215).

Аԥсуа цыҕҳацәа арԥ аѡхкык ибзианы ирдыруеит, урԥ еиѡырдырааueит. Зыхәда ацәаԥшьра иаманакуа ацыҕ "ахәԥаԥшь", "ацыҕ хәԥаԥшь", ҳәа иашьԥоуп, вариантҟәас ахархәара рымоуп "ахәдаԥшь", "ахьаԥштәыла", "ацыҕ хьаԥштәыла", "ахьԥштәыла" "аԥсарԥыҕ", "аԥсарԥыҕ" (аԥсуаа ршәажәараҷы "аҟаԥшь", "ацәаԥшь", "аԥшь" анырҳәо ыҟоуп "аѡежь" ацынхәрас). Арԥ атерминҟәа ҳԥылоит акьыԥхь аҟынгьы:

Сҭампыл қаруа абла лхоуп,
Аԥсар ҵыԥшәа дыхәҵышза дыҟоуп,
Амсыр ԥьаад ацәеижь лымоуп.

(Аԥсуа жәлар рпоезиа. Еиԥәиршәеит Б. У. Шьынԥба. Аҟәа 1959, ад. 259).

Уаа, ахра даҽоуп, аихац лышьоуп – Ԥьеҵеуана!
Уаа, ԥсара-ҵыԥшәа дыхәҵышуп – Ԥьеҵеуана!
(Иара уаҟа, ад. 257).

Абнаԥәа ирылоуп ҿ-цыԥ хкԥәак – аԥсарцыԥи ашәрацыԥи (Ашколи аԥсҭазааареи №6, 1991, ад. 43. Л. М. Барԥыц).

Аҵыԥ ахәҵыш ыҟоуп, ахәда агәыҵ ала ашкәакәа аманы. Аҵыԥ аиԥәаҵәа, аҵыԥ хәҵаԥшь, ахәда агәыҵ ала аҟаԥшь амоуп (Ҿардан Кәынҵал Ҭаҟәыҟә-иԥа, 1928 ш. диит. Иаԥҵоуп 18. 09. 1998ш. Уаҭҳара).

Аҵыԥҟәа ҿ-хкык ыҟоуп: аԥсарҵыԥ – ахәда ҟаԥшьуп, ахыԥьыр ҵыԥ – ихәҵышуп. (Рамиз Барԥыц иҳәамҭоуп, 1936ш. диит. Иаԥҵоуп 1991ш. Блабырхәа).

Егьи ацыԥ хказы "ахәҵыш", "ацыԥ хәҵыш" рҳәоит, "ахәдыш", "ашәрацыԥ", "ахырԥьра ҵыԥ", ҳәа авариантҟәа аманы. Ахархәара ԥкым "асарсалеи" ҳәа урҭ зыԥсахуа ажәагьы. Аҵыхәтәантәи алеԥсема, ҳара ҳазлахәаԥшуала, аҭырԥәшәа аҟынтәи иаланагалеит, иаԥшәырԥшы аҭырԥәа ажәа sansar – каменная куница (Аҭырԥәа-аурыс жәар. М., 1977, ад. 751).

Аԥсуаа рцәажәараԥы ажәа "асарсалеи" аҵакы ырҭбааны рхы иадырхәоит, еиҳарак уи ахәыҵԥәа рхымҿаԥгашьа иадҳәалоуп, ажәеицааира "ахәыҵы сарсалеи" иахәҵакуп: асарсалеи – алас, аилҟьа, аиламгыла, ҭыԥк аҟны изымтәо, ҭынч ҵьара изымгыло ахәыҵы цыхцых. Ари ажәа иахырҿиааупп "асарсалеира": ахәыҵы дсарсалеиуеит – ахәыҵы иҭыԥ дазкуам, ҭынч ҵьара дызтәом, атәара ицәыуадаҿуп, дхәыҵы цыхцыхуп уҳәа уб. иҵ.

Абасратә леԥсикаԥы "асарсал", "асарсалеи" ҳәа ҳԥылоит, уи асарҭы (абасыга) иахәҵаку мыругоуп, уи аусураан ихагежьуеит, ихаҵәиуеит, абри аматәахә аусушьа акәзаргьы ҟалап "ахәыҵы сарсалеи", "ахәыҵы дсарсалеиуеит" ҳәа ажәеицааира цәырызгазгьы.

Аҵыԥкцәа ҟазаҵәа рцәажәараԥы иаҳԥылоит иара убас "ахәаԥштәыла", "ахәаҵәыхәа" ҳәа изышьҭоу аҵәаԥштәхәԥәа змоу аҵыԥҟәа.

Акьыԥхь ицәырнагеит "ацыԥ ҵәышәшәы", "ацыԥ каҳуаԥштәыла", ҳәа ажәеицааираԥәа, урҭ, хымԥада, даҽа бызшәак иахылҿиааз еиҭагамҭаԥәоуп:

"Аҵыԥ – акаҳуа ԥштәы змоу, ахәыԥшԥа жәла ҕзиа зԥәу аԥстә хәыҵы (Алитературатә ԥхьара. 3-тәи акласс азы. Аҟәа 2001 ад. 85).

Аҵыԥ ҵәышәшә хәыҵԥәа ахәыԥшза иԥәтәоу ԥьушьап – иԥьымшь хәыԥшԥа (Р. Ԥапба. Владимир Анԥәаб. Иԥсҭазааареи ирҿиамҭаԥәеи. Аҟәа 2001, ад. 349).

Фатәыла зыхныҟәгара бзиоу, згәамч ҭоу ацыҵ аԥштәы цәыргахоит рҳәоит издыруа. Ус иҟоу ацыҵ азы " еилыбзааueит", "ицызцызueит", еилыблааueит", "икәеикәеиueит" рҳәоит. Аҽырԥштәқәа:

"Ацыҵ уамашәа иԥшзан. Ахәы еилыбзааua, ула хнакуан (Б. Шьынқәба. Ахьырҵәаҵәа. ад. 162).

Сасрыҟәа днеин, ацыҵ ахәыԥшқа инапы наларсны ишилшоз днахеит. Ацыҵ иаразнак ацәа нахҵәрааит, баша иакәыршазшәа. Иара ацыҵгьы даеа цәак ахан ицыԥцыԥуа (иара уаҟа, ад. 167).

Днахәаԥшызар, абар ассир: ахәы ԥшқа еилыбзааueит, еилыблааueит (иара уаҟа, ад.168).

Фатәыла еиқәшәам ацыҵ цәышхоит, уиаҟара аблаҽы иааиуам, ихәылашьыхаа, аԥштәы ахыббы иҟалоит, ацыҵцәа акәзар, ахаҵабзиара лаҟәуп, ахәԥсагьы маҷхоит. Уи азы "ацәхыш" рҳәоит. Аԥсҭа афатә рацәаны иахьыҟоу иабзоураны, уаҟа зхы ныҟәызго ацыҵ ацәаԥштәхәы еиҵьуп, ашьха иныҟәнаго аасҭа.

Абгарцы́ҵ. Абгарцыҵ ҳәа изышьҭоу аԥстәы ацыҵ жәлаҟәа рахь иаҵанакуеит. Уи здыруа абас иахцәажәоит:

"Абгарцыҵ аԥсҭаҟәа рахь иаанахәоит, ацгәы инеиҳаума уҳәо иҟоуп. Апарпыл еиԥш иҟаԥшьуп, иуҽаҷҷоит, ацәа ахыбзааueит, ахәда хәцышуп. Ацәа аҳәса рыхәда ихырҵоит. Шамахамзар адгьыл иқәгылазом, аҵлаҟәа ирыбжьыԥо иныҟәоит, аха ацыҵцқьа аҟара пату амам, ахә еиҳа илаҟәуп" (Абыхәба Ҷыка, 1920 ш. диит Ҷьгьарда. Иаԥцоуп Аҟәа, 1986ш. Ҭодуа Аԥҭа. Иаԥцоуп Арасазыхь, 1987ш).

"Абгарцыҵ – ацыҵ аҵкыс еиҳауп, абгахәыҷы аасҭа еиҵоуп, абгахәыҷи ацыҵи рыбжьарашәа иҟоуп. Абга аҭеиҵыԥши ахаҽи амоуп ԥшрала. Убри азоуп абгарцыҵ за́хьзугьы. Цыҵшҭроуп иара. Алымҳаҟәа кьаҵәны, иҵар-ҵарза иҟоуп. Аблаҟәа еиқәаҵәоуп алаҳәа аблаҟәа раҟара. Ахәы аԥштәы акәзар, иаԥшьуп икәеикәеиua, ауразоуроу еизаданы, еиуам ԥштәы алазам. Амала ацыҵ цқьа аасҭа ахәы ҵьаԥьоуп. Шамахамзар адгьыл иқәгылазом, аҵлаҟәа ирыбжьыԥо ауп ишныҟәо. Аҵла агәаԥараҽы иҵаланы иԥхьоит, уа аҭыԥ ҟанаҵоит. Азхыҟәҟәа рыҟноуп хныҟәгарҭас иахьамоу. Иуԥылоит аԥсҭаҟәа, аԥсарыхраҟәа, аҽаԥаҟәа рыҟны. Азын ауп ианыркуа – еиҳарак ианар, ԥеруал рзы. Усҟан ахәы бзиоуп. Аԥс ԥба иреиҳаны иаризом, хҭа зриua даара имачуп. Фатәыс иамоуп аԥькакал, ахьа, араса, акакан, еиҳарак абынраса бзиа иабоит. Иакуеит еиueиԥшым аҳәынаԥқәа, иафоит иԥсны икажьу аԥстәқәа рыжьқәа. Азынхәы еизнагоит, иаҵәахueит. Ацыҵцқьаҟәа ракәзар, ԥыхкыкны иҟоуп –ахәдыши ахәдаԥшьи ҳәа. Урҭ рцәаҟәа еиҳа пату рыҟәуп абгарцыҵ атәы аасҭа, еиҳарак ахәдаԥшь" (Апаллон Шьынқәба иҳәамҭоуп. Диит 1946ш. Ҭхьына. Иаԥцоуп 22. 04. 2007ш. Аҟәа).

"Абгарцыҵ агәыҵа шкәакәоуп, азқәа цәаԥшьуп, ицәаԥшьшәа иҟоуп. Азын ауп ианыркуа. Анкьа Сакьан ирацәан ацыҵцәкьа. Анкьа иршьон-ирзон ацыҵкраҟны "(Ҿьапуа Ҷут. 78ш. ихыҵueит. Диит Ҷлоу. Иаԥцоуп Гагра 1986ш.).

Ари аԥстәы азбахә ҳәоуп акьыԥхь аҟынгьы, ахәҭакахьала, Шь. Камкиа ижәар "Ажәаҟәа рдунеи" аҟны:

Абгарцыҵ. Ацыҵ жәлаҟәа ируакуп. Цәеижьла абгахәыҷы аиԥш ихәхәоуп, аха анырҳара маҷуп, ишьҭаҵачоуп. Аԥшшәы ацәаԥшьрахь

иԥшуеит. Зыԥсы қымқымуа гыгшәыгуп. Ирзышәарыцоит а́ҳәынаԥқәа, ахәслампырқәа, аҵартрақәа, абнакәты. ... Бзиа иабоит абна еилачыра, ауахәаԥқәа ирыԥқәсны аныҟәара. Аҵла ахәнараҽы ацыҵ еиԥш еилҟьоуп. Аԥба бзиоуп – иага имшцәгьазаргьы, ашьҭа архоит, ибзианы иаҳауеит, иабоит. Аҭра ҟанаҵоит аҵла агәаҿарараҽы. Ацәа иалҵуеит зыхә ҳараку ахамқәа. Ауаҿы иԥшра архьысҳаразы иара иадкыланы ирҳәоит абасгьы: "дзыбҭахузеи, абгарцыҵ ԥшра иҭаны, абниҵәҟьа сара стәы иҳәоит".... Ари аԥстәы даҽеакалагьы "абҵарцыҵ" ҳәа иашьҭоуп" (урыс бызшәала "куница") (Шь. Камкиа. Ажәаԥқәа рдунеи. Аҟәа, 2001, ад. 13).

Ари ацыҵ хкы Бзыԥынгьы азбахә рҳәоит.

Атермин "абгарцыҵ" ахәшьаратә ҵакала рхы ианадырхәо ыҟоуп: "абгарцыҵ аԥшра иҭаны", "дыбгарцыҵушәа дҟаԥшьыцза", рҳәоит ауаҿы ҟаԥшь изы, аблаҽы данымааиуа, данатәарымбо. Абгарцыҵ амшьҭа цәгьоуп, умҿа еихнатәар, уманшәалахом ҳәа рыԥхьазоит.

Ацы́ҵҳара. Ацыҵҳара ҳәа иашьҭоуп ацыҵқәа рыкразы шәарыцара ацара. Вариантқәас иамоуп "ацыҵкра", "ацыҵшәара", "ацыҵшәарыцара", "аԥсҭашәара", "абназара", "абнашәара", "абнаҳара", "абнаныҟәцара", "аныҟәара". Арҵ ажәаԥқәа ирхырҽиааup "ацыҵҳаҿы", "ацыҵкҿы", "ацыҵшәаҿы", "аԥсҭашәаҿы", "абназаҿы", "абнаныҟәцаҿы"...

Цыҵҳара ицарц згәы иҭазкыз, зҳәатәы еиԥәшәо ҿыцьа-хҿык, ԥшьҿык рҟынзагьы, ашәарыцаҿцәа рҽеиԥәдыршәон, еиԥәышаҳаҭны иахьцаша аҭыԥ еибырҳәон, иалырхуан. Цыҵҳара иахьцоз еиҳарак аԥсҭаԥәа рахь акәын:

"Жьҭааншьҭахь ицаны мазаҭыԥк аҟны маза қьалак ҟарҵон уаҿы иахьиҽахарсҭам, ма аҳаԥы амазар, уа рҭыԥ ылырхуан. Азын аԥхьаразы аҭыԥ маҭәахәыла еиԥәыршәаны ихынҳәуан" (Хьециа Ҵьота, 1911 ш. диит. Иаԥцоуп 1988ш. Калдахәара).

"Ҭагалара анҵәамҭа, ма азын алагамҭазы ашьхарахь асы аныԥәнаҵалагь, аҵаԥқәа анҵыслагь, ацыҵқәа ахәы рыԥәлоит, рхәы каԥсазом, аԥхын рхәы каԥсоит. Ацыҵҳара ҳцон убри аамҭазы саби сарҿ. Мзаа, уа аҭыԥ ҟаҵаны иҳаман" (Алыԥьса Шьаԥьыр-иԥа Ԥсардиа ихаамҭоуп, 1930ш. диит. Иаԥцоуп 1990ш. Бзыԥҭа).

Урыстәылатәи абназаҵәагьы асы анаулак акәын бназара иаԥцоз: «Обыкновенно соболиный промысел начинается по первому снегу, как только вылиняет соболь и белка» (Л. П. Сабанеев. Охотничьи звери. М., 1988. с. 336).

Абзыԥқәа рыҟны цыҵшәара ицоз ашәахьа ма аԥшьаша ҵхагәазы аҿны идәылҵуан, амҿа иԥәлон уаҿы ҽеимырбакәа, абжьыуаа рҽы акәзар – аҿаша ма аԥшьаша. Амшшьара зҟәу уи аҽены шәарыцара ма бнашәара дҭыҵуамызт.

Аԥсҭашәара еиццоз абназаҵәа анеиԥыла инаркны, бна бызшәала аицәажәара иалагон. Ари абызшәа хкы ала ада ицәажәар ҟаломызт аԥсҭа иҭалоз зегьы – дыхьчаз, дыԥсҭашәаҿыз. Иааҳгап уи иазкны ацыҵҳаҿ ҟаза иҳаиҳәааз аконтекст:

"Ацыҵқәеи ашьхымзеи Анана дырхылаԥшуп, нцәахәыс дрымоуп. Аԥсҭа уанҵоу – цыҵҳаразааит, шәарыцаразааит, хьчаразааит аҭахызаргьы – бна бызшәала уцәажәароуп, издыруа изы ус иаԥуп, иззымдыруа усгьы издыруам. Моумзар ухиазом. Ани хылаԥшҿык дамоуп-тәа, уара дубом аха! Ашьха ацәҳәырахь, асакарахь ианыҟоу

иршьазом, абна бызшәа рымҳәар ҟалоит, егьыс ацәажәара уақәиҭуп – Ҳазшаз ус иаԥицеит" (Хьециа Камсыс Хәыса-иԥа иҳәамҭоуп, 1904ш. диит. Иаԥцоуп 1983ш. Калдахәара).

Агәыԥ еиццоз қәрала ирейҳабыз аԥхьа дгылон, "амаса́ба", "а́бчараҳ", "а́ԥчараҳ" ҳәа иарҳәон, уи ишьҭанеиуаз – "а́цәымш(қәа)", қәрала зегьы ирейцбыз рышьҭахь дгылан, "аґәа́ч" ихьзын абзыԥқәа рыҟны, "аԥашьы́шь" ҳәа изырҳәон абжьыуаа рыҟны.

Ҷыдала иазгәаҭатәуп, зцәа зтәымыз аԥҳәыс дахьыԝназ аҭаацәараҽыԥтә бназара ҳәа уаԝ дцомызт, ҵасым ҳ̇әа ишьан. Ацыґ хәырны, мамзаргьы даҽа бнатә ԥстәык, шәарахк еихсны иршьыр, иираны иҟоу ахҭылҵ иԥырхагахоит, агра иманы, ма аҽаасҭа инны диируеит, мамзаргьы аԥҳәыс дыцҟьо́ит, ма лыхшароура маншәалахом ҳәа рыԥхьазон. Иара убас бназара ма шәарыцара ашьхаҟа акраамҭа ицараны иҟаз аԥҳәыс дызмоу ахаҵа бжьымш-жәамш шыбжьоу иԥҳәыс лахь анеира, урҭ рцәеидҵара иҽаҟәичҳар акәын.

Еицыз абназацәа ақәиҭымызт аԥаҵасара, аҽыкәабара, ажәа мҽыґла аицәажәара, ашәира, аизымчра, ажәеимакра, ала рыцзар, уи асра, аизґыґра, абызцәгьақәа рҳәара, агәынамзара аарԥшра – ажәакала, ҳәоуеиқәшәала аусеицуреи, аицыҟазаареи ирԥырхагаз ахымԝаԥгашьақәа зегьы. Бназара иахьцоз арыжәтә ԥьбара ргомызт. Иара убас аԝны иаанхаз ауааԥсыраґьы рхымԝаԥгашьа иацклаԥшлар, иршьар, ирзар акәын.

Абназаԝ иматәа, ишәҵатәы маншәалазар, деихәланамырхәозар, аԥштәы хәаԥштәаланы, дызмадоу аԥсабара иалбаара уадаԝны, уи дахәҭакны дыҟазар акәын. Бнашәара ицоз иахьцоз иргон: ашәақь, ахи-ахәшәи (аԥьаԥҳаны), аикәаґа, ауапа, ахьаҭра, аҳаҭа, азсцәа́, алабашьа, аҭәарґәы лабашьа (асԥыга), ашәаԝақәа, аԥсуа ҳәызба, аачҳа, ачҳабрыхәа, абґаза (агарзган), ацәашьаршь, ашьхымзацәа, акьаԥаҭра, амақьа, амақьаԥсыс, аԥьыкахыш, аԥьыкаҵәаҵәа, ашыла, ахәшәеиҵаҵа, аҭалоу ахәшә, агәыри арахәыци, азаз, аласха клаԥадқәа уҳәа акраамҭа абна ирҭаххаша аматәахәқәеи амыругақәеи зегьы. Акәац ргомызт бназара иаԥцоз – уи шәарыцарыла ирыдыргалон ргыларҭаҽы. Раамҭа иахаршәаланы ицон ашәарах аишәарыцара, кәацла ҽеиқәдыршәон.

Ашәахьа ауха аԝны идәылҵны амԝа иқәлаз абназацәа, рҭыԥ аҟны ианнеилак, аҽны рыԥсы ршьон. Абзыԥқәа аԝашаҽны шәарыцара, цыґкра иҭыҵзом, аԝаша мыш мышьҭаҵәгьаны иршьоит. "Аԝашаҽны ақәыцьматәҟьа игәаґьны ахәыц алнаршәом", рҳәон. Абри аҽны аматәахә рыдыргалоит, ацыґкыгақәа ҟарҵоит, ҽеиқәдыршәоит. Абнахьтә аагатәык рымазар, ииаргоит, аха "мԝа ҽыц уаԝы ихиртлом аԝашаҽны", рҳәоит аԥсҭашәара иҟоу. Уи иианаго "ус ҽыцк уаԝ далагом аԝашаҽны" ҳәа ауп. Аха иазгәаҭатәуп, бназара аԥсҭа ицоз, аԝашаҽны иныҳәон Анана–Гәында лыхьзала. Ари ахьз Анан, Анана, Анана Гәында, Анан Ахьаҳкәажә, Нан, Нана, Ананиа–Гәында, Анан Агәында, Анан Гәашьа, Гәында-ԥшза, Гәында шеишеи, Гынды ҳәа авариантқәа амоуп. Ацыґкәеи ашьхымзеи нцәахәыс ирымоу, урҭ ирхылаԥшуа лара лоуп ҳәа рыԥхьазон ацыґҳацәа.

Иныҳәоз еицу агәыԥ ирейҳабыз "амасаба" иакәын. Аныҳәара иалагааназа зегьы рҽы-рнапы рызәзәон. Аныҳәаԝ имаҟа имґыхны,

ихарҵ шкәакәа аушьҭны, иҽы мраҵәыртҵрахь ирханы дгылон, егьырҵ еиҳаб-еитҵбыла иармарахь ала ивагылон. Аныҳәара шьыбжьаанза имҩаԥыргар акәын, шьыбжьышьҭахьтәи аныҳәара амч аиуам ҳәа иршьон. Аныҳәаҩ иныҳәара даналгалак, ивагылоу "Амин!" рҳәон. Ианаҳҵаз аныҳәара атекстқәа рахьынтә вариантк абас иҟоуп:

"Ари заҳауа Анцәа Ду! Ари Иаҟәиҵу ухьышьаргәыҵа сакәыхшоуп! Анан Ахьаҳәкәажә Ду! Ашәҵ-мышәҵ инкаҳԥсуа ирхианы иҳаҵ! Қәнагала иҟаратәаны иҳаҟәыршә, сбыкәыхшоуп! Ашәарах абна илаҵаны ибымоу ҳхыбымбаан! Ибымфац, ибымжәыц ҳадбымгалан! Ҳгәы злаҵьара ҳаҟәыршә, сбыкәыхшоуп! – абас ҳлыҳәуан Анан Ахьаҳкәажә" (Барцыц Ҵьамфер Селым-иԥа иҳәамҵоуп. 1906ш. диит.Ианҵоуп 21.08. 1982ш. Бзыԥҵа ақыҵа Аҵызҵа аҳаблан).

Маадан Сақаниа "Иҳәамҵақәа" рыҟны ҳаԥхьоит: "Бара быхьз ҳаҵыр ақәҵаны иныҟәо, ашьхеи аҵыҵи ирышьҭоу абнаныҟәцаҩцәа Анана Гәында ҳәа быхьз ҳәаны, иныҳәалааит" (Аҟәа, 1970, ад. 23).

Даҽа вариантк аҽы абас ҳәоуп:

"Ачба инцәахәы" ҳәа амаҵәа шьҭаҳҵауан ацыҳҳараҽы. Ҳҵыԥ аҽы ҳаннеилагь, ахәыз шыла иалхны ахәажәа ашә аҳраҵаны, арасаҵәы иахаҵаны, амцаҽы изны, "Ачба инцәахәы" ҳәа ҳныҳәауан цыҳҳара агәаҵәа ацынхәрас", ҳәа игәалаиршәон Ачандаратәи ашәарыцаҩ, 67 шыҟәса инеиԥынкыланы ашьха ицахьаз, 117 шыҟәса нызҵыз абчараҳ Ҳагба Маҳҵы Жьагәа-иԥа (Ианҵоуп Ачандара, 1982ш.).

Аинтерес аҵоуп "Ачба инцәахәы" ҳәа Ачандаратәи ацыҳҳацәа зҵаныҳәоз анцәахәы. Аҳратәра аамҵазы Ачандара аҳҵәас ирымаз Ачаа ракәын*. Ачандараа "Ачба инцәахәы" зышьҭырхыз, уи изаҵаныҳәоз еилкааup: амифтә хаҽы Анана Гәында лаасҵа, иахьеи-уахеи ирбоз, зыԥсы ҵаз раҳ ижәлар рыҟны ихыԥша дуун, анырра иман, "Ачба инцәахәы" иаҵаныҳәар, еиҳа иахьчоит, иарманшәалоит, еиҳа ирыхәоит ҳәа рыԥхьазон.

"Ачба инцәахәы" иара ианаамҵаз ажәлар ирылаҵәаны ишыҟаз, анырра шамаз ҳнарбоит ҵаҟа иаагоу ацыԥҵәахагьы:

---

* Аҵыхәтәантәи урҵ раҳ Ачба Бата, изларҳәо ала, 1840-тәи ашыҟәсҟәа рзы диит; Ачандара, Мидарадәы дынхон. Асовет мчра анааи, иаҳҵынра акы ндәылымгазакәа, ақыҵа иазныжьны, иҵаацәа иманы, Гәдоуҵаҟа нхара диасит. Иаҳҵынра ахыбраҟәа руак дук мырҵцыкәа школс иҟарҵеит, 1960 шыҟәсазы аҽыц андыргыла, ажәытә дырбгеит. Егьи ахыбра аколнхара аконторас иҟан, 1980 шыҟәсаҟәа рзы машәырла иблит.

1930-тәи ашыҟәс еиҟәаҵәаҟәа дзырҵәымцеит Бата. 37 рзы 90 шыҟәса ирҵысхьаз Бата, иус рызбын 10 шыҟәса иҵаны, Сибраҟа ахгара иҟәырҵеит. Аҵыхәтәантәи ажәа анирҵа, аҵәы налаҵашәа, абас иҳәазаап:

– Сара, дад, иахьа-уаҵәы иԥсыша, зыҟәра зфахьоу ҵаҳмадак соуп ҳәа сгәы каҳаны сыҟан. Даараза сшәыргәырҵеит, сгәы ҭыжәгеит. Сшымгәыҵзоз сыԥсҵазаара даҽа жәашыҟәса сзацышәҵеит, иҵабуп ҳәа шәасҳәоит, дад! Аԥсҵазаара сгәы аҳәо ск̌ашәҵеит, сгәы шьҭышәхит ҳәара аҵахымкәа, анцәа дышәзыразхааит! Абриаҟароуп ишәасҳәо!

Изларҳәо ала, иашьцәа Ҵамшьыгә, Зосҳан, Кәыча, иара дназлаз, Кәыдры ахыҟәахь иганы, иршьит иларгәыдҵаны (Ачба Бата имаҵа Леила Николаи-иԥҳа Ачба илҳәамҵаны, ақьаад ианылҵеит арадиожурналист Алина Ач-ԥҳа 15. 05. 2007 ш., Аҟәа).

"Ҳара ҳабдуцәа ирыман дырԥеиҭыс хазы ҭауади аамыстеи рзыҳәан анцәаԥәа, иаҳҳәап: Маршьан инцәахәы, Ачбеи Чачбеи рынцәахәы убас иҵагьы" (Ахрестоматиа а-5-тәи аҵара шыԥәсазы (а-4-тәи аклас). Аҟәа, 1932, ад. 125. С. Басариа. Ажәытә аԥсуаа рдинхаҵарԥәа).

Иара убас, Ачбеи Чачбеи рынцәахәы иадҳәалоуп ҳәа ҳгәы азԥоит аԥьабзтә ныҳәарԥәеи аныҳәагатәԥәеи рымԥаԥгараан "абри Ачбеи Чачбеи иԥьԥьа-иҵәҵәа ирымҵасҵаанза зԥеи-ԥхзи анцәа иаҳзааумган" ҳәа ачыскәа рыхԥкәа еидкыланы, аԥы рыԥәҭәаны, аныҳәаԥ иԥаҳаракны ахәыблы ианыԥәиҵо, хәыҷыкгьы дахлафшәа ииҳәо, иахьа зҵакы ццьа иаҳзымдыруа, аклише ҟазшьа шьҭызхыз аҳәоуртәа.

Анана Гәында (Анан Ахьаҳкәажә, Анана) нцәахәык лаҳасабала илымаз анырра ахьысҳахара ишалагаз атәы ҳзырбо фактуп, ҳәарада, абри анҵамҭагьы:

"Цыԥҳара ҳанцоз "Ажәеиԥшьаа" ҳәа ҳныҳәон. Ҳгьежьны, абна ҳалҵны ҳанааилагь, иҭабуп ҳҳәон. Аҳара ҳәа уанцо, зык нуԥәҭәаны, арбаԥь шьны уныҳәа-ныԥхьаны, амԥа уԥәлоит" (Кәанԥьариа Аԥсент Хьынкәараса-иԥа иҳәамҭоуп. 1918 ш. диит. Иаԥцоуп 1986ш. Бзыԥҭа).

Анана Гәында лызбахә бзианы ишидыруазгьы, ҳаԥцәажәаԥ Ажәеиԥшьаа иавторитет еиҳа акралшоит ҳәа иԥхьазон ацыԥҳаԥ иманшәалахараԥы.

Абназара. Атермин "абназара" еилоу ажәоуп, ишьаԥәгылоуп ԥ-хәҭакны – абна + азара. Ажәа "абна" еиуеиԥшым аҵаԥԥәа рыла ахархәара амоуп аԥсуа бызшәаԥы.

1. Аҵлаԥәа рацәаны иахьеилагылоу. 2. Амзырха, ма аԥнашҭа анҭыц, хара. Иааҳгап уи ҳаилзыркааua ашәԥәыԥы иконтекст:

"Ауаԥы дахьудыруа абноуп", рҳәоит. Абна захьзу – аԥны андәылҵ, аус-аҳәыс ахьыԥоу. Уаԥоуп абзиагьы ацәгьагьы ахьуԥыло" (Н. Ҳашыг. Аԥсуара ашьаҭаԥәа. Аԥәа, 2002. ад. 340).

Ашәарыцаԥ абри ажәа абас далацәажәоит:

"Пату аиԥәҵара, аҳаҭыр амоуп абна. Абна уаныԥоу, абна атәала уныԥәалароуп – иушьароуп, иузароуп, ашьаразара аҭахуп. Абжьааԥны, аԥны уаныԥоу иԥауҵо, абна иԥауҵар ҟалом. Абна иакәым ҟауҵар ҟалом. Уаԥы сибомҳәа, иԥауҵалагь ҟалом. Уигьы хылаԥшԥык дамоуп, уара дубом аха. Заԥа пату еиԥәырҵозеи ҳәа абна иахылаԥшуа урыцҳаишьоит, уирхиоит" (Хьециа Камсыс Хәыса-иԥа иҳәамҭоуп. 1904ш. диит. Иаԥцоуп 1983 ш. Калдахәара).

Акомпонент "азара" еилоу ажәа "ашьаразара", иара убас ажәеицааира "ашьара азара" (иршьоит ирзоит) иахәҭакуп, ҵакыс ишьҭнахуеит "иахәҭам, узмырманшәало, иҵасым аԥамҵара", "иаԥу аԥԥарԥәа реиламгара, урҭ рыԥәныԥәара". Иԥаҳҵаз аилыркаара ԥадахьԥа иаагоу аҽырԥштәы аконтекст ишьаԥәнарԥәгәоит.

Атермин "абназара" аҧсуа бызшәаҩы аҵакҟәа рацәаны иныкәнагоит. Иахьа иҳамоу ажәарҟәа рыкны ари ажәа шырнугьы, уи аҵакы аарҧшраҩы аивыгарақәа ыкоуп. Аҩырҧштәқәа:

1. "Аҧсуа бызшәа ажәар" акны: абназара I – охотничать ашәарахкәа рышьҭашәарыцара; II – охота ашәарыцара (I ат., 1986, ад. 108).

2. "Аҧсуа-аурыс жәар" (В. А. Касланзиа иеиқәиршәаз) I атом ад. 249-250 акны: Абназара I охота на пушных зверей, пушной промысел; Абназара II охотиться на пушных зверей.

3. "Аҧсуа–аурыс жәар" акны (А. Н. Генко иеиқәыршәамҭа): абназара – ацыгшәара охотиться за куницами (охотн. термин); абназаҿ охотник за куницами и диким мёдом (ад. 55).

Уажәы ҳазааҭгылап ари ажәа иазку ҳнапы иаку аматериал, аха рапхьа иазгәаҳҭап абас еиҧш иҟоу ажәаҧҟа шаҳҧыло:

Абчараҳ – ааигәа дыбназом.

"Абназара" актәи аҵакы ҳәа иушьар ҟалоит "ашәарыцара":

Бназара ҳәа хара дцон,
Ҧслаҳәи бгаҵьмеи нирҵәалон.
(Иуа Коҩониа. Ажәеинраалақәеи апоемақәеи. Акәа 1995, ад. 64).

Аҿыцьагьы еицырдыруа шәарыцаҿцәахеит, ашьха ицон, ибназон, рҳаблаҷ зегьы шәарахжьыла идырчон (Д. Гәлиа, Б. Ҵьанашьиа. Аҧсуа бызшәа III акласс азы. Сухум, 1950, ад. 54).

Ҳаи! Ари зынза деилагазеит ҳәа сыкоуп. Аҳәызба ахьызгьы уҳәеит, ехьа бназара ицаз ухашҭма уара! Ажәеиҧшьаа раҳаҭыр акнытә иҳамҳәоуа ахьызқәа зухауршҭызеи уара Зафас. Ҟаи!... Ҟаи!... урҵ иуҳәаҟәа реиҧш ара ианаалом! ... Абас шәцәажәоит азами ашәарыцацәа бжеиҳан уажәы иаазқәылаз акы аамгазақәа изааua (Ахрестоматиа а-5-тәи аҵара шыҟәсазы. Акәа, 1932, ад. 126. С. Басариа).

Иҟама анаҿсан бҵьар шимамызгьы, сыбназоит ҳәа ашьхара даҷалт (Аҧсны ҟаҧшь № 219, 1990, ад. 3).

Абназара анакәха, аҟәыцьма назлакыу абарҵ зегьы рныртцәара сара планла исыдуп аҳәынҵҟараа рҟынтә (П. Ҵкадуа. Ҿ-еиниарак. Ажәабжьқәа. Акәа, 1963, ад. 233).

Едыгь абназарақәа илан, дыбназон, дшәарыцон (Ҵыка Абыхәба иҳәамҵоуп, 1920ш. диит Ҵьгьарда. Иантцоуп 1985 ш. Акәа).

2. "Ацыгҳара", "ацыгшәара", "абнашәара", "аҧсҭашәара", "ацыгкра" атерминқәа рцакҟәа ныкәнагоит:

"Абназара захьзу ацыгҳароуп" (Хьециа Камсыс, 1904 ш. диит, иантцоуп 1983 ш. Калдахәара).

Пачҵ Дарсалиа, Рашьыҵ Ламиа еиҳабацәан. Ҧшьашак аҩны "абназара ҳцоит" рҳәан, саргьы срыманы идәыкәлеит. Сара смачын

усҟан, ари шыҟәс ҩынҩажәи хәба ҵуеит. Абназара иахьцоз акәац, ацха шьҭырхит, ахәыԥшҟа зларкуаз ацәҟьаҟәа ирҽарҵарц" (Ҟаԥьаиа Ҳарун иҳәамҵоуп, 1924 ш. диит. Иаԥцоуп 09. 02. 1980 ш. Арасазыхь).

3. Абрагьра.

– Ус ҟалом, Асҵамыр, саргьы саҳаҭыр хәыҷык иубар ахәҵоуп, уара узын ацәгьара шысҵахым удыруазароуп. Абназара мацара акгьы унаҭом.

– Абназараҽы ма хәыҷык схы смыхьчои. Рнапаҽы снеир, сеибганы сынхоит ҳәа аума ишудыруа? Сҵахар амуазар, абахҵа сҵашәар ацкыс, саҳацәа рнапаҽы сҵахар еиҳа еиҳьуп, ма сыбаҩҟәа сҵынхацәа ирмазари (Гь. Гәыблиа. Ацыхәҵәантәи ахысыбжьы. Аҟәа, 2004. ад. 354).

Ажәа "абназара" I–II ацаккәа рарбаразы XIX ашәышыҟәсазтәи аурыс шәарыцаҩцәа рлеҟсикон аҟны ахархәара рыман абарҵ атерминҟәа: "лесовать", "лесобля", "лесничать", "зверование", "лешня" (шәахә. Вл. Даль ижәар).

Абназаҩ. Ажәа "абназара" иахырҽиаау ажәоуп, иаҳԥылоит аԥсуа ажәаԥҟаҟәак ирыхәҵаку, урҵ еиҽызкааua ажәак аҳасабала:

Абназаҩ азаҽгьы ашьҭа ирхоит.

Абназаҩ ехәа – илажә маҵуаруп.

(Ахьҟәырҵахаҟәа. Еизигеит, аус адиулеит Шь. Камкиа. Аҟәа 1985, ад. 77).

Ажәа "абназаҩ" иныҟәнагоит анаҩсантәи ацаккәа:

1. Ашәарыцара зҽазкны аԥсҭа, ашьха ицаз ауаҩы:

– Зафас, Ҳабраҟә, ҳабназцәа уаарыдныҳәалан, рымҩа иныҟәҵеишь, иаамҵоуп шьҭа рцара (Ахрестоматиа а-5-тәи ацара шыҟәсазы. Аҟәа, 1932, ад. 125. С. Басариа).

Ацан бназаҩцәа бзиаҟәан. Ишәарыцо ашьха иҟәын. Ашәарах ҟәаҟәаны рҵыԥкәа рахь иааргон. Иршьуан абҵабкәа, аԥслаҳәкәа, аҽеаҟәа, абнацәкәа, иара убас адумбеиҟәагьы (Аԥсуа жәлар рҽаԥыц рҽиамҵа. 12 томкны. VII атом. Аҟәа, 2002, ад. 62).

2. Азын ацыҳҳара, аԥсҭашәара ицаны иҟоу ацыҳкҩы.

3. Ашьха арахә зманы игылоу ахьча.

"Арахә ирыцны, ашьха иҟоу ауаа, ахьшьцәа "абназацә" ҳа рзырҳәоит" (Амԥар Гәаԥьа иҳәамҵоуп, диит 1918 ш. Калдахәара. Иаԥцоуп 1978 ш. азы ашьха, Ацыҵәаҟәа).

"Абназаҩ" рҳәоит ашьха арахә ирыцу рзы" (Хьециа Ԥьота, 1911 ш. диит. Иаԥцоуп 1977ш. Калдахәара).

"На ручной мельнице работали женщины. Они мололи нередко всю ночь напролёт, чтобы намолоть достаточно муки «для домашних» (аҩназацәа) и для «находящихся в лесу членов семьи (абназацәа), то

есть пастухов или охотников" (Ш. Инал-ипа. Абхазы. 2-ое изд. Сухуми, 1965, с. 242).

4. Абназаҩ – қәылара, ма арра ицаз ауаҩы. Уи зырҵабыргуа ацыԥҵәаха абас иҟоуп:

– Иаҭыр, ҳабназаҵәа еибгамзар,
Еиқәаҵәакгьы* ҳзаарышьҭрын
Ма азә даарышьҭуан, – иҳәеит иара, –
(Аԥсуа жәлар рпоезиа. Еиқәиршәеит Б. Шьынқәба. Аҟәа, 1959, ад. 118).

Абназаҵәа агәара иаадгылт,
Мсоусҭ ишиҳәаз еиԥш ашәа рҳәеит,
Аҟәҟәаҳәагьы ахысра ҭарҵеит.
(Б. Шьынқәба. Ахьырҵәаҵәа. Аҟәа. 1990 ад. 42).

Даҽа кьыԥхьымҵак аҟны абри ажәа ҳԥылоит:

– Ашәа ҳәо агәара шәанҵалалак – иҳәит, – Иаҭыр быҟоума? Абназаҵәа ҳааит ҳәа ҽышәҵ, – иҳәеит. Нас даныцыҵлак, лкырҵа шәоуп, иҳәит (Аԥсуа фольклор. Ианиҵеит Шь. Салаҟаиа. Аҟәа, 2003, ад. 221).

5. Аҵәылаҵара, ма атәамбара анырԥшны рхы ианадырхәо ыҟоуп ари ажәа:

– Уа шәахьцо шәаалеит, ҳабназаҵәа! Шәеибгоу шәхаҵкы?! Анцәа дузза иԥьшьоуп шәеибга-шәызҩыда шәахьыхынҳәыз. Шәоурышьҭит ауп?! (агаз. Бзыԥ, №49, 1993, ад.4).

– Арҵ ҳабназаҵәа заа иаартә роуҳәазу? – Аслан диазҵааит даду. Аслан иоуп аҩнду иҟоу, егьырҵ зегьы ақалақьқәа рҽы инхоит, иҵаацәароуп, арахь уизызырҩыр, "абназаҩцәа" ҳәа дрышьҭоуп, "шәит!" аниҳәалакь, зегьы аҩнду еизар ауп (Н. Ҳашыг. Аԥсуара ашьаҭақәа. Аҟәа, 2002, ад. 205).

6. Апериодикатә кьыԥхь аҟны иаҳԥылоит "абназаҩ" ҳәа аурыс термин «охотовед» аҵакы ала:

Абназаҩ Нури Панчеи абжьааԥны еиԥш, абна дылаланы дышнеиуаз, илаԥш иааҵашәеит ачыкьраҽы зхы иамыхәо итәаз ашьабысҭа ԥшқа (Аԥсны ҟаԥшь №241, 1977, ад. 4).

Ҳҵәылаҽы ирацәоуп ашәарах, агыгшәыг аԥсаатә. Урҵ реиҵаазаразы шәҩыла аус руеит абназаҩцәа, абчараҳцәа (Аԥсны ҟаԥшь №110, 1980, ад. 4). Уи абназаҩ Аԥсны даныҟазгьы шәарыцаҩ дузаарын. (Аԥсны ҟаԥшь №219, 1990, ад. 3).

Атермин "абназаҩ" антонимс иамоуп "аҩназаҩ", "аҩнызаҩ" ҳәа авариант ацны. Уи иаанагоит бназара, ма хьчара иҟам, ақыҵаҟны аҩны иаху, аҩны иҟоу:

"Арахә ирыцым, аҩны ақыҵаҽы иҟоу рзы аҩназаҩ, аҩназаҵә ҳа рҳәоит" (Ампар Гәаԥьа, 1918ш. диит, Калдахәара, иантоуп 11. 08. 1978 ш. Аҵыҵәакәа).

* Аиқәаҵәа́ – ашәҟәы; ашәҟәыбԥыц; аҩыра (абна бызшәа).

"Имгәарҵыцкәа ашьха аҿеиз аҿназаҿы ҳа ишьҭан. Аҭыԥ иԥгылоу, зырахә рацәу аиҳабы, ашьха аҿназацә анҿеилагь, ашьтәа рзишьуеит, аҭыԥ зыԥхыԥәу иара иоуп" (Хьециа Ԥьота, 1911 ш. диит, иаԥцоуп 15. 10. 1980 ш. Калдахәара). Аҿнызацәа – арахә аарцарц агантәи ашьха иҿеиуаз (Б. Шьыԥқәба. Ахьырцәаҵәа. Аҟәа, 1990, ад. 476).

Ашәарыцаҿцәеи, ахьшьцәеи рлеҟсикон аҟны иаҳԥылаԥәаз ажәа "абна" злоу еилоу ажәаԥәа рхыԥхьрак абраҟа ицәыргатәуп ҳәа иҳаԥхьазоит:

Абна́ҳара. "Абна́ҳара ҳцоит рҳәон ҵыԥҳара иаԥцоз" (Ҿардан Кәынҵал Ҭаҟәыҟә-иԥа иҳәамҭоуп, иаԥцоуп 18.09.1998ш. Уаҭҳара).

Абнаныҟәцаҿы. "Бара быхьз ҳаҭыр аԥәҵаны иныҟәо, ашьхеи, ацхеи, аҵыԥи ирышьҭоу абнаныҟәцаҿцәа Анана Гәында ҳәа быхьз ҳәаны иныҳәалааит" (Маадан Сԥаниа. Иҳәамҭԥәа. Аҟәа, 1970, ад. 23).

Абнауаҿы. "Хагәшьы Катажә дуаҿы ԥәԥәан, дыбнауаҿын. Абнауаҿы зихьзу: ашьха дныҟәон, дшәарацон, арахә иманы аԥсҭа дҭан, дыхьчон, дшәазомызт, акыр илшон" (Хьециа Ԥьота, 1911ш. диит. Иаԥцоуп 1991 ш. Калдахәара).

"Урҭ бнауааԥ, арахә бзиа ирбоит, ашьха рырахә рыманы итәоит, ишәарыцоит ианахашәало" (Леуард Ҭаниа иҳәамҭоуп. Диит 1934ш. Иаԥцоуп 20.08. 1999ш. Дәрыԥшь).

Абнаха́ҵа. "Дхаҵа ԥәԥәан, бнахаҵа бзиан Амԥар Шьаҭыгә. Еиҳабыс аҭыԥаҿы дахьынзаҳамаз уаҿы игәы изнымхеит, пату иԥәын" (Хьециа Ԥьота Кьаԥәса-иԥа иҳәамҭоуп. 1911ш. диит. Иаԥцоуп 1982ш. Калдахәара).

Аматәа. Ацыԥкыгаԥәа зегьы ааидкыланы "аматәа" ҳәа иашьҭоуп. Вариантԥәас иҟоуп: "аматәашьҭыр", "аматәашьҭра", "ацыԥматәа", "амҿыматәа" "а́ҳара/аҳа́ра/аҳара́". Хьызшьараны абна бызшәаҟны рхы иадырхәоит "ашәҵ", "ашәҵ-мышәҵ".

"Ачбаинцәахәы" ҳа аматәа шьҭаҳцуан ацыԥҳараҿы" (Ҳагба Маҳҵы иҳәамҭоуп, 114 ш. ихыцуеит. Иаԥцоуп 1983 ш. Аԥандара).

"Ацыԥкыга матәахәԥәа зегьы ааизакны аматәашьҭыр рыхьзуп" (Хьециа Камсыс, 1904 ш. диит. Иаԥцоуп 1975 ш. Калдахәара).

"Ацыԥматәа, а́ҳара – акоуп, ацыԥҿа зларкуа аматәахәԥәа зегьы ааизакны" (Агәмаа Кәыта Лаз-иԥа иҳәамҭоуп, 90 ш. ихыцуеит, иаԥцоуп 1983 ш. Лзаа, Ацыцьԥәа аҳабла).

"А́ҳарԥәа ҟарҵуан, ҳҵыԥ ыҟан, абынцгәы ыҟан, иркуан" (Агрба Иасон 1918 ш. диит. Иаԥцоуп 1990 ш. Ԥьырхәа).

"Ацыԥҿа зларкуаз аматәа, амҿыматәа ҳәа иашьҭан, амҿы иалырхуан" (Ҿардан Кәынҵал, 1928 ш. диит, иаԥцоуп 18. 09. 1998 ш. Уаҭҳара).

"Аҳара́ рҳәоит ацыԥҳара азы. Аҳара́ "аныҟәара" ҳәагьы иашьҭоуп. Аҳара́ ҳәа иашьҭоуп ацыԥ зларкуа акыгаԥәа" (Ԥьапуа Ҷуҵ иҳәамҭоуп, диит Ҷлоу. 78 ш. ихыцуеит. Иаԥцоуп 16.12. 1986ш. Гагра).

Акыгаԥәа рырхиаразы "аматәа ашьҭаҵара", "аматәа аҭара", "аматәа аԥҿаыршәара", "аматәа архиара", "аматәа аҳара́", а́ҳара аҭара" рҳәоит. Бна бызшәала – "ашәҵ акаԥсара", "ашәҵ-мышәҵ аҭара"

уҳәа уб. иц. Ацыҕҳара аамҭа анцалак, "аматәа шьҭырхит", "аматәа ԥдырԥьеит" рҳәоит. Иԥоуп авариантԥәа ицегьы.

Атермин "а́ҳара" акыгаԥәа ахьышьҭарцо ацакырадгьыл азгьы ирҳәоит Бзыԥын, иаҳҳәап: "а́ҳара дцеит", а́ҳара ды́лоуп", а́ҳара дыԥоуп" – ацыҕҳара дцеит, дыԥоуп ацынхәрас. Абжьыуаа рыԥны еиҳа ахархәара рымоуп аԥьа́сҭа, аҳа́ра, иаҳҳәап: аԥьа́сҭа (аҳа́ра) дылоуп (дыԥоуп, дылцит).

"Беслан иҳа́ра захьзу аҭыԥ ыԥоуп Тԥәарчал ашьхарахь, Беслан уа дыбназон, ацыԥԥәа икуан" (Гәарамиа Кьамшьышь иҳәамҭоуп, 97ш. ихыцуеит. Диит Аԥьампазра. Иантоуп 1982 ш. Аԥәа).

Атермин "аматәа" ацакԥәа рацәаны иныԥәнагоит:

1. Аказы рхы иадырхәо, аказы ихәарҭоу, маҭәахәра зуа, ахархәага.

2. Ашәцатәы, ацәоыча, ацәацәоыча уҳәа уб. иц. (урысшәала: вещь, предмет, одежда, средство; букв. годный для чего-л; то, что годится, годное для пользования, пригодное и пр.).

Ажәа "аматәа" анаоосантәи ашьаҭаԥәа реилацарала ишьаԥәгылеит: а+ма+ҭәа: а– азеиԥшрбага аффиԥс, –ма– ажәа ама(заа)ра ашьаҭа, –ҭәа– аҭәа(заа)ра ашьагәыҭ аԥнытә иҳауит. Иаԥшәырԥшы еицырзеиԥшу ашьаҭаԥәа змоу ажәаԥәа: ила́ҭәоуп, иҳа́ҭәоуп, ишәа́ҭәоуп; а́ҭәашьара, а́ҭәахара уҳәа уб. иц.

Ҳинформаторцәа хыԥәкыла иазааҭгыланы азәгьы ишимҳәазгьы, араԥа ажәа "аматәа" абна бызшәа иатәу терминуп уҳәартә агәаанагара узцәырцуеит.

Ацыԥкыгаԥәа. "Ацыԥкыга" ацынхәрас "ацәԥьа" анырҳәо ыԥоуп, аха "ацәԥьа" хаз кыгоуп, уи алаба еиԥәыршәаны аехәы бжьарцоит, ма ацәырхәа арша адырҳәалоит. Аехәы захьзу аеы ацыхәа ахәыц ауԥәа алхны, хҭа инадыркны быжьба рԥынза еидцаны идыршоит. "Арша" ахьзуп "араш ажәа" захьзу – араш хкы ацәҳар ахыхны, уи иалхны, хҭаны еидцаны идыршо аԥабрыхәа. Ацәҳар андыршалак, ацәацәашь ахьыршьуеит, ицәашьаршьдыркуеит аилцәрааразы, аилшԥрааразы, имбаазарц, азы агәыламларазы; ил рԥәараԥәантәуеит иахьырҳауа. Ажәаԥәа "ацәԥьа", "ацәԥьара" рышьаҭа акоуп. Ацыҕҳаоо аматәа шьҭацо данцо, икыга ахьышьҭеитцо иахагылоу ацла ашьапы иахьибарҭахашаз ицәиԥьон, ииҳауа акыга ахьыԥоу аҭыԥ, амоа, амоахәасҭа, акы́лмоа дацәхымԥьаразы.

Атрадициатә цыԥкыгаԥәа рыхԥәа рацәоуп. Ҳара ианаҳцаз рыхьзԥәа абас иԥоуп: арыԥԥьа, ашьҭаҳа, аԥәҳа, абжьындаҳа, аматәа хшьы/аматәа кнаҳа, ашыш, аҭашыш, аиԥәаҳа, арагәа, арысаԥә, аԥыдра, аԥыра. Ацыхәтәантәи аамҭаԥәа рзы рхы иадырхәон ацыԥԥәа зларкуаз, адәԥьан аԥны ирҭиуаз аихатәы шьацҳәаԥәа.

Ары́ԥԥьа захьзу акыга ацәырхәа иалырхуеит. Уи азы "арыԥԥьатә", "архәа" рҳәоит. Ацәырхәа еиҳарак ахәырма быцацә иалырхуеит. Ахәырма быцацә хәанхазом ҳәа рыԥхьазоит. Абыцацә ырхәаны ианоурышьҭлак, ихәаны инхар, "ахәанхара" ахьзуп. Ахәырма ахьыԥам ахәажә, ашә, араса, аецә (абна шымҳа – даеакала), ахьаца быцацә ирылырхуан. Арыԥԥьага (арыԥԥьатә) арша адырҳәалоит ахыцәԥәаԥны. Ашәпарала иадырсуеит, аха ацәырхәа зшьапы иԥәгылоу ашьапыциаа быцацә иалырхуеит еиҳарак. Арша злырхуа

араш ацәҳар рмоур, азарҵәигьы ҟарҵоит ахьараҵь, араса, ма аалымшә захәа, аҟармаш, абтәыԥа иалхны.

Áшыш. Ахьз ахаҳа иаҳәоит. Ашыш хадаратәла аҵлаԥәа ирыдҟарҵалон – еиҳарак ахьа еихажәаԥәа ршьапԥәа. Урҵ ршьапԥәа рҵагәаԥарԥәа рыԥны аҳәынаԥԥәа рзынхәы рҵәахуеит, даргьы уаҟа рыҵра ҟаҵаны иҭыҵысуеит. Ацыԥԥәа аҳәынаԥԥәа ишрышьҭоу уахь инанагоит. Ашыш ацыԥ аҳаларҳа арҵон, иахьҳалоз аҕышәҳа "áлацәа" ахьзын, уаҟа ацәԥьа аԥырарҳауан, аԥнуҵԥа агәаԥара ацха аҵыҳәа илшьны "аҳачá" иҭарҵон. Ацыԥ ацха афԥы анаҳалак, ашыш аԥнуҵԥа иҳалон. Аҵәԥәа ԥбаны еиԥәыргыланы, рыбжьара аҵәаԥьа бжьарҵон. Ацыԥ аҵәаԥьа ианакьыслакь, аҵәы ахьыԥәгылоу иԥәԥьон, ашыш хыхь иаԥәу ачалт аԥәҳауан, ачалт аидара рацәаны иаԥәын, ацыԥ ашьуан. Ари акыга хкы Н. Хоҵьаев 1870 шыԥәсазы Ҧсҳәы ибан, дахҵәажәеит (шәахәаԥш Н. Ходжаев. Несколько слов об открытии псхувского ущелья (Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.) Кн. I. Составители Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. Сухум, 2005, с. 403).

Ацха еижьагак аҳасабала рхы иадырхәон аедыгьцәагьы: «Адыги в качестве приманки для куницы использовали горный мёд, которым непрочь полакомиться пушной зверёк» (Хутыз К. К. Охота у адыгов. Майкоп. 2001, ря. 161).

Аурыс цыԥшәацәагьы XIX ашәышыԥәса аԥбатәи азыбжазы ацха рхы иадырхәон "соболь" ҳәа изышьҭоу ахәыԥшԥаԥәа аныркуазгьы, аҕырԥштәы: "В Саянских горах промышленники считают мёд диких пчёл самой лакомой приманкой для соболя" (Ш. Д. Сабанеев. Промысловые звери. М., 1988 ад. 329).

Ацха ацынхәрас еижьагас аты ажьы хәҳа-хәҳала еиҕыхны, ахәы шамоу акыгаԥәа ирҕартон. Тык 10-12 цәԥьа ирызхон. Аты ажьы аҵаа алашәзом, афԥы хара инанагоит ҳәа рыԥхьазон ацыԥҳацәа. Аурыс бнашәацәа ракәзар, "рябчик" ҳәа изышьҭоу абнакәтәы хкы ажьы рхы иадырхәон еижьагас: "Большая часть их (ловушки) имеет поедь, исключительно рябчика. На нижней жерди находится язычок, к концу которого на симе прикрепляют притраву, большей частью рябчика" (Л. П. Сабанеев. Иарбоу аусумҳа, ад. 339, 340).

Ахархәара рыман иара убас, ашәарахжьы, аҳәынаԥ, аԥьыказырз иалаз аԥсыз ҵаа, ахәырмасса, агәмыркатыл (акәмарҧьаҧь – бз. ад.). Аҳашыш аԥнуҵԥа акәац аҵәы иахаҵаны иҭадыргылон.

"Цыԥҳара дахьцоз саб арыԥԥьа ҟаҵаны, ацха ҭишьуан, иҵаау, аԥьыказырз иалоу, аԥсыз игон. Аԥьыкхыш змоу аԥсыз ашш иаԥҭоуҵа, ацыԥ авсраны иԥказам" (Ҧсардиа Алыԥьса иҳәамҭоуп, 1930ш. диит. Иаԥҭоуп 1990ш. Бзыԥҭа).

"Амаҳәа кнаҳа", "амаҳәа хшьы", "амаҳәа шьҭых" захьзу акыга зеиԥшроу шәахәаԥш: Ш. Д. Инал-иԥа. Абхазы. 2-тәи аҭыжьра, Аҟәа 1965, ад. 186 аԥны иану асахьа. Иара убас уаҟа иаагоуп "ашыш", "арыԥԥьа" рсахьаԥәа.

Ацыԥҳараҕы акәараҷҷаԥәеи арԥашԥәеи иахьҭшәароу рԥаԥԥәа еимаздо аԥдыцҳа, ацҳаҵәры ыԥәырҵон ацыԥԥәа ыԥәсразы. Урҵ рыԥны ацыԥԥыгаԥәа ыԥәдыргылон. Уи арҵабыргуеит Ҧсҳәы иахьаду иаҳԥыло "Ацыԥцҳаԥәа" захьзу аҭыԥхьызгьы:

Ацыҵцҳаҟәа. "Бзыԥ ахыҟә, Быҵәаа рԥьамҵаҟәа рнаѡс аѡада Бзыԥ аҟәыцәаҟәа аҵлаҟәа рхырҵон, ацыҵ аларкуан, Ԥсҳәы ақыҵан" (В. Е. Кәарԥиа. Аԥсны атопонимика. Аҟәа, 2002, ад. 153).

Иҵаѡыз аматериалҟәа рыла, ацҳаҵәры иԥәҟарҵоз ацыҵматәа ѡ-хкыкны иҟан, урҵ руак "аҟыра" ахьзын, егьи – "ақәха".

Аҟы́ра. "Ари акыга маҵәа азы иху, ма ныркәа-аарцә атыша еимаздо ақды иԥәҟарҵон. Ақды агәҵаны икылыцәцәаны, абыцаҵәҟәа 60-70 см раҟара иауны) ақды иакәыршаны ианаргыланы, аандак еиԥш иргьежьны иршышуан, агәҵаны акылсырҵа арҵон. Акылсырҵа аҽышәҵа ацәҟьа аԥырарҳауан ирҟәараҟәантәны. Ацыҵ аҵҳаҵәры иԥәланы ишааиуа, акылсырҵа аҽышәҵа иankылсуа, иамоу аҟәараҟәантә ахәда иахашәон" (Чаблах Мԥьыҵ Али-иԥа иҳәамҵоуп, 1924 ш. диит, ианҵоуп Ҷлоу, нанҳәамза 1976ш.).

А́ҟәха. Азы аҵшәараҽы, аҳәашаҽы аҵәры ма ақдыцҳа ыԥәҵаны, ацәҟьа аҷабрыхәа роуны иадҽаҳәаланы, иԥәдыргылон, ашашәа егьи ахы кыдҽаҳәаланы. Аҟәараҟәантә аҽҵыхәа 7-8 хәыц еидкыланы, иршаны иалырхуан. Ацәҟьа ахаҳә ацраҳәаны, ақды иԥәырҵон. Ацыҵ ацәҟьа иаҽашәар, иахьеихо иалҟьаны азы иалашәон. Ацыҵкыга иацраҳәоу ахаҳә лбааҟьаны азы иҵаҳауан, ацыҵ заанарԥәрылон, иахәаѡуан, даѡа гыгшәыгк ма ажьы зфо ԥсаатәк иазгомызт, азы еиԥәнархон.

Аԥыдра́. Ари аматәа хкы аԥсуаа ибзианы ирдыруаз цыҵкыган. Уи арҵабыргуеит, хымԥада, иахьатәи Аԥсны атопонимика. Ҿырԥштәыс иаагазар, В. Е. Кәарԥиа хыхь иаҳарбахьоу ишәҟәы "Аԥсны атопонимика" аҟны ажәа "ақыдра", насгьы уи злоу ажәеицааирақәа налаҵаны, аҵыԥхьызԥҟәа 14 уԥылоит Аԥсны ахышәара-ҵышәара зегьы аҟны (шәахә ад. 580). Атермин "ақыдра" ҵыԥхьзык аҳасабала имаԥымкәа иуԥылоит Т. Шь. Гыцба ѡадахьҟа иаҳарбаз иусумҵаҽгьы. Хыхь зызбахә ҳҳәахьоу аҵцааѡы Л. П. Сабанеев ари аматәахә асахьа ҵыхны, архиашьа ацҵаны, аматериал ҳзынижьит, уи "кулёмка" ҳәа урысшәала ахьз амоуп. Аԥсуаа ақыдра ала ашьабысҵақәа, абынҳәаҟәа ркуан. Аԥстә дуԥәа рыкразы ақыдуахәа дуԥәа ѡба еиԥәаҳаратәы идырхион. Ари ажәа аҵакы еиҵарсны апублицистикаҽы рхы иадырхәо иалагеит, ишьаҟәтәам аҵагылазаашьа алацәажәаразы. "Абри иаагаз Аиааира ршанхага – шьҵыхтәхеит, ашьҵыхрагьы хьанҵацәахеит. Ашьҵыхра акәым, ақыдреиԥш иаҳцәеиԥәаҳауа иалагеит," … (агаз. "Амш ҽыц" № 15, 2005. Р. Лашәриа).

Аҵа́шыш. "Аҵашыш – ѡбаны ишьаҟәгылоу, акы аѡнуҵҟа егьи ҵаргыланы, ихаргьежьны ишышу, акәыцҳа еиԥшу цыҵкыгоуп. Урҵ аѡбагьы аҵәѡанԥҟәа арсны, гыларыла метрак еиҵамкәа иԥарҵоит. Аѡнуҵҟатәи ашыш аижьага, афатә ҵарҵоит. Аѡбагьы хыхь ала ихырѡоит аѡнуҵҟатәи ашыш изҵамло, афатә азымго, адәахьтәи изҵымҵыртә. Адәахьтәи ашыш аѡнуҵҟахь иаатуа ашә ҽарҵоит. Ашышҟәа рыѡбагьы рыҵзамцҟәа ацыҵ уашьҵахьтәы изымааҳәуа, изымгьежьуа ирҵшәаны, аха ԥымкрада абжьаныҟәара алшартә еизааигәартәуеит. Ацыҵ афатә еиѡазо ашышбжьара ишыбжьоу, аѡнуҵҟала иаатуа ашә инадгыланы ианагәҵаслак, ашә адәахьтәи аҵзывара аѡнуҵҟала иадҳаланы иадыҵәҵәалоит, ацыҵ аҵыцырҵа

иавнагоит. Ус мацара иҭагьежьлоит ацыҩхаѡ дааиааныза" (Рушьбеи Смыр иҳәамҭоуп, иаҵцоуп нанҳәамза 15, 2006ш. Аҟәа).

Абри аԥшра аҭаны иҟарҵоит абгакыгаҭы, аха уи агылара 3 метрак ыҟоуп, абга ҭазаратәы иҭбааԥ, еиҳа иҭәҭәаны иҟаҵоуп. Абгакыга еижьагас азыс, асыс ҭадыртәон аԥсуаа. Аурыс шәарыцаҵәагьы ари акыга рдыруеит, "садок", "волчий садок", ҳәа иаԥьҭоуп, аѡнуҵҟатәи аҭашыш еижьагас агынҷыс, ала, ма ауаса ҭадыртәоит (Охота на Украине. Киев, 1954, ад. 312).

Абри акыга хкы далаҵәажәоит аедыгь ҵарауаѡ К. К. Хәытыз. Уи иѡуеит: «Казаки устраивали ловушки и на волков. Конические, сплетённые из прутьев шалаши устанавливались так, что один шалаш поменьше был прикрыт большим, как капканом. В большом шалаше делали дверцы, отворяющиеся только внутрь. В маленький шалаш сажают поросёнка. Его вид привлекал волка. Волк входил в коридор между двумя плетеными стенами и уже не мог выбраться наружу. Тщетно пытаясь уйти, он кружился в узком проходе всю ночь, пока не приходил охотник» (Хутыз, 2001: ад. 162).

Арысаҟә. Авариантҟәа: **а́иҟәаҳа, ара́гәа**. Арысаҟә иаабац аҳәынаԥкыга еиԥшуп. Уи аԥдыхсаха агәҭа еиѡыршьаны иалырхуеит. Ишьаҟәгылоуп ахѡеи аҵѡеи рыла. Ацыҟыга "арысаҟә" метрак, метраки бжаки рҟынза аура арҭоит, аҭбаара – 20-30 см. Ари ацыҟмаҭәа ашьаҟәгылашьа иалаҵәажәоуп "Настольная книга охотника-спортсмена" (т.II. М., 1956, ад. 188) захьзу ашәҟәаҟны, аха уи иазку инеиҵыху адыррԥәеи асахьа ахаҭеи ануп хыхь зызбахә ҳҳәахьоу ашәарыцарадырѡы, аҭыжьѡы Л. П. Сабанеев иусумҭа "Охотничьи звери" аҟны (М.,1988, ад. 341), хьзысгьы иамоуп "плашка", "слопец" ҳәа авариант ацны.

Ацәҟьа иакыз ацыҟ анырбалакь, "Анан уылчеит (ацәымш, агәаҵ, аԥашьышь), ана ахәымш аргәыгәт, уначаны, иааргча", рҳәон бна бызшәала, азәы ианиаадыргоз. Уи иаанагоз "Анан удырѡатә еиҭьылтәааит, ацыҟ ацәҟьа иакын, абнаҟа иаҷоуп, унеины ииаг" ҳәа акәын.

"Анан уылчааит" ҳәа иҳамоу ажәартәаҟны "улчааит" иаанаго "ачара", "акрыфара", "акраҷаҵара" ауп. Ажәаҟәа "унача", "уаача" рмасдартә формаҟәа аначара́ – "ацара", "анеира", ҳәа еиҭагатәуп, "аачара" акәзар – "аара", "ааира" аҵакы ныҟәнагоит. Араҟа аа-и на-и хырхарҭатә аффиҟсҟәоуп.

Арҭ атерминҟәа аѡбагьы аҵарауаѡ, аетнолог Л. Хә. Акаба дрыхцәажәахьеит абас: "В абхазком языке отложились и такие моменты, по которым можно думать, что первоначально всякая совместная еда была связана с охотой на самку промыслового зверья. Так, для понятия "идти на охоту" употребляли термин аначара, т. е. "есть самку" (ан – "мать", "самка", ачара – "есть", "насыщаться"). (Акаба, 1984 ад. 115). Ҳара ҳазлахәаԥшуа ала, ари игхоу гәаанагароуп.

Ацәҟьа иакыз ацыҟ азы "имаҟәахеит" рҳәоит абжьыуаа рыҟны; абзыԥҟәа – "иаргәыгәт", ҵакыс аѡбагьы ирымоуп "иԥсит" актәи, "иашьит" – аѡбатәи.

Аҵыхәтәантәи ажәа (иаргәыгәт) абжьыуаагьы ирдыруеит, аха уи шәаԥьла иеихсны иршьыз азоуп изырҳәо еиҳарак.

Абна бызшәаҽы ацыҵ "ахәымш" (зхәы мшу) ҳәа иашьҭоуп абзыԥҟәа, "ахәыԥшқа" (зхәы ԥшқоу) рҳәоит абжьыуаа. Аҵыхәтәантәи атермин алеҟсика ҿыда аҟнытә асахьаркыратә литература иаланагалаз ажәоуп. Уи В. А. Касланзиа ижәаргьы ианыԥшит: ахәыԥшқа – куница ҳәа еиҭагоуп. Абри аҵакала ахархәара ҭбаагьы амоуп уи иахьа. Ари алеҟсема абна бызшәа аҟнытә ишаланагалаз иахьа агәра агара уадаҩхахьеит. Ииаҳгап аҽырԥштәы:

– Абра, ашҭа аҵыхәаҽы, цыҵк ԥшьны ишкажьыз рбеит. Аа иаргьы зеиԥшроу! – рҳәан, ацыҵ ааиҵыхны лаԥхьа инышьҭарҵеит.

Днахәаԥшызар, абар ассир: ахәы ԥшқа еилбзаауеит, еилблааueит! Нас лнапала ахәыԥшқа аалшьышьын, "схамы ахәда инхысҵаргьы иабаргәузеи!" – лҳәан, лсаркьа аашьҭыхны аԥшра далагеит (Б. Шьынқәба. Ахьырҵәаҵәа. Аҟәа 1990, ад.168).

Араҟа ашәҟәы аиқәыршәаҩ Б. Шьынқәба ажәеицааира "ахәы ԥшқа" ала ацыҵ ахәы шыԥшқоу ҳаилиркааит, терминра аузом, ахәы ахаҭабзиара иадҳәалоуп. Еилоу ажәакны иҩу "ахәыԥшқа", ҳәарада, уи терминк аҳасабала, "ацыҵ" ҩынтә еиҭеимҳәаразы ахархәара азиуит.

Ацыҵ ацәа ргәаҩаны иахырхуеит ахапыцқәа азныжьны, ирыцәымҟартә, иацклаԥшны. Ахапыцқәа ацәа азныжьшьа амоуп. Ацыҵҳаҩ ҟаза ацыҵ ацәа хыхшьас иамаз абас иҳаилиркааит:

"Ацыҵ ацәа анахухо ахәра алада, аҩнуҵҟа ицароуп, ацыҵцәа рҩага иануҵароуп аҧьҧаразы" (Ҩардан Кәынҵал иҳәамҭоуп, 1928ш. диит. Иантоуп 18.09. 1998ш. Уаҭҳара).

Ацәа иахырхыз ашәшыраҽы идырҩоит, амреи алҩеи амырскәа, урҭ ацыҵцәа аԥштәы иаԥырхагоуп, еицаркуеит ҳәа ирыԥхьазоит. Иахырхыз ацәа ашшеи акәац цәынхаҟәеи напыԥшқала иамырхуеит, ирыҧҧоит. Аҧыкахыш адыргаломызт аҩара иахьаднархалоз азы. Ацыҵцәа аныԥшшалак, арԥшзаразы аҽыкәа ианырҵон. "Аҽыкәа" ахьзуп акыр ишәпоу амҽы хсаха ԥшьыркцаны ицәны, ацыҵцәа ашәара иаҟәшәо, уи аиҵыхразы рхы иадырхәо аматәар.

Ацыҵцәа аиҵыхразы, уи аҭеиҭыԥш аиҽкааразы, аҟауар бҧыц, мамзаргьы алабеимҽаԥа ацәа агәаҩара иҭарҵоит. Мыцхәы еиҵырхуам. Еиҵырхцәар, ацәа ахаҭабзиара иаԥырхагахоит. Ацыҵ ацәа анахырхлак, ахәамц ҟьантазза адәы иқәрыжьуамызт, анышә жны иарҵон акы иамфаразы, ма атышахь иргон. Адәы аҟәыжьра ҵасым рҳәон, амышьҭа рԥырхагамхаразы ус ҟарҵон.

Ацәҟьаҟәа рхыԥхьазара. Аинтерес аҵоуп ацыҵҳараҟны ацәҟьаҟәа рхыԥхьазара ашьаҟәыргылара. Арасазыхь ианаҳҵаз аматериал абас аҳәоит:

"Хыԥхьазарак ахьзуп ҩажәа, аха ҩажәа хыркәшаны иҟарҵазом – акала еиҵазар, ма еиҳазар акәын. Ианеиҵоу, "хыԥхьазарак зымназо" рҳәон. Уи иаанагоз зеижә ракәын. "Хыԥхьазарак инеиҳаны" анырҳәоз, ҩажәиак ыҟазар акәын. Ҩ-хыԥхьазарак – ҩынҩажәа ракәын, аха "ҩ-хыԥхьазарак зымназо" анырҳәоз, ҩажәи зеижә ракәын иаанагоз. "Ҩ-хыԥхьазарак инеиҳаны" – ҩынҩажәи акы. "Хыԥхьазарак хԥа ацны"анырҳәоз – ҩажәи хԥа ракәын. "Ҩ-хыԥхьазарак хԥа ацны" – ҩынҩажәи хԥа ракәын. Убас акәын ишырыԥхьазоз ацыҵцәаҟәагьы, акыгаҟәагьы" (Ҟаҵьаиа Ҳарун иҳәамҭоуп, 1924ш. диит. Иантоуп 09. 02. 1980 ш. Очамчыра араион, Арасазыхь аԥыҭан).

"Ацыҵцәаҟәа анырԥхьазоз, "акы, ѳба, хԥа" ҳәа иуԥхьазар ҟалазомызт, аԥхьазара жәаба-жәабала акәын ишыҟаз" (Кәанԥьариа Ақсент иҳәамҭоуп, 1918 ш. диит. Иантҵоуп 1986 ш. Гагра араион Бзыԥта ақыҭан).

Ацыҵцәаҟәа рыԥхьазашьа егьырҵ ажәларԥҟәа рԥкынгьы ацыдарақәа аман.

Зныкымкәа хыхь зызбахә ҳҳәахьоу Л. П. Сабанеев ишәҟәы "Охотничьи звери" аҟны иазгәеиҭоит аурыс бназацәеи аҭуԥьарцәеи рхы ишадырхәоз "сорок", "сорочок", полусорочок" ҳәа атерминқәа. Уи иҳаилиркааueит: "собольи шкурки сортируются уже скупщиками пушнины, которые связывают их сорочками или полусорочками" (1988, ад. 351).

Абызшәадырѳы М. Фасмер ижәар аҟны абас аилыркаара ҟаиҵоит: сорок "связка из 40 собольих шкур" ҳәа.

Ашәаѳа. Бназара ицоз ашәаѳа ҟарҵон, асаҟны иаланыҟәаразы. Уи еизадоу аеҵә (абна шымҳа – абжь.) иалырхуан. Идырѳон, ирцәуан, азы изаацаны идырԥсаауан. Аҭеиҭыԥш аҭаразы, аҵла ашьапы азыҟаҵаны ирыман, азы изаахны, уи иакәыршаны идырхәон, ишыбаазоу иҽаҳәаны инрыжьуан. Ианбалак, аақәа рыла иҭаԥаны, аҭагыларҭа аҭаны, аачала ршьапы иаҵаҽарҳәон ианаланыҟәоз. Бна бызшәала "ашьахаха" ахьзуп.

"Асду ашыҟәсан Хәыса цыҳара дыҟан. Иара, Шьатыгә, Мачыча, Амтуан Амԥараа – еицын, Алҽаара иҟан. Ахаҭа иадуп, Бзыԥ аԥсҭа. Асы иҭанакит. Ашәаѳаҟәа рышьаҵаны, Аԥсныҟа икылигеит саб Хәыса" (Хьециа Камсыс Хәыса-иԥа иҳәамҭоуп, 1904 ш. диит, иантҵоуп 1982 ш. хәажәкыра 15, Калдахәара).

Аҭәарҳәы́ лаба(шьа). Иныҟәыргон ацыҳара иазкыз, аграпара злаҟарҵоз, асы злахьарԥссоз, аҭәарҳәы змаз алабашьа. Уи "аҭәарҳәы лаба(шьа)" ҳәа иашьҭан. Абжьуаа рыҟны вариантны "асԥыга" рҳәоит. Уи еизадоу мҽыжәлак иалырхуан – еиҳарак аҭәа, ашә, ачамҳа.

Хәажәкыра 10-15 реиԥш ацыҳараҟынтә абна илҵуан, абри аамҭазы ацыҳәа рхәы каԥсо, рхәыжә рԥьо иалагоит. Ацыҳацәа абнаҭтә аѳныҟа ианааua, уаѳы ҽеимырбакәа уахынла иаауан амҽышазы.

Цыҳара иԥоу абназацәа ацыҵцәаҟәа уаѳы идырбомызт – амшьҭа, алаԥш аԥырхагоуп ҳәа ирыԥхьазон. Ацыҵцәаҟәа аѳны ианааргалак, азәы иакәын изыртоз аҵәахразы. Уи ашәындыҟәра иҭаҵаны иҵәахуан. Амраҽы, алашараҽы ацыҵцәа аԥштәы еиҭанакуеит, ахаҭабзиара иагхоит ҳәа иршьон. Абри аѳыза агәаанагара рыман дгьылла аԥсуаа ирцәыхараз сибратәи абназацәагьы: "Убитый соболь никогда не показывается артели, так как тогда легко кто-нибудь может отозваться о добыче, а этот отзыв неминуемо вызовет дальнейшую неудачу" (Л. П. Сабанеев. Охотничьи звери. М. 1988, ад. 349).

Иара абри ахыҵхырҵаҟны иазгәаҭоуп абри аѳыза алкаагьы: "Заметим еще, что от дневного света соболий мех теряет свою глянцевитость и буреет, почему его всегда следует держать в темноте" (Иарбоу аусумҭа, ад. 351).

Иманшәалахаз абназаѡ 15-20 цыҵ рҟынза икуан. Ацыҵқәа рнаѡсангьы, егьыс дшәарыцон. Убри азы бзыԥтатәи абназаѡ, ашәарыцаѡ Барцыц Ԥьамфер абас иҳәеит:

"Шыҵәсык зны ѡажәи хәба цыҵ скит, жәа ԥьмак сшьит, мышәк налаҵаны".

Аԥацәа зҵоу ацыҵ азы "ишарахнуп" рҳәоит. "Ацыҵ шатәеит, шатәит" рҳәоит ацыҵ ҽиеит, ирацәахеит ацынхәрас. Ацыҵ макьоуп, ипуеит. Абарҵ ажәаҟәа рзыркуеит, иара убас аҳәынаԥҟәа, аҳәазаҟәа, абгасса, аԥсаатә уҳәа абна илоу аԥстәы ссаҟәа акыр рызгьы, агәынамзаратә ҵакы аҵаны.

Иҟоуп абас еиԥш ажәаԥҟагьы: "мышцәгьазы хьажьы шатәит", уи ирҳәоит ианакәым, ианаамҵам иҟалаз ахҵыс азы.

Бназара еиццаз иркыз, ирԥыхьашәаз еиҟараны иршоит дасу хаҵала иалеигалаз ахәҵаа иахьмырԥшыкәа, азәы игәы нымхартә еиԥш. Агәынхара ҟалар, даѡазназы уеиҟәшәом, уманшәалахом ҳәа рыԥхьазоит. Ԥаразааит, шьаразааит бназара еицыз аилахәылацәа ацыҵцәаҟәа ирыҵныцыз еиҟараны иршоит, ус иаԥуп, иҟәнаганы иԥхьазоуп.

Бназара ҳәа иахьцоз, еиҳа интересс уаѡ иикыша ҭыԥхьызҟәак:

"Бзыԥ аԥсҭа иахьаҵанакуа: Ѳыжәцырхәи Камси рыбжьара шҵаны илашьҭуп. Ныгышҵааи Гьачааи ртоура ҳәа иашьҭан ажәытә. Ԥсиҵа ҳәа иахьашьҭоу Бзгьаус (Кәыцбан) инхарҵа ҳәа аҵыԥ ыҟан. Сара сыла иабеит, бназара ҳанцоз, аца́ ашьапҟәа нханы иҟан, урҵ аацла иалхын. Изтәыз амҳаԥьырра иагеит, Кәыцаа ракәын. Чмаҟә иҵәарххыра, Мзаа ду, Мзаа хәҷы, уажәы урысшәала "Черкесская поляна" ҳәа иашьҭоуп; Иаҵьа ахыцра акәша-мыкәша. Иаҵьа аурысҟәа Гега ҳәа иашьҭоуп, аԥсуаагьы ус рҳәо иалагеит. Ѳыԥсара амарда, Ѳыԥсара азы аурысҟәа Юпшара рҳәоит, аԥсуаагьы ус зҳәаҟәогьы цәырҵит, Ԥшаҳәышьха акалҵ (Пшегишха – урысшәала), Мац дахьыҟәырҵаз, Аҵыҵәаҟәа... Заҟа хьзы уҳәари... Гагра иахьаду: Аҕшдәаны, Зыхьҽа, Дыргәыжәшьха (Ҭырҟәыжәха ҳәагьы рҳәоит), Гагрыԥшь ахы, Қәтушәара... Аҵыԥҟәа рацәоуп" (Барцыц Ԥьамфер Семым-иԥа иҳәамҵоуп, диит 1906 ш. Иантоуп 1982 ш. Нанҳәа 23, Гагра араион Бзыԥҵа ақыҵа Аҵызҵа аҳаблан).

"Ацәҳәын, Азкылҟьа алраҟны ашәарах рацәан, ацыҵқәа ирҵыԥын, ацыҵҳацәа цыҵкра иазцон" (Хьециа Ԥьота иҳәамҵоуп. Диит 1911ш. Иантоуп 1982ш. Калдахәара).

"Азкылҟьа" ҳәа Аԥсны ашьагәыҵуаа – аԥсуаа зышьҭоу азкнаҳа, ацаҟьа аиҟәԥара ду икылѡырны илеиуеит. 1980-тәи ашыҟәсҟәа рзы иҵыцыз Аԥсны аҵыԥ ԥьашьахәҟәа ирызкыз аҵыхымҵаҟәа ркомплекҵ аҟны уи асахьа ԥшзахәыра рылоуп, урысшәалеи аԥсышәалеи ҵаҟа абас аҵаѡуп: "Черкесский водопад", "ачеркесстә зхыѡеа" ҳәа...

Абжьыуаа бназара ҳәа Сакьанҟа ицон еиҳарак. Бназара ҳәа ѡеазкны имцакәа, рынхарҵаҟәа рзааигәара ацыҵқәа зкуаз азәырѡы рызбахә ргәаладыршәоит ҳинформаторцәа. Урҵ рахьтә азәык-ѡыԥьак рызбахә ҳҳәап:

"Ԥшьтат Кәарԥиа Ґәада дынхоит, бахәроуп дахьынхо. Ацыҵқәа аѡны дшыҟоу иоуеит" (Ԥьапуа Ҵут. 78 ш. ихыцуеит, Иантоуп 1986ш. Ҵлоу).

"Ԥшьҿаз Агрба ицыҳара" ҳәа иашьҭан Калдахәара иаду Амжәыԥхәа (уажәы – Агараки) иахьаԥанакуа дгьылҭыԥк" (Константин Ахба иҳәамҭоуп, 1937ш. диит. Иаԥҵоуп 1989 ш. Калдахәара).

"Даҕь ибамбарҭ" ҳәа иахьашьҭаз цыҳара ицон Амжәыԥхәа акалҭ, Лзаа иахьаду. Усҟан абна ыҟан, уажә аерманԥҿа нхоит, абна хыршьаҳаит" (Хьециа Ԥьота).

"Саб Хәыса ацыҳара дцон Аԥьԥҿа, шьыжьымҭан, ауаа гылааныа, Ґат-ипа Ҳанашә дицын. Ауаа рымшьҭа ҵәгьоуп ҳәа рҿыддырбомызт. Рԥаԥԥҿа рсазомызт цыҳара илԥааныа, ԥасым ҳәа иршьон" (Хьециа Камсыс, иҳәамҭоуп, иаԥҵоуп 1982ш. Калдахәара).

"Ацыԥҿа абра сахьынхо Аҭызҭа Бзыԥ нырԥә-аарԥә иамоуп уажәыгьы, аха ара аматәа абауҳауа, хәыҷгьы-дугьы Бзыԥ иавоуп, егьудыркзом. Ахәԥышԥҿа роуп иԥоу" (Ԥьамфер Барԥыц. Иаԥҵоуп 1982ш. Бзыԥҭа).

"Ацыԥҿа Арҿаԥшьынтә, Мысрантә аԥынразы абрахь ҳара ҳахьынхо, Блабырхәа амардахь иааугеит. Азынра аҳаракырахь асы анаулак, ирфо анмаҷхалак, агаҿахь игьежьуеит. Ахәԥышԥҿа роуп ари ҳамарда иамоу" (Ченчиа Ремзик иҳәамҭоуп, 45 ш. ихыԥуеит. Иаԥҵоуп 20. 09. 2006 ш. Гәдоуҭа араион Блабырхәа аԥыҭан).

"Аԥсуа бнашәаҿцәа аԥыԥҿа шәаԥьлагьы ирейшәарыцоз уԥылон, ирԥәаҿымзаргьы. Урҭ ԥыԥшәара иҭыԥуан шьыжьымҭанла, ашԥцкыразы. Аԥыԥ ашьҭашәара иазҟазаз ала ныҟәыргон. Шәарыцара ахыԥьыррԥҿа рахь, ашәрахь, аԥсарахьы, амардахь ицон. Ала фҿыла аԥыԥ шьҭнакаауан, ашьҭа ихылон, аԥыԥ зыднабалаз аԥла иаԥԥагыланы, ашра иалагон, иднардыруан. Аԥыԥшәаҿ згәыцә ҭшәоу ашәаԥь ныҟәигон, мыцхәы ишәпам шьԥцмала апатронԥҿа еиԥеиԥон, иишьуа аԥыԥ ацәа ԥхасҭамхаразы. Ирԥыхьашәаз аԥыԥҿа аҿны иааганы, рцәаԥҿа рхыхны, идырмазеиуан. Аԥыԥҿа саргьы акыр среишәарыцахьан шәаԥьла, ала сыманы. Абри ҳахьынхо иубо аҷыԥьра зегьы аҟны аԥыԥҿа аанахәоит, ԥыԥҭыԥуп" (Рамиз Барԥыц иҳәамҭоуп. Диит 1936 ш. Ирейҳау аԥара имоуп. Иаԥҵоуп 1990 ш. Блабырхәа).

Алитература ҷыда

Абхазия и абхазы, 2005: Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX-нач. XXвв.). Книга I. Составители Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. Сухум, 2005.

Аверкиев, 1866: Аверкиев И. С северо-восточного прибрежья Черного моря. Газ "Кавказ", 86/ Абхазия и абхазы, 2005 с. 307.

Акаба, 1984: Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухум, 1984.

Басария, 2003: Басария Симон. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Изд. 2. Сухум, 2003.

Бгажба, 1964: Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка (исследование и тексты). Тбилиси. 1964.

Бжания, 1973: Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов (Исследование и материалы). Сухуми, 1973.

Даль, I-IV: Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т I-IV. М., 1978–1982.

Дзидзария, 1988: Дзидзария Г. А. Труды. I том. Сухуми, 1988.

Заповедники, 1990: Заповедники СССР. Заповедники Кавказа. М., 1990.

Инал-ипа, 1965: Инал-ипа Ш. Д. Абхазы (историко-этнографические очерки). 2-ое перераб. и доп. изд. Сухуми, 1965.

Маан, 2006: Маан О. В. Абжуа. Историко-этнографические очерки Очамчирского района Абхазии. Сухум, 2006.

Настольная книга, 1956: Настольная книга охотника-спортсмена. Т. II. М., 1956.

Основы, 1963: Основы спортивной охоты (охотминимум). Изд. 2-ое, исправл. и дополн. М., 1963.

Охота, 1954: Охота на Украине. Киев, 1954.

Пейсонель, 1927: Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абазском берегу черного моря, 1750-1762гг. в изложении Е. Д. Фелицына. Краснодар, 1927.

Пузанов, Козлов, Кипарисов, 2005: Пузанов И. И., Козлов В. И. , Кипарисов Г. П. Позвоночные животные нижегородской области. Изд. III, перер. и доп. Нижний Новгород, 2005.

Рицинский, 2005: Рицинский реликтовый национальный парк (монография по материалам комплексной экспедиции). Сочи, 2005.

Сабанеев, 1988: Сабанеев Л. П. Охотничьи звери. М., 1988.

Сабанеев, 1989: Сабанеев Л. П. Охотничьи птицы. Труды по охоте. М., 1989.

Сафонов, 1837: Сафонов С. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете Ифигения в 1936 году. Одесса, 1837.

Советский энциклопедический словарь М., 1981.

Туров, 1952: Туров С. С. Очерки охотника натуралиста. Изд. II, исправл. и дополн. М., 1952.

Фасмер, 1986: Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Изд. II, стереотипное. В четырех томах., М., 1986 – 1987.

Ходжаев, 1869: Ходжаев, Н. Несколько слов об открытии Псувского ущелья. Газ. "Кавказ" № 104-105, 1869., Абхазия и абхазы, 2005.

Хутыз, 2001: Хутыз К. К. Охота у адыгов (эколого-этнографический аспект). Книга I. Издание второе, иллюстрированное. Майкоп, 2001.

Челеби, 1972: Челеби Евлиа. Книга путешествий. Ч. 2-3. М., 1972, 1983.

Шугуров, 1911-1912: Шугуров А. Из отчета о поездке по Кодору и Гвандре. ИКОИРГО, т. XXI, №1, 1911-1912.

Ахытҳхырҭаҟәа

Алашара – алитература-сахьаркыратә ауаажәларра-политикатә журнал.

Алитературатә пхьара 3 акласс азы. Аҟәа, 2001.

Амаршьан Витали. Аҧсҳа. ароман. Аҟәа, 1994.

Амш ҿыц – ихьыҧшым агазеҭ

Аҧсны – Аҧсны Жәлар Реизареи Аҧсны аиҳабыреи ргазеҭ.

Аҧсны ҟаҧшь – агазеҭ " Аҧсны ҟаҧшь".

Аҧсуа-аурыс жәар. Ԛ-томкны. Еиҟәиршәеит В. А. Касланзиа. М.; Аҟәа, 2005.

Аҧсуа-аурыстә жәар. Еиҟәиршәеит А. Н. Генко. Аҟәа, 1998.

Аҧсуа бызшәа ажәар. II томкны. Аҟәа. 1986-1987.

Аҧсуа жәаҧҟаҟәа. Еиҟәдыршәеит Олег Шамба, Борис Гәыргәлиа. Аҟәа. 2003.

Аҧсуа жәлар рпоезиа. Еиҟәиршәеит Б. В. Шьынҟәба. Аҟәа, 1959.

Аҧсуа жәлар рҿаҧыц рҿиамҭа. 12 томкны VII ат., Аҟәа, 2002.

Аҧсуа литература ахрестоматиа 6 акласс азы. Аҟәа, 1995.

Аҧсуа фольклор. Ианицеит, акьыҧхь иазирхиеит Шь. Хь. Салаҟаиа. Аҟәа, 2003.

Аҧсуаа рфольклор. Артур Аншба иантамҭаҟәа. Аҟәа, 1995.

Афоризмы абхазов. Собрал, перевел и обработал проф. Олег Шамба. Сухум, 2002.

Ахрестоматиа а 5-тәи аҵара шыҟәсазы (а-4-тәи аклас). Аҟәа, 1932.

Ахьҟәырҷахаҟәа. Еиҟәиршәеит Шь. Камкиа. Аҟәа, 1985.

Ашколи аҧсҭазааареи – Аҧсны Аҳәынҵҟарра аҵара Аминистрра иҭнажьуа ажурнал.

Бзыҧ – Гәдоуҵа араионтә газеҭ.

Гыцба Т.Шь. Аҧсуаа рышьхахьызҟәеи рышьхацамԛаҟәеи. Аҟәа, 2002.

Гәлиа Д. И., Ҵьанашьиа Б. П. Аҧсуа бызшәа III акласс азы. Сухум, 1950.

Гәыблиа Гьаргь. Аҵыхәтәантәи ахысыбжьы. Ароман. Аҟәа, 2004.

Дырмит Гәлиа ибызшәа ажәар. Аҟәа, 1986.

Зыхәба Сергеи. Аҧсуа жәлар рҿаҧыцтә рҿиамҭа. Аҟәа 1981.

Искандер Фазиль. Иҵасхәым ачыс. Аҟәа, 1969. Еиҭеигеит Ш. Аҟәысба.

Иҭамбазо жәлар рзыхь. Еиҟәиршәеит К. С. Шьаҟрыл. Аҟәа, 1989.

Иуа Коҕониа. Ажәеинраалаҟәеи апоемаҟәеи. Аҟәа, 1955.

Камкиа Шьаликәа. Ажәаҟәа рдунеи. Аҟәа, 2001.

Кәарҷиа Валери. Аҧсны атопонимика. Аҟәа, 2002.

Кәарҷиа Заур. Иԛымҭаҟәа реизга. I атом. Аҟәа, 2006.

Миҟаиа Мушьни. Ахҟа. Ароман. I-II ашәҟәҟәа. Аҟәа, 2003.

Нарҵ Сасрыҟәеи ҧшьынԛажәи зеижәԛык иара иашьцәеи – Аҧсуа жәлар репос. Аҟәа, 1962.

Островски Николаи. Аҧыр шзрыжәхаз. Ароман. Еиҵ. Ҷоҷуа И. Аҟәа, 1956.

Папасҟьыр Иван. Ҭемыр. Ароман. Аҟәа. 1955.

Сақаниа Маадан. Иҳәамҭақәа. Ианицеит, акьыԥхь иазирхеит К. С. Шьаҟрыл. Аҟәа, 1970.
Смыр Рушьбеи. Абжьы. Ажәеинраалақәа. Аҟәа, 2005.
Советская Абхазия – агазеҭ "Советская Абхазия".
Ҳашыг Никәала. Аԥсуара ашьаҭақәа. Аҟәа, 2002.
Ҷкадуа Платон. Иалкаау. Аҟәа, 1976.
Ҷкадуа Платон. Ҩ-еиниарак. Аҟәа, 1963.
Шьынқәба Баграт. Ахьыртҿаатҿаа. Аҟәа, 1990.
Ҿьениа Алыԥьса. Абна амаза. Ароман. Аҟәа, 1971.
Ҿьонуа Ҷыҷыкәа. Иалкаау. II атом. Аҟәа, 1976.

Аинформаторцәа

Абыхәба Ҷыка, 1920ш. д. Ҿьгьарда
Агрба Иасон, 1918ш. д. Ҿьырхәа
Агәмаа Кәыта, 1893ш. д. Лзаа
Ампҳар Гәаԥьа, 1918ш. д. Калдахәара
Арсҭаа Шоҭа, 1931ш. д. Уаҭҳара
Ахба Константин, 1937ш. д. Калдахәара
Барцыц Рамиз, 1936ш. д. Блабырхәа
Барцыц Ҿьамфер, 1906ш. д. Бзыԥҭа
Гәарамиа Кьамшьышь, 1885 ш. д. Аԥьампҳазра
Кәанҵьариа Ақсент, 1918ш. д. Бзыԥҭа
Қаԥьаиа Ҳарун, 1924ш. д. Арасазыхь
Ԥсардиа Алыԥьса, 1930ш. д. Бзыԥҭа
Ҭаниа Леуард, 1934ш. д. Дәрыԥшь
Хьециа Камсыс, 1904ш. д. Калдахәара
Хьециа Ҿьота, 1911ш. д. Калдахәара
Ҳагба Маҳҭы, 117ш. ихыҵуан. Ачандара
Чаблах Мԥьыҵ 1924 ш. д. Ҷлоу
Ченчиа Ремзик, 1961ш. д. Блабырхәа
Шьынқәба Аполлон, 1946 ш. д. Ҭхьына
Ҩардан Кәынҵал, 1928ш. д. Уаҭҳара
Ҿьапуа Ҷут, 1906ш. д. Ҷлоу

Хагба Л. Р.

Концептуализация положительных эмоций в абхазском и абазинском языках

(на материале фразеологии)

Известно, что предметом исследования в когнитивной лингвистике является часть информации, которая находит свое отражение и фиксацию в языковых формах.

Язык как объективное средство выражения культуры активно участвует во всех этапах освоения действительности, без него невозможны все виды интеллектуальной и духовной деятельности человека. В этом плане отражение языковой картины мира через призму понятий, сформулированных на основе представлений человека, прошедших через его сознание, имеет несомненный научный интерес.

«Богатство языка определяется не только богатством словарного запаса и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептосферой, в которой формируется национальная языковая личность» [Маслова, 2004:17].

Анализ когнитивно-семантического конструирования базовых концептов позволяет получить достоверную информацию об уникальном феномене, называемом духом народа.

По определению Ю. С. Степанова, концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека; концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека [Степанов, 2001:43].

В языковой картине мира этнический менталитет актуализируется в ключевых культурных концептах, вербализованных в символических образах, отражающих ментальное представление носителей языка об окружающем мире. Под термином «культурный концепт» понимают относительно устойчивые ценностно-сознаваемые понятия некоторой культуры.

Наиболее информативными в плане лингвокультурологического анализа являются идиоматические выражения, под которыми мы подразумеваем фразеологизмы, афоризмы, пословицы и поговорки.

Как известно, эмоции являются формой осознания человеком свой индивидуальности, они универсальны и генетически запрограммированы в человеке.

«Социализированные в конкретной культуре, в конкретном этносе, они суть концепты. Последние же действительно этноспецифичны, поскольку знаково функционируют в конкретной культурно-языковой среде» [Красавский, 2001:7].

Анализ эмоционального состояния человека считается очень важным в исследовании системы мышления. Этническая обусловленность эмоционального концепта определяется традициями, обычаями, особенностями быта конкретного общества людей.

«У человека все эмоции локализуются в душе, сердце или в груди. Семантический примитив – «чувствовать» [Апресян 1995:42].

Нами предпринимается попытка охарактеризовать лингвокультурные концепты, выражающие положительные эмоции человека, в частности, «сердце» и «душа» в абхазском и абазинском языках.

Мы оперируем 2-3 значениями лексемы «сердце», зафиксированными в 4-томном «Словаре русского языка»: «… 2. Этот орган как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека; 3. Перен. Душевный мир человека, его переживания, настроение, чувства [СРЯ, т. 4, 1984:80].

Фразеологические единицы с компонентом агәы – «сердце» активно употребляются в устной и письменной речи носителей абхазского и абазинского языков. Они представляют фрагмент фразеосемантического поля «человек».

Положительные эмоции выявляются в более чем 100 фразеологизмах абхазского и абазинского языков.

Исходя из выражаемых ими конкретных психо-эмоциональных состояний, фразеологические единицы мы распределили по нескольким группам (в иллюстративном материале дается буквальный перевод):

1). Фразеологические единицы со значением «воодушевить»:

абх. *сгәы ҟаиҵеит* – «он сделал моё сердце»;
сгәы азыҟалеит – «моё сердце стало для чего-либо»;
сгәы ақәыбзиахеит – «моё сердце стало над ним хорошим»;
сгәы ҭанаҵеит – «то вложило в моё сердце»;
сгәы архаҵеит – «то сделало моё сердце мужественным»;
сгәы арыҕәҕәеит – «то укрепило моё сердце»;
сгәы азнарҳаит – «то увеличило моё сердце»;
сгәы ҭнагеит – «то вынуло, вытащило моё сердце»;
сгәы азҭалеит – «моё сердце вошло для того»;
сгәы ахәша ыҟәиҵеит – «на моё сердце положил масло»;
сгәы ҟаҵа, схы ҟаҵа – «сделав моё сердце, сделав мою голову».

абаз. *сгвы гIанаршIыцтI* – «то обновило моё сердце»;
сгвы гIабзихатI – «моё сердце стало хорошим»;
сгвы пшыхь таситI – «в моё сердце подул холодный ветер».

2) Фразеологические единицы со значением «испытывать радость»:

абх. *сгәы ҭыччааауеит* – «моё сердце блестит изнутри»;
сгәы ҭыпраауеит – «моё сердце вылетает изнутри»;
сгәы ҭгәырҕьааауеит – «моё сердце радуется изнутри»;
сгәы шьҭыҵуеит – «моё сердце поднимается»;
сгәы еиҵыҵуеит – «моё сердце расширяется»;

абаз. *сгвы йазхIитI* – «моё сердце выросло»;
сгвы йалахIитI – «моё сердце расширилось».

3) Фразеологические единицы со значением «любить» «нравиться»:

абх. *сгәы иахәоит* – «то помогает моему сердцу»;
сгәы даҟәшәоит – «он (она) подходит моему сердцу»;
сгәы дыпнаҟоит – «моё сердце режет его (её)»;
сгәы лызцеит – «моё сердце ушло к ней»;

абаз. *сгвы днадзатI* – «до моего сердца дошел (дошла)»;
сгвы йхвгIатI – «он купил моё сердце».

4) Фразеологические единицы со значением «быть удовлетворенным»:

абх. *сгәы кыдуп* – «моё сердце висит»;
(ихааза) сгәы икыдуп – «то (сладко) висит на моем сердце»;
(ила) сгәы дууп – «(им) моё сердце большое»;
сгәы арҟәандеит – «то утеплило моё сердце»;
сгәы аҵәымыҕ алихит – «он вытащил из моего сердце гвоздь»;

абаз. *сгвы чIватI* – «моё сердце село».

5) Фразеологические единицы со значением «быть в состоянии умиротворенности, спокойствия»:

абх. *сгәы каршәны сыҟоуп* – «я бросивший своё сердце есть»;
сгәы хтит – «моё сердце открылось»;
сгәы схашҭит – «я забыл своё сердце».

Положительные эмоции передает также и концепт «радость» - (*агәырҕьара* – абх., *гвыргьара* – абаз.), состоящий из *агәы* (*гвы*) – «сердце» + *р* – аффикс каузатива и *аҕьара (гъьара)* – «рубцеваться», «заживать» (ср.: абх. *аҕьарсҭа аҭып*, абаз. *гъьарта тып* – «рубец зажившей раны»).

Согласно 4-томному «Словарю русского языка», «радость» – 1. Чувство удовольствия, удовлетворения. 2. То, что (или тот, кто) доставляет удовольствие, даёт счастье. 3. Обычно со словом «моя». *Разг.* Ласковое, нежное обращение [СРЯ, т.III 1983:58].

В «Словаре абхазского языка» [САЯ, т.1 1986:178] *агәырҕьара* – «радость» даётся в 2-х значениях: I. 1. имя существительное «радость» с синонимами *агәахәара*, *агәазҳара*, *агәышьҭыцра*; 2. *перен.* Пир, торжество; II. «радоваться», «веселиться».

В абазинском языке *гвыргъьара*: 1. *неперех.* радоваться, обрадоваться; 2. в значении сущ. радость. 3. радостный [АРС 1967:139]. «Удовольствие» (чувство радости) в этом языке передаётся лексемой *гвапара* (из кабардино-черкесского *гуапэ*).

На наш взгляд, *гуапэ* восходит к абхазскому *агвы* + *апара* – букв. «сердце + прыгать (прыжок)»; *гухэхъуэ*, представленное в адыгских языках как «удовольствие», по мнению З.Х. Бижевой, всё же ближе к «радости» [Бижева 2000:39]. Внутренняя форма этого слова совпадает с абхазскими *агәеизҳара*, *агәеицыцра* – букв. «увеличение, расширение сердца» (радость).

Синонимичный круг «радости» – *агәырҕьара* в абхазском языке расширяется такими лексемами: *агәахәара* – букв. «помощь сердцу», *агәышьҭыцра* – букв. «подъём сердца», *агәазҳара* – букв. «увеличение сердца», *агәеицыцра* – букв. «удлинение, расширение сердца», *агәеыхара* – букв. «пробуждение сердца» и т. д.

Быть радостным означает быть в хорошем настроении. Такое настроение – это чувство, овладевающее человеком изнутри. Абхазы это состояние передают понятием *агәалаҟазаара бзиа* – букв. «хорошее состояние внутри сердца».

Языковое выражение чувств человека, в основном, носит универсальный характер, поскольку сами чувства общечеловечны.

В.А. Маслова отмечает: «Их анализ (толковых словарей русского языка) позволяет заключить, что у чувства радости два основных признака – 1) это внутреннее чувство, противопоставленное внешнему, физическому ощущению удовольствия и 2) веселое чувство» [Маслова 2004: 230].

Если в русском языке «радость» есть чувство большого удовольствия и душевного удовлетворения (синоним «отрада»), то абхазское *агәырҕьара* вмещает в себя и радость, и удовольствие, и наслаждение, и блаженство:

абх. *Агәырҕьара имоуп* – букв. «У него радость», соотв. «У него радостное событие» (чаще о свадьбе);

Уҵкәын игәырҕьараз ҳаиааит ! – «Чтобы мы пришли на свадьбу твоего сына!»;

Угәы зырҧаша бзиарак уақәшәааит! – букв. «Пусть тебя (м.) настигнет что-л. хорошее, которое зарубцует твоё сердце».

абаз. *Гвыргъьара цара* – «Визит радости» (посещение кого-л. по случаю радостного события);

Гвыргъьарала хIанйахтI! – «До радостной встречи» (пожелание при прощании).

абх. *Ҧагәырҧьа иуит* – букв. «Сына радость устроил», «Он устроил пир в честь рождения долгожданного первенца»;

Ҧҳагәырҧьа иуит - букв. «Дочери радость устроил», «Он устроил пир в честь рождения долгожданной дочери».

В ритуальных пожеланиях концепт «радость» не ограничен во времени и пространстве. Напр.: абх. *Шәгәырҧьара нагзахааит!*, каб. *Фи гуфIэгъуэр кIыхь ухъу!* – «Да будет нескончаемой (длинной, продолжительной) ваша радость!».

Абхазско-абазинское языковое сознание, предполагая готовность человека к восприятию радостного сообщения, создало слово *агәырҧьацеҳәаша* (абх.), *гвыргъьаша* (абаз.) – 1) подарок, преподносимый тому, кто сообщает радостную весть, 2) радостная весть.

Наивысшую степень радости передают фразеологические единицы:

абх. Мҵәыжәоада сҧыруеит – букв. «Я лечу без крыльев»;

Сгәашьамх сыҵҧрааueит – букв. «Моё сердце и колено улетают из-под меня» с синонимом *ажәоанахь схалоит* - букв. «Я поднимаюсь на небо» (ср.: абаз. *Агвыргъьара апша дынкъвнагитI // Агвыргъьара щамхъа дынкъвнагитI* [Пазов 1990:105] – букв. «Его носит ветер радости // Его носит колено радости» – соотв. «Очень сильно радуется»).

Абхазско-адыгская модель мира допускает динамическое единство противоположных эмоций:

абх. *Гәырҩа зымбац гәырҧьара изеилкаауам* – «Не увидевший горя, не поймет радости»;

каб. *ГуфIэгъуэрэ гуIэгъуэрэ зэрощIэ* – «Не узнав горя, не узнаешь и радости» (букв. «Радость и горе знают друг друга») [Бижева, 2000:40].

Радость мимолетна и скоротечна. Это сравнительно кратковременное приятное состояние человека. Об этом напоминает абхазская пословица *Агәырҧьара анумоу, агәаҟра атәы ухоумыршҭын, агәаҟра анумоу – агәырҧьара атәы* – «Когда у тебя радость – не забывай про горе, а когда горе – не забывай про радость».

Следующее за «сердцем» пристанище анализируемых нами в данном случае положительных эмоций человека «душа» – «*апсы*» в качестве концепта представлена в более чем 50 фразеологических единицах.

В словаре русского языка» 1-ое значение лексемы «душа» передается таким образом: «Внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т.п.» [СРЯ, т. 1. 1981:456].

В «Абхазско-русском словаре» в 1-ом значении «душа» переводится как *апсы*.

В «Абазинско-русском словаре» в качестве 1-го значения *ҩсы* даётся «душа»: *гвыли псыли айчважвара* – «поговорить по душам» [АБРС, 1967:307].

Фразеологизмы со стержневым словом *апсы* – «душа», в основном, группируются вокруг емких понятий «сильно любить», «очень любить», «сильно нравиться», «очень нравиться». Например:

абх. *иҧсы далоуп* – «она находится (содержится) внутри его души»;

иԥсы алоуп – «в нем внутри содержится (находится) его душа»;

рыԥсы еилоуп – «их души вмещены друг в друге»;

иԥсы лылахеит – «его душа застряла (осталась) внутри неё»;

рыԥсҟаа еилахеит – «их души врослись (вплелись) друг в друга»;

уԥсы дузалхуам – «не сможешь извлечь (вынуть) его (её) из своей души»;

рыԥсҟаа еихәлоуп – «их души срослись друг с другом»;

иԥсы лызцоит – «его душа идет к ней»;

иԥсы лыхҭнитоит – «он отдает взамен неё свою душу»;

иԥсы лыԥроуп – «его душа содержится (находится) в её утробе»;

ԥсык еицырхоуп – «у них одна душа вместе»;

иԥсы дацацаны димоуп – «он её (его) имеет под своей душой»;

иԥсы уҷеитоит – «он дает тебе свою душу на съедение»;

иԥсы лыҷҳәароуп – «его душа является её сроком»;

сыԥсы уфааит! – «чтоб ты съел мою душу!» (обращение к обожаемому человеку).

В абхазском языке положительные эмоции содержат также следующие фразеологические единицы:

иԥсы иҭиуеит – букв. «он продаёт свою душу» (соотв. «ему очень нравится то»);

иԥсы ҭалеит – букв. «его душа ожила» (соотв. «он воодушевился», «взбодрился»);

иԥсы ҽихит – букв. «он сорвал (снял выкупил) его душу» (соотв. «он выручил его»);

иԥсы икуп – букв. «он держит его душу» (соотв. «он не обходится без него»);

иԥсы инаԥишьып – букв. «то он присоединит к своей душе (соотв. «то он использует для себя»);

абаз. *йпсы лхъашватI* – букв. «его душа упала на неё сверху» (соотв. «он влюбился в неё»;

йпсы лылашватI – букв. «его душа вошла в неё во внутрь» (соотв. «он влюбился в неё»);

йпсы лкIынхалтI – букв. «его душа осталась висеть на ней» (соотв. «она ему понравилась»);

йпсы апшта йбитI – букв. «он видит то как свою душу» (соотв. «то ему очень нравится»);

упсы далазтын дгьалухрым – букв. «если он (она) в душе твоей (сидит), не захочешь выбросить его (её) оттуда» (соотв. «не чаять души в ком-либо»);

рпсы кьысакI йацтапI – букв. «их души находятся вместе в одном кисете (соотв. «душа в душу»);

спсы йапшу – букв. «тот , который похож на мою душу» (соотв. «любимый», «дорогой»);

спсы зкъвырману – букв. «тот, для которого моя душа является жертвоприношением» (соотв. «дорогой», «любимый», «милый»);

спсы зхъашваз – букв. «тот, на которого моя душа упала сверху» (соотв. «дорогой», «любимый»);

спсы бфатI – букв. «чтоб, ты (ж.) съела мою душу» (соотв. «дорогая», «милая»);

спсы зфарыз – букв. «тот, который съел бы мою душу» (соотв. «дорогой», «милый»);

дада йпстIакв – букв. «душа дедушка» (соотв. «дорогой», «милый»).

В абхазско-абазинской идиоматике для более эффективного выражения положительных эмоций и чувств человека объединяются главные их вместилища – *агәы* – «сердце» и *аԥсы* – «душа»:

абаз. *йгвгьи йпсгьи адта* - йгвы хътIыта, къайматта, агвы днадзауата (срав. абх. *игәгьы иԥсгьы адцаны*);

йгви йпси хътIыта – йгвы йгIатыцIуата, гвы цкьала, йгвы цкьата (срав. абх. *игәи иԥси аартны* (хтны; гәаартыла);

йгви йпси йалалуа – гвапата, хъагIата (срав. абх. *угәы-уԥсы ирԥало (рԥынза инеиуа)*;

агви апси йырдыруа – йалыргата, йнахъауата, йнардзата, агвы йалалуа, агвы йахъваua (срав. абх. *агәгьы аԥсгьы еилыркааua* (агәи аԥси рԥы инеиуа, уаԥы игәы иаахәаратәы);

агви апси гIащтнахуа – агвы йаланархIауа, йгIацIнахуа (срав. абх. *угәи уԥси шьԥнахуа* (еизнарԥауа, еицнахуа).

Сопоставительно-сравнительное изучение основных концептов, выражающих положительные эмоции, выявило наличие в двух родственных – абхазском и абазинском языках универсальных и тождественных по своей образной природе и структуре кодов лингвокультуры.

Литература

АБРС - Абазинско-русский словарь. – Москва, 1967.

АРС - Абхазско-русский словарь. Том 1; том 2. Сост. Касландзия В. А. Сухум, 2005.

Апресян, 1995 - Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ. М., 1995. №1. С. 37-65.

Бижева, 2000 – З. Х. Бижева. Адыгская языковая картина мира. Нальчик, 2000.

Касланзиа В. А. Аԥсуа бызшәа афразеологиатә жәар. Аҟәа, 1999.

Красавский, 2001 - Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград, 2001.

Маслова, 2004 - Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2004.

Паз С. У. Абаза бызшва афразеология ажвар. Черкесск, 1994.

САЯ - Словарь абхазского языка, том 1-й. Сост. Шакрыл К. С., Конджария В. Х. Сухум, 1986; том 2-й. Сост. Шакрыл К. С., Конджария В. Х., Чкадуа Л. П. Сухум, 1987.

СРЯ – Словарь русского языка (в 4-х томах) под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981, 1983, 1984.

Степанов, 2001 - Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Москва, 2001.

Табулова Н. Т. Афористическая поэзия абазин. Черкесск, 1977.

Бганба В.М.

Категория грамматического числа в абхазском языке

Категория грамматического (морфологического) числа выражает количественные отношения, существующие в окружающей нас реальной действительности и получает морфологическое выражение в соответствующих формах языка. В этом проявляется взаимосвязь категории числа с внеязыковой действительностью.

Категория эта формируется взаимной оппозицией единичности и множественности как по внутренней семантике, так и по внешним формальным признакам (морфологической и семантической оппозицией единственного и множественного числа). Оппозиция в плане семантики строится при этом с учетом количественных характеристик единичности: множественности, называемых именами существительными предметных денотатов, т.е. количественным их противопоставлением.

Вместе с тем понятие грамматического числа и количества, несмотря на известную взаимосвязь и взаимозависимость этих категорий, как правило, не совпадают. Категория количества, являющаяся универсальной, т.е. логической категорией (Философ. энцикл., 552), находит свое выражение во всех без исключения языках мира. Однако по характеру и способам выражения (лексического, грамматического, словообразовательного и т.д.), а также по объему выражения этой универсальной категории, языки существенно разнятся между собой. Разнятся они и по способу выражения этой категории средствами категории грамматического числа, которая, как известно, служит лишь одним из средств выражения категории количества. Причем категория грамматического числа не является категорией универсальной. Существует ряд языков, в которых эта категория отсутствует (См. например, об этом Панфилов, 1977, 233-234). Нет, например, категории грамматического числа, выражаемой оппозицией форм единственного и множественного числа в китайском языке (Коротков, 1918, 285).

Кроме того, ряд языковых данных, в частности, данные адыгских языков (Кумахов, 1969) дают серьезные основания специалистам утверждать мысль об неидентичности (не только в плане объема) категории числа и логической категории количества. И в современной специальной литературе уже стало традицией не отождествлять эти две, хотя и взаимосвязанные, но разные по объему и т.д. категории. В науке о языке место, содержание и функции категории грамматического числа определены и по сей день все еще недостаточно четко, и вопрос о категории числа продолжает оставаться одним из актуальных вопросов теоретических грамматик языков разных систем. Свидетельством тому является обилие работ по языкам самых различных систем (семей), посвященных этой важной проблеме.

Ряд исследователей рассматривает число в качестве чисто словоизменительной категории. (см. например: Реформатский, 1960, 399). Существенным критерием грамматичности категории числа считается при этом регулярность ее формального выражения: «... номинативные элементы единичности и множественности очевидным образом являются обязательными и регулярными и, следовательно, должны быть признаны грамматическими» (Зализняк, 1967, 55).

Ряд других ученых, в частности, В.В. Виноградов, учитывая, что категория числа осложнена разными лексико-семантическими значениями и оттенками (учет влияния лексико-семантических разрядов слов на значения форм числа), считает, что «категория числа в строе имени существительного, так же как и ка-

тегория рода, является категорией лексико-грамматической (в отличие от форм числа имен прилагательных)». (Виноградов, 1986, 135). Ф.Ф. Фортунатов и ряд его последователей рассматривают категорию числа как словообразовательную (Дурново, 1924, 142). Исходным для придерживающихся этой позиции ученых является «несинтаксичность» форм числа, так как категория числа «… обозначает различные предметы мысли независимо от словосочетания, заключающего слова с этой формой». (См. также Фортунатов, 1956, 162 и далее).

Не вдаваясь в подробный анализ этих точек зрения, отметим, что различия в подходах (в квалификации) категории числа обусловлены, видимо, тем, что категория числа имеет весьма сложные и не всегда однозначные параметры. Необходимо, видимо, разграничивать случаи, когда, с одной стороны, словоизменительные отношения выступают предельно ясно, и, с другой стороны, когда начинают превалировать черты словообразовательного характера. В этом отношении заслуживает признания подход А.И. Смирницкого, который только определенную часть числовых форм относит к словообразованию, в частности, усматривает в паре: бега и бег два разных слова. (См. об этом Смирницкий, 1955, 30-31).

Вместе с тем, вряд ли удастся в полной мере очертить границу между сферами словоизменения и словообразования. Видимо, необходимо будет выделить смежную языковую область, на участке которой словоизменительные числовые отношения бывают «отягощены» отношениями словообразовательными, т.е. по существу, область, в которой будут совмещены лексическое и грамматическое, как отражающей (совмещающей) две стороны одного сложного явления: лексического (словообразовательного), с одной стороны, и грамматического (словоизменительного) – с другой.

Вызывают дискуссии в лингвистике также содержание и функции категории числа как в целом, так и в плане содержания составляющих ее частностей, понятий «единственное число» и «множественное число».

Как и ряд других морфологических категорий, в частности, падежа и наклонения, категория числа не являет собой продукт прямого отражения плана содержания (Булыгина, 1977, 28-29). О содержательной общности (эквивалентности) всех разновидностей категориального значения ее можно говорить в условном относительном смысле (Булыгина, 1977, 29).

Так, например, установлено, что во многих языках понятие «множественности» предметов отражает лишь отчасти специфику множественного числа, равно как и определение единственного числа в качестве выражающего единичность предметного денотата отражает лишь одну из сторон сферы функционирования формы единственного числа. Так, например, способность форм единственного числа в ряде языков выражать значение не только единого, но и множества предметных денотатов, послужила причиной для отказа рядом лингвистов от традиционного определения форм единственного числа, как выражающих значение единичности. Форма единственного числа стала ими рассматриваться как форма безотносительная к идеи числа, как «общая форма» (см. например Кумахов 1971). Это обстоятельство послужило основной причиной для отказа рядом лингвистов от традиционного определения категории числа, как выражающего противопоставление по линии единичности / множественности, поскольку характеристика инвариантного значения категории числа при этом выглядит неполной, ущербной, т.к. оно (инвариантное значение) не может согласно такому определению охватить значительную часть из сфер употребления соответствующих форм.

Семантика категории числа связана, прежде всего, с делением имен существительных на считаемые и несчитаемые. К несчитаемым относятся наряду с именами собирательными[1] имена отвлеченные и вещественные. В плане выражения структура категории числа в основном анализируется в противопоставлении (бинарной оппозиции) – единственное число : множественное число,[2] причем, в первый ряд оппозиции при таком подходе включаются имена вещественные и отвлеченные, т.е. по сути дела понятия, характеризующиеся безотносительностью к идее числа (ахьы «золото», аразны «серебро», азы «вода» и т.д.).

Вместе с тем, насколько можно судить по имеющимся специальным исследованиям, полной (строгой) семантической соотнесенности единственного и множественного числа не наблюдается ни в одном языке, что обуславливается многообразием значений форм множественного числа (целым спектром его значений – см. абхазский материал ниже) по сравнению с менее развитой (более-менее стандартной) семантикой единственного числа. Категория множественности[3] в специальной литературе характеризуется как «сильная», «всегда маркированная», в отличие от формы единственного числа, не характеризующееся наличием постоянных показателей[4].

Существенным здесь является то, что семантическая соотнесенность между членами оппозиции (единственность / множественность) является несколько ущербной, неполной, вследствие многообразия значений множественности.

Поэтому представляется более оправданным как отражающим существо категории морфологического числа трактовка его как выражающего противопоставление по принципу нерасчлененности расчлененности.[5] Подобная трактовка категории числа позволяет объяснить функционирование форм единственного числа (нулевой формы) в значении множественном, т.е. не ограничивает ряд имен существительных лишь теми из них, которые, имея форму единственного числа обозначают предмет в количестве, равном одному, но и позволяет объяснить значение тех групп имен, которые будучи представленными формой единственного числа, тем не менее выражают значения единичности.

Кроме того, в эту схему естественным образом вписываются имена с вещественными и абстрактными значениями, которые, являя собой разряд имен не считаемых, остаются за пределами сферы охвата категории грамматического числа.

Мысль о необходимости подобной трактовки категории числа наиболее четко выражена у А.В. Исаченко (Исаченко, 1961, 28-43), который, подвергая анализу грамматические значения как членов привативных оппозиций, сделал

---

[1] Собирательные существительные во многих случаях семантически сближаются с несчисляемыми, так как занимают промежуточное положение между счисляемыми и несчисляемыми. Они представляют совокупность считаемых объектов как нечленимую массу. См. об этом: Гак, 1976, 103-104.

[2] «Расчлененность невозможна без понятия единицы – один предмет, одна единица, однократный процесс» Тураева, Биренбаум, 1985, 124.

[3] Наличие в языке множественного числа (дистрибутивного) предполагает, как правило, наличие категории грамматического числа. Правда, это противоречит утверждению Гузева, Носилова (см. ВЯ, 1975, №3).

[4] См. например, определение Виноградова «Категория множественног числа в строе имен существительного выступает как сильная, многознаменательная категория. По отношению к ней категории ед. числа является до некоторой степени негативной, иногда даже как бы нулевой» – (Виноградов, 1986, 128).

[5] «Расчлененность невозможна без понятия единицы – один предмет, одна единица, однократный процесс» – (Тураева, Биренбаум, 1985, 124).

вывод: то что традиционно называется категорией «грамматического числа» – на самом деле является категорией «выраженной» – «невыраженной» расчлененности денотата, и что признание этого значения общим (инвариантным) значением форм типа **мои книги, листья, брюки**, с одной стороны, и форм **моя книга, листва, профессура** (1 и 2) – с другой стороны, устраняет нелогичность того, что реально «единичный предмет» вроде **брюки** обозначается формой множественного числа, а реально «множественный предмет» вроде **листва** – формой «единственного числа».

Целесообразность такого определения, такой дефиниции категории числа не вызывает сомнений. Однако, поскольку изыскания, ставящие целью установить определение, адекватно отражающее существо категории числа, все еще продолжаются, для удобства изложения мы будем пользоваться более традиционным определением числа как выражающего противопоставление по линии единичности / множественности, прибегая, однако, по мере необходимости и к более отвечающему существу описываемого явления – определению числа как отражающему противопоставление по признаку расчлененности / нерасчлененности.

Итак, *основным содержанием категории грамматического числа абхазского языка следует признать выражение противопоставления единичности предмета и расчлененной множественности предметов того же класса (рода, вида).*

Некоторые вопросы становления категории грамматического числа в абхазском языке. Становление формы ед. числа, аппозитивной маркированной форме множественного числа.

В специальной литературе установлено, что категория грамматического (морфологического) числа не тождественна понятийным категориям единичности и множественности, и что грамматическое число представляет собой лишь один из способов выражения этих категорий.[1] Наряду с этим обращается внимание и на то, что формы числа имени во многих языках могут выражать как значение единичности и множественности, так и значение обобщенного (родового) числа (см. об этом. Смирницкий, 1955, 11-53; Ревзин, 1969, 102-108, а также работы вышеперечисленных авторов).

Как и у других морфологических категорий грамматическое значение числа отчетливо проявляется в противопоставлении (оппозиции) форм единственного и множественного числа – **алаба : алабаԛәа** «палка» : «палки», **аеы : аеԛәа** «лошадь» : «лошади» и т.д. Каждая из этих форм обладает своим грамматическим значением, т.е. характеризуется наличием определенных свойств, характеристик, присущих соответствующему денотату. Так, форма единственного числа **алаба** «палка» обозначает индивидуализированный единичный предмет в противоположность форме множественного числа, обозначающего множество (неопределенное) таких же предметов. Но, вместе с тем, слово **алаба** может выступать и в качестве представителя (репрезентатора) целого класса предметов. Срв.: **алаба мыруыгоуп** «палка – орудие труда», **аеы ԛстәуп** «лошадь – домашнее животное» и т.д. Таким образом, слово **алаба** может выразить как конкретного представителя класса, так и целый класс соответствующих предметов, т.е. может

[1] См. об этом: Холодович, 1946; Панфилов, 1962, 91-118; Панфилов, 1977; Кумахов, 1971, 5-35; Кумахов, 1969, 65-74; Мещаников 1970, 82-88.

иметь значение **генерализирующего** или **обобщенного числа**. Классик русской филологии А.А. Потебня, характеризуя это свойство имен, имеющих форму единственного числа, писал, что идеальный (индивидуализированный) элемент множества (класса), обозначаемый именем в форме единственного числа, представляется как символ всего множества, т.е. множество в языке может представляться через единицу, служащий символом этого множества (Потебня, 1968, 25-26).

Таким образом, обозначение нулевой формой имени, стоящего в единственном числе, обобщенного значения характерное для многих языков мира, имеет место и в абх. языке. Но одним из проявлений своеобразия абхазского языка является то, что имя, взятое в той же форме, может выражать и значение множественности, срв.: **абга збеит** увидел (я) волка», но **абга срылашәеит** «я оказался среди волков», **ахаҳә шьҭысхит** «я поднял камень», но **ахаҳә сыḱәшәоит** «(я) собираю камни» и т.д. В плане содержания эти имена различают оба числа, однако в самих именах содержание это не находит формального выражения. Число этих имен (их числовое значение), как правило, выражается (обозначается) в связанном с ними сказуемом, срв. **ашьха сырҷаԥшуеит** «я смотрю на горы», **ала дырфеит** «собаки (его) разорвали» и т.д. В этих примерах число имен обозначается при помощи местоименно–личных аффиксов. Аналогичное явление наблюдается и при определительных отношениях – **ашьха рымцан** «у подножья гор», **абга рлеишәа** «нрав (повадки) волков» и т.д., при которых числовое значение имен с немаркированным значением множества находит свое выражение при помощи притяжательных аффиксов в пределах другого, связанного с ними определительными отношениями слова. Недифференцированность этих имен, т.е. отсутствие при них каких-либо маркеров числа, не является препятствием для выражения ими своего числового значения, ибо числовое их содержание актуализируется в синтаксически связанных с ними словах.

Имена с немаркированным (формально не выраженным) значением единичности и множественности характерны и для некоторых других языков.

Так, Панфилов В.З. отмечает, что в нивхском языке существительное в форме единственного числа может указывать: 1) на единичный предмет; 2) на совокупность предметов; 3) на раздельное множество, а также может быть употреблено в родовом, обобщенном значение. Исходя из этого он заключает, что «… форма существительного, внешне совпадающая с основой, по существу должна рассматриваться как форма общего числа» (Панфилов,1977, 239).

Аналогичное явление отмечено и аналогично охарактеризовано Кумаховым М.А. по отношению к адыгским языкам, причем при выделении значения «общего числа» (Кумахов, 1976; Кумахов, 1971, 10) решающим (главным критерием) он считает сочетаемость одной и той же формы имени с формами единственного и множественного числа связанных с ним сказуемого или другого члена синтагмы.[1]

---

[1] Термин «общее число», предложенный Панфиловым и который применяется по отношению к именам с недифференцированным значением числа может быть и «оправдан с грамматической точки зрения», как то утверждает Кумахов, но представляется, что он не совсем отражает суть соответствующих имен (не совсем ясен объем, число составляющих «общее число» числовых значений и т.д.). представляется более подходящим термин «неактуализованное число» (по крайне мере для абхазо-адыгских языков), поскольку имя, выступающее в этой форме, будучи лишено каких-либо морфологических показателей, само по себе, в пределах самой словоформы, грамматически с точки зрения числово-

Выражение неоформленными именами значения множественности и единичности было характерно и для тюрских языков. Гренбех К., анализируя формы имени в тюрских языках в этом отношении, отмечал, что слово oγul обозначало всех сыновей на свете, и что при необходимости контекст различал, что речь идет о множестве индивидов или об одном. (Grönbeeck, 1936. S. 56-60).

Нечто аналогичное, судя по работе В. Шмидта, имело место и в немецком языке. Анализируя взаимоотношения логической категории множества и грамматической категории числа Шмидт отмечает, что форма единственного числа может выражать не только единичность (einzelne Größe), но обобщенную (generelle) величину и, кроме того, может иметь и коллективное значение (Schmidt, 1970, 109). Хотя, судя по примеру, иллюстрирующему это положение – die Schnelligkeit des Renntiers (aller Renntiere) «скорость оленя» – скорее всего мы здесь имеем ту же обобщенную величину. Вероятно, мысль автора опирается на какое-то остаточное явление, все еще осознаваемое в языке.

Анализ и сопоставление этих и аналогичных форм приводят нас к мысли о возможности констатировать здесь наличие омонимичных форм.[1]

При отсутствии структурного (формального) противопоставления в пределах самих омоформ, содержательная их сторона находит свое формальное выражение в ближайшем окружении, т.е. числовое значение, выраженное (обозначенное) в глаголе или ином члене синтагмы имеет зависимый характер от категориального значения связанного с ними имени существительного. Число имени существительного находит актуализацию в пределах другого слова при помощи местоименно-личных или притяжательных аффиксов (в абхазском языке), в чем и отражается одна из основных специфик слова – его принадлежность как морфологическому, так и синтаксическому уровню языка. Функционируя в речи, слово вступает в определенные отношения с другими компонентами предложения. Синтаксические связи устанавливаются при этом при помощи местоименно-личных аффиксов (являющихся одновременно показателями лица, числа и т.д.), сигнификативное значение которых, по сути дела, дублирует значение главных слов (и в этом смысле являющихся как бы избыточными). Основная их функция (синкретично выражаемая) – установление синтагматической связи и передача грамматических значений главных слов (числовых, классных и т.п.), структурно не выраженных в самих именах.

С учетом этого представляется, что выделение категории грамматического числа, включающей немаркированную (оппозиционную) форму, которая обозначается как «единственное», «нулевое» или «общее» число, срв.: «форма множественного числа существительных обычно выступает как сильный (маркированный) член оппозиции, образуемый его вместе с формой **единственного или общего** (подчеркнуто мною – Б.В.) – числа» (Панфилов, 244). Аналогичного взгляда придерживается Кумахов М.А. (см. Кумахов, 1971), равно и утверждение о том, что «поскольку форма **at** (тур. «лошадь» – Б.В.) не несет какой-либо количе-

---

го значения никоим образом не определено, числовое значение имени определяется (актуализируется) в связанных с ним словах.

[1] В связи с этим определенный интерес представляет мысль Потебни А.А о безморфемном образовании новых грамматических значений и форм на базе существующих, т.е. без изменения внешнего (формального) облика исходной формы, срв.: «Каждая форма первоначально имеет одно значение. Когда это значение может быть представлением другого, то вместе с тем создается и новая форма. Если при этом первое значение не потеряно, то мы имеем в языке две формы с различными значениями». См. об этом: Потебня,1977, с. 115.

ственной информации, т.е. не имеет сама по себе категориального значения числа и не выполняет согласовательной функции, то очевидно ее нельзя рассматривать в качестве нулевой формы категории числа»[1], нуждаются в некотором уточнении, по крайне мере, применительно к материалу абхазского языка.

Во–первых, оппозиция по линии единичности / множественности образуется в этом ряду не просто противопоставлением формы т.н. «общего» числа форме множественности, а с тем его частнокатегориальным значением (или с тем из двух омоформ), которое передает значение единичности, соответственно получая свое формальное выражение в пределах связанного с ним сказуемого или иного члена предложения. По мере усиления (грамматикализации) этой оппозиции, т.е. по мере приобретения им характера облигаторности, второе частное значение (значение второй омоформы) – значение множественности (собирательной) подвергается процессу ослабления, угасания.

Процессы эти, должно быть, протекают синхронно: процесс угасания одного значения (значения собирательной множественности) сопровождается, соответственно, усилением другого, порождающегося значения, оппозиционного формально выраженной множественности (дистрибутивной множественности, которая также является новообразованием).

В свою очередь, формально выраженная порождающаяся дистрибутивная множественность способствует становлению маркированной формы (маркированной нулем) со значением единственного числа.

Таким образом, по мере становления и развития категории числа как категории морфологической, маркированности имен множественного числа в плане содержания постепенно начинает соответствовать их маркированность и в плане выражения, что в свою очередь, оказывает определенное воздействие и на немаркированное в плане выражения (но не содержания) имя со значением единственного числа, вызывая его «оформление» нулевым показателем.

Следовательно, оппозиция здесь образуется маркированной в плане выражения формой множественного числа и формой единственного числа с «нулевым» формантом. Однако, поскольку становление этих форм в качестве составляющих (образующих) категорию морфологического числа (приобретения характера облигаторности оппозицией) всего лишь завершается, то в языке все еще сохраняется и старые, встречающиеся спорадически, нормы выражения соответствующих значений.

Эти старые формы, должно быть, до начала становления категории грамматического числа, а также зарождения формально (словообразовательными средствами) выраженных единичности / собирательности, служили единственными средствами (за исключением средств лексических) выражения значений единственного и множественного числа, причем значение множественного числа было «отягощено» семой «качественно характеризующего» плана – семой сплошного, неопределенного в количественном отношении числа, т.е. по сути дела, служило средством выражения собирательной (совокупной) множественности.

Таким образом, реальная единичность или неединичность предметов до становления категории грамматического числа, а также категории собирательности, в абхазском языке не выражалась в самой словоформе. Несмотря на отсутствие формальных показателей числа как номинативных элементов значения, имена существительные, однако, содержали в себе значение единичности / множест-

[1] Согласно этому утверждению интересующая нас форма, по существу выводится за пределы категории числа. (См.: Гузев, Носилов, 1975, 107).

венности, которое находило свое выражение на синтагматической оси, т.е. обладало числовой характеристикой как синтаксическим элементом значения.

Реальная потребность языка в выражении дискретной, расчлененной множественности до становления категории морфологического числа и собирательности удовлетворялась, по всей вероятности, при помощи специфичных образований, выражавших идею определенного (конкретизированного) числа, типа **хәцлак** «пять деревьев», **х-еык** «тройка лошадей» и т.д., т.е. присоединением (сочетанием) к количественному числительному (без классного показателя) имени существительного в неопределенной форме, к которому постпозитивно присоединялся элемент -к, которому П.К. Услар дал точную характеристику – «член единства». (Услар, 1887, 99).

Эти образования выражали то или иное выделенное, ограниченное и определенное количество, которое понималось как единое целое, как некая выделенная совокупность, т.е. по сути дела, и эти имена в своем совокупном значении содержали элемент (сему) собирательности.

Значение это четко охарактеризовано Усларом: «они (предметы – Б.В.) представляются в виде горсти, которой воображение придает характер единства» (Услар, 1887, 99).

Аналогичное значение выражается и при образованиях, включающих имена – названия класса человека: **х-ԥы-к** «трое (людей)»; **ԥшь-ԥы-к** «четверо (людей)»; **жәаха-ԥы-к** «тринадцать (человек)» и т.д.

В образованиях этого рода элемент **-к** не выражает идеи неопределенности, а во взаимодействии с препозитивным определительным членом (количественным числительным) оформляет идею определенного числа (конкретизированного числа).

Интересно, что тот же элемент **-к**, в сочетании с аффиксом дистрибутивной множественности **-қәа** выражает идею неопределенного, приблизительного числа: **цла-қәа-к** «несколько (каких-то) деревьев», **е-қәа-к** «несколько (каких-то) лошадей» и т.д.

Явление это, видимо, связано с тем, что значение элемента **-к**, вне связи с иными членами (уточнителями), было в отношении определенности / неопределенности нейтральным.

II. Формы множественного числа.

Как отмечается во многих исследованиях, множественное число имеет два основных значения: значение разделительного (дистрибутивного) множества и значение собирательного, совокупного (неразделительного) множества.

Наличие дистрибутивного множественного числа (Мартынов, 1982, 101) в языке предполагает, как правило, и наличие категории грамматического (морфологического) числа) (Гак, 1976, 103-104).

Абхазский язык обладает в именах существительных двумя аффиксами дистрибутивного множественного числа: 1) **қәа** – для класса неразумных (не человека) и 2) **цәа** – для класса имен разумных (человека). Первый из этих аффиксов (**қәа**), выходя за пределы сферы своего естественного распространения, начинает употребляться и с именами класса разумных, причем в тапантском диалекте он начинает занимать господствующее положение (Генко, Ломтатидзе), становясь образователем множественного числа почти во всех вновь возникающих словах, независимо от их значения. Эта тенденция наиболее четко прослеживается при образовании форм множественного числа от имен заимствованных, а также на-

звании народностей.[1] Процесс «универсализации» форманта -қәа, т.е. вступление его также в пределы сферы естественного распространения аффикса класса разумных – цәа, не имеет строгих ограничений (запретов) со стороны имен класса разумных (так, например, довольно часто встречается вариантность форм типа адуцәа // адуқәа, агырцәа // агырқәа и т.д.), за исключением форм имен отглагольных, относящихся к классу агентивных (названий лиц), в которых аффикс -цәа несет дополнительно функцию словообразования: аԥшоы : ашцәа «знахарь : знахари», аусуҩ : аусуцәа «рабочий (работник)», «рабочие (работники)» и т.д.

В отличие от аффикса -цәа, сфера распространения которого ограничена рамками класса имен существительных, аффикс – -қәа объемлет и ряд других частей речи абхазского языка, как от имен прилагательных, указательных местоимений, а также ряда глагольных форм: причастий, масдаров и т.д., являясь в них единственным выразителем значения множественности.

Выражение множественности аффиксом -цәа

Морфема -цәа выступает в абхазском языке с двойственной функцией выражения множественного числа (при сочетании с именами, относящимися к классу людей) – абдуцәа «дедушки», анацәа «матери», аишьцәа «братья» и т.д., и функцией словообразовательной (при сочетании с глаголами) – обозначая имена лица по окказиальному занятию, роду деятельности, профессии и т.д. аныҟәацәа «путешественники», «ходаки», аԥшцәа «знахари», аԥсшьацәа «отдыхающие», ахәмарцәа «игроки» и т.д. Причем при образовании имен отглагольных со значением агентивности (агента действия), значения агента действия (лица) и значение множественности сплавлены воедино, т.е. морфема – цәа в отглагольных именах является морфемой синкретичной, сочетающей в себя как значение агента действия, так и значение множественности.

Ряду имен с агентативно-множественным значением противопоставлен, как правило, ряд имен с агентивно-единичным значением, выраженным суффиксом -оы (ӧә): аныҟәаҩ «ходок», аныҟәацәа «ходики», аԥшоы «знахарь», аԥшцәа «знахари», ахәмароы «игрок», ахәмарцәа « игроки» и т.д.

В последнее время в абхазском языке (и в родственном абазинском) усилился процесс плеонастического употребления суффикса агентивно-множественного числа – цәа в сочетании с суффиксом – оы – суффиксом имен агентивных со значением единичности (плеоназм в плане агентивности): аиқәԥа-ҩ «борец», аиқәԥа-ҩ-цәа «борцы», азба-ҩ «судья», азба-ҩ-цәа «судьи» и т.д.

В специальной литературе (См. Генко, 1955, 115-117; Аристаа, 1982, 32) отмечали и факты плеонастического употребления аффикса -цәа в сочетании с аффиксом – -қәа – аффиксом дистрибутивной множественности имен, относящихся к классу вещей ахацәа-қәа «мужчины», азҕаб-цәа-қәа «девушки» и т.д., которая носит более системный характер для имен, стоящих в форме неопределенности (без аффикса определенности или обобщенной словарной формы а- и с постпозиционным аффиксом неопределенности -к): нхаҩ-цәа-қәа-к «какие-то крестьяне», пшцәа-қәак «знахари какие-то», ҽ-цәа-қәа-к «всадники какие-то» и т.д.

---

[1] Так, например, в «Русско-абазинском словаре общественно-политической терминологии», вышедшем в Черкесске в 1983 г, названия народностей, стоящих в форме множественного числа, представлены исключительно формантом -қәа.

Аналогичная ситуация прослеживается и в именах собирательных, оформленных аффиксом собирательности **–р(а): асар** «овцы» (собир): **аса-ра-қәа** «овцы» (дистр. множественность): **аҳәа-р(а)** «телята» (собир), **аҳәа-ра-қәа** «телята» (дистрибутивная множественность) и т.д.

Чем вызвано такое явление, при котором на уровне синхронии прослеживается один и тот же процесс – процесс плеоназма в плане выражения агентивности (**ҿ +цәа**), с одной стороны, и в плане выражения множественности (**цәа + қәа, ра + қәа**) – с другой.

Объясняется ли это лишь процессом универсализации форманта **-қәа**, на которое указывается в специальной литературе (Генко, Ломтатидзе), и в связи с чем обращается внимание на суффикс множественности – **хә** адыгских языков (См. Ломтатидзе, 1941, 115), являющийся, как известно, единственным выразителем множественности в пределах категории грамматического числа в этих языках (допущение возможности структурного влияния адыгских языков и на абхазский язык), с одной стороны, и, с другой стороны, оттенком постоянства, присущему форманту **-ҿы**, проявляющемуся в противопоставлении типа **аԥхьацәа(қәа) – аԥхьаҿцәа(қәа)** (Генко, 1955, 115), и, следовательно, которое отсутствует у аффикса множественности **-цәа?** Или это связано с «процессом утери семантики грамматических классов суффиксами множественного числа»? (Аристава, 1982).

Думается, что «оттенок постоянства» в выполнении действия в равной мере был присущ обоим **-ҿы, -цәа** – формантам, и что они различались лишь в плане выражения значений единичности / множественности. Полагаем, что аффикс множественного числа -цәа не был первоначально связан с функцией выражения дистрибутивной множественности в пределах категории грамматического числа, а являлся наряду с другими известными аффиксами собирательности **-аа (-гІа), -раа** выразителем значения собирательной (совокупной) множественности, причем собирательной множественности для имен агентивных. При этом, должно быть, именам с агентивно-собирательным значением коррелировал ряд имен с агентивно-единичным значением[1]. Должно быть именно значение совокупной множественности, которое было присуще форманту **-қәа** и обусловило возможность плеонастического сочетания **-цәа+-қәа** (по типу **-ра+-қәа**). Без различия в категориальных значениях, собирательной множественности[2], с одной стороны, и дистрибутивной, разделительной множественности – с другой, сочетание этих

---

[1] Характерно, что имена, образованные аффиксом **-ҿы**, кроме значения единичности могут иметь лишь значение обобщенного, генерализирующего числа, срв.: **аԥшҿы дуаҿуп** «знахарь-человек», но невозможность образования сочетаний типа **аԥшҿы дрылоуп, арцаҿы драцәажәоит** и т.д. в отличие от сочетании типа **абга дрылоуп** «он среди волков», **ацла рымцан** «под деревьями» и т.д.

[2] Как известно из обширной литературы по собирательности, категория эта сильно расшатана и во многих языках идет на убыль, уступая свои позиции категории грамматического числа. На пути исчезновения одной категории и становления на ее место другой протекают не во всех языках одинаково. В русском языке, например, формы грамматической категории числа сосуществуют с множеством форм категории собирательности. Некоторые форманты собирательности, теряя продуктивность каменеют, сходят на нет как в функциональном, так и в материальном плане. Некоторые, вопреки изначальному функциональному назначению, начинают выражать значение дистрибутивной множественности, как, например формы на **-ья**. (См. о них Азарх, 1984, 151, 152). Аналогичное явление отмечено Б.А.Серебрянниковым по отношению к уральским языкам (См. Серебрянников, 1970, 338-339).

двух формантов при «живых», наблюдаемых на уровне синхронии значениях, на наш взгляд, было бы невозможно.

С другой стороны, аффикс **-цәа** включился в общий процесс ослабления значения собирательности, тенденция, которой охвачена в абхазском языке категория собирательности в целом – тенденция, характерная для многих современных языков (русского, тюркских, немецкого и т.д.). Процесс этот естественно, повлек за собой и ослабление семы агентивности аффикса **-цәа**, поскольку значение его первичное было синкретичным – агентивно-собирательным. Начавшийся процесс ослабления семы агентивности аффикса -цәа вызвал, в свою очередь, необходимость в восполнении этого значения, что должно быть, и привело к необходимости (возможности) сочетаний типа **-ҿ + -цәа (аԥ-хьа-ҿ-цәа** «читатели», **аныҟәа-ҿ-цәа** «путешественники» и т.д.. Этим, видимо, и объясняется «оттенок постоянства в выполнении действия, присущий форманту» (форманту **ҿә** – Б.В.) (Генко, 1955,115), который уловил тонким языковым чутьем А.И. Генко в противопоставлении двух типов форм множественного числа: **аԥхьачва(ква)** «ученики» – **аԥхьаг/вчва(ква)** «постоянно учащиеся» и т.п

Таким образом, если сочетания типа **-цәа + -ҟәа** были обусловлены (стали возможны) первичным значением аффикса **-цәа** – значением собирательной множественности,[1] то сочетания типа **ҿ-цәа** были вызваны, наоборот, начавшимися процессом ослабления этого первичного значения. Некоторое излишество (семантический илеоказм), наблюдаемое при этих сочетаниях говорит о том, что процесс этот еще не завершился.

Таким образом, мы здесь имеем живой пример перехода аффикса собирательности в аффикс дистрибутивной множественности, находящий на стадии завершения. Наличие этого аффикса при именах нарицательных, обозначающих людей (**абдуцәа** «дедушки», **андуцәа** «бабушки» и т.д.), мы считаем явление сравнительно недавнего прошлого.

О былой несоотнесенности (чуждости) форм слов с морфемой **-цәа** к категории грамматического числа говорят, на наш взгляд, и некоторые факты взаимоотношения их (форм) с другими категориями имен существительных, в частности, определенности / неопределенности, по сравнению с формами слов, в которых категория грамматического числа выражена суффиксом **-ҟәа**.

Так, например, показатель неопределенности -к, восходящий, как известно, к числительному **акы** «один», и имеющий возможность выразить наряду со значением неопределенности – **ҵлак** «дерево какое-то» **цәак** «яблоня какая-то и т.д. – и значение единичности (в сочетании с именами, стоящими в неопределенной форме – без аффикса обобщенной, словарной формы -а: **ҵлак** «одно дерево», **цәак** «одна яблоня» и т.д.), может прибавляться и к формам имен, стоящих во множественном дистрибутивном числе, придавая им значение неопределенности, срв.: **абнаҽы цәаҟәак ирызҳауан** «в лесу росли какие-то яблоки»; **астол шьаҵаҟәак ыҟәылоуп** «на столе стоят какие-то туфли»; **лабаҟәак каԥсоуп адәны** «во дворе валяются какие-то палки» и т.д.

Для форм же имен с морфемой **-цәа** подробные сочетания не естественны (невозможны) так, нельзя сказать **рҵаҿцәак тәоуп** «учителя какие-то сидят»; **хантәаҿцәак ирызбеит** «председатели (какие-то) решили»; **цәаҕәаҿцәак еицәажәоит** «пахари какие-то беседуют» и т.д.

---

[1] Должно быть, именно этим объясняется и значение, подмеченное А.И. Генко в форме **аԥхьачва** «ученики» и охарактеризованное им как «неопределенный по количеству коллектив», в отличие от формы **аԥхьачваква**, значение которой он определил как «много учеников» (См. об этом Генко, 1955,117).

Запрет (не естественность) на сочетаемость этих форм слов с морфемой неопределенности **-к** роднит аффикс **-цәа** с другими аффиксами собирательности, которые также не допускают сочетаний образованных с их помощью форм слов с аффиксом неопределенности **-к**, срв. невозможность образований типа **шьарык збеит** «поросят (каких-то) я увидел» **ҽцарак аасхәеит** «я купил (каких-то) жеребят»; **Баҕзаак срыҟәшәеит** «я встретил (каких-то) Боговых» и т.д. Необходимым условием для придачи этим формам значения неопределенности является прибавление к ним аффикса дистрибутивной (абстрактной) множественности **-ҟәа**, после чего снимается запрет на сочетаемость с морфемой неопределенности **-к**: **шьарақәак збеит** «я увидел каких-то поросят» и т.д. срв. с формами **нхаоцәа-ҟәак** «крестьяне какие-то»; **ҕьыч-цәаҟәак** «воры какие-то» и т.д.

Формант **-цәа** связывают по происхождению со словом **арацәа** «много», «множества», вернее с элементом **-цәа** в слове **арацәа** (Марр, 1938, 396; Генко, 1955, 116; Шакрыл, 1961, 100), что не лишено логики убедительной, особенно если учесть ряд форм имен, позволяющих говорить о возможном наличии в прошлом оппозиции по линии единичности / собирательности, срв.: **арыц, арацәа** «штука» (обычно о мелких предметах, зернышках, например): много, множество; **ахахәыц** «волос», «волосинка»: **ахцәы** «волосы» и т.д.

Однако, представляется возможным высказать иную точку зрения, опираясь на вырисовывающуюся закономерность становления категорий собирательности и числа в ряде других языков.

Так, в специальной литературе по тюркским языкам отмечается, что «… первоначальное значение формы на **-лар** – неопределенное (совокупное) число – совпадает с первоначальным значением неоформленных имен. Это значение явилось исходным для развития всех других значений множественности, интенсивности, приблизительности. (См. Щербак, 1977, 94).

Известно также, что в готском языке высокочастотный преверб **ga-** имеет значение завершенности, интенсивности, собирательности и взаимностью аналогично во многом и значение немецкого префикса **–ge** (срв. **Gebirge** «горы», **Gewälde** «леса» – в значении собирательном).

С аффиксами интенсивности, чрезмерности связывают суффиксы собирательной множественности и в уральских языках (см. Серебрянников, 1970, 338-339).

Как известно, абхазский глагол богат глагольными аффиксами, выражающими интенсивность, дюративность, чрезмерность и т.д. (Ломтатидзе, Чкадуа, Авидзба). Характерно, что основная часть этих показателей представлена (материально, по крайней мере) в образованиях различных рядов имен собирательных. Интересно, что наряду с аффиксом интенсивности, чрезмерности **-цәа** (срв. **иҟаиҵацәеит** «он сделал слишком, чересчур много», «переборщил», **даҧхьацәеит** «он зачитался, прочел слишком много») в системе абхазского глагола представлена и морфема **-ҟәа**, которая выражает в ней значение «недостаточности», приблизительности (срв. **ирҳәаҟәеит** «(они) сказали» с оттенком, «так вроде бы сказали», **иҟаиҵаҟәеит** «сделал(то)» с оттенком «так, сделал вроде бы», «сделал кое-что, кое-как» и т.д., и что эти аффиксы и в системе глагола образуют своеобразную оппозицию по линии чрезмерности (интенсивности) / приблизительности (недостаточности): **иҟаиҵацәеит, иҟаиҵаҟәеит; иршәшәацәеит, иршәшәаҟәеит** и т.д.

Думается, что это противопоставление находит своеобразное отражение и в противопоставлении числовом в именах: собирательная множественность класса

разумных (деятелей, лиц): дистрибутивная множественность класса вещей (класса пассивных).

Показательно при этом и то, что при образовании имен отглагольных (причастий), к одной и той же глагольной основе может присоединяться каждый из этих аффиксов (-**қәа**, правда, в основном потенциально) по отдельности, в результате чего опять-таки образуется оппозиция, но теперь со значением деятель, лицо (субъект действия): объект (результат) действия, срв.: **ашь-цәа** «убийцы» **ашь-қәа** «убитые, убиенные»; **ашәцәа** «красильщики», «маляры»: **ашәқәа** «покрашенные», «окрашенные»; **аеҕьычцәа** «конокрады»: **аеҕьычқәа** «краденные кони»и т.д.

С учетом вышеизложенного, думается возможным увязать суффикс множественного числа имен класса разумных (человека) -**цәа** (бывший аффиксом имен собирательных) с глагольным аффиксом интенсивности, чрезмерности -**цәа**, а суффикс множественного числа имен вещественных -**қәа**, соответственно, с аффиксом «недостаточности», приблизительности -**қәа**.[1]

В цитированной выше литературе (Серебренников, Щербак, Ревзин) вопрос происхождения аффиксов собирательной множественности не освещается: указывается лишь на взаимосвязь аффиксов собирательности с глагольными аффиксами интенсивности, чрезмерности, причем генезис вторых выводится из первых, т.е. исходными считаются аффиксы собирательной множественности. Материал абхазского языка, на наш взгляд, говорит об обратной связи. По крайне мере, это утверждение укладывается в схему известной тенденции, согласно которой глагол абхазского языка, который, как известно, в отличие от имени существительного характеризуется обилием форм, охвачен процессом «разгрузки», за счет, естественно, соответственной «нагрузки» имени существительного.

Выражение множественного числа аффиксом дистрибутивной множественности -қәа.

Сфера функционирования морфемы дистрибутивной (расчлененной) множественности -**қәа** – имена существительные,[2] указательные местоимения,[3] а также субстантивированные имена прилагательные и причастия.[4] Присоединяют формант –**қәа** системно имена прилагательные; выступающие в роли определений (в атрибутивных комплексах, сочетаниях).

Естественно сфера распространения форманта –**қәа** в области имен существительных – имена класса вещей, однако, как отмечается в ряде исследований

---

[1] Думается это соответствует и изначальному принципу деления имен на класс активных (человека) и пассивных (вещей), логика которой основывается на том, что только человек рассматривался в качестве деятеля, а все остальные, в том числе и животные, рассматривались как относящиеся к классу пассивных (вещей).

[2] За исключением ряда имен, относящихся к разрядам имен абстрактных (отвлеченных) и вещественных, а также ряда (некоторых) имен класса человека.

[3] Поскольку указательные местоимения во множественном числе бывают снабжены, как правило, другим аффиксом множественности -**ҕ**, о функциональной полноте выражаемого аффиксом -**қәа** значения, естественно, не может быть и речи (об этом см. в соответствующем разделе).

[4] Факт принятия причастиями аффикса –**қәа** послужил, видимо, основной причиной для утвердившегося в специальной литературе, ошибочного на наш взгляд мнения о том, что в абхазском языке встречаются случаи обозначения множественного числа субъективного глагола и объекта агентивного глагольным аффиксом –**қәа**.

(Генко, Ломтатидзе, Аристава), суффикс этот выходя за сферы своего естественного распространения, начинает присоединяться и к именам, относящихся к классу человека, причем в абазинском языке он имеет более широкое распространение, нежели в абхазском (Генко, Ломтатидзе).

Форма единственного числа. Значение формы единственного числа

Форма единственного числа имени существительного в абхазском языке, в отличие от форм множественного числа, не имеет специального морфологического показателя, формально совпадая с основой слова.

Значение этой формы[1] неоднозначно: в зависимости от того, как она употреблена в речи (в какой синтаксической конструкции, с какими уточнителями и т.д.), ею может быть выражено: 1) значение единственного числа, оппозиционного формально выраженному множественному числу – **абга (и)бналеит** «волк (он) удрал»; 2) значение обобщенного (генерализирующего) числа – **абга (и)ԥстәуп** волк – (он) животное»; 3) значение единичности с уточнителем **–к**,[2] восходящем к числительному **акы** «один» и без префикса определенной или обобщенной словарной формы **–а, бгак**[3] «волк (один – определенный», **лак** «собака (одна – определенная)»; 4) значение множественности (нерасчлененной, совокупной) – **абга дрылашәеит** «(он) попал к волкам»; **ала дырфеит** «собаки его съели» и т.д.

Таким образом, имена, имеющие форму единственного числа (немаркированные), в соответствии с выражаемым им числовым значением – единичности / множественности – обладают сочетаемостью как Singularia tantum, так и Pluralia tantum.

Однако, не все классы (разряды) имен абхазского языка обладают подобной сочетаемостью. Так, имена класса человека абхазского языка, в отличие, скажем от соответствующих имен адыгских языков, будучи в форме единственного числа могут выразить лишь значение единичности и (или) значение обобщенного (генерализирующего) числа, соответственно, образуя сочетания лишь по линии единичности, срв. **ахаҵа дибеит** «мужчину (он) увидел» но невозможно **ахаҵа дрылашәеит** «к мужчинам (он) попал».

Не характеризуются сочетаемостью Singularia и Pluralia tantum и имена коллективные, имеющие форму единственного числа, т.е. не маркированные аффиксами собирательности, как то: **аԛыҵа** «деревня» (в смысле «жители деревни»,

---

[1] Основным поводом для отказа от традиционного определения категории числа, как выражающей противопоставления по линии единичности / множественности и послужила неоднозначность (широкозначность) формы единственного числа, которая стала рассматриваться рядом лингвистов как форма «общего числа» или вообще как форма безотносительная к идее числа, как «нейтральная» в отношении грамматического числа форма.

[2] Расчлененность, как противопоставление нерасчлененности, в абхазском языке находит свое эксплицитное выражение и в единственном числе посредством показателя (уточнителя) **-к**, обладающего осознаваемой носителями языка связью с числительным акы «один» (срв. ашх.: **з**).

[3] Есть основания полагать, что форма эта до становления категории числа как категории морфологической, могла выступать в качестве оппозиционной неоформленному имени со значением собирательности по линии единичности / собирательности.

ажәла «род» (в смысле «составляющие рода, члены рода»); **ацуҭа** «поселок» (в смысле «жители поселка») и т.д.

Правда, на первый взгляд может показаться, что и эти имена обладают сочетаемостью Singularia и Pluralia tantum в формах (конструкциях) типа: **ақыҭа иаҭахуп** «деревня (его она) хочет»; **ақыҭа и-р-ҭахуп** «деревня (его они) хотят».

Однако следует учесть, что слова типа **агәыԥ, ақыҭа, ацуҭа**, могущие сочетаться как с глаголами, стоящими в форме единственного числа, так и с глаголами, стоящими в форме множественности, по существу, представляют собой два омонимичных слова: слова со значением «деревня», «группа», «поселок» (в прямом значении), с одной стороны, и слово производное – образованное лексико-семантическим путем – со значением «жители деревни», «лица, входящие в группу», «жители поселка» и т.д. Поэтому возможность сочетания слов **ақыҭа, агәыԥ, ацуҭа** по линии и Singularia tantum и Pluralia tantum – срв.: **ақыҭа иаҭахуп: ақыҭа ирҭахуп** – мнимая.

На самом же деле мы здесь имеем два разных слова (два разных ряда слов). Первый из этих рядов имен представляет собой разряд имен класса вещей **ақыҭа** «деревня», **агәыԥ** «группа» и т.д., и они (имена) образуют по линии единичности / множественности нормальную числовую оппозицию – **ақыҭа : ақыҭақәа** «деревня», «деревни» и т.д. Что же касается второго ряда слов (производных), то они, как это и свойственно именам собирательным (в том числе и с формально выраженным значением собственности) сочетаются с глаголами (и иными словами) лишь в форме множественности.

Поэтому, представляется не совсем верным утверждение Кумахова М.А. о том, что «в дистрибутивном плане члены грамматической оппозиции **гәыԥ – гуыпхэр** взаимозаменяемы» (Кумахов, 1971, 19).

Приведенные дополнительно в подтверждение этому абхазские примеры – **агәыԥ иԥарҵоит** «группа делает», **агәыԥқәа иԥарҵоит** «группы делают» (Кумахов, 1971, 19), также не подтверждают этого положения, поскольку наличный в первом примере префикс субъекта **-р** репрезентирует сообщество, объединенное понятие **агәыԥ** «группа», т.е. является показателем класса людей, в то время как наличный во втором сочетании **-р** (**агәыԥқәа иԥарҵоит**), репрезентирует множественность субстанций, объединенных словом **агәыԥқәа** «группы», т.е. является показателем субъектов, относящихся уже к классу вещей.

Таким образом, имена собирательные, стоящие в форме единственного числа типа **ақыҭа, ажәла, агәыԥ** обладают сочетаемостью лишь по линии Pluralia tantum, как это и характерно для имен собирательных абхазо-адыгских языков. Имена же, относящиеся к классу вещей типа **ақыҭа** «деревня», **агәыԥ** «группа», **ажәла** «род» и т.д. проявляют те же возможности, что и другие разряды имен класса вещей.

Выражение значения «единственного числа» формой единственного числа.

Основное назначение формы единственного числа в абхазском языке – выражение значения актуализованного единственного числа: **ардәына (и)шәаҳәоит** «дрозд (он) поет»; **абга ыԥны ицеит** «волк (он) убежал» и т.д.

Форма единственного числа маркирована формантом,[1] т.е. не имеет положительного оформления. Значение его проявляется (выявляется) в бинарной привативной оппозиции: **асас : асасцәа** «гость», «гости»; **аҵла : аҵлақәа́** «дерево», «деревья» и т.д.

Значение единственного числа, выражаемое этой формой, как правило, находит морфологическое выражение (обозначение) в связанном с именем существительным предикате (при помощи местоименно-личных аффиксов) или ином члене синтагмы (при помощи местоименно-личных притяжательных аффиксов), т.е. значение «единственности» актуализируется в абхазском языке лишь на синтагматической оси: **абырг дцәажәоит** «старец (он) говорит», **астол ашьапы** «стол (его) ножка»; **аҵла амҵан** «под деревом» (букв. «дерево под (его) низом» и т.д.

Выражение формой единственного числа обобщенного (генерализирующего) числа.

Форма единственного числа в абхазском языке, как и в ряде других языков, например, родственного адыгских или неродственных тюркских, может выражать значение обобщенного, генерализирующего числа, т.е. может быть употреблено в родовом значении, обозначая «весь класс предметов как таковой без какого-либо указания на объем этого класса предметов» (Панфилов, 1977, 238), **ажә ԥнытә ԥстәуп** «корова – домашнее животное»; **ауаԥытәыԥса иԥсы ҵааӡуп** «человеку свойственно иметь чувство самосохранения»; **ацгәы апа аҳәынаԥ акуеит** «потомок кота ловит мышей» и т.д. Значение это можно было бы охарактеризовать и как значение неопределенной множественности, как-то делается в ряде исследований. Однако, надо заметить, что множественность, равно как и единичность, здесь не подчеркивается, она не актуальна ни для говорящего, ни для слушающего. Для информатора важно здесь указать на класс (род) предмета (функция номинации), но не на его число. О неактуальности выражения числового значения говорят факты употребления тех же имен в форме множественного числа, срв. **ажәқәа ԥнытә ԥстәқуоуп** «коровы – домашние животные»; **ауаатәыԥса рыԥсы ҵааӡуп** «людям свойственно иметь чувство самосохранения»; **амаҵқәа ҵхәуеит** «змеи кусаются» и т.д., которые, однако не меняют от этого сути выражаемого ими значения, т.е. по сути дела, в зависимости от формы числа имени существительного (единственного или множественного) не меняется количественная характеристика соответствующих предметных денотатов. (Аналогичной неактуальностью количественной характеристики предметных денотатов характеризуются неоформленные аффиксом определенностью или обобщенной, словарной формы **-а** имена существительные, срв.: **ҳәа збаз ҳәа иҳәҳәеит** (посл.) «увидевший сено – сено собрал»; **иашьа дызмамыз амбашьаҟа гәыдикылон** (посл.) «не имевший брата обнимал березку» и т.д.

Выражение формой единственного числа значения множественности

Формой единственного числа в абхазском языке может выражаться и значение множественности.

[1] Поскольку в абхазо-адыгских языках форма единственного числа представлена нулевым аффиксом (ø), этой же формой может называться как один предмет, так и не сосчитанная их совокупность.

Возможность эта обуславливается тем, что в форме единственного числа (в самой словоформе) отсутствует указания на количество предметов, т.е. нет специального маркера числа. Вследствие этого при выражении идеи множественности форма единственного числа использует различные синтаксические и лексические средства.

К синтаксическим средствам выражения идеи множественности относятся глагольные словоформы, в которых в форме 3 лица число (числовое значение) имен существительных передается синкретично с лицом и классом посредством классно-личных показателей (личные субъектно-объектные аффиксы). Причем, как отмечает Кумахов М.А. (Кумахов, 1971, 12), появление формы числа глагола предсказано не формой числа, а числовым значением имени существительного: **абга ҳажәлан ҳаимырҵәеит** «волк (букв. волк) напав разорили (они) нас)»; **аҵьма рынҵәара анааи тәыҿала иҟәибахуан** «когда наступил срок гибели, козы начали друг-друга уничтожать» (букв. «коза когда (их) смерть пришла, рогами друг-друга уничтожали»).

К лексическим средствам выражения множественности относятся количественные числительные и ряд количественных слов (квантров числа) типа **шьарда** «много», «множество», **рацәа** «много», **ҧытк** «несколько» и т.д.

Выражение формой единственного числа значения «единичности».

В абхазском языке форма единственного числа имени имеет возможность выразить значение «единичности».[1] Достигается это при помощи уточнителя **-к**, восходящего к числительному **акы** «один», который присоединяется к имени существительному, стоящему в форме неопределенности (без префикса обобщенной, словарной формы **-а**) постпозитивно: **лабак** «палка (одна определенная), **лак** «собака (одна)» и т.д.

Числительное **акы** «один» подверглось сильной грамматизации в абхазском языке, и оно близко во многом функционально к артиклям неопределенности индоевропейских языков, в частности, немецкого. По существу, в формах вышеозначенного характера линии контекст определяет значение, передаваемое аффиксом **-к** – единичности или неопределенности, срв.: **лак ауп исымоу** «у меня (всего лишь) одна собака» и **и лак аасхәар сҭахуп (ҧьара лак)** «(я) хочу купить какую-либо собаку».

Таким образом, форма единственного числа с уточнителем «один», по существу, служит выразителем двух категорий: категории числа (единичности), с одной стороны, и, с другой – категории определенности / неопределенности (формы неопределенности). При выражении значения единичности форма с этим уточнителем нейтральна в отношении определенности / неопределенности.

Наиболее четко нейтральность уточнителя -к в отношении определенности / неопределенности прослеживается в формах типа **хә-лабак** «пять палок», **ҧшьҧьмак** «четыре козы», **ҩ-еык** «две лошади» и т.д., значение которых можно определить как совокупность определенных (сосчитанных) единиц.[2]

---

[1] Имена существительные с уточнителем (числительным) «один» могут выражать в абх. языке не только считаемую (штучную) единичность, но и то или иное выделенное, ограниченное количество, понимаемое как единое целое. См. об этом количество, понимаемое как единое целое. (См. об этом Халбад, 1977).

[2] Значение единичности, выражаемое уточнителем **-к**, не охватывает все разряды (классы) имен существительных одинаково. Так, в частности, имена класса человека, вследст-

Выражения числа в других частях речи

Категория числа, в отличие от ряда других морфологических категорий, например, определенности / неопределенности, может быть присущей ряду частей речи: именам существительным, местоимениям, прилагательным, глаголам. Так, например, если в английском языке категория эта представлена лишь в системе существительного, а в армянском и тюркских языках в системах существительного и глагола, то в системах русского, белорусского и украинского языков, можно сказать, она объемлет системы почти всех основных частей речи: существительного, прилагательного, местоимения, порядковых числительных, глаголов (личные формы, причастия) (Аракин, 1989, 61-66). Однако как категория, выражающая числовое значение предметных имен, она по сути своей онтологической связана именно с именами существительными. В силу этого и по существу своему категория числа имен существительных отлична от категории числа других частей речи. В существительных «она имеет автосемантичный, абсолютный характер, в то время как глагольная и объективная категории числа относительны и зависимы, синсемантичны по своему содержанию и синтаксичны по своей функции. (Jarnatovskaja, 69).

Так, например, в немецком языке «Формальные показатели числа у зависимых от существительного слов и глагола… не имеют логической функции, а соответствуют лишь принципу структурной организации (entsprechen einem Strukturprinzip) при помощи которого достигается внешнее выражение взаимозависимости (zusammen gehorigkeit) слов. Таким образом, они (показатели – Б.В.) являются всего лишь элементами формальной организации» (Schmidt, 1977, 110-111).

Роль категории числа не ограничивается и в абхазском языке функцией, проявляющейся в парадигматике имени существительного. Категория числа присуща абхазским глаголам, прилагательным и местоимениям. Категория числа присуща этим частям речи, обнаруживая ряд общих черт с аналогичными категориями языков индоевропейской структуры, проявляет и значительные особенности (на уровне синхронии, по крайней мере) как в плане дистрибутивном, так и функциональном.

Выражение числа в глаголе.

Роль категории числа не ограничивается, однако, функцией, проявляющейся в парадигматике имени существительного, т.е. характеристике предметных денотатов по количественному признаку, или, говоря словами С.Д. Кацнельсона, функцией «квантитативной» актуализации.

В абхазском языке, как известно, категория числа присуща не только существительному, но и глаголу, и прилагательному, и указательным местоимениям.

вие того, что будучи в форме единственного числа они сами по себе выражают актуализованную единичность, не принимают уточнителя **-к,** т.е. не нуждаются в формальном выражении значения единичности. Вследствие этого, главным назначением аффикса **-к** в именах этого класса является функция выражения значения неопределенности. При крайней необходимости выразить подчеркнутую единичность, к именам этого класса могут добавляться уточняющие слова типа **ихала** «(он) сам по себе», **имацара** (он) один, в одном лице» и т.д. Интересно, что в ашх. з – определенность!)

В глаголе (предикате) она находит свое выражение синкретично вместе с лицом и классом посредством субъектно-объектных личных префиксов, одновременно устанавливая связь между субъектом, объектом и предметом, между которыми (компонентами структурной основы предложения – субъектом / объектом, с одной стороны, и предикатом – с другой) в абхазском языке устанавливается двусторонняя соподчинительная связь (Аристава, 1982, 42).

Отражением взаимосвязи подлежащего и сказуемого является наличествующая между ними взаимодетерминация: в глаголе сказуемом, как правило, находит свое формальное выражение числовое значение, содержащееся в подлежащем.

Вместе с тем, указывая на количество лиц субъекта, число в глаголе[1] (числовым значением) в существительном указывает на существующую взаимозависимость между равноправными субъектом и предикатом. В этом проявляется одна из основных функций категории числа – функция синтаксическая – служить опорой предикативных отношений. Таким образом, число имени существительного, оказывая определенное влияние на глагол-сказуемое, помимо своей основной функции – функции «квантитативной актуализации» (служит символом экстралингвистических различий) – несет большую синтаксическую нагрузку, определяя во многом роль имени существительного (или подготовляя его к определенной роли) в предложении и отражая отношения между членами предложения.

Вместе с тем надо отметить, что число в глаголе не обладает самостоятельной сигнификативной функцией. Будучи лишенным собственной сигнификативной функции, число глагола-сказуемого целиком и полностью детерминируется (обуславливается) числовым значением имени существительного.[2]

В любом предикативном сочетании формальные показатели числа глагола – сказуемого предсказуемы: при существительном (подлежащем), стоящем в ед. числе и имеющем значение единичности, глагол-сказуемое облекается в форму ед. числа, т.е. принимает соответствующие классно-личные аффиксы; при существительном же во мн. числе, в том числе и имеющем форму ед. числа, а также существительных собирательных, глагол, сказуемое, как правило, воспроизводит значение мн. числа.

---

[1] В отличие от адыгских языков, в которых в глагольной структуре 3 лица категория числа представлена специальными морфемами **-х, -а,** в абхазском языке число выражается обозначается лишь личными (классно-личными) показателями. Поэтому представляется не совсем верным утверждение о том, что «В абхазском языке встречаются случаи обозначения множественного числа субъекта фактитивного глагола и объекта агентивного глагольным суффиксом **-қәа**» (См. об этом: Климов, 1981, 43). Это ошибочное на наш взгляд, положение встречается и в книге «Структурные общности кавказских языков» (1978), в главе написанной Т.Н. Дешериевой (с. 71). Положение это, видимо, основывается на работе Р.С. Джанашиа, которая, исследуя функции именного суффикса **-қәа** в абхазском глаголе обозначает: 1) множественность прямого объекта – **илбақәаз** – «те, которые она увидела»; 2) множественность субъекта непереходного глагола – **изҳәаақәаз** – «те, которые сказали и т.д. Работу Джанашиа см. в ИКЯ. Т. XIV, 1964, с. 247-251. Не вдаваясь в анализ этого ошибочного, на наш взгляд, положения, отметим, что даже в адыгских языках, в которых аффикс **-х** выполняет функции вышеперечисленного характера, это явление характеризуют как «нововведение, носящее зачастую искусственный характер» (См. об этом Кумахов, 1971, 29).

[2] В связи с этим представляется не совсем верным утверждение о том, что «связь имени с глаголом в числе может предопределяться **морфологической формой** (подчеркнуто мною – Б.В.) числа именного компонента» См. об этом: Аристава, 1982, 34.

В этом проявляется еще одна специфическая черта категории числа абхазского языка, в отличие от соответствующих категорий как многих не родственных языков, например, русского и немецкого, в которых предикат не может иметь форму мн. числа, будучи связанным с именем (подлежащим) в форме категории собирательности, так и родственных языков, например, адыгских, в которых в отличие от абхазского языка, скажем, нейтрализация числового значения в глаголе (предикате) не является чем-то необычным.[1]

Выражение числа в именах прилагательных.

Категория числа свойственна и именам прилагательным абхазского языка. Однако, как и в ряде других языков, число имен прилагательных не обладает самостоятельной семантической значимостью: имя прилагательное, входя в состав именного словосочетания (атрибутивной группы, атрибутивного комплекса), воспроизводит число главного члена именной группы – существительного, с которым он находится в самой тесной связи[2] и подчиненном положении, являясь выразителем (обозначением) свойств, качеств соответствующих предметных денотатов, выраженных именем существительным.

Таким образом, при помощи числового выражения у зависимого от имени существительного признака, свойства подчеркивается множественность / немножественность субстанцией, с которыми связан признак:[3] **аҵла дуқәа** «большие деревья» (букв. деревья большие); **аҳны хәыцқәа** «маленькие дома» (букв. дома маленькие) и т.д. Имя существительное, как видно из приведенных примеров, остается немаркированным числовым показателем.

Показатель множественного числа существительного, как бы переходя с определенного на определяемое (прилагательное), замыкает атрибутивную конструкцию, придавая ей характер завершенности (оформленности)[4]. Этому способствует и облигаторная постановка препозитивного определительного члена у определяемого – имени существительного (префикса обобщенной, словарной формы -а). Получается рамочная конструкция именной группы, границы которой отмечены, с одной стороны, аффиксом множественности –**қәа** (правый крайний член), и с другой стороны, аффиксом обобщенной формы (левый крайний член).[5]

---

[1] О нейтрализации числа в глаголе адыгских языков (см.: Кумахов, 1971, 29-30).

[2] Имя прилагательное, являясь основным средством выражения качества, свойства предмета, естественным образом тяготеет к имени существительному, занимая зависимое (подчиненное) от него положение. Однако, в абхазском языке оно проявляет зависимость особого характера, такого, что можно оспаривать его статус как самостоятельной части речи.

[3] Аффикс числа (-**қәа**) имени прилагательного призван служить средством выражения значения множественности как правило, в рамках именного словосочетания (атрибутивного комплекса).

[4] По онтологической сути своей, имя прилагательное само по себе и не должно обладать количественной характеристикой.

[5] Тот, факт, что имя прилагательное принимает форму множественного числа, притом форму, характерную для имен существительных (срв. с разнородностью морфем числа имен прилагательных и существительных в русском и ряде других индоевропейских языков), демонстрирует и его (прилагательного) особо подчиненное положение в абхазском языке. Не случайно, видимо, что имя прилагательное в абхазском языке при морфологическом разборе предложения не может быть выделено по методу, характерному для ряда языков, например, русского, немецкого и т.д., т.е. методом постановления вопросов какой? какая? Was für ein? и т.д.

Характерно, что показатель числа имени прилагательного, в отличие от глагола, в котором числовое значение выражается префиксально при помощи личных (классно-личных) местоименных аффиксов, полностью совпадает с числовым показателем имени существительного, и что в отличие от русского и ряда других индоевропейских языков, прилагательное в абхазском языке формально не согласуется с именем существительным.

Таким образом, оформление показателем числа крайнего члена атрибутивного комплекса способствует одновременно выделению его (атрибутивного комплекса) из общего потока речи.

Вместе с тем, как нам представляется, этим не ограничивается роль категории числа имен прилагательных.

Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что первый член именной группы – определяемое существительное – выступает в форме т.н. «единственного» числа (в форме неактуализованного числа). Следовательно, имя прилагательные, которому онтологически не присуща категория числа (не может являться объектом количественной характеристики), но обладает числовой характеристикой в плане указания на единичность / множественность связанных с ним имен существительных, т.е. по сути дела имеет чисто реляционное числовое значение, не механически воспроизводит числовое значение соответствующих имен существительных,[1] которое, как мы убеждены, в сочетаниях этого рода обладают собирательным (совокупным) числовым значением.

В связи с этим представляется возможным говорить, и в первую очередь, о выделительной функции категории числа имени прилагательного, наряду с другими, побочными на наш взгляд функциями (скажем, функции связи, функции оформления атрибутивного комплекса и следовательно, выделение его как такового из общего потока речи и т.д.),[2] поскольку показатель дистрибутивной множественности имени прилагательного, воспроизводя числовое значение множественности определяемого имени, одновременно сужает его собирательное (родовое) числовое значение, выделяя из его неограниченного (несосчитаемого, могущего быть лишь измеряемым, срв. **уардынк аҵла, кьылак ахьа** и т.д., но невозможность (неестественность) **уардынк аҵлаҟәа, алҟәа, амҟәа, кьылак ахьаҟәа, аҵәаҟәа** и т.д.) числового значения значение более суженое, считаемое, т.е. в конечном счете представляя (характеризуя) ограниченное количество соответствующих предметных денотатов (дистрибутивная множественность): **аҵла хәыҵҟәа** «деревья маленькие» **ашьха дуҟәа** «высокие горы» и т.д.

Представляется, что нечто аналогичное имело место и в тех языках, например, русском, где в настоящее время наблюдается согласование в числе как на уровне семантическом, так и на уровне формальном.

Выражение числа в указательных местоимениях.

В абхазском языке категория числа объемлет полностью систему указательных местоименный. Здесь по всей системе проявляется четкая корреляция

---

[1] Поскольку характеристикой имен с морфемой **–ҟәа** является дистрибутивная множественность, в отличие от имен собирательных, в том числе и с формально не выраженным значением собирательности, множественное значение которых «отягощено» семой качественно характеризующего плана.

[2] А о согласовательной функции или функции чисто структурной организации, о которых говорят иногда в специальной литературе по отношении к аналогичным случаям, здесь, видимо говорить не приходится, но, по крайней мере, говорить можно не только о них.

форм единственного числа и множественного числа: **ари : арҵ** – «этот» : «эти»; **уи : урҵ** «то» : «те»; **абни : абанҵ** «то» : «те» и т.д.

Подлинное согласование (как на содержательном, так и на формальном уровне) прослеживается в атрибутивных словосочетаниях абхазского языка лишь на уровне сочетаний, образуемых указательными местоимениями и соответствующими существительными: **ари аҵла** «это дерево» : **арҵ аҵлаԛәа** «эти деревья», **ани аԩны** «тот дом» : **анҵ аԩнԛәа** «те дома».

Как явствуют приведенные примеры, множественного число указательных местоимений выражается формантом **-ҵ**, к которому может присоединиться (при самостоятельном употреблении) аффикс дистрибутивной множественности **-ԛәа**: **арҵԛәа** «эти» (**арҵ** – «эти» и без форманта **-ԛәа**); **урҵԛәа** «те» (**урҵ** означает «те» и без форманта **-ԛәа**) и т.д.

Формы, осложненные формантом **–ԛәа**, теряют возможность вступать в атрибутивное словосочетание. Факт приятия аффикса дистрибутивной множественности **–ԛәа** этими формами свидетельствует, на наш взгляд, о том, что выражаемое формантом **-ҵ** значение некогда не совпадало со значением дистрибутивной множественности. Значение его,[1] видимо, было скорее собирательного (коллективного, совокупного) характера.[2] Вместе с тем, следуют отметить, что полнокровной функциональной нагрузки в осложненных формах (**арҵԛәа, урҵԛәа** и т.д.) у аффикса дистрибутивной множественности **–ԛәа** нет. Значение его для нас несколько трудноуловимо), скорее всего, носит характер стилистической «нагрузки».

Заключение

В абхазском языке парадигму грамматического числа конституируют формы единственного и множественного числа.

Из этих двух противопоставленных форм формы единственного числа является немаркированной.

Немаркированность формы единственного числа, т.е. отсутствие специального показательного показателя единичности, характеризует ее как слабый член оппозиции. Сама по себе (в пределах словоформы) форма эта нейтральна по отношению к числу: значение ее выявляется при оппозиции маркированной форме множественного числа: **абга : абгаԛәа** «волк : волки»

Оппозитивная форма множественного числа выражена двумя основными аффиксами: аффиксом **-ԛәа**, служащим для выражения идеи дистрибутивной

---

[1] Характерно, что имя прилагательное, по существу своему, наделяя существительное определенным свойством, качеством, уже способствует выделению определенного (их) предметного денотата из среды ему подобных. В принципе, то же самое наблюдается и при препозитивных определениях типа **ахьы мацәаз** «золотое кольцо», **амҭы ԩны** «деревянный дом» и т.д. В ряде исследований (Генко, Климов) формы с формантом **-ҵ** толкуются в качестве выражающих эксклюзивность (см. например: Климов 1981, 29-30). Мы придерживаемся как бесспорной точки зрения о том, что «противопоставление местоименных форм 1 л. мн. ч.: hara / hart по принципу включения второго лица (т.е. категории инклюзива – эксклюзива) является необоснованным». (См. об этом: Ломтатидзе, 1987, 113), вместе с тем, на наш взгляд вряд ли стоит сводить значения аналогичных форм лишь к «значению указательности», тем более, что они в системе самих указательных местоимений выступают в качестве одного из составляющих оппозиции по линии единичности / множественности.

[2] Не этот ли аффикс наличен в родовом (фамильном) имени **Нарҵ**?

(разделительной) множественности, в основном для имен, относящихся не к классу человека, и аффиксом –**цәа**, служащим для выражения идеи множественности для имен класса человека.[1]

Однако, следует отметить, что в строго лингвистическом смысле симметрии – т.е. наличия строгого коррелятивного соответствия в парадигме – здесь нет. Некоторая условность корреляции форм единственного и множественного числа заключается в том, что, то что признано формой единственного числа само по себе количества (единичности) не выражает, в отличие от специализированных форм множественного числа, выражающих реальное количество (множество) предметных денотатов. Аргумент для констатации наличия оппозиции (противопоставления) покоится на том основании (на той логике), что формы множественного числа исключают значение единичности, а, следовательно, значение еожественного числа.

Таким образом, категория грамматического числа в абхазском языке имеет вид бинарных оппозиций, в которых лишь один член пары маркирован, а другой не имеет положительного оформления, т.е. категория эта конституируется здесь на основе привативной оппозиции,[2] в отличие от категории собирательности, которая строится (формируется) на основе эквивалентной оппозиции по линии единичности / собирательности.

Как видно из изложенного, категория грамматического числа в абхазском языке имеет весьма сложные и далеко не однозначные параметры. Значения конституюрующих ее форм во многом не совпадает с привычными представлениями, сложившимися на примерах флективных русского, немецкого и ряда других языков.

Так, с одной стороны, характеризуются предметы с точки зрения их количественной определенности (единичности / множественности), она служит адекватному отражению существа реалии внеязыковой действительности. С другой стороны, передавая формой единственного числа значение множественное, или, наоборот, формой множественного числа значение единичное (в ряде случаев – срв.: **аҳцәа дыстан** «божество оспы находился у меня» букв. «боги у меня были»; **анцәа уимеиканын** «не соперничай с богом» букв. «боги (ты с ним) не соперничай»; **ажәеиԥшьаа дибеит** – он встретился с Ажвеипшаа» букв. Ажвеипшовцы (он его) увидел» и т.д. категория эта как бы не лишена способности отражать и реверсивную сторону существа внеязыковых реалий.

Специфичную числовую семантику имеют и имена собирательные, которые довольно богато представлены в системе абхазского языка, и которые означая «единство ряда предметов или существ», (Есперсен, 1958, 229) выражают идею множественности. Характерно, что имена собирательные абхазского языка, в отличие от аналогичных имен ряда языков, например, русского, немецкого и т.д., согласуются в предложении с формами множественного числа сочетающихся слов. В этом проявляется еще одна специфическая черта абхазского языка – его бóльшая ориентированность на содержательную сторону языкового знака.

Прослеживая развитие категории числа в абхазском языке, мы обнаруживаем в нем ряд тенденций, сближающих его как с родственными адыгскими языками, так и неродственными – русским, немецким и т.д., с одной стороны, и с

---

[1] В ряде случаев при помощи эти аффиксов может быть выражено и значение собирательной множественности.

[2] Характерной чертой привативной оппозиции в плане содержания, в частности, в области семантической морфологии, является «… Способность немаркированного члена оппозиции имплицитно передавать семантику маркированного члена» (Бондарко,1971, 87).

другой стороны, ряд специфических, свойственных лишь абхазскому языку особенностей. Так, например, в отличие от родственных адыгских языков реализация числовых противопоставлений по линии единичности / множественности для имен неоформленных не в равной степени одинаково проходит через весь класс имен существительных абхазского языка. Разные семантические категории имен существительных по разному реагируют на это противопоставление, в частности, имена класса человека не могут в форме единственного числа выражать числовую идею множественности. Не могут эти формы присоединять к себе и кванторы числа типа **рацәа** «много», **ҩыҵк** «несколько и т.д.

Поэтому, обладая лишь значением единственного числа, эти формы имен вступают (лишь) в прямую корреляцию с формами множественного числа – **аҿкәын: аҿкәынцәа** «мальчик : мальчики»; **абырг: абыргцәа** «старец : старцы» и т.д.

Литература

Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984

Аристава Ш.К. Проблема простого предложения в абхазском языке. Тбилиси, 1982.

Бондарко, 1971: Бондарко А.В.. Грамматическая категория и контекст. М., 1971.

Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1974.

Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1976.

Генко. А.И. Абазинский язык. М., 1955,

Grönbeck K. Der türkische Sprachbau, I, Kopenhagen, 1936.

Гузев В.Г., Носилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюрских языках. // ВЯ, №3, 1975

Джанашиа, 1964: Джанашия Р.С. О суффиксах множественности в абхазском языке. // ЕИКЯ, Т. XIV, Тбилиси, 1964

Дурново, 1924: Дурново Н.П. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М-Пг., 1924.

Есперсен, 1958: Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Jarnatovskaja V.. Das Substantiv. Ein Hilfsbuch zur deutchen Grammatik.

Исаченко А.В. О грамматическом значении. – ВЯ, 1961, №1.

Климов Г.А. К категории инклюзива – эксклюзивна в картвельских языках. // ВЯ. №. 6. М., 1981.

Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1918.

Кумахов М.А. Число и грамматика. ВЯ, №4 1969.

Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М., 1971.

Кумахов М.А.Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских черкесских) языков. М., 1981.

Ломтатидзе К.В. К вопросу об инклюзиве и эксклюзиве в абхазском и абазинском языках. // ЕИКЯ, 1987. Т. XIV.

Ломтатидзе К.В. Категория единичности и образующие их аффиксы в абхазском языке. // Известия Ин-та языка, истории и материальной культуры. Т. X, Тбилиси, 1941.

Марр Н.Я. Из лингвистической поездки в Абхазию. // Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. М.-Л., 1938.

Мартынов В.В. Категории языка, М., 1982.

Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. Ч.1, М.-Л., 1962.

Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты М., 1977

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III, М., 1968.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. Глагол. М., 1977

Ревзин И.И. Немаркированное множественное число в русском языке. – ВЯ, №3, 1969, с. 102-108

Реформатский А.А. Число и грамматика. // Вопросы грамматики. Сб. ст. к 75-летию акад. Н.Н. Мещанинова. М.-Л., 1960.

Русско-абазинский словарь общественно-политической терминологии. Черкесск, 1983.

Серебренников Б.А. Развитие человеческого мышления и структуры языка. Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.

Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове. // Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Структурные общности кавказских языков. М., 1978,

Тураева З.Я., Биренбаум Я.Г. Некоторые особенности категории количества. // ВЯ, 1985, №4.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1887.

Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962.

Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. I, М., 1956.

Халбад Т.Х. Категория определенности и неопределенности в абхазо-адыгских языках. Сухуми, 1977.

Шакрыл К.С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми, 1961.

Schmidt Wilhelm. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in funktionale Sprachlehre. Berlin, 1977.

Щербак А.М. Морфология тюркских языков (имя). Л., 1977.

Џьапуа З. Џь.

Аҧсуа фольклор заатәи анҵамҭақәак ртекстологиатә згәаҭарақәа

Аҧсуа ҽаҧыҵтә фольклор атекстқәа ранҵара ианалага аахыс иахьанза урҭ иранҵашьаз, иркьыҧхьшьаз уҳәа ртекстологиатә тоурых еилкааны, иҭҵааны макьана иҳамазам. Даеакала иуҳәозар, аҧсуа фольклорҭҵаараҽы зегь реиҳа иҧсыеу атыҵқәа ирԥуоуп атекстологиа азҵаарақәа. Арахь, ишдыру еиԥш, атекстологиа шьатас ироуроуп афольклорист иҧшаарақәа зегьы. В. М. Гацак иажәақәа рыла иуҳәозар, «текстологическая работа – самая «базовая» для фольклористики» [Гацак, 1997, ад. 103].

Афольклортә текст атекстологиатә анализ азура зыруадаԝуа аҭагылазаашьақәа раԥхьа игылоуп афольклорист атекстолог-литературатҵааԝ ихы иаирхәо аматериалқәа (анапылаԝырақәа, еиуеиԥшым ахԝылаарақәа, амшынҵақәа, автор ирԥиамҭа иалеигалаз ариашарақәа уҳәа) ирышьашәалоу ахыҵхыртақәа ахьимам.

Абри аганахь ала изыҧсо рацәоуп, хәҭакахьала аҧхьатәи хыҵхыртақәоуп 1998 шыҟәсазы Хә. С. Бгажәба Аҧсуаҭҵааратә институт ахь ииаигаз, 1960-тәи ашыҟәсқәа раахыс ихатә архив аҽы ишьҭаз А. Н. Генко ифольклортә напылаԝырақәа. (Анҵамҭақәа хаз-шәкәны иҭыжьуп 2001 шыҟәсазы, «Аҧсуаа рфольклор заатәи анҵамҭақәа» ҳәа хьзыс иаманы [Џьапуа, 2001].)

1928 шыҟәсазы, аҧхын еицырдыруа кавказҭҵааԝ-алингвист, афольклорист, аетнограф А. Н. Генко (уԝкан Санкт-Петербургтәи аҳәынҵқарратә университет адоцент) СССР Аҭҵаарадырраԝәа ракадемиа ахьзала Аҧсныԝа дааueит. Ари аекспедициазы ацарауаԝ еихшьалаҽы ҳаҧхьоит: «Летом с. г., в течение июня и июля месяцев научный сотрудник АМ А. Н. Генко совершил на Кавказ очередную поездку. Район поездки – Абхазская ССР. По приезде в Сухум, А. Н. Генко был привлечен к работам Комиссии по реформе абхазского алфавита, где сделал, по предложению Председателя ЦИК СССР Абхазии, тов. Чанба 2 доклада: 1) о существующих абхазских алфавитах и 2) о принципах лингвистического анализа звуковой системы языка. В Сухуме же А. Н. Генко вел переговоры с редакцией абхазской газеты «Красная Абхазия» (Апсны Капш) об обеспечении АМ регулярным поступлением изданий редакции, а также с Наркомпросом, в лице тов. Чочуа, в тех же целях обеспечения АМ изданиями на абхазском языке, выпускаемыми по почину Наркомпроса. Результатом переговоров является получение АМ с момента переговоров (первые числа июня с. г.) как абхазской газеты, так и всех других изданий Абхазии на абхазском языке и на др. языках, имеющих предметом абхазоведение в широком смысле. Благодаря просмотру на месте, на складе изданий Наркомпроса, всех книжных ресурсов, удалось также значительно пополнить существовавшие в АМ пробелы и по части дореволюционных изданий. Из Сухума А. Н. Генко выехал на юг, в Гальский и Кодорский уезды Абхазской Республики, где, при участии ленинградских студентов-абхазов Кукбая и А. Хашба, производил работу по собиранию памятников абхазского народного творчества и материалов для абхазской грамматики и словаря. Проездом в Очемчирах, центре Кодорского уезда, А. Н. Генко прочел лекцию на учительских курсах на тему: «Очередные задачи изучения абхазского языка и народной

литературы». По возвращении в Сухум, А. Н. Генко вторично принял участие в работе по реформе алфавита. Выехав затем в Сев. Абхазию (Бзыбский уезд) А. Н. Генко продолжал там работу по народной литературе и языку. Всего, к моменту последнего возвращения в Сухум, было посещено 7 различных сельских пунктов вне Сухума. Закончив свои работы, А. Н. Генко сделал в заседании состоящей при Абхазском Наркомпросе Абхазской Академии Языка и Литературы подробный доклад о результатах лингвистической части своей поездки по Абхазии, представляющих собой около 100 различных фольклорных текстов в точной фонетической записи и материалов по абхазской грамматике и словарю (ок. 10.0000 карточек). К опубликованию добытых результатов уже приступлено, и часть материалов сдана в печать» [Генко, 1928, ад. 570].

Аихшьалаҽы ишазгәатоу еиԥш, А. Н. Генко ари аекспедициатә усура иадиԥхьалеит Санкт-Петербург аԥара зԥоз аԥсуаа, иара истудентԥәа А. К. Аҳашбеи В. И. Кәыкәбеи. Урҭ еиҳарак изызкыз аматериал аитагареи ииашаны анԥареи рҽы аекспедициа анапхгаҩы ицхраара акәын. Аха убри анаҩсгьы ианыргон еиуеиԥшым аҽаԥыцтә рҽиамҭаԥәа. Убас, ари аекспедициазы А. К. Аҳашба еихшьалаҽы иҩуан: «Я работал в качестве переводчика. Работать приходилось в день 2 часа, непосредственно с руководителем А. Н. Генко для записи и проверки имевшихся и вновь собираемых материалов; еще 2 часа я должен был заниматься самостоятельным сбором материалов, который заключался в записывании разных текстов: сказок, рассказов, легенд, народных песен и т. п. Однако моя работа не могла ограничиться 2-мя часами для записи текстов, так как, во-первых: ввиду разбросанности населения, мне приходилось ежедневно путешествовать по несколько верст. Само собой разумеется, идти несколько верст к старику-рассказчику из-за каких-нибудь 2-х часов было немыслимо, во-вторых, все рассказчики, с кем нам приходилось связываться, были заняты полевой работой и отрывать их каждый раз было неудобно, хотя по обычаю края, проявляя свое гостеприимство, нас приглашали не раз. Но мы старались как можно меньше отрывать от полевых работ сказителей в дневное время. Приходилось работать и ночью…

С условиями поездок обстояло далеко неблагополучно. Переезжать с одного места на другое можно было только верхом, а лошадей в это время не было, так как был пастбищный сезон, и они находились в горах. Чтобы переезжать с одного места на другое, нам нужно было на арбах доехать до шоссе, а оттуда на автомобилях или фаэтонах отправляться в нужный нам район или село, теряя много времени непроизводительно. Кроме того, громоздкость нашего богажа препятствовала нашим передвижениям» [Аҳашба, 1972, ад. 119, 121].

Абри аекспедициа иалԥшәахаз А. Н. Генко ифольклортә напылаҩыраԥәеи А. К. Аҳашбеи В. И. Кәыкәбеи 1928 шыԥәсазтәи рфольклортә нԥамҭаԥәа рахьтә еиԥәхаз атекстԥәеи еидкыланы ргәаҭара иаанарԥшит урҭ зегьы рҽиаратә аԥтк ишатәу, зныктәи ажәабжьеиҭаҳәара ишаԥанакуа. Текстла еиԥәшәаз арҭ анԥамҭаԥәа рлексикеи рпаспорттә згәаҭараԥәеи рҽы иԥоу аивыгараԥәа аиԥәыршәаҩԥәеи аҭыжьыҩԥәеи рредакциа иахылҽиаауеит. Ус анакәха, А. Н. Генко арҭ ифольклортә напылаҩыраԥәа рхаҭашьазы агәра ганы иуҳәар ԥалоит: аматериалԥәа хаҭала ианызԥаз ԥсабарала иаԥсууаз А. К. Аҳашбеи В. И. Кәыкәбеи ракәхоит. (Иахьынзагәастаз ала, урҭ дара рхаҭаԥәагьы текстԥ еиԥанырԥомызт, рҩыԥьагьы еиуеиԥшым ажәабжьҳәаҩԥәа рҽынтә дара рхаҭәы нԥамҭаԥәа ԥарԥон.) Урҭ атекстԥәа (дара анԥаҩԥәа иԥырхырааны акәхап) А. Н. Генко ихиҩылааит. Ԥабыргуп, А. Н. Генко иҭиԥааузаз

кавказтәи абызшәақәа идыруан, аха 1928 шыҟәсазы аҧсшәа практикала ишитахыз аус алаиуртә издырамызт, еиуеиҧшым ажәаҟәа, ажәеидҳәалаҟәа аницаргьы, асиужет змоу ашәа, ма аҳәамта ас ииашаны аҧсышәала ашьткаара илшарымызт. Избан акәзар, ажәабжьҳәаҩ ицәажәашьтыбжь уахьзаны аҟьаад ианутцаразы, аҧхьаза иргыланы, дызлацәажәо абызшәа бзиазаны иуаҳауазароуп, ицҟьаны иудыруазароуп, ҧсабарала иуныруазароуп. Убри азы акәхоит А. К. Аҳашбеи В. И. Кәыкәбеи А. Н. Генко аус ицураҿы еиҳаразак аитагара изазкыз. (Анапылаҩырақәа ирныҧшуеит ранцара ашьтахь ҿыц ишыхҩылаау.) Ари иалцшәахеит аизгаҩцәа ахҩыкгьы 1928 шыҟәсазтәи рфольклортә напылаҩырақәа. А. К. Аҳашбеи В. И. Кәыкәбеи ртекстҟәа еиҧшзамызт, А. Н. Генко итекстҟәа ракәзар, шьатанкыла аҧхьатәиҟәа иреиҧшын, дара рҿынтә иааган.

Ари агәаанагара дырцабыргуеит даеа тагылазаашьақәакгьы. Акы – А. К. Аҳашбеи В. И. Кәыкәбеи 1928 шыҟәсазтәи ранцамтақәак 1960 шыҟәсанза (А. Н. Генко ифольклортә напылаҩырақәа Аҧснытка иаагахааназа) икьыҧхьхахьан, рхыцхыртақәагьы дара ацарауаа рнапылаҩырақәа ракәхон (ҵьара-ҵьара анцаҩцәа рыхьзҟәа зрыцаҩымызгьы арт ацарауаа рырзра иадҳәалан). Иҩбахаз – 1972 шыҟәсазы Хә. С. Бгажәба (А. Н. Генкогьы А. К. Аҳашбагьы рфольклортә напылаҩырақәа змаз), С. Л. Зыхәба далархәны, ҩ-шәкәык еиҟәиршәеит: «Аҧсуа жәлар рпоезиа» аҩбатәи атыжьра (аредакциа азиуит С. Л. Зыхәба), А. К. Аҳашба «Иалкаау иусумтақәа» (иагәылоу афольклортә нцамтақәа акьыҧхь иазирхиеит С. Л. Зыхәба). Аҩбагьы А. Н. Генко абарт ифольклортә напылаҩырақәа ирыҟәшәо атекстҟәа ргәылоуп: актәи аизгаҿы – А. Н. Генко ианцамтақәаны, иара инапылаҩырақәа рҿынтә иааганы, аҩбатәи ашәкәаҿы – А. К. Аҳашба ианцамтақәаны, иара инапылаҩырақәа рҿынтә иааганы, аиҟәыршәаҩцәа ацарауаа рфольклортә напылаҩырақәа еиҿдмырҧшит, уимоу, еиуеиҧшым ахыцхыртақәа рҿынтә иаагаз, аха аҩ-шәкәыкгьы рҿы зтекстҟәа еиҟәшәаны, зпаспорттә згәатарақәа еиуеиҧшымхаз анцамтақәагьы ара игәамтакәа инхеит.

Абри 1928 шыҟәсазтәи аекспедициа иалцшәахаз афольклортә напылаҩырақәа ртоурыхҟәагьы еиуеиҧшымхеит: А. К. Аҳашба ихатәы архив аҿы ишьтаз арт ифольклортә нцамтақәа рыхәтак (абжьуа диалект иацанакуа атекстҟәа) еиҟәхеит еиуеиҧшым атыжьымтақәа рҿы[1]. В. И. Кәыкәба ихатәы архив аҿы ишьтаз арт ифольклортә нцамтақәа зеиҟәымхеит (рхабар еилкаам), икьыҧхьу нцамтак ада. А. Н. Генко ихатәы архив аҿы ишьтаз арт ифольклортә напылаҩырақәа (А. К. Аҳашбеи В. И Кәыкәбеи ранцамтақәа рыла ишьақәгылоу) тыжьын 2001 шыҟәсазы [Ҵьапуа, 2001]. 1928 шыҟәсазтәи арт анапылаҩырақәа хра злоу материалҟәоуп аҧсуа бызшәа адиалектҟәа рцаразы, аҧсуаа рҿаҧыцтә традициа атцааразы, аҧсуа фольклор атекстологиазы.

Афольклортцаара атоурых ишадыруеиҧш, афольклортә текстҟәа аханатә реизгара иалагаз ирсиуоуп алингвистцәеи аетнологцәеи. Урт рахьтә афольклортцааразы ианакәызаалак аҧыжәара аман алингвист ианцамта. Избан акәзар аетнолог лымкаала дзышьтоу атекст атоурыхтә цакы, изыдҳәалоу аритуал акәзар, алингвист атекст афонетикатә, алексикатә ҵыдарақәа еиҟәирхоит, ажәабжьеитахәара апоетикеи астили иҧсахзом. Абри аганахьала, аҧсуатцаараҿы арт аматериалҟәа аҧхьаза акәны диалектологиала ииашаны иҟацоу, апрофессионалтә филологцәа рнапала

[1] Анапылаҩырақәа рхатақәа ацарауаҩ иалкаау иусумтақәеи ифольклортә нцамтақәеи атыжьра иаззырхиаз Хә. С. Бгажәба ихатәы архив аҿы ишьтазар ҟалоит.

ианырцаз фольклортә текстқәоуп. (Хатала ианызцоз А. К. Аҳашбеи В. И. Кәыкәбеи, ускан ишыстудентцәазгьы, рбызшәадырратә зыкацара бзиа уацәоашьом.) Диалектологиатә нцамтақәак раҳасабала, урт ирныцшуеит иананцаз аамтазтәи апсуаа ражәартәашьа, ражәаҳәа аҿапыцтә ҷыдара хадақәа, еиуеиҵшым ашьтыбжькәа рхархәашьа, адиалекттә лексика.. Цабыргуп, афольклортә текст оралатәи анцара аҿапыцтә реиамта ачыдарақәа зегьы азеиқәырхом, аитаҳәао даатгыла-аатгыло, дицтантла дцәажәалар акәхоит. Аха иара убаскангьы алингвистикатә нцамта атекст апсабара хата аҿынтә еиқәнархо мачзам.

Аматериалқәа, рхыцхьазара шырацәамгьы, Апсны ахы-ацыхәа еиуеиҵшым атыцқәа реы изланцоу ала, иуҳәар калоит, урт хадаратәла ирнубаалоит ҳәа 1920-тәи ашыцәскәа рзы (иааидкылан XX ашәышыцәсазы) апсуаа рфольклортә гәалаказаара, рдоуҳатә ҿапыцтә культура (рмифологиатә, риепикатә, ртоурыхтә, рыбзазаратә дунеи) ачыдарақәа. Атекстқәа реилазаараҿы иқоуп апсуаа рфольклор ажанр хадақәа зегьы ирыцаркуа арҿиамтақәа (амифологиатә-қьабзтә ашәақәа, амифологиатә ҳәамтақәа, нартааи Абрыскьыли ирыхҳәаау аепикатә ҳәамтақәа, афырхацаратә-тоурыхтә ашәақәеи аҳәамтақәеи, атоурыхтә ҳәамтақәа, алакәқәа, абзазаратә ашәақәа), иара убас аетнологиатә нцамтақәа. Урт рахьтә имачзам апсуаа реы апхьаза акәны ианцоу афольклортә мотивқәеи асиужетқәеи. Атекстқәа ргьырак рсахьаркыра аганахьала даеакы иалаошьом, иуҳәар калоит, фольклортә классикатә реиамтақәоуп ҳәа. Рсиужетқәеи, рмотивқәеи, рытрадициатә поетикеи даара ихатәааup, реиҿартәышьа, ркомпозициа казарыла еиҿкааup.

Иазгәататәу, анапылаоырақәа ржанрқәа зегь рахьтә еиҳа апыжәара рымоуп архаикатәи атоурыхтәи епикатә реиамтақәа. Аизгаоцәа зыоцәажәаз ажәабжьҳәаоцәа рфольклортә репертуар аҿы «аепикатә дырра» аҳәаақәа тбаатыцәуп, ахы иакәитуп, урт рфольклортә гәынкылараҿы еиҳа ишьақәханы иқоуп, иалкаау атыц амоуп аепикатә лагамта. Ара еиҳа ицәыргахеит ажәабжьҳәаоцәа рыреиаратә лшарақәа.

Анапылаоырақәа иргәылоу атекстқәа 88 анцан Апсны еиуеиҵшым атыцқәа (Чхәартал, Бедиа, Ткәарчал, Ҭхьына, Ҷлоу, Калдахәара, Блабырхәа, Бармышь) реы инхоз 28-оык ажәабжьҳәаоцәа ркынтә. Урт рахьтә иубартоуп зрепертуар еиҳа еицыхыз, абаохатәра бзиа злаз ажәабжьҳәаоцәа, ашәаҳәаоцәа: Мачагәа Адлеиба (амифологиеи, афырхацаратә ҳәамтақәеи, ахьзыртәрақәеи еиҵшны ирызказаз); Гәлиза Ҕәарзалиа-пҳа (афырхацаратәи абзазаратәи ашәақәа даара исахьаркны иназыгзоз); Шәлиман Барцыц (амифологиатә ашәақәеи аҳәамтақәеи еиҳа издыруаз); Басиат Цьапуа, Қәацә Аҳәба (аепикатә ашәақәеи аҳәамтақәеи ирызказаз).

Хыхь ишазгәахтаз еиҵш, А. Н. Генко ифольклортә напылаоырақәа хәы змам хыцхыртақәоуп апсуа фольклор атекстологиа азцаарақәа рзы. Зегь рацхьаза иргыланы, ари афольклортә коллекциаҿы еиқәхеит А. К. Аҳашбеи В. И. Кәыәкбеи ибжьазыз рнапылаоырақәа рахьтә 1928 шыцәсазтәи ранцамтақәа рыхәтак (дара роуп арт атекстқәа хатала ианызцаз). Анапылаоырақәа иргәылоу атекстқәа рахьтә 47 нцамта еиуеиҵшым аизгақәа реы ааанза икьыцхьхахьан. Акьыцхьымтақәа зегьы рхыцхыртақәа еиҵшымызт. А. К. Аҳашба, В. И. Кәыкәба, мамзаргьы А. Н. Генко рнапылаоырақәа рахьтә иааган. Текстқәак ркьыцхьымтақәа еиуеиҵшым ахыцхыртақәа еицроуит.

Иазгәататәу, анцамтақәа кьыцхьхацыцхьаза ирҿыцны аредакциа рзухон, лассы-ласс ирыцу азгәатақәа (рпаспортқәа) еилахәахон. Убри

иахҟьаны атекстқәа иҵсабарытәым авариантқәа роуан, рҽаҵыцтә дунеи еиҳа-еиҳа иацәыхарахон. Аха уажәшьта (А. Н. Генко ифолькӀортә напылаԥырақәа ирыбзоураны) изныкымкәа аредакциа зызуу аҵсуа фольклор аматериалқәа рыхәтак аԥхьатәи ранцашьа, рхаташьа иаша шьақәыргылахеит. Уи даара хра злоу акоуп анцамта афольклортә реконструкциазы, атекстологиатә тоурых азы.

Уажәшьта ҳаиасуеит ҳусумта ихадароу аналитикатә хәтахьы: А. Н. Генко инапылаԥырақәа рахьтә иаагоу атекстқәа рыхәтак ууанза (2001 шыҟәсанза) иахьҟьԥхьыз, ишкьԥхьыз уҳәа, ртекстологиатә ҵсахрақәа разгәатарахь. Атекстқәа ааҳгоит аизгаҽы [Ҵьапуа,„2001] реишьтаргылашьа инақәыршәаны. (Аҽырԥштәқәа рҽы атекстқәа ирыхтысуаз асемантикатә редакциақәа курсивла иалкааup.)

«Ажәаиԥшь рашәа» [Ҵьапуа, 2001, ад. 27, №1] Анцамта аԥхьа икьԥхьын 1964 шыҟәсазы (атранскрипциатә ԥырала, аурысшәахь аитага ацҵаны) [Бгажәба, 1964, ад. 382, №24 (1)], анаԥс – 1972 шыҟәсазы [Гәлиа, Бгажәба, 1972, ад. 14, №13], уантә ихкьԥхьлаан 1992 шыҟәсазы [Коҩониа, 1992, ад. 69, №24]. Актәи акьԥхьымта атекст аориганал еиҳа иақәшәоит, аха усгьы ԥ-цәаҳәак аредакциа рызууп. Цәаҳәак («Иыуфаз, иыужәыз ауаа иырыутараны иыҟауп») злашьақәгылоу азҳәа *иыҟауп* аҽы ахпатәи ахаҽырбагатә аффикс *-и* ҵсахуп аԥбатәи ахаҽырбагатә аффикс *-у* ала. Даеа цәаҳәак («Нас сгәыргьацәа сказцаз Ажәаиԥшь») злалаго ажәа *нас* ҵсаххеит акалашьатә тагылазаашьа *абас* ала. АнаԥстӘи акьԥхьымтақәа рҽы атекст аредакциа еиҳагьы ахы иақәитуп. Еиҵешәырԥш, иаҳҳәап:

А. Н. Генко инапылаԥырақәа:

Иыуфаз, иыужәыз ауаа иырыутараны иыҟауп <…>

Нас сгәыргьацәа сказцаз Ажәаиԥшь <…>

Акы *ансыута* атыԥ ахь сцуаит.

Хә. С. Бгажәба икьԥхьымтаҽы:

Иуфаз, иужәыз ауаа ирутараны уҟоуп <…>

Абас сгәыргьацәа сказцаз, Ажәеиԥшь <…>

Акы *ансумта* атыԥахь сцоит.

Ажәа *ансыута* цакыла иаҽагыло, антонимра азызуа ажәа *ансумта* ала иаԥсахха, ажәытәзатәи амагиатә ашәа асемантика еилахәеит, уимоу иуморла иҳәоушәа иҟалеит.

«Аиыргь ашәа» [Ҵьапуа, 2001, ад. 28, №4]. Анцамта аԥхьа икьԥхьын 1972 шыҟәсазы [Гәлиа, Бгажәба, 1972, ад. 17 – 18, №20], уантә ихкьԥхьлаан 1992 шыҟәсазы [Коҩониа, 1992, ад. 81, №46]. Акьԥхьымтаҽы ашәа ацәаҳәак ажәа ҽыцк ацҵоуп. Еиҵешәырԥш:

А. Н. Генко инапылаԥырақәа:

Гәаԥацыԥхьаза уышәаҟь-мцабжь гауаит.

Хә. С. Бгажәба икьԥхьымтаҽы:

Гәаԥа тыԥ-цыԥхьаза – ушәаҟь мцабжь гауеит.

«Аиаргь ашәа» [Ҵьапуа, 2001, ад. 28, №5]. Анцамта аԥхьа икьԥхьын 1972 шыҟәсазы [Гәлиа, Бгажәба, 1972, ад. 16 – 17, №18], уантә ихкьԥхьлаан 1992 шыҟәсазы [Коҩониа, 1992, ад. 80 – 81, №45]. Акьԥхьымтаҽы ашәа ацәаҳәақәак рцакы еитарсуп. Еиҵешәырԥш:

А. Н. Генко инапылаԥырақәа:

Шәарах ссазар – *цәаԥхьазарауп,*
Мышәызаргьы – *мышәцәарҳарауп.*
Хә. С. Бԥажәба икьыԥхьымтаҿы:
Шәарах ссазар – *цәа ԥхьазарԥоуп,*
Мышәызаргьы – *мышәцәа рҳарԥоуп.*

«Агәында ныҳәа» [Цьапуа, 2001, ад. 29, №7]. Анцамта апхьа икьыԥхьын 1972 шыԥҟәсазы [Гәлиа, Бԥажәба, 1972, ад. 19, №24], уантә ихкьыԥхьлаан 1992 шыԥҟәсазы [Коԥониа, 1992, ад. 86, №61]. Акьыԥхьымтаҿы аныҳәара ацәаҳәаԥҟәак рцакы еитарсуп. Еиҿшәырԥш:
А. Н. Генко инапылаҿыраҿы:
Анан Агәында, *Гәында-ԥшԥа* бара!
Бызхылаԥшыу адгьыл алыԥха *рыт,*
Иыԥҟәырԥьаца, ашьха рацәаны *Анцәа* иыхат!
Рхәыжә-рԥьыжә ада ԥхаста рмауааит!
Хә. С. Бԥажәба икьыԥхьымтаҿы:
Анан Агәында, *Гәында-ԥшза* бара,
Бызхылаԥшу адгьыл алԥха *ҳат,*
Иԥҟәырԥьаца, ашьха рацәаны иҳат,
Рхәыжәи руаци ада ԥхаста рмоуааит.
Аныҳәара атрадициатә формулаԥҟәа ас аредакциа рзура (Анцәа ихьз абжьыршәара уԥкантәи аидеологиа иахԥьозар акәхарын) атекст аҿаԥыԥтә цәаҿа, аԥсабара хата иалнахуеит, еицанакуеит.

«Аԥан ражәабжь» [Цьапуа, 2001, ад. 32 – 33, №12]. Анцамта апхьа икьыԥхьын 1936 шыԥҟәсазы [Аҳашба, Кәыкәба, 1936, ад. 115 – 116], анаҿс – 1940 шыԥҟәсазы [Шьаԥрыл, Бԥажәба, 1940, ад. 66 – 68], анаҿс – 1965 шыԥҟәсазы [Шьаԥрыл, Бԥажәба, 1965, ад. 22 – 23] (уантә ихкьыԥхьлаан 1975 шыԥҟәсазы [Салаԥаиа, 1975, ад. 121 – 122]), анаҿс – 1972 шыԥҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамтаԥҟәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 183 – 184]. Иара убас атекст аурысшәахь еитаган иануп изныкымкәа итыцхьоу, Хә. С. Бԥажәба еиԥәиршәаз, аԥсуа лакәԥҟәа реизга [Бԥажәба, 1976, ад. 39 – 40].

Актәи акьыԥхьымта авторцәас иамоуп А. К. Аҳашбеи В. И. Кәыкәбеи. Урт ари атекст алитературатә бызшәахьы ииаганы аредакциа азыруит. Амала иҿашьазом акьыԥхьымта (бзыԥтәи адиалект аԥыдараԥҟәа зланыԥшуала) лымкаала В. И. Кәыкәба (хатала ибзыԥтәыз) инапы ишыцижьыз. Араԥа атекст зҿынтәи ианцоу дарбам, иахьанцоуи иананцоуи еилахәоуп («Цԥҟәашь аԥыта, ианицеит А. Аҳашба. – 15.05. 1934 ш.»). Анаҿстәи акьыԥхьымтаԥҟәа рыԥгьы атекст ирҿыцны аредакциа азууп. А. Н. Генко инапылаҿыраҿтәи атекст еиҳа иаԥәшәоит А. К. Аҳашба ианцамтаԥҟәа иргәылоу атекст (А. К. Аҳашба А. Н. Генко иитаз ианцамта ахҿылаа иаргьы иникылазар акәхап), аха араԥа уи иацу апаспорттә згәатараԥҟәа хатәаам.

Атекст акьыԥхьымтаԥҟәа зегьы злеиԥшым аԥыдараԥҟәа ирҿиуоуп – астиль «арееира», «аитареира», ажәаԥҟәеи ажәа формаԥҟәеи рыԥсахра, реитаԥсахра… Иаҳҳәап, атопоним *«Аԥәгылара»* актәи акьыԥхьымтаҿы *«Аҿагылара»* ҳәа иԥоуп, анаҿс – *«Аҿагылара»*, ма *«Аҿгылара»* ҳәа. Еиҿшәырԥш:
А. Н. Генко инапылаҿыраҿы:

Ажәытә *аԥан аныԥҟаз ашьха иынхауазаап.* Уыԥкан ашьха асы, аԥҟәа, акы *ауамзаап, аԥшагьы* асуамызт. Дара *уыс иыԥкан,* иарбанзаалакьгьы акы уысыс *иырымамкәа,* акы иацәымшәауа, ԥсы зхаз *ак* уысыс иырымԥхьазауа

ыкаазаап <…> Уыс ыышыказ, зны ацангәара иахьтатәаз аенышьыбжьаун ахьтәы кәаса ахьтәы гара аныргланы, аԥшқа *зыкы* даниаланы хыхьтәыи *дылбаарышьтыит.* Дылазышьтыз закәыу *саидрау*? Ацан арыи ахәыҷы данырба, ыыгәыргьацәа *ыкалан* <…>

А. К. Аҳашбеи В. И. Кәыкәбеи ркьыԥхьымтаҿы [Аҳашба, Кәыкәба, 1936, ад. 115]:

Ажәытә *ацан ҳәа цьоукы ыкан. Уырт ашьха инхон, уаа ссан, атырас ыкәланы икарԥон рҳәеит.* Уыскан ашьха асы, ақәа акы *ауамзаарын, аԥша цәгьа* асуамызт. Дара иарбанзаалакь акы усыс *ирымкуа*, акы иацәымшәуа, ԥсы зхаз, *кы* уысс ирымԥхьазуа *иказаарын* <…> Уыс ишыказ зны ацан-гәара иахтатәаз аенышьыбжьон ахьтәы-кәаса ахьтәы гара аныргланы аԥшқа даниаланы хыхьтәыи *акы дылбаанашьтыит,* дылбаазышьтыз закәыу *уаҿы изымдыруа.* Ацан ари ахәыҷы данырба игәыргьацәа *иказеит.*

А. Н. Генко инапылаҿыраҿы:

Уажәыгь ашьха ыкауп *ацангәарақәа, ацан рыхаан иаиқәырцақәаз. Раиҷшьха* ыкауп ҿадарак. *Ацәгылара* ҳәа иахьашьтоу.

К. С. Шьакрыли Хә. С. Бгажәбеи ркьыԥхьымтаҿы [Шьакрыл, Бгажәба, 1965, ад. 21]:

Уажәгьы ашьха иҟоуп ҿадарак, *Аҿагылара* ҳәа иахьашьтоу.

А. Н. Генко инапылаҿыраҿы:

<…> Ахьтәы *кәаса* ахьтәы гара аныргланы, аԥшқа *зыкы* даниаланы <…> Дандыуха, зны *дшыказ, уыс* дырызцааит дзаазаз <…> Уыбрыи азауп ашьха хаҳәқәа заигьы бжьаны ыызыкау, акгьы *зымԥкауа. Раиҷшьха* ыкауп ҿадарак, *Ацәгылара* ҳәа иахьашьтоу. *Ас* захьзыу уыи ауп: ацан дашьталазаап *шьамхыла ыыскуаит ҳәа абнацә.* [И]ԥхацаны *ыыманы* дышнаиуаз <…>

С. Л. Зыхәба икьыԥхьымтаҿы [Аҳашба, 1972, ад. 183]:

<…> Ахьтәы *ԥьаса* ахьтәы гара аныргланы аԥшқа даниаланы <…> Дандуха зны дрызцааит дзаазаз <…> Убри азоуп ашьха хаҳәқәа зегь бжьаны изыкоу, акгьы *зымԥкьауа. Реԥшьха* иҟоуп ҿадарак, *Аегылара* ҳәа иахьашьтоу. Ус захьзу уи ауп: ацан дашьталазаап шьамыхла *абнацә скуеит ҳәа. Абнацә* ԥхацаны дышнеиуаз <…>

«Азызлан» [Цьапуа, 2001, ад. 37, №19]. Анцамта аԥхьа икьыԥхьын 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамтақәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 211]. Акьыԥхьымтаҿы атекст аетнографиатә нцамтақәа рхыԥхьазара иалоуп, апаспорттә згәатарақәа ацзам, тыԥк аҿы ажәакгьы ԥсахуп. Еиҿшәырԥш:

А. Н. Генко инапылаҿыраҿы:

<…> Лыхцә *ахьыԥштәаланы* ыкауп <…>

С. Л. Зыхәба икьыԥхьымтаҿы:

<…> Лыхцәы *иазышкәакәаны* иҟоуп <…>

«Нарт Сасырҟәа [дышиз, амца шааигаз]» [Цьапуа, 2001, ад. 39 – 41, №21]. Анцамта аԥхьа икьыԥхьын 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамтақәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 171 – 174]. Акьыԥхьымтаҿы атекст цьара-цьара ажәақәа реишьтагылашьа ԥсахуп, астиль еитарсуп. Еиҿшәырԥш, иаҳҳәап:

А. Н. Генко инапылаҿыраҿы:

<…> *Дыибаит нартаа рыхьча нырцә дахьгылаз.* Нас [Сасырҟәа] *ацаара иалаиргаит. Анцәа диыҳәан Сасырҟәа,* жәаха-жәымш ацаара иаҿын <…>

С. Л. Зыхәба икьыцхьымтаҿы:

<…> *Нартаа рыхьча нырцә дахьгылаз дылбеит.* <…> Нас *Сасрыкәа анцәа диҳәан ацаара иалаиргеит.* Жәаха-жәымш ацаара иаҿын.

«Нарт Сасырҵәа иажәабжь [Сасырҵәеи ацәаҳәаҿи]» [Цьапуа, 2001, ад. 41 – 43, №22]. Анцамта аҧхьа икьыцхьын 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамтаҟәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 176 – 178], анаҿс – 1976 шыҟәсазы (аурысшәахь еитаганы) [Салакаиа, 1976, ад. 211 – 214]. Акьыцхьымтаҿы атекст апаспорттә згәатарақәа нагзам, цьара-цьара ажәақәа реишьтагылашьа ҧсахуп, ажәа ҿыцқәа ацҧоуп, ма ажәақәак зынза ибжьажьуп, астиль еитарсуп. Еиҿшәырҧш, иаҳҳәап:

А. Н. Генко инапылаҿыраҿы:

Нарт Сасырҵәа данааиывала, – Бзыиа уыуыит! – иыҳәан, аха ацкы *иымҳәаит. Даитанаиҿыкәшан, – Бзыиа уыуыит! – иыҳәаит* [Сасырҵәа], *аха ацкы иаитаимҳәаит.* Ахынтә раан, – Бзыиа уыуыит! – аныиҳәа…

С. Л. Зыхәба икьыцхьымтаҿы:

Нарт Сасрыкәа данааивала, – Бзиа ууит, – иҳәан, аха ацкы *иеимҳәеит ицәаҳәоз.* Ахынтә раан бзиа ууит аниҳәа <…>

«Нарт Сасрыкәа [дышиз, амца шааигаз, дыштахаз]» [Цьапуа, 2001, ад. 43 – 47, №23]. Анцамта аҧхьа икьыцхьын 1936 шыҟәсазы (В. И. Кәыкәба ианцамтаны) [Аҳашба, Кәыкәба, 1936, ад. 25 – 31], уантә ихкьыцхьлаан 1940 шыҟәсазы [Шьаҟрыл, Бгажәба, 1940, ад. 23 – 34]. Анапылаҿыреи акьыцхьымтеи акырза еивыгоуп: атекст даара аредакциа азууп, ибжьажьу, иацҧоу ажәақәа, ацәаҳәақәа рацәоуп. Уимоу аҳәамта ацыхәтәантәи асиужет («афырхаца нарцәыка ицара») шеибгоу иацрыхуп. Анцаҿы (В. И. Кәыкәба) ари нартаа репос иацәтәыму мотивны иҧхьазазар акәхап. Насгьы (еиҳагьы оумашәа иубаша) иацҧоуп А. Н. Генко инапылаҿырақәа рҿы иҟам ҿ-сиужетк – «адгьыл ацахь ацареи» (агәылшьап шьны азыхь ахақәиттәра [АТ 300]) «ацәаҳәаҿ иҟәшәареи». Анцамта аханатә ишыҟаз уажәшьта аҳәара уадаҿуп. Уи шьақәыргылашьа амам В. И. Кәыкәба ихата инапылаҿырақәа рыда. Ус шакәугьы, сгәанала, атекст (анапылаҿыраҿгьы акьыцхьымтаҿгьы) ахәтақәа зегьы жәабжьҳәаҿык иҿынтә ианцазар акәхоит.

«Ханышь-ыцца Цатраз» [Цьапуа, 2001, ад. 48 – 49, №25]. Анцамта аҧхьа икьыцхьын 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамтаҟәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 181 – 182]. Акьыцхьымтаҿы атекст апаспорт ацым, насгьы цьара-цьара ажәақәа реишьтагылашьа ҧсахуп, астиль еитарсуп. Уимоу ажәақәагьы еитакуп, ма еицакуп. Еиҿшәырҧш, иаҳҳәап:

А. Н. Генко инапылаҿыраҿы:

– Ахәыҷы шыҟәсык цааиза аҧырыи *аҧыцхьыи аилаҧсаны ыҿәацаны* дышәаазар, нас шәарт нартаа шәатҟыс даиҳгьы дыкал[а]уит, – ҳәа.

С. Л. Зыхәба икьыцхьымтаҿы:

– Ахәҷы шыҟәсык цааиза аҧыри *азыцхеи еилацаны* дшәаазар, нас шәарт нартаа шәатҟыс деиҳгьы дкалоит, – ҳәа.

«Нардьхьауыи Хәажәарцысыи ражәабжь» [Цьапуа, 2001, ад. 49 – 51, №26]. Анцамта аҧхьа икьыцхьын 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамтаҟәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 178 – 180]. Акьыцхьымтаҿы атекст

апаспорт нагзам, насгьы цьара-цьара ажәаҟәа реицааишьа ҵсахуп, ажәаҳәа еитарсуп, ажәаҟәакгьы еитакуп, ма еицакуп. Еиҿшәырҵш, иаҳҳәап:
А. Н. Генко инапылаԥыраҿы:

Ыылаиҵызаны, аԥонык̀а днаганы днадыртәаит, *ахь* к̀әардә ргыланы. <…> – Хәажәарҵыс, иахьа уыхы *здыушьылау* дабтәыи лаҵсыу, адыунаи уахыцәаны, *уыхәажәханы* Анцәа уык̀аицааит! – ҳәа. <…> Нарцьхьау бжьы-мԥак ахьаихагалау *Ашәы* ахыцыртак̀ны *дхаҳәханы* даақәхаит. Хәажәарҵысгьы *дхәажәханы*, адыунаи дахыцәаны дк̀алаит. *Ахәажә* зхылцызгьы Хәажәарҵыс иауп, рхәауаит.
С. Л. Зыхәба икьыпхьымтаҿы:

Илеизаны аԥонык̀а днаганы днадыртәеит, ак̀әардә ргыланы. <…> – Хәажәарҵыс, иахьа ухы *ззушьуа* дабтәи лаҵсу, адунеи уахыцәаны *ухьажьханы* анцәа уk̀аицааит! – ҳәа. <…> Нарцьхьоу бжьы-мԥак ахьеихагалоу *ашә* ахыцыртак̀ны *дхаҳәшаны* даақәхеит. Хәажәарҵыс *дхьажьхан*, адунеи дахыцәаны дк̀алеит, *ахьажь* зхылцызгьы Хәажәарҵыс иоуп, рхәоит.

«Нарт Сасырк̀әа иашәа» [Цьапуа, 2001, ад. 55 – 56, №30]. Анцамта аԥхьа икьыпхьын 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамтаҟәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 174 – 176]. Акьыпхьымтаҿы атекст аԥонык̀а ажәаҟәа реишьтагылашьа ҵсахуп, астиль еитарсуп, цьара-цьара ацәаҳәаҟәа еилаҵсоуп, ажәаҟәак бжьажьуп, даеа ажәаҟәак ацҵоуп. Еиҿшәырҵш, иаҳҳәап:
А. Н. Генко инапылаԥыраҿы:

«Сасырк̀әа, уара уышнаиуа, *иыуҵылара иык̀ауп шьаук, ауахьад рыманы иышнаиуа.* Ауахьад рышьтахь, алымҳаҟәа дыуны еы ҵшра *цәгьак рышьталаны* ааиуаит» <…> *Ѳ-еы* зацәык дрыхьзаанза азы иашьыит, акәымзар. Абас ала, [абри азоуп] Нарт Сасырк̀әа нартаа ашәԥык хшыԥлаи, хацарылаи, k̀азышьалаи *уаа-шәԥык дхазырҳаз ҳәа, ашәа иалацаны [и]зхырҳәааua. Абрыи аԥхьарца [а]рҳәацәа ашәа иалацаны иыдырҳәыуаит.*
С. Л. Зыхәба икьыпхьымтаҿы:

– Сасрык̀әа, уара ушнеиуа, *цьоук ауахьад рыманы иуҵылара уk̀оуп.* Ауахьад рышьтахь, алымҳаҟәа дуны еы *ҵшрадак рышьтагыланы ааиуеит* <…> *Ѳы* зацәык дрыхьзаанза азы иашьит акәымзар. Абасала Нарт Сасрык̀әа нартаа ашәԥык хшыԥлеи, хацарылеи, k̀азшьалеи *[дахьреиҵьыз азы аԥхьарца данцаны ашәа изырҳәоит иахьагьы.]*

«Нартаа рызбахә» [Цьапуа, 2001, ад. 57 – 58, №31]. Анцамта аԥхьа икьыпхьын 1964 шыҟәсазы (атранскрипциатә ԥырала, аурысшәахь аитага ацҵаны) [Бгажәба, 1964, ад. 379 – 382]. Акьыпхьымтаҿы атекст цьара-цьара адиалогҟәа реы ицаам ажәаҳәа ахәтаҟәак бжьыршәоуп, цәаҳәакгьы бжьажьуп *(« – Уышьта иынаганы [аҕәра аехарпарта] иыхырҵа! – иыҳәан [Сасрык̀әа], иынаганы иыхиырпаит [Иарчхьау]»).*

«Амрыскьыл» [Цьапуа, 2001, ад. 59 – 60, №34]. Анцамта аԥхьа икьыпхьын 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамтаҟәа ирыланы) [Ҳашба, 1972, ад. 185 – 186]. Акьыпхьымтаҿы атекст апаспорттә згәатараҟәа ацым, насгьы тыпҟәак реы ажәаҟәа реишьтагылашьа ҵсахуп, астиль еитарсуп, цьара-цьара ацәаҳәаҟәа еилаҵсоуп, ажәаҟәак бжьыршәоуп, даеа ажәаҟәак ацҵоуп. Еиҿшәырҵш, иаҳҳәап:

А. Н. Генко инапылаԥыраԥы:

Адауы уыс иыгәы иҭан – *Амрыскьыл дыифаразы, дыцәар.* Нас адауы *[иԥа]* дыԥны дыдәыԥәлаит амшын ахь хыцәахра. *Амрыскьыл иыԥа иырашь уыс ианаҳәаит: – Уааины уысыԥәтәа, «аҳы» анысҳәауа* <…>

С. Л. Зыхәба икьыԥхьымтаԥы:

Адау ус игәы иҭан *Абрыскьыл дыцәар дифаразы.* Нас адау дыԥны ддәыԥәлеит амшын ахь хыцәахра. *Абрыскьыл иԥа ирашь, уааины усыԥәтәа, «аҳа» аныуҳәауа* <…>

«Аԥшькьаԥ-иыԥа Мыҵа иашәа» [Цьапуа, 2001, ад. 61 – 62, №35]. Анцамҭа аԥхьа икьыԥхьын 1941 шыԥәсазы [Гәлиа, Бҕажәба, 1941, ад. 98 – 100], анаԥс – 1959 [Шьынԥәба, 1959, ад. 114 – 115], 1972 [Гәлиа, Бҕажәба, 1972, ад. 43 – 45, №56; Аҳашба, 1972, ад. 220 – 221 (А. К. Аҳашба ианцамҭаԥәа ирыланы)] шыԥәсԥәа рзы. Аԥхьатәи акьыԥхьымтаԥәа ԥба рԥы атекст анызцаз дарбазам, анаԥстәи акьыԥхьымтаԥәа руак аԥы апаспорттә згәатараԥәа ацзам, даеаԥьара А. Н. Генко ианицеит ҳәа ацаԥуп. Атекст абас апаспорттә згәатараԥәа реилаԥсара, еиуеиԥшымкәа аредакциа азура акьыԥхьымтаԥәа зегьы хазы-хаз иԥоу вариантԥәоушәа иԥарцеит. Убас, А. А. Аншба иҭцаамтак аԥы [Аншба, 1982, ад. 204 – 205] ари атекст 1941 шыԥәсазтәи акьыԥхьымтеи (ацарауаԥ иусумтаԥы ари акьыԥхьымта апаспорттә згәатараԥәагьы агха рымоуп: 1928 атыԥан – 1926, ахьз Гәлиза атыԥан – Лида) 1972 шыԥәсазтәи акьыԥхьымтаԥәа руаки [Аҳашба, 1972, ад. 220 – 221] хазы-хаз иԥоу вариантԥәаны дрыхәаԥшуеит. Аха атекст арҭ акьыԥхьымтаԥәа зегьы рԥиаратә актк ишатәу, нцамтак шакәу дырцабыргуеит ашәа алексика аилазаареи А. Н. Генко инапылаԥырԥәа иргәылоу аоригинали.

Сгәы излаанаго ала, иԥалаз даеакуп: 1941 шыԥәсазы икьыԥхьыз атекст А. Н. Генкои, А. К. Аҳашбеи, В. И. Кәыкәбеи 1928 шыԥәсазтәи рекспедициа аан ианырцаз акәхоит. Анцамҭа аханатә ԥ-екземплиаркны иԥан. Акы атекст хаҭала ианызцаз А. К. Аҳашба иархив аԥы (Аԥәа) ишьтан, аԥбатәи – аекспедициа напхгара азтоз А. Н. Генко инапылаԥырԥәа рԥы (Санкт-Петербург). Избан акәзар А. Н. Генко ифольклортә напылаԥырԥәа Аԥсныԥа ианаагаха 1960 шыԥәсазы ауп [Бҕажәба, 1964, ад. 379]. 1941 шыԥәсазы иҭыцыз аизга «Аԥсуа жәлар рпоезиа» ианылаз атекст ахыцхырҭа А. К. Аҳашба инапылаԥырԥәа ракәхоит (ианызцаз дзарбамгьы 1937 шыԥәсазы дахьдырзыз азы акәхоит). Аизга 1972 шыԥәсазтәи аитатыжьраан Хә. С. Бҕажәба ашәа А. Н. Генко ианцамҭоуп ҳәа аирбеит, аха 1941 шыԥәсазтәи аредакциа шамоу ааныжьуп. Насгьы иара убри ашыԥәсан ари атекст А. К. Аҳашба ианцамҭаԥәа иргәылангьы иҭыцит, аха зеынтә ианцоуи иананцои арбамкәа (ашәԥәы [Аҳашба, 1972] еиԥәзыршәазгьы Хә. С. Бҕажәба иоуп).

Анцамҭа акьыԥхьымтаԥәа зегьы рахьтә анапылаԥыра еиҳа иаԥәшәоит 1972 шыԥәсазтәи А. К. Аҳашба ишәԥәы иану атекст. Цабыргуп, арԥәагьы алексикатә еивыгараԥәа ыԥоуп. Иаҳҳәап, акьыԥхьымтаԥы афырхаца ихьз *Аԥшькьаԥ-иԥа Мыта* ҳәа иԥоуп, А. Н. Генко инапылаԥырԥәа рԥы – *Аԥшькьаԥ-иыԥа Мыҵа* ҳәа. Ари, хымпада, текстологиатә гхоуп, афырхаца Мыта ихьзны даеаԥьара иаҳпылазом. Агха зыхԥьазгьы А. К. Аҳашба ифольклортә напылаԥырԥәа акьыԥхь разырхиараан (акьыԥхьԥы С. Л. Зыхәба) Н. И. Марр итранскрипциала иԥыз ашьтыбжь *-ҵ -т* ҳәа иахьаԥхьахаз ауп. Насгьы акьыԥхьымтаԥы ажәаԥәак, цәаҳәаԥәак рхәашьа форма ԥсахуп. Еиԥшәырԥш, иаҳҳәап:

А. Н. Генко инапылаԥыраԥы:

– Ҳаит, абаапс, ас *ыышԥауҳәауа* <…>

С. Л. Зыхәба икьыԥхьымԥаԥы:

– Ҳаит, абаапс, ас *шԥаҳауҳәа* <…>

Анԥамԥа актәи акьыԥхьымԥаԥгьы [Гәлиа, Бԥажәба, 1941, ад. 98 – 100] имаԥымкәа аредакциа азууп. Еиԥшәырԥш:

А. Н. Генко инапылаԥыраԥы:

Аԥшькьаԥ-ыԥа Мыԥа-*хаԥа* <…>

Ауысҳәар[т]аԥы дахьлалбааз,

– Арра [а]ԥара уыԥәшәаит, – *ҳәа* иарҳәаит <…>

Ыылахь *аиԥәышьшьы,* дааины, *даатәаит* <…>

Уырхиа, *уаиԥәыршәа, уыдәыԥәаҳԥап!*

Ыышылҳәаз аиԥш *иагьдырхиаит,*

Дыдәыԥәларԥы амԥа *дыԥәгылт.*

Дыԥауа даналага,

– Сыԥсраи сызраи *аилыбкаанза*

Сыԥныжә-гәара ашә абмыркын! – ҳәа [леиҳәеит]…

– Уа, *даида,* ыысҳәауа баҳауама?! – лҳәаит <…>

– Аа, ыыбуазаи, нан? – лҳәаит.

– Иаха быԥкәын *ԥхызла дызбауан, – лҳәаит.*

– Изакәызаи, иан хкыдкьа?! – *лҳәаит.*

– Алаҳә[а] аиԥәаԥәа ыыгәы ыыԥәч[а]уа

Ԥхызла ыызбаит, – *лҳәаит.*

– Дыкамзар акәхап, иан хкыдкьа! – *лҳәаит.*

Уыи *ааибыҳәан,* иахьынхьаԥшыз,

Аштԥа-*ԥынԥа* даатԥаргалахьан,

Ыыԥәлаԥәа *ыыԥагыланы*

Иан *лылаԥәа* тыхны,

Лынапы ыынанԥаны дынаиԥылаит…

Фаха-фымш уаԥа дыԥәан,

Дыԥәанаԥы ыымфа-ыымжә

Агәы хьшәашәа *дыԥәиан* [иԥҳәыс].

Дынаганы анышә хьшәашәа дынартаит.

Иаиԥәылашьԥа *данԥәыԥаха* <…>

Амаԥԥьаԥьаза ыыхәда ианакәша,

Ыыԥҳәыс хәыԥы лнап акәызԥьыишь[а]уан.

Ыышыԥәс азы аҳҳәараԥырԥәаит,

Аԥсхәы дыу *рыурацы*

Лтаԥәаԥәагьы заигьы ааит [ыыԥҳәыс]

Дыргарԥы иаԥәыркыит.

Ыынԥәылыибаԥхьан, иаиԥәажәауан

Аамтазыҳәан лара даԥонаԥалан,

Шкәакәа матәала леааилалҳәан,

Аишәаматәа *дынылатәаит.*

Ыытапанча *харшаланы* лгәы *иааԥалкыит* <…>

«Ыысыԥәнамг[а]уазар, ыытымкьааит» *лҳәаит.*

Иааткьан, дахьыгартаз ыылыԥәшәаит.

Ахы ыылыԥәшәаз уысыс *ыылымбаит,*

Ашьа *ыылылԥыз ԥырзысаган,*

Дынаган анышә дынартаит.

Д. И. Гәлиеи Хә. С. Бҕажәбеи ркьыцхьымҭаҽы:

Аԥшьҟьача-ипа Мыҩа *ахаԥа* <…>
Аусҳәартаҽ дахьыналбааз,
Арра цара уҟәшәеит *рҳәеит* <…>
Илахь *еиҟәԥа* дааины *длатәеит* <…>
Урхиа, *еиҟәыршәа удәыҟәсԥап.*
Ишылҳәаз еиԥш, *иагылырхиеит,*
Арра цара амҭа *дыҟәлеит.*
Ддәыҟәларцы даналага,
«Сыԥсреи сызреи *еилбмыргакәа,*
Сыҭони сгәареи рашә абмыркын» ҳәа
Иԥҳәыс хәҩы иналеиҳәхыит.
«Уа, *ди-ди,* исҳәо баҳауама», – лҳәеит.
«Аа ибуазеи» *ҳәа – иан лыбжьы аагеит.*
«Иаха быҩкәын *ԥхызла дызбеит»*
«Изакәызеи иан хкыдкьа!» *ҳәа – иан аа*ҽ*ылԥит.*
«Алаҳәа еиҟәаԥәа игәы *иҟәтәа,*
Ԥхызла избеит *сара рыцҳа».*
«Дыкамзар акәхап, иан хкыдкьа!» –
Лыбжьы аалыргеит иан аҭакәажә.
Уи *ааибырҳәан* иахьынхьаԥшыз,
Аштa *ԥынцан дааҭаргалеит,*
Иҟәлаԥәа *ицеибаҳәа.*
Иан *мыжда лыла* ҭыхны,
Лара убрахь днеиԥылеит <…>
Хаха-хымш уаҟа дыкҽан,
Дыкҽанаԥы, имфа-имжә
Агәы хьшәашәа *ла дыҟәыршәын.*
Уи ашьҭахь анышә хьшәашәа днага дарҭеит.
Еиҟәылашьца *даныцаха* <…>
Ишыҟәс-цәымза аҽхәара ԥырцәеит,
Аԥсхәра ду *ауразы.*
Иԥҳәыс лҭаацәагьы ауха иааит,
Аҭоныка дыргарцгьы иаҟәкны ика́н,
Индәылеибаган, еицәажәаҟәан.
Уи аамҭаз даа*ҭ*онаԥалан,
Аишәаматәа *днылаԥшын,*
Итапанча лгәы *иныцалкын* <…>
«Мамзар акәзар, итымкьааит», – *лҳәан,*
Ашьапы даахан ианаатҟьа,
Дахьагашаз ԥхы лыҟәшәеит.
Ахы илыҟәшәаз усс *илымкит,*
Ашьа *илылԥуаз акашәа илымбеит.*
Абасала уи дниасит,
Ларгьы днага анышә днарҭеит.

Анцамҭа актәи акьыцхьымҭа аитатыжьраангьы [Гәлиа, Бҕажәба, 1972, ад. 43 – 45, №56] атекст ицегь апсахраҟәа алагалан. Еиҽшәырԥш:

А. Н. Генко инапылаҭыраҽы:

Иан *лылаҟәа* ҭыхны,
Лынапы ныинанцаны дынаиԥылаит <…>
Дынаганы анышә *хьшәашәа* дынарҭаит <…>

Аишәаматәа *дыныла́тәаит.*
Иытапанча *харшаланы* лгәы иаацалкыит <…>
«Иысыҟәнамг[а]уазар, иытымкьааит» лҳәаит <…>

Хә. С. Бгажәба икьыцхьымтаҽы:
Иан *мыжда лыла* тыхны
Лара убрахь днарцылеит.
Иаргьы днага анышә днартеит <…>
Аишәаматәа *иныльлхын,*
Итапанча лгәы *иныцалкит* <…>
«…Мамзар, имтҟьааит», лҳәан <…>

Анцамта аҩбатәи акьыцхьымтаҽы [Шьынкәба, 1959, ад. 114 – 115] атекст аредакциа еиҳагьы ахы иаҟәитуп (уи ибзианы ианыцшит аизга аиҟәыршәаҩ Б. У. Шьынкәба ипоезиатә баҩхатәра ду), иацҩоу, иагырхоу, ма зформа ҧсаху ажәаҟәа, ацәаҳәаҟәа рацәоуп. Аиҟәыршәаҩ ашәа актәи акьыцхьымта [Гәлиа, Бгажәба, 1941, ад. 98 – 100] аҽынтә иаагоуп ҳәа шазгәеитогьы, уи ахыцхырта хата, аоригинал (А. К. Аҳашба ианцамта) ихы ишаирхәаз ҩашьазом. Еиҽшәырҧш:

А. Н. Генко инапылаҩыраҽы:
Аҧшькьаҽ-иыца Мыча-хаца
Ыылахь *аиҟәышьшьы,* дааины *даатәаит.*
– Ыыуыхьзаи, уылахь аиҟәыуп? – анылҳәа,
– Сылахь *абаиҟәым,* схәыцыртаҟәа рацәахаит <…>
– Аит, абаапсы, уыхацажәламыи <…>
Уырхиа, *уаиҟәыршәа, уыдәыҟәахцап* <…>
Дыдәыҟәларцы амҩа дыҟәгылт.
Дыцауа даналага <…>
– Ҳаит, абаапс, ас *ыышпауҳәауа,*
– Уара ааанза уан *сшылмацәажә[а]уа! – ҳәа*
Ҭауба ыылтаит иара уыбрака.
Дыҟәлан дцаит *уыбрыи* ашьтахь <…>
Ҧхыз баапсык ыыдылбалаит <…>
– Алаҳә[а] аиҟәацәа ыыгәы ыыҟәч[а]уа
Ҧхызла ыызбаит, *– лҳәаит.*
Ыыҟәлацәа ыыцагыланы.
Иан лылакәа тыхны,
Лынапы ыынанцаны дынаиҧылаит.
Дааганы дыныҟәарцаит.
Фаха-фымш уака дыҟәан,
Дыҟәанацы *ыымфа-ыымжә*
Агәы хьшәашәа *дыҟәиан* [ыыцҳәыс].
Дынаганы анышә *хьшәашәа* дынартаит.
Иаиҟәылашьца данцәыцаха,
Алампа ркьатаны ыыцаз цыыишьауан.
Шышкамс хәычҟәа[к] ыыгәы ианыҟәыцса,
Иашьҵәа, иаҳәышьцәа ракәыз цыыишь[а]уан.
Амат ҟьаҟьаза ыыхәда ианакәша,
Ыыцҳәыс хәычы лнап акәыз цыыишь[а]уан <…>
Аҧсхәы дыу рыурацы.
Атаацәаҟәагьы заигьы *ааит*
[Ипҳәыс] дыргарцы иаҟәыркыит.
Иандәылыибаҧхьан, иаицәажәауан

Аамҭазыҳәан лара даа*ф*онаԥалан,
Шкәакәа маҭәала лееаилалҳәан,
Аишәаматәа дыныла*т*ә*а*ит.
Ныта*п*анча *харшаланы* лгәы *иаацалкыит.*
«Абрыи *сыԛәнаг[а]уазар*, ныҵкьааит,
*Ныс*ыԛ*ә*нам*г[а]уазар, ныҵымкьааит»* лҳәаит.
Иааҵкьан, дахьагарҭаз ныԛшәаит.
Ахы ныԛшәаз *уысыс* ныԛымбаит,
Дынаган анышә дынарҭаит.
Б. У. Шьынқәба иԛьыԥхьымҭаҿы:
Ԥшькьаҿ-ипа Манча-хаԥа <…>
Илахь *еиқәы* дааины *днатәеит.*
– *Улахь еиқәуп, иухьзеи?*– анылҳәа,
– Сылахь *зеиқәу,* схәыцырҭақәа рацәахеит <…>
– *Ааит,* абаԥсы, ухаԥажәлами <…>
Урхиа *уеиқәшәа ундәыцәсԥап* <…>
*Амф*а *дыцәло даналага,*
Ипҳәыс мыжда ус налеиҳәеит <…>
– Ҳаит, абаԥсы, ас *ахьԥауҳәо!*
Уара уаанза уан *сышԥалаԥәажәо* ҳәа
– *Иара убрака ҭоуба луит.*
Дыцәланы дԥеит *абри* ашьҭахь…
Уи ԥхыз баԥсык идылбалеит <…>
– *Лаҳәа еиқәаԥәак ԥхызла избеит* <…>
Иашәаԛәлаԥәа ицеибаҳәа,
Дааганы дныкҿарԥеит.
Хаха-хымш уака дыкҿан,
Дыкҿанаԥы *мфада, мжәыда,*
Аԛәы хьшәашәа ла *дыцәыршәын.*
Ашьҭахь днаган анышә днарҭеит.
Аԥсхәра ауразы реиибырҭеит.
Лҭаԥәаԛәагьы зегьы *еизеит,*
Дара дыргарԥгьы инаԛәыркит,
Индәылԥ-аадәылԥны еиԥәажәауан,
Уи аамҭазы даа*ф*онаԥалан,
Аишәаматәа *ла дныла*т*ә*а*н,*
Ныта*п*анча *харшала* лгәы *иныԥалкит.*
– Абри *ԛәнагазар* ныҵкьааит – *лҳәеит,*
Абԥьар ааҵкьан лара илыԛшәеит,
Ахы ныԛшәаз *деиԥанакит,*
Ларгьы днаган анышә днарҭеит.

«Ԥшькьаҿ-ныԥа Манча» [Ԥьапуа, 2001, ад. 63, №37]. Анԥамҭа иаԥу ашәа аԥхьа иԛьыԥхьын 1972 шыԛәсазы [Гәлиа, Бԥажәба, 1972, ад. 43, №55]. Акьыԥхьымҭаҿы аԥыхәтәантәи аԥәаҳәа иалоу ажәак ԥсахуп. Еиԥшәырԥш:
А. Н. Генко инапылаԛыраҿы:
Зныктәи иаҳәа ҭыхразы шәԛык рхы *хыиԥә[а]уан.*
Хә. С. Бԥажәба иԛьыԥхьымҭаҿы:
Зныктәи иаҳәа ҭыхразы шәԛык рхы *хисон.*

«Ԥшькьаҿ-ныԥа Манча» [Ԥьапуа, 2001, ад. 63 – 65, №38]. Анԥамҭа апоезиатә хәҭа аԥхьа иԛьыԥхьын 1972 шыԛәсазы [Гәлиа, Бԥажәба, 1972, ад.

95, №122]. Акьыпхьымтаҽы атекст апаспорттә згәатарақәа еилахәоуп, даеа ажәабжьхәаҩык (Гәаҵьаланзаи Қьаламат) ихьз ацаҩуп, насгьы ажәақәакгьы бжьыршәоуп, иацҵоуп, ма ипсахуп. Еиҽшәырҵш:

А. Н. Генко инапылаҩыраҽы:

Хратлахь нагзара зауны иаибагаз,
Адыунаи *аҟны агәыблыра* иамаз <…>

Анарцә мҩа ианыҟәла <…>

«Дыунаи иыҟәыу бзыиара шәзыҟалаит» *ҳәа салам зтаиыз,*
«Ҳара ҳгәы иытаз аарцәала цқьа иаҳзаибымхәаит» <…>
«Иаанхаз абзыиара шәзыҟалаит» <…>

Хә. С. Бгажәба икьыпхьымтаҽы:

Хратлагь нагзара зауны еибагаз,
Адунеи *игәбылра* иамаз
Анарцә мҩа ианыҟәла *назаза* <…>
«Дунеи икәу бзиара *шәзыҟалааит,*
Ҳгәы итаз аарцәала цқьа иаҳзеибымхәеит» <…>

«Напҳа Кьагәа иашәа» [Цьапуа, 2001, ад. 66, №39]. Анцамта апхьа икьыпхьын 1972 шыҟәсазы [Гәлиа, Бгажәба, 1972, ад. 34, №48]. Акьыпхьымтаҽы атекст ажәақәак псахуп, ма зынза ибжьыршәоуп. Еиҽшәырҵш:

А. Н. Генко инапылаҩыраҽы:

Акаруал шәаҟь иыршны *иыҵызжәаз* <…>
Иаҳәа *хцәахла* аас лабы иылызхыз <…>
Хәы-цыпхьаза, *хәдаара-цыпхьаза*
Жьаза *ацакнаҳаны* иызмаз <…>
Пҳәыск *ылрыиыз* хацак ицәымшәуаз
Напҳа Кьагәа!

Хә. С. Бгажәба икьыпхьымтаҽы:

Акаруал шәаҟь иршны *ипызшәаз* <…>
Иаҳәа *хцәала* аас-лабы ылызхыз <…>
Хәы-цыпхьаза, *хәадара-цыпхьаза*
Жьаза *ҭакнаҳаны* измаз <…>
Пҳәыск *илхылцыз* хацак ицәымшәауаз – Напҳа Кьагәа.

«Кьагәа иашәа» [Цьапуа, 2001, ад. 66, №40]. Анцамта апхьа икьыпхьын 1972 шыҟәсазы [Гәлиа, Бгажәба, 1972, ад. 33 – 34, №47]. Акьыпхьымтаҽы атекст ажәақәак псахуп, ма зынза ибжьыршәоуп. Еиҽшәырҵш:

А. Н. Генко инапылаҩыраҽы:

Нараҳны дыу *Кьагәа,*
Бзыҵ арҩашцаз *ыызымпхьазуаз* <…>
Апсараи ашәраи *ахаимазыи*
Рапхьа *иаисыз, уыиаҟара* зылшаз,
Нараҳны дыу Кьагәа, Аинапҳа Кьагәа!

Хә. С. Бгажәба икьыпхьымтаҽы:

Нараҳны ду
Бзыҵ арҩашцас *изыпхьазауаз* <…>
Апсареи ашәреи *ахьеимаз*
Рапхьа *иеибашьыз, кыр* зылшаз <…>

«Абаҭаа Баисланыи Баҭаҟәаи» [Цьапуа, 2001, ад. 67 – 68, №41]. Анцамҭа аԥхьа икьыԥхьын 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамҭаҟәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 197 – 199]. Акьыԥхьымҭаҿы атекст «Ҿыцьа аишьцәа» ҳәа ахьзцоуп, алексикеи астили регьы ҿсахраҟәак алагалоуп. Еиҿшәырԥш, иаҳҳәап:

А. Н. Генко инапылаҿыраҿы:

Дзыҟәтәаз *иыгәыжь* арашь иаҿызан. *[А]зыхь иыҟаз ааигәараҟны иынҿеиҳәан* <…> – Ҳаи, *ҳанхыуаит,* ԥхашьарамыи <…> Дара шԥауаз раԥхьаҟала *рымҿа кны* <…>

С. Л. Зыхәба икьыԥхьымҭаҿы:

Дзыҟәтәаз *агәыжь* арашь иаҿызан. *Ааигәара иҟаз чыԥьк аҟны иҿеиҳәан* <…> – Ҳаи, *нанхеит,* ԥхашьарами <…> Дара шԥоз, раԥхьаҟала *рымҿаҟны* <…>

«Карымшаҟәал Шарыҭлыхәыи Маҳматԥьарыи Лау-иыԥаи ражәабжь» [Цьапуа, 2001, ад. 68 – 70, №42]. Анцамҭа аԥхьа икьыԥхьын 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамҭаҟәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 199 – 200, 221 – 223]. Акьыԥхьымҭаҿы аҳәамҭа ҿ-текстк алхуп: анцамҭа апрозатә хәтеи апоезиатә хәтеи еидыхны хазы-хаз икьыԥхьуп. Иара убас иԥсаху, аредакциа зызуу аҭыԥҟәагьы маҷым (иаҳҳәап, афырхаԥа ихьз Карымшаҟәал Шарыҭлыхә – Карымшьаҟәыл Шарытхәа ҳәа иԥсахуп). Еиҿшәырԥш, иаҳҳәап:

А. Н. Генко инапылаҿыраҿы:

Маҳматԥьарыи иашҭа *данынавала* <…>
«Чау» иыҳәан, *данааццакцәа* <…>
Шарыҭлыхә ауахьад рыҟажара далагаит
Знык иаахьан, ашьҭахь *иаахт,*
Аԥынца *апстҳәа* кылкь[а]уаит <…>
Дышиашаз *ауаҭах дыныҿалт* <…>
«Баԥсыжәк даҳзааит сгәахәуаит» иҳәаит.

С. Л. Зыхәба икьыԥхьымҭаҿы:

Маҳматԥьери иашҭа *данынҭала* <…>
«Чоу» – иҳәан, *данааццакза* <…>
Шарыҭхәа иуахьад ркажьра далагеит.
Знык иаахьан, ашьҭахь *ааит,*
Аԥынца *апсыԥ ҳәа* кылкьоит <…>
Дышиашаз *ауадахь дыҿналеит* <…>

«Кәаҿ Капыт иыԥҳәыс Хьыкәыр лажәабжь» [Цьапуа, 2001, ад. 71 – 72, №44]. Анцамҭа аԥхьа икьыԥхьын 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамҭаҟәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 217 – 218]. Акьыԥхьымҭаҿы атекст ажәаҟәаки ацәаҳәаҟәаки ҿсахуп, ма ибжьажьуп. Еиҿшәырԥш, иаҳҳәап:

А. Н. Генко инапылаҿыраҿы:

Иашьала иыугауа уаҿы дыкам, аха <…>
Уара уаниас ашьҭахь, уыԥыҟәс цәашьы *р[ы]блаанза* <…>
Уашьа Ҭлаԥсажә <…>

С. Л. Зыхәба икьыԥхьымҭаҿы:

Иашала иугома уаҿ дыкам, *нан,* аха <…>
Уара уаниас ашьҭахь ушыҟәс цәашьы *зблаанза* <…>

«Далаа раибарк[ы]рашәа» [Цьапуа, 2001, ад. 73, №46]. Анцамта ацхьа икьыцхьын 1972 шыкәсазы ҿ-еизгак реы: цьарак – атекст ахәтак [Гәлиа, Бгажәба, 1972, ад. 57, №75], даеацьара – ишеибгоу (А. К. Аҳашба ианцамтақәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 215]. Актәи акьыцхьымтаҿы атекст ацәаҳәак ацакы еитарсуп. Еиҿшәырпш:

А. Н. Генко инапылаҿыраҿы:

Ҿыхәа-кәара дақәтәоуп *[а]хаца* <…>

Хә. С. Бгажәба икьыцхьымтаҿы:

Ҿеиқәа кәар дақәтәоуп <…>

Аҿбатәи акьыцхьымта апаспорттә згәатаракәа ацзам, насгьы еиҳа аредакциа азууп, ипсаху, ибжьыршәоу, ма иаццоу ажәақәа рацәоуп. Еиҿшәырпш:

А. Н. Генко инапылаҿыраҿы:

Аалзг[а] апшаҳәа дачла *иызыртәыз,*
Иаицьы-Ҳаным Дал даноарга <…>
Харшәысгьы *иысзааигазаишт* ҳәа
Иасымшазар ашә ахь дыпшлауан.
Мышкы *зны* ашьыбжьауншәа
Ҿада [а]хәа-дыук ашә *иаалаирпалт.*
Атыцхацәа асалантқәа, *асалантқәа*
Аҿыу-сыуҳәа ашә *иаалаирпалт* <…>
Дарыкәа *ипцасгьы ипыкау* уара уакәзаап!
– Аи, бара *Иаицьы*-Ҳаным,
Зылабарта *ҳара иаҳмауз[а]уаз.*
Арт *иаазгазгьы сапынхәы иаипшыуп,* –
Ҳәа ата лаиҳәаит Баталбаигьы.
Аслан ҿаша *иара* дақәтәауп,
Гьауыр *ҿашагь иара* дақәтәауп,
Дарыкә[а]-ипа Баталбаи-*хаца!*
Ҿыхәа-кәара дақәтәауп [а]хаца,
Дарыкә[а]-ипа *Хьынкәараса.*
Гьауыр *ипыҳәажә ҟьышәла* [е]изыиц[а]уаит.
Уа *дышиашаз шәы-зра дцаит* <…>

С. Л. Зыхәба икьыцхьымтаҿы:

Аалзга апшаҳәа дачла *изцәыз,*
Анцьы-Ҳаным Дал даноарга <…>
Харшәсгьы *исзааугазеи* ҳәа
Есымшааира ашә дапшуан.
Мышкы шьыбжьоншәа
Ҿада [а]хәа-дук ашә *иаалаиргылт.*
Атыцхацәа асалантқәа,
Аҿыо-сыоҳәа ашә *иаалаиргылт* <…>
Дарыкәа *ипас иказгьы* уара уакәзаап, – лхәеит.
– Аи, бара *Енцьы*-Ҳаным,
Злабарта *ҳмоузаз,*
Арт *иаазгозгьы сапын хәуп, – ихәеит.*
Аслан *ҿаша* дақәтәоуп,
Гьаур *ҿаша* дақәтәоуп,
Дарыкәа-ипа Баталбеи.
Ҿеиқәа каза дақәтәоуп,
Дарыкәа-ипа *Хьынкәрас,*
Гьаур *ихәажәгьы шьала* еизицоит.

Уа *дшыԥшыз шәыцьара дцон* <…>

«Ҭалакәыуа Мыстаф иашәа» [Цьапуа, 2001, ад. 74, №48]. Анцамта аԥхьа икьыԥхьын 1972 шыԥәсазы [Гәлиа, Бгажәба, 1972, ад. 54, №71]. Акьыԥхьымтаԥы атекст ԥсахраԥәак азууп. Еиԥшәырԥш:

А. Н. Генко инапылаԥыраԥы:

Акәар-*Аиԥәа* шәаԥьымцала <…>

Цьанат аҳәыр-тыԥҳацәа *азапыиска* иызаартыит <…>

Арыи аены иыиуыз ашәауп.

Хә. С. Бгажәба икьыԥхьымтаԥы:

Акәар *еиԥәала* шәаԥьымцала

Цьанат аҳәыр-тыԥҳацәа *салам* изаартиит.

«Шьаԥар-иыца Спырдаун иашәа» [Цьапуа, 2001, ад. 77 – 78, №55]. Аҳәамта аԥхьа икьыԥхьын 1972 шыԥәсазы (А. К. Аҳашба ианцамтԥәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 218 – 219]. Акьыԥхьымтаԥы атекст алексика ԥсахраԥәак алагалоуп. Ара аԥхьатәи аԥ-цәаҳәак рнаԥс ицоу арефренгьы *(«Ораида, раида гәышьаза»)* анапылаԥыраԥ иԥам. Еиԥшәырԥш:

А. Н. Генко инапылаԥыраԥы:

Аԥәарчаԥанан данаахалал[а]уаз,

Аисырра *ахәанынза* изырлашауаз <…>

Иаупа-хәылда дылаҳәаны <…>

Рԥынца Тԥәарчал ауысҳәартаԥы *ианыԥкылырг[а]уаз* <…>

С. Л. Зыхәба икьыԥхьымтаԥы:

Аԥәарч аԥанан данналалауаз,

Аисырра *аханынза* изырлашауаз <…>

Рԥынца Тԥәарчал аусҳәартаԥы *иankылыргоз*

«Ачбаԥәа ртаурыхыи аԥсацәа Аԥрыика[н]тәыи ыышаазыи» [Цьапуа, 2001, ад. 81 – 83, №52]. Анцамта аԥхьа икьыԥхьын 1972 шыԥәсазы (А. К. Аҳашба ианцамтԥәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 200 – 203]. Акьыԥхьымтаԥы атекст алексика аԥсахраԥәа агәылагалоуп. Еиԥшәырԥш, иаҳҳәап:

А. Н. Генко инапылаԥыраԥы:

Арт Аԥьба[ԥәа] уыс акәын ԥазшьас *ыырымаз.* аиҳабык далыхны, ажәлар зыхьчауаз, *хыс* дрыман <…> Зны абарт ажәлар рыхьышьцәа ҳәа иыԥаз <…> *Аԥьбаԥәа* раиҳабы <…> *Артау* иаркны *Хаун* <…> Аха абра иалԥны иыцаз ыԥан Нхыц, *Кабарда,* Лауԥыт ҳәа иахьашьтаз <…> *Науач (зы-цәцәык* ыԥан, абнацәԥәа аԥцааауа) <…> *Аԥырт ҳәынтԥарцәа* рыԥны ашшра ԥалцан <…> Аԥьамцәа рыҳәынтԥарра *иаиуаз* аҳыжәлак *Шаруан*-шах ҳәа азәы. Уыбрыи ажәла *аԥынтә иыԥалаит Шарвашыизаи ҳәа Чачаа рыжәла, ашьтахь иаԥсыуахаз Аԥсн[ы] аҳцәа.*

С. Л. Зыхәба икьыԥхьымтаԥы:

Арт «Аԥьба» *ҳәа* [изышьтаз] ус акәын ԥазшьас *ишрымаз,* еҳабык далхны, ажәлар зыхьчоз *еиҳабыс* дрыман <…> Зны абарт ажәлар рыхьшьцәа ҳәа иԥаз *«ацәԥшза»* реиҳабы <…> *Ачтау* [Адлер] иаркны *Хон* <…> Аха абра иалԥны ицаз ыԥан Нхыц, *Кавказԥа,* Лоуԥыт ҳәа иахьашьтаз <…> *Науат зхәчык* ыԥан, абнацәԥәа аԥцааауа <…> *Егьырт аҳәынтԥарцәа* рыԥны ашшра ԥалцан <…> Аԥьамцәа рыҳәынтԥарра *иааауаз аҳ жәлас Шерван* Шах ҳәа *иман.* Убри ажәла, Чачаа рыжәла аԥынтә иԥалеит ашьтахь Шервашизе.

«Уахҭаныҵ акрыздыруаз иажәабжь» [Ҵьапуа, 2001, ад. 91 – 92, №66]. Анцамҭа апхьа икьыцхьын 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамҭақәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 187 – 188]. Акьыцхьымҭаҽы атекст иалагалоу ажәаҟәак, ажәаформаҟәак ыкоуп. Еиҽшәырҵш, иаҳҳәап:
А. Н. Генко инапылаԥыраҽы:

<…> Амхы *рзымфыуазыи* <…>

С. Л. Зыхәба икьыцхьымҭаҽы:

<…> Амхы *зырымфозеи* <…>

«Нхыц-Ҳасаныи Гагра-Ҳасаныи» [Ҵьапуа, 2001, ад. 95 – 97, №68]. Анцамҭа апхьа икьыцхьын 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамҭақәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 203 – 205]. Акьыцхьымҭаҽы атекст алексикеи астили еиуеиԥшым апсахраҟәа рылагалоуп. Еиҽшәырҵш, иаҳҳәап:
А. Н. Генко инапылаԥыраҽы:

Аха *анаирҭа-ааирҭа иыздыруамызт,* арт *аеҟәа ргара иылшартәы.* <…> *Иыбжьы гаит аштаҟны азәы.* Гагра-Ҳасан *иызҽыҭны* дааиыпхьан, *ак* аилаҳәаны *иынаииыркыит,* – Абрыи ҳаиуан *рахәны* уара уыҟынтә сара иызгауаит, уахь иыуымаз, – ҳәа. Иыитаз *иынацәкьыс акәзаап, иыԥҳәыс дызла[лы]гәтасуаз.* <…>Дыук мырцыкәа «ачара сымауп, сыԥха хаца дцауаит» ҳәа, *хара* змамыз ҳәа иыҟаз заигьы дрыԥхьан ииаигаит.
С. Л. Зыхәба икьыцхьымҭаҽы:

Аха *арт аеҟәа ргара илшартәы анеирҭа-ааирҭа издырамызт.* <…> *Аштаҟны азәы ибжьы иргеит.* Гагра-Ҳасан дааиԥхьан, акы еилаҳәаны *инапы ииаркит.* [Усгьы иеиҳәеит]: – Абри ҳаиуан *жьыхәҭаны* уара уҟнытә сара изгоит. [Уи ацкыс] *уст* уахь иумаз, – ҳәа [иеиҳәеит]. Иитаз *ипҳәыс дызлалыгәтасуаз инацәкьыс акәзаап.* Дук мырцыкәа *аизара ҟаицеит,* ачара сымоуп, сыԥха хаца дцоит ҳәа. *Хар* змамыз ҳәа иҟаз зегьы дрыԥхьан ииаигеит.

«Ажәытә-уаа рагашьа» [Ҵьапуа, 2001, ад. 97 – 98, №69]. Анцамҭа апхьа икьыцхьын 1936 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамҭаны) [Аҳашба, Кәыкәба, 1936, ад. 119 – 120], анаԥс – 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамҭақәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 194 – 196]. Актәи акьыцхьымҭаҽы атекст апаспорттә згәаҭараҟәа еилахәоуп («Кәыдры араион, ақыҭа Ҵақәашь, 15, V. 1934 ш.»), алексикатә, астильтә ҵсахраҟәагьы рацәаны иазууп. Иԥашьазом, анцамҭа, бзыԥтәи адиалект ачыдараҟәа зланыԥшуала, хатала ибзыԥтәыз В. И. Кәыкәба инапы ишыцижьыз. Еиҽшәырҵш, иаҳҳәап:
А. Н. Генко инапылаԥыраҽы:

– Хаца сцаны, *сыхәычы дсыцзар акәхарын* <…> Иыҟазамыз дышҵаршьуаз? <…> Дцаит аԥыза *ацә иымаз кны* ииаигарцы. *Ацә* кны ииаигаанза [ипҳәыси ипҳаи] аԥны *иынхаз ацә шьны, ацәыуара ҟарцаит.* <…> Шә-манатк *уыскан ҵара дыуын азы, ԥажәа манаҭ иыртан, дауыжьны дыдәыкәырцаит.* <…> *Дсышьтын,* аҳәараҟәа *лаасырцаит, – ҳәа* ииаиҳәаит. Адырԥаены <…>
А. К. Аҳашбеи В. И. Кәыкәбеи ркьыцхьымҭаҽы:

<…> Хаца сцаны *сыҟазар, схәычы дсыцзар* <…> Иыҟазамыз, *иымыизац дышҵаршьуаз?* <…> Дцеит *агәылара аԥыза иавыикуа* ииаигарацы. *Аԥыза* кны ииаигаанза аԥны *иеиҳәаз,* ацә *апсхәы аауеит ҳәа ирфахьан* <…> Шә-манатк *иҭаны,* доурыжьт, *ускан шәманатк ҵара дыун.*

<…> *Дсышьтит* аҳәарақәа *раацаразы,* – еиҳәаит. *Стаацәа реиҳа ибзамыкәыу адунеи аҽы иказаап ааигәахәит аныкәаҿы. Нас* адырҿаены <…>

Атекст аҿбатәи акьыпхьымтаҽгьы (еиҳа еицаны акәзаргьы) аредакциа азууп, уимоу хәоуқәак рцакы зынза ирхәанчоуп. (Аиқәыршәаҿ атекст атранскрипциатә ҿыраҽы *ацә* атыцан *аҽы* хәа дапхьеит.) Еиҽшәырпш, иаҳҳәап:

А. Н. Генко инапылаҿыраҽы:

<…> Цәаҷәара дцарцы *цәы-уаарак* азәы иымыхны ииааигазаап, уа иыҽеахәаны, дцаит аҿыза *ацә* иымаз кны ииааигарцы. *Ацә* кны ииааигааназа [ипҳәыси ипҳаи] аҿны иынхаз *ацә* шьны, ацәыуара ҟарцаит <…> Гәыргьарахаит, *чарахаит* <…> *Нас «апхьа* бцәажәаит» схәан <…> *Ацә* зтәыз манатк наиыитан <…>

С. Л. Зыхәба икьыпхьымтаҽы:

<…> *Ҿацьара* дцарц, *ҿуаарак* азәы имхны ииааигазаап, уа иҽеахәаны дцеит аҿыза *аҽы* имаз кны ииааигарцы. *Аҽы* кны ииааигааназа, аҿны инхаз *аҽы* шьны, ацәыуара ҟарцеит <…> Гәыргьарахеит, *ччарахеит* <…> – *Насыпда,* бцәажәеит, – схәан <…> *Аҽы* зтәыз манатк наиитан <…>

«Арпызбеи апҳәызбеи реибарпьара» [Цьапуа, 2001, ад. 100, №72]. Анцамта апхьа икьыпхьын 1972 шыкәсазы [Гәлиа, Бгажәба, 1972, ад. 120, №155], уантә ихкьыпхьлаан 1992 шыкәсазы [Коҷониа, 1992, ад. 239, №394]. Акьыпхьымтаҽы атекст ацәаҳәакәак рцакы ырхәанчоуп. Еиҽшәырпш:

А. Н. Генко инапылаҿыраҽы:

Хаш-хәаш *гәыдымззала* хәынцәражә <…>

Бкьышә *мацәа* цәахыгауп <…>

Аапын бхы ацарақәа *алапхьуаит.*

Ҿларць *уаҳәыцәгьа,* уапыжә апшь уызсыдхылазыи?

Хә. С. Бгажәба икьыпхьымтаҽы:

Хаш-хәаш *гәыдыззала* хәынцәражә…

Бкьышә-*матәа* цәахыгоуп,

Аапын бхы ацарақәа *алапшуеит.*

Ҿларць уапыжә апшь узсыдхалази?

«Азгаб лырпьага» [Цьапуа, 2001, ад. 101, №73]. Атекст алагамтатә цәаҳәакәак иара ажәабжьхәаҿ ихата иҽынтә иапцаз ашәак [Цьапуа, 2001, ад. 104, №78] иаццаны апхьа икьыпхьын 1941 шыкәсазы (анцаҿы ихьз амырбакәа) [Гәлиа, Бгажәба, 1941, ад. 60 – 61], уантә ихкьыпхьлаан 1972 шыкәсазы [Гәлиа, Бгажәба, 1972, ад. 80, №95], уантә ихкьыпхьлаан 1992 шыкәсазы [Коҷониа, 1992, ад. 234, №389]. Акьыпхьымтаҽы ашәа ахьз псахуп *(«Еиқәнагоит рацәа»),* апаспорттә згәатарақәагьы еилахәоуп (*Мычкәыкә Адлеиба* ихәамтоушәа иҟалеит), ашәаҳәаҿык (*Мачагәа Адлеиба*) иҽынтә иҟацоу анцамтақәа ҿба еиҽыбааup, аредакциагьы мачымкәа ирызуup (иузымкьыпхьуа аобсцентә ажәакәа ацуп хәа акәхап), ашәа «ҽыц» рылхуп. Ари анцамта аҽынтә иаагоу ахәтагьы апсахрақәа амоуп, цәаҳәак бжьажьуп, даеа цәаҳәак ацпоуп. Еиҽшәырпш:

А. Н. Генко инапылаҿыраҽы:

Цыфадараа дыртыпҳауп <…>

Ацгәапсцас дыцәыуаит <…>

Хә. С. Бгажәба икьыпхьымтаҽы:

Цыфадараа дыртыпҳауп *ыыпҳәыс*

Уаҳа насып лымам уи.

«Уан лҭаца» [Цьапуа, 2001, ад. 101 – 102, №74]. Анцамҭа аԥхьа икьыԥхьын 1941 шыҟәсазы (анцаԩы ихьз амырбакәа) [Гәлиа, Бҭажәба, 1941, ад. 74 – 75] (уантә ихкьыԥхьлаан 1975 шыҟәсазы [Салакаиа, 1975, ад. 329]), анаԩс 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамтаҟәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 228]. Актәи акьыԥхьымтаҿы атекст алексика аԥсахраҟәа алагалоуп, лара ашәаҳәаԩ лхата лҿынтә ианцоу лаф ашәак [Цьапуа, 2001, ад. 102 – 103, №76] ацыԥцәахагьы (аредакциа азуны) иара иаԥԥоуп. Еиҿшәырԥш:

А. Н. Генко инапылаԩыраҿы:

Ҿахра *аиԩцәа* <…>
Хынԩажәа ра кәымжәыс иыгауаит,
Ԩынԩажәа ра зыиҟәас иыгауаит <…>
Кәцьалк *азна* кәыд ацыиф[а]уаит,
Ԥшьырҳак азна *хырцә* аиргыуаит.

Д. И. Гәлиеи Хә. С. Бҭажәбеи ркьыԥхьымтаҿы:

Ҿахра *еиԩымцәа* <…>
Ра-хынԩажәа кәымжәыс игоит,
Ра-ԩынԩажәа зиҟәас игоит <…>
Кәцьалк *иҭыцуа* кәыд ацифоит,
Ԥшьырҳак азна *хәыл* аиргоит.

Анцамҭа аԩбатәи акьыԥхьымтаҿгьы [Аҳашба, 1972, ад. 228] атекст апаспорттә згәаҭараҟәа хатәаам, алексикагьы аԥсахраҟәа алагалоуп. Еиҿшәырԥш:

А. Н. Генко инапылаԩыраҿы:

Арыи лхацагьы дшыҡау *шәасҳәап:*
Хынԩажәа ра кәымжәыс иыгауаит.
Ԩынԩажәа ра *зыиҟәас* иыгауаит.

С. Л. Зыхәба икьыԥхьымтаҿы:

Ари лхацагьы дшыҡоу *уасҳәап:*
Ԩынԩажәа ра кәымжәыс игоит.
Ԩынԩажәа ра «…» игоит.

«Арлан Ҷыгъыԥ» [Цьапуа, 2001, ад. 102 – 103, №76]. Анцамҭа аԥхьа икьыԥхьын 1941 шыҟәсазы (анцаԩы ихьз амырбакәа) [Гәлиа, Бҭажәба, 1941, ад. 74 – 75] (уантә ихкьыԥхьлаан аизга аԩбатәи аҭыжьраан [Гәлиа, Бҭажәба, 1972, ад. 119 – 120, №154]), анаԩс – 1972 шыҟәсазы (А. К. Аҳашба ианцамтаҟәа ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 227] (уантә ихкьыԥхьлаан 1992 шыҟәсазы [Коҩониа, 1992, ад. 248 – 249, №410]). Аԥхьатәи акьыԥхьымтаҿы атекст нагзаны иҟам, ацыхәтәантәи 11 цәаҳәа агырхоуп, лара ашәаҳәаԩ лҿынтә ианцоу даеа ашәак [Цьапуа, 2001, ад. 77 – 78, №55] ацыԥцәахак (аредакциа азуны) аԥцоуп [Гәлиа, Бҭажәба, 1941, ад. 74 – 75]), алексикатә ԥсахраҟәагьы маҷымкәа иалагалоуп. Еиҿшәырԥш:

А. Н. Генко инапылаԩыраҿы:

Арлан Ҷыгъыԥ *дшыҡау* шәасҳәап <…>
Ҿан хәашлаԥса, кьахь кәадыр <…>
Иыԩныжә мыжда ԥхәыс *даҟәашьым,*
Мзырха мыжда рахә *аҟәашьым* <…>
Иызазаҳәага иаупыжә ҡаԥшь-хәыҷы <…>
Аҕдара хәыҷы *иырҡаԥшьыит.*
Азмах хәыҷы *иырхәашьыит.*
Арлан Ҷыгъыԥ абас дыкан.

(Иышысҳәаз *аиԥшны иыԥсҭазашьа* [ы]кан.)

Д. И. Гәлиеи Хә. С. Бгажәбеи ркьыԥхьымҭаҽы:

Арԥыс Ҷгьыц *дзеиԥшроу* шәасҳәап…

Иеан хәышлаԥса, кьахь кәадыр <…>

Иԥоны мыжда ԥхәыс *дакәзам,*

Имзырха мыжда рахә *ақәашьзам* <…>

Изазаҳәҳәага иаупажә каԥшь хәыҷы…

Ағадара хәыҷы *ирԥаԥшьуеит,*

Азмах хәыҷы *ирхәашьуеит.*

Ҷгьыц мыжда абас дыкан,

Ишысҳәаз *еиԥш иԥсҭазара* ыкан.

Аԥбатәи акьыԥхьымҭаҽы [Аҳашба, 1972, ад. 227] атекст нагзоуп, аха алексикатә ԥсахраԥәа маҷым. Еиԥшәырԥш:

А. Н. Генко инапылаԥыраҽы:

Арлан Ҷыгьыц дшыкау шәасҳәап…

Арлан Ҷыгьыц абас дыкан.

Дылаҳәы-ԥаҳәуаит дахылажьыу.

«Сыбга *цәыцәаит*» ҳәа дыцәыуауаит.

Лшьапы *цәыцәаит* ҳәа дыцәыуауаит.

Нас дыуыцц[а]уазма *Ґәыблыиа*-ԥха Ныина?..

С. Л. Зыхәба икьыԥхьымҭаҽы:

Арԥыс Ҷгьыц дшыкоу шәасҳәап <…>

Арԥыс Ҷгьыц абас дыкан.

Днаҳәы-ааҳәуеит дахьылажьу <…>

Сыбга *ԥцәеит* ҳәа дцәыуауеит <…>

Лшьапы *цоит* ҳәа дцәыуауеит.

Нас дуццозма *Ґәґәа*-ԥха Нина!

«Арԥызба ирԥьага» [Ҵьапуа, 2001, ад. 103, №77]. Анцамҭа аԥхьа икьыԥхьын 1941 шыкәсазы (анцаԥы ихьз амырбакәа) [Гәлиа, Бгажәба, 1941, ад. 73 – 74], анаԥс – аизга аитаҭыжьраан (А. Н. Генко иаԥцамҭоуп ҳәа арбаны) [Гәлиа, Бгажәба, 1972, ад. 89 – 90, №112], анаԥс – 1972 шыкәсазы (А. К. Аҳашба иаԥцамҭакә ирыланы) [Аҳашба, 1972, ад. 229] (уанте ихкьыԥхьлаан 1992 шыкәсазы [Коґониа, 1992, ад. 235, №390]. Атекст актәи акьыԥхьымҭа аԥсахраԥәа алагалоуп, х-цәахәакгьы аццоуп. Еиԥшәырԥш:

А. Н. Генко инапылаԥыраҽы:

Шәаԥыцьаԥ ҭагылазам <…>

Чыс ыкәыршәым <…>

Кәадыр *зқәым* <…>

Д. И. Гәлиеи Хә. С. Бгажәбеи ркьыԥхьымҭаҽы [Гәлиа, Бгажәба, 1941, ад. 73 – 74]:

Ҵла ҭагылам <…>

Хәаша ыкәыршәым <…>

Кәадыр *ақәзам* <…>

Абас дыкоуп

Ари ахаца.

Сиццозма ари абаша?

Ашәа зныз аизга аитаҭыжьраангьы атекст ԥсахраԥәак аиуит Еиԥшәырԥш:

А. Н. Генко инапылаԥыраҽы:

Чыс ыкәыршәым <…>

Хә. С. Бгажәба икьыцхьымтаҽы [Гәлиа, Бгажәба, 1972, ад. 89 – 90, №112]:

Хәаша ыкәзам <…>

Сиццозма ари баша.

Атекст аҿбатәи акьыцхьымтеи анапылаҿыреи зынза еиқәшәоит, ацыхәтәантәи ацәахәаҽы ажәак аформа ҵсахуп акәымзар *(«ақәым»* – *«ақәзам»* ҳәа) [Аҳашба, 1972, ад. 229].

«Арҵызба ырҵьага» [Ҵьапуа, 2001, ад. 104, №78]. Атекст ацәахәакәа иара ажәабжьҳәаҿ ихата иҽыцтә ианцоу ашәак [Ҵьапуа, 2001, ад. 101, №73] иацҵаны аҵхьа икьыцхьын 1941 шыкәсазы (анцаҿы ихьз амырбакәа) [Гәлиа, Бгажәба, 1941, ад. 60 – 61], уантә ихкьыцхьлаан 1972 шыкәсазы [Гәлиа, Бгажәба, 1972, ад. 80, №95], уантә ихкьыцхьлаан 1992 шыкәсазы [Коҩониа, 1992, ад. 234, №389]. Акьыцхьымтаҽы ашәа ахьз ҵсахуп *(«Еиқәнагоит рацәа»),* апаспорттә згәатарақәагьы еилахәоуп (*Мыҵкәыкә Адлеиба* иҳәамтоушәа иҟалеит), ашәахәаҿык *(Мачагәа Адлеиба)* иҽыцтә ианцоу ашәақәа ҿба еиҽыбааup, аредакциагьы маҵымкәа ирызуup, ашәа «ҽыц» рылхуп. Ари анцамта аҽыцтә иаагоу ахәтагьы аҵсахрақәа рацәаны иамоуп, ацәахәақәа еилаҵсоуп, ибжьажьу, иҽыцны иацҵоу ыкоуп. Еиҽшәырҵш еиқәшәоу ацәахәақәа рыҵсахшьа:

А. Н. Генко инапылаҿыраҽы:

Иаб дыитыиын, *цәкы атныихаит,*

Чара алаиуыит <…>

Иызнапык *ҵшыртҟәашк* акыуп,

Иыцхашьара иыцхәыс иылкыуп,

Иыцацажәгьы алҿа иыцәагаит.

Д. И. Гәлиеи Хә. С. Бгажәбеи ркьыцхьымтаҽы:

Иаб дитин, *цәык итнихит,*

Уи алагьы ачара иуит.

Изнапык аҵшыртҟәаш акуп,

Егьиак ипҳәыс дакыуп,

Ипацажә ауал ицәагахьеит.

Д. И. Гәлиеи Хә. С. Бгажәбеи еиқәдыршәаз аизга «Аҵсуа жәлар рпоэма» даеа ашәакгьы ануп, ашәахәаҿ *Мачагәа Адлеиба* иҳәамтаны [Гәлиа, Бгажәба, 1972, ад. 129, №169]. Ашәа аҵхьатәи аҿ-цәахәак анцамтақәа рыҿбагьы рҽы еиқәшәоит. Аха уинахыс атекстқәа еивыгоуп. Иҟалап ари ашәа ашәкәы аиқәыршәаҿцәа рредакциа иалцшәазаргьы, мамзаргьы иацу апаспорттә згәатарақәа еилахәазар.

«Абжьаҿашьа-хабжьаҟъала» [Ҵьапуа, 2001, ад. 104, №79]. Анцамта аҵхьа икьыцхьын 1972 шыкәсазы [Гәлиа, Бгажәба, 1972, ад. 79, №93], уантә ихкьыцхьлаан 1992 шыкәсазы [Коҩониа, 1992, ад. 250 – 251, №414]. Акьыцхьымтаҽы атекст алексика аҵсахрақәа алагалоуп. Еиҽшәырҵш:

А. Н. Генко инапылаҿыраҽы:

Даныиуаз ыициыз *ҿ-лашак* ымауп <…>

Згәы ҽыцгьуа ауаа рзыхәа

Дара дматәахә бзыиауп.

Хә. С. Бгажәба икьыцхьымтаҽы:

Даниуаз ицизъ *лашак* имауп <…>

Згәы ҽыцгьуа ауаа рзыхәа *иеиҵш дыҟам.*

«Аҳаира ашәа иалаҵаны иырхә[а]уа» [Цьапуа, 2001, ад. 104 – 105, №80 Анцамта апхьа икьыпхьын 1959 шыкәсазы [Шьынкәба, 1959, ад. 229], уант ихкьыпхьлаан 1992 шыкәсазы [Коҩониа, 1992, ад. 293, №475 Акьыпхьымтаҿы атекст апаспорт амазам, аха А. Н. Генко инапылаҿыре иареи ртекстҟәа реиҟәшәашьа агәра унаргоит ари ажәабжьҳәаҿык иҿынт иҟаҵоу нцамтак шакәу. Анцамта зну аизга аиҟәыршәаҿ Б. У. Шьынкәба ар атекст А. К. Аҳашба инапылаҿырақәа рахьтә импыхьашәазар акәха Акьыпхьымтаҿы аиҟәыршәаҿ (рҳәара маншәалам ҳәа) иҵсахит: атек аҿбатәи астрофаҿы – актәи ахпатәи ацәахәакәа, ахпатәи астрофаҿы аҿбатәи ахпатәи ацәахәакәа, аҵшьбатәи астрофаҿы – ахпатәи ацәаҳәа.

«Ачаа рыхьзыртәра» [Цьапуа, 2001, ад. 106, №83]. Анцамта апхь икьыпхьын 1972 шыкәсазы (А. К. Аҳашба ианцамтақәа ирыланы) [Аҳашб 1972, ад. 228], уантә ихкьыпхьлаан 1992 шыкәсазы [Коҩониа, 1992, ад. 296 297, №484]. Акьыпхьымтаҿы атекст апаспорттә згәатарақәа ацзам, ах ҵсахуп, цәаҳәаҟәакгьы еитарсуп. Еиҿшәырҵш:

А. Н. Генко инапылаҿыраҿы:

Кылҳәа Хабыгә,

Хьаре Ц[ь]ансыхә <…>

С. Л. Зыхәба икьыпхьымтаҿы:

Кылҳа Хабыгә,

Хьарч Цьамфер.

Ишаабаз еиҵш, хыхь еиҿхарҵшыз атекстҟәа ргәылоуп еиуеиҵшы аизгақәа: еиҳаракгьы 1972 шыкәсазы Хә. С. Бгажәба итижьыз ҩ-шәкәык «Аҵсуа жәлар рпоезиеи» (ашәкәы аредакциа азиуит С. Л. Зыхәба) А. К Аҳашба «Иалкаау иусумтақәеи» (атекстҟәа акьыпхь иазирхиеит С. Л Зыхәба). Акьыпхьымтақәа реы зҿаҵыцтә ҵсабара ачыдарақәа еиҟәзырхо афонетикатә-орфографиатә нцамтақәа (А. Н. Генкои, А. К. Аҳашбеи, В. И Кәыкәбеи 1928 шыкәсазтәи рфольклортә материалқәа), адиалектт ҷыдарақәа нагзаны ирнымҵшуа, алитературатә бызшәа иазааигәан «ирееихеит». Аредакциа рзухеит атекстҟәа злашьақәгылоу ахәтақәа зегьы рлексика, рпоетика, рстиль, ркомпозициа, рсемантика…

Даара аҵыц рацәа рымоуп атекст иалоу ажәакәа, ажәеидҳәалақ реицааишьа аҵсахра, астиль аитарсра, «арееира». Еиҳагьы ирацәоу атекстҟәа злашьақәгылоу ажәакәа, ажәеидҳәалақәа, аҳәоуҟәа даеакал рыҵсахра, ма зынза рыбжьыршәара. Акьыпхьыҿцәа лассы-ласс анцамт еихшаны (иаҳҳәап, атекст апрозатә хәтеи апоезиатә хәтеи еилыхны), хазы хаз атекст «ҷыцкәа» рылырхуан.

Анцамтақәа ркьыпхьраан ирыхтысуаз арт аҵсахрақәа зхылҿиааua рацәан – атекст аоригинал иишамкәа аилкаара инаркны апхьар «арманшәалара», «армариара» акынза. (Ара иацлазар калоит атыжьрат атипографиатә гхақәагьы.) Ишыказаалак, ас икьыпхьу атекст афольклорт реиамта ачыдарақәа зегьы нагзаны иазеиҟәырхом, аҿаҵыцтә поетик астиль, асемантика аҵсахуеит.

Аҵыхәтәаны афольклористцәа иргәаласыршәар стахын зыхьз адуне еицадыруа афилолог В. И. Пропп 50 шыкәса рапхьа, ауаҵс нарттә епо атекстҟәа аурысшәахь еитаган ртыжьымтак (Нарты. Эпос осетинско народа. Издание подготовили В. И. Абаев, Н. Г. Джусоев, Р. А. Ивнев и Б. А Калоев. Изд. АН СССР, 1957) икритикатә лаҵшҳәаа цар ианыцижь ашьтах иҟеицаз згәатарак: «Народные оригиналы абсолютно неприкосновенн

Всякого рода редакционные или литературные обработки и поправки, если они не оговорены, равносильны подделке» [Пропп, 1958, ад. 398].

Алитература

Аншба, 1982: Аншба А. А. Абхазский фольклор и действительность. – Тбилиси, 1982.

AT: The Types of the Folktale. A Classification and Bidliografy. A.Aarne's Verzeichnis der Märchentypen translated and enlarged by S. Thompson // FF Communications? # 184. – Helsinki, 1961.

Аҳашба, 1972: Хашба А. К. Избранные работы / Сост., ред. и предисл. Х. С. Бгажба. – Сухуми, 1972.

Аҳашба, Кәыкәба, 1936: Аҧсуа лакәҟәа / Еиҟәдыршәеит А. К. Аҳашба, В. И. Кәыкәба; аҧхьажәа иҩит А. К. Аҳашба. – Аҟәа, 1936.

Бҕажәба, 1964: Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка: Исследования и тексты. – Тбилиси, 1964.

Бҕажәба, 1976: Абхазские сказки / Сост., обработ. и перевод Х. С. Бгажба. – Сухуми, 1976.

Гаҷак, 1997: Гацак В. М. Текстологическое постижение многомерности фольклора // Современная текстология: теория и практика. – М., 1997. – Ад. 103 – 112.

Генко, 1928: Генко А. Н. Отчет научного сотрудника АМ А. Н. Генко о летней экспедиции на Кавказ // Известия АН СССР. VII серия: Отделение гуманитарных наук. – Л., 1928. – №8 – 10. – С. 570.

Гәлиа, Бҕажәба, 1941: Аҧсуа жәлар рпоезиа / Еиҟәдыршәеит Д. И. Гәлиа, Хә. С. Бҕажәба. – Аҟәа, 1941.

Гәлиа, Бҕажәба, 1972: Аҧсуа жәлар рпоезиа. – II атыжьымта / Еиҟәдыршәеит Д. И. Гәлиа, Хә. С. Бҕажәба. – Аҟәа, 1972.

Коҕониа, 1992: Аҧсуа жәлар рҽаҧыц рҽиамта. – I атом (Аҧьа ашәаҟәа, аҟьабзтә поезиа, атәхәаҟәа, абзазаратә поезиа) / Еиҟәиршәеит В. А. Коҕониа. – Аҟәа, 1992.

Пропп, 1958: Пропп В. Я. [Рецензия на книгу] Нарты. Эпос осетинского народа. Издание подготовили В. И. Абаев, Н. Г. Джусоев, Р. А. Ивнев и Б. А. Калоев. Изд. АН СССР, 1957, 401 стр. / Русский фольклор. Материалы и исследования. М. – Л., 1958 – С. 395-399.

Салакаиа, 1975: Аҧсуа жәлар рҽаҧыцтә рҽиамта (Ахрестоматиа) / Еиҟәиршәеит, аҧхьажәеи азгәатаҟәеи иҩит Ш. Хь. Салакаиа. – Аҟәа, 1975.

Салакаиа, 1976: Салакая Ш. Х. Абхазский нартский эпос. – Тбилиси, 1976.

Шьаҟрыл, Бҕажәба, 1940: Аҧсуа лакәҟәа / Еиҟәдыршәеит К. С. Шьаҟрыл, Хә. С. Бҕажәба; аҧхьажәа иҩит Н. П. Андреев. – Аҟәа, 1940.

Шьаҟрыл, Бҕажәба, 1965: Аҧсуа лакәҟәа. – I атом / Еиҟәдыршәеит К. С. Шьаҟрыл, Хә. С. Бҕажәба; аҧхьажәа иҩит Н. П. Андреев. – Аҟәа, 1965.

Шьынҟәба, 1959: Аҧсуа жәлар рпоезиа / Еиҟәиршәеит Б. У. Шьынҟәба. – Аҟәа, 1959.

Ҷьапуа, 2001: Аҧсуаа рфольклор заатәи анцамтаҟәа (А. Н. Генко инапылаҩыраҟәа рахьтә) / Еиҟәиршәеит, аҧхьажәеи акомментариаҟәеи иҩит З. Ҷь. Ҷьапуа. – Аҟәа, 2001.

Мамиева И. В.,
(Владикавказ)

АРХЕТИП ДОРОГИ В СОВРЕМЕННОЙ ОСЕТИНСКОЙ ПОВЕСТИ

Мотив *пути/дороги* как один из архетипов человеческого сознания играет значительную роль в сюжетах мировой литературы – от героического эпоса до произведений современного постмодерна. В системе «первообразов», «питающих» мифы и верования, он олицетворяет метафору человеческого существования – от рождения до смерти.

«Внедрение» архетипического образа в сюжет произведений литературы и искусства. Что это дает? Во-первых, обостряет эмоциональное восприятие изображаемого, и происходит это тем сильнее, чем глубже и «многослойнее» смыслы используемой метафоры. Во-вторых, способствует «осовремениванию» и трансляции «в сегодня» наиболее ценного и важного из опыта поколений. К.Г. Юнг, кому мы собственно обязаны введением понятия «архетип» в широкий литературоведческий оборот, считал, что успех художника целиком зависит оттого, в какой степени он способен ощутить эти первичные схемы образов и адекватно реализовать их в произведении. Универсальность смысла архетипических констант, по Юнгу, неимоверно расширяет сферу их воздействия, поскольку «тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов…, он подымает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечного; притом и свою личную судьбу он возвышает до всечеловеческой судьбы…»[1] Среди вечных, онтологических тем искусства, которые активно осмысливает современная осетинская повесть, существенное значение придается «первообразу» дороги.

Выделение нами данного архетипа в качестве исследовательской доминанты никоим образом не означает сведение всего содержания современной осетинской повести к фольклорно-мифологической основе. Выбор мотива пути/дороги продиктован задачей осознания его функций, того, насколько конструктивно «извлечение» художником из запрограммированного в нем бессознательного «издревле заданной формулы» жизни (Т. Манн) и насколько органично эта формула вписана в историко-литературный контекст осетинского повествования. В силу заданности объема данной статьи мы ограничимся анализом трех произведений: «Покровитель путников»[2] К. Дзесова, «Возвращение Урузмага»[3] Н. Джусойты, «Длинная осенняя дорога»[4] Г. Агнаева.

Тема дороги в повести К. Дзесова «Фæндагсар Уастырджи» («Покровитель путников») имеет двуплановое решение. Внешний «предметный» план связан с обязанностями смотрителя дороги: поддерживать на ней порядок, заботиться о безопасности путников.

На первый взгляд повесть может показаться мелкотемной, так как почти не поднимается над уровнем быта и этикой быта. Но только на первый взгляд, ибо быт в ней одухотворен своей сопричастностью старым и вечно новым критериям

---

[1] Юнг К. Г. Об архетипах. – М., 1937.
[2] Дзесты Куыдзæг. Фæззыгон най: Уацау æмæ радзырдтæ. – Дзæуджыхъæу, 1981.
[3] Джусойты Н. Реки вспять не текут: Повести. – М., 1981.
[4] Агънаты Г. Даргъ фæндаг: Роман æмæ уацаутæ. – Дзæуджыхъæ, 2006.. – Дзæуджыхъæу, 2006.

истинной человеческой жизни: доброты, любви, надежности в словах и поступках, беспокойства за окружающих людей и мир живой природы. С этим связан второй слой повествования: мифологический.

Фабульная линия повести вырастает из традиционной для северокавказской литературы коллизии: труженик-бедняк в схватке с унижающим его честь и достоинство княжеским отпрыском. Конфликт обуславливает идею социализации героя; как и в фольклоре, мотиву пути здесь сопутствует энергия движения. Герой последовательно проходит этапы школы жизни: Сибирь, каторга, империалистическая война, первые политические уроки, распад фронта, партизанское движение во время гражданской войны… Однако данная фабульная линия остается за пределами сюжетного времени и пространства. Она меньше всего интересует автора. В основу сюжетного действия положена история родителей юноши. Скрываясь от кровомщения, они вынуждены покинуть свой дом и обосноваться в далеком горном ауле. Но, пристав к «чужому берегу», беглецы недолго остаются здесь гостями, праздными людьми. Дзаххо становится смотрителем дороги на перевале, Дзитта заново обустраивает домашний очаг.

В хронотопе дороги начинает превалировать момент статики, точнее, неоднократного действия, постоянства. В основе его - идея нравственного самосовершенствования, каждодневной необходимости трудиться и тем самым приумножать благости мира. В повести художественно материализуется несколько этических заповедей, которые не следует забывать людям («Рука дающего не оскудевает», «Гость – божий гость», «Пригрей слабого и сирого», «И среди множества людей можно быть одиноким, а можно – наоборот», «Добрыми деяниями беду отводят» и т. п.).

Персонажи К. Дзесова живут в гармонии с природой, с нравственными законами предков. Потому так органичен в произведении образ Уастырджи (*для женщин его имя табуировано*) – особо любимого и почитаемого божества в осетинском пантеоне. Мифологический персонаж опосредованно соотнесен с главным героем повести – Дзаххо, что придает действиям последнего глубину и некий высший смысл. Роль «покровителя путников» как нельзя лучше отвечает внутренней потребности героя реализовать себя, потребности служить людям, творя добро; жить по совести.

Союз Дзаххо и Дзитта характеризуется одним емким понятием «*бинонты фарн*», что у осетин означает семейное счастье, благополучие, мир и лад в доме. Эта константа духовного пространства супружеской жизни наиболее ярко раскрывается в эпизоде спасения попавших в беду путников. С одной стороны, мы имеем здесь прямой выход к мифологии (мотив вмешательства божественного провидения). Но не менее выразительна в плане мифологическом и другая микросцена: одинокая фигура женщины на плоской крыше сакли с горящей лучиной в руке, как бы рассеивающая кромешный мрак ночи... Естественно, мы соотносим ее (по законам ассоциативной связи) с образом древней хранительницы очага, скифской богини Табити (Тапати). Как атрибутика благодати Дома воспринимаются также лай собаки («гость на пороге») и крик петуха («новый, добрый день настает»), несущие в себе, отличный от библейского, позитивный смысл.

Писателю удается создать психологически точный рисунок внутреннего состояния героини. Напряженным ожиданием исхода ситуации обусловлена амбивалентность ее поведения: этикет обязывает проявлять сдержанность чувств к супругу, но случай представил благую возможность их проявления, и Дзитта «кинулась крепко обнимать путников, будто это они спасли ее мужа», а не наоборот.

Идее национальной самоидентификации служит в повести и сюжетная линия русских геологов, обосновавшихся у подножья глухого ущелья, по соседству с саклей Дзаххо. Поначалу иная этническая модель поведения раздражает, вызывает неприятие. Но по ходу сюжетного действия герои осознают: общечеловеческие ценности, при их различной национальной окраске, по сути одни и те же.

Таким образом, архетип дороги в повести «Покровитель путников» К. Дзесова внутренне расширяет границы изображения национального мира. Как пространственно-временная и духовно-эмоциональная субстанция она в то же время, при всей ее локальности, опрокинута в общечеловеческое бытие и актуализирует ценности, единые для всех времен и народов: вечные истины добра, нравственности, любви ко всему живому на земле.

В повестях цикла «Реки вспять не текут» Н. Джусойты концепт «дорога» напрямую связан с образом Дома. Основным в них становится тема «возвращения» – к корням, к нравственным истокам. Эта тема наиболее многомерно раскрывается в повести «Возвращение Урузмага».

О каком «возвращении» повествует автор? Может быть о том, как 60-летний горец Урузмаг воротился в родной аул умирать, поскольку в городской больнице ему вынесли жестокий приговор и дальнейшее пребывание его там не имеело смысла? Разумеется, и об этом тоже.

Чуть ли не с первых шагов Урузмага по этому пути «к порогу конца» мы - свидетели душевной выдержки и мужества человека, чья жизнь внезапно и неумолимо оказалась заключенной в рамки «двух месяцев». Действие развивается «не вширь, по горизонтали, а как бы вглубь и по вертикали»[1]. С этим связан еще один аспект темы «возвращения». До того момента, когда Урузмагу открылась правда о его болезни, он был весь обращен во внешний мир, за каждодневными делами не оставалось времени подумать о себе. Экстремальная ситуация повернула взгляд героя вглубь себя. И мы слышим непрерывный внутренний монолог человека, который достойно прожил отмеренное ему судьбой время. Воспоминания Урузмага извлекают из прошлого различные события его биографии, мы все время в плену его переживаний, раздумий, выводов, оценок… Основной итог этого *«возвращения»* героя *к себе* – идея «искупления греха забвения, непонимания, расточительства»[2] извечных духовных ценностей (причем греха не его и даже не его поколения!). Как же мыслится автором возврат утерянного? Прежде всего, через посредство созидательной доброты и благодарной памяти – социальной, нравственной, эмоционально-психологической. Именно так действует его герой, серией конкретных поступков культивируя и укрепляя данные качества в сознании и быту сородичей.

Мотив «последнего похода»[3], основополагающий в сюжете повести, манифестирует связь с миром Нартов – легендарных предков осетин, а значит – с этико-эстетическими ценностями прошлого. Пастух Урузмаг, соотнося свой последний срок с поведением эпического героя, воспринимает его как решающий экзамен на самообладание, на соответствие кодексу горской чести. Энергия непокорности и стремление оставить добрый след на земле характеризуют позицию персонажа.

Мудрый старейшина Нартов, даже заточенный в сундук (гроб), сподобился принести благо сородичам, пригнав им бесчисленные стада противника. По-

[1] Æлборты Х.-У. Уидæгтæ æмæ къабузтау. – Цхинвал, 1999. – С. 203.
[2] Чайковская В. Уроки возвращения // Литературон-критикон уацатæ. – Цхинвал, 1985. – С. 67.
[3] См.: Нарты: Осетинский героический эпос. - М., 1989. – Кн. 2. – С. 80-85.

добно нарту-тезке, все мысли героя Н. Джусойты направлены на то, чтобы избежать позорной смерти. Ведь «два месяца» - сухой остаток его жизни – это те же гробовые доски. Но чем он-то, земной Урузмаг, собирается одарить людей на прощание?

Здесь проступает глубинный – архетипичный слой произведения, связанный с мотивом «самой трудной и длинной дороги» - от дома до кладбища, дороги последнего путешествия. Он естественно перетекает в концепт жизни-смерти, телесного умирания-духовного возвращения. «Смерть человека» - так названа повесть в оригинале. Вечное противостояние Человека и Смерти, духовная победа человека над смертью – в этом кроется смысл данного названия. Мотив знания смертного часа не нов в мировом фольклоре и литературе. По-разному решали этот «вечный вопрос» Ч. Айтматов в романе «И дольше века длится день», А. Ким в повести «Лотос» и, конечно же, Л.Н. Толстой: в таких произведениях, как «Три смерти», «Смерть Ивана Ильича» (к слову сказать, близость этому персонажу духовного антипода Урузмага, Хиуа, несомненна; и в этой связи мы можем говорить о системе номинаций персонажей у Н. Джусойты: хиуа - осет. «сойка», крик этой птицы у осетин соотносится с недоброй вестью).

«Умереть как человек» - вот формула, которую выводит осетинский писатель Н. Джусойты в своей повести. В русском переводе в заголовке актуализирован мотив возвращения. В критике было замечено, что о герое Н. Джусойты, как и об Анне из повести «Последний срок» В. Распутина, сказано: он «ушел», не умер, а ушел. Урузмаг Н. Джусойты ушел, чтобы, как и его эпический тезка, вернуться, но уже – в памяти людей – своими мыслями, поступками, добрыми делами.

Мотив пути/дороги звучит и в повести Г. Агнаева «Осенняя длинная дорога», но как же зловещи и страшны его аккорды!

Моральным уродом, монстром предстает перед нами герой, идущий по жизни как бы в обратном направлении – от человеческого к дьявольскому, к Зверю. Колесить по дорогам – его профессия. Пару лет назад в салон такси Махара, спасаясь от насильников, впрыгнула девушка, юное наивное существо, почти подросток, все действия которой красноречиво укладывались в рамки священной формулы *«Æз де уазæг!»* («я – твой гость!»). И он - (по собственному ощущению) добропорядочный отец семейства, - пренебрегши этим заклинанием (а он, мы знаем, «срабатывало» даже при встрече кровников), цинично воспользовался беззащитностью своей жертвы. Трагедия обманутого доверия, растоптанного, распятого достоинства и чести выписана эмоционально пронзительно. Противоестественность ситуации подчеркивается сознательной деформацией архетипического образа. Ведь путешествие по дороге (жизни) должно вести к высшему, очищать[1]. У Г. Агнаева лейтмотив дороги приобретает мрачный, мистический смысл, превращаясь в образ-символ грязи (осенняя распутица) и зла как олицетворения наступивших в обществе негативных перемен (90-е годы прошлого столетия) и одновременно – в символ окончательной деградации персонажа повести.

Художественный мир повести Г. Агнаева определен системой бинарных оппозиций. Ведущий прием в характеристике героя, живущего по принципу двойных стандартов, - контраст внутреннего и внешнего. Внешне поведение Махара строго этикетно, речь продумана, ответы взвешены. Герой опрятен и подтянут. За рулем он – бог, к своей машине относится трепетно, почти как к

[1] Керлот Х.Э. Словарь символов. – М., 1994. – С. 427-428.

живому существу. Но равнодушен к людям, во всем руководствуется личной выгодой. Созерцая чужое горе, он внешне предупредителен к своим пассажирам, однако мысленно насмехается над ними, ерничает, рисует в воображении непристойные сцены. Во время инцидента на дороге герой Г. Агнаева возмущен алчностью и бесцеремонностью грабителей. И в то же время с тайной завистью подсчитывает про себя их «прибыль».

Двоичным противопоставлением обусловлены также и символические совпадения в повести. Водитель катафалка и покойник, которого он везет, оказываются одногодками, да к тому же - рожденными в один день: словно зародыши добра и зла в одном ядре. История жизни Дзибуша – это нескончаемая борьба за справедливость, сплошная цепь испытаний; жизненный путь Махара состоит из одних компромиссов. Сюжетно-композиционное построение повести отвечает задаче саморазоблачения антигероя Г. Агнаева. В течение долгого пути Махар почтительно слушает воспоминания близких об умершем, а параллельно звучит его внутренняя речь, комментарии, полные цинизма и желчи. Характерна аргументация персонажа в пользу собственной позиции: вот он - Махар, пышущий здоровьем, полный сил и жажды жизни, а вот рядом – его ровесник: совестливый, принципиальный, почти святой, но мертвый!

Для актуализации заложенного в повести смысла, помимо основной сюжетной линии, не меньшее значение имеют и связанные с нею сущностные проявления, среди которых отметим:

1) смену героем если не сферы деятельности, то хотя бы ее статуса. Катафалк как атрибут смерти обостряет оппозицию бытия – небытия, этого и того света, а более всего высвечивает антиномию *человек – не-человек*. Персонаж Г. Агнаева предстает этаким Хароном на колесах в перестроечное время, но сей мифологический персонаж, как известно, – всего лишь беспристрастный перевозчик душ мертвых. Истинной сути героя гораздо ближе образ самой Смерти. Махар в своих мыслях очень часто апеллирует к данному «персонажу», персонифицируя его в облике Черного человека. (Заметьте: традиционное восприятие Смерти - в белых одеждах!) Окончательную точку в атрибуции персонажа ставит эпизод повторного пересечения «путей» водителя и его давней пассажирки и связанный с этим

2) мотив видения усопшей, обнажающий причинно-следственные связи трагического исхода ее жизни. Данный мотив, сводя воедино начала и концы, организует второй, подтекстовый слой произведения. Смятение, беспокойство, выказываемые покойницей («Куда ты меня везешь, куда?»), рождают «нехорошие» ассоциации: уж не Люцифер ли перед нами в обличье таксиста, провоцирующий людей на путь греха, а затем забирающий их души?

Сделав своего персонажа собственником катафалка, писатель обретает возможность в полной мере вскрыть дегуманизирующий потенциал образа. И здесь важная роль отводится

3) эпизоду «ограбления мертвого» и сопровождающих его людей в трауре: по обычаю покойник должен быть погребен дома, на земле отцов. Идея почитания могил предков, святости родового кладбища актуальна для национальных литератур, в том числе и для вышеуказанной повести Н. Джусойты. Ею проверяется и персонаж Г. Агнаева. Но для Махара подобные дефиниции – пустой звук. «Мертвец есть мертвец, какая разница, где его зароют», - такова его позиция.

Поэтика повести соответствует ее основным проблемным узлам (физиологизм социума, исповедующего власть силы денег и живущего скрытой животной

жизнью; насилие над слабыми, порожденное безнаказанностью, цинизм; проекция бездуховности на все общество в целом). Писатель прослеживает социально-нравственные истоки формирования подобного типа, но не ищет ему оправдания.

В произведениях К. Дзесова и Н. Джусойты мотив пути соотнесен с идеей жизни как связи поколений, с идеей «возврата» к духовным ценностям народа, значение которых непреходяще во все времена. Г. Агнаев утверждает ту же идею через посредство отрицания: бездумный бег его героя в обратном направлении есть нравственное одичание, смерть, апокалипсис души.

Итак, проанализированный нами архетипический мотив в художественной системе осетинской повести позволяет выделить наличие бинарных оппозиций, соотносимых с понятиями праведного и греховного пути; жизни после смерти и смерти при жизни.

Тема пути, по которому идет человек, оставляя тот или иной след, насыщает реалистические по сути образы мифологическими «вкраплениями». Эти трансформации как бы реализуют триаду: Бог («Покровитель путников») – человек («Возвращение Урузмага», или «Смерть человека») – дьявол («Длинная осенняя дорога»).

Элементом моделирующей системы являются и сами названия текстов, предопределяющие, как известно, их восприятие.

Иными словами, архетип дороги, в соединении с рядом других «первообразов» («жизни и смерти», «дома», «очага», «огня/света»), «работающих» на его усиление, многомерно и художественно значимо реализуется в структуре произведений как ведущий системный фактор.

При этом авторы вкладывают в означенную «вневременную схему» оригинальное содержание (тип героя, идея, пространственно-временные параметры и пр.). Но личный художнический опыт каждого из них «подпитывается» этнической памятью, которая в свою очередь свободно апеллирует к универсально-постоянным началам человеческой жизни. Этим обусловлены многомерность восприятия проблем и образов, сила эмоционального воздействия их на читателя.

Аҭоурых

История

Шамба Г.К., Эрлих В.Р.,
Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В.
(Сухум, Москва)

Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии.[1]

В настоящее время в Центральной Абхазии можно выделить три элитных воинских погребальных комплекса, относящихся к VI-началу V в. до н.э., т.е. ко времени начала колонизации региона греками.

Два комплекса происходят из села Нижняя Эшера. Одно из них - погребение всадника в сопровождении трех коней и зависимого лица, обнаруженное в 1977 г. в 100 м к востоку от Эшерского городища, уже было предварительно опубликовано [Шамба, 1983]. Могильная яма размером 3х4 м имела четырехугольную форму с закругленными углами. Примерно в середине ямы прослежены остатки человеческих костей. Среди них находилась одна золотая и две серебряные привески, фрагменты сосуда, фрагменты кинжала или ножа. Этот костяк был ориентирован на северо-восток. Справа от него в 0,8 м стояла раздавленная чернофигурная амфора. Ее крышка находилась в 1,5 м к югу от сосуда. Слева от центрального захоронения находилось погребение «конюха» - мужской костяк хорошей сохранности головой на северо-запад. Слегка согнутые руки были положены на животе. Вплотную к нему с востока примыкали три конских погребения[2] лежавших головами на северо-восток, здесь же обнаружены кости молодого бычка и свиньи.

Весьма интересна узда этого комплекса, которая первоначально в первой публикации была сопоставлена с уздой скифского облика [Шамба, 1983, с. 33]. В то же время Ю.Н.Воронов отмечал своеобразность найденных здесь удил и псалиев [Воронов, 1981, с.337].

Следует отметить, что С-овидные железные псалии в этих однотипных уздечных комплектах крепились не при помощи жестких ремней, а посредством специальных шпеньков-заклепок, находящихся у начала, отдельно откованных петель для повода (рис.2). С одной стороны, эти железные комплекты можно считать развитием переднеазитских и закавказских удил с жесткоскрепленными или напускными псалиями. Отметим, что уздечные комплекты VII-VI вв. до н.э. весьма редки на территории Центральной Абхазии. Здесь встречена архаическая узда как скифского типа - Куланурхва п. 4 [Трапш, 1970, с.160, таб.VI, 6,7], так и закавказского – Красный Маяк, п. 8 [Трапш, 1969, с. 186, таб. XXII, 2]. В 2004 г. на поселении Холм Верещагина были обнаружены железные удила, звенья которых были откованы вместе с трехпетельчатыми псалиями, которые представляют другой вариант развития переднеазиатско-закавказской схемы узды. Железные С-овидные или прямые псалии приклепанные либо приваренные кузнеч-

---

[1] Написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда - грант № 05-01-01459а.

[2] По определению Н.И. Бурчак-Абрамовича, кони относились к двум породам – две тонконогие скаковые и одна низкорослая [Шамба, 1983, с.33].

ной сваркой к стержням удил в месте их перехода к поводному кольцу характерны для удил векерзугского [по Chochorowski, 1985, S.114-115] или как ныне предложил М. Бандривский [Бандрівський, 2005, с.90-93] подольско-карпатского типа. Если Ян Хохоровский датировал памятники типа Векерзуг в пределах VI-начала V в. до н.э., что вполне сопоставимо по времени с рассматриваемым нами комплексам из Абхазии [Chochorowski, 1985, S.128 и сл.], то сейчас в связи с общим понижением абсолютных дат средне-европейской схемы, период HaC2, к которому относятся данные уздечки датируется в пределах VII в. до н.э. [Бандрівський, 2005, с.90-93]. В то же время мы должны отметить и важные отличия эшерских удил от среднеевропейских. На удилах из Нижней Эшеры кольца для повода откованы отдельно. Один конец их свернут в петлю для крепления повода, другой пропущен через конец грызла, свернутый в маленькую петлю. Среднее отверстие в псалии фиксируется специальной заклепкой на конце. Таким образом, псалий мог свободно поворачиваться (рис.2). Поводное кольцо также было подвижно в пределах длины стержня его основания. Подобная уздечка отличалась и от скифской и от среднеевропейской, сочетая в себе элементы жестко-скрепленных и подвижно-скрепленных уздечек.

Элементом, заимствованным из ареала скифо-савроматской культуры вне сомнения является уздечное украшение в виде кабаньего клыка с зооморфным изображением (рис.1, *2*). Как отметила Е.Ф. Чежина (Королькова), сделавшая сводку подобных изделий, данный клык «является единственным экземпляром, на котором представлено изображение полной фигуры хищника в позе «припавшего к земле» [Чежина, 1991, с. 31]. Наибольшее их количество происходит из Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, из памятников традиционно считающимися савроматскими [Смирнов, 1964, с. 230; Чежина, 1991, с.30]. Как считает Е.Ф.Чежина, вся серия орнаментированных клыков и их имитаций из бронзы, встреченных на просторах Евразии находится в относительно небольшом хронологическом интервале, ограниченном «примерно концом VI-1-й половиной V в. до н.э.». Исключением является относимый исследовательницей к VIII в до н.э. клык из Аржана, который отличается и конструкционно от всей серии [Чежина, 1991, с.35]. В данном исследовании подчеркнута и исключительная важность эшерского орнаментированного клыка, заключающаяся в том, что он единственный найден в комплексе, надежно датированным греческим импортом [Чежина, 1991, с.31]. Следует отметить, что традиция конских украшений в виде орнаментированных клыков в Центральной Абхазии получила свое продолжение в более позднее время. В 2004 г. в слое Эшерского городища нами был обнаружен резной кабаний клык с изображением головы кабана и рядом зооморфных превращений. По своим стилистическим особенностям и положению в слое он не может быть датирован ранее начала IV в. до н.э. [Шамба и др., 2005, с. 567, рис.80; Эрлих, Шамба, 2006, с.].

Встреченные в Эшерском комплексе 1977 г. украшенные рельефным елочным орнаментом колокольчики в равной степени находят аналогии, как в памятниках юга Восточной Европы, так и Закавказья. Всего у черепов шейных позвонков лошадей было обнаружено 9 колокольчиков. В настоящее время в фондах Абхазского государственного музея хранится семь маленьких колокольчиков **(высотой 5-6 см.)** (рис.1, 3-9) и один большой высотой 9 см (рис.1, 1).

Подобные орнаментированные колокольчики имеют широкую дату бытования от конца VII-VI вв. до н.э. (Абано, п.6; Нартан, курганы 13, 15, 17, 18) до первой половины IV в. до н.э. (Уляп, курган 5) [Нуцубидзе, 1978, табл.24, 7; Батчаев, 1985, таб., 35, 12; таб.39, 1-4; таб.43, 25; таб.45, 36; Сокровища…,1985,

с.90, 91, кат.230, рис.45]. По хронологическим разработкам А.Ю. Скакова, в памятниках колхидской культуры подобные колокольчики встречаются в пределах VI в. до н.э. (возможно вторая половина VII в. до н.э.) – первая половина V в. до н.э. [Скаков, 2002, с. 225, 226]. Не уникальны орнаментированные бронзовые колокольчики и в Центральной Абхазии. Они встречены в Красномаяцком могильнике, в могильнике Шубара-2, в погребении у с. В.Яштхуа [Трапш, 1969, с.186, таб. XXII, 5; Шамба, 2000, Табл.68А, 48; Квирквелия, 1978, таб. 28, 2].

К местной колхидской культуре следует отнести серебряную височную подвеску раскованными окончаниями с золотой биспиральной привеской. Бронзовые биспиральные привески встречены в могильнике вместе с цепочкой в погребении 3 могильника Куланурхва, там же встречены аналогичные эшерским височные подвески, однако с сомкнутыми концами (Трапш, 1970, Табл. IV, 1, 10). Вне комплекса биспиральные подвески бронзовые и железные встречены и в могильнике Джантух [Шамба, 1984, с.87, рис.31, 18-20; Шамба Г.К, Шамба С.М., 1990, с. 83, рис. 24, 61-67]. Очевидно, они также имеют широкий хронологический диапазон, по крайней мере, доживая до второй половины V, а может и до IV в. до н.э. Об этом говорит их находка в погребении 2 (2003 г.) на Эшерском городище. Эта дата обусловлена стратиграфической ситуацией **данного** участка, который в это время использовался как некрополь [Шамба и др., 2005, с. 287-290, рис. 9].

Наиболее важное место в архаическом комплексе из Нижней Эшеры принадлежит чернофигурной амфоре (рис. 3, 4).

Это крупный сосуд с яйцеобразным туловом, покатыми плечиками, плавно переходящими в широкое горло, завершающееся венчиком в виде перевернутого усеченного конуса (так называемая Belly-амфора, тип А). Ручки имеют закраины, украшенные виноградной лозой. Подставка профилированная, состоит из двух стоящих друг на друге дисков. Нижняя часть амфоры у ножки украшена лучевым орнаментом. Рисунок расположен в метопах, ограниченных сверху орнаментом из соединенных плетенкой пальметок и цветов лотоса. Сторона А: сцена из Дионисийских мистерий (рис. 3). Центральная пара представляет собой Диониса и женскую фигуру в длинных одеждах, стоящих лицом друг к другу. Персонажи изображены статично, выделены обрамляющими их виноградными лозами с кистями винограда. Вероятно, это Дионис и Ариадна или Персефона. За Дионисом, лицом к нему расположены две фигуры: менада и сатир. Они изображены в движении. С правой стороны композиции лицом к остальным персонажам помещена еще одна фигура танцующего сатира, играющего на флейте. Сторона Б: сцена выезда на квадриге (рис. 4). На колеснице запряженной четверкой лошадей помещены две фигуры: возница, за которым расположена фигура воина в панцире и шлеме со щитом и копьями в руках. Перед его головой сохранилась надпись NIKON (рис. 5, *1*). За колесницей расположена фигура в гиматии, лицо которой перекрыто щитом, передняя ее часть – колесницей. Две фигуры воинов в воинском облачении расположены перед колесницей вправо. Одна - непосредственно перед колесницей, другая – за квадригой. Справа, перед квадригой, лицом к композиции расположена еще одна фигура в гиматии. Крупные утраты затрудняют идентификацию персонажей. За надписью NIKON следует крупная утрата, возможно, здесь могло быть написано слово ΚΑΛΟΣ. Можно предположить, что роспись посвящена некоему лицу, победившему в конных воинских соревнованиях. Известна Панафинейская амфора из Вульчи с изображением колесницы и надписью ΚΑΛΟΣ NIKON [см. Beazley ABV, 1956, P. 671].

Роспись выполнена в манере мастера Лисиппида, работавшего в мастерской горшечника Андокида (Бизли). Наиболее близки изображению на нашей амфоре росписи на амфорах из Британского музея – 530 гг. до н.э. [CVA, Brit. Mus., 4, pl. 49 (3)], из Бостона – 530 гг. до н.э. [CVA, USA, f. 14, Boston, Museum of Fine Arts. Fasc.1. Pl. 13], из ГМИИ им. А.С. Пушкина – 530 г. До н.э. [Сидорова, Тугушева, Забелина, 1985, с. 12, кат. 21], из Гос. Эрмитажа – 520-е гг. до н.э. [Горбунова, 1985, с. 59-60, кат. 40].

Форма амфоры, расположение и стиль росписи соответствуют сосудам, вышедшим из мастерской Андокида. Однако следует принять во внимание некоторую небрежность в построении композиции и росписи, не свойственные работам самого мастера Лисиппида. Возможно, это работа кого-либо из его последователей. Амфору из Эшера мы можем датировать 530-520-е гг. до н.э.

Осенью 2005 г. также к юго-востоку от Эшерского в городища в урочище Кутышха были обнаружены остатки богатого воинского захоронения архаического времени. Комплекс был обнаружен при совершении современного захоронения на территории абхазского фамильного кладбища. В связи с этим обстоятельством, доследовать место находки было невозможно. В комплекс входили: фрагментированные железные топор-секира (рис.7, *4*) и кинжал-акинак с прямоугольным навершием и почковидным перекрестием (рис. 6, *1*), железные двулопастные наконечники стрел (рис. 7, *5-13*), фрагменты маленьких петельчатых железных удил (рис. 6, *7)*, оселок (рис. 6, *4*), наконечник копья (рис. 6, *5*), серебряная височная подвеска (рис. 6, *2*), а также остатки бронзового доспеха (рис. 7, *1-3*) и бронзовый крючок (рис. 6, *3*).

Сильно поврежденный окислами топор из данного комплекса имеет короткий округлый в сечении обушок и узкое отогнутое вниз лезвие (рис. 7, *4*). Подобные топоры–секиры имеют архаическую форму, характерную для VI в до н.э. и восходящую к местным бронзовым топорам [Воронов, 1975, с.221; Погребова, 1969; Есаян, Погребова, 1985, с.80-83], и близок, например, к железному топору из п.5 могильника Куланурхва [Трапш, 1970, с.153, рис.таб. V, 11, 26].

Фрагменты железного кинжала, происходящего из данного комплекса позволяют судить о его форме. Перед нами короткий кинжал-акинак с брусковидным навершием и бабочковидным или почковидным перекрестием (рис. 6, *1*). В скифских, меотских, а также закавказских комплексах подобные кинжалы датируются в пределах вторая половина VII-V в. до н.э. [Мелюкова, 1964, с.47 и сл.; Эрлих, 1988, с. 413-428; Эрлих, 1992, с. 4-5; Воронов, 1975, с.224; Есаян, Погребова, 1985, с.46]. Встречены подобные кинжалы и мечи и в ряде пунктов Абхазии [Воронов, 1975, с. 223, рис. 2, 4,16, 17, 20]. Фрагменты железного кинжала предположительно этого же типа обнаружены в распашке на территории Эшерского городища [Шамба, 1980, таб. LXI, 2].

Встреченные здесь железные втульчатые наконечники стрел (рис. 7, *5-13*), несмотря на плохую сохранность можно отнести к местным подражаниям двулопастным скифским стрелам с остролистой головкой [Воронов, 1975, с. 218-220, рис. 2, 8-12]. Подобные наконечники стрел встречены в Абхазии в погребении 5 раннескифского времени в могильнике Куланурхва [Трапш, 1970, с.153, таб.V, 6-9].

Серебряная височная подвеска из этого комплекса имеет почти смыкающиеся концы, один из которых свернут в спираль (рис. 6, *2*). Вероятно, это форма подвесок восходит к подвескам восточного и центрального варианта кобанской культуры, к проволочным или пластинчатым подвескам в 1,5 оборота из бронзы

или электра, с одним или двумя концами, свернутыми в спираль [Козенкова, 1982, таб.XXIII, 23, 34, 35; Техов, 1977, с.170, рис. 114, 23-25, 34, 35].

Предмет в виде стержня из мелкозернистого песчаника или сланца, очевидно, следует отнести к оселкам (рис. 6, *4*). Его концы имеют с двух сторон характерную потертость и по два желобка. Не имея точных аналогий данному предмету, мы можем предположить, что он имел с двух сторон по металлическому колпачку, один из которых служил для его подвешивания. Оселок с золотым колпачком обнаружен погребении 9 в Вани, относящемуся к IV в. до н.э. [Вани I, рис.171]. Известны оселки с золотыми колпачками, однако, односторонними из курганов IV в. до н.э. Северного Причерноморья – Талаевский, Куль-Оба, Малая Близница, Чертомлык, Карагодеуашх [Scythian Art, 1986, 175-177; Алексеев и др., 1990, с. 108, рис.72; Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894]. В то же время, судя по находке оселка с колпачком в лужицком комплексе из Фетерсфелде (Виташково) оселки с золотыми колпачками известны, по крайней мере, с V в. до н.э. [Greifenhagen, 1970, Taf., 43, 4;44]. Допустить, что оселок мог быть украшен с двух сторон, позволяет находка золотого колпачка без отверстия или петельки для подвешивания в Бердянском кургане [Scythian Gold, 1999, cat.100]. Необходимо указать и точку зрения Д.Уильямса и Дж. Огдена, что подобные тонкозернистые камни в золотой оправе, являлись не оселками, а пробирными камнями, который по их мнению «был необходимой принадлежностью представителей элиты» [Уильямс, Огден, 1995, с.142].

Несколько слов нужно сказать о железном стержне с петлей, происходящем из этого комплекса (рис. 6, *7*). Судя по его размерам, размерам петли он мог служить звеном удил аналогичных тем, которые были обнаружены в погребении с чернофигурной амфорой. В эту петлю могло быть вставлено кольцо с поводной петлей, к которой также подвижно крепился псалий.

Наибольший интерес в данном комплексе представляют детали бронзового доспеха.

Бронзовый панцирный доспех состоял из кованного бронзового листа нагрудника-«кирасы», от которого сохранилось несколько фрагментов (рис. 7, *1-2*) и более 3 тыс. бронзовых чешуек полуовальной формы с тремя отверстиями (рис. 7, *3*). Набор чешуек – правосторонний. Отметим, что отдельные чешуйки в Восточном Причерноморье были встречены на самом Эшерском городище и городище Вани [Шамба, 1980, таб. LXVI, 4; Вани I, рис. 79, 7; Лордкипанидзе, 1978, с.183, рис.153]. Многочисленные фрагменты панциря обнаружены в погребении 8 могильника Саирхе в Верхней Имеретии [Надирадзе, 1990, с.;Bill, 2003, Abb., 133,11]. Он датируется по встреченным здесь импортам IV в. до н.э. Химический и металлографический анализ одной из чешуек показал, что он выполнен из свинцово-оловянистой бронзы. Состав металла следующий

Cu.	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
Осн.	15	1	0,03	0,01	0,0005	0,04	0,031	0,1	0,01	0,008	0,01

Металлографический анализ, выполненной И.Г.Равич показал, что панцирные чешуйки были изготовлены из откованной в холодную листовой бронзы. Об этом и свидетельствует присутствие свинца в сплаве. Высокое содержание олова в сплаве обеспечивало высокую твердость золотистый блеск доспехов. Чешуйки панцирей с высоким содержанием олова в сплаве обнаружены в районе Новороссийска и в кургане 2 у с.Волковцы в Днепровском Левобережье [Малышев,

Равич, 2005, с.с.44, таб.2; Барцева 1981, с.37, ан. 19.784, 785]. Следует отметить, что по составу металла чешуйки из Кутышхи ближе волковецким пластинам.

Следует отметить, что комбинированный панцирь встречен в Закавказье впервые. Отметим, что бронзовые «кирасы» не характерны для скифов Северного Причерноморья, которые уже в конце VIII-начале VII вв. заимствуют в Передней Азии идею чешуйчатого доспеха используют его до конца скифской эпохи.

В тоже время сплошные панцири известны в Греческом мире с конца VIII века до н.э. В архаический период известны так называемые «колоколовидные» панцири закрывающие весь корпус война [Snodgrass, 1964, p.72, 73; pl.30]. Судя по имеющимся фрагментам, невысокая «кираса» прикрывала только грудь воина, имея выпуклости грудных мышц. Ниже находились «планка» с отверстиями, к которой возможно крепилась кожа с нашитыми на нее бронзовыми пластинами. Исследователи отмечают, судя по изображениям на вазах, что такой признак как выпуклые «грудные мышцы», на греческих панцирях появляются к середине VI в. до н.э., что является шагом к переходу к «мускульной кирасе» [Jarva, 1995, с. 25, 26; Виноградов, 2005, с. 265]. О том, что греки использовали и чешуйчатые панцири свидетельствует ряд изображений на вазах, а также отдельные находки панцирных чешуек на античных памятниках [Snodgrass, 1964, p.84-86]. В какой-то мере реконструировать наш панцирь помогает изображение на краснофигурном килике 510-500 года, с изображением Ахилла и Патрокла [Boardman, 1985, fig.50,1]. На этом изображении панцирь на героях разделен на три части: верхняя закрывающая грудь, средняя – живот до пояса и нижняя – «юбочка» с вертикальными пластинами. Части отделены на этом панцире пластиной с изображением меандра. На основании этого изображения, мы можем лишь предположить, что чешуйчатыми пластинами был бронирован живот и спина, плечи. В то время как грудь защищал сплошной нагрудник, к которому снизу крепилась основа части с панцирными чешуйками.

Встреченные в комплексе из Кутышха фрагменты двух восточногреческих киликов. Вероятно, они относятся к группе ионийских двуручных чаш с точечными розеттами и группами вертикальных палочек. Эта группа керамики имела широкое распространение. Самые ранние образцы подобных киликов датируются еще концом VII в. до н.э. Особенно типична эта группа для I половины VI века до н.э., и самые поздние образцы доживают почти до конца VI в. до н.э. К сожалению, сохранность фрагментов очень плохая, роспись не сохранилась, но предположительно они могут быть датированы второй половиной VI в. до н.э.

Кроме этих двух комплексов, необходимо вспомнить и погребение 7 могильника Красный Маяк, расположенного на западной окраине Сухума, в 3 км от Эшерских комплексов. В могильной яме этого погребения, в котором не сохранились кости, обнаружена бронзовая пластина - накладка на щит, фрагменты наконечников копий и железный нож [Трапш, 1969, с. 88-90]. Вплотную к нему, как указывает М.М. Трапш, примыкало конское погребение 8 [Трапш, 1969, с.90], составляющее, очевидно, с погребением 7 единый комплекс. Следует, однако, отметить, что захоронения коня и лошади, очевидно, совершены в разных ямах, т.к. в человеческой могиле прослежена галечная выкладка, а в конском она отсутствовала [Трапш, 1969, с.89-90]. Таким образом, можно полагать, что перед нами сопровождающее захоронение коня, совершенное в отдельной яме.

Огромный интерес представляет обнаруженный здесь щит с накладкой в виде орла. Первоначально Ю.Н. Воронов вслед за Б.Б. Пиотровским [Пиотровский, 1959, с.245] отнес этот предмет к кругу скифских, датируя его перовой половиной-серединой VI в. до н.э. В то же время он приводит и греческие паралле-

ли подобных щитов, известных по вазописи [Воронов, 1975, с.229]. Однако, уже в конце 80-х годов он относит данный щит к произведениям восточно-греческих мастерских второй половины VI в. до н.э. [Воронов, 1981, с.338-339].

Г.Р. Цецхладзе (1997) и Г.Т. Квирквелия (2002) аргументировали это предположение, приведя ближайшие аналогии - щит VI в. до н.э. с острова Самос и находку в Олимпии 1938/1938 г. [Цецхладзе, 1997, с.107-108; Buschor, 1959, S.215, Abb.20; Квирквелия, 2002, с.36]. Отметим, что подобные щиты с изображением орла начинают встречаться в греческой вазописи начиная с седьмого века, например на прото-коринфской вазе с изображением трех конных воинов [Greenhalg, 1973, p.101, fig.53b], известны изображения этих щитов в течение VI в до н.э. и на посуде аттического и «халкидского» производства [Greenhalg, 1973, p.112, fig.56; p. 140, fig.75]. Таким образом, сам по себе щит может быть датирован в пределах VI в. до н.э. Бронзовые удила, обнаруженные в сопровождающем конском погребении 8 имеют трехпетельчатые неподвижноскрепленные удила «закавказского» облика с шипастыми грызлами. В Закавказье к этой схеме удил наиболее близки одни из четырех пар удил из погребения 5 могильника Саирхе в Имеретии, датирующиеся по античным импортам второй половиной V в. до н.э. [Надирадзе, 1990]. О том, что «закавказские» жесткоскрепленные удила доживают до середины V в. до н.э., свидетельствует и находка подобных удил, однако не трехдырчатых, а трехпетельчатых в комплексе погребения из Итхвиси Чиатурского района, встреченных с киликом группы Хаймон и чернолаковой вазочкой [Гагошидзе, 1968, с.45, Таб. II, 15, Таб.III, 9,10]. Интересно, что полная аналогия этим удилам случайно обнаружена в Лубнах под Полтавой (Лесостепная Скифия) [Титенко, 1954; Scythian Gold, 1999, cat.30]. Весьма интересен и найденный при лошади колокольчик, на котором имеется изображение «двуглавого» орла и рельефные насечки. В целом он совпадает по своим показателям с вышеупомянутыми колокольчиками из погребения в Нижней Эшеры.

Таким образом, на наш взгляд, комплекс из Красного Маяка, можно датировать широко в пределах второй половины VI-первой половины V в до н.э.

Аналогичные колокольчики с изображением орла найдены в могильнике Сухумской горы вне комплекса, и в могильнике Брили. Все они, однако, с изображением орла с одной головой, композиционно восходящей к греческой иконографии летящего **орла.** [Каландадзе, 1954, рис.23; Pirtskhalava, 2001, p.86, pl.IV, 5]. Как мы указали выше, греческий орел, изображенный на щите, вполне мог являться прототипом для подобных изображений на колокольчиках. Данный мотив продолжает встречаться в Восточном Причерноморье и позже, например, в Вани на золотых бляшках из погребения 6 (по времени близкому к рубежу V-IV вв до н.э.) в и погребения 9 (третья четверть IV в.до н.э.), однако в последних мы уже видим сильное северопричерноморское влияние [Вани, I, рис. 51; 200]. Отметим, что бляшки, встречающиеся здесь, как правило - парные, причем головы птиц на этих бляшках обычно направлены в разные стороны. Скорее всего, они являлись апотропеями, защищающими владельца от напастей, грозящих с разных сторон. Очевидно, эту же цель преследовал и мастер, создавая модель для колокольчика из Красного маяка с двуглавой птицей, смотрящей в разные стороны, обеспечивающей максимальную «защиту» всадника и лошади[1].

Таким образом, в районе Эшерского городища уже известно три погребения, которые можно считать погребениями представителей местной воинской

[1] Практически эта же идея и была использована в позже в геральдике, в гербах ряда стран. .

элиты, находившейся в период начала греческой колонизации в тесном контакте с греками, и широко использовавшей в своей паноплии и быту привозные предметы. Все они принадлежат воинам-всадникам.

Появление погребений элиты, а также степень поляризации общества в Северо-западной Колхиде являются предметом дискуссии. Рядом исследователей выдвигался тезис о развитой социальной и политической организации в Восточном Причерноморье, обусловленным существованием сильного государства «Колхидского царства». В наиболее концентрированном виде эта идея была сформулирована в работе Г.А..Лордкипанидзе [Лордкипанидзе, 1978, с. 236-237][1]. В то же время, Н.Ю.Воронов считал неубедительными указания грузинских археологов на сильную поляризацию общества в Северо-Западной Колхиде, приводя в качестве примера погребения могильника Красный Маяк античного времени [Воронов, 1981, с. 336].

В погребении из Нижней Эшеры, где был обнаружен безынвентарный костяк рядом с конским захоронением, он видел «первое реальное свидетельство существования на территории Северной Колхиды уже во второй половине VI в. до н.э. института патриархального рабства», и считал его аналогичным приусадебным захоронениям V-IV вв. до н.э. в Вани в Центральной Колхиде. Подобные захоронения, появившиеся в разных частях Восточного Причерноморья, по мнению Ю.Н. Воронова, свидетельствуют о раннеклассовом характере аборигенного населения, особенно там, где оно незадолго до этого вступило в контакт «с греко-иранским миром». «В то же время эти захоронения указывают на то, что рабовладельческие отношения в колхидском обществе так и не вышли за пределы патриархального рабства, характеризовавшие многие племена Восточного и Южного Закавказья в эпоху средней и особенно поздней бронзы» [Воронов, 1981, с.338].

Недавно появилась книга А. Биль, которая выступила с критикой грузинской историографической традиции «Колхидского царства», отметив, что она не подтверждается письменными источниками, а царство упомянуто лишь в мифе об аргонавтах [Bill, 2003, S.136]. Автором был проанализирован огромный материал опубликованных погребальных комплексов античного времени VI-I вв. до н.э., которые исследовательница разделила на две большие группы – погребения типа А и погребения типа В. Наиболее богатые погребения с трупоположением, часто сопровождаемые погребениями коней и зависимых людей, исследовательница относит ко второй группе – В, считая, что их можно связывать с присутствием и сильным влиянием Евразийских кочевников. Она высказывает предположение, что это скифы, осевшие в период их походов в Переднюю Азию, «в удобно расположенных местностях, для того чтобы контролировать торговые пути» [Там же, S.139]. Подобная трактовка кажется нам сомнительной. Мы можем говорить лишь о влиянии, которое оказало присутствие здесь киммерийцев и скифов в период походов конца VIII-первой половины VII в. до н.э. и которое и выразилось в появлении здесь всаднических погребений. В то же время связи данной территории со всаднической, однако оседлой культурой Северо-Западного Кавказа прослежены еще в допоходное время, по крайней мере, в первой половине VIII в. до н.э. [Лесков, Эрлих, 1999, с.76; Эрлих, 2004, с.204 и сл.]. Отметим, что наличие сопровождающего конского захоронения в эпоху раннего железно-

[1] Г.Р. Цецхладзе «основываясь на источниках» признает существование в Колхиде царства и царской власти. Однако сомневается в том, что она была сильной и централизованной, опираясь на указание Страбона о том, страна была разделена на скептухии во главе с местной родовой аристократией [Цецхладзе, 1997, с.114].

го века для Кавказа становится общим местом для представителей элиты. То же можно сказать и о сопровождающем погребении, которые в Закавказье, как указывал Ю.Н. Воронов, появляются еще в эпоху средней бронзы. Для элиты также типично использование импортного вооружения и конского снаряжения. В конском снаряжении таким возможным импортом может быть роговая подвеска, выполненная в зверином стиле скифо-савроматского круга. В то же время узда этого комплекса не имеет никаких близких аналогий в скифо-сарматском мире. Уздечные детали из погребения 7/8 могильника Красный Маяк, напротив, имеют исключительно местное закавказское происхождение. Находки подобных удил на скифской территории интерпретируются как закавказский импорт [Титенко, 1954].

Общим для данных элитных погребений, рассмотренных нами, является присутствие греческого импорта, который, безусловно, является показателем богатства и определенного статуса в погребениях Западного Кавказа этого времени, как к югу, так и к северу от хребта.

Как уже писал один из авторов этой статьи, подобные погребения свидетельствуют о мирном проникновении греков-колонистов в Западную Колхиду, и втягивании верхушки местных племен во взаимовыгодный товарооборот с греками [Шамба, 1983, с. 37].

Литература

Бандрівський, 2005: Бандрівський Н., Подільсько-карпатський тип кінскої упряжі VII ст. до Р.Х. // Археологія, 2005, № 4.

Барцева, 1981: Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье. М., 1981.

Батчаев, 1985: Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985.

Вани I: Вани I. Археологические раскопки 1947-1969. Тбилиси, 1972.

Воронов, 1975: Воронов Ю.Н.Вооружение древнеабхазских племен в VI-IV вв. до н.э. // Скифский мир. Киев, 1975.

Воронов, 1981: Воронов Ю.Н. Местное население Северо-Западной Колхиды в VIII-V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо, 1979. Тбилиси, 1981, с.335.

Виноградов, 2005: Виноградов Ю.А. Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана. // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. Спб., 2005.

Гагошидзе, 1968: Гагошидзе Ю. Погребение из Итхвиси. Вестник Государственного музея Грузии. Т.XXV-В. Тбилиси, 1968.

Горбунова К.С., 1985: Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л.

Есаян, Погребова, 1985: Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. Москва, 1985.

Каландадзе, 1953: Каландадзе А.Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953 (на груз.языке).

Квирквелия, 1978:Квирвелия Г.Т. Погребение раннеантичного времени на горе Яштхва // Вопросы археологии Грузии, Вып. I. Тбилиси, 1978 (на груз.языке).

Квирквелия, 2002: Квирквелия Г.Т. Обкладка гоплитского щита с изображением орла из Колхиды. // Международные отношения в бассейне Черного моря в Древности и Средние века. Материалы X международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2002.

Козенкова, 1982: Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. // САИ В2-5.

Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894: Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Курган Карагодеуашх// МАР, № 13, СПб.

Лесков, Эрлих, 1999: Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. М., 1999.

Лордкипанидзе, 1978: Лордкипанидзе Г.А. Колхида в VI-II вв. до н.э. Тбилиси, 1978.

Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С., 1985: Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С.Античная расписная керамика из собрания ГМИНВ им. А.С. Пушкина. М.

Малышев, Равич, 2005: Малышев А.А., Равич И.Б. О находках элементов защитного вооружения в цемдолинском могильнике. // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. Москва-Новороссийск, 2005.

Надирадзе, 1990: Надирадзе Д.Ш. Саирхе – древнейший город Грузии. Тбилиси, 1990 (на груз.языке).

Нуцубидзе, 1978: Нуцубидзе А.А. Археологические раскопки в сел.Абано. // Вопросы археологии Грузии. Вып. I., Тбилиси, 1978.

Пиотровский, 1959: Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.

Погребова, 1969: Погребова М.Н. Железные топоры скифского типа в Закавказье // СА, № 2, 1969.

Скаков, 2002: Скаков А.Ю. К вопросу о хронологии Красномаякского могильника// Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Спб., 2002.

Смирнов, 1964: Смирнов К.Ф. Савроматы. Раняя история сарматов.

Сокровища, 1985: Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. М., 1985.

Техов, 1977: Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977.

Титенко, 1954: Титенко Г.Т. Закавказские удила, найденные на Полтавщине. //КСИА АН УССР, вып.3. Киев, 1954.

Траппш, 1970: Трапш М.М. Труды, т.I. Сухуми, 1970.

Трапш, 1969: Трапш М.М. Труды, т.II. Сухуми, 1971.

Уильямс, Огден, 1995: Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V-IV века до н.э. СПб, 1995.

Цецхладзе, 1997: Цецхладзе Г.Р. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения.// ВДИ, 1997, № 2

Чежина, 1991: Чежина (Королькова) Е.Ф. Орнаментированные кабаньи клыки и их имитации в скифскую эпоху. // АСГЭ, вып.31, Л., 1991.

Шамба, 1980: Шамба Г.К. Эшерское городище. Тбилиси, 1980.

Шамба, 1983: Шамба Г.К. Погребение VI в. до н.э. близ Сухуми. // КСИА, 1974, М., 1983.

Шамба, 1884: Шамба Г.К. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми, 1984.

Шамба, 2000: Шамба Г.К. Абхазия в первом тысячелетии до н.э. Сухум, 2000.

Шамба Г.К., Шамба С.М., 1990: Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховья реки Галидзга. Тбилиси, 1990.

Шамба и др., 2005а: Шамба Г.К., Джопуа А.И., Эрлих В.Р., Ксенофонтова И.В. Новые данные к хронологии Центральной Абхазии // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.

Шамба и др., 2005б: Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Ксенофонтова И.В., Джопуа А.И. Работы на Эшерском городище в Абхазии // АО-2004, М., 2005.

Эрлих, 1988: Эрлих В.Р. Мечи скифского облика из могильника у аула Уляп. // Древний и средневековый Восток. М., 1988.

Эрлих, 1992: Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья в скифское время. Автореф. дисс. канд. ист.наук. М., 1992.

Эрлих, 2004: Эрлих В.Р. Связи древней Абхазии с протомеотскими памятниками. // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им.Д.И.Гулиа. Сухум, 2004.

Эрлих, Шамба, 2006: Эрлих В.Р., Шамба Г.К. К вопросу о влиянии прикубанского искусства на звериный стиль Центральной Абхазии. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005.

Шамба, 2000: Шамба Г.К. Абхазия в первом тысячелетии до н.э. Сухум, 2000.

Beazley ABV, 1956: Beazley J.D. Attic Black-Figure Vase-painter. Oxford, 1956.

Bill, 2003: Bill A. Studien zu den Gräbern des 6. bis l. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern. Bonn, 2003.

Boardman, J.: Boardman J.

Bushor, 1959: Buschor E. Samos 1952-1957. Neue deutsche Ausgrabungen im Mittelmeergebiet und im Vorderen Orient. B., 1959.

Chochorowski, 1985: Chochorowski J. Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde. Warszawa-Kraków, 1985.

CVA, USA, f. 14, Boston, Museum of Fine Arts. Fasc. 1 – Hoffmann H. Corpus Vasorum Atiquorum. Museum of Fine Arts, Boston. Attic Black-figured Amphorae.///////

CVA, Brit. Mus., 4

Greifenhagen, 1970: Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Band I. Berlin, 1970,

Greenhalgh, 1973: Greenhalgh P.A.L. Early Greek warfare horsemen and chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge, 1973.

Jarva, 1995: Jarva E. Archaiologia on Archaic Greek Body Armour. Rovaniemi, 1995.

Pirtskhalava, 2001: Pirtskhalava M. On the dating of some burials with scythian type inventory from Georgia. // Essays on the Archeology of Colchis in the Classical Period. Dedicated to the 70th Birth Anniversary of Prof. Otar Lordkipanidze. Dziebani Supplement IV. Tbilisi, 2001.

Scythian art: Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian art. The legacy of the Scythian world: mid –7th to 3rd century B.C. Leningrad, 1986.

Scythian Gold, 1999: Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. N-Y, 1999.

Snodgrass, 1964: Snodgrass A. Early Greek armour and weapons from the end of the Bronze Age to 600 B.C. Edinburgh, 1964.

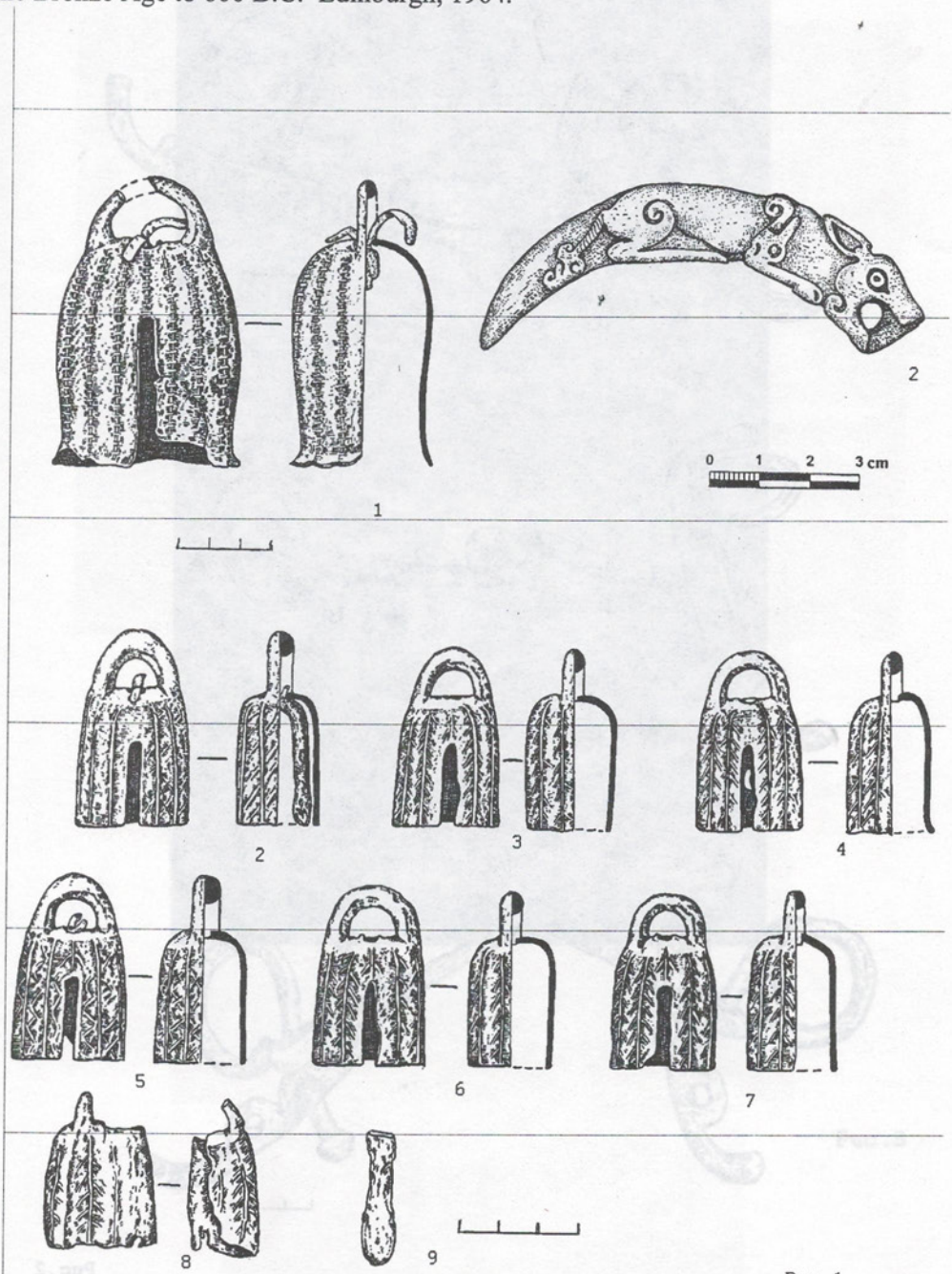
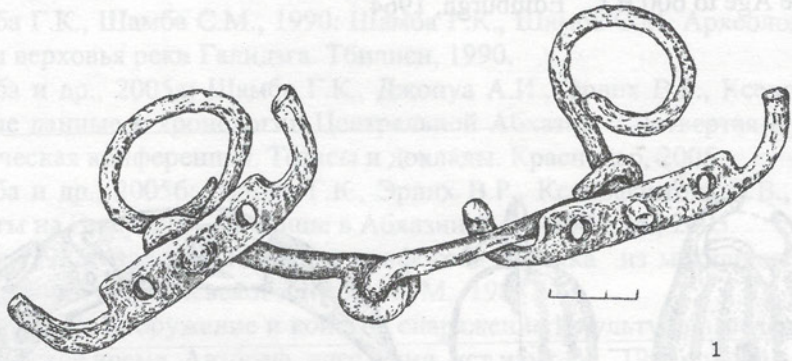
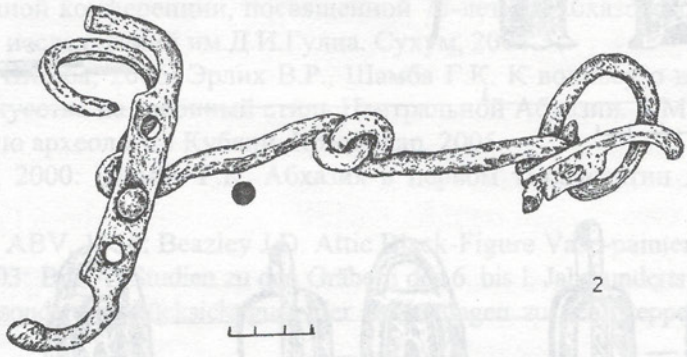


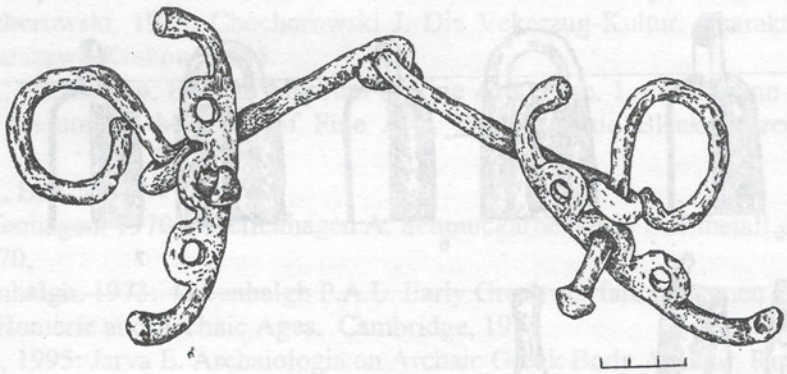
Рис.1



1



2



3

Рис.2

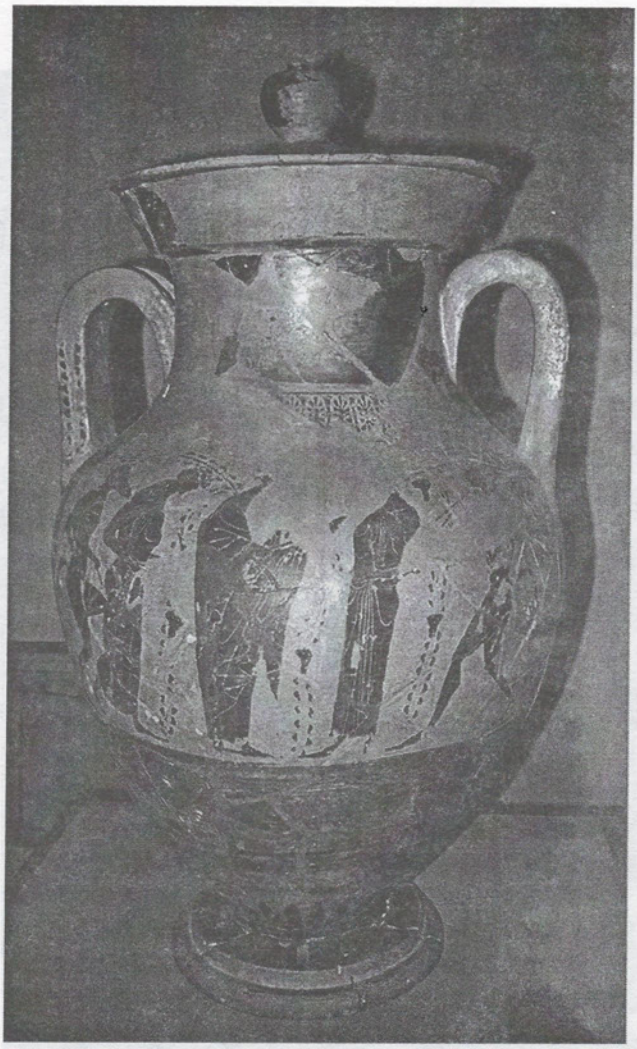


Рис.3

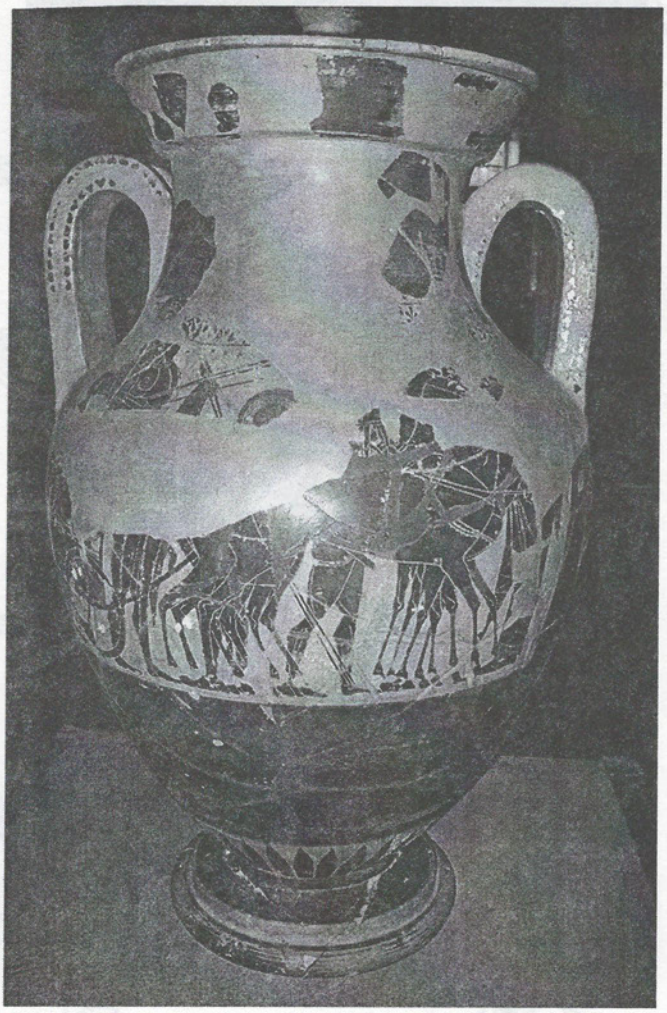
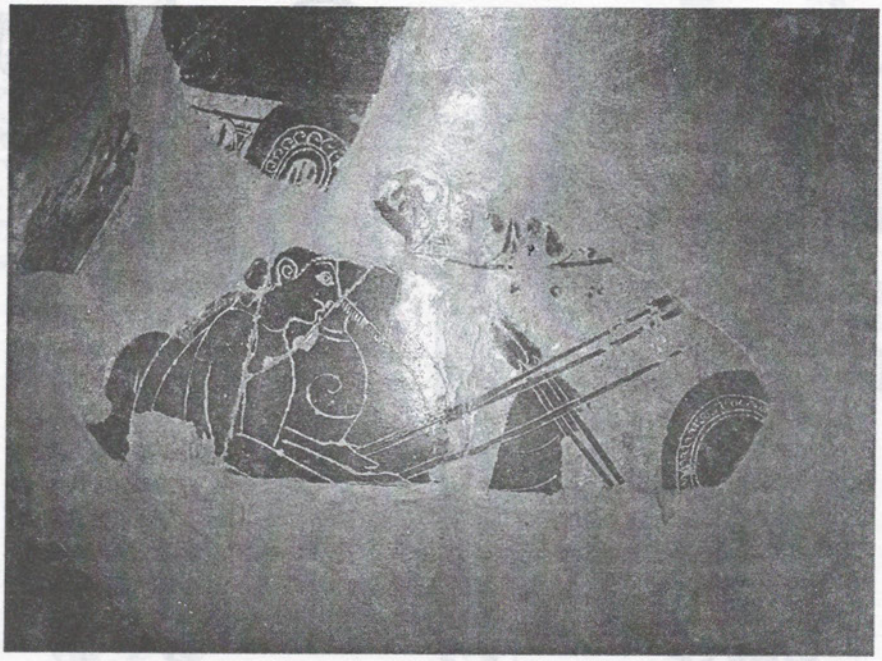
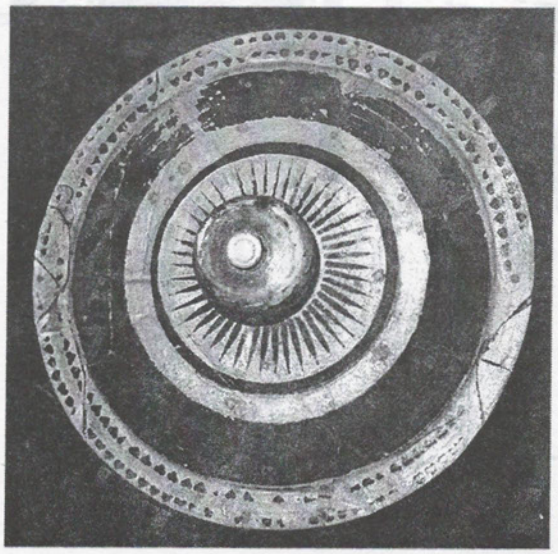


Рис.4



1



2

Рис.5

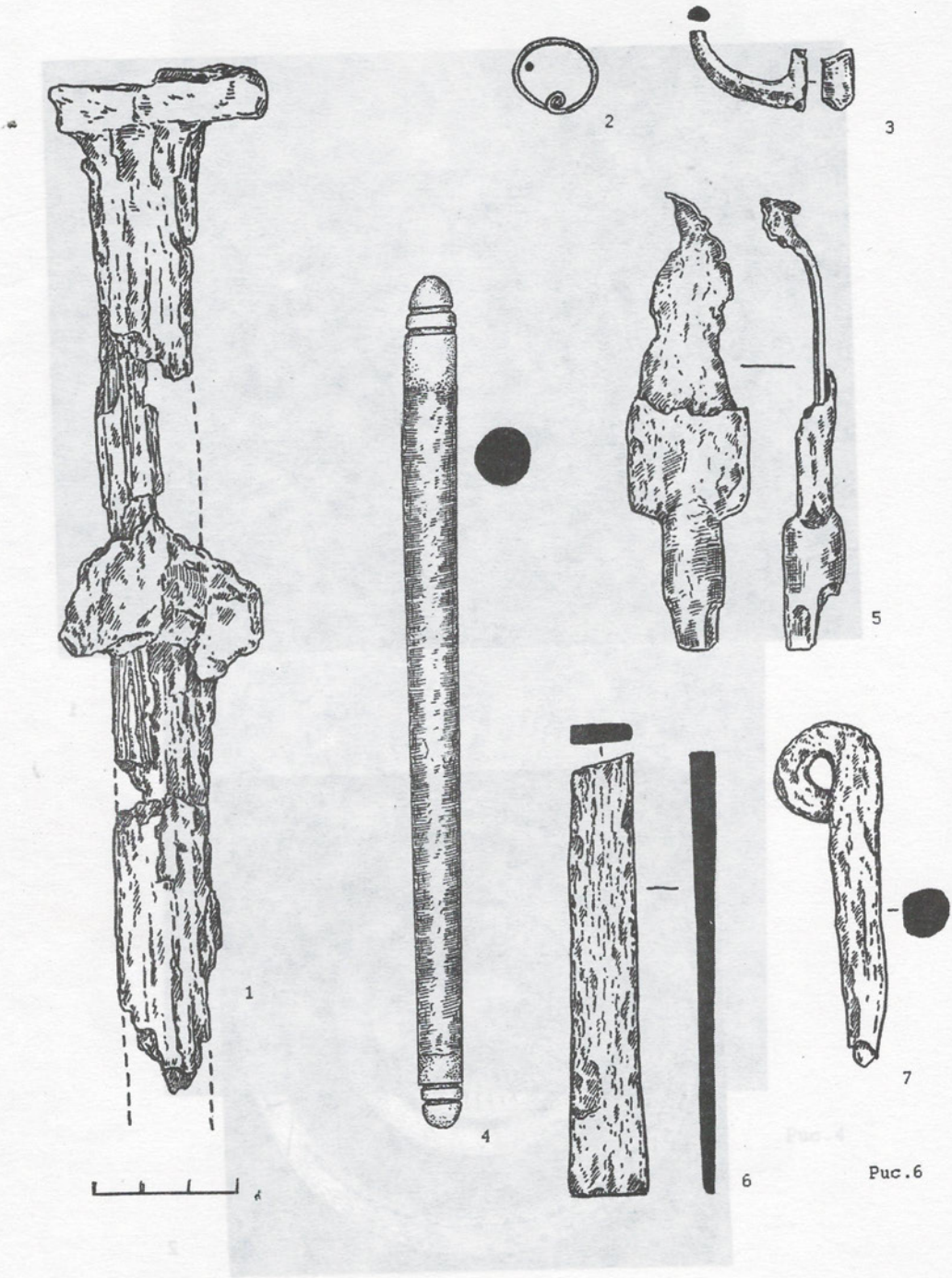


Рис.6

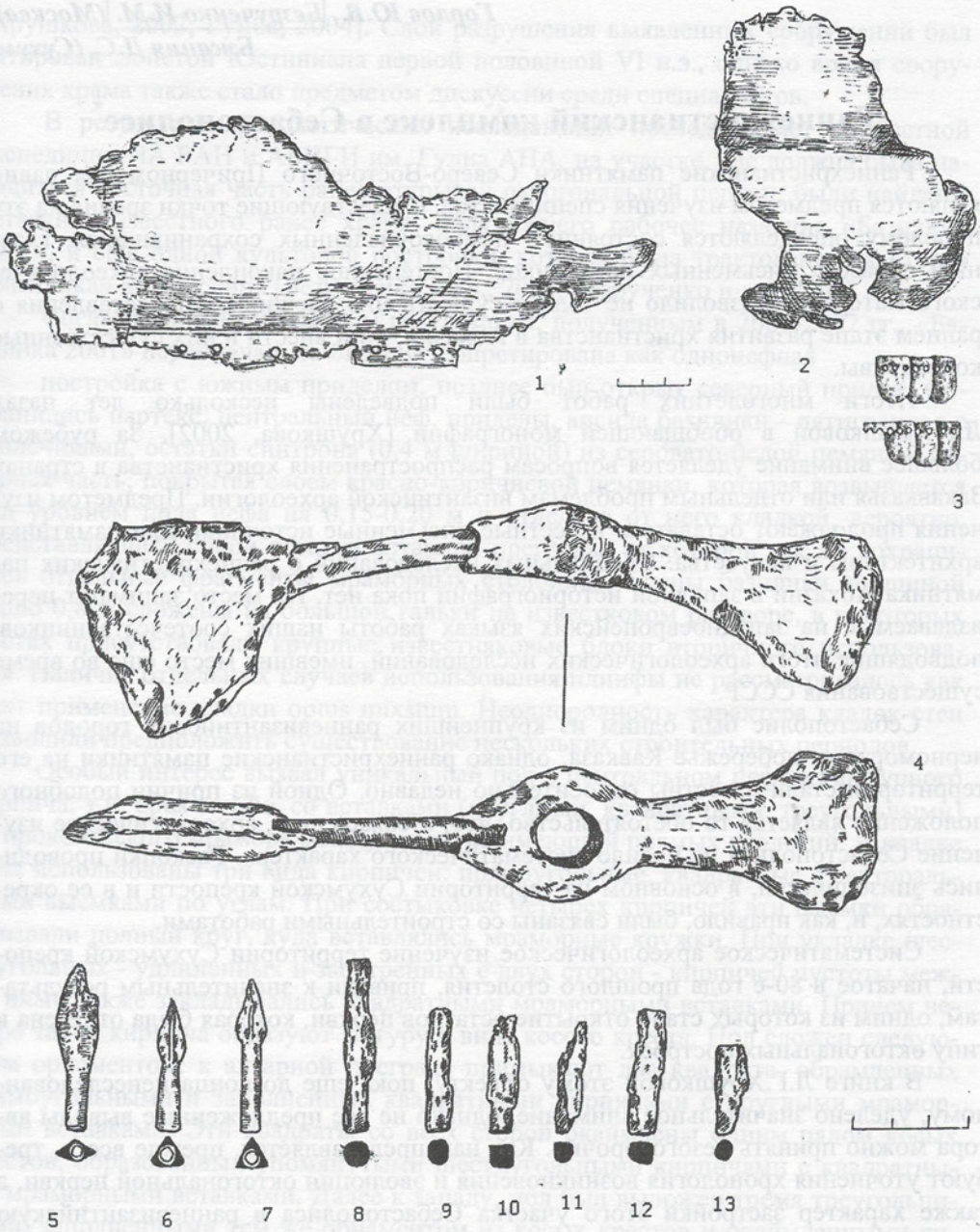


Рис.7

Горлов Ю.В., Безрученко И.М. (Москва),
Бжания Д.С. (Сухум)

Раннехристианский комплекс в Себастополисе*

Раннехристианские памятники Северо-Восточного Причерноморья давно являются предметом изучения специалистов. Существующие точки зрения на эту проблему определяются состоянием немногочисленных сохранившихся, главным образом, письменных источников. Постепенное накопление археологического материала позволило не только существенно расширить представления о раннем этапе развития христианства в Абхазии, но и внести в них существенные коррективы.

Итоги многолетних работ были подведены несколько лет назад Л.Г.Хрушковой в обобщающей монографии [Хрушкова, 2002]. За рубежом большее внимание уделяется вопросам распространения христианства в странах Закавказья или отдельным проблемам византийской археологии. Предметом изучения продолжают оставаться известные письменные источники или памятники архитектуры и искусства. Специальных исследований о раннехристианских памятника Абхазии в западной историографии пока нет. Их место занимают переиздаваемые на западноевропейских языках работы наших соотечественников, подводящие итоги археологических исследований, имевших место еще во время существования СССР.

Себастополис был одним из крупнейших ранневизантийских городов на черноморском побережье Кавказа, однако раннехристианские памятники на его территории стали известны относительно недавно. Одной из причин подобного положения является то обстоятельство, что, к сожалению, археологическое изучение Себастополиса не носило систематического характера. Раскопки проводились эпизодически, в основном на территории Сухумской крепости и в ее окрестностях, и, как правило, были связаны со строительными работами.

Систематическое археологическое изучение территории Сухумской крепости, начатое в 80-е года прошлого столетия, привели к значительным результатам, одним из которых стало открытие остатков церкви, которая была отнесена к типу октогональных построек.

В книге Л.Г.Хрушковой этому объекту, пока еще до конца неисследованному, уделено значительное внимание, однако не все предложенные выводы автора можно принять безоговорочно. Как нам представляется, прежде всего, требуют уточнения хронология возникновения и эволюции октогональной церкви, а также характер застройки этого участка Себастополиса в ранневизантийскую эпоху.

Кроме того, благодаря раскопкам на территории Сухумской крепости была уточнена стратиграфия этого участка городища. В частности, было установлено, что слои IV-V вв. н.э. в основном не нарушены. Позднеантичные и ранневизантииские строительные остатки оказались перекрытыми слоем пожара и разрушениями. Кроме того, в развитии города выявлен хронологический разрыв VII-IX вв. н.э.[Гунба, 2004].

Строительные остатки церкви, сохранившиеся в виде граненой апсиды, ориентированной традиционно с запада на восток, и октогонального сооружения вокруг нее, вызвали неоднозначную интерпретацию среди исследователей

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 06-01-1801.

[Хрушкова, 2002; Гунба, 2004]. Слой разрушения выявленных сооружений был датирован монетой Юстиниана первой половиной VI н.э., однако время сооружения храма также стало предметом дискуссии среди специалистов.

В результате археологических исследований последних лет совместной экспедиции ИА РАН и АБИГИ им. Гулиа АНА, на участке, где должна была находиться восточная часть ранее открытой октогональной церкви, были найдены остатки неизвестного ранее храма, получившего рабочее название «Базилики 2001», и еще одной культовой постройки, которая была трактована как вторая «базилика» или часовня [Безрученко и др., 2003; Безрученко и др., 2005]

Согласно предварительным результатам, полученным в 2001-2002 гг., «Базилика 2001» первоначально была интерпретирована как однонефная

постройка с южным приделом, позднее был открыт северный придел. Сохранились нартекс, центральный неф, приделы, апсида базилики - пятигранная с заплечиками, остатки синтрона (0,4 м шириной) из серовато-белой цемянки, алтарная часть, покрытая слоем красно-коричневой цемянки, которая возвышается над уровнем пола нефа на 0,15-0,20 м и отделена от него кладкой, вероятно, представляющей собой остатки алтарной преграды, от которой так же сохранились отдельные фрагменты мраморных столбиков. Стены базилики толщиной около 0,8 м сложены из большой гальки на известковом растворе, в некоторых местах присутствовали крупные известняковые блоки вторичного использования. Наличие отдельных случаев использования плинфы не рассматривалось как факт применение кладки optus mixstum. Неоднородность характера кладок стен позволили предположить существование нескольких строительных периодов.

Особый интерес вызвал уникальный пол в центральном нефе из фигурного кирпича, т.н. opus sertille, со вставками (круглыми, квадратными, треугольными) из проконесского мрамора между ними, не имеющий прямых аналогий. В кладке пола использованы три вида кирпичей: прямоугольные, квадратные с секторальными выемками по углам. При состыковке четырех кирпичей эти выемки образовывали полный круг, куда вставлялись мраморные кружки. При укладке шестиугольных - удлиненных и заостренных с двух сторон - кирпичей пустоты между ними также закладывались квадратными мраморными вставками. Причем четыре таких кирпича образуют фигуру в виде косого креста. Пол сложен следующим орнаментом: к алтарной преграде примыкают два квадрата, обрамленных прямоугольными и заполненных квадратными кирпичами с круглыми мраморными вставками. Эти квадраты со всех сторон окаймлены одним рядом косых крестов, образованных упомянутыми шестиугольными кирпичами с квадратными мраморными вставками. Далее к западу, пол был выложен тремя треугольниками, заполненными тем же орнаментом из косых крестов и окаймленными линиями из прямоугольных кирпичей. Скорее всего, учитывая характер постройки, орнаментацию пола нельзя считать простым декором; естественно, она содержит в себе христианскую символику - кресты, прежде всего. Три треугольника, возможно, символизируют Святую Троицу, но утверждать это с полной уверенностью мы не беремся.

В открытой нами позднее западной части базилики было обнаружено продолжение фигурного пола, выявленного в восточной части здания. Можно отметить точно такую же технику: использование тех же кирпичей и мраморных вставок. Мы видим повторение узора из треугольников, один из которых расположен по центру, а два других («половинных») - по бокам. Единственное отличие заключается в том, что основания треугольников в новом найденном фрагменте пола «опираются» на сплошную полосу из выложенных косыми крестами

шестиугольных кирпичей, а таковая на ранее раскрытом участке пола прерывается в нижней части. Трудно сказать, какой орнаментальный мотив имел место в промежутке между двумя участками, так как он сильно разрушен более поздними погребениями.

Пол южного нефа был вымощен фигурным кирпичом с круглыми мраморными вставками в углах кирпичей. Кирпичи абсолютно идентичны кирпичам на полу центрального нефа базилики. Единственное отличие состоит в том, что покрытие пола южного нефа, позднее - придела не составляет никакого узора. Тем не менее, использование такого же принципа, что и в главном помещении сооружения, не оставляет сомнений в том, что пол в различных частях базилики был сооружен одновременно. Вторичность использования здесь явно исключаются, поскольку прослеживаются совершенно одинаковая техника и та же тщательность выкладки пола.

По поводу пола можно сделать еще одно достаточно важное замечание. Наличие в его кладке шестиугольных кирпичей позволяет судить о последовательности сооружения и существования описываемой базилики и соседней октогональной церкви. Именно такой кирпич был обнаружен в кладке стенки одного из погребений в мартирии, примыкавшего к октогону с юго-восточной стороны [Хрушкова, 2002, с.214]. Это обстоятельство служит одним из аргументов в пользу того, что «Базилика 2001» была построена раньше и, судя по всему, могла быть полностью или частично разрушена при строительстве упомянутой октогональной церкви. Наличие граненой апсиды указывает на ее относительно поздний характер, а находка монеты Юстиниана I в непосредственной близости от базилики - на примерное время ее существования.

Расположенные к северу от «Базилики 2001» останки второй «базилики» были ориентированны по оси запад-восток с небольшим отклонением к северо-востоку. Это обстоятельство не позволило связать обе постройки в единое сооружение. Сохранились частично южная и северные стены, а также трехгранная абсида. Ее раскопки на первом этапе не были доведены до конца, поэтому был сделан ошибочный вывод о том, что вторая «базилика» могла быть разрушена при строительстве первой [Безрученко и др., 2005]

Как и наши предшественники, мы столкнулись еще с одной проблемой: культурные слои городища на исследуемом участке Сухумской крепости в значительной степени оказались нарушенными или перемешанными. Более или менее хорошо сохранился слой, связанный с разрушением ранневизантийских построек. Время строительства этих храмов остается пока твердо неустановленным. В отсутствии прямых свидетельств в письменных или эпиграфических источниках предполагаемая дата строительства октогональной церкви (конец IV - начало V в.) была установлена на основе изучения особенностей ее планировочного решения и ближайших аналогий [Хрушкова, 2002].

На первоначальном этапе анализ керамического материала позволил отнести последний этап существования базилики ко времени правления Юстиниана I. В частности, в слое разрушения «Базилики 2001», который в свою очередь был нарушен более поздними перекопами, встречены фрагменты амфор типов Sazanov 8, 9-11, 14, 17 (аналогии в археологических комплексах Китея 2/4 VI в., Кеп 2/4 VI в., Ильичовки 3/4 VI в); светлоглиняных амфор типов E, F; Зеест 72, 79 (аналогии в археологических комплексах Цибилиума и Дранда - сер. VI в., в Западном Причерноморье - VI в.); Зеест 90, 97, 99 (аналогии в археологических комплексах Ильичовки 3/4 VI в.) и краснолаковой посуды типов Hayes LRC кон. IV 2/4 VI в. н.э.; LRD, 16, 6 (аналогии в археологических комплексах Цибилиума

2/4 VI в., Ильичовки 3/4 VI в.). О более поздних разрушениях на этом участке свидетельствуют другие материалы: Sazanov 2, 52; Hayes LRC 1/4 VII в.; сосуды, покрытые желтой поливой, ядро из черного металла.

В помещении второй «базилики» под беспорядочным завалом черепицы был расчищен фрагмент мощения пола из восьми квадратных кирпичей размером 0,3 х 0,3 х 0,07 м., уложенных на слой известкового раствора. На внешней стороне кирпичей было обнаружено прочерченное изображение «Андреевского креста». В слое разрушения «базилики» обнаружены фрагменты мраморных столбиков и облицовочной плитки, а завале черепицы - фрагменты амфор типа Sazanov 15 (аналогии в археологических комплексах Тиритаки 2/4 VI в., Херсонеса кон. VI -нач.VII вв.), Sazanov 27,1 (аналогии в археологических комплексах Цибилиума 2/4 VI в.). Особый интерес представляют находки краснолаковой посуды типа LRC (форма 1 кон. IV- 2/4 VI в.), в частности, фрагментов мисок с клеймами и с граффити (аналогии в археологических комплексах Херсонеса 2/4 VI в.). Дж.Хейс датирует группу сосудов с клеймами, к которой, вероятно, относятся наши фрагменты, концом V/нач. VI вв. - 1/2 VII в. В нашем случае речь идет о сосудах формы 3, типе Н, который выделен Дж.Хейсом на материалах афинской Агоры и датирован 1/3 VI в. (аналогии встречаются в археологических комплексах Тиритаки, Ильичевки, Херсонеса сер. VI - сер. VII вв.). О более поздних перекопах и разрушениях на площади второй базилики свидетельствуют находки фрагментов амфор типа Sazanov 52 и столовой посуды, покрытой желтой, зеленой и черно-коричневой поливой.

Одной из целей исследований 2005-2006 гг. года было уточнение стратиграфии раннехристианского комплекса и особенностей застройки изучаемого участка Себастополиса. Установлено, что основание фундамента стен апсиды самой «Базилики 2001» лежали на 1,05 м ниже поверхности «церковного двора». Фундамент апсиды относится к первому строительному периоду, он изначально составлял общее целое с фундаментом северного нефа базилики, что свидетельствует о первоначальном облике храма как трехнефной постройки с нартексом, западная граница которого была открыта во время раскопок мартирия, примыкавшего к октогональной церкви с юго-востока (Рис.1). Атриум отсутствовал или был разрушен при строительстве октогональной церкви. Фундамент северного нефа сложен «в переплет» с фундаментом апсиды «Базилики 2001», а основания фундамента стен центрального и северного нефа находятся на одном уровне, примерно на глубине около 1 м от уровня фигурного пола, что соответствует уровню основания фундамента ее апсиды.

Другим важным итогом работ этого сезона стал вывод о том, что вторая «базилика» построена позже «Базилики 2001». Интересно, что под основанием фундамента трехгранной апсиды второй «базилики» лежат камни, явно сброшенные с какой-то более ранней постройки, когда нивелировали площадку под строительство.

Таким образом, сейчас можно говорить о нескольких строительных периодах существования «Базилики 2001». Первый был связан с сооружением самых заглубленных ее фундаментов. Установленная нами стратиграфия дает основания полагать, что в первый период существования «Базилики 2001» ее апсида была не пятигранной, а полукруглой или полуциркульной. Основанием для этого служат конструктивные особенности строительства пятигранной апсиды, ее углы как бы «свисают» с круглого фундамента, не соответствуя ему ни по форме, ни по размерам. Вряд ли строители базилики могли допустить подобную оплошность. Особенно интересно в этом отношении сравнение планов «Базилики 2001»

и базилики из Сепиети. На лицо почти идеальное совпадение архитектурно-планировочного решения обеих построек. Речь, прежде всего, идет о местоположение колонн и размерах храмов (Рис.2). Что же касается перестройки апсиды, то замена полукруглой апсиды на граненую была обычным явлением в середине - второй половине VI в. не только на территории Абхазии. Она соответствовала второму строительному периоду, во время которого боковые нефы после закладки пространства между колоннами превращаются в приделы. Последний строительный период, вероятно, соответствует времени возведения второй «базилики».

В северо-западной части раскопа была расчищена конструкция, которая являлась южной стеной восточного дополнительного помещения октогона, аналогичного такому же южному трапециевидному помещению. Она не совпадает по ориентации со стенами «Базилики 2001», прорезая фундамент ее северного нефа, позднее северного придела.

Полученные результаты пока носят предварительный характер, но они дают основания предполагать, что в своем развитии раннехристианский комплекс Себастополиса, включавший, по крайней мере, «Базилику 2001», октогональную церковь и вторую базилики пережил несколько хронологических этапов. На первом из них была построена традиционная для региона, но не лишенная оригинальности трехнефная базилика с круглой апсидой, которая позднее была перестроена в однонефную с двумя приделами и пятигранной апсидой. Ей на смену, вероятно, пришла октогональная церковь, после разрушения которой возводится небольшая базилика с трехгранной апсидой. При этом следует еще раз заметить, что точка зрения о времени сооружения октогональной церкви представляется нам недостаточно обоснованной, тем более, что археологический материал из ее раскопок остается пока не опубликованным. Хотя полностью исключить возможное на каком-то этапе сосуществование «Базилики 2001» и октогональной церкви у нас нет оснований.

Вопрос об абсолютной хронологии возникновения и эволюции раннехристианского комплекса Себастополиса весьма сложен. Объясняется это с одной стороны сложной стратиграфией этого участка городища, вызванной более поздними перекопами и разрушениями, а с другой существующими различиями во взглядах на хронологию и типологию позднеантичной и раннесредневековой керамики. В своей работе мы опираемся на типологию амфор и краснолаковой посуды, предложенные А.Сазановым [Sazanov, 1997] и Дж.Хейсом [Hayes, 1992], которые на сегодняшний день представляется нам наиболее оптимальными, а также на результаты исследований синхронных археологических комплексов из Средиземноморья и Причерноморья.

Вероятно, он все-таки возник не ранее второй половины V в. Было бы заманчиво связать один из хронологических этапов его существования с христианизацией апсилов в 20-30-е гг. VI столетия. Разрушение и последующее запустение заманчиво связать с оставлением византийским гарнизоном Себастополиса в 542 г. (Proc. Caes. De b. Goth., VIII, 4, 6), однако это как будто лежащее на поверхности объяснение требует серьезных археологических доказательств, как и попытка связать восстановление и перестройку базилики или, например, сооружение октогональной церкви с возвращением гарнизона в 555 г. и началом активного строительства и расцвета городов в этом регионе (Proc.Caes. De aed., III, 7). Не исключено, что мы можем иметь дело с последствиями иных явлений, политических или природных, которые носили локальный характер.

Использование для датировки памятника особенности его строительной техники, речь, в частности, может идти о соотношении толщины использованных в кладках кирпичей и слоев раствора между ними, в нашем случае они приблизительно равны, что соответствует V в., не дает ответа на поставленный вопрос. Элементы декоративных деталей - облицовочная мраморная плитка, мраморные столбики алтарной преграды - могут лишь косвенно свидетельствовать о строительстве «Базилики 2001» в V в.

Нам представляется, что ответы на поставленные вопросы могут дать результаты дальнейшего более тщательного изучения раннехристианского комплекса на территории Сухумской крепости и его археологических, нумизматических и эпиграфических материалов.

Литература:

Безрученко И.М., Бжания Д.С, Горлов Ю.В., Поротов А.В., Кайтамба М.Д. Работы Черноморской экспедиции ИА РАН в 2001 году // Абхазоведение. История, археология, этнология. Сухум: Изд-во Алашара, 2003, с. 18-29.

Безрученко И.М, Бжания Д.С., Горлов Ю.В. Раскопки раннехристианской базилики в г.Сухуме в 2001-2002 гг.// Древности Евразии: от средней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М.: Изд-во ИГТП «Гриф и К», 2005, с.568-574.

Гунба Б.М. Планировка и архитектура античного Себастополиса // Проблемы истории, филологии и культуры. М.-Магнитогорск/ Выпуск XIV: Изд-во Магнитогорского Гос. Ун-та, 2004, с.424-433.

Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Северо-Восточного Причерноморья. М.: Изд-во Наука, 500 с.

Hayes J. W. The Pottery. Excavations at Sarachane in Istanbul. Princeton, 1992, 455 p.

Sazanov A. Les amphores de I`antiquite tardive et du Moyen Aqe: contnuite ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La ceramique medievale en Mediterranee. Actes du 6e congres. Aix-en-Provense, 1997, p.87-102.

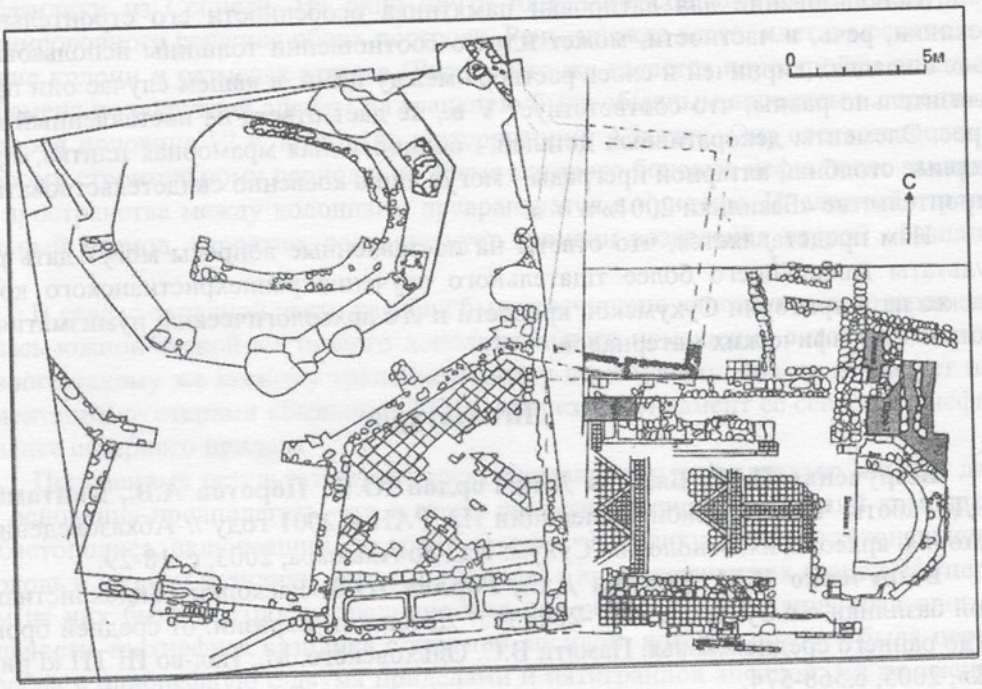


Рис.1. Базилика и октогональная церковь относительно друг друга

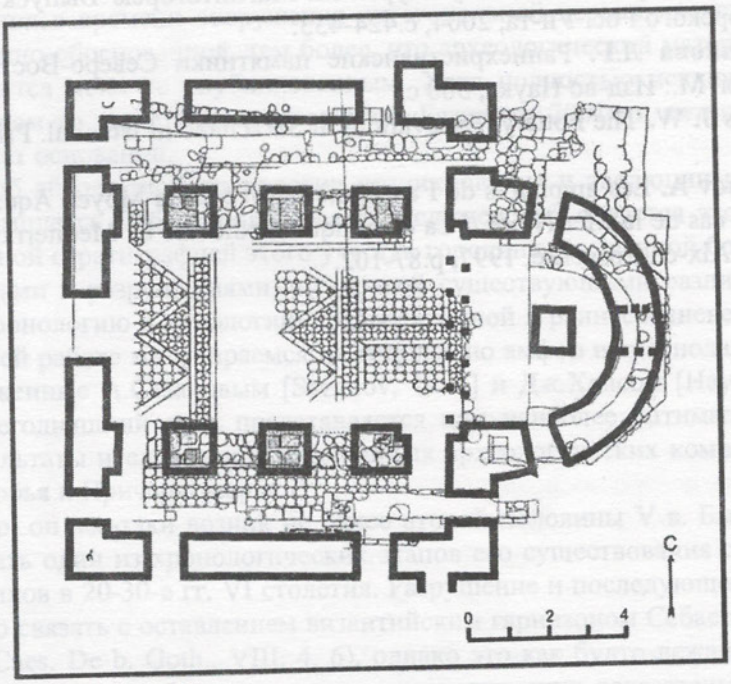


Рис.2. Совмещенные планы базилики №1 из Сухумской крепости и базилики из Сепиети.

Скаков А.Ю.
(Москва, ИА РАН)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ХРОНОЛОГИИ КОЛХИДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На фоне значительных успехов, достигнутых в последние десятилетия при изучении кобанской культуры, становится все более заметным недостаточное внимание отечественных исследователей к синхронным ей памятникам колхидской культуры Западного Закавказья. В тех же случаях, когда колхидские древности попадают в поле зрения российских ученых, используемый ими набор памятников крайне невелик (Иванчик, 2001). Более того, нами уже было отмечено, что не все находки, традиционно считавшиеся комплексами, являются таковыми на самом деле (Скаков, 2000; Вальчак, Скаков, 2003). Используя, в ряде случаев, недостоверные комплексы и не учитывая такие памятники, как, к примеру, могильники Центральной Колхиды, мы оказываемся вынуждены опираться на хронологические схемы, предложенные учеными Южного Кавказа, лишаясь возможности критического анализа этих построений (Скаков, 2005).

Между тем, для памятников колхидской культуры традиционно существуют две схемы относительной и абсолютной хронологии – «длинная» и «короткая». «Длинная» хронология была наиболее детально обоснована Д.Л. Коридзе (1965) на основании анализа состава кладов. Им было выделено шесть хронологических периодов, датирующихся XVI-XIV, XIII-XII, XII-XI, XI-X, X-VIII, VIII-VII вв. до н.э. (Таблица I)

Таблица I.

Хронология колхидских кладов по Д.Л. Коридзе.

Датировка	Памятники
XVIII-XVI вв.	Уреки
XVI-XIV вв.	Квишари, Пиленково, Гагра, Пицунда, Лыхны, Эрге, Чорохи, Кобулети, Лайлаши, Эрге (Земо-Кочо), Мелекедури, Дими, Парцханаканеви, Гора
XIII-XII вв.	Зенити (2 находки 1935 г.), Сасирети, Дигоми, Орду, Удэ
XII-XI вв.	Вакиджвари, Шрома, Артвин, Кара-дере, Чаисубани, Бобоквати, Зенити (1926 г.), Цихисдзири-Самеба, Макванети, Опшквити, Сакара, Земо-Симонети, Дарквети, Лайлаши (ГЭ), Теловани
IX-X вв.	Эрге, Лайлаши, Цхинвали, Ахалкалаки, Бежатубани, Цагери, Гутури, Диди Вани, Бугеули, Тхмори, Тагилони
X-VIII вв.	Окуреши, Квишари, Лухвано, Переви, Цоиси, Лесичине, Сурмуши, Хеви, Синатле, Мехчис-Цихе, Оджоли, Чала, Джвари, Дгнориса, Калвата, окрестности Батуми (1914 г.), Тола, Сапудзвреби
VIII-VII вв.	Уреки (Капровина), Бзвани, Шуахеви, Курзу

Согласно Д.Л. Коридзе, большинство «классических» колхидских кладов с орнаментированными топорами и богатым инвентарем датируются в широких рамках X-VIII вв. до н.э., и только клады из Лайлаши, Цагери и Цхинвали отно-

сятся к XI-X вв. до н.э. Таким образом, Д.Л. Коридзе предложил очень дробную хронологическую схему для памятников второй половины II тыс. до н.э., то есть для периода формирования колхидской культуры и основных типов характерного для неё бронзового инвентаря. Памятники колхидской культуры эпохи её расцвета практически остались за рамками периодизации Д.Л. Коридзе, получив очень широкую датировку.

Хронологическая схема Д.Л. Коридзе была уточнена Л.С. Сахаровой (1966) и А.Т. Рамишвили (1974). По Л.С. Сахаровой, два клада из Лайлаши (Кутаисского музея и ГЭ) и клад из Сурмуши (ГЭ) датируются концом XIV - началом XIII вв. до н.э., а клады из Цагери, Окуреши, Лухвано, Лайлаши, Сурмуши и Ходжи с уже сложившимися типами топоров – XII-VIII вв. до н.э. (Сахарова, 1966). Таким образом, памятники «классической» колхидской бронзы получили у Л.С. Сахаровой ещё более широкую датировку, чем у Д.Л. Коридзе.

А.Т. Рамишвили, поддержав раннюю дату начальной ступени колхидско-кобанской бронзы, отметил при этом, что нижние хронологические границы колхидской бронзы из-за недостаточности археологических материалов из Западной Грузии устанавливаются на основании археологических комплексов Восточной Грузии, содержащих колхидские предметы (Рамишвили, 1974, с.123). В целом, предложенные А.Т. Рамишвили коррективы хронологической схемы Д.Л. Коридзе незначительны и касаются преимущественно ранних этапов развития колхидской культуры (Таблица II).

Таблица II.

Хронология кладов Юго-западной Грузии по А.Т. Рамишвили (1974, с.126-127).

Датировка	Памятники
XVI-XV вв. до н.э.	Уреки, Махунцети
XV в. до н.э.	Пичвнари-Кобулети, Чорохи, Махо (2 клада)
Конец XV-XIV вв. до н.э.	Эрге, Мелекедури
XIV в. до н.э.	Земо-Джочо
XIII-XII вв. до н.э.	Чаисубани, Гантиади, Артвин, Удэ

В последнее время «длинная» хронология получила солидную (благодаря прекрасно изданной монографии) поддержку со стороны А.И. Иванчика (Иванчик, 2001). Само по себе обращение исследователя к памятникам Закавказья для их синхронизации с предскифскими и раннескифскими и выявления связей между степным миром, Предкавказьем и Закавказьем можно только приветствовать. Но такое исследование требует, на наш взгляд, максимально полного владения материалом и предварительной работы по его классификации. К сожалению, о монографии А.И. Иванчика этого сказать нельзя.

Наши критические замечания в адрес работы А.И. Иванчика уже были изложены (Вальчак, Скаков, 2003; Скаков, Эрлих, 2005) и получили поддержку со стороны ряда исследователей (Кулланда, Погребова, Раевский, 2003, с.166). Одновременно с нами, критические оценки построений А.И. Иванчика были высказаны и другими учеными (Дударев, 2001; 2001а; 2002; 2003; Яблонский, 2003). Так, по словам Л.Т. Яблонского, «А.И. Иванчику не удалось избежать досадных ошибок в построении и системе аргументации собственной хронологической концепции археологического материала, в способах его подачи» (Яблонский,

2003, с. 74). Более того, методы использования А.И. Иванчиком данных археологии были подвергнуты критике еще после появления первых его статей на эту тему (Погребова, Раевский, Яценко, 1998, с.84-85). Основной порок исследования А.И. Иванчика мы видим в недостаточном владении археологическим материалом, когда из множества археологических памятников автором используются только наиболее репрезентативные (Табл. III).

Табл.III.

Хронология памятников Колхиды по А.И. Иванчику.

Датировка	Памятники
XII-X вв. до н.э.	Лайлаши
вторая половина X – начало IX вв. до н.э.	Приморское
не позже IX в. до н.э.	Эшера (1930 г.) Анухва
VIII в. До н.э.	Нигозети
не раньше второй половины VIII в. до н.э.	Мехчис-Цихе

Кроме того, ученый практически не владеет типологическим методом и приведенные им аналогии древним изделиям являются, зачастую, или слишком общими, или более чем отдаленными. И, наконец, в работе А.И. Иванчика отсутствует как элементарная критика источника, то есть определение степени достоверности комплекса, так и критический анализ имеющихся в науке хронологических схем. Учитывая, каким весомым вкладом в науку была книга А.И. Иванчика «Киммерийцы» (1996), последнюю его работу нельзя не назвать, перефразируя слова её автора, «наивным использованием историком данных археологии».

Неоправданной, в частности, выглядит попытка А.И. Иванчика датировать клад из Лайлаши около XII-X вв. до н.э., исходя из «формы топоров, в том числе бронзового топорика с шипами на обухе» (Иванчик, 2001, с.160,162). Типологически близкий топор известен в составе клада из Цхинвали, синхронизирующегося по ряду предметов с кладом из Мехчис-Цихе и датирующегося рубежом VIII-VII вв. до н.э. (Вальчак, Скаков, 2002, с.137-140). Бляха из Лайлаши, как отметила В.И. Козенкова (Козенкова, 1998, с.62), находит аналог в склепе 1928 г. из Гижгида, датируемом не ранее второй половины VIII в. до н.э. Аналогичная бляха входит в состав клада из Нигозети, который сам А.И. Иванчик датирует VIII в. до н.э. (Иванчик, 2001, с.188,190). Таким образом, ни форма топоров, ни характер иных предметов не дают оснований для предлагаемой А.И. Иванчиком столь ранней датировки, ещё более удревнившей клад из Лайлаши, чем это сделал Д.Л. Коридзе, отнесший его к XI-X вв. до н.э. (Коридзе, 1965, с.154).

А.И. Иванчик пишет о близости и синхронности между собой комплексов из Эшеры и Анухвы. Как представляется, эта близость обусловлена тем, что в обоих случаях мы имеем дело с инвентарем двух смешанных погребений, которые могут быть хронологически близки, но при этом, все же, не синхронны. Можно только предложить для этих коллекций общую датировку в рамках IX-VIII вв. до н.э. Коллекция (а не комплекс, как считает А.И. Иванчик) из Приморского в целом (за исключением бронзового шлема) действительно выглядит несколько более архаичной, чем коллекции из Эшеры и Анухвы. Но та система ар-

гументации и поиска аналогий, которую использует для доказательства этого исследователь, не выдерживает критики. Так, в отношении предметов из Приморского А.И. Иванчик ограничивается общим замечанием о наличии «близких соответствий им в памятниках Кобанской культуры той же эпохи» (Иванчик, 2001, с.230), или же в памятниках колхидской культуры. Проводимая А.И. Иванчиком синхронизация «комплексов» из Эшеры и Анухвы также выглядит методически весьма уязвимой. По его словам, их, кроме «пекторалей», объединяют бронзовые «колхидские» топоры, клинки, наконечники копий, бляхи, браслеты, пояса с пряжками (Иванчик, 2001, с.247). Топоры с клиновидным обухом бытуют длительное время, и синхронизировать один экземпляр с другим без детального анализа формы и декора вряд ли возможно. Тем более что топор, найденный в Эшере, имеет такую редкую особенность, отличающую его от топоров из Приморского и Анухвы, как бронзовая рукоять. Браслеты из Эшеры и Анухвы также отличаются друг от друга, в первом случае это массивные ножные кольца с заполнением, а также массивные браслеты с почти сходящимися концами, во втором – более изящные и тонкие браслеты с сильно расходящимися концами. На самом деле, эти коллекции сближаются только по клинкам кинжалов, наконечникам копий и поясам с пряжками. А.И. Иванчик, мимоходом, по таким же критериям («однотипные браслеты», «топоры» и так далее) синхронизирует с находками из Эшеры и Анухвы и большинство других памятников колхидской культуры (Иванчик, 2001, с.255). Хронология же их определяется исследователем исходя из того, что лишь в некоторых комплексах имеются предметы из железа. Другим основанием для абсолютной датировки этих памятников для А.И. Иванчика является отсутствие в них «несомненных признаков урартского влияния» (Иванчик, 2001, с.256). Необходимо отметить, что следы урартского влияния вообще практически отсутствуют на территории Абхазии.

Конечно, абсолютно неоправданной нам видится предложенная Г. Коссаком для пекторали из Эшеры датировка около 1000 г. до н.э. Как справедливо отметил С.В. Махортых, «случайный характер находки… не дает оснований для датировки этой вещи» (1996, с.115).

Стремление удревнить появление бронзовых шлемов и «пекторалей» на Северном Кавказе и на территории Абхазии ярко проявилось и у В.И. Козенковой, обратившейся к «пекторали» из Верхней Рутхи, опубликованной И. Мотценбеккером. Абсолютно непонятно, каким образом беспаспортная находка, не имеющая никакого археологического контекста, «подтверждает предположение о том, что появление в кобанской культуре этих ярких защитных изделий в сочетании с ассирийскими шлемами, определенными модификациями кинжалов, скипетров и пр. относится к значительно более раннему времени, чем начало передвижения кочевников (киммерийцев? скифов?) на юг, через Кавказский хребет». Находка из Верхней Рутхи ничем не подкрепляет предложенную В.И. Козенковой датировку «северокавказского «рыцарского» комплекса» концом IX – первой половиной VIII вв. до н.э. (1998а, с.33). Можно только приветствовать, что в более поздней работе исследовательница отнесла погребение 14 могильника Клин-Яр III, включающее «пектораль», а также другие комплексы с аналогичными предметами, к третьей стадии древностей новочеркасского типа, датированной исследовательницей концом VIII – рубежом VIII-VII вв. до н.э. (2004, с.79, рис.8,III). Таким образом, можно говорить об единстве взглядов большинства исследователей по вопросу датировки комплексов с бронзовыми «пекторалями».

Тем не менее, даже дата появления железа в Закавказье пока остается дискуссионной. Спорными пока являются и датировки некоторых закавказских памятников, содержащих железные предметы – погребения 18 из Бешташени и клада из Удэ, отнесенных Р.М. Абрамишвили к XIV – XIII вв. до н.э. (Абрамишвили, 1961, с.316-326). Предлагаемая Д.А. Хахутайшвили датировка наиболее ранних колхидских железоделательных мастерских XV-XIII вв. до н.э., или даже XIX-XVI вв. до н.э. (Хахутайшвили, 1987, с.109,110,132,143,150, 155,162) вызывает серьезные сомнения. Критические замечания по поводу этих дат были высказаны И.Н. Медведской (Медведская, 1990, с.269-273), Т.К. Микеладзе (Микеладзе, 1990, с.52), Д.Б. Апакидзе (Апакидзе, 1991, с.79-82), М. Барамидзе (Барамидзе, 1999, с.35), О.Х. Бгажба (Бгажба, 2000, с.93-96). Ранние (XII-XI вв. до н.э.) датировки широкого распространения железного инвентаря в юго-восточном Причерноморье поддержал А.Т. Рамишвили, основываясь при этом на не поддающихся проверке данных о наличии железных предметов в составе Зенитского клада, имеющего, по Д.Л. Коридзе, раннюю дату (Рамишвили, 1974, с.125).

Д.Б. Апакидзе и И.Н. Медведская обращают внимание на несоответствие археологического материала, найденного в мастерских и датирующегося IX-VII вв. до н.э. и новых археомагнитных дат, отличающихся от приведенных в более ранних публикациях. Более того, О.Х. Бгажба отмечает, что в качестве опорных памятников для геомагнитной кривой используются железоплавильные мастерские «Цецхлаури I» и «Цецхлаури II», датированные Д.А. Хахутайшвили ранее VIII в. до н.э. на основании маловыразительной и долго живущей керамики с каннелюрами. При датировке мастерской «Мзиани I» VIII-VII вв. до н.э. не учитываются найденные в ней материалы античного периода, а не устраивающие исследователя радиоуглеродные даты отбрасываются. О.Х. Бгажба, как и Д.Б. Апакидзе, отнесли начало железоделательного производства в Колхиде к VIII в. до н.э.

В последнее время раннюю датировку появления железа в Закавказье поддержала В.И. Козенкова. По её мнению, процесс появления железа в Закавказье маркируют инкрустированные железом полуовальные пряжки, отнесенные ею к протокобанской группе (середина XIII – начало XII вв. до н.э.). Более того, согласно Р.М. Абрамишвили, инкрустированные железом полуовальные пряжки, найденные, кроме Центрального Кавказа, ещё и в Абхазии, датируются концом XIV – XIII вв. до н.э. (Абрамишвили, 1962, с.6,7)[1]. В.И. Козенкова считает, что северокавказские инкрустированные железом бронзовые изделия нельзя относить к более позднему времени, чем конец XII – начало XI вв. до н.э. (Козенкова, 2002, с.120). Как мы уже отмечали, полуовальные пряжки со спиральным орнаментом относятся, скорее всего, не к протокобанскому, а к раннекобанскому периоду (Скаков, 2001а, с.237; 2002а, с.222). Но не это главное. Дело в том, что архаичные полуовальные пряжки, украшенные, как правило, спиральным орнамен-

[1] - Неточностью является утверждение Р.М. Абрамишвили о присутствии в комплексе № 11 из Верхней Рутхи кроме полуовальной пряжки (о наличии на ней инкрустации или спирального орнамента нам ничего неизвестно) «листовидного бронзового кинжала и бронзовых подвесок раннего облика» (Абрамишвили, 1962, с.6; Крупнов, 1960, табл.XLI). Все перечисленные Р.М. Абрамишвили архаичные комплексы (погребения 174 и 261 могильника Самтавро, Верхняя Рутха, Корети, Мегврекиси) содержат пряжки со спиральным орнаментом, а не с инкрустированными железом треугольниками, что признавал и сам исследователь. Тем самым, он без какого-либо обоснования переносил на пряжки с инкрустацией датировку, обоснованную для пряжек с совсем другим декором.

том и не имеющие отверстий в основании, вообще не инкрустированы железом. Железом инкрустировано только несколько полуовальных пряжек, типа найденной в погребении 9 Кобанского могильника, имеющих отверстия в основании и украшенные орнаментом из рядов треугольников (Chantre, 1886, pl.XII,2). Инвентарь погребения 9 позволяет датировать такие пряжки периодом расцвета кобанской культуры, а ближайшие аналогии для них известны в памятниках Бзыбского варианта колхидской культуры, которые, как будет показано ниже, не могут быть датированы ранее VIII в. до н.э. (Скаков, 2002а, с.225-226). Аналогичная пряжка с орнаментом из рядов треугольников или зигзага, но без инкрустации железом, найдена в погребении 378 Тлийского могильника, которое содержит железный акинак скифского типа (Техов, 2002, табл.54,5). Инкрустированные железом орнаментированные топоры из Джирхуа, Фаскау и погребения 362 могильника Клин-Яр III, как и большинство других инкрустированных железом предметов, мы датируем IX в. до н.э., относя их ко второму периоду в развитии кобано-колхидского графического стиля (Скаков, 1999, с.123).

Сторонники «длинной хронологии» нередко апеллируют к хронологической схеме, разработанной для памятников Восточной Грузии, в первую очередь, на основании материалов могильника Самтавро. В частности, В.И. Козенкова, имея в виду, в том числе, те же самые полуовальные пряжки, обращает внимание на присутствие «материалов кобанского облика» в Закавказье в более ранних комплексах, чем на Северном Кавказе (Козенкова, 1996, с.80). Отсюда только один шаг до вывода о формировании кобанской культуры в Закавказье. Обратимся к хронологии Самтаврского могильника как опорного для всего региона Центрального Закавказья, благо, эта хронология была подробно разработана Р.М. Абрамишвили в целом ряде работ (1957, 1961, 1962, 1973, 1997).

Относительно убедительно, на основании многочисленных, главным образом, скифских, хронологических привязок, Р.М. Абрамишвили датировал только наиболее позднюю хронологическую группу могильника, отнеся её к второй половине VII – первой половине VI вв. до н.э. или второй половине VII – VI вв. до н.э. (1957, с.125-131; 1997, Tab.I). Тем не менее, дата его хронологических привязок к настоящему времени изменилась в сторону их удревнения. Так, Малая Цимбалка датируется уже не VII или второй половиной VII вв. до н.э., а не позднее, чем серединой VIII в. до н.э., Келермесс – не первой половиной VI в. до н.э., а 660 – 620 гг. до н.э., погребение с родосской ойнохойей из Темир-горы – не началом VI в. до н.э., а второй половиной VII в. до н.э. Таким образом, часть погребений поздней группы Р.М. Абрамишвили на основе приведенного им круга аналогий может быть удревнена и датирована в целом серединой VIII VII вв. до н.э. В этой связи мы должны усомниться в отнесении поясной пряжки из погребения 27 Самтаврского могильника к дигорскому типу пряжек, выделенному Д.В. Журавлевым и А.П. Мошинским и датированному ими V в. до н.э. (1994, с.164). Типологическое сходство самтаврского экземпляра с дигорскими не абсолютно, пряжка из Самтавро имеет менее геометризированные очертания, а наличие у неё девяти отверстий в основании (признак, характерный для пряжек дигорского типа) может быть случайным совпадением. На более раннюю датировку, чем V в. до н.э., указывает и раннескифский характер самого комплекса погребения 27 (Abramishvili, 1997, Tab.I,1,2,13,52). Аналогичная по форме пряжка, также с девятью отверстиями, найдена в погребении 293 могильника Самтавро (Абрамишвили, 1961, табл.XVIII,1). Судя по её декору, а также железному мечу и 4 наконечникам стрел, это погребение не моложе VII в. до н.э.

Следующая хронологическая группа, датируемая VIII – первой половиной VII вв. до н.э., выделена Р.М. Абрамишвили на основании взаимовстречаемости определенных категорий вещей и стратиграфических наблюдений, но абсолютная дата здесь опирается только на бронзовые наконечники стрел с длинными черешками, встреченные в урартских материалах VIII в. до н.э. (1957, с.132-134; 1997, Tab.I). Ещё сложнее обстоит дело с выделением двух более ранних групп, при их явной архаичности они, по признанию Р.М. Абрамишвили, «отличаются друг от друга только большим или меньшим количеством железных предметов» (1957, с.134,135). По нашему мнению, количество железных предметов не может быть единственным хронологическим индикатором, так как может зависеть от социального статуса погребенного, от задержек с поставками черного металла из железодобывающих центров и т.д. Тем более, мы не считаем возможным, как это предлагает исследователь, расположить погребения одной группы в хронологической последовательности исходя из количества найденных в них железных вещей (1957, с.135). А для Р.М. Абрамишвили количество железных предметов в погребениях стало основанием для создания схемы типологического и хронологического развития самтаврских бронзовых кинжалов и мечей (1962, с.10, табл.III).

Более позднюю из этих групп, критерии выделения которых нам не вполне ясны, Р.М. Абрамишвили отнес первоначально к IX – первой половиной VIII вв. до н.э., а более раннюю - к XI-X вв. до н.э. (1957, табл.I). Спустя некоторое время более поздняя группа была охарактеризована исследователем как «I ступень эпохи широкого освоения железа» и датирована второй половиной X – IX вв. до н.э. (1962, с.24-26). Единственным хронологическим репером для Р.М. Абрамишвили при датировке более ранней группы была дуговидная бронзовая фибула раннего типа из погребения 591 (раскопки Байерна) (1957, с.136). В дальнейшем исследователь скорректировал свою точку зрения, объединив большую часть инвентаря[1] более поздней группы с материалами следующей за ней по времени группы VIII – первой половины VII вв. до н.э. Более раннюю группу Р.М. Абрамишвили передатировал второй половиной XII - IX вв. до н.э. (Abramishvili, 1997, Tab.II).

Ещё более раннюю группу погребений Самтаврского могильника Р.М. Абрамишвили отнес к поздней бронзе, синхронизировал с погребениями 13 и 18 из Бешташени и датировал XIII-XII вв. до н.э. (1973; 1957, с.137, табл.I). В дальнейшем её датировка был уточнена в рамках XIII –первой половины XII вв. до н.э. (1997, Tab.II). Отметим сразу, что для нас остается абсолютно непонятным, откуда у Р.М. Абрамишвили появилось утверждение о наличии в погребении 13 могильника Бешташени железного ножика (Абрамишвили, 1962, с.5,6). Исследовавший Бешташенский могильник Б.А. Куфтин прямо указывал, что «железо встретилось только в одной могиле № 18, именно железный кинжал» (Куфтин, 1941, с.67). В дальнейшем часть погребений пятой группы была выделена Р.М. Абрамишвили в отдельную, более раннюю группу, датируемую им второй половиной XV – XIV вв. до н.э. или же только XIV в. до н.э. (1973; 1997, Tab.III). И, наконец, наиболее ранняя группа погребений могильника Самтавро была датирована Р.М. Абрамишвили XVI – первой половиной XV вв. до н.э. (1997, Tab.III).

Как видим, Р.М. Абрамишвили, уловив, как кажется, общую линию развития материальной культуры населения, оставившего могильник Самтавро, убедительно обосновал только выделение двух наиболее поздних хронологических

[1] - Но не весь инвентарь, в чём можно убедиться при сличении таблиц (Абрамишвили, 1957, табл.I; Abramishvili, 1997, Tab.II).

групп. В то же время, абсолютные даты, предлагаемые Р.М. Абрамишвили, либо устарели, либо слабо обоснованы. Тем не менее, датировка погребения 591 XI-X вв. до н.э. по архаической бронзовой фибуле с невысокой тонкой дужкой не вызывает у нас серьезных сомнений. Однако, можно усомниться в предлагаемой Р.М. Абрамишвили датировке появления фибул в Закавказье XII в. до н.э. исходя из того сомнительного факта, что это событие не могло произойти после «потери ахейцами Трои» (1962, с.10). Опирающаяся на таком шатком основании и измененная исследователем в сторону удревнения датировка погребения 591 Самтаврского могильника рубежом XII-XI вв. до н.э. не может быть принята. Проблема в том, что столь шаткие хронологические реперы стали для исследователя основанием для отнесения погребений, содержащих мечи с усеченными концами, к XI в. до н.э., а погребений, содержащих мечи с закругленными концами – к концу XII в. до н.э.

Некоторые замечания к предложенной Р.М. Абрамишвили хронологической схеме были высказаны ещё К.Н. Пицхелаури. В частности, им было обращено внимание на невозможность установления точной даты по глиняным сосудам, наличие булавок с грибовидной головкой как в ранних, так и в относительно поздних комплексах, синхронность кахетских кинжалов с составной рукоятью листовидным кинжальным клинкам, а также на сомнительность гипотезы Р.М. Абрамишвили о более раннем появлении железа в Самтавро, чем в северных и восточных районах Восточной Грузии (Пицхелаури, 1969, с.174-176,192-193). Тем не менее, усомнившись в обоснованности некоторых датировок погребений могильника Самтавро, К.Н. Пицхелаури в целом принял хронологическую схему Р.М. Абрамишвили для памятников Восточной Грузии. Так, для комплексов из Квемо Гостибе, Навилуги, Орхеви, погребения 13 из Бешташени, клада из Сасирети К.Н. Пицхелаури согласился с излишне удревненной, на наш взгляд, датировкой рубежом XIV-XIII вв. до н.э. (1969, с.177-182). При этом исследователь не отрицал, что ряд предметов из этих комплексов имеет более широкие даты, встречаясь в памятниках рубежа II-I тыс. до н.э. Отметим, что гораздо более убедительными выглядят датировки, предлагаемые К.Н. Пицхелаури для исследованных им самим памятников, в частности, могильников Сакобиано («наиболее ранняя ступень эпохи поздней бронзы»), Кистаури (XII-IX вв. до н.э.) (1969а, с.93-95,99-101). Но и здесь К.Н. Пицхелаури, переходя к датировке могильника Тетрицклеби, опирается при этом практически исключительно на предлагаемую Р.М. Абрамишвили раннюю дату появления железа в Самтавро. Несколько противореча сам себе, исследователь отмечает: «существующие данные подтверждают, что памятники этого края не могут быть датированы с полной достоверностью на основе лишь материалов соседних районов (напр. Самтавро)» (Пицхелаури, Дедабришвили, 1969, с.7). В итоге явно разновременные более архаичный могильник Кистаури и включающие железные предметы погребения из Тетрицклеби оказываются полностью синхронными (1969а, с.100,105-107). На наш взгляд, дата погребений из Тетрицклеби непосредственно следует за датой могильника Кистаури.

Можно ли использовать хронологическую схему, разработанную по материалам Самтаврского могильника, для датировки памятников Колхиды? Подобная попытка была предпринята Р.М. Абрамишвили. Так, клады из Мехчис-цихе и Сурмуши были отнесены им к VIII – первой половине VII вв. до н.э. (1997, табл.I,81-88,107,108). К этому же периоду он отнес погребение 121 Самтаврского могильника с орнаментированным топором группы 5 третьего хронологического периода (Скаков, 1998), а также погребение 260 этого могильника с неорнамен-

тированным кобано-колхидским топором второго типа. С ними исследователь синхронизировал погребение 70 могильника Самтавро, содержащее бабочковидную поясную пряжку, железный топор, аналогичный бронзовым топорам второго типа, железный черешковый кинжал, бронзовую рукоять железного кинжала, бронзовое навершие с четырьмя человеческими головками (1997, табл.I,115,116,125,128). К более раннему периоду Р.М. Абрамишвили отнес погребение 208 могильника Самтавро с неорнаментированным топором третьего типа (1997, табл.II,22). С предложенными Р.М. Абрамишвили датировками этих комплексов мы можем согласиться. Но другие, более ранние группы погребений Самтаврского могильника практически не содержат предметов, находящих аналогии в памятниках Колхиды. Поэтому прямой перенос хронологической схемы Р.М. Абрамишвили на колхидские древности вряд ли продуктивен.

Разработав хронологическую схему для могильника Самтавро, Р.М. Абрамишвили обратился к датировке всего известного к тому времени круга памятников Восточной, Центральной и Южной Грузии (1961; 1962). Им была разработана хронологическая шкала для памятников эпохи освоения железа, наиболее раннее положение в ней занял Чагуловский комплекс из Бешташени, отнесенный ко второй половине XV – XIV вв. до н.э., клад из Сасирети, комплекс из Орхеви, погребения 13 и 18 могильника Бешташени, датированные, соответственно, рубежом XIV-XIII и XIII или рубежом XIII-XII вв. до н.э. (Абрамишвили, 1962, с.5-7). Столь ранняя дата комплексов, содержащих железные предметы, привела к тому, что кинжал из Чагуловского погребения стал «древнейшим в мире стальным оружием, изготовленным путем цементации» (1961, с.378). Единственной привязкой этих комплексов к абсолютной хронологии стал Первый Лчашенский курган, синхронизированный с материалами XIII в. до н.э. из Рас-Шамры.

Для нас более важны основания, благодаря которым Р.М. Абрамишвили датировал концом XIII – первой половиной XII вв. до н.э. клад из Удэ (1962, с.7,8). В этом исследователь опирается на комплекс из Двани, содержащий, как и клад из Удэ, высокие прямоугольные пряжки кобанского типа. Дванское погребение (Макалатия, 1957) Р.М. Абрамишвили датирует первой половиной XII в. до н.э. на основании цельнолитого кинжала с навершием, приводя в качестве аналогии для него кинжал из погребения 240 могильника Самтавро. Показательно, что украшенные гравировками пинцет и копье из Дванского комплекса исследователь в своих хронологических построениях не учитывает, хотя аналогии, которые можно им привести, говорят о несколько ином времени. Остается неясным, почему «на раннее время удийского клада указывают также содержащиеся в нём бронзовые копья с открытой втулкой» (Абрамишвили, 1962, с.8). Аналогичные копья хорошо известны в колхидских памятниках раннего железного века. Также нельзя считать аргументом утверждение Р.М. Абрамишвили: «на раннюю дату удийского клада указывают также и содержащиеся в нём железные предметы», повторяющие формы бронзовых. Как известно, железные изделия повторяют формы бронзовых прототипов вплоть до VII в. до н.э., что хорошо видно по материалам колхидских некрополей и Тлийского могильника. Показательно, что Р.М. Абрамишвили при датировке комплекса из Удэ не использует присутствующие в нём бронзовые топоры, пояса, браслеты, гравированные пинцеты и копья. Единственным серьезным аргументом является наличие в составе клада из Удэ конусовидных орнаментированных булавок, аналогичная которым была обнаружена в погребении 286 могильника Самтавро. Но ранняя дата (XIII-XII вв до н.э.) погребения 286 опирается только на бусы неправильной формы из розового сердолика. Достаточно ли этого для уверенной датировки? Кроме того, аналогичные булав-

ки найдены в погребении 83 могильника Борнигеле, датированном «начальным периодом I тысячелетия или X-IX вв. до н.э. (Гамбашидзе и др., 1991, с.28, табл.58).

Слабо обоснованная ранняя дата для конусовидных булавок с орнаментированной головкой (Абрамишвили, 1962, с.10,11) в дальнейшем стала восприниматься как аксиома, не требующая дальнейших доказательств. Так, на этом основании, XIII-XII вв. до н.э., не позднее XI в. до н.э., были датированы погребение 34 могильника Бешташени и погребение 472 могильника Мусиери (Абрамишвили, 1962, с.10,11). Погребение 127 могильника Грмахевистави, включающее массивный граненый браслет со сходящимися концами и широкий бронзовый пояс, было датировано XIII-XII вв. до н.э. именно по аналогичной конусовидной булавке (Абрамишвили и др., 1980, с.202, рис.190). При этом входивший в этот комплекс браслет находит аналогию в кладе из Квишари (Ниорадзе, 1949, рис.10), датируемом нами по орнаментированному топору IX в. до н.э. (Скаков, 2002, с.132). Во включенном в хронологическую схему Самтавро погребении 16 могильника Ворнак подобные браслеты были датированы второй половиной XII – IX вв. до н.э. (Abramishvili, 1997, Tab.II,23). Более того, булавка из Грмахевистави короче, чем экземпляры из Удэ, её головка более утолщена. Укороченность конусовидных булавок является, вероятно, поздним признаком. Ещё более укороченными, с сильно утолщенной головкой, являются булавки этого типа из погребений 61, 188 и 190 могильника Гантиади, датированные VIII-VII вв. до н.э. (Кахиани и др., 1985, с.29,30, табл.XXX; Кахиани и др., 1991, с.52,53, табл.131). Таким образом, мы можем предположить, что удлиненные булавки с конусовидной головкой датируются предшествующим периодом, вероятно, X-IX вв. до н.э.

Дав столь неубедительно обоснованную дату для клада из Удэ, Р.М. Абрамишвили, вслед за этим, без какой-либо дополнительной аргументации, передатирует концом XIII – первой половиной XII вв. до н.э. прямоугольные поясные пряжки Кобанского могильника, характерные для кобанской культуры эпохи её расцвета (1962, с.8). Столь же необоснованно отнесение кувшинного погребения из Эшеры и клада из Курзу к концу II – первым векам I тыс. до н.э. (1961, с.378).

К XII – рубежу XII-XI вв. до н.э. («I ступень эпохи широкого освоения железа») Р.М. Абрамишвили отнес VII слой поселения Ховле-гора, погребения 6,55,60,76 могильника Цинцкаро и 8,12,18,28 могильника Так-Килиса, погребения 34 могильника Бешташени и 472 могильника Мусиери, погребения из Кущи, погребение в насыпи Третьего кургана в сел. Санта. В Восточной Грузии им, по мнению исследователя, соответствуют более поздние (вторая половина X –IX вв. до н.э.) погребения могильника Самтавро (1962, с.24-27). Хронологической группе могильника Самтавро VIII – первая половина VII вв. до н.э. соответствуют комплекс из Сатовле и часть погребений могильников Дманиси, Цинцкаро, Так-Килиса (1962, с.27-29). С позднейшей хронологической группой Самтаврского могильника (вторая половина VII – VI вв. до н.э.) Р.М. Абрамишвили синхронизировал клад из Телави и часть погребений могильников Бешташени, Ховлегора, Цицамури, Земолиса, Двани, Брили, Куланурхва, Головино.

Итак, созданная Р.М. Абрамишвили схема относительной хронологии требует внесения значительных корректив, в первую очередь, в вопросе синхронизации погребений могильника Самтавро с комплексами Центральной и Западной Грузии. Предложенные Р.М. Абрамишвили абсолютные даты имеют очень шаткое обоснование и требуют тотальной проверки.

«Короткая» хронология колхидской культуры была обоснована Ю.Н. Вороновым (1980), уделившим, в отличие от Д.Л. Коридзе, основное внимание погре-

бальным комплексам (Таблица IV). По мнению этого исследователя, «бытование основных элементов колхидской (кобано-колхидской) культуры падает не на XIII-XII века, а на конец XI – начало IX вв. до н.э.» (Воронов, 1998, с.14-15). «Наиболее древние из погребальных комплексов колхидской культуры на территории Абхазии» были датированы Ю.Н. Вороновым первой половиной VIII в. до н.э. К VIII в. до н.э. он отнес и появление в Абхазии железных изделий. В развитии материальной культуры древнего населения Абхазии эпохи раннего железа им были выделены три периода - вторая половина VIII – середина VII, конец VII – первая половина IV и вторая половина IV - I вв. до н.э. Первый период – это эпоха освоения железа в рамках собственно колхидской культуры, второй – период распространения элементов скифской культуры при сохранении и развитии ряда черт, зародившихся в недрах колхидской культуры, третий – период эллинизации местной культуры при ослаблении её связей со скифо-сарматским миром (Воронов, 1980, с.200,216-218). Сильным местом работы Ю.Н. Воронова следует считать особое внимание, уделявшееся им поиску хронологических реперов и анализу взаимовстречаемости предметов в комплексах, слабым – нередкое привлечение слишком отдаленных аналогий.

Таблица IV.

Хронология памятников Абхазии и прилегающих территорий эпохи поздней бронзы – раннего железа по Ю.Н. Воронову.

Датировка	Комплексы
IX – первая половина VIII вв. до н.э.	Гагра (1971 г.)[1]
Первая половина VIII в. до н.э.	Куланурхва (1969 г.)
VIII в. До н.э.	Эшера (1934 г.)[2], Звандрипш (1969 г.)
VIII - VII вв. до н.э.	Орду
VIII – первая половина VII вв. до н.э.	Верхняя Эшера (1953 г.)
Вторая половина VIII – начало VII вв. до н.э.	Куланурхва-1
Вторая половина VIII – первая половина VII вв. до н.э.	Куланурхва-6,7, Гальский клад
Конец VIII – начало VII вв. до н.э.	Нижняя Эшера (1930 г.)
Конец VIII – первая половина VII вв. до н.э.	Бамборская поляна (1940 г.), Приморское, Гудаута (1960 г.), Куланурхва-11
VII в. до н.э.	Куланурхва-2, Красный Маяк-92,94[3], Хеви
Первая половина – середина VII в. до н.э.	Ачандара (1970 г.)
Вторая половина VII в. до н.э.	Нижняя Эшера (1969 г.), Красный Маяк-62,93, Куланурхва-8,9
Начало VI в. до н.э.	Красный Маяк-11,17; Куланурхва-4,5[1]

[1] - Первоначально Гагринский могильник был датирован концом III тыс. до н.э. (Воронов, 1969, с. 18) или эпохой ранней бронзы (Бжания, 1967, с.111).

[2] - В другой работе Ю.Н. Воронова это погребение было датировано серединой VII в. до н. э. (Воронов, 1980, с.209).

[3] - В другой своей работе Ю.Н. Воронов датировал урновые погребения Красного Маяка VIII – первой половиной VII вв. до н.э. (Воронов, Вознюк, 1975, с.272).

VI в. до н.э.	Куланурхва-10
VI-V или IV-III вв. до н.э.	Куланурхва-12
Вторая половина VI – начало V вв. до н.э.	Красный Маяк,7, Куланурхва-3
V – первая половина IV вв. до н.э.	Красный Маяк-23,35,38; Гуадиху-6,7,70
Середина - вторая половина V в. до н.э.	Красный Маяк-4,42,55; Гуадиху-72; Беслетский мост
Вторая четверть – середина V в. до н.э.	Красный Маяк-12; Гуадиху-2
Вторая половина V – IV вв. до н.э.	Гуадиху-56,71
Середина - вторая половина IV вв. до н.э.	Гуадиху-23,25
Вторая половина IV в. до н.э.	Гуадиху-21, Ахвала-Абаа (1940)
Конец IV – начало III вв. до н.э.	Гуадиху-20,51,52; Сухумская гора-3,4; комплекс с «эгреткой» из Нижней Эшеры, Агудзера

Независимо от Ю.Н. Воронова к «короткой» хронологии пришла Л.Н. Панцхава (1986, 1988), датировавшая, на наш взгляд, неубедительно, памятники кобано-колхидского графического искусства концом IX – первой половиной VI вв. до н.э. Проведенная Д.Л. Коридзе синхронизация большинства кладов «классической» колхидской бронзы не вызвала у Л.Н. Панцхава сомнений, но датировала она их не X-VIII вв. до н.э., а рубежом VIII-VII вв. до н.э.

Сторонники «короткой хронологии» были поддержаны Т.К. Микеладзе (1990), который проанализировал и ввел в научный оборот комплексы из могильников Центральной Колхиды (Нигвзиани, Уреки, Эргета и др.), датировав их в узких рамках конца VII – начала VI вв. до н.э. В итоге большинство погребальных памятников (Эргета I, 5; Эргета IV, 1; Эргета IV, 2; Уреки; Палури) Т.К. Микеладзе датировал узкими рамками конца VII в. до н.э., некоторые другие (Эргета III, 1; Дгваба,1; Дгваба,2; Нигвзиани) – рубежом VII-VI вв. до н.э. и началом VI в. до н.э. Комплекс (на наш взгляд, сомнительный) из Приморского Т.К. Микеладзе датирует не ранее второй половины VII в. до н.э., тем самым омолаживая его ещё больше, чем Ю.Н. Воронов (Микеладзе, 1990, с.35,48-54).

Хронологическая схема для могильников Центральной Колхиды была развита и дополнена Р.И. Папуашвили (Папуашвили, 1998). Характерно, что Р.И. Папуашвили, выделяя для колхидских могильников пять хронологических групп, обосновывает их исключительно отсутствием или наличием железных предметов и их количеством. Так, погребения первой группы совершенно не содержат железных изделий, во второй группе в единичных экземплярах встречаются железные ножи и кинжалы, в третьей группе преобладают железные кинжалы, изготовленные в подражания бронзовым, в четвертой группе появляются железные аналоги бронзовых топоров, мотыг и сегментовидных орудий, а железные кинжалы типологически не связаны с бронзовыми, в пятой группе все орудия труда и оружие изготовлены из железа (Папуашвили, 1998, с.55-56). Как уже отмечалось выше, наличие и характер железных изделий, безусловно, должны учитываться при хронологических построениях, но строить их исключительно на этих основа-

[108] - В другой своей работе Ю.Н. Воронов датировал погребения 4 и 5 могильника Куланурхва второй четвертью – серединой VI в. до н. э. (Воронов, Вознюк, 1975, с.272).

ниях слишком рискованно. Кроме того, необходимо учитывать разновременность появления железа в различных регионах Кавказа.

Показательно, что, используя для могильников Колхиды укороченную хронологию, Т.К. Микеладзе отказывается от передатировки клада из Удэ, приводя только взаимоисключающие даты XI-X вв. до н.э. и конец XIII в. до н.э. (Микеладзе, 1990, с.52). Тем самым в пределах одной хронологической системы железо в Южной Грузии появляется в XIV-XIII вв. до н.э., а в Западной Грузии - с конца VII в. до н.э. Причины такого расхождения в датировках никак не объясняются. Отметим, что сочетание в одной хронологической схеме двух взаимоисключающих подходов характерно и для некоторых сторонников «длинной» хронологии. Так, В.И. Козенкова, оставаясь сторонницей предложенной Б.В. Теховым хронологии Тлийского могильника, не сомневается в поздней дате могильников Нигвзиани и Палури. Появившееся противоречие исследовательница снимает, выражая сомнение в корректности использования колхидских аналогий для датировки погребений 16 и 16а Тлийского могильника. По её мнению, аналогии тлийским кинжалам с цельнолитыми рукоятями присутствуют и в более ранних кобанских комплексах (Козенкова, 1984, с.298).

В качестве сторонников «короткой» хронологии, хотя и менее радикальных, чем Ю.Н. Воронов, выступили также Э.М. Гогадзе (1984) и Д.Б. Апакидзе (1991), датировавшие большинство «классических» колхидских комплексов в рамках VIII-VI вв. до н.э. Согласно Э.М. Гогадзе урновые погребения из Эшеры и комплексы из Приморского и Аагсты относятся к началу I тыс. до н.э., некоторые погребения Палури, синхронизируясь с III-IV слоями поселения Носири, уходят, возможно, даже в конец II тыс. до н.э. Э.М. Гогадзе отказывается принять позднюю дату, предложенную Ю.Н. Вороновым для бронзовых топоров из Эшеры (1978) – конец VII – начало VI вв. до н.э. По его мнению, основные типы кобано-колхидской бронзы доживают только до середины VII в. до н.э.

В то же время, согласно Э.М. Гогадзе, могильники Красный Маяк и Куланурхва совпадают по времени с могильником Мухурча в Центральной Колхиде. В свою очередь, Мухурча делится на раннюю (VIII – первая половина VII вв. до н.э.) и позднюю (вторая половина VII – середина VI вв. до н.э.) группы комплексов. При датировке Мухурчи Э.М. Гогадзе обращает внимание на находку там бронзового втульчатого двулопастного наконечника стрелы, аналогичный которому известен из верхнего слоя Наохваму. Ранняя группа синхронна выделенному Р.М. Абрамишвили второму этапу широкого освоения железа и могильникам Триалети (Цинцкаро, Так-Килиса, Куци, Маралин-Дереси). В это время бытуют как бронзовые (бронзовые орнаментированные топоры и черешковые стрелы), так и железные (топоры и кинжалы, повторяющие форму бронзовых) оружие и орудия труда, но железные (топоры, кинжалы) повторяют форму бронзовых. Кроме того, второй этап широкого освоения железа в Самтаврском могильнике синхронизируется с ранними комплексами Мухурчи по асимметрично-биконическим подвескам и мелким пятигранным бусам из красного сердолика, бочковидным и типа «домино» пастовым бусинам. В могильниках Триалети аналогиями инвентарю ранних комплексов Мухурчи являются бронзовые мотыга, фибулы, наконечники стрел, пояса, удила, браслеты, пинцет, лапчатые ажурные и круглая ажурная с отверстиями привески, очковидные привески, гребешок, а также каменные, пастовые и стеклянные бусы и подвески. Надо отметить, что приводимые параллели зачастую являются слишком общими, как, например, сравнение пластики Казбекского клада и скульптурок Мухурчского могильника

или аналогии между колхидскими изделиями и инвентарем урартского могильника у Игдыра (Гогадзе, 1984, с. 33).

Вторая группа Мухурчи синхронна третьему этапу широкого освоения железа по Р.М. Абрамишвили, комплексам из Горадзири (VII-VI вв. до н.э.) и могильнику Нигвзиани (конец VII – начало VI вв.). Э.М. Гогадзе принимает датировки могильника Мерхеули – VI-V вв. до н.э. и кремационных погребений 1 и 2 Сухумской горы – VII-VI вв. до н.э. Могильник Гуадиху начинает свое существование позже, чем Мухурча, и совпадает с ним только частично. В целом, колхидская бронза, по Э.М. Гогадзе, датируется не позже, чем серединой VII в. до н.э. (Гогадзе, 1984, с.31-37). Таким образом, Э.М. Гогадзе вроде бы попытался нащупать «третий путь», избежав крайностей сторонников «длинной» или «короткой» хронологии.

Исследователи – сторонники «короткой» хронологии не отрицали формирования колхидской культуры в середине II тыс. до н.э. Даже тот же Ю.Н. Воронов датировал ранние клады колхидских топоров (Пиленково, Пицунда, Лыхны) второй половиной II – началом I тыс. до н.э. (Воронов, 1980, с. 203). Возникало ощущение, что колхидская культура, сформировавшись в основных типах бронзового инвентаря около XV в. до н.э., затем на протяжении 6-7 веков находилась в состоянии явного застоя, сменившегося в VIII-VI или VII-VI вв. до н.э. неожиданным расцветом.

Поздние даты погребений у приверженцев «короткой» хронологии вступили в противоречие с датировками поселенческих слоев. Так, тот же Д.Б. Апакидзе, перейдя в лагерь сторонников «длинной» хронологии (2001, с.38), передатировал верхний слой поселения Наохваму, содержащий бронзовый наконечник копья с орнаментированной втулкой, XII-XI вв. до н.э. Ранее Э.М. Гогадзе датировал его XI-IX или X-IX вв. до н.э., Т.К. Микеладзе – концом первой четверти I тыс. до н.э., М.В. Барамидзе – X-VIII вв. до н.э., а А.Н. Габелия и Л.В Джибладзе – VIII-VII вв. до н.э. (Гогадзе, 1984, с.38,49; Габелия, 1984, с.12; Микеладзе, 1990, с.35,36; Апакидзе, 2001, с.30). В своей работе 1991 г. Д.Б. Апакидзе датировал бронзовые наконечники копий из клада Очхомурского поселения, погребений 11 и 13 Бешташени и клада Лухвано VIII-VII вв. до н.э. (1991, с.79). В 2001 г. исследователь отнес эти комплексы к XII-XI вв. до н.э., приведя наконечники копий из них как аналоги наконечнику из верхнего слоя Наохваму (2001, с.33). Кроме того, Д.Б. Апакидзе в качестве аналогий им привел наконечники копий из Квасатали. По сути, возникла парадоксальная ситуация, когда клад из Лухвано эпохи расцвета кобано-колхидской бронзы оказался у Д.Б. Апакидзе синхронен безусловно докобанским погребениям Квасатали.

Более серьезным аргументом является находка в верхнем слое Наохваму бронзового втульчатого двулопастного наконечника стрелы (Куфтин, 1950, рис.43,1)[1]. Наконечник безусловно чужероден для Колхиды и находит многочисленные аналогии в южноевропейских памятниках конца бронзового – раннего железного века (Апакидзе, 2001, с.33). Но можно привести и территориально более близкие аналогии. Это, в первую очередь, наконечники из Муштского клада и погребения 35 могильника Сержень-Юрт, сближаемые В.И. Козенковой с сабатиновскими и раннебелозерскими наконечниками конца XII – X вв. до н.э. (1995, с.10, табл.II,1; 2002, табл.21,2). При этом погребение 35 могильника Сержень-Юрт было датировано В.И. Козенковой X в. до н.э. (2002, табл.VI) или концом X

[1] - Рисунок, приведенный Д.Б. Апакидзе (2001, рис.2,6) не вполне точен, в частности, не показаны отверстия на втулке, а пропорции наконечника несколько нарушены.

– началом VIII вв. до н.э. (2002, с.133). В.И. Козенкова отмечает архаичность наконечника стрелы из погребения 35 по сравнению с другими предметами из этого комплекса, считая его оберегом (2002, с.79). Говорить с уверенностью о точной дате Муштского клада затруднительно, но его относительно ранний характер очевиден. Кроме того, аналогии наконечнику стрелы из Наохваму известны на позднесаботиновском поселении Суворово VI (он несколько более архаичен, так как его втулка не доходит до конца пера), на памятниках лужицкой культуры, на поселении Велем-Сент-Вит периода НаА-НаВ2 в кладе Шпэлнака II в Румынии (Черняков и др., 1986, рис.3,16-18,20,21). По устояшемуся мнению, подобные стрелы появляются в конце XII в. до н.э. и доживают, по крайней мере, до X в. до н.э.

Вероятно, Д.Б. Апакидзе пришел к удревнению верхнего слоя Наохваму и синхронных ему памятников после появления калиброванных дат по С 14 для некоторых из них. Но большинство этих дат, приводимых исследователем, указывает, все же, не на XII-XI, а на XI-IX вв. до н.э. (Апакидзе, 2001, с.33). Вряд ли стоит переоценивать возможности датировки по С 14 для памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа. Здесь можно согласиться с М.В. Андреевой: «для поздней бронзы имеется значительное количество калиброванных дат, однако их разброс не позволяет эффективно использовать эти даты для уточнения хронологии в рамках последних веков II тыс. до н.э. По-видимому, для столь поздней эпохи археология может представить боле точные датировки, чем естественные методы» (1987, с.282).

Приводимые Д.Б. Апакидзе аналогии копью с орнаментированной втулкой из Наохваму отличаются от него как по форме, так и по декору (см. ниже). Утверждение об отсутствии булавок с грибовидной головкой и с витым наполовину стержнем в комплексах IX-VII вв. также не отвечает реальности. Такие булавки в западнокобанских памятниках характерны именно для комплексов первой половины I тыс. до н.э., доживая до раннескифского времени (Козенкова, 1998, с.66,68, табл.XXI,18,19; XXII,23). Не касаясь сейчас вопроса о датировке среднего и нижнего слоев Наохваму, отметим лишь необоснованность предпринятой Д.Б. Апакидзе попытки удревнения его верхнего слоя. Не более обоснованным кажется нам и употребляемый исследователем «метод сравнительной хронологии», когда подстилающий слой автоматически датируется веком раньше, чем слой, расположенный над ним (Апакидзе, 2001, с.34,35).

«Короткая» хронология колхидской культуры вызывала соблазн передатировать в этом же ключе и памятники кобанской культуры (Тлийский могильник). Такие попытки были предприняты Ю.Н. Вороновым, Л.Н. Панцхава и Т.К. Микеладзе. Т.К. Микеладзе пересматривает датировку погребений Тлийского могильника на основании колхидских аналогий его кинжалам. Комплексы, датированные Б.В. Теховым XII-IX вв. до н.э. (погребения 51,66,97,236), передатируются рубежом VII-VI вв. до н.э. (Микеладзе, 1990, с.56,57). Передатировку основной массы погребений Тлийского могильника VIII-VI вв. до н.э. принял Д.Б. Апакидзе (1991, с.92), о её необходимости высказался Э.М. Гогадзе (1984, с.37-38). По мнению Э.М. Гогадзе и Ц.О. Давлианидзе, если согласиться с предложенной Б.В. Теховым хронологией Тли, придется передатировать XII-X вв. до н.э. многие элементы колхидской культуры предантичного периода (1981, с.85,86).

По справедливому замечанию Ю.Н. Воронова, при взгляде на хронологическую схему, предложенную Б.В. Теховым, «создается впечатление, что на протяжении 600 лет местная материальная культура, зародившись внезапно во всех

своих классических формах вне видимой связи с более ранними памятника где-то в середине XII в. до н.э., находилась в полном застое до VII в. до н.э., к гда в её среду начали проникать памятники скифского облика» (Воронов, 198 с.201, примечание 9). Замечание, в целом, точное, хотя необходимо призна что, как было показано выше, к хронологической схеме самого Ю.Н. Воронова его единомышленников оно может быть применено с не меньшим успехом. I само по себе обращение Ю.Н. Воронова к кобанским памятникам при попыт их синхронизации с колхидскими древностями было новаторским. Те же хрон логические и типологические неувязки вызвали вопросы и у Э.М. Гогадзе. По е замечанию, одни и те же типы ряда основных категорий инвентаря Тлийско могильника датированы Б.В. Теховым как VIII-VI, так и XII-X вв. до н.э., «н блюдается чрезвычайная устойчивость форм и орнаментации» (Гогадзе, 198 с.37).

Суть предложенной Ю.Н. Вороновым передатировки состояла в том, ч тлийские комплексы с предметами скифского облика вместо VIII-VI вв. до н были отнесены ко второй половине VII-VI вв. до н.э., а предшествовавшие и погребения второй половины XII-IX вв. до н.э. – к времени, не ранее чем VIII первая половина VII вв. до н.э. (Воронов, 1980, с.201, примечание 9). Двусп ральные подвески («пряжки») финала средней бронзы из погребений Тлийско могильника и Стырфаза, датированные Б.В. Теховым XIV – первой половин XII вв. до н.э., Ю.Н. Воронов отнес к VIII-VII вв. до н.э., датировав этим врем нем и Стырфазские кромлехи (Воронов, 1980, с.208). Конечно, утвержден Ю.Н. Воронова о «характерности» многих категорий инвентаря Стырфазск кромлехов «в первую очередь для памятников VIII-VII вв.» не выдерживает кр тики.

Попытки «омоложения» Тли вызвали критические возражения со сторон Б.В. Техова (1985а). Хронологическая схема Б.В. Техова сложилась в 1960-е гг. ходе раскопок богатейшего Тлийского могильника, изучение и публикации кот рого без преувеличения стали научным подвигом исследователя. Изначальн созданная Б.В. Теховым хронологическая схема не была лишена противоречи Так, в одной и той же статье он датировал погребение 109 концом II тыс. до н. (1965, с. 146) и концом VIII в. до н.э. (с.150), погребение 103 – концом VI в. д н.э. (с.149) и концом VII – началом VI вв. до н.э. (с.152). Впрочем, взгляды сам го Б.В. Техова с того времени претерпели явные изменения в сторону некоторо омоложения датировок ряда погребений Тлийского могильника. По крайней м ре, теперь (2002) он допускает бытование кобанских топоров с дважды изогн тым корпусом (тип I) не только в XI-VIII, но и в VII вв. до н.э. Бронзовые гривн с закрученными концами, датированные ранее Б.В. Теховым второй половиной в. до н.э. (Техов, 1977, с.150), теперь отнесены им к VIII-VII вв. до н.э. Нельзя н согласиться с высказыванием исследователя о критериях датировки: «отсутстви в указанных комплексах железных предметов вовсе не свидетельствует об и древности» (Техов Б.В., 2002, с.231-232). А ведь именно на факторе присутстви или отсутствия железных изделий, а также их количестве, строилось большинст во хронологических схем для кавказских древностей, в том числе, и хронологи Б.В. Техова.

Таким образом, одной из наиболее спорных, актуальных и наболевши проблем кавказской археологии до сих пор остается хронология колхидских мо гильников эпохи раннего железа и совмещение хронологических схем, исполь зующихся для памятников колхидской и кобанской культур. Как мы видим, хро нология памятников колхидской культуры остается спорной. Свои слабые мест

можно нащупать как в «длинной», так и в «короткой» хронологии. Не более продуктивно и создание хронологии колхидской культуры на основании пусть даже относительно проработанной хронологической шкалы для одного из памятников (Самтавро), тем более, расположенного на смежной территории.

На наш взгляд, попытке подойти к решению этого вопроса должно предшествовать выделение в рамках колхидской культуры локальных вариантов (или отдельных культур кобано-колхидской культурной общности). Именно о невыделенности и неизученности этих вариантов в свое время справедливо говорил А.Т. Рамишвили (1974. С.116). Для каждого варианта должна быть построена схема относительной хронологии, увязанная в дальнейшем с хронологическими разработками для соседних вариантов и для памятников кобанской культуры. Абсолютно справедливо о «перспективности разработки независимых типологических классификаций и хронологических шкал, построенных на узкорегиональных материалах» говорил применительно к культурам раннего железного века Л.Т. Яблонский (1999, с.39).

Литература

Абрамишвили Р.М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике // ВГМГ. Т.XIX-А, XXI-В. Тбилиси. 1957. На груз. языке.

Абрамишвили Р.М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. // ВГМГ. Т.XXII-В. Тбилиси. 1961. На груз. языке.

Абрамишвили Р.М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV-VI вв. до н.э.). Автореферат диссерт. … канд. ист наук. Тбилиси. 1962.

Андреева М.В. Рец. на кн. Кавтарадзе Г.Л. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси. 1983 // СА. 1987. № 4.

Апакидзе Д.Б. Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Тбилиси. 1991.

Апакидзе Д.Б. К вопросу о датировке искусственных жилых холмов колхидской культуры // КСИА. Вып.211. М. 2001.

Барамидзе М. Некоторые проблемы археологии Западного Закавказья в Ш-I тысячелетии до н.э. // Разыскания по истории Абхазии/Грузия. Тбилиси. 1999.

Бгажба О.Х. У истоков металлургии железа. // Абхазоведение. История, этнология, археология. Вып.1. Сухум. 2000.

Бжания В.В. История археологического изучения памятников энеолита и ранней бронзы в Абхазии // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси. 1967.

Вальчак С.Б., Скаков А.Ю. Клад из Мехчис-цихе в контексте хронологии памятников Юго-Западного Закавказья // РА. 2002. № 2.

Вальчак С.Б. Скаков А.Ю. Дигорские «пекторали» предскифского периода. // РА. 2003. № 3.

Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми. 1969.

Воронов Ю.Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев. 1980.

Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия: источники, историография, археология. Сухум. 1998.

Воронов Ю.Н., Вознюк А.С. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР // СА. 1975.№ 2.

Габелия А.Н. Поселения колхидской культуры. Автореферат канд. дисс. М. 1984.

Гамбашидзе О.С., Квижинадзе К.Д., Гамбашидзе И.О. Основные результаты работ Месхет-Джавахетской экспедиции в 1985-1986 гг. // ПАИ в 1986 г. Тбилиси. 1991.

Гогадзе Э.М. К вопросу о хронологии и периодизации памятников колхидской культуры (по материалам Носири-Мухурча). // ВГМГ. Том XXXVII-В. Тбилиси. 1984.

Гогадзе Э.М., Давлианидзе Ц.О. Горадзири. Тбилиси. 1981.

Дударев С.Л. «Старые и новые» открытия грузинских археологов и актуальные вопросы археологии Кавказа эпохи раннего железа. // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар-Анапа. 2001.

Дударев С.Л. О дискуссионных вопросах изучения предскифского периода на Северном Кавказе и в Юго-Восточной Европе. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск II. Археология, антропология, палеоклиматология. М. 2001а.

Дударев С.Л. Ещё раз о времени появления на Кавказе шлемов ассирийского типа. // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 8-го археологического семинара. Краснодар, 13-15 июня 2001 г. Краснодар. 2002.

Дударев С.Л. К вопросу о хронологии ассирийских шлемов с остроконечной тульей и их кавказских подражаний. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Выпуск 2. Армавир. 2003.

Журавлев Д.В., Мошинский А.П. Поясные пряжки из могильника Гастон Уота в Северной Осетии // РА. 1994. № 1.

Иванчик Аскольд И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. // Степные народы Евразии. Том II. М. 2001.

Кахиани К.К., Иремашвили Ш.А., Иорданишвили Ж.В., Цквитинидзе З.Р. Археологическая экспедиция Машаверского ущелья // ПАИ в 1982 г. Тбилиси. 1985.

Кахиани К.К., Глигвашвили Э.В., Дзнеладзе М.С., Каландадзе Г.Г., Цквитинидзе З.Р. Археологические исследования Машаверского ущелья в 1984-86 гг. // ПАИ в 1986 г. Тбилиси. 1991.

Козенкова В.И. Конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. // СА. 1984. № 4.

Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М. 1995.

Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М. 1996.

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. // САИ. В2-5. М. 1998.

Козенкова В.И. У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.III). М. 2002.

Козенкова В.И. Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры. // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М. 2004.

Коридзе Д.Л. К истории колхской культуры. Тб. 1965. На груз. языке.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М. 1960.

Кулланда С.В., Погребова М.Н., Раевский Д.С. Чтения памяти Э.А. Грантовского // Восток (Oriens). 2003. № 2.

Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. I. Тбилиси. 1941.

Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Том II. Тбилиси. 1950.

Макалатия С.И. Погребение эпохи поздней бронзы из селения Двани // КСИИМК. Вып.69. М. 1957

Махортых С.В. К проблеме хронологии раннескифской культуры // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»). Тезисы докладов. М. 1996.

Медведская И.Н. Рецензия на книгу Хахутайшвили Д.А. «Производство железа в древней Колхиде». Тбилиси. 1987 // СА. 1990. № 2.

Микеладзе Т.К. К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы - раннего железа). Тбилиси. 1990.

Ниорадзе Г.К. Археологические находки в селе Квишари // СА. XI. 1949.

Панцхава Л.Н. Некоторые вопросы колхидской и кобанской культур по материалам Чобарухского и Пасанаурского кладов // ВГМГ. Том 38-В. 1986

Панцхава Л.Н. Памятники художественного ремесла колхидской культуры. Тбилиси. 1988. На груз. языке.

Папуашвили Р.И. К относительной хронологии колхидских могильников эпохи поздней бронзы – раннего железа // Дзиебани. Журнал археологических исследований Академии наук Грузии. № 1. Тбилиси. 1998. На груз. языке.

Пицхелаури К.Н. Локализация археологических культур на территории Восточной Грузии (конец II-го – начало I тысячелетий до н.э.) // Труды Кахетской археологической экспедиции (1965-1966 гг.). Т.I. Тбилиси. 1969.

Пицхелаури К.Н. Итоги исследования памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа // Труды Кахетской археологической экспедиции (1965-1966 гг.). Т.I. Тбилиси. 1969а.

Пицхелаури К.Н., Дедабришвили Ш.Ш. Работы Кахетской археологической экспедиции в зоне строительства Верхне-Алазанской оросительной системы (1965-1966 гг.) // Труды Кахетской археологической экспедиции (1965-1966 гг.). Т.I. Тбилиси. 1969.

Погребова М.Н., Раевский Д.С., Яценко И.В. Киммерийская проблема (по поводу книги: А.Ю. Алексеев, Н.К. Качалова, С.Р. Тохтасьев. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. Публикации Информационно-исследовательского института «Ермаков». Малая серия. Вып.1. СПб., 1993. 121 с.) // ВДИ. 1998. № 3.

Рамишвили А.Т. Из истории материальной культуры Колхети (Колхиды). Батуми. 1974 на груз. языке.

Сахарова Л.С. Позднебронзовая культура ущелья р. Цхенис-цкали. Автореферат канд. дисс. Тбилиси. 1966.

Скаков А.Ю. Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров // ИАА. Вып.4. Армавир-М. 1998.

Скаков А.Ю. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа. М. 1999.

Скаков А.Ю. К вопросу о хронологии некоторых закавказских кладов эпохи поздней бронзы // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Кисловодск. 2000.

Скаков А.Ю. Хронология протокобанских памятников // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материа-

лы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара. 2001.

Скаков А.Ю. К вопросу о хронологии Красномаякского могильника // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Часть II. СПб. 2002.

Скаков А.Ю. Хронология могильников Колхиды раннего железного века. //Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн.II. СПб. 2003.

Скаков А.Ю. К изучению хронологии колхидской культуры. //РА. 2005. №3.

Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. Ещё раз о хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М. 2005.

Техов Б.В. Археологические раскопки 1962 г. в Юго-Осетии //СА. 1965. №2.

Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М. 1977.

Техов Б.В. По поводу заметки Ю.Н. Воронова и М.М. Гунба «Новые памятники колхидской культуры в Абхазии» // ИЮОНИИ. Вып.XXVII. Тбилиси. 1985.

Техов Б.В. Тайны древних погребений. Археология, история, этнография. Владикавказ. 2002.

Хахутайшвили Д.А. Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси. 1987.

Черняков И.Т., Ванчугов В.П., Кушнир В.Г. Древнейшие бронзовые наконечники стрел Северного Причерноморья // СА. 1986. № 2.

Яблонский Л.Т. Скифы, сарматы и другие в XXI в. н.э. // Археология России в XX веке: итоги и перспективы. Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию РАН и 80-летию Института археологии. М. 1999.

Яблонский Л.Т. Археология и скифология в этноисторической реконструкции // РА. 2003. № 3.

Abramichvili R. La necropole de Samthavro et la chronologie des civilisation archeologiques du Bronze Recent et du debut du Fer au Caucase // Actes du VIII Congres international des sciences prehistoriques et protohistoriques. Tome troisieme. Rapports et corapports. Belgrad. 1973.

Abramishvili Rostom. Chronological Ordering of archaeological Finds of Transcaucasia // Bulletin of Tbilisi Archaeological Museum. № 1. 1997.

Chantre E. Recherches anthropolologiques dans le Caucase. Paris-Lion. 1886.

Список сокращений

ВГМГ – Вестник Государственного музея Грузии, Тбилиси.

ИАА – Историко–археологический альманах, Армавир–Москва.

ИЮОНИИ – Известия Южно-Осетинского научно-исследовательского института, Тбилиси, Цхинвал.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН, Москва.

КСИИМК – Краткие сообщения Института материальной культуры, М.

ПАИ – Полевые археологические исследования, Тбилиси.

РА – Российская археология.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

Хонелия Р. А.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ ПО ИСТОРИИ АБХАЗИИ И АБХАЗОВ ПО ДАННЫМ АРМЯНСКОГО ИСТОРИКА X В. ИОВАННЕСА ДРАСХАНАКЕРТЦИ

Иованнес Драсханакертци, живший во второй половине IX – первой четверти X в.[1], вошел в историю Армении в двух ипостасях. С одной стороны, как один из видных и влиятельных деятелей религиозной и политической жизни эпохи возвышения Багратидов[2], а с другой – как автор выдающегося источника по истории Армении и сопредельных стран и народов. Страницы, а то и разделы, прямо или косвенно относящиеся к истории Абхазии и абхазов[3], носят поистине уникальный характер своим многообразием, послужив основой для рассмотрения различного рода внешнеполитических акций абхазских государей, наложивших заметный отпечаток на расстановку сил в Закавказье и на взаимоотношения с ширакскими[4] князьями и царями из рода Багратуни[5] (Багратидов), а также некоторых историографических и источниковедческих разысканий.

Личность самого Иованнеса настолько неординарна и значительна, что есть смысл кратко сказать о его жизненном пути. Он родился и вырос в местечке Драсханакерт области Айрарат[6], недалеко от Двина[7]. Первоначальное образова-

---

[1] Точная дата рождения и смерти католикоса Иованнеса неизвестны. По мнению большинства исследователей он родился в середине 40-х гг. IX в. Доподлинно известно время восшествия Иованнеса на патриарший престол – глубокая осень 897 г., и годы патриаршества (27 лет и несколько месяцев). Следовательно, католикос скончался в начале 925 г.

[2] Эпохой возвышения Багратидов (Багратуни) принято считать в научной литературе период, когда после длительного перерыва была восстановлена армянская государственность после воцарения Ашота I Багратуни в августе 884 г.

[3] Иованнес Драсханакертци. История Армении. Ереван, 1986. Перевод с древнеарм., вступ. статья и комментарий М.О.Дарбинян-Меликян, с.78, 118, 130, 140, 145, 152, 153, 156, 182, 187, 188, 216.

[4] Ширак – один из больших округов области Айрарат. С конца VIII в. захвачен Ашотом Багратуни Мсакером (Мясоедом). В IX в. округ стал крупнейшим владением т.н. ширакской ветви Багратуни.

[5] Багратуни (Багратиды) – древнейший армянский род, которого армянская историческая традиция относит к потомкам царской династии Айказян. Представители рода Багратуни были какое-то время еще и венцевозлагателями (аспетами) Армении. Царская династия Багратуни правила с 884 г. по 1045 г.

[6] Айрарат – центральная область Великой Армении. Была расположена в долине среднего течения р.Аракс и подразделялась на 20 округов.

[7] Двин – основан во время царствования Хосрова II Котака (Короткого) около 330 – 338 гг. В 60-х гг. V в. стал столицей Армении и крупным торговым городом. С 640 г. – центр арабского эмирата Арминия. В 789 г. после перенесения столицы Арминии в Партав (Бердаа), Двин с округой выделился в отдельное эмиратство, боровшееся за свои суверенные права с феодалами собственно Армении, Картли и Агвании (Албании). Эмиры Двина, Джахапиды, в борьбе с Багратуни не добились успеха и вынуждены были их при-

ние получил в монастыре, расположенном на острове на озере Севан[1], под попечительством своего близкого родственника, владыки Маштоца[2]. Юноша много занимался самообразованием, познав премудрости богословия, философии, грамматики и риторики[3]. Иованнес довольно рано приобщился служению богу и впоследствии не раз занимал различные церковные должности, пройдя сложный путь по иерархической лестнице до самых верхов. Поздней осенью 897 г. он был избран с должности «епископа двора» патриарха»[4] по «воле царя, а также множества других нахараров»[5] верховным патриархом и католикосом всех армян, возглавив Армянскую Апостольскую церковь. Он сменил на патриаршем престоле усопшего Маштоца I Еливардеци[6], бывшего своего учителя и родственника. Новому католикосу было предположительно 52 – 53 года, что по тем временам считалось исключительно ранним выдвижением.

За более чем три десятка лет своей взрослой жизни до патриаршества и почти четверть века пребывания на этом посту, Иованнес был современником, участником или свидетелем важнейших событий того времени в жизни родной Армении. Действительно, Иованнес уже с 16 – 17 лет становится свидетелем стремительного выдвижения ширакских Багратидов, когда один из видных представителей этого рода Ашот, сын Смбата Багратуни, спарапета (826 – 855) и ишхана Армении (851 – 855), становится общепризнанным ишханац ишханом, т.е. князем князей, и фактически сюзереном всех армянских земель с 862 г. В год коронации Ашота царем Армении в 884 г., когда и юридически возродилась армянская государственность, Иованнес Драсханакертци был уже религиозным деятелем национального масштаба. А долгая жизнь позволила ему увидеть правление и сына Ашота, царя Смбата I, и даже внука Ашота, Ашота II Ерката («Железного»). Ему довелось увидеть предательство и коварство отдельных князей-ишханов, разруху, гонения и даже недолгий, но унизительный арабский плен в ходе опустошительных набегов арабских эмиров Атрпатакана[7]. Он узнает о мученической смерти в плену Смбата I, сдавшегося врагу добровольно, в надежде ослабить ужасы порабощения. В то же время, незадолго до смерти, католикос станет свидетелем начавшегося нового возрождения своей многострадальной родины, ради блага которой Иованнес старался сделать так много.

По поводу времени написания «Истории Армении» существуют два мнения. Согласно одному, автор начал писать свое повествование еще до восшествия на патриарший престол. Другие поддержали предположение известного арменоведа Н.Эмина, высказанное еще в середине XIX в., что католикос написал

знавать. После образования царства Багратидов Двин все еще оставался важнейшим городом Армении.

[1] В центре острова на оз.Севан еще со времен царства Урарту находилась неприступная крепость. Позже был построен монастырь.

[2] Иованнес Драсханакертци, с.142.

[3] Видные деятели армянской культуры (V – XVIII вв.). Ереван, 1982, с.140.

[4] Абегян М.Х. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975, с.246.

[5] Иованнес Драсханакертци, с.142.

[6] Маштоц I Еливардеци, католикос Армении – пробыл на патриаршем престоле несколько месяцев и умер летом того же 897 г.

[7] Атрпатакан – армянская форма древнеиранского названия Адербаигана; так называлась северо-западная провинция Ирана. Территориально древний Адербаиган – средневековый Атрпатакан соответствует совр. Иранскому Азербайджану. Граница между Атрпатаканом и Арменией проходила по р.Аракс.

сей труд «одним духом»[1], когда гонимый арабами, ненадолго обосновался по иронии судьбы у васпураканского царя Гагика I Арцруни, отложившегося от Багратидов еще в 908 г. Однако само содержание «Истории Армении» говорит о том, что католикос регулярно собирал материалы, вел записи и фактически проделал разностороннюю подготовительную работу на протяжении многих лет.

«История Армении» охватывает многовековую историю Армении с библейских времен до 924 г. и условно делится на две части. Первая доводит армянскую историю почти до кончины царя Ашота I Багратуни, будучи написанной на основе многочисленных компилятивных источников. Вторая – это современная автору история Армении с конца 890-го и по 924 г., написанная сугубо им.

В своем большинстве источники первых тридцати глав[2], носящих компилятивный характер, практически установлены. Но какие это компиляции! В первой главе представлены заимствования из Анонимной хронографии, приписываемой Анании Ширакаци[3], из «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци[4], которая лежит в основе изложения первых пятнадцати глав труда католикоса Иованнеса. Начиная с главы XVI, основным источником становится исторический труд Себеоса[5]. Глава XX написана на основе «Истории халифов» Гевонда[6]. Глава XXI написана частью по Гевонду, частью на материале Мовсеса Каганкатваци[7], на основе которых в значительной мере написана и глава XXII. Глава XXIII – на основе Гевонда, а XXIV частично по Гевонду. Начиная с этой главы и, по-видимому, до главы XXX католикос пользуется преимущественно не дошедшим до нас трудом своего современника, историка IX в. Шапуха Багратуни. Есть вставки и из трудов Фавстоса Бузанда[8] и Агафангелоса[9].

Еще один важнейший источник – архивные документы патриаршей канцелярии, которые были использованы Иованнесом, в частности при составлении «Списка армянских католикосов»[10], начиная с Григория Просветителя[1] и кончая

---

[1] Эммин Н. Введение к «Истории Армении» католикоса Иованнеса Драсханакертци. М., 1853, с.9 – 10.

[2] Сам по себе труд католикоса Иованнеса не имел деления на главы или части, но условное деление впервые было введено издателями для удобства работы над источником еще в середине XIX в.

[3] Анания Ширакаци – видный представитель эллинистической науки в Армении VII в., ученый-энциклопедист, математик, космограф, географ, историк.

[4] Мовсес Хоренаци – арм. историк V в., прозванный в армянской историографии «отцом армянской истории». Труд Мовсеса Хоренаци – первоклассный источник по истории Армении.

[5] Себеос – арм. историк VII в. «История» Себеоса впервые опубликована в 1851 г. в Константинополе, являясь важным источником по истории Армении и ряда стран Востока.

[6] Гевонд – арм. историк VIII в. Автор закончил свой труд к 790 г. Особенно ценны сведения об окончательном завоевании Армении Арабским халифатом.

[7] «История страны Агванк» Мовсеса Каганкатваци (X в.) – выдающийся памятник армянской историографии, который охватывает период с V по X в.

[8] Фавстос Бузанд – арм. историк V в. Его «История Армении» охватывает около полувека, начиная с царствования Хосрова II Котака (330 – 338) и до раздела Армении в 387 г. Этот труд под таким названием упомянут впервые арм. историком V в. Лазаром Парпеци.

[9] Агафангелос (Агафангел) – один из первых армянских историков. Автор истор.сочинения об обращении армян в христианство. Труд Агафангелоса – важнейший источник по истории Армении III – начала IV в.

[10] «Список армянских католикосов» («Сведения о преемстве патриархов Армении») – опубликован арменоведом А.Тер-Микеляном в его комментариях к труду историка XI в. Самуэла Анеци. См.: Самуэл Анеци. Извлечения из книг историков. Вагаршапат, 1893, с.272 – 277 (на древнеарм. яз.).

им самим[2]. Помимо вышеназванных историографических трудов и источнико Иованнес включил в изложение первой части «Истории Армении» отрывки и ряда житий и мартириев[3].

Наконец, нельзя не отметить блестящий стиль изложения материала, боль шие литературные и лингвистические достоинства (классический древнеармян ский язык), правдивость.

Вместе с тем, работа отмечена и печатью субъективного восприятия исторических событий. Как признают исследователи, этот субъективизм отражает именно его собственную общественно-политическую позицию, подтверждения или оправдания которой он ищет в историческом прошлом своей родины[4]. Особой пристрастностью «История Армении» отличается против тех явлений или личностей, которые роняли авторитет власти царя, церкви и династии Багратуни, как носителей идеи сильного централизованного армянского государства.

Именно эти его взгляды проходят красной нитью через его труд, убедительно свидетельствуя, что католикос Иованнес был не просто высшим иерархом армянской церкви, но и государственным мужем, мудрым политиком и дипломатом. Он ясно сознавал сложность геополитического положения Армении, зажатой между Арабским халифатом и Византийской империей, говоря современными политическими терминами, между двумя сверхдержавами той эпохи. И, как наглядный пример его тактических подходов, его отношение к халкидонитству[5]. Резко выступая против него на страницах своего повествования, что было прямо направлено и против Византии, католикос заметно изменил свой тон в период отчаянной борьбы с арабами, понимая, что без помощи империи сохранить суверенитет Армении и независимость Армянской церкви невозможно.

Такова общая характеристика личности католикоса Иованнеса Драсханакертци.

Продолжая разговор по наследию Иованнеса Драсханакертци, есть настоятельная необходимость вновь повторить прошлые разъяснения и добавить новые в отношении любопытного терминологического курьеза, имевшего место в «Ис-

---

[1] Григорий Просветитель (Лусаворич) – первый армянский архиепископ (252 – 325), принявший рукоположение в 301 г. в Кесарии. При нем христианство было признано официальной (государственной) религией в Армении.

[2] Дарбинян-Меликян М.О. Введение к «Истории Армении» Иованнеса Драсханакертци, с.17 – 18.

[3] «Жития Сукиаса и Оски с их подвижниками», «Повесть о житии и мученичестве блаженных патриархов Аристакеса, Вртанеса, Иусика, Григориса – сыновей и внуков святого Григория», «Житие католикоса Нерсеса Партева», «Житие Вардана Мамиконяна с его соратниками», «Житие и мученичество священника Гевонда с его сподвижниками», «Житие и мученичество Изтбузита», «Житие и мученичество Давида Двинеци», «Мученичество Ваана Гохнеци», мартирий Атома из села Орсиран и его сподвижников, мартирий спарапета Смбата Хостованоха (Исповедника).

[4] Дарбинян-Меликян М.О., указ. соч., с.32.

[5] Халкидонитство – догмат о двух природах Христа – божественной и человеческой, соединившихся в Христе, что было закреплено официально на IV Вселенском соборе в Халкидоне в мае 451 г., созванном восточно-римским императором Маркианом для борьбы с монофизитством, признававшим только божественную природу Христа.
Армяно-григорианская церковь, как и монофизитские церкви Сирии и Египта, отвергли догмат Халкидонского собора, считая его противоречащим решениям Эфеского (431) собора. Католикос Бабкен в 506 г. созвал в Двине собор, где монофизитство официально было принято в качестве догмата армянской церкви.

тории Армении» и прямо связанного с абхазскими сюжетами источника. Есть и другие предположения и разъяснения.

Уже приходилось писать ранее, что католикос Иованнес ни разу не назвал современного ему абхазского царя Константина, равно как и его предшественника, царя Баграта, царем абхазов. Этот монарх, как и само его царство и население, именуются соответственно «царем егерским», «Егерским царством» и «егерами». И это имело место в то время, когда не было уже никакого Эгрисского («Егерского») или Лазского царства[1]. Совершенно очевидно, что католикос Иованнес просто не мог не знать истинного названия Абхазского царства и его населения, оказавшегося еще при жизни его на передовых рубежах закавказской политики. Собственно, именно он столь правдиво и подробно описал, как ширакские Багратиды отчаянно соперничали с Абхазским царством из-за Картли и других сопредельных земель во второй половине IX – начале X в., пик чего пришелся как раз на патриаршество самого Иованнеса.

Наконец, этот анахронизм был очевиден еще и потому, что в послании константинопольского патриарха Николая Мистика самому католикосу, в качестве одного из адресатов, кому также было послано идентичное письмо, был назван правитель «абхазов», а не «егеров»[2]. Эту курьезную ситуацию можно сравнить со свидетельствами другого армянского автора рубежа IX – X вв., Шапуха или Псевдо-Шапуха Багратуни, давшего в своем историческом повествовании[3] эти термины, в отличие от католикоса Иованнеса, в самом надлежащем виде. Что же касается наименования Абхазского царства и его населения, то об этом будет отдельный разговор ниже.

Так, каковы же были «старые разъяснения» по этому терминологическому вопросу?

Дело в том, что историческая Западная Грузия еще со времен Эгрисского (Лазского) царства именовалась в ряде армянских средневековых источников «страной Егерк (Эгриси)» или «страной егеров». Характерный пример подобного использования вышеназванных терминов можно проследить у армянского автора VII в. Себеоса. Цитирую по «Истории Армении» католикоса Иованнеса, который, прямо позаимствовав у Себеоса, сообщает: «сей Мовсес[4] рукоположил, согласно принятому прежде порядку, архиепископом нахангa[5] Вирк[6], Гугарка[7] и страны Егерской иерея кафедрального собора[8] Кюриона[9]»[1].

---

[1] Эгрисское (Лазское) царство – государство на территории исторической Западной Грузии во II – IV вв. Борьба Византии и Ирана за Эгрис-Лазику завершилась в 562 г. захватом последней Византией. С конца VIIIв. Эгриси уже в составе Абхазского царства.

[2] Иованнес Драсханакертци, с. 188.

[3] История Шапуха Багратуни. Эчмиадзин, 1921 (на арм. яз.); История Анонимного повествователя. Псевдо-Шапух Багратуни. Пер. с древнеарм., предисловие и комментарии М.О.Дарбинян. Ереван, 1971.

[4] Речь идет об армянском католикосе Мовсесе Еливардеци, который патриаршествовал в 574 – 604 гг.

[5] Наханг – крупная область или провинция.

[6] Вирк (арм.) – Восточная Грузия; греко-лат. – Иверия; груз. – Картли со столицей в Мцхета.

[7] Гугарк – область Великой Армении на севере. После раздела Армении в 387 г. Гугарк был присоединен к Картли за исключением округа Ашоцк. В 887 г. Гугарк вновь оказался в составе Армении, будучи присоединен Ашотом I Багратуни.

[8] Кафедральный собор Св. Григория Просветителя был расположен в Двине.

[9] Кюрион, картвел по происхождению, рукоположенный архиепископом в 599 г., стал склоняться к более тесному союзу с Византией и в конце 608 – начале 609 г. признал

Другой характерный пример мы встречаем у армянского автора VIII в. Гевонда, который так описал события, развернувшиеся после сожжения арабами армянских князей в церквах Нахчавана[2] в 705 г.: «Эти трагические события привели Смбата Багратуни[3] и его единомышленников в отчаяние. Они оставили область Тайк[4] и ушли из Армении, так как не было никаких оснований ожидать помощи от Византии. Император[5] довольствовался тем, что дал им в условное владение город Пуйт[6] на берегу Черного моря в Егерской стране, там они пробыли шесть лет»[7].

Когда же в конце VIII в. образовалось Абхазское царство, вскоре вобравшее и всю «страну егеров», куда была перенесена и столица царства из Анакопии в Кутаис[8], мало что изменилось в произведениях ряда средневековых армянских авторов. Теперь уже и Абхазское царство, и его население, по сложившейся традиции, продолжало именоваться «егерской» терминологией, которая плавно перекочевала со страниц произведений знаменитых предшественников католикоса Иованнеса на страницы его «Истории Армении».

Применительно к этому случаю, пожалуй, подходят слова известного арменоведа Н.Адонца о том, что «термин Егерия употребляется в географии еще в

халкидонитство, отделившись от армянской церкви. Католикос Абраам (607 – 615) предал Кюриона анафеме и запретил всякие контакты армян с картвелами-халкидонитами. См.: Петросян Е. История армянской церкви. Часть I. Эчмиадзин, 1995, с.95 – 96.

А.Тер-Гевондян считает, что «армяно-грузинский церковный разрыв, который имел место после смерти в 604 г. католикоса Мовсеса Еливардеци, повлиял на судьбу и на отношения двух народов в церковной и политической областях». См.: Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977, с.67.

[1] Иованнес Драсханакертци, с.78.

[2] Нахчаван или Нахиджеван – один из древнейших городов Армении. Слово «нахиджеван» с армянского переводится как «первое сошествие». Согласно преданию, город будто бы был основан Ноем по выходе из ковчега.

[3] Смбат Багратуни – ишхан (князь) Армении в 693 – 726 гг., основатель той ветви Багратуни, непосредственно остававшийся у власти на всем протяжении арабского господства в Армении.

[4] «Оставили область Тайк» - в ходе антиарабского восстания армянские князья и высшая знать во главе с Смбатом Багратуни в ожидании помощи от Византии ушли из Тайка. Но Смбат получил от императора, как сообщает Гевонд, титул куропалата.

[5] Речь скорее всего идет об императоре Византии Тиверии III Апсимаре (698 – 705).

[6] Пуйт – совр. Поти.

[7] Гевонд, с.34.

[8] Согласно версии известного краеведа К.Кудрявцева, «в год своей смерти (предположительно в 806 г. – Р.Х.) Леон II, по грузинским источникам, в завоеванной стране на берегу Риона, на месте древних милетских колоний, Кутаиссимуса или Котатиссимуса, кладет основание новому городу. Этот город начинает зваться «Кутатис», а впоследствии «Кутаис». Кутатис или Кутаис начинает быстро развиваться. Уже при ближайших преемниках Кутаис вырос в настолько большой, богатый, процветающий и значительный город, что в него, как географический центр разросшейся монархии, Леониды переносят свою резиденцию». См.: Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1926, с.97.

Н.Я.Марр название Кутаиса производил из абхазского языка от слова «акыта» - «кута» - село. См.: Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. М.-Л., 1938, с.394.

С.М.Ашхацава считает, что «название «Кутаиси» по-грузински ничего не означает, а по-абхазски это именно и есть форма названия местности. Более того, «Кутаис» по существу и не название, а нарицательное имя, означающее на абхазском языке село». См.: Ашхацава С.М. Пути развития абхазской истории. Сухум, 1925, с.30.

широком смысле и означает все восточное побережье от Абхазии вплоть до Трапезунда, не исключая Цаники[1]»[2] и что «понять Абасгию (Абхазию) в смысле широкого политического термина, обнимавшего земли до Каспийского моря, нет основания, тем более, что в VI в. таковым значением пользовалась Лазика, и то на Черноморском побережье. Возвышение Абасгии в политическом мире падает в период несколько поздний»[3].

Определенным отражением рассмотренного явления было длительное использование в более поздних армянских источниках терминов «Абхазское царство» и «цари абхазов» для обозначения абхазо-грузинского царства после смены династии абхазских Леонидов на грузинских Багратидов на протяжении почти двух веков. Очень верно подметил Л.М.Меликсет-бек, когда писал: «Не говорю уже о том, насколько широко было понятие Абхазии, которая, с присоединением к ней сначала Имерии и Западной Грузии (IX в.), а затем Тао-Кларджетского царства (в конце X в.) и вообще с возвышением Багратидов в X – XI вв., стала покрывать собою не только Западную Грузию, но даже часть Восточной, причем не без основания грузинские цари указанной и позднейшей эпох, именовались в порядке титулатуры на первом месте царями «абхазскими»[4].

Что же касается дополнительных разъяснений, то они позволяют рассмотреть проблему и с другой стороны. Дело в том, что нам неизвестен протограф, т.е. первоначальная рукопись католикоса Иованнеса Драсханакертци, легшая в основу более поздних списков (копий или редакций). Как явствует из разысканий М.О.Дарбинян-Меликян, «до наших дней дошло довольно много рукописей «Истории» Иованнеса: двадцать из них хранятся в Матенадаране имени Маштоца в Ереване, причем, древнейшая восходит к XVII в. (№1896 от 1689 г.), три – к XVIII в. и остальные 16 – к XIX в. Две другие рукописи XVII в. хранятся: одна – в хранилище армянского монастыря св.Акопа в Иерусалиме, вторая – в собрании конгрегации мхитаристов[5] в Вене. Подавляющее большинство рукописей – это списки XIX в., заказчики и переписчики которых были большей частью учителя, пользовавшиеся трудом Иованнеса как учебным пособием по истории Армении»[6].

При наличии такого количества списков, особенно XIX в., была велика реальность, как и в случае с сочинением Псевдо-Шапуха, проявления классической интерполяции – изменения первоначального текста источника переписчиками за счет вставки слов, фраз или терминов, отсутствующих в оригинале. Это очень реально. Не случайно уже первое печатное издание «Истории Армении» (посмертное издание Сен-Мартена), осуществленное в 1841 г. сразу же в переводе на французский Ф.Лажаром, снабдившим перевод предисловием и комментариями, содержало ошибки, иной раз совершенно искажавшие смысл оригинала[7].

---

[1] «Цаника или Халдия, страна цанов или халдов, занимала нагорную область, образуемую Пархарским хребтом, между Чорохом и береговой полосой Черного моря до Трапезунда» - См.: Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, с.26.

[2] Адонц Н., указ. соч., с.26.

[3] Там же, с. 219 – 220.

[4] Меликсет-бек Л.М. Введение в историю государственных образований Юго-Кавказа. Тифлис, 1924, с.74.

[5] Конгрегация мхитаристов – объединение религиозного толка. Было основано армянскими церковниками во главе с монахом Мхитаром Себастаци в 1701 г. в Константинополе, но упрочившимся в Венеции. Позднее часть мхитаристов основала особую коллегию в Вене и продолжала там ту же полезную просветительскую деятельность.

[6] Дарбинян-Меликян М.О. Введение к «Истории Армении» Иованнеса Драсханакертци, с.6.

[7] Дарбинян-Меликян М.О., указ. соч., с.5.

Второе печатное издание «Истории Армении» было осуществлено уже на языке оригинала, на древнеармянском, в 1843 г. в Иерусалиме под названием «Историография» католикоса всех армян Иована. Третье было осуществлено Н.Эмином также на древнеармянском в 1853 г. в Москве под названием «История Армении». Четвертое – было осуществлено на древнеармянском в 1867 г. в Иерусалиме под названием «История» католикоса Иована, о выпуске которого Н.Эмин говорил, что в издании есть добавления, сделанные переписчиком[1]. Пятое издание было осуществлено на древнеармянском в Тифлисе в 1912 г. под названием «История Армении» католикоса Иованнеса Драсханакертци.

В 1965 г. в Тбилиси был издан неполный критический текст «Истории Армении» (без первых 24 глав и ряда купюр в остальной части текста, опущенных, как не представлявшие интереса для истории Грузии) с параллельным грузинским переводом, выполненным Е.В.Цагарейшвили[2].

В основе тифлисского издания «Истории Армении» 1912 г., равно как и на русском языке в Ереване в 1986 г., лежит один и тот же текст издания Н.Эмина 1853 г. Казалось бы, все три издания должны быть идентичны. Но нет, в издании 1912 г. для обозначения Восточной Грузии (Картли) наряду с авторским термином «Вирк» без всякой системы появляются термины «страна грузин» («Врац ашхарх»)[3] или «область грузин» («Врац наханг»)[4]. Причина появления этих терминов остается загадкой. Возможно это все та же интерполяция или этакий анахронизм, но уже грузинского происхождения, принадлежащий тем, кто готовил труд Иованнеса к печати.

Очевидно одно, в первоначальной рукописи, да и прочих в том числе, не могло быть терминов грузинского происхождения. Они, как и «егерская» терминология, вполне могли быть внедрены в рукописи «Истории Армении» в процессе многочисленных переписываний протографа. Но как верно заметил грузинский исследователь Г.В.Цулая, «картлийцы – по-древнегрузински картвели (мн.ч. – картвелни) – впоследствии общее самоназвание грузин. Значение данного термина… ограничено в основном преимущественно восточной частью Грузии – Картли (античная Иберия). В древнеармянской версии «Картлис-цховреба» также всюду отмечено: «Врац, которая есть Картли»[5]. Он же справедливо считает, что «вместе с тем средневековые армянские авторы Западную Грузию называют Апхаз (груз. Апхазети, т.е. Абхазское царство). Поэтому мы считаем анахронизмом, когда… название Картли и картвелни переводятся как «Грузия» и «грузины». Названию «Грузия» соответствует «Сакартвело», что впервые засвидетельствовано в «Истории царя Давида»[6].

---

[1] Дарбинян-Меликян М.О. Комментарии к «Истории Армении» Иованнеса Драсханакертци, с.289.

[2] Иованнес Драсханакертский. История Армении (786 - 925). Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и указателями издала Е.В.Цагарейшвили. Тбилиси, 1965.

[3] Иованнес Драсханакертци. История Армении. Тифлис, 1912 (на древнеарм. яз.), с.86, 184, 214, 297.

[4] Там же, с. 65.

[5] Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник: Картлис-цховреба. Грузинский оригинал и древнеармянский перевод с исследованием и вокабулярием издал И.В.Абуладзе. Тбилиси, 1953, с.9.

[6] Цулая Г.В. Предисловие и комментарии к книге «Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана». М., 1979, с.40.

В историографическом и источниковедческом плане медиевистов-абхазоведов не могут не интересовать также и ряд существенных вопросов как по обстоятельствам написания, так и по анализу вышеупомянутого письма-послания константинопольского патриарха Николая Мистика[1] армянскому католикоса Иованнесу Драсханакертци, в том числе и фактически идентичных писем видным государям того времени в Закавказье – царю абхазов Константину III, хотя в тексте его имя не названо, и тао-кларджетскому куропалату Адарнасе, Атрнерсеху источника. Поскольку два последних письма-послания не сохранились, единственным источником по данному вопросу является текст письма, адресованного католикосу и приводимого им в своем труде «История Армении».

Хотя ранее предполагалось, что оно датируется 919 – 920 гг.[2], последние разыскания подтверждают выводы В.Грюмеля[3] и Н.Адонца[4] о 913 г. или, в крайнем случае, самом начале 914-го, как годе написания данного письма. В самом деле, если в качестве адресатов не названы ни армянский царь Смбат I Багратуни, оказавшийся в руках арабов и замученный ими в том же 913 г., ни его наследник, царевич Ашот, коронованный 2-го февраля 914 г.[5], то очевидно одно. Именно в этом, очень небольшом, временном промежутке, по нашему мнению, было написано и отправлено письмо-послание Николая Мистика армянскому католикосу (да и двум другим государям – Р.Х.), который, преследуемый арабами, вначале вынужден был жить, говоря его словами, «на чужбине, в Гугарке и Вирке, близ многомудрого Атрнерсеха», а позже перебрался из Вирка в Тарон[6], к таронским Багратидам. В любом другом случае оно было бы адресовано одному из двух названных армянских государей, а не Иованнесу.

Между тем, миссия, выпавшая на долю константинопольского патриарха также не случайна. Николай Мистик возглавил патриарший престол весной 912 г. во второй раз и в довольно смутное время для империи. В мае того же года скончался процарствовавший на византийском престоле почти 24 года император Лев VI. Его преемником ненадолго стал его брат Александр, внезапно скончавшийся на ипподроме в июне 913 г.[7] Престол наконец перешел к сыну Льва VI, восьмилетнему Константину, вошедшему в историю Византии под именем Константина VII Багрянородного[8]. Между тем, регентский совет при малолетнем

---

[1] Мистик – название должности императорского секретаря, которую будущий патриарх занимал ряд лет до избрания на патриарший престол. С этим прозвищем Николай вошел в историю, будучи патриархом дважды (901 – 907, 912 – 925). Николай Мистик оставил большое эпистолярное наследие, являющееся важнейшим источником по истории не только внешней политики Византии, но и сопредельных стран.

[2] Каждан А.П. Внешнеполитическое положение империи в середине IX – середине X в. в книге – История Византии. Том II. М., 1967, с.191, глава 6.

[3] Grumel V. Les regestes des Actes du Patriarcat de Constsntinople, vol.I. Paris, 1936, p.158.

[4] Adontz N. Ašot Erkat ou de fer, rci d'Armenie de 915 à 929, EAB. Lisbonne, 1965, p.266.

[5] Дарбинян-Меликян М.О. Комментарии к «Истории Армении» Иов. Драсханакертци, с.339; Н.Адонц полагает, что Ашот II Еркат («Железный») в качестве царя прибыл в Константинополь лишь в первой половине 914 г. (см.: там же, с.266.). Утверждение, высказанное в «Истории Византии» (том II, с.191), что Ашот II побывал в Константинополе первый раз в 921 г. – очевидный анахронизм.

[6] Тарон – область Великой Армении в долине реки Мел (ныне Карасу в Турции). До IX в. был вотчиной рода Мамиконянов, после чего перешел в наследственное владение таронской ветви Багратидов (Багратуни).

[7] История Византии. Том II, с.179, 439, 440.

[8] Константин VII Багрянородный – Первое царствование длилось формально с июня 913 по декабрь 920 г. Фактически империю возглавил спустя 25 лет (945 – 959) после ухода с

императоре так и не сумел начать править из-за борьбы различных группировок за власть, которая на относительно непродолжительное время сосредоточилась в руках константинопольского патриарха. Эти события совпали с резкой активизацией арабов в Закавказье, реально угрожавших не только Армении, Абхазии, Восточной Грузии и Агвании, но и восточным границам империи.

Действительно, за кризисом, охватившим значительную часть Закавказья, внимательно наблюдали в Византийской империи. Хотя усиление в свое время как армянских Багратидов, так и абхазских царей из династии Леонидов, вызывало определенную тревогу константинопольского двора, теперь же Византии было далеко небезразлично, как обернутся события на восточной границе империи. Вот почему константинопольский патриарх Николай Мистик обратился не только к армянскому католикосу Иованнесу Драсханакертци, но и к таокларджетскому куропалату Адарнасе и абхазскому царю Константину III[1] с просьбой «слушаться Ваших советов, забыть взаимные столкновения, обратить взоры к дружбе, единству, согласию и миру друг с другом и со всеми князьями Армении и Агванка и, объединившись, бороться против нечестивого врага – войск Абу-Саджа[2], дабы не приключилась всем вам погибель, а с вами вместе и потрясения для сопредельных народов. …Ибо, если будете так дружны и согласны, коварный разрушитель больше ничего не сможет причинить Вашей стране. Пока Вы будете со своей стороны устанавливать такой порядок, наш самодержавный царь пошлет в надлежащее время вам в помощь многочисленное войско, дабы Ваш куропалат, **начальник**[3] **абхазов** (выделено мной – Р.Х.), князья и вельможи армянские, присоединившись к нашему войску, с великой помощью божьей и при Вашем священнодействии начав воевать с врагом, отбили у неприятеля то, что было потеряно раньше»[4].

Однако за внешне гуманными предложениями патриарха Николая скрывались далеко идущие планы. В данном случае Византию интересовала не столько судьба многострадальной Армении, разоренного Картли или Агвании, сколько боязнь нового усиления своего извечного врага – Арабского халифата. Именно эта причина и побудила византийского лидера протянуть руку помощи закавказским народам. Приходится повторить, что византийские правители лелеяли мечту защитить восточные границы империи от арабов с помощью самих закавказских народов. Очень верно подметил А.Грен, говоря, что «этим шагом Византия

политической арены своего тестя Романа Лекапина, и шурина, Стефана, узурпировавших власть на столь длительное время.

[1] Кроме упомянутого письма-послания, известны еще три письма Николая Мистика к абхазским царям. Первое к Константину – по поводу крещения алан и его политического влияния на Северном Кавказе, в частности в Алании; второе письмо абхазскому царю Георгию II с соболезнованием по случаю смерти его отца, царя Константина; третье – традиционное назидание Георгию II по царскому достоинству и обычаю хранить чистоту дружбы, готовность к союзному долгу и т.д.

См.: Каждан А., Бартикян Г. Послания константинопольского патриарха Николая. Греческий текст и английский перевод Р.Дженкинса и Л.Вестеринка. Ереван, 1976, №1-ИФЖ, с.277.

[2] Абу-Садж – эмир Атрпатакана Юсуф Ибн Абу Садж, брат предыдущего эмира Афшина. С 884 г. – вали Мекки. После смерти Афшина в 901 г. лишил его сына, Девдата, власти и сам стал эмиром Атрпатакана, занимая эту должность дважды (901 – 919, 922 – 926).

[3] Перевод этого термина принадлежит М.О.Дарбинян-Меликян.

[4] Иованнес Драсханакертци, с.188.

желала создать коалицию из христианских народов Кавказа против иноземных вторжений»[1].

Между тем, в тяжелой и сложной обстановке того времени планам византийской верхушки не суждено было сбыться, ибо призывы об единстве и сплочении не сразу нашли благодатную почву среди закавказских государей и аристократической элиты. Но то, что письмо-послание было в первую очередь адресовано католикосу Иованнесу, конечно же было не случайно. Во всяком случае, вероятно, зная о гибели армянского царя Смбата I Багратуни, патриарх Николай Мистик уже не имел другого адресата, более авторитетного на армянских землях, чем Иованнес Драсханаертци.

Вскоре стало ясно однако, что престарелый глава армянской церкви, которому приходилось и самому тщательно скрываться от арабов в неприступных горных крепостях и монастырях, не сможет стать той политической фигурой, сумевшей бы объединить и возглавить антиарабские силы всего Закавказья. Даже в самой Армении католикос Иованнес, хотя и «принимал большое участие в политических событиях отечества и старался мирить князей, но его деятельность в этом отношении не имела большого успеха»[2].

Но нельзя согласиться и с теми высказываниями критиков, и даже хулителей, Иованнеса, которые обвиняли католикоса «в трусости и политической близорукости»[3] или же в том, что он «по-видимому, даже не сознавал необходимости заботится о собирании армянских земель в одно сплоченное государство»[4]. И это говорилось о религиозном и политическом деятеле, всю свою сознательную жизнь посвятившего идее создания сильного и централизованного государства на землях исторической Армении под главенством ширакских Багратидов.

В силу очевидных причин (внешнеполитическая стратегия и географический фактор) не мог, да навряд ли стремился стать лидером закавказских государей и абхазский царь Константин III, несомненно весьма комфортно чувствовавший себя в столь сложной обстановке в пределах своего царства. Вовсе не приходится говорить в таком аспекте о куропалате Адарнасе, третьем адресате. Человек неровный и коварный, он не раз вероломно примыкал к различным коалициям против армянского царя Смбата I и абхазского государя, бывшего ему зятем, в том числе и на стороне арабов[5]. К тому же он не обладал особым авторитетом и среди многочисленных отпрысков грузинских Багратидов, имевших претензии на лидерство в Восточной Грузии.

Как уже говорилось, письмо-послание константинопольского патриарха Николая Мистика представляет для нас значительный интерес не только своим содержанием, что стало поводом для приведенных кратких разысканий, но и из-за источниковедческого казуса в связи с упоминанием правителя абхазов, «авагн апхазац» источника. Г.В.Абгарян, видный знаток грабара, перевел это термин как «старший», а все выражение – «старший абхазов»[6]. Хочу подчеркнуть, что абхазский царь не именуется царем, а «старшим абхазов». Очевидно, что термин «старший» («авагн») является фактическим переводом, сделанным с греческого

---

[1] Грен А. Династия Багратидов в Армении. ЖМНП, №11, 1893, с.92.

[2] Анненский А. История армянской церкви (до XIX в.). Кишинев, 1900, с.149.

[3] Кусикьян И. Предисловие к книге Мурацана «Геворк Марзпетуни». Ереван, 1966, с.6 – 7.

[4] Анненский А., указ. соч., с.149.

[5] Иованнес Драсханакертци, с.152, 153, 155 и т.д.

[6] Абгарян Г.В. Армянские источники об Абхазии и абхазах. Матенадаран, Ереван, 1957 (на правах рукописи), с.4.

оригинала письма на древнеармянский язык либо самим католикосом Иованнесом, либо его переводчиком.

Однако этот термин с древнеармянского текста «Истории Армении» католикоса Иованнеса можно перевести на современный армянский язык словами «мец» или «ишхан»[1], и соответсвенно на русский – «большой, великий, старший»[2] или «князь, властелин, владыка»[3]. По-видимому, слова «большой, великий» в данном случае не совсем подходящи, но оставшиеся – князь, властелин, владыка», весьма точно передают смысл армянского выражения «авагн апхазац». Разумеется, речь шла иными словами о правителе Абхазии. В кандидатской диссертации, автореферате и последующих публикациях мы решили сохранить термин «старший» и все выражение «старший апхазов», впервые введенное в научный оборот видным знатоком грабара, переводчиком древнеармянской литературы Г.В.Абгаряном в его небольшом сборнике «Армянские источники об Абхазии и абхазах», ставшим первым шагом на пути познания армянских источников средневековья.

Итак, все же абхазский правитель или «старший абхазов» не был назван абхазским царем. Быть может, не совсем верно был сделан перевод с греческого оригинала письма? На наш взгляд, в верности перевода сомневаться не приходится, поскольку отгадка вопроса кроется совсем в другом. Дело в том, что византийские императоры в своих дипломатических отношениях с Абхазским царством и восточногрузинскими княжествами или куропалатствами, упорно стремясь подчеркнуть свой верховный суверенитет над ними, никого из тамошних правителей не удостаивали звания «царя» («базилевса»)[4], хотя еще в конце VIII в. правитель Абхазского княжества Леон II отложился от Византии и принял титул «царя». Даже тао-кларджетский куропалат Адарнасе провозгласил себя царем в 888г.

Византийские императоры и другие высшие должностные лица империи, включая высших иерархов византийской церкви, всех их «именовали «архонтами» («начальниками») и лишь главу Абхазского царства удостаивали звания «экзусиаста» («владетеля»), которое по византийской табели о рангах считалось выше звания «архонта». Такое предпочтение объяснялось той гегемонной ролью, которую более полутора столетий играло Абхазское царство в системе грузинских феодальных образований»[5] и частично в обширном северном регионе Закавказья. Этот вывод прямо вытекает из сообщения византийского императора Константина VII Багрянородного, согласно которому обращение к абхазскому царю имело следующую форму: «Христолюбивому, божьей милостью, блистательному экзусиасту Абазгии»[6]. Правитель Абхазии получал от византийского императора «золотую буллу (кольцо с изображением императора – Р.Х.) весом в два солида[7]»[8]. Даже самую крупную фигуру на абхазском престоле – Георгия II,

---

[1] Абраамян А.А. Пособие по грабару (древнеармянскому языку). Раздел словаря. Ереван, 1964, с.483 (на арм. яз.).

[2] Армяно-русский словарь. Ереван, 1960, с.291.

[3] Там же, с. 170.

[4] Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII). Сухум, 1959, с.137 – 138.

[5] Анчабадзе З.В., указ. соч., .138.

[6] Там же.

[7] Солид – (от лат. букв. прочный, массивный). Византийская золотая монета, чеканившаяся с 309 г.

[8] Цит.: по книге З.В.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII), с.138.

сына царя Константина III, византийские официальные лица, как уже говорилось, титуловали «экзусиастом», в том числе патриарх Николай Мистик[1].

Нельзя не согласиться с мыслью абхазского историка З.В.Анчабадзе, что, упорно отказываясь признать царское достоинство абхазских государей и других закавказских правителей, византийские императоры стремились тем самым подчеркнуть, что, в сравнении с Византией, указанные государства и армянские царства занимали более низшие места в международной жизни. Следует, однако, отметить, что правители империи называли «архонтами» и таких государей того времени как Великого князя киевского, Хазарского хакана, короля Франции и др.[2] Кроме того, словно теша свое самолюбие, византийские дипломатические ноты, адресованные царям Абхазии, князьям Восточной Грузии и Алании, царям Армении и другим носили название «келевсиса» («приказа»). Этим также подчеркивалось мнимо подчиненное положение названных правителей от Византийской империи. Поэтому неудивительно, что даже Константина III, «независимого от Византийской империи и одного из самых могущественных»[3] царей на абхазском престоле, византийские официальные лица не именовали царем.

Поскольку имя царя абхазов Константина III в анализируемом письме-послании не упоминается, а мы придерживаемся того мнения, что речь шла именно о нем, это привело к появлению в армянской и иной исследовательской и популярной литературе различных и просто неправильных предположений о личности, скрывающейся под термином «авагн апхазац» («старший абхазов»).

Начало этому положил армянский историк XVIII в. Микаэл Чамчян. В своей «Истории Армении», вообще носящей компилятивный характер, автор утверждает, что это был Гурген, ранее названный им «князем абхазов»[4]. А приведенный выше отрывок из письма константинопольского патриарха Николая Мистика выглядел следующим образом: «Об этом мы послали также письмо к куропалату (Адарнасе) и старшему[5] абхазов (Гургену)[6]. Дале армянский историк вновь пояснил, что Гурген есть «великий князь абхазов»[7], и несколько позже называл его «племянником тайкского куропалата Адарнасе»[8]. Микаэл Чамчян также утверждал, что Абас, брат армянского царя Ашота II Ерката (Железного), отправился в «Грузию и взял в жены дочь абхазского царя Гургена»[9].

Разумеется, появление в «Истории Армении» Микаэла Чамчяна в качестве законного абхазского государя при описании событий 915 г. «великого князя абхазов Гургена», надо рассматривать как источниковедческий курьез и не более. Истинный абхазский царь Константин III, правивший в то время, скончался на несколько лет позже, а, главное, абхазская историография вообще не знает князя Гургена ни в качестве князя абхазов, ни в качестве царя абхазов тем более.

Кроме того, как видно из произведения самого Микаэла Чамчяна, основным источником для него при освещении событий этого периода была «История Ар-

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Леквинадзе В.А. Вислая печать Константина Абхазского. «Сообщения» АН ГССР, т.XVI, №5, 1955, с.405.
[4] Чамчян М. История Армении. Том II (441 – 1080), Венеция, 1785, с.761 (на арм. яз.).
[5] Выражение «авагн апхазац» в данном случае мною переведено как и по тексту отрывка из «Истории Армении» католикоса Иованнеса, как «старший абхазов».
[6] Чамчян М., указ. соч., с.777.
[7] Там же.
[8] Там же, с.782 – 783.
[9] Там же.

мении» католикоса Иованнеса Драсханакертци, откуда, в частности, им и взято письмо патриарха Николая Мистика. Но ни у католикоса Иованнеса, ни у какого-либо другого армянского историка того времени мы не находим никакого «великого князя абхазов Гургена». Между тем у Иованнеса мы встречаем, правда, другого Гургена, который был назван историком «князем Вирка» или «великим князем Вирка»[1], который был племянником по единственной сестре тао-кларджетского куропалата Адарнасе.

Этот самый Гурген, являясь одним из отпрысков грузинской ветви Багратидов, будучи владетелем Артануджа, являлся одним из крупнейших феодалов Тао-Кларджети и носил по грузинским источникам титул «князя Грузии»[2]. Как полагает С.Т.Еремян, он – представитель и феодального рода Гамрекели[3]. Гурген, якобы, был женат на «сестре Абаса, брата армянского царя Ашота I Багратуни». Мать Гургена была родной и единственной сестрой куропалата Тао-Кларджети Адарнасе. На дочери вот этого самого князя Гургена и женился Абас, брат армянского царя Ашота II Ерката (Железного), т.е. на своей двоюродной сестре. Факты эти обобщены и подтверждены И.Марквартом[4] и Е.Такайшвили[5], а последний факт, хотя и косвенно, армянским историком Степаносом Таронеци (Асохиком)[6].

Словом, армянский историк Микаэл Чамчян, изрядно напутав, совершенно безосновательно назвал грузинского князя Гургена Багратида «абхазским царем» и наделил его функциями абхазского государя. Подобное изложение исторических событий ввело в заблуждение более поздних историков, исследователей и даже писателей[7], которые, видимо, пользовались только трудом Микаэла Чамчяна и не были знакомы с «Историей Армении» католикоса Иованнеса. Именно поэтому мы находим необходимым остановиться и на этом вопросе.

Так, грузинский исследователь Ф.Жордания, автор «Хроники абхазских царей», считал «странным явление, что современник царя Константина армянский католикос Иоанн, подробно повествуя о нашествиях арабов и событиях, бывших в Абхазии и Грузии в 910 – 914 гг., ни разу не упоминает об абхазском царе Константине; а под 915 г. (год спустя после мученической смерти царя Смбата в 914 г.[8]) называет абхазским царем не Константина, а Гургена (он же Георгий), оче-

---

[1] Иованнес Драсханакертци, с.176, 203, 205, 207, 208, 209, 210, 214, 215, 216.

[2] Такайшвили Е. Источники грузинских летописей. Три хроники. (II. Жизнь и известия о Багратидах). Тифлис, 1900, с.148 – 149.

[3] См.: Дарбинян-Меликян М.О. Комментарии к «Истории Армении» Иованнеса Драсханакертци, с.337.

[4] Маркварт И. Генеалогия Багратидов. Вена, 1913, с.148 – 149.

[5] Такайшвили Е., указ. соч., 148 – 149.

[6] Асохик. Всеобщая история. СПб., 1885, с.169 (на древнеарм. яз.).

[7] Речь идет о романе Мурацана «Геворг Марзпетуни». В свою очередь, при анализе романа Мурацана проф. Меликсет-бек Л.М., фактически повторяя М.Чамчяна, пишет: «Романист обращает внимание на то обстоятельство, что «Ашота царевича должны были венчать царем в церкви Св. Григория в Двине армянские князья вместе с грузинским царем (Адарнасе) и абхазским Гургеном (!), после чего грузинский царь Атрнерсех) и абхазский князь Гурген были приняты в покоях царского брата Абаса» - См.: Меликсет-бек Л. Армянские писатели и Грузия. Ереван, 1964, с.251 (на арм. яз.). Как мы видим, здесь также ошибка.

[8] Точная дата гибели армянского царя Смбата I Багратуни, как установлено армянскими исследователями – 913 г.

видно потому, что в это время, согласно с указанием нашей хроники, Константин не был жив»[1].

Комментируя это высказывание Ф.Жордания, необходимо подчеркнуть, что католикос Иованнес рассказал о событиях, имевших место в 910 – 914 гг. в Армении и Восточной Грузии, а не в Абхазии. Поэтому нет ничего удивительного и «странного» в том, что армянский историк не упомянул в указанный период и абхазского царя Константина III. Например, говоря о политических взаимоотношениях Абхазского и Армянского царств на рубеже IX – X вв., историк многократно упоминал его.

Далее, невозможно согласиться с мнением исследователя, что армянский историк под 915 г. царем Абхазии называет Гургена (он же Георгий). Как уже говорилось выше, под 915 г. речь вообще не шла об Абхазском царстве или царе Константине, а Гурген, по католикосу Иованнесу, грузинский князь. Оговорка же в отношении Георгия вовсе не ясна, поскольку армянский историк нигде не называет какого-либо абхазского или грузинского деятеля под таким именем.

Наконец, мы не можем согласиться и с утверждением Ф.Жордания, что «в это время Константин не был жив». По мнению исследователя, ссылавшегося на приводимую им «Хронику абхазских царей», этот абхазский государь умер еще в 908 г.[2] Это предположение в какой-то степени перекликается с содержанием «Дивана абхазских царей», составленного, как полагают, абхазским царем Багратом III.

По сообщению «Дивана» Константин был шестнадцатым царем и правил 39 лет. Если произвести отсчет, то его правление охватывает годы с 873 по 912. Вот уж, казалось, прав Ф.Жордания. Но, во-первых, сам Ф.Жордания признает, что в грузинской летописи «Картлис-цховреба» встречается упоминание о деятельности царя абхазов Константина III и после смерти в 914 г. армянского царя Смбата I Багратуни[3]. Во-вторых, «Диван абхазских царей» в части хронологии известен рядом достаточно спорных данных, на что обращали внимание многие исследователи. Вот почему мы не можем согласиться с мнением историков М.Селезнева[4], С.Ашхацава[5] и А.Фадеева[6], предложивших в качестве даты смерти Константина 921 г.

Наконец, в-третьих, в обоснование данного вывода можно сослаться, хотя и на косвенные, но очень важные свидетельства католикоса Иованнеса, согласно которым Ашот II Еркат («Железный»), возглавивший борьбу против арабов и мятежных князей после смерти в 913 г. своего отца, царя Смбата I, и побывавший не без серьезных проблем в некоторых сопредельных провинциях и княжествах, когда добрался к концу 920 г. до Абхазского царства, разочарование не постигло его. Армянский историк рисует удивительную картину: «Меж тем Ашот, продолжая свой путь, достиг страны утийцев[7] и увидел, что все отошли, отступились от него, повернулись к нему спиной, и не нашел он отныне никого, кто бы ему помог, за исключением немногих из знатных. Когда ему стали очевидны размеры бедствия, он пустился в путь, направился к царю егерскому (т.е.

---

[1] Жордания Ф. Хроника абхазских царей. Тифлис, 1901, с.4.
[2] Там же, с.4, 5.
[3] Жордания Ф., указ. соч., с.4.
[4] Цит. по книге Гулиа Д.И.История Абхазии. Тифлис, 1925, т.I, с.192.
[5] Ашхацава С.М. Пути развития абхазской истории. Сухум, 1925, с.14.
[6] Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии. Сухум, 1934, с.178.
[7] «Страна утийцев» - Ути – восьмой округ области Утик, занимавшей правобережье р.Куры с центром в г.Партав (Бердаа).

абхазскому – Р.Х.), будучи уверен в душе и твердо надеясь, что ему удастся пожать благие плоды от их прежнего дружеского союза»[1].

Именно с абхазским царем Константином и был заключен упомянутый «дружеский союз» отцом Ашота II Ерката, царем Смбатом, в 906 г., еще накануне очередного витка арабской агрессии. Это сообщение католикоса Иованнеса есть еще одно, весьма серьезное подтверждение в пользу версии о том, что царь абхазов был жив в 915 г. К сожалению католикос не сообщает о месте встречи двух монархов. Случилось ли это в столице Абхазского царства или же в другом месте, нет сведений. Важно другое. После довольно драматических событий, сопровождавших взаимоотношения двух ведущих государств Закавказья на рубеже IX – X вв. и даже в самом начале X в., все завершилось заключением названного «дружеского союза». Исторические судьбы вновь свели абхазов и армян теперь уже в столь нелегкие времена для Армении.

Поэтому, завершая разговор по теме настоящего исследования, есть настоятельная необходимость полностью привести свидетельства католикоса Иованнеса по впечатляющим итогам визита Ашота II Ерката в Абхазское царство. Царь абхазов Константин, «встретив Ашота многочисленными подарками и приняв его очень дружелюбно, полностью, всем сердцем, душою и мощью своею присоединился к нему. Он оказал ему большую помощь, собрав многочисленное войско на конях, словно по воздуху летящих, в железных доспехах и устрашающих шлемах, в скрепленных железными гвоздями нагрудниках и с прочными щитами, снаряженное и вооруженное острыми копьями, - дал все это войско ему, дабы с помощью его он отомстил врагам. Поспешно вернувшись с этой массой конного войска и внушив смелость всему до единого множеству воинов, он полагал, что сумеет скоро довести дело до конца и с легкостью заставит врага сложить оружие»[2].

Вот так свидетельства армянского историка католикоса Иованнеса Драсханакертци звучат благодарно и как апофеоз той дружбе, которая зародилась между двумя народами в раннее средневековье и была пронесена через века.

---

[1] Иованнес Драсханакертци, с.216.

[2] Там же.

Гумба Г.Д.

АЛАНЫ, АСЫ И ДИГОРЫ ПО «АШХАРАЦУЙЦУ»

«Ашхарацуйц», условно именуемый в научной литературе «Армянской географией VII века» (далее «Ашхарацуйц»)[1] представляет собой исключительной важности источник, который содержит уникальные сведения по исторической географии древних Армении, Грузии, Кавказской Албании, Колхиды, Абхазии и Северного Кавказа. Поразительно точное знание древней этнической карты Кавказа, которое обнаруживается в замечательном древнеармянском источнике, приковывает внимание почти всех исследователей, изучающих раннесредневековую историю народов Кавказа. Однако, несмотря на достаточную литературу, посвященную источниковедческому анализу «Ашхарацуйца», к настоящему времени пока немало вопросов, ждущих еще своего разрешения.[2] Так, вопрос локализации и идентичности большинства, упоминаемых в «Ашхарацуйце» племен Кавказа, до сих пор почти не разработан и, к сожалению, в научной литературе наблюдается произвольное толкование тех или иных сведений армянского географа, порой не имеющего ничего общего с данными самого источника (см. ниже). Возможно, это вызвано тем, что ученые, не владеющие армянским языком, пользовались теми или иными опубликованными отдельными списками источника на русском, французском, немецком языках, в которых присутствуют серьезные расхождения. В различных списках источника порядок изложения тех или иных абзацев не соответствуют друг другу, а в некоторых вовсе и смешаны. При этом на карту наносились разные наименования одного и того же племени, (Абраамян, 1944, 49-50; Ширакаци, 1979, 20). Все это, естественно, не могло не привести исследователей к противоречивым выводам.

Среди причин, обуславливающих трудность интерпретации сведений «Ашхарацуйца», следует отметить также и то, что до нас дошли лишь копии рукописей, которые подвергались со стороны переписчиков значительным искажениям и сокращениям. Источниковедческий анализ показывает, что переписчики по своему усмотрению вставляли в текст новые отрывки, а казавшийся им сложными – сокращали; многие древние этнонимы и географические названия видоизменяли, пытаясь привести их в соответствии с новыми звучаниями, с целью сделать доступными, как они считали, для понимания современниками. Кроме того, описание племен «Азиатской Сарматии» в «Ашхарацуйце» является компиляцией различных источников, которые редакторы стремились объединить, не обращая часто достаточное внимание на их хронологические несоответствия. Поэтому,

[1] До наших дней сохранено около 60 рукописей «Ашхарацуйца», из которых 46 хранятся в Институте древних рукописей Матенадаран им. Месропа Маштоца (г. Ереван); текст сохранился в двух редакциях: кратком и пространном. В работе мы опирались на списки оригинала «Ашхарацуйца», хранящиеся в Матенадаране им. Месропа Маштоца, а также существующие издания источника, перечень которых приведены в перечне использованных источников и литературы.

[2] Датировка «Ашхарацуйца» все еще остается предметом дискуссии. Однако в настоящее время с определенной доли уверенности можно сказать, что источник содержит описание Армении и Кавказа различных периодов, которые разделены учеными (С. Т. Еремян, А.А. Абраамян, Г.Б. Петросян) на три пласта. Первый пласт, основывающийся во многом на географических и картографических трудах античных авторов, в основном, Птолемея и его источников – вторая половина I тыс. до н. э.; второй – конец IV века н. э. (до 387 г.); третий – рубеж V–VII вв. н. э. В VII в. географический трактат был отредактирован с внесением новых данных со стороны Анания Ширакаци.

безусловно, информация «Ашхарацуйца», требует детального сопоставительного анализа сохраненных списков, как для определения хронологических рамок его данных, так и уточнения правильности передач тех или иных этнонимов. Особенно это относится к разделу «Кавказской Сарматии» «Ашхарацуйца», в котором многие древние названия кавказских племен и народов, впервые письменно зафиксированы и сохранены до наших дней.

В описании Азиатской (Кавказской) Сарматии выявляется два слоя: в первой воссоздана этнополитическая обстановка во второй половины I тыс. до н.э.; во втором – ситуация раннего средневековья (V-VII вв.) (Гумба, 1987_1, 75-77). В интересующем нас втором слое автор «Ашхарацуйца», обрисовав этническую карту Северо-Западного Кавказа и Абхазии, приступает к перечислению племен и народов, расположенных в пределах Азиатской Сарматии по северной и южной стороне Главного Кавказского хребта на Центральном Кавказе.[1] Исследователи отмечают, что данный раздел «Ашхарацуйца» является весьма насыщенным, а локализация, упоминаемых здесь народов – наиболее сложным.[2] Забегая вперед, скажем, что, помимо вышеуказанных причин, главным образом, это вызвано тем, что второй слой данного раздела источника, отражающий этническую карту Центрального Кавказа раннего средневековья, состоит, в свою очередь, из трех наложенных пластов. Выявленные пласты условно разделены нами на: **А**, **Б** и **В**.[3]

---

[1] По физико-географическому строению к Центральному Кавказу обычно относят территорию по обоим склонам Главного Кавказского хребта, условно ограниченной на северо-западе Эльбрусом, на юго-востоке Казбеком и тесниной р. Терек. Но под понятием Центральный Кавказ мы подразумеваем не столько физико-географическую, а сколько древнюю историко-этнографическую область, расположенной согласно греко-латинским, армянским и грузинским источникам по обоим склонам Главного Кавказа от Приэльбрусья и верховья Ингура на северо-западе до Андийского хребта и горы Гутон на юго-востоке; на юге пределы Центрального Кавказа ограничиваются южной границей Азиатской Сарматии, простирающейся от западного отрога Эгрисского хребта, далее на юго-восток по вершинам Эгрисского и Рачинского хребтов, по северному отрогу Лихского хребта – Жинвали (Сарматские ворота у слияния Черной Арагви и Белой Арагви) – Квел-Даба – г. Гутон на Главном Кавказе (см. Гумба, 2004).

[2] Вопросы локализации упоминаемых в этом разделе племен и народов, рассматривались многими исследователями: К.П. Патканов (1883), Й. Маркварт (Marquart, 1903, 169-172), С.Т. Еремян (1970, 400-409; 1973 , 261-274) Р.Х. Хьюссен (Hewsen, 1992), А.В. Гадло (1979), Ю.С. Гаглоев (1966), В.А. Кузнецов (2000), К. Цукерман (2005) и др.

[3] Текст основан на критическом издании «Ашхарацуйца» (Ширакаци, 1979) и сопоставительного анализа древнейшей группы оригинала, хранящегося в Матенадаране.

Пласт А

«Սարմատիայի (բնակչությունը) տեղադրվում է հետևյալ կերպ: Արևմուտքից արևելք նախ (ապրում է) Աշ-Տիգոր ալանական ցեղը, նրանից հարավ համատեղ բնակվում են Խեբուրները, Քութետները, Արգվելները կամ Մարգվելները և Սկյումիները կամ Թակույրները: Ալաններն ապրում են Դիգորներից այն կողմը, Կովկասյան լեռների Արդով երկրամասում: Այստեղից է հոսում Արմն գետը, որը, գնալով դեպի հյուսիս ընդարձակավալ դաշտի միջով, իրառնվում է Աթլ գետին:

«...(Население) Сарматии расположено следующим образом. С запада на восток в начале (живет) Аланский народ Аш-Тигор,[1] на юге от них рядом проживают Хебуры, Кутеты, Аргвелы или Маргвелы и Такуиры или Скюмы. Аланы живут по ту сторону за Дигорами, в крае Ардоз Кавказских гор. Отсюда течет река Армн, которая, направляясь на север, через безбрежные равнины, соединяется с рекой Атл.

Пласт Б.

Նույն լեռների վրա ապրում են Արդովները, իսկ նրանցից այս կողմ՝ Ռաճանները (Դաճանները), Ծիիդոյմները, Ասվուրները, Դուալները, Խոնքերը և Ծանարները, որոնք մոտ գտնվում է: Ալանների դուռը, ինչպես և մյուս դուռը, որը կոչվում է Ծիլքան՝ այնտեղ ապրող համանուն Ծիլքան ցեղի անունով: Ապա գալիս են Թուշերը, Խունձերը:

В тех же [Кавказских] горах живут Ардозы, а по эту сторону от них – Рачаны (Дачаны), Цихоимы, Авсуры, Дуалы, Хоны и Цанары, у которых находится Аланские ворота, как и другие ворота, называемые Цилкан, по имени проживающего там племени Цилкан. Затем Туши, Хундзы.

Пласт В.

Ապա մարդակեր Քուստերը, Ցիավատները, Գուդամակարները, Դուրձուկները, Դիդոյները, Լեկերը, Տապասարները...» («Աշխարացույց», №№ 582, 696, 1898, 1717, 3691, 1459; Ширакаци, 1979, 287; Soucry, 1881, 27)

Затем Кусты людоеды, Цховаты, Гудамакары, Дурзуки, Дидойцы, Леки, Тапасары ...».

Исследователи,[2] опиравшийся на издания «Ашхарацуйца» К.П. Патканова, Г.Хьюссена, С.Т. Еремяна, основанных на отдельных рукописях источника, где

[1] Во многих списках древнейшей группы оригинала: «живут Аланы Аш-Тигор».

[2] Мы намеренно не останавливаемся на детальном анализ существующих точек зрения в научной литературе по поводу локализации и отождествлении перечисленных в данном отрывке племен, они даны в работе В.И. Кузнецова (2000, 174-176, там же см. сводку литературы).

аланы отделены от аш-тигоров («племя алан, аш-тигоры»), рассматривают данное сообщение, как указание армянского географа на два отдельные племена. В связи с чем, в научной литературе принято считать, что в данном сообщении «Ашхарацуйца» речь идет о двух различных племенных групп – «алан и асодигоров» (Кузнецов, 2000, 175). Однако это суждение опирается на не правильных, вернее не аутентичных оригиналу, опубликованных переводов отдельных списков «Ашхарацуйца».[1] В большинстве сохранившихся списков, в том числе и древнейшей группы оригинала источника, написано – «Аланский народ//племя Аш-Тигор», или «Аланы Аш-Тигор», и говорить о двух племенах – алан и аш-тигоров, отделяя, их друг от друга, совершенно неправомерно.

В сообщении «Ашхарацуйца» действительно говорится о двух племенах, но ашов (асов) и дигоров, входивших в одно политическое образование, называемое армянским географом общим собирательным именем Аланы («Аланы Аш-Тигор»). Об этом свидетельствует также и название Аш-Тигор, в которой следует видеть характерное для древних авторов, в том числе и для армянского географа (напр. «Պարսկա-Հայք» – «Персо-Армения», т.е. «Персидская Армения»), указание на политическую зависимость, точнее вхождения части дигоров в политическое объединение, возглавляемое асами («Асская Дигория»). Это политическое объединение охватывало территорию Верхней Кубани, Пятигорья и Балкарии, а также, в те или иные периоды, южный склон Главного Кавказа у истоков Кодора и было известно византийским авторам как Алания. Использование армянским географом для обозначения этого объединения, наряду с названием Алания, термина «Аш-Тигор» («Асская Дигория») свидетельствует, несомненно, о политическом господстве в ней племени асов. Естественно, этническое имя господствовавшего племени – асы (ашы) приобретало также и политическое значение. Поэтому, армянский географ, следуя своему принципу, передает существовавшие к тому времени параллельные названия этого объединения – Алан и Ас (Ас-дигор). Оба эти термины равнозначны и применяются в армянском источнике в собирательном смысле, для обозначения существовавшего в раннем средневековье политического объединения племен западной части Центрального Кавказа. При этом, говоря о равнозначности этих терминов, следует подчеркнуть, что речь идет не об этническом тождестве алан и асов, а об употреблении этнонимов «алан» и «асы» в качестве полиэтонимов, для обозначения Западно-аланского политического объединения.[2]

---

[1] К сожалению, именно недоступность оригинала источника, наверное, отрицательно сказалась и на работах В.И. Кузнецова (2000, 173-176), К. Цукермана (2005, 65-82). Разработка вопросов локализации племен данного отрывка источника, они строят изначально на неверной источниковедческой базе, что привело их к ошибочным выводам. Так неправомерное выделение аш-тигоров от Западно-Аланского объединения вызвало неоправданное смещение асов (аш-тигоров) к востоку от верхнего Терека и отождествление их с Восточно-Аланским объединением, что противоречит тексту «Ашхарацуйца». Вместе с тем, прекрасное знание этнополитической ситуации раннесредневекового Северного Кавказа позволило В.И. Кузнецову сделать ряд совершенно убедительных выводов, в частности, об отражении в «Ашхарацуйце» двух Аланских политических объединении племен на Северном Кавказе в раннем средневековье.

[2] Для локализации асов (ас-дигоров) «Ашхарацйуйца» к востоку от верхнего течения Терека и отождествления их с Восточно-аланским объединением, К. Цукерман ссылается на сведение «Книги церемоний византийского двора» (946 г.) Константина VII Багрянородного об «архонтах Азии». Дошедший до нас в искаженном виде текст «Книги церемоний» К. Цукерман (2005, 66) реконструирует: «Архонтам Азии, которые располагают-

Локализация асов армянским географом согласуется и с грузинской исторической традиции, согласно которой опси//овси первоначально населяли территорию западной части Центрального Кавказа – от верховья Кубани до Терека. Косвенным подтверждением этому может служить и происхождение грузинского термина «опси//овси». По мнению В.И. Абаева (1949, т. 1, 80) грузинское ousi вряд ли имеет какое-либо отношение к античным ас и ас-ам, яс-ам древнерусских источников. Вероятно, следует согласиться с существующим в научной литературе мнением, согласно которому форма опси (овси) не что иное, как грузинская передача абхазского названия осетин – а-уапс (букв.: «рыжие, светлые люди») (Инал-ипа, 1977, 85; Кварчия, 1982, 48). Нет сомнения в том, что древние абхазы называли соприкасавшихся с ним на Кавказе ираноязычных племен уапс («светлые, рыжие люди») действительно по их внешнему облику. Так Аммиан Марцеллин свидетельствует, что «почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами» (Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 21). Персидский автор Ибн Русте, политически господствовавшее племя Алании называет Д.хсас, наименование которое восстанавливается как «Рухс-Ас» – «светлые асы» (Минорский, 1963, 221; Кузнецов, 2000, 171). Как справедливо отмечает В. Кварчия (1982, 48), абхазское название осетин а-уапс («рыжие, светлые люди») было усвоено грузинами в силу того, что осетины в прошлом раньше оказались в западных районах Центрального Кавказа, в непосредственном соседстве с Абхазией.

Помимо той части дигоров, входивших в Аланское объединение Ас-Дигоры, армянский географ в том же отрывке отдельно называет дигор, которых он четко отделяет, как от Западно-аланского объединения, так и от алан, живущих в крае Ардоз («Аланы живут по ту сторону за Дигорами, в крае Ардоз Кавказских гор»).[1] Месторасположение дигоров «Ашхарацуйца» – между аланами аш-тигор и аланами в крае Ардоз – довольно прозрачное – это Дигорское ущелье, бассейны рек Уруха и Черека.

Далее на востоке дигоры граничат с аланами, проживающими в крае Ардоз. Здесь необходимо подчеркнуть, что «край Ардоз» (в некоторых рукописях источника – Դաշտ ի Արդոյ, т.е. «Ардозская равнина»), размещаемый армянским географом «за дигорами», это не район у истоков Терека, как это предполагает И. Маркварт (Marquart, 1961, 171), а вслед за ним и В.А. Кузнецов (2000, 176), а долина Терека у выхода из Дигорского ущелья (см. также, Еремян, 1973, 267; 1979, карта).[2] Из данного текста источника не следует, что область Ардоз находится у

ся между Аланией и Цанарией, в месте где находятся Каспийские ворота» (Дарьяльские ворота). Однако, если и принять предлагаемое К. Цукерманом чтение византийского текста, то, тогда, во-первых, отпадает отождествление асов (ас-дигоров) с Восточно-аланским объединением; во-вторых, сведения «Книги церемоний» отражают этнополитическую ситуацию X в. и проецировать их ко времени отображаемой в «Ашхарацуйце» (V-VII вв.) означало бы отрицание каких-либо этнических и политических изменений на Северном Кавказе за 300-400 лет, что, конечно, было бы неправомерным (см. также ниже).

[1] К. Цукерман (2005, 75) из данного отрывка почему-то вычленяет фразу «живут Аланы» и произвольно реконструирует текст, по которому дигоры вдруг неожиданно оказываются жителями страны Ардоз: «Дальше (en yer) находятся dikori(n) из страны Ардоз в горах Кавказа, откуда берет начало река Arm(n)» (?! – Г.Г.), что совершенно не соответствует оригинальному тексту источника и, естественно, не может быть приемлемо.

[2] В.А. Кузнецов, опираясь на перевод «Ашхарацуйца» И. Маркварта: «Такойр есть Аланы в Дикор, стране Ардоз Кавказских гор, откуда течет река Армн» (Marquart, 1961, 170), тем самым, по неволе оказавшись заложником неверного перевода, приходит к совершенно противоречащему данным источника выводу, что «такуйры есть подразделе-

истоков Терека, тем более истоков Армхи, а речь идет о том, что река Армн (Терек) течет по области Ардоз. Кроме того, по «Ашхарацуйцу» Аланское объединение не охватывало земли у истоков Терека, так как, территория, начиная от Верхнего Ларса, включая также район истока Терека до Жинвали на юге, входила в состав Цанарии.

Край Ардоз (по осетинский «равнинное место») – это, как справедливо отмечает А.В. Гадло (1979, 165) – «весь район низменности, орошаемый Тереком, до его поворота на северо-восток ниже впадения р. Сунжи». В сообщении «Ашхарацуйца»: Аланы в крае Ардоз Кавказских гор – это, несомненно, объединение племен восточной части Центрального Кавказа, называемое собирательным именем Аланы. Территория Восточно-аланского объединения простиралась от бассейна Терека на западе до среднего течения Аргун на востоке, включая в себя и предгорные части Кавказа (Кузнецов, 2000, 170, 176).

Далее, на юге от указанных двух Аланских объединении племен Северного Кавказа и дигоров, по соседству между собой размещаются хебуры, кутеты, аргвелы и такуйры. По вопросу идентификации хебуров, достаточно уверенно можно согласиться с К.П. Паткановым (1883, 30) и В.А. Кузнецовым (2000, 75), отождествляющих их с хевсурами, локализуемые восточнее Дарьяльского ущелья, в горах современной Восточной Грузии. Кутеты убедительно отождествляются с кударами и локализуются севернее истоков Квирилы и верховья Джеджоры (Еремян, 1970, 406; 1973, 265; Hewsen, 1992, 115; Кузнецов, 2000, 175).

Что касается этнонима «аргвелк», то его отождествление с областью Аргвет, расположенной между р. Квирила и Лихским хребтом, с центром в Шорапани, как бы это не казалось привлекательным, кажется неприемлемым, в виду того, что по «Ашхарацуйцу» она находится за пределами Азиатской Сарматии.[1] Более обоснованным представляется мнение В.А. Кузнецова (1984,148 – 149; 2000, 177), согласно которому аргвелы «Ашхарацуйца» сопоставляются с племенем или народностью арг, оставивших свой след в осетинском фольклоре («народ арги») и топонимике между современными городами Грозный и Нальчик (см. также, Цагаева, 1975, 547). Выглядит вполне убедительно и то, что арги – это одно из древних вайнахских племен, обитавшее здесь до прихода ираноязычных племен и, которое сыграло затем роль этнолингвистического субстрата в сложении осетинского народа (Кузнецов, 1984, 149).

Область Такуйр, Таквор – древнегрузинских источников, с одноименным центром, надежно локализуется в местах между южным подножьем Лечхумского хребта и р. Риони.[2] Этот топоним встречается также в письме Анастасия Апокри-

---

ние алан, занимающее «страну Ардоз» (осет. «ардуз» - поляна) в Кавказских горах близ истоков реки Армна» (Кузнецов, 2000, 176). Помимо того, что ни в одном из списков «Ашхарацуйца» нами не найден такой текст, нет его и в венецианском издании мхитариста А. Сукри (Soykri), откуда сделан перевод И. Маркварта! Кроме того, русский перевод интересующего нас отрывка источника именно по указанному изданию А. Сукри, опубликован Патканов: «За Дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут Аланы, откуда течет река Армн...» (Патканов, 1883, 30). Чем было вызвано такое искажение данного отрывка источника в издании И. Маркварта, остается загадкой!

[1] Область Аргвети являлась составной частью Картлийского царства, что и отражено в «Ашхарацуйце», при описании Картли (Вирк): «На севере Великой реки Куры, напротив области Тав, находятся Аргветские горы с одноименной областью» (Soucry, 1881, 27).

[2] Перенесение такуйр «Ашхарацуйца» на Северный Кавказ, в район истока Терека (И. Маркварт, В.А. Кузнецов) вызвано ошибочным переводом рассматриваемого текста ис-

сиария, товарища по ссылке Максима Исповедника, иерусалимскому монаху Феодосию Гангрскому. Он повествует, что в августе 662 г. был переведен в крепость в Такирия (Бриллиантов, 1917, 7). Прокопий Кесарийский (VIII, 2) называет эту область Скимниа, название, которое «со сванским префиксом «ле» сохранилось в названии горной области нынешней Зап. Грузии – Лечхуми (Меликишвили, 1959, 184-185). Термины Такуйр (Таквор) и Скюмиа представляют собой разные названия одной и той же области, позднее они полностью вытесняются из употребления названием Лечхуми, производным от Скюмиа.[1] Армянский географ передает существовавшие в раннем средневековье оба названия: Такуйр и Скюмия (Скимниа).

Таким образом, вышеприведенный текст «Ашхарацуйца», условно названный нами пласт **А**, охватывает южные и северные стороны всего Центрального Кавказа. Перечисление племен северной части Главного Кавказа начинается с запада на восток – Аланы Аш-Тигоры, Тигоры, Аланы, а южнее от них – хебуры (хевсуры), кутеты (кудеты, кударо), аргвелы и такуйры, перечисление которых идет уже с востока на запад. В источнике отражена Аланская «конфедерация» Северного Кавказа раннего средневековья (VI-VII вв.), состоявшая из двух объединении или групп – Западно-аланской (или Асской, Аш-Тигор) и Восточно-аланской (или Ардоз). За пределами этих Аланских политических объединений находятся дигоры, аргвелы, хевсуры, кутеты и такуйры.

В следующем абзаце (пласт **Б**) первыми называются ардозы («народ Ардоз» в 23 рукописях). Как видно, если в предыдущем пласте термин «Ардоз» применяется в географическом значении, в названии страны (края), где проживают аланы, то здесь уже употребляется в качестве этнонима. Отсюда, учитывая, что в пласте **А**, край Ардоз является страной аланов, естественным будет предположить, что в пласте **Б** название Ардоз употребляется в обозначении населения Восточно-Аланского объединения и выступает синонимом термина «Аланы» пласта **А**.

Рачаны это, безусловно, жители области Рачии в верховьях Риона. За отсутствием каких-либо дополнительных данных не поддаются локализации дачаны. Но, судя по грузинской фамилии «Дочанишвили», следует, видимо, согласиться с Г.А. Меликишвили (1959, 294), что, дачаны, «вероятно, одно из небольших горских племен, полностью или частично слившееся с грузинскими племенами».[2]

Цехойк (варианты: Цхимк, Цхоимк), по-видимому, та же область, что и Схимар, упоминаемая в письме Анастасия Апокрисиария (Бриллиантов, 1917, 7), которая была расположена на северном склоне Рачинского хребта. Дуалы//туалы занимали территорию по обе стороны Главного кавказского хребта: земли между верховьями рек Риони и Ксани, бассейны рек Б. и М. Лиахви до области Ачабет, севернее соврем. Цхинвали – на южной стороне Главного Кавказа и весь Наро-Мамисонский регион (Туалгом – букв. «Туальское ущелье» на осетинском), на северной (Гамрекели, 1961, 34; Гаглойти, 1995, 38-39).

точника (см. выше). Вместе с тем, сопоставление указанных ученых название «такуйр» «Ашхарацуйца» с позднесредневековым «тагаур», безусловно, не лишено основании.

[1] Таквор//Такуйр (Лечхуми) вместе с Рачией составлял одну из административных единиц средневекового Абхазского государства и в источниках она называется Рача-Лечхуми, или Рача-Таквори (Анчабадзе, 1959, 85).

[2] При этом, учитывая некоторую схожесть написания армянских букв Р (Ռ) и Д (Դ) и то, что термин «дачанк» фигурирует не во всех рукописях источника, нельзя исключать ошибку со стороны того или иного переписчика и передача термина Рачан как Дачан.

В названии асвур (авсур) перед нами грузинское название ираноязычных племен – опси, овси. Согласно грузинской исторической традиции овси//опси не относятся к кругу кавказских аборигенов, а являются потомками пришлых скифо-сарматских племен, которые первоначально осели на территории западной части Центрального Кавказа от верховьев Кубани до реки Терека. В грузинских источниках термин «опси»//«овси» употребляется собирательным, общим наименованием ираноязычных племен Северного Кавказа античного и раннесредневекового периодов и является в этом отношении синонимом термина «аланы» античных и византийских источников. Поэтому, в связи с тем, что в «Ашхарацуйце» отражена ситуация Северного Кавказа в раннем средневековье, когда здесь существовали две политические объединения, известные как Аланские (Западное и Восточное), становиться весьма сложным определить какое из этих Аланских объединении армянский географ обозначает грузинским термином «авсур» и в специальной литературе существуют противоречивые мнения. Однако этот вопрос снимается, если принять во внимание то, что в рассматриваемом пласте **Б**, где названы авсуры, Восточно-аланское объединение упоминается под именем Ардоз, и отсутствует Западно-аланское объединение. Отсюда становиться очевидным, что армянский географ термином Авсур (овси) обозначает именно Западно-аланское объединение Ас-Дигор пласта **А**.

В «Ашхарацуйце» хоны упомянуты дважды – в центральном районе Кавказа, среди племен бесспорно кавказского происхождения и на северо-западном берегу Каспийского моря, в Дагестане – «Хонское царство» («...Ի հիւսիսոյ նորա թագաւորութիւն Հոնաց հուպ ի ծով» «... К северу от него (Дербендские ворота – Г.Г.) у самого моря [находится] царство hонов» (Soucry, 1881, 27; «Ашхарацуйц», рук. № 582). Здесь следует обратить внимание на ту существенную деталь, что если во всех рукописях «Ашхарацуйца» название гуннского царства в Прикаспии передается в форме «hон» (հոն), то в отношении хонов Центрального Кавказа, в четырех древнейших рукописях, в том числе и в наиболее лучше сохранившемся – № 582, присутствует форма «хон» (իւոն). Данный факт не позволяет рассматривать сообщения «Ашхарацуйца» о хонах Центрального Кавказа и Прикаспия как результат наслоения в тексте источника сведений разных времен об одном и том же племени или отнести их к случайным повторениям. Это свидетельствует о том, что автору «Ашхарацуйца» на Кавказе были известны два этнически различных племени, которых он называет также разными именами – это хоны (Խոնք) на Центральном Кавказе и hоны (Հոնք) (hонское царство) на северо-западном берегу Каспийского моря.

Известно, что на Северо-западном Прикаспии в VI - VII века н.э., на местной, дагестанской этнокультурной основе, тюркоязычные гунны-савиры образовали гуннское царство Сувар. В арабских источниках это царство известно под названием Джидан, а в армянских, в данном случае в «Ашхарацуйце», как «hонское царство».

Что касается хонов центральной части Кавказа, то по «Ашхарацуйцу» они занимают территорию по обеим сторонам Главного Кавказа от Дарьяльского ущелья до Тушетии и Дагестана (хундзы). Историчность кавказских хонов в этих местах подтверждается сохранившемся до наших дней имени этого народа в топонимах и гидронимах на южной и на северной стороне Главного Кавказского хребта к востоку от Дарьяла: это местность Хоной на берегу реки Армхой, притока Терека, где проживала ингушская родоплеменная группа хоной (хон-ой); местность Хоне в верховьях реки Арагви, гора Хон и местность Хонис-чали в Хевсуретии, река Хон, так называют верховье реки Чанты-Аргун тушины (Kla-

proth, 1814, 47); Волкова, 1973, 65; Гумба, 1987_2). Хоны в этих местах засвидетельствованы также и в грузинском письменном источнике XIII века среди перечня племен вайнахского происхождения – хунаги («...кисты, хунаги, тушины...») (Гос. музей Грузии, л. 10-В -II (XIII в.) В названии хунаги (хун-(а)ги), компонент «ги» является вайнахским послелогом, указывающим на направление. Трудно сомневаться в том, что, как в армянском, так и в грузинском источниках, речь идет об одном и том же племени хон. Примечательно, что в грузинском источнике хоны названы между кистинами и тушинами, т.е. в тех местах, где присутствуют топонимы и гидронимы на хон, что совпадает с локализацией хонов «Ашхарацуйца». Таким образом, сведения письменных источников о хонах в центральных районах Кавказа, получают действительные подтверждения, как в сохранившейся топонимике в этих местах, так и в лице ингушской родоплеменной группы хонов.

По «Ашхарацуйцу» Цанария охватывает территорию всего Дарьяльского ущелья, начиная на юге от Цилканских ворот у населенного пункта Жинвали до ст. Верхний Ларс (Северная Осетия), на севере. В пределы Цанарии включены Аланские (Дарьяльские) и Цилканские ворота. Цилканские ворота, соответствующие южным Сарматским воротам Птолемея, находились в районе слияния Черной и Пшавской Арагви, недалеко от местности Жинвали и служила пограничной линией, разделявшей Азиатскую Сарматию с Картли (см. Гумба, 2004, 160-161). Здесь же, по ущелью Арагви – от Ананури до Жинвали, проживали цилканы (или циканы), упоминаемые здесь также и древнегрузинскими источниками («Обращение Грузии», 27). Территория расселения цилкан (цикан), в более ранние периоды, видимо, простиралась намного южнее, так как, древнегрузинским источникам в этих местах известны Цилканские горы, Цилканская дорога (Летопись Картли, 1982, 74-75). Сообщение автора «Ашхарацуйца» о нахождении обоих ворот - Дарьяльских (Аланские) и Целканских (Сарматские), в пределах Цанарии объясняется тем, что в данном отрывке источника отражено сложившееся политико-административное деление Восточного Закавказья в период господства здесь Сасанидского Ирана. В этот период Цанария была выделена в отдельную политико-административную единицу в составе кустака Кап-Кох (Кавказский край) Сасанидской империи, а на правителя Цанарии сасанидами была возложена охрана Главного Кавказского прохода – Дарьяльского ущелья (см. Мкртумян, 1983, 45-47; Гумба, 1987_2, 35)

Туши занимали территорию верховья Алазани и Иори, примыкая на северо-западе к хонам, а с юга они граничили с Албанией. Далее называются хундзы, которые проживали к востоку от тушин, на той стороне Главного Кавказа, в верховьях Аварского Койсу (Хундзахский район Дагестана).

Таким образом, в пласте **Б**, вновь мы видим описание всей центральной части Кавказа (южная и северная сторона Главного Кавказа) – от Приэльбрусья до Дагестана (Хундзах). Восточно-аланское объединение пласта **А**, выступает под именем Ардозы, а Западно-аланского объединение Аш-Тигоры пласт **А** – под названием Авсуры.

Затем, текст (пласт **В**) вновь возвращает нас на запад, и перечисляются племена с запада на восток, но уже от Дарьяльского ущелья до Дагестана: кусты, цхаваты, гудамакары, дурдзуки и далее опять дагестанские народы дидойнеры, леки и др.

Кусты, отождествляются правомерно с нахскими кистинами. В грузинских источниках так именуют жителей Армхинской (Джейрахавской) долины и река Армхи по грузинский носит название Кистинки. Термин «кистины» в грузинских

источниках часто имел собирательное смысл, употребляясь в обозначении всех чеченцев и ингушей (Шавхелишвили, 1963,39). Учитывая, что в данном абзаце названы дурдзуки (грузинское общее название чеченцев и ингушей), правомерным будет, наверное, предположить, что в «Ашхарацуйце» термин «кистины» употребляется в обозначении населения, проживавшее восточнее Дарьяльского ущелья до верховьев Хон-Аргуна (Чанты-Аргун). В данном случае термин «кустк» (кистины) покрывает территорию хевсур пласта **А** и часть территории хонов пласта **Б.**

Цховат «Ашхарацуйца» проявляет очевиднее сходство с названием местности Цхават (Цхавати древнегрузинских источников) недалеко от Чарталети в верховьях Черной Арагви. Хотя, учитывая, что в верховьях Арагви локализуются, называемые в этом пласте (**В**) гудамакары, не исключено отождествление Цхават «Ашхарацуйца» с местностью Цовата в Горной Тушетии, предложенное В.Б. Виноградовым и К.З. Чокаевым (1966, 77). Термином «дурдзук» в древнегрузинских источниках обозначается нахское население между Дагестаном (Дидоети) на востоке и ущельем р. Терек на западе. Однако под термином дурдзуки армянский географ называет, скорее всего, ту часть нахского населения, которая проживала к северо-востоку и востоку от кистинов до Андийского хребта. Далее уже называются дидойцы, размещаемые на восточной стороне Андийского хребта, в верховьях Андийского Койсу, а также их соседи леки (лаки) и другие дагестанские народы.[1]

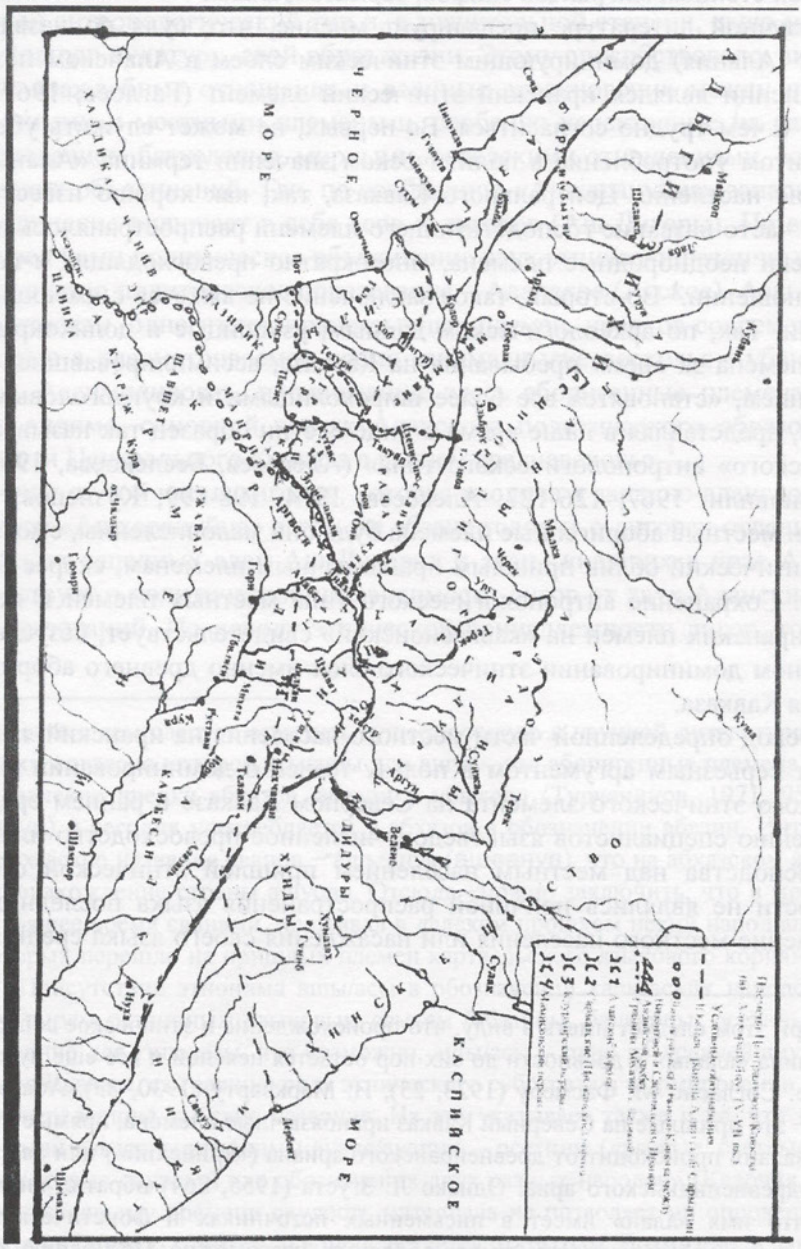
Итак, в описании Центрального Кавказа раннесредневекового периода (второй слой) в «Ашхарацуйце» налагаются три пласта, условно обозначенные нами – **А**, **Б** и **В**. Возможно, эти пласты отражают, не столько разные хронологические периоды, а сколько, являются результатом компиляции сведений разноязычных источников (письменные и устные). Об этом может свидетельствовать параллельное упоминание нескольких названий одного и того же народа. При этом следует подчеркнуть, что упоминания в «Ашхарацуйце» в районах Центрального Кавказа названий более двух десятков народов и племен, вовсе не является показателем их множественности и разноязычности, как это часто изображается в научной литературе. Это результат, как наложения трех пластов, так и отражения в источнике разных наименовании одних и тех же народов, которыми они были известны своим соседям.

«Ашхарацуйц» является единственным раннесредневековым источником, в котором впервые нашли свое отражение большая часть вышеперечисленных этнонимов. Ряд из них находят свое реальное подтверждение в современной этнонимике народов Кавказа. Однако этническое содержание этих названий, конечно, на протяжении полутора тысячелетия могло измениться. Если тот или иной этноним, сегодня употребляется для обозначения конкретного народа, то, это автоматически не может, конечно, служит аргументом того, что и в древнюю эпоху он обозначал именно этот этнос. Объяснения названия племени на том или ином языке еще, безусловно, также не всегда означает, принадлежность племени к носителем этого языка, ибо свое название она могло получить от соседнего, этнически не родственного населения. Для этнической идентификации упоминаемых в армянском источнике племен и народов в районах Центрального Кавказа, необходимо, несомненно, доказательства совокупных данных с привлечением широкого круга первоисточников. Поэтому предлагаемая в рамках данной рабо-

[1] В «Ашхарацуйце» упоминаются также похи, пасхи и пусхи – чеченские названия пшавов, проживавших в верховьях Арагви, но в источнике они перемещены в глубь Дагестана и перечислены среди дагестанских племен.

ты этническая идентификация дигоров, имеет лишь характер дополнения существующих в научной литературе предположений.

В «Ашхарацуйце» термин «алан» (пласт А) употребляется в собирательном смысле, в обозначении существовавших в раннем средневековье двух политических объединений племен Северного Кавказа: Западно-аланское («Аланы аштигор») и Восточно-аланское («Аланы в крае Ардоз»). В пласте Б для обозначение Восточно-аланского объединения племен употребляется термин Ардоз, а для Западно-аланского –



Авсур (опсы). Оба политических образования Северного Кавказа, известные в источниках под наименованием Алания, являлись гетерогенными, куда входили ираноязычные и аборигенные кавказские племена (Кузнецов, 2000, 176). Помимо узко-этнического, собирательный характер термина «Алан», включавшего в себя, как ираноязычных, так и аборигенных кавказских племен, принимается почти всеми исследователями. В то же время, выглядит довольно парадоксаль-

ным то, что при реконструкции этнополитической истории Алании, уделяется недостаточное внимание, а порой практически игнорируется роль и значение в ней собственно аборигенных племен Северного Кавказа. Исследователи ограничиваются, в основном, лишь констатацией факта присутствия здесь каких-то аборигенных племен. Как совершенно справедливо отмечает В.А. Кузнецов (2000, 175), «это свидетельствует о невнимании исследователей к аборигенно-субстратному пласту населения средневекового Кавказа в противовес увлечению историей степных мигрантов скифов, сарматов, алан».

В научной литературе превалирует мнение, что, судя по названию самой страны (Алания) доминирующим этническим слоем в Аланском политическом объединении являлся иранский этнический элемент (Гаглоев, 1967: Гаглойти, 1995), с чем трудно согласиться. Во-первых, не может служить убедительным аргументом употребление в политическом значении термина «Аланы» для обозначения населения Центрального Кавказа, так, как хорошо известно, что довольно часто название господствующего племени распространялось и на другие, этнически неоднородные племена, многократно превосходящих в количественном отношении.[1] Во-вторых, такое заключение не вяжется с имеющимися материалами. Так, по археологическим данным, узколицые и долихокранные иранские племена за время пребывания на Кавказе, ассимилировавшись с местным населением, «становятся все более широколицыми и круглоголовыми, в конце концов, представляя в наше время в лице осетин образец так называемого «кавкасионского» антропологического типа» (Алексеев, Беслекоева, 1963, 120; Абдушелишвили, 1967, 126-127; Алексеев, 1974, 198-199; Кузнецов, 1984, 147). Вряд ли местные аборигенные племена будь они малочисленны, смогли передать свой физический облик пришлым ираноязычным племенам, скорее было бы наоборот. Сохранение антропологического типа местных племен и переход пришлых иранских племен на «кавкасионский» свидетельствует, безусловно, о значительном доминировании этнического слоя именно древнего аборигенного населения Кавказа.

Переход определенной части местного населения на иранский язык также не служит серьезным аргументом в пользу тезиса о доминировании и господстве иранского этнического элемента на Северном Кавказе в раннем средневековье. По мнению специалистов языковедов, численное превосходство или установления господства над местным населением пришлой этнической общностью в древности не являлись причиной распространения языка последних, а полное вытеснение местного населения или насаждения своего языка среди завоеванно-

---

[1] При этом следует иметь в виду, что происхождение и этническое содержание самого термина «аланы» в древности до сих пор остается неясной и все еще нуждается в разработке. Согласно М. Фасмеру (1923, 25), И. Маркварту (1930, 83), Абаеву (1949, 47), аланы – это пришлые на Северный Кавказ ираноязычные племена, прямые предки осетин и имя «алан» происходит от древнеиранского ариана («арийский») или авестийского айриана, древнеиндийского ариа. Однако Л. Згуста (1955, 264) обратил внимание на тот факт, что имя «алан» имеет в письменных источниках и фонетический вариант – «алавн», который из иранских языков объяснить невозможно. По мнению Я.С. Вагапова (1990, 16-17) имя «алан» это нахское слово и состоит из нахского алие (али, алуо) – «река» и словообразовательного суффикса «н» и «обозначает жителей побережья реки или долины, низины. Сравните кистино-бацбийское названия долины реки Алазань – Олана, Ални, в последнем из которых гласный второго слога выпал». Следует также иметь в виду мнение известного специалиста востоковеда В.В. Струве о том, что термин «арии» восходит к названию неиндоевропейских хурритских народов.

го населения исторически не подтверждаются (Дьяконов, 1983, 5–10). Археологический материал как раз свидетельствует о весьма незначительной инфильтрации ираноязычных племен на Центральный Кавказ на рубеже нашей эры (Кузнецов, 1984, 11) и, надо полагать, что в I тыс. н. э. основная часть местного аборигенного населения Центрального Кавказа продолжала оставаться на своей территории, доминируя в количественном отношении. Однако, в процессе длительного и сложного совместного проживания, те или иные группы местного населения, особенно западной части Центрального Кавказа, перенимают иранский язык, сохранив свой антропологический тип и, в значительной степени, свою материальную и духовную культуру, свой образ жизни. Этому способствовало, видимо, то, что резко враждебные отношения и военные столкновения между пришлыми ираноязычными и местными племенами, особенно характерные на ранних этапах, чередовались, безусловно, мирными, соседскими отношениями, созданиями политических объединений. Так, по сообщению «Ашхарацуйца» западное Аланское объединение включает в себя асов и дигоров (Аш-Дигоры). По всей видимости, перед нами политическое объединение двух этнически различных племен, входящих в одно политическое образование – Аланское (Асское). Асы (ашы), по всей вероятности, одно из тех ираноязычных племен, предков современных осетин, которые в рассматриваемое время занимали уже верховья Кубани и Приэльбрусье. Ассимилировав, проживавшие здесь аборигенные племена, они составляли, видимо, основной костяк Аланского политического образования западной части Центрального Кавказа в раннем средневековье.[1]

В отличие от той части дигоров, которая входила в западно-аланское объединение, автор «Ашхарацуйца» в том же абзаце говорит о дигорах отдельно, четко отделяя их от западных алан Аш-Дигоров и алан, живущих в крае Ардоз. Это свидетельствует о политической независимости дигор от двух Аланских политических образований. По поводу этнической принадлежности дигор, то на осно-

---

[1] Вместе с тем следует отметить существующую в научной литературе и другую точку зрения, согласно которой асы/ашы или ашуа – это аборигенные племена Западного Кавказа, «далекие предки абхазов, абазин и убыхов» (Турчанинов, 1971, 95). Термин ашуа (ашәуа) и сегодня употребляется у абхазов в обозначении абазин. Интерес представляет абхазское название сванов – ашьеануа (ашәануа), что на абхазском языке означает «местонахождение страны ашуов». Отсюда «можно заключить, что в местах, занятых в настоящее время сванами, проживал в далеком прошлом некий народ ашьеуа», название которых перешло на пришлых племен картвельского языкового корня» (Кварчия, 1982, 49). Присутствие этнонима ашы/асы в обозначении кавказских народов, относящиеся к четырем различным языковым семьям (абазины, балкарцы, осетины и сваны) дает основание для гипотезы, что возможно, ашы/асы – одно из древнейших аборигенных народов Кавказа, сыгравшие роль этнического субстрата в формировании указанных народов и передавшие им свое название. На это указывает также и то, что «абхазам в прошлом были известны этнонимы ауапс/ауапшь – осетины («рыжые, светлые люди») и ас (ас-уа), которые служили для обозначения двух разных народов» (Кварчия, 1982, 49). Однако, к настоящему времени скудость материала не позволяет ни опровергнуть и ни подтвердить указанную гипотезу и вопрос остается открытым. Возможно, в ранние эпохи этот термин употреблялся в географическом значении. Употребления осетинами термина асы в обозначении балкарцев свидетельствует о том, что он не являлся самоназванием ираноязычных племен, предков современных осетин. Но применительно к отражаемому в «Ашхарацуйце» времени (V-VII вв.), термин «авсур» (ауапс-опси-овси) употребляется, по всей видимости, именно в обозначении ираноязычных племен, вошедших позднее составной частью в сформировавшийся осетинский народ.

вании имеющегося материала весьма затруднительно относит их к ираноязычным, по-видимому, первоначально они являлись аборигенными кавказскими племенами. Этническое различие асов и дигоров в ранние периоды косвенно может указывать и тот факт, что тюркоязычные карачаевцы и балкарцы называют современных осетин дигор, в то время как осетины, в свою очередь, балкарцев асы.

В.И. Абаева (1949, 79) пишет, что «племенные самоназвания различных ветвей осетинского народа: ir, digor, tual и др. не могут быть объяснены из иранского. Они восходят, по-видимому, к этническим самоназваниям до–осетинского населения, удержавшимся и после иранизации» и далее отмечает, что эти были «народы и языки, которые бытовали на территории Осетии до иранизации и послужили субстратом при образовании кавказского осетинского народа». «Весьма вероятно, – пишет он, – что корень «диг» тождествен «дэг» в а-дэг-е – черкесы. В этом случае -ур/-ор могло быть показателем множественности» (Абаев, 1958, 380). Предположение В.И. Абаева об адыгском происхождении этнонима «дигор» является, по мнению В.А. Кузнецова (1962, 72-73), «лишним подтверждением правильности определения основного населения верховьев Кубани как меото-адыгского». То, что население верховьев Кубани принадлежало адыгскому этническому миру, вряд ли подлежит сомнению, но их связь с дигорами «Ашхарацуйца» довольно проблематична. В верховьях Кубани дигоры не засвидетельствованы никакими источниками. По «Ашхарацуйцу» в этих местах вплоть до современной Балкарии включительно размещаются асы (не случайно название асы сохранилось в обозначении балкарцев), а на востоке от асов – дигоры. Западная часть Дигории входила в состав Аланского объединения Аш-Дигор, а основная, самостоятельная Дигория на востоке в долине Терека граничила с аланами, проживавшими в стране Ардоз. Кроме созвучия терминов, хотя весьма привлекательного, у нас нет каких-либо других доказательств о проживании адыгских племен в бассейне левобережья Терека в рассматриваемую эпоху.

Следуя традиции сопоставления северокавказских этнонимов преимущественно с иранскими и поиска их этимологии на базе иранских языков, в литературе были предприняты также не совсем удачные попытки связать кавказское «дигор» с восточноиранским племенным названием «тохар», упоминаемое в Средней Азии (Гаглоев, 1966, 188; Керефов, 1988, 136-138).[1] Однако, при этом, почему-то упускается из виду лежащие на поверхности прямые параллели этнонима «дигор» с этнотопонимами Армянского нагорья. Если и искать параллели этнонима дигор за пределами Центрального Кавказа, то более предпочтительным представляется сопоставление его с названием местности Дигор, расположенной на юго-востоке от Карса и северо-востоке от Кыгызмана и протекающей здесь реки Дигор, правого притока р. Ахурян, упоминаемые еще древнеармянскими источниками. Правомерность сопоставления названия Дигор Армянского нагорья с северокавказским дигор, становиться более вероятной, если вспомнить, что большинства северокавказских этнонимов, особенно нахские, находят свои параллели в этнотопонимике Передней и Малой Азии. Обращает на себя внимание то, что сохраненные до настоящего времени местность и река под названиям «Дигор» находятся на северо-западе исторической Армении, т. е. там, где в древности наиболее всего была развита металлургия. Именно в треугольнике: Эрзерум – Гюмри (быв. Ленинакан) – верховье Чороха и прилегающих районах, по

[1] В.И. Кузнецов (1984, 168) восточноиранский этноним тохар связывает с кавказскими такуйрами (тагаурами).

мнению ученых (Б.А. Куфтин, Г.К. Мартиросян, Д.Л. Коридзе, Т.К. Микеладзе, и др.) протекал первоначальный процесс формирования одного из ведущих предметов колхидской и кобанской культур – топора. В этой связи выглядит весьма примечательным, что название «дигор» на нахских языках означает «топор». Указывая на разнообразные каменные и бронзовые топоры, имевшие широкое распространение на территории Кобанской археологической культуры, в том числе и Дигории, В.Б. Виноградов (1972, 306) отмечает, что этническое имя «дигор» и название «Дигория» (где «дигь» – «топор», «р» – показатель мн. ч.) сродни тем топо- и этнонимам, что часто возникали, базируясь на производственном признаке или какой-либо иной характерной черте местной культуры (ср.: зирехгеран – кольчужники, пхъарчой – стрелки-лучники... и т.д.). Все это делает наиболее обоснованным мнение В.Б. Виноградова (1972, 306-307) о нахской принадлежности древних дигоров.

По всей видимости, именно принадлежностью древних дигоров нахским племенам объясняется и феномен схождения чеченского языка с дигорским диалектом современного осетинского языка, минуя при этом ингушский язык и иронский диалект осетинского. «Эти схождения отражают более древнюю картину расселения племен, не засвидетельствованную историей» (Абаев, 1959, 89).[1]

Археологический и языковый материал выявляют две волны миграции иранских племен на Северный Кавказ: «дигорский» и «иронский», причем вторая «иронская» волна вклинилась и отделила дигорский от чечено-ингушских языков (Абаев, 1959, 115). Первое появление ираноязычных племен на Северном Кавказе относят к середине I тыс. до н. э. и связывают это со скифо-сарматами, которые частично осели в западной части Центрального Кавказа (Абрамова, 1993,201; Кузнецов, 2000, 178). Этот период связан с формированием дигорского диалекта осетинского языка, в котором выявляется более архаичный (скифский) языковый материал. Подтверждением этому служит также и то, что в западной части Центрального Кавказа, где, согласно «Ашхарацуйцу» локализуются дигоры, в иранском пласте топонимики обнаруживаются именно дигорские звуковые формы (Миллер, 1887, 7-10; Zgusta, 1955, 254).

Формирование «иронского» диалекта осетинского языка связано с передвижением второй волны кочевых иранских племен уже в Притеречные районы Центрального Кавказа в II–III вв. н. э. (Абаев, 1959, 115; Абрамова, 1993, 201; Кузнецов, 2000, 178). Причем вторжения иранских племен во II-III вв. на первых порах привело к вытеснению определенной части оседлого нахского населения верхнего Терека в горы и плотным заселением аланами восточного Притеречья (Абрамова, 1993, 201; Кузнецов, 2000, 178). Таким образом, вторая волна иранских племен, продвинувшись в район ущелья Терека, вклинилась между нахскими племенами Центрального Кавказа и отделила дигорцев от остальной части нахского этноса. В результате чего, нахские дигоры, проживавшие к западу от

[1] Попытка объяснения феномена прямых схождений дигорского диалекта осетинского языка с чеченским, тесным контактом аланского населения (дигорцев) с древневайнахскими племенами кистов и дурдзуков на предгорной равнине к востоку от верхнего течения Терека (Кузнецов, 2000, 178), вряд ли приемлемо. Во-первых, о проживании дигоров на правобережье верхнего Терека когда-либо нет абсолютно никаких данных, а перемещение их («ас-дигоров) на восток от верхнего течения Терека вызвано, как было отмечено выше, ошибочной интерпретацией сведений «Ашхарацуйца». Во-вторых, нахский язык является субстратным для осетинского, выраженного еще антропологически и этнографически, что не могло быть следствием простых соседских этнокультурных контактов (Абаев, 1977, 51).

верхнего Терека, оказались изолированными от основной части своего этноса. Очутившись в окружении ираноязычных племен преимущественно первой волны (скифо-сарматской), дигоры постепенно смешиваются с ними и переходят на иранский язык, став, таким образом, языковой, антропологической, этнографической, всем обликом своей материальной и духовной культурой, той этнической субстратной основой, на которой позже сформировалось дигорское подразделение осетинского народа.

Что касается восточного Притеречья, то здесь на протяжении длительного времени происходили сложные этнополитические процессы, связанные с ожесточенными войнами нахских племен с целью вытеснения со своих земель, проникших сюда ираноязычных племен. Эти столкновения, проходившие с переменными успехами, чередовались, безусловно, длительными мирными периодами, которые характеризовались усилением и углублением этнокультурных взаимосвязей и взаимопроникновения. В эти места проникали уже не только ираноязычные, но и новые горские нахские племена, говорившие на различных диалектах нахского языка. Это новое нахское население частично ассимилирует, проживавшее здесь аланские племена. Происходит также и обратный процесс – слияние отдельных нахских племен с аланами и формирование иронского подразделения осетинского народа. Отсюда становиться понятным причины прямых схождений дигорского диалекта осетинского языка с чеченским, минуя при этом иронский и ингушский.

Однако, для рассматриваемого нами раннесредневекового периода, судя по всему, дигоры еще сохраняли свою этническую самобытность и обособленность от ираноязычных племен. Правда, употребление армянским автором термина «Аш-Тигор» («Асская Дигория»), свидетельствует, видимо, не только о том, что западная часть дигорцев входила в состав Аланского (Асского) политическом образования, но и о двуязычии дигоров, т.е. наличие к тому времени процесса ассимиляции асами дигоров и постепенный переход последних на иранский язык. Позднее, по мере усиления Западно-аланского объединения иранский элемент распространяется уже на горные районы, наслаиваясь на нахский субстрат, в результате чего происходит иранизация остальной части населения к западу от верховья р. Терека, которое до этого говорило на нахских языках. Как известно, для своего полнокровного жизнеобеспечения и развития горскому населению необходимо владение предгорными степями и равнинами. Поэтому при утрате контроля над предгорными зонами, горцы часто попадали в зависимость от тех, кто владел предгорными районами. Занимая на протяжении длительного времени предгорную зону и контролируя выходы из ущелья, Аланское (Ас-Дигорское) объединение постепенно, по мере своего усиления, распространяло свое политическое господство на все горское население. При этом термины аланы и асы, уапс, опсы//овсы, естественно, приобретают в иноземной среде более широкое значение и употребляются также для обозначения политически зависимого горского населения. Однако такое политическое положение нельзя, конечно, рассматривать как неизменное. Да и само это Аланское политическое образование в тот период не являлось, конечно, монолитным государственным образованием, а объединением этнических различных, в основном, видимо, ираноязычных и нахских племен. На западе Аланская Конфедерация охватывала, скорее всего, также проживавшее в верховьях Кубани адыгское население и, возможно, оттесненные к тому времени в предгорья Северо-Западного Кавказа, тюркские элементы. Отдельные горские племенные группы в те или иные периоды выходили из политической зависимости Аланского объединения, становясь самостоятельными

со своими правителями, но сохраняя, при этом, в иноязычной среде общее название аланы или асы (уапс, опсы). Именно такое политическое положение, когда в X в., проживавшие к западу от верховья Терека отдельные племенные группы горского населения со своими правителями («Архонты Азии») являлись самостоятельными от Аланской конфедерации Северного Кавказа, нашло отражение, скорее всего, в вышеприведенном сведении «Книги церемоний» К. Багрянородного.

Источники и литература.

1. Абаев, 1949. I –Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. М. - Л.
2. Абаев, 1958 –Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М - Л. Т. I
3. Абаев, 1959 – Абаев В.И. Осетино-вайнахские лексические параллели. Известия ЧИНИИ, т. 1, вып. 2, Грозный.
4. Абаев, 1977 – Абаев В.И. Armeno-ossetica. Типологические встречи. Конференция по вопросам взаимоотношения и развития языков Закавказья. Ереван.
5. Абдушелишвили, 1967 – Абдушелишвили М.Г. Генезис горно-кавказских групп в свете данных антропологии. – В кн.: «Происхождения осетинского народа». Орджоникидзе.
6. Абраамян, 1944 – Абраамян А. Научные труды армянского ученого VII века Анания Ширакаци. Ереван (на арм. языке).
7. Абрамова, 1993 – Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. - IV вв. н. э.). М.
8. Анчабадзе, 1959 – Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. Тбилиси
9. Алексеев, Беслекоева, 1963 – Алексеев В.П., Беслекоева К.Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии. – В кн.: «Средневековые памятники Северной Осетии. МИА СССР, № 114.
10. Алексеев, 1974 – Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. (Краниологическое исследование). М.
11. Ашхарацуйц – Матенадаран, Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца, Ереван, рукописи за №№ 582, 696, 1898, 1717, 3691, 1459, 2019, 1883, 3691, 4284, 1518, 1486,1287.
12. Бриллиантов, 1917 – Бриллиантов А.. О месте кончины и погребения св. Максим Исповедника. «Христианский Восток», т. VI)
13. Вагапов, 1990 – Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы. Грозный.
14. Волкова, 1973 – Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.
15. Виноградов, Чокаев, 1966 – Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. Известия ЧИНИИ, т. 7, вып. 1. Грозный
16. Виноградов, 1972 – Виноградов В.Б. Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный.
17. Гаглоев, 1966 – Гаглоев Ю.С. Сведения «Армянской географии» VII в. об аланах. Известия СОНИИ. т. 25, Орджоникидзе
18. Гаглойти, 1967 – Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси.

19. Гаглойти, 1995 – Гаглойти Ю.С. Проблемы этнической истории южных осетин. Цхинвал.
20. Гадло, 1979 – Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа (IV-X вв.) Л.
21. Гамрекели, 1961 – Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I-V вв. н. э. Тбилиси.
22. Гумба, 1987_1 – Гумба Г.Д. Об этнониме «нахчаматеанк» «Армянской географии» VII века. – В кн. «История и филология древнего и средневекового Востока». М.
23. Гумба, 1987_2 – Гумба Г.Д. Цанары по «Ашхарацуйцу». Тезисы докладов XXI научной сессии Института истории АН Армянской ССР. Ереван (на арм. яз.).
24. Гумба, 2004 – Гумба Г.Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли (Иберия). – В кн. «Кавказ: история, культура, традиции, языки». По материалам Международной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28-31 мая 2001 г. Сухум.
25. Дьяконов, 1983 – Дьяконов И.М. Типы этнических передвижении в ранней древности. – В кн. «Древний Восток». выпуск 4, Ереван, с. 5-23.
26. Еремян, 1970 – Еремян С.Т. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии VII века». – В кн. «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук». Москва (3 - 10 авг. 1964). М. Т. 8, с. 400-409.
27. Еремян, 1973 – Еремян С.Т. Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца». ИФЖ, № 3, с.. (на арм. яз.).
28. Еремян, 1979 – Великая Армения и сопредельные страны (карта). Ереван.
29. Инал-ипа, 1977 – Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора. Сухум.
30. Кварчия, 1982 – Кварчия В.Е. Об абхазских этнонимах ауаps «осетин», asoaneua «сван». – В кн. «Вопросы кавказской филологии и истории». Нальчик.
31. Керефов, 1988 – Керефов Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик.
32. Кузнецов, 1962 – Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. МИА СССР, № 106.
33. Кузнецов, 1984 – Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе.
34. Кузнецов, 2000 – В.А. Кузнецов. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации). – В кн. «Древности Северного Кавказа». М.
35. Летопись Картли, 1982 – Летопись Картли . Тбилиси.
36. Мкртумян, 1983 – Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII-XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван.
37. Меликишвили, 1959 – Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси.
38. Минорский, 1963 – Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М.
39. Миллер, 1887 – Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. 3. М.
40. Обращение Грузии – Обращение Грузии. (Перевод с древнегрузинского Е.С. Такайшвили. Редакционная обработка, исследование и комментарии М.С. Чхартишвили). Тбилиси, 1989.

41. Патканов, 1877 – Патканов К.П. Моисей Хоренский. Армянская география VII в. по Р.Х. Спб.
42. Патканов, 1883 – Патканов К.П. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, 1883, ч. 226, март, с. 21-32.
43. Прокопий Кесарийский, 1996 – Прокопий Кесарийский. Война с готами. М.
44. Турчанинов, 1971 – Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.
45. Цагаева, 1975 – Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. 2.Орджоникидзе,
46. Цукерман, 2005 – К. Цукерман. Аланы и Ąсы в раннем средневековье. КСИА, вып. 218.
47. Шавхелишвили, 1963 – Шавхелишвили И.А. Из истории взаимоотношении между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный.
48. Шавхелишвили, 1983 – Шавхелишвили И.А. Из истории горцев Восточной Грузии. Тбилиси.
49. Ширакаци, 1979 – Анания Ширакаци. Избранные труды. Ереван (на арм. яз.)
50. Клапрот, 1814 – Klaproth J. Beschreibung des ostliechen Kaukasus zwischen den Flussen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. «Bibliothek der neusten und wichtigsten Reise beschreibungen». Bd 50, Weimar.
51. Маркварт, 1901 – Marquart J. Eransahr nach der Geographie des Ps Moses Horenaci. Berlin.
52. Маркварт, 1930 – Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzuge. Leipzig.
53. Хьюссен, 1992 – Hewsen The Geography of Ananias of Sirak (Asxaracoiz). The Long and the Short Recensions. Introduction, Translation and Commentary by Robert H.Hewsen. Wiesbaden.
54. Soucry, 1881 – Arsene Soucry, Geographie de Moise de Corene d' apres Ptolemee. Texte armenien, traduit en francais par le Arsene Soucry, Vinesie.
55. Згуста, 1955 – Zgusta L. Die Personennamen griechischer Stadte der Nordlichen Schwarzmeerkuste. Praha.
56. Фасмер, 1923 – Vasmer M. Untersuchungen uber die altesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Sudrussland. Leipzig.

Аргәын И.Гә.

АДИАСПОРА «АҨСУАРА» ЕИҚӘНАРХОИТ

Иахьа Ҭырқәтәыла инхо аҩсуаа, еиҳаракгьы аиҳабацәа рабиҩарахь иаҵанакуа рзы, милаҭтә идеиа хадас ирымоу ахеиқәырхароуп. Уи аганахьала Аҩсны инхо аҩсуааи дареи еиҳа еизааигәоуп, еилибакааueит. Сара сзыҷцәажәахьоу аиҳабацәа Хьециа Неҵьааҭи (82ш.), Адарымба Енвер (70ш.), Арзнба Кадыр (73ш.), Арзнба Ҵьамалеҭҭин (74ш.) - арҭ ҿтампылтәқәоуп; Агрба Иаавер (81ш.), Амчба Сервер (63ш.), Быҭәба Фаат (70ш.) арҭ ҵабалаа ирeиуоуп; Чкотуа Ифрар (70ш.), Бганба Ҵьенгиз (77ш.), Арыдба Мыстафа (90ш.), - адаҩазартәқәоуп (абарҭ рахьтә азәырҿы рыдунеи рыҩсаххьеит, ҵьанаҭ гыларҭас ироуааит!) Урҭ шахәаҩшуала, аҩсуаа рдоуҳатә, рбызшәатә, иааидкыланы ркультуратә хеиқәырхара алыршара зыбзоуроу Аҩсуара аныҟәгароуп. Насгьы Аҩсуара аныҟәгара залыршахом аҩсуа бызшәа узымдыркәаны. Аҩсуара аныҟәгара, ишазгәарҭо ала, аматәа шкәакәа аныҟәгара еиҩшуп: аматәа шкәакәа ауаҿы дарҩшзоит, ицәа ианаалоит, аха ирласны иҟьашьуеит, зегьы ирызныҟәгом.

Аҩсуара иахәаҩшуеит даҽа ганкахьалагьы: аҩсуара аныҟәгара аҳаракырахь ахалара иадыркылоит, уи ахалара аҵьабаа шацу зегьы еилыркааueит, Аҩсуара аныҟәгара иацәаашьо аладара уҵаланы ацара иадыркылоит, избанзар аладараҽы укаҳаргьы убылгьаны ҵаҟа улбааueит. Аашьа аҩсуара изныҟәгазом. Аиҳабацәа зегьы хьаас ирымоуп Ҭырқәтәыла инхо азәырҿы рыҧҳацәа атәымуаа иахьрырҭо, избанзар, ишдыру еиҩш, атәым ҭаацәара ирыланагалаз Аҩсуара аныҟәгара лҭаххазом. Уимоу, Ҭырқәтәыла инхо аҩсуа ҧҳәыс – ан лхәыцшьа ҳәа иазгәарҭо абас иҟоуп: аҩсуа ҧҳәыс – ан лыҧҳа аҭырқәа дилҭар лҭахыуп, избанзар Аҩсуара аныҟәгара лыҟәшәазом, аха ҭацас аҩсуа ҭыҧҳа, Аҩсуара ныҟәызго дылҭахуп, избанзар аҩсуа ҭаца ланхәа ҳаҭыр лыҟәылҵоит, лымаҵ луеит аҩсуаҵас. Ас еиҩш ахәыцра ҵьашьатәуп, аха аҩсҭазаара ус иҟоуп.

Уимоу Аҩснынтәи дҭацаны Ҿтампыл инанагаз аҩсуа ҭыҧҳа, мышкы зны Аҩсныҟа ахынҳәра гәҭакыс иҟаҵаны, лыхшара аҩсышәала драцәажәо дахьалагаз, ланхәа дылҽагылеит: ара аҩсшәа мҿасзом, ахәыҷкәа ҭырқәшәала брацәажәала ҳәа. Аҩснытәи Ҭырқәтәылаҟа ихҵәаны инанагаз аҩсуа ҭаацәарак ахьҭысҵааз еилыскааз абас иҟоуп: амҳаҵьырра иахҟьаны уахь инеиз Ҭырқәтәыла шырыхьчоз иҭахеит хә – ҿык ахацәа, 20 –ҿык аҭыҧҳацәа хаҵа ицаз рахьтә азәзаҵәык лоуп аҩсуа ицҵаз, егьырҭ атәымуаа иргеит, урҭ рахьтә ан лбызшәа здыруа азәзаҵәыкгьы дыҟам.(?)

Иааидкыланы Ҭырқәтәыла инхо аҩсуаа Аҩсуара ишазыҟоу ҳарҳәоит дара рыҿнуҵҟа иҽиҵаз, рхала иаҧырҵаз ажәаҧҟақәа: Аҩсуара злоу аҩышәара игхом; Аҩсуа дызмырзуа (деиқәзырхо) иаҩсуара аныҟәгароуп; Аҩсуа иаҩсуара ахьмызуа Аҩсны заҵәык ауп; Аҩсуа иҩсырҭа иламыс ауп; Аҩсуа дыҟәнушьар уҟәныршьартә уҟаиҵоит; Ауаҿра иацназго мал ыҟазам; Аҩсуа ичеиҵьыка уаҿ дзахыҩауам; Збызшәа зырзыз ҩсроуп изыҩшу; Ҳабацәа ражәаҧҟа мҿарбагоуп; Аидгылашьа здырыз аиааира рзыҩшуп; Аҩсуа уҳареикуеит дахьҳаракыу азы; Аҩсуаа анааларагьы аинраалараг҃ы рымоуп; Дырра змоу, ауаҿрагьы имоуп. (Шәахәаҩш Ҭырқәтәыла инхо аҩсуаа ражәаҧҟақәа. Аизгацәеи аиқәыршәацәеи: О. Шамба, Б. Гәыргәлиа, А. Мыкәба. Аҟәа, 2003ш.).

Абарҭ аԥсуа диаспораҿ иҿиаз ажәаԥкаҟәа гәыцәс ирымоу Аԥсуароуп. Аԥсуара злеибаркыугьы – уаѡрылоуп, ламыслоуп, хышьҭыхралоуп, чеиҵьыкалоуп. Насгьы, Аԥсуара аиҟәырхара ахьзалшо аԥсадгьыл – Аԥсны ауп ҳәа иахәаԥшуеит. Сзыҿцәажәоз «Аԥсуара маҭәахәрас иалоузеи?» ҳәа санразҵаалак, еиҵәакны ирҳәоз убри акәын: Аԥсуара аныҟәгара уадаѡуп, аха аныҟәгара зылшо дҳаранакуеит, ҳара аԥсуаа ҳаԥсуара анаҳҵәыз, ара ҳазлоу ирласны ҳрылазҭуеит, хаҿра змам уааны ҳҟалоит, шәара аԥснаа шәҳаҵымхраар, шәнапы ҳашәмыркыр ҳазлоу ҳрылазыҭуеит, урҭ хыԥхьазарала ирацәоуп, дара рахь иианаго иалагеит ҳҿар. Ақыҭаҟәа рыҟны ҳара ҳамала ҳанеиланхоз ҳаԥсшәаҕьы ҳаԥсуарагьы еиҟәырханы иҳаман, ақалақьҟәа рахь ҳаниас ҳҿар рбызшәала изымцәажәо, Аԥсуара закәу рзымдыруа иҟәхеит… Аԥсуара аныҟәгара аԥсуаа жәларык, милаҭк аҳасабала ҳаиҟәхара алнаршоит ҳәа иахәаԥшуеит.

Аԥсуара аныҟәгара иадҳәалоу, ииазырԥшуа ажәабжьҟәа жәпакы анысҵахьеит Ҭырҟәтәылаҟа сныҟәарақәа раан. Абар ҿырԥштәқәакгьы: Гәыԥѡык мѡакы ианыланы ишцоз, рыҟәхәло ианалага,сасра аԥшәымак иҟны имѡахыҵит. Изызнеиз аԥшәмагьы ирҟазшьоу еиликаарц «шәа шәыҟәлацәагьы лассы иааиуеит, сара сындәылымҵыр ҟалом» - иҳәан, ауадаҿы иааныжьны, дындәылҵын, акылҵәара ахьамаз аҟнытә дкылԥшны дрыхәаԥшуа далагеит. Аԥшәма дандәылҵ асасцәа «ҳхала ҳаанхеит» рҳәан еиҟарауааха, аиҳабы аҵыхәахь дцеит, аиҵбы – ахахьы дцеит, еилаѡынтит. Ус аԥшәма иҵкәынцәагьы ааит, ишырҭахымызгьы ашьтәа диршьит. Аԥшәма иишьыз ашьтәа абаѡқәеи акәаци ааилихын, абаѡқәа зны инаган исасцәа инарымҵеиҵеит. Асасцәагьы ари хьымзҭыршьан «ҳара ҳлақәоума абаѡқәа ҳамҵаҵаны»- рҳәеит. Иаргьы аҭакс «аиҳабыра аиҵбыра ззымдыруа алақәа роуп» - иҳәеит. Асасцәагьы ныҟәлан ицан, ақыҭа аиҳабыра ирарҳәеит изыниаз.Уаҟа амѡасцәа еилыркааит аԥшәма ас зыҟаиҵаз, рхы шныҟәыргашазгьы рарҳәеит.

Агәыԥ еиҭах инеит сасра, ишрарҳәаз еиԥш, ҳаҭырҟәҵарыла рхы мѡаԥыргеит. Аԥшәмагьы ишахәҭаз еиԥш, ашьтәа шьны, ауаа рыдгаланы идикылеит. Аха асасцәа ирымҵаз рымфеит: «Ҳара ҳзааз ажьы зҟәымыз абаѡ ажьы ақәахҵарц азоуп» - рҳәан иѡагыланы ицеит.

Ари ажәабжь саб ианшьа Аргәын Ҳашьым иҳәамҭаны исаҳаит, иахьыҟалазгьы Аԥсноуп, - иажәа хиркушеит сзацәажәоз Амҷба Сервер, Ст̆ампыл ҳаиҟәшәаны ҳанеиҵәажәоз. Нас ажәабжьеиҭаҳәаѡ иеиҭеиҳәаз ажәабжь абасгьы нахыиҳәааит: Аԥсуа ҵасҟәа даара иразоуп, ицаҕоуп, насгьы Аԥсуара ныҟәызго аԥсшәоуп, аԥсуа Аԥсуара – аиҳабы – аиҵыбра ныҟәзымго ҳаҭыр иҟәым. Ажәытәан аиҳабы еиҵбыда дныҟәомызт, дзыхьчаша, ишькыл зкыша дицзар акәын.

Даеакгьы. Ѡыцьа ахацәа ргәы ааизынхан (аамысҭеи анхаѡи), аамысҭа анхаѡы дишьит. Анхаѡы ишьа зушаз иашьа димамызт аҟнытә ус ииаанханы иҟан. Анхаѡы иаҳәашьа лақмарны илҳәон: «Сашьа дышьны, уԥаҵа уалаччо, уҵьыҟәреи уалатәоуп» - ҳәа. Ари аԥҳәыс илҳәоз заҳаз, аамысҭа иҿы зшьа зурц иашьҭаз даеазәы, амѡасѡы, даацәырҵын аԥҳәыс илеиҳәеит зызбахә лымоу иҟны ишьа иурц дшашьҭоу, дагьлазҵааит иабеитәарҭоу, дабаҟоу? – ҳәа. Аԥҳәыс илҳәеит ааигәа амхы лаҵаны ишимоу, уи шиихьчо, уа дшыԥхьо.

Ари аамысҭа аҭацәа шимоу идыруан аҟнытә, иқьала аѡнуҵҟа кдык нышьҭаҵаны, иуапа нақәыршәны, хҭарԥакгьы нахаҵаны, иара зымѡа дтәаны иеиҵәахит. Ашьауѡы данааи, ақьала дныҵалан, «уааԥшы, угыл»

ҳәа акды днагәҭасит. Уи аамҭазы ашьауҩы ишьҭахьала аамысҭа даацәырҵын, иабҵьар ихы инадкыланы дааҭгылеит. Убри аамҭазы, ашьауҩы дааҭызы – ҭызын, ус иҳәеит: «Абаакәа сушьуазаргьы амца сакәжьны сумблын, сыбаҩ сҭаҳцәа ирмоуа иҟаумҵан». Аамысҭагьы: «Уара сара смыреыхакәан усмеихсит, сумшьит, убри аҟнытә сара уара усшьуам», - иҳәан, еинаалеит, уи ашьҭахь ачара рзибауит, еишьцәахеит.

Абасҟәа ҟанаҵоит Аҧсуара – ҳәа иажәа хиркәшеит 55ш. ирҭагылоу, Адаҧазар инхо Амҷба Зекьи. Излеиҳәаз ала, ари ажәабжь иаҳаит Аргәын Феҳми иҟнытәи, Аҧснытәи ииаз акоуп. Араҟа иазгәаҭатәуп, анхаҩгьы аамысҭагьы аамысҭашәала рхы мҩаҧыргеит Аҧсуара аилкаара иқәныҟәаны.

Аҧсуарала амилаҭтә хаҟра аиқәырхара иазхәыцуеит Ҭырқәтәыла аҳәынҵқарра аҩнуцҟа еиҷкаау ауаажәларратә хеидкылагьы. Убас лаҵарамза анҵәамҭазы 2003 шыҟәсазы аҧсуааи адыгааи рдернеқьқәа-рхеилак, Каф-Дер ҳәа изышьҭоу, еиҷнакааит Адунеижәларбжьаратәи аконференциа. Аконференциа мҩаҧысуан Ҭырқәтәыла аҳҵны қалаҳ – Анкара. Кавказнтәи уахь инаҧхьан аҵарауаа: апрофессор Барасби Бгажноков (Нальчик), абаза ҵарауаҩ – аетнограф Миша Ҳаиҵыхә, ачеркес фольклорист Али Черкесов, аҵарауаҩ Асвер Куек (Маиҟәаҧ), аҧсуа етнограф - Иура Аргәын (Аҟәа). Аконференциа иалахәын Ҭырқәтәыла арегионқәа рыҟнытәи адернеқьқәа аҧсуааи – адыгааи еиҷкааны ирымоу русзуҩцәа, аҵас – қьабызқәа бзианы издыруа ахаҵәа хатәрақәа, абыргцәа. Аконференциа азкын ари атәылаҷы изызҳауа аҧсуа-адыга ҷар рзы аҵас – ақьабызқәа злардырша ацхыраагза аҧҵара.

Аконференциа аиҷкаашьагьы ҷыдарақәак аман: ажәахә ҟазҵоз акафедра дадгыланы дцәажәон, иарҭьарахь ала аконференциа мҩаҧызгоз анапхгареи асасцәеи тәан, армарахь ала аҧсуааи адыгааи рҵасҟәа бзианы издыруа «аекспертцәа» тәан. Ажәахә ҟазҵоз дцәажәаны даналгалакь, иагу иабзоу азгәаҭаразы аекспертцәа ажәа рырҭон, урҭ ииаркьаҷәнгьы иахцәажәон. Аҧсышәала, абаза бызшәала, адыгеиа бызшәала, аҟабарда бызшәала ицәажәоз ирҳәоз аҭырқәшәахь еиҭаганы, урҭ абызшәақәа ззымдыруаз ирархәон.

Аконференциа излазбыз ала, Кавказынтәи инеины иҟаз аҵарауаа ирыдҵан дасу рбызшәақәа рыла иаҧырҵарц зышәага ҭбаам, аҧсуааи адыгааи рҷар Ҭырқәтәыла инхо рзы, атрадициатә ҵасҟәа злардырша, излеилыркааша, изларҵаша ашәҟәқәа – ацхыраагзақәа роригиналқәеи аҭырқәшәахь реиҭагақәеи неиваргыланы, хаз шәҟәны рҭыжьра азҧхьагәанаҭеит зызбахә ҳамоу аконференциа. Убасалагьы аҧсуа – адыга ҷар рыжәлар рҵас – қьабызқәа рдыруа, иныҟәырго, ирыҷәныҟәо, нас убри алагьы амилаҭ хаҟра рҵәымзра алыршахап ҳәа агәыҭра рнаҭеит ари аконференциа иалахәыз.

Кавказтәи аконференциа иалахәыз аҵарауаа рыдҵақәа рынагзара иаҷуп, аха асеиҧш иҟоу аус ииаинырсланы аиқәыршәара мариам. Раҧхьа, иаҳҳәозар, Аҧсура иазку амтериалқәа еидкылатәуп, еилыҧшаатәуп, нас цхыраагзаны авариант аныҟаҵахалак, аус атәы здыруа арҧхьатәуп, иагу – иабзоу азгәаҭатәуп, нас ауп амҩа аназылхтәу.

Ишаабо еиҧш, адиаспора аҟынгьы (аҧсуааи адыгааи) ҷар зеиуоу рыжәлар рҵас-қьабызқәа, ртрадициақәа, ирейҭьу рхымҩаҧгашьақәа рыла рмилаҭтә хеиқәырхара иазхәыцуеит, уи апроблема ара аҭоурыхтә ҧсадгьыл аҟынгьы актуалра злоу акәны иҟагәышьоуп. Апроблема

азбаразы иатахыуп ҳәоуеиқәшәарала, еилибакаарала, еицхыраарала, аусеицура, аҭибагара.

Жәларык, етноск аҳасабала ахеиқәырхара, иахьазы ихадоу милаҭтә идеианы ҳәаҧхьа иқәгылоуп, уи нырцә иҟоу – аарцә иҟоу ҳәа еилых ҟамҵакәан, зегьы еицаҳәеиҧшуп, иагьеицаҳазбароуп, ҳагьеиднакыароуп. Ҳхы злеиқәҳархаша, ҳзыхьчаша, ҳабацәа – ҳабдуцәа иаҳдырбаз, иаҳзынрыжьыз, даәа шьоукы ҳрыламѡашьо ҳҟазҵаша адоуҳатә культура ду – Аҧсуара захьзу ҳамоуп. Уи иманшәаланы ҳхы иаҳзархәар, ҧеиҧш бзиа ҳауеит. 1919 шыҟәсазы Миха Лакрба ишиҳәаз еиҧш, «убас хәыҷы – хәыҷла иҿыхоит, ҳара ҳазееихар, ҳ – Аҧсынра».

Даәакгьы. Аҧсуара, аҧсуа - ҵасҟәа рыҟәныҟәара маҭәахәра шрылоу лабҿаба иаҳнарбоит ааигәа иҟалаз даәа хҵыскгьы.Жәаба-жәохә шыҟәса раахыс Ҭырҟәтәыла инхо аҧсуаа рыѡнуҵҟа ашьцылара баапсҟәа цәыргьны иҟан: ачара ахьыруа ақыҵақәа рыҟны, арыжәтә ыжәны, акәашара ианалагалакь аҿар, ртапанчаҟәа ҭыганы, «еиҳа ҭзырҟьо» ҳәа аицлабра иалагон, азәы ѡоба - хҧа тапанча анимоугьы ыҟан, еихмырсыҵзакәаны дхысуан, чарак аҟны зҟьы патрон ҭзырҟьозгьы дыҟан. Абасеиҧш иҟаз ахысрақәа ирхырҟьаны ачарақәа рҿы амашәырҟәа ҟалахьан: ирхәуаз, машәырла иҵахоз маҷмызт. Абас амашәыр зымпыҵҟьоз аҳәынҵқарра аганахьала рыҟәнага иаҟәдыршәон, рус збаны иҵаркуан, иахьдырхәуан, аха ачарақәа рыҟны ахысра ирзаҟәыхуамызт, ауаа рацәа ахьыҟоу закәанла ахысра шыҟамлозгьы.

2004 шыҟәсазы Адаҧазар азааигәа иҟоу ақыҵа Каилар аҟны, ачараҿы ахысра аан машәырла аҧхәызба дҵахеит, даәазәгьы дырхәит. Абас еиҵах атрагедиа аныҟала, ари ақыҵа аиҳабацәа-абыргцәа ааизан, еилацәажәаны ирызбеит, шьҭарнахыс ачараҿы арыжәтә ажәреи, тапанчала ахысреи раҟәыхразы. Ари аҧҟара еилазго уаҳа азәгьы ицәгьа-ибзиа рахь дшынармышьҭуа, иара иахьгьы ишымнеиуа ала. Ари ақыҵа аиҳабацәа ирызбыз рыдыргалеит агәыларатәи аҧсуа қыҵа-Калиак (Лыхны-Калдахәара) инхоз аиҳабацәа, урҵгьы ааилацәажәаны ари ақәцара иадгылеит. Нас акәша-мыкәша иҟоу аҧсуа қыҵақәа реиҳабацәа адырра рырҵан, Каилар ақыҵан еизаны, еилацәажәаны зызбахә ҳамоу ақәцара рыдыркылеит ақыҵақәа рхаҵарнакцәа злахәыз аизара ду аҟны. Аизараҿы рызбахә рҳәеит, ирыдыркылаз ақәцара шынагзахо иахылаҧшуа ауаа рыхьызқәа.

Адырѡашыҟәсан, 2005 шыҟәсазы, ақәцара ирыдыркылаз шынарыгзо аихшьала аҟаҵаразы аизара мѡаҧыргеит Калиак ақыҵан. Араҟа ирызбеит аизара дуқәа есышыҟәса ишымѡаҧырго, уаҟа ирыдыркылаз ақәцара анагзашьа шымѡаҧысуа алацәажәаразы.

2006 шыҟәсазы, Диузҵье иаҵанакуа ақыҵа Ефҵаниа имѡаҧыргеит ахҧатәи аизара, уи иалахәын 75 қыҵа рхаҵарнакцәа. Қыҵацыҧхьаза аизара иалахәын х-ѡык ахаҵарнакцәа: абыргцәа рыхьзала, аҿар рыхьзала, аҳәса рыхьзала. Иахьала Сҭампыли Болуи рыбжьара инхо аҧсуаа рчарақәа рыҟны арыжәтә ажәреи, ахысреи ирҟәаҵны иҟоуп. Абасала, Аҧсуара ахархәарала иахьа адиаспораҿ аҵас-қьабзқәа, ацәгьашьҵыларақәа, аамҵа ишаҟәнагоу ала имѡаҟәырҵоит.

Ачугба Т. А.

ГРУЗИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ 2-Й ПОЛ. XIX В. ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АБХАЗИИ

В грузинских письменных источниках второй половины XIX столетия, особенно периодической печати, много внимания уделялось насильственному и вынужденному переселению абхазов в Османскую империю и колонизации Абхазии. Примечательно, что авторы этих публикаций не ставили под сомнение ни автохтонность абхазов на территории их исторического проживания, ни мононациональность, т.е. однородность, населения Абхазии. «Четыре года тому назад в Абхазии жили абхазы», – сообщалось в 1881 году в журнале «Иверия»[1]. А газета «Дроеба» констатировала, что «Абхазия, как подсказывает само название местности, принадлежала и принадлежит абхазам»[2]. Авторитетный журнал «Моамбе» констатировал никем не оспариваемую в то время истину о том, что этнонимы «апсуа» и «абхаз» являются названиями одного и того же народа: «Вот эта во всех отношениях богатая страна (имеется в виду Абхазия. – Ред.), до 1864 года была густо заселена народом, который сам себе именует «апсуа», а мы грузины называем – «абхаз»[3].

Однако вскоре в умах грузинской общественности победило искушение расширить жизненное пространство Грузии за счет земель депортированных абхазов; переселенческая волна, нахлынувшая на опустевшие земли соседней страны изменила не только этнический состав ее. Немного времени потребовалось, чтобы у пришлого грузинского населения изменилось представление и об истории абхазов.

Сообщения грузинской печати того периода лишний раз свидетельствуют о том, что «очищение» Абхазии от абхазов служило стратегическим интересам царизма. Так, читаем в газете «Дроеба» от 6 июня 1975 года: «После завоевания Черкесии Верховное правительство из-за стратегических и иных соображений посчитало нужным опустошить эти места. В Сухумском, Бичвинтском (Пицундском. – Ред.), Гагрском и других ущельях, там, где раньше бурлила жизнь, теперь не встретите следов человека». Вот как пресса описывала один из драматических эпизодов выселения абхазов: «Многие пожилые мужчины и женщины, когда их выгоняли из жилищ, бились головой о стены домов и стволы деревьев»[4]. По словам Давида Мачавариани, «почти все абхазы, которые ушли в Турцию, говорили, что их насильно увезли»[5].

Сегодня мы не располагаем данными о количестве высланных абхазов. По сообщению писателя и публициста Георгия Церетели, работавшего одновременно корреспондентом грузинской газеты «Дроеба» и русской газеты «Голос», в 1877 году, в течение последнего этапа депортации, из Абхазии было выслано 48 тыс. человек[6]. А редактор газ. «Дроеба» Сергей Месхи отмечал, что по официальным данным только в 1878 году «50 тыс. абхазов покинули свою страну и переселились в Турцию»[7]. В источниках и специальной литературе упоминаются и другие цифры. Однако если спорным является общее количество депортированных абхазов, то бесспорно, что густонаселенная домахаджирская Абхазия в конце 70-х годов XIX века была почти полностью опустошена. «После выселения черкесов, – сообщала газ. « Дроеба» от 2 февраля 1878 года, – их страна была опустошена. В настоящее время, после переселения местных жителей в Турцию, такой же опустошенной и еще более разоренной оказалась Абхазия». «Сегодня

весь Кавказский берег Черного моря опустошен», – читаем в той же газете от 4 февраля 1879 года. «За уходом в Турцию всего населения пространство от Кодора до Гудаутского участка вместе с Цебельдой представляет почти совершенно пустыню», – писал начальник Сухумского Отдела полковник Аракин[8]. В этих опустевших местах, как подтверждают архивные материалы, «бродили стаи собак и шакалов, кусая проезжих»[9]. Академик Н.Я. Марр по поводу опустошенной Абхазии писал, что она «обездолена в своей даже центральной этнографической части, так как от всего Гумистинского района остались одни одичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского»[10].

По оценке известного ученого-филолога и публициста Петре Чарая, вследствие вышеуказанных причин, «абхазская нация настолько уменьшилась, что сегодня она не составляет и четверти того, что было когда-то»[11]. С конца 70-х годов XIX века, как следствие войны и депортации коренных народов (абхазов, убыхов и адыгов) в грузинской прессе восточное побережье Черного моря одними авторами именовалось «опустошенным побережьем»[12], другими – «мертвым берегом»[13], третьими – «обиталищем хищников»[14] и т.п.

Более того, на пути следования в Османскую империю тысячи абхазов стали жертвами голода, холода и эпидемий.

Оказавшиеся на чужбине абхазские «махаджиры», особенно последнего этапа депортации (1877 – 1878 гг.), всячески старались вернуться обратно на родину. Однако местная администрации Абхазии, следуя указанию царизма, препятствовала этому. Аналогичную директиву получили и власти Батумского округа, через который проходили и сухопутная дорога, и морской путь из Турции в Абхазию.

«Каждое утро, – сообщала газета «Дроеба», – в Батуми перед зданием губернатора увидите пожелтевших от голода женщин и детей, которые просят: «Отпустите! Отпустите в Абхазию!.. или же увидите поляну перед зданием полиции, заполненную абхазами, которые просят тоже самое…»[15]. «Абхазы, униженные судьбой, растаптываются под ногами, как муравьи»[16].

По данным одного из документов от 8 августа 1878 года на имя начальника штаба российских войск на Кавказе выясняется, что из Батума для отправки в Турцию вернули 240 абхазских махаджиров, которые нелегально добрались до побережья Абхазии[17]. В 1880 году Батумская администрация вернула обратно в Ту цию более 600 абхазов жителей села Анхуа[18]. В начале августа того же года из Батумского порта было возвращено обратно в Турцию греческое судно «Агиос Петрос», на борту которого находились более семи тысяч абхазов-христиан, следовавших из Турции в Абхазию[19]. В ожидании разрешения на возвращение в Абхазию треть из них «унесли голод, жажда и болезни»[20]. В одном из архивных документов сообщается, что 11 августа 1880 года из Батума обратно в Турцию было возвращено большое судно, на борту которого находилось около 1200 двести абхазских семей[21]. А в телеграмме из Батума от 4 сентября 1880 г. в адрес Кавказского начальства группа абхазских женщин (Тамара Анчабадзе, Нина Авидзба и др.) писала: «Батумский губернатор отправляет нас в Турцию, где мы знаем, что нас не примут, так как мы все христиане. Истинно несчастные, обреченные на погибель, мы умоляем, Ваше сиятельство, выпросить для нас от его Императорского величества прошение, позволение вернуться в Сухум. Нас здесь более четырехсот женщин, столько же детей»[22]. В ответ поступила телеграмма такого содержания: «Его величество не изменил свое приказание»[23]. Батумский губернатор перестарался – распорядился абхазов «связать и таким образом отправить в Турцию»[24].

Несмотря на запрет, абхазских беженцев, стремившихся вернуться на родину не уменьшалось. Только в июле – августе 1880 года Батумский порт пришвартовал несколько десятков судов, переполненных абхазскими беженцами, где их задержали. Об этом свидетельствует множество телеграмм, писем в адрес российских властей, начиная от властей Батумской администрации в плоть до самого Императора. Например, только в одном деле (№2069, ф. №545) Центрального Государственного Исторического архива Грузии (в Тбилиси) хранится более 150 подобного рода документов, которые датируются от 8 июня 1880 г. по 31 января 1881 г. Документы свидетельствуют о том, что суда с абхазскими беженцами, возвращенные российскими властями обратно в Турцию, власти последних не принимали – «ненадежный контингент». Береговая охрана выстрелами из артиллерийского орудия отгоняла их в открытое море. «Абхазов, – читаем в газ. «Дроеба», – кидают, как мяч, от нашего порта до порта Турции, откуда их выстрелами возвращают обратно, и стоят они, эти несчастные, потерявшие надежду и отчаявшиеся люди, меж двух земель»[25].

Огнем встречали российские власти и тех абхазов, которые с большим трудом добирались до берегов Родины. Газета «Дроеба» сообщает, что начальник Сухумкого военного отдела полковник Аракин неоднократно с оружием в руках и пушками встречал абхазов и черкесов, которые осмеливались ступить на берег Черного моря»[26]. Возвращение абхазов на родину приняло настолько острый характер, что российские власти были вынуждены обратиться к турецким властям с просьбой, во-первых, максимально препятствовать абхазам покидать границы Турции, во-вторых, дать распоряжение турецким портам безотказно принимать суда с абхазскими эмигрантами. Однако, как свидетельствуют архивные данные, местные власти Турции получили указание от своего правительства, о выселении из страны той части абхазских махаджиров, которые настоятельно требовали разрешения на возвращение в Абхазию[27]. Наконец, Правительство России было вынуждено в 1881 году отменить принятое два года назад Распоряжение, которое запрещало абхазам вернуться в Абхазию[28]. Однако этот долгожданный документ российское посольство в Турции скрыло от абхазов. Со временем количество желающих вернуться в Абхазии постепенно стало уменьшаться. А тем, кому удавалось добираться до Родины, запрещалось селиться в опустевшей Центральной части края и в целом в приморской полосе Абхазии[29]. «До войны, – читаем в журнале «Иверия», – Сухум был довольно-таки большой город, вокруг него проживали абхазы… Неудивительно, что в близи главнейшего города Абхазии такое затишье, ибо абхазов в Абхазии нет, а те, которые вернулись не имеют права селиться ближе тридцати верст от Сухума»[30]. «После последней войны, – сообщает газета «Дроеба», – власти издали распоряжение не позволять абхазам селиться на землях между реками Кодор и Псырцха. Кроме них, всем остальным давалось право на поселение»[31]. Согласно данных журн. «Квали», абхазам было запрещено селиться в междуречье рек Кодора и Аапста[32].

Депортировав три четверти абхазов за пределы исторической Родины, царское самодержавие активизировало заселение Абхазии инородцами, начало которому было заложено еще в 60-е годы XIX в.

В Абхазии земли давали всем желающим за исключением абхазов. Для первоначального обустройства и адаптации правительство колонистов материально поощряло. Грузинская пресса сообщает, что каждая семья на год обеспечивалась продовольствием, ей выдавали рабочий скот, по одной корове[33], до 15 червонцев[34]; семья освобождалась от всяких налогов на 12 лет, а в случае болезни – обеспечивалась медикаментами[35] и т.д. Сюда направились на постоянное жи-

тельство люди «разной веры и нации»[36]. В журнале «Иверия» говорится, что «за земли Сухумского округа обрывали друг другу уши; и стар и млад, и поп и люд присваивали себе усадьбы несчастных абхазов…»[37]. Корреспондент газеты «Дроеба» констатирует, что в течение 5 – 6 лет на Абхазию «нахлынули греки, русские, болгары, немцы, мегрелы, имеретинцы, армяне и др.»[38].

Профессор Г.А.Дзидзария выделил четыре основных вида колонизации Абхазии: а р е н д н а я колонизация – раздача земельных участков арендаторам-крестьянам, прибывшим из разных стран и регионов Российской империи; д в о р я н с к а я – массовая раздача земель российским помещикам, крупным военным и гражданским чиновникам; м о н а с т ы р с к а я – выделение земель для монастырей (напр. Новоафонский Симоно-Кананитский монастырь получил 3278 дес. земли) и к у р о р т н а я – раздача земельных участков на льготных условиях «мелким чиновникам и офицерам»[39].

Само собой разумеется, что державная Россия была заинтересована в заселении Абхазии и всего Кавказа преимущественно русским населением[40] как самым надежным в военно-политическом отношении контингентом[41]. Поэтому изначально собственниками и владельцами большинства свободных земель Абхазии стали русские помещики, чиновники, отставные офицеры, купцы и др. лица. Параллельно из глубинных регионов империи сюда переселялись непосредственные земледельцы-крестьяне.

Однако скоро новые собственники земли в Абхазии из основного средства производства превратили ее в товар. В окрестностях Сухума земельные участки «дарились, продавались и перепродавались», – писала газета «Кавказ» еще 3 января 1878 г. А в конце XIX в. грузинская газета «Цнобис пурцели» предупреждала, что «если продажа земель так будет продолжаться, то нет сомнения в том, что вся Абхазия будет распродана»[42]. Что касается русских крестьян-колонистов, то в силу различных обстоятельств – географических, климатических и иных, им не было суждено стать доминирующим населением Абхазии.

Создавшуюся ситуацию в освоении абхазских земель ловко использовали жители современной Западной Грузии. Близость к Абхазии, схожие климатические условия, малоземелье и пережитки деспотического крепостнического строя в Грузии, стремление новоиспеченной грузинской буржуазии и обанкротившегося от крестьянской реформы дворянства приобрести даром новые земли и т.д. и т.п., стимулировали массовое перекачивание западногрузинских, особенно мегрельских крестьян, в соседнюю Абхазию. По словам историка С.З.Лакоба, «плодами русской военной победы в Абхазии в XIX столетии в полной мере воспользовалась зависимая Грузия, выступающая по сей день в роли мелкого хищника»[43].

Переселение грузин в Абхазию приняло фактически общенациональный характер. В конце концов, грузинская пресса пересмотрела свое отношение к приобретению грузинами земельных участков в Абхазии и Черкесии. «Заселение Абхазии и Черкесии опять же детьми нашей страны следует расценить как одно из прекраснейших явлений нашей жизни, которое должно радовать каждого доброжелателя нашего народа…», – заявила газета «Шрома»[44]. «Во всех отношениях подходящими для заселения на побережье Черного моря являются как имеретинцы, так и мегрелы», – прозвучало в газете «Дроеба» от 2 февраля 1878 г. А в номере за 4 февраля 1879 года она уже торопила своих читателей: «Расширимся, пока еще имеем время, пока еще не понаехали чужие племена и не поселились на пустующих местах нашего Кавказа». Засуетилась и газета «Шрома»: «Присылай-

те сюда побольше рачинцев, лечхумцев, верхних имеретинцев и мегрелов из горных мест»[45].

Грузинская пресса проявила заботу и об идеологическом обеспечении переселенческого движения соотечественников. В процессе освоения грузинами опустевших от коренных народов земель Кавказа в умах грузинской общественности начинает формироваться имперское сознание[46]. Уже в 1873 г. известный писатель и публицист Г. Церетели своим читателям начинает внушать, что весь Кавказ является родиной грузин, грузинской землей[47]. В 1879 году он открыто выражает недовольство по поводу того, что Россия «старается присвоить опустевшие земли нашего края на побережье Каспийского и Черного морей», которые «грузинская нация когда-то занимала». Г. Церетели предлагал из Грузии направить туда для поселения «бедных сельских людей, которые задыхаются от безземелья»[48].

Известный грузинский педагог и общественный деятель Я.Гогебашвили, в своей публикации «Кем заселить Абхазию» в газ. «Тифлисский вестник»[49], утверждал, что только грузины и мегрелы на правах соседнего народа имеют преимущество на колонизацию территории Абхазии.

Историк и публицист Н.Джанашия в освоении абхазских земель, также давал приоритет грузинам, так как они «на этой земле неоднократно проливали кровь и своим мужеством прославляли знамя Великой России»[50].

В целях поощрения грузинского крестьянства к переселению, грузинская пресса всячески восхваляла Абхазию. Но если она будущим грузинским колонистам обещала райскую жизнь в соседней стране, то представителей других народов отпугивала малярией, отсутствием хлеба, бездорожьем и даже малоземельем и т.д. «Абхазия, – читаем в газете «Дроеба» от 26 октября 1883 года, – для кавказцев (имеются в виду грузино-мегрелы. – Ред.) является любящей матерью, а для всякого другого народа, – мачехой и весьма злой».

Определенное влияние на адаптацию колонистов, естественно, оказывали климатические и иные особенности края, непременно оказывали, но не такие уж решающие, как об этом постоянно писала грузинская пресса. Публикации тенденциозного характера не оставались без соответствующего реагирования со стороны властей и общественности России. В газете «Новое время», например, сообщалось, что «грузинская общественность преднамеренно распространяла слухи о малярии, чтобы сюда не заселились русские». Предвзятый подход к данному вопросу не всегда удавалось скрыть и самой грузинской прессе. Оказывается, что в конце XIX века мегрелы и имеретинцы, «знакомые с лихорадкой и находящиеся с ней в дружбе», так же, как и русские и представители других народов страдали от этой болезни. По данным журнала «Моамбе», мегрелы из Сенакского уезда, которые в 1880 году поселились в селе Абжаква, заболели малярией и их «каждый день хоронили по четыре, пять человек»[51]. Грузинский автор Т. Сахокия, лично встречавшийся со своими земляками в Абхазии в конце XIX века, писал: «На их похудевших и пожелтевших лицах были заметны следы мучения и мытарств, перенесенных ими»[52].

При внимательном ознакомлении с материалами грузинской прессы нетрудно обнаружить двойные стандарты в освещении и ряда других проблем, связанных с колонизацией Абхазии. Например, если грузинская периодика на протяжении нескольких лет неустанно информировала грузинских читателей о наличии в Абхазии множества свободных земель, то аналогичные сообщения в русских изданиях назывались «клеветой». «Также клевещут о Сухумском крае, –

говорится в редакционном обзоре газеты «Иверия», – якобы там много свободных, незаселенных территорий»[53].

Постепенно грузино-русское противостояние по освоению свободных абхазских земель приняло настолько острый характер, что некоторые авторы прямо ставили вопрос о запрещении грузинам переселяться в Абхазию и вообще на Черноморское побережье Кавказа; рекомендовали властям побережье Черного моря заселить исключительно русскими, «так как оно орошено их кровью»[54].

Однако маховик переселения грузинских крестьян уже был запущен. Как «грибы после дождя» появлялись новые дома и целые поселения грузин-мегрелов на всем пространстве Абхазии, особенно в ее прибрежной зоне. Уже в начале 80-х годов XIX в. мегрелами вблизи Сухума были заняты бывшие абхазские села– Абжаква, Мерхеул, Пшап, Акапа, Гумиста, Келасур, Багажвяшта, Мачара, Гулрыпш, Багбаран, Бабушара, Варча, Наа и др. В большинстве из этих сел число переселенческих дворов доходило от 50-ти до 100 и более.

Грузины-переселенцы, помимо того, что получали от государства земли, или арендовали усадьбы частных лиц, они не упускали ни одного случая закупить участки для своих земляков. С помощью различных компаний, благотворительных пожертвований, они приобретали как отдельные дома и участки, так и целые села у русских, у болгар, молдаван и других колониалистов. Например, таким способом были выкуплены мегрелами у русских село Наа (Николаево-Анастасиевское)[55], у болгар – село Владимировка-Николаевское[56] и др.

Грузины для освоения абхазских земель активно использовали и грузинскую православную церковь. По настоянию грузинского духовенства, российские власти наводнили Абхазию грузинскими (в основном мегрельскими) священниками, которые, помимо чисто ассимиляционной деятельности, призывали своих соплеменников к переселению в Абхазии, при этом используя разные методы освоения земельных участков. В этом отношении весьма любопытна следующая информация, опубликованная в журнале «Окраины России»: «Водворившиеся в деревнях и городах Абхазии мингрельские попы повыписывали всех своих родственников до десятого колена и наводнили Абхазию мингрельцами, водворившимся и притом окончательно на абхазских землях под видом арендаторов или «наследников» разных своих родственников, женившихся на абхазках»[57]. Об использовании брачных союзов со стороны мегрелов для присвоения абхазских земель еще в 1893 году сообщал Г.А.Рыбинский: «Князья и дворяне Мингрелии женятся на абхазских княжнах и ни в коем случае не отказываются от приданного – земель в Абхазии»[58].

Словом, грузинские колонисты, пробиравшиеся в Абхазию, как легально, так и нелегально, заселялись как у частных землевладельцев, так и на государственных землях[59]. Одни принимались в категорию постоянных жителей, другие получали право на временное проживание. И те, и другие всеми способами старались «твердо» закрепиться на этой земле. Так, газета «Иверия» в 1897 году с гордостью констатирует: «Мегрелами и имеретинцами в Сухумском округе были заняты «лучшие места»[60]. А по сообщению журнала «Квали», в Абхазии в конце XIX века только на государственной земле, где «колониями» жили русские, немцы, мегрелы, греки, эстонцы, армяне и другие, «если не первое, то второе место все равно занимали мегрелы по количеству»[61].

Кроме как сельским хозяйством, мегрелы-переселенцы активно занимались торговлей, в частности землей, древесиной. «Торжествующие мингрельские духанщики и торгаши, начиная с Очамчыры, Гудауты и кончая Гагрой, являются

повсеместно на побережье монополистами торговли, передовым авангардом наступающего движения Мингрелии», – писал Г. А. Рыбинский[62].

Относительно успехов мегрелов в области торговли в тот период в №11 1881 г. журнала «Иверия» с восторгом сообщается, что в тот период мегрелы «играли такую же роль в торговле на восточном побережье Черного моря, как армяне в Тифлисе». Начальник Сухумского округа полковник В.А.Браккер, в частности, так характеризовал мегрелов-торговцев: «Мингрельцы одарены в значительной степени хитростью, ловкостью и чисто торговой сметливостью. Они весьма трудолюбивы, крайне бережливы и умеют обращать свои сбережения в выгодный оборот, весьма мало стесняясь при этом в выборе средств к обогащению»[63]. По сообщению очевидцев, мегрелы в торговом деле не терпели соперников, от них «открещивались» даже иностранцы. Если они в обычной жизни были «очень общительны и милы, то в деле наживы «пальцы в рот не клади…», в этом деле они, «как и армяне в Тифлисе, не терпят соперников»[64].

Мегрельскими торговцами особо притеснялись абхазы в Самурзакане, в связи с чем предлагалось правительству принять специальные законы против «злостного ростовщичества», дабы в «защиту простодушных абхазцев-самурзаканцев от самой бессовестной эксплуатации»[65].

Мегрелы у местного населения закупали все, что можно было покупать и продавали его как на местном рынке, так и за пределами Абхазии. Они хорошую прибыль получали от торговли абхазским вином. «После войны [1877 – 1878 гг.], – писал Т. Сахокия, – мегрелы стали наводнять этот край (Абхазию), торговали здешними винами в Адлере, Сочи, Новороссийске, Поти, Батуми и др.»[66].

Мегрело-грузин в Абхазию привлекала также промышленная лесозаготовка, что в последствии стало одним из факторов обоснования в Абхазии. По сообщению журн. «Квали», в конце XIX века завершилась начатая после Русско-турецкой войны (1877 – 1878 гг.) заготовка и вывоз из прибрежных регионов Абхазии древесина – дуба, самшита и ореха; к этому периоду также была завершена интенсивная работа по заготовке и вывозу леса из предгорной части страны. По словам автора данной же публикации, аналогичная работа была развернута в Кодорском ущелье. Примечательно, что, как среди лесозаготовителей в верховьях р. Кодор, так и на лесопильном заводе у устья той же реки в с. Адзюбжа, большинство рабочих составляли мегрелы и гурийцы[67]. По данным Т. Сахокия, у капиталиста из Ростова Б. Максимова, который в конце XIX – нач. XX вв. непосредственно занимался лесозаготовкой в Кодорском ущелье, работали до двух тысяч человек. В частности, среди них были «сваны, рачинцы, лечхумцы, мегрелы и не было ни одного абхаза»[68].

Интенсивная колониальная политика Царского самодержавия в последующие периоды этнодемографической истории Абхазии привела, с одной стороны к бурному росту здесь численности представителей некоренных народов, с другой – к резкому падению удельного веса абхазов по отношению к общей численности населения на их исторической Родине – Абхазии.

Примечания

1. Увиденное и услышанное (заметки путника). Журн. «Иверия». 1881, №11. С. 95 (на груз.яз.).

2. **Антимоз Джугели (Гадагмели).** Абхазия, 10 октября. Газ. «Дроеба». 1883, №216 (на груз. яз.).

3. Колонии в Абхазии. Журн. «Моамбе». 1898, №1.С.96 (на груз.яз.).

4. О переселении абхазов. Газ. «Дроеба». 1867. №23 (на груз.яз.).

5. **Мачавариани Д**. Народная смута в Абхазии. Газ. «Дроеба». 1878. №157 (на груз.яз.).

6. Газ. «Голос». 5 декабря 1877 г.

7. **Месхи С.** Абхазы и Абхазия. Газ. «Дроеба». 1878. №158 (на груз.яз.).

8. Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИАГ), ф.545, д.3207, лл. 40 – 49.

9. **Дзидзария Г.А.** Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сухуми. 1960. С.228.

10. **Марр Н.Я.** О языке и истории абхазов. М – Л. 1938. С.177.

11. **Чарая П**. Абхазия и абхазы (этнографическое описание). Газ. «Иверия». 1888. №165 (на груз.яз.).

12. **Церетели Г.** Переселение. Газ. «Дроеба».1879. №27 (на груз.яз.).

13. Внутренняя хроника. Газ. «Дроеба». 1885. №165 (на груз.яз.).

14. **Мчедлишвили Л. (Кразана).** Батумские разбойники. Газ. «Дроеба». 1882. №10 (на груз.яз.).

15. Газ. «Дроеба». 1878, №237 (на груз.яз.).

16. **Мчедлишвили Л. (Кразана).** Батум, 27 июля. Газ. «Дроеба». 1879. №172 (на груз.яз.).

17. ЦГИАГ. Ф. 545, д.1613, л. 40.

18. ЦГИАГ. Ф. 545, д.2069, л.55.

19. Газ. «Дроеба». 1880. №188 (на груз.яз.).

20. Бедственное положение Сухумского уезда. Газ. «Дроеба». 1880. №223 (на груз.яз.).

21. ЦГИАГ. Ф. 545, оп.1, 1880 г., д.2069, л.50.

22. ЦГИАГ, Ф. 545, оп.1, 1880 г., д.2069, л.126.

23. **Там же.** Л. 130.

24. **Там же.** Л.131.

25. Между двух земель. Газ. «Дроеба».1880, №199 (на груз.яз.).

26. Бедственное положение Сухумского уезда. Газ. «Дроеба. 1883, №223 (на груз.яз.).

27. ЦГИАГ. Ф. 545, д. 2069, л. 200.

28. **Мегрелидзе Ш.** Из истории Аджарии. – Тбилиси.1964. С. 72 (на груз. яз.).

29. **Дзидзария Г.А.** Указ. труд. С. 416.

30. Увиденное и услышанное (заметки путника). Журн. «Иверия».1881. №11.С.96 (на груз.яз.).

31. **Антимоз Джугели (Гадагмели).** Абхазия, 13 ноября. Газ. «Дроеба». 1883. №240 (на груз.яз.).

32. **Чарая П.** Землевладение в Абхазии. Журн. «Квали».1897. №12, с.252 (на груз. яз.).

33. Колонии в Абхазии. Журн. «Моамбе». 1898. №1. С.96 (на груз. яз.).

34. **Антимоз Джугели (Гадагмели).** Абхазия, 13 ноября. Газ. «Дроеба». 1883. №240 (на груз. яз.).

35. **Антимоз Джугели (Гадагмели).** Еще раз о переселении. Газ. «Дроеба». 1885. №31 (на груз. яз.).

36. Из Сухума пишут. Газ. «Дроеба». 1884. №79 (на груз. яз.).

37. Увиденное и услышанное (заметки путника). Журн. «Иверия». 1881. №11(на груз. яз.).

38. **Антимоз Джугели (Гадагмели).** Абхазия, 10 октября. Газ. «Дроеба». 1883. №116 (на груз. яз.).

39. **Дзидзария Г.А.** Указ. труд. С.364.

40. **Церетели Г**. Заселение Джигетии и Абхазии. Газ. «Дроеба». 1879. №47 (на груз. яз.).

41. **Дзидзария Г.А**. Указ. труд. С. 364.

42. Гудаута (Абхазия). Газ. «Цнобис пурцели». 1899. №816 (на груз. яз.).

43. **Лакоба С.З.** Столетняя война Грузии против Абхазии. – Гагра. 1993. С. 15.

44. Поти, 9 апреля. Газ. «Шрома». 1882. №15 (на груз. яз.).

45. **Там же**.

46. **Лакоба С.З.** Указ. труд. С.15.

47. **Церетели Г.** Курьер. «Дроеба». 1873. №399 (на груз. яз.).

48. **Церетели Г.** Мнение господина Верещегина о заселении Джикетии и Абхазии. Газ. «Дроеба». 1879. №36 (на груз. яз.).

49. **Гогебашвили Я.** Кем заселить Абхазию. Газ. «Тифлисский вестник». 1877. №№209, 210, 243 – 245, 248, 249.

50. Газ. «Иверия». 1886. №1 (на груз. яз.).

51. Колонии Абхазии. Журн. «Моамбе». 1898. №1 (на груз. яз.).

52. **Сахокия Т.** Путешествия (Гурия, Аджария, Самурзакано, Абхазия). – Тбилиси. 1950. С.379. (на груз. яз.).

53. Есть ли у нас свободные земли. Газ. «Иверия». 1894. №67 (на груз. яз.).

54. О заселении берегов Черного моря. Газ. «Иверия». 1897. №172 (на груз. яз.).

55. Газ. «Иверия». 1886. №165 (на груз. яз.).

56. Колонии в Абхазии. Журн. «Моамбе». 1898. №1(на груз. яз.).

57. **Путник.** На спокойном Кавказе. «Окраины России». №24. – СПб. 1912. С.368

58. **Рыбинский Г.А.** Абхазские письма. г. Сухум, 5 июля 1893 г. Газ. «Кавказ». 1893. №186.

59. В начале 80-х годов XIX века правительство запретило переселенцам из Мегрелии селиться на государственных землях. Но уже с 1884 г. в грузинской прессе появляются сообщения о раздаче мегрелам государственных земель (Газ. «Дроеба». 1884, №219).

60. О заселении берегов Черного моря. Газ. «Иверия». 1897. №172 (на груз. яз.).

61. **Чарая П.** Землевладение в Абхазии. Журн. «Квали». 1897. №12. С.252 (на груз. яз.).

62. **Рыбинский Г.А.** Абхазские письма. Газ. «Кавказ». 1893. №186.

63. **Цвижба Л.И.** Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. – Сухум. 2001.С.96.

64. **Там же.**

65. **Рыбинский Г.А.** Указ. труд.

66. **Сахокия Т.** Указ. труд. С. 313 – 314.

67. **Джанико.** Корреспонденция «Квали». Журн. «Квали». 1898. №42.С.694 (на груз. яз.).

68. **Сахокия Т.** Указ. труд. С. 401.

(«Иверия» – общественно-политическое и литературное издание. Выходило в Тифлисе с 1877 по 1906 гг., в начале (1877 – 1878 гг.) в виде еженедельной газеты, 1878 – 1885 гг. – в виде журнала, а в 1886 – 1906 гг. еженедельной газеты).

(«Моамбе» – ежемесячный общественно-политический, научный и литературный журнал. Издавался в Тифлисе в 1894 – 1905 гг.).

(«Голос» – либеральная газета. Выходила в Санкт-Петербурге в 1863 – 1884 гг.)

(«Квали» – еженедельный общественно-политический журнал. Выходил в Тифлисе в 1893 – 1904 гг.).

(«Цнобис пурцели» – ежедневная общественно-политическая газета. Выходила в Тифлисе в 1896 – 1906 гг.).

(«Шрома» – еженедельная общественно-политическая и литературная газета. Выходила в Кутаиси в1881 – 1883 гг.).

Хашба М. М.

НАРОДНАЯ МУЗЫКА АБХАЗОВ: ЖАНРЫ, СТИЛИСТИКА, КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Кавказ-гора языков – писал арабский историк и путешественник Масуди (начало IX в.).

С незапамятных времен наряду с известными легендами о прикованном к горным вершинам Прометее и Золотом руне, связанными с Кавказом ходили легенды о многоязычьи кавказских гор.

О многоязычьи кавказских гор говорят и высказывания древних историков, географов и путешественников: Страбона, Геродота, Плиния, Ибн-Хаукаля, Моиссея Хоренского.

По разным классификациям насчитывается от тридцати до сорока кавказских языков, которые делятся на четыре ветви: абхазо-адыгскую, картвельскую нахскую и дагестанскую [Бокарев, Климов; 1967. С. 7].

Известно, что большинство кавказоведов предполагает генетическое родство всех ветвей кавказских языков, но существует и другая точка зрения, по которой не все кавказские языки генетически родственные.

Аналогичную яркую и многоликую картину представляет и музыкальны фольклор народов Кавказа, изучение которого в сравнительном плане представ ляет интерес в исследовании этногенеза народов Кавказа.

Музыка и этногенез – направление, получившее широкое развитие в 60-7(ых годах прошлого столетия в трудах советских и западноевропейских этном зыковедов: З. В. Эвальд, Ф. А. Рубцова, В. С. Виноградова, И. И. Земцовского, А. Верткова, З. Кодай, Я. Кунса, выводы теоретического и методологическо характера которых легли в основу нашего исследования «Народная музыка абх зов: жанры, стилистика, кросс-культурные параллели».

Языковое родство не обязательно сопровождается родством музыкальн культур. Нередки случаи музыкального родства народов, относящихся к разн языковым семьям.

Родственные связи могут быть обнаружены в музыке народов террито ально отдаленных друг от друга. Но наблюдаются и обратные явления, когда соседних народа, имеющих общую историческую судьбу и длительные раз сторонние связи, по музыке оказываются относительно далекими [Виногра 1960. С. 349].

Нередки случаи, когда из двух родственных по музыке народов – один хранил свои старые музыкальные традиции, а другой видоизменил их, хотя языки не претерпели столь заметных изменений [Виноградов, 1960. С. 250].

Некоторые основные элементы музыкального мышления у разных нар могут развиваться сходно, даже при условии, что эти народы территориа разобщены и между ними никогда не было историко-культурных контактов. же время поразительное сходство в мелодии, фразеологии, метроритмиче структуре не могут быть случайностью. Здесь следует предположить на каких-то соприкосновений или же генезис [Кодай, 1960. С. 60, 61].

Принимая во внимание применительно к музыке высказывание акаде А. Чикобава о языке – «Чем глубже проникаем в историю языков, тем бол близость обнаруживается между ними, если эти языки родственные [Чико 1953. С. 243], нами сделан сравнительный ретроспективный анализ музыкал

текстов песен абхазов, адыгов, грузин и осетин, создавших много общего в отношении материальной и духовной культуры.

Великий дар услышать голос сердца своего народа и воплотить его в своем творчестве. Этим божественным даром обладает абхазский народ, создатель уникального по красоте и силе эмоционального воздействия музыкального фольклора.

Абхазская музыка-верная преемница античной культуры. Тысячелетняя жизнеспособность абхазской песни свидетельствует о ее интеллектуальной значимости. Генеалогия песни указывает на сильных духом ее предков, песня дышит свежестью» [Касторский, 1930. С. 10].

Особенностью музыкального фольклора абхазов является преобладание героических песен. Тяга народа к героической тематике объясняется исторической судьбой народа, суровым бытом абхазов, их высокими моральными качествами, определившими характер народа и его яркое и самобытное музыкальные искусство.

Являясь своеобразным геополитическим мостом между Востоком и Западом, Абхазия была и остается яблоком раздора между великими державами. Здесь вели разорительные воины греки, византийцы, римляне, персы, арабы, турки.

Поистине судьбоносными для Абхазии стали два последние столетия, отмеченные бесконечными захватническими воинами, депортацией, репрессиями, культурным и физическим геноцидом.

Минувшие века оставили здесь свои неповторимые отметины, отсюда неслучайно, что в жанровом разнообразии музыкального фольклора абхазов доминируют героические песни.

Абхазский народ пережил много бедствий, и чем трагичнее складывались его судьба, чем суровее была его борьба за свое существование, тем ярче и красочней памятники его духовной культуры. Устное народное творчество явилось биографией его народа, биографией его легендарных героев [Лакербай, 1941. С. 2].

Следующий этап становления героики в музыкальном фольклоре абхазов связан с историко-героическими песнями.

К героическим песням относятся и ряд охотничьих песен. Непроходимые густые леса, каменистые ущелья, бурные потоки рек, головокружительной высоты водопады послужили основой создания многочисленных легенд и песен, обогативших музыкальный фольклор абхазов. Но самой романтичной из них является «Песня скалы», повествующая о двух братьях-близнецах, одному из которых пришлось всю ночь напролет петь и играть на ачарпыне (абхазской свирели), чтобы не дать заснуть и упасть в пропасть застрявшему на скале брату.

Гимном природе и человеку звучит песня о храбром охотнике Гудисе. Это монументальное хоровое полотно, воплощающее тонкую поэтичность и героику. Мужественные, драматические интонации песни обнажают душу народа, его героический характер.

Звуковая палитра первозданной красоты природы Абхазии стала интонационным словарем музыкального фольклора абхазов.

К героическим песням относится и «Песня о ранении», исполняемая у постели тяжело раненого, с этой же песней на устах воин нередко уходил из жизни, достойно выполнив священный долг перед Отечеством.

«Песня - музыкальный барометр эпохи» (Беранже). Это духовная летопись истории, по которой люди будущего будут судить, чем жил человек, что его печалило и радовало, что его тревожил и любил. Песни, рожденные в годы Отече-

ственной войны 1992-1993 г.г., – новый этап в истории музыкального фольклора абхазов. Основываясь на замечательных традициях народной музыки, они стали поистине народными.

В каждой музыкальной культуре присутствует своего рода фонд музыкальных формул и исполнительских клише. Но, отлившись в типовые формы, образовав канонический интонационный словарь-язык формульного мышления, музыка устной традиции выступает своего рода этническим стереотипом поведения, чья сохранность оказывается залогом существования этноса [Земцовский, 1988. С. 16].

Одним из первичных выразительных средств, обобщенной интонацией является интервал как система. Преобладание какого—либо интервала в музыке какого—то отрезка времени или жанра той или иной эпохи является следствием происходящего под воздействием интонационного отбора, становится обнаружением стиля [Асафьев, 1941.С.12]. Особенностью народнопесенного искусства абхазов является преобладание интервала кварты. В мелодической линии абхазских народных песен доминируют скачки на кварту, нередко песня начинается квартовым скачком и завершается квартовым кадансом. И, наконец, формула — основа абхазской народной песни является нисходящая мелодия от кварты к тонике лада. Согласно положению о том, что вокальное искусство подчинено речевой интонации, естественный каданс разговорной речи имеет нисходящее направление. Поэтому древние греки строили свои звукоряды в нисходящем направлении, из чего следует, что основным исходным интервалом была кварта [Квитка, 1971. С. 223, 224]. Доминирующее значение кварты в музыкальном Фольклоре абхазов свидетельствует о том, что исследуемые нами песни «Ауоу», «Азар», «Ацунух», «Атларчопа», «Ажвейпшаа» и др. являются одной из древнейших ступеней развития музыкального мышления абхазского народа. Вместе с тем скачки на кварту сообщают характерные для абхазских народных песен величие и торжественность звучания.

В определении национальной специфики песен одно из главных мест занимает лад. Лад-мотив, попевка, звуковысотная слаженность тонов. Это предельно сжатая модель мира в представлении данной эпохи, своего рода генетический словарь музыкального произведения [Холопов, 1990 .С. 291].

Ладовая основа абхазских народных песен диатонична. Характерными ладами абхазских песен являются ионийский, миксолидийский, дорийский, фригийский, эолийский лады, с преобладанием мужественных (Платон, Аристотелъ) дорийского и фригийского ладов, что определяет доминирующее значение героических песен в музыкальном фольклоре абхазов и соответствует характеру народа. Кроме того, гипо-фригийский лад с уменьшенной квинтой, строящийся на первой ступени, не получивший развития в европейской музыке, в абхазской народной музыке сохранился с античных времен до настоящего времени. В древних напевах «Причитание», «Ауоу», «Азар» отмечено наличие следов пентатоники.

В музыкальном фольклоре абхазов нет следов влияния восточных ладов с увеличенной секундой. Как известно из истории, турки неоднократно вторгались в Абхазию качестве завоевателей, оставляя в среде временно побежденных народов следы своей культуры.

В 14-16 вв. в эпоху завоевания Турцией большинства стран Балканского полуострова, Венгрии, Молдавии, турецкая музыка оказала влияние и на музыку этих стран. Внедрение в Северо-кавказскую музыку и музыку стран Балканского

полуострова восточных элементов нарушило развитие их традиционной музыкальной культуры.

Абхазы, несмотря не тесный контакт в течение нескольких столетий с турками, не восприняли их музыкальную культуру и тем самым сохранили самобытность музыкального фольклора его яркий национальный характер.

Характерные для абхазских народных песен кадансы, являющиеся носителями национальных особенностей песен, включают следующие формы кадансов: абхазский каданс 111,1, абхазский каданс, условно называемый «озбак» 1, IV, 111, 1 и его разновидности; 11,IV,111,1; и 11,111,1V,111, 1 модулирующий квартовой каданс, квартовый каданс, фригийский каданс, эолийский каданс, простой и сложный кадансы.

Абхазские народные песни двух – и трехголосные. О многоосном складе абхазских песен свидетельствует бытующая в практике народного музыцирования терминология – так высокий голос называется – абжьы ҳаракы, верхний голос – абжьы хҭга, средний голос – абжьаратәи абжьы подпевающий голос арҩызра и бас – ашәпа.

Характерным видом многоголосия абхазских народных песен является бурдонное, комплексное и бассо остинатное многоголосие, с преобладанием в старинных напевах двухголосия бурдонного типа.

В абхазском народном многоголосии наблюдается удивительная свобода голосов: каждый голос, расщепляясь на отдельные голоса, исполняет самостоятельную функцию, живет, дышит, импровизирует.

Жанровые особенности абхазских народных песен, богатство мелодического и гармонического языка народнопесенного искусства абхазов свидетельствуют о том, что абхазский народ, оберегая свои язык и песню, дух и волю, тем самым сохранил свою яркую национальную самобытность и создал исключительный по красоте и силе эмоционального воздействия музыкальный фольклор.

«Искусство существует не рядом с жизнью, а внутри, как чудесная и важная часть жизни (Кабалевский 1974 .С.164). Отсюда не случайно, что в жанровом разнообразии песенного творчества абхазов и адыгов доминируют героические песни «Песни о нартах» и историко—героические песни у абхазов и адыгов.

Историко-героические песни абхазов и адыгов воспевают подвиги погибших героев. В этом усматривается связь их с жанром народного плача. Примечательно, что у адыгов героические песни называются «гыбзы», что в переводе на русский означает “плач”.

В музыкальном фольклоре абхазов и адыгов широко представлены песни, связанные с лечением тех или иных заболеваний – «Песни ранения», «Песня оспы», исполняемые во время обряда ачапшьара у абхазов и чапшь у адыгов [Налоев, 1980. С. 8].

Яркой зрелищностью у абхазов и у адыгов отличается обряд вызывания дождя. Во время засухи абхазы и адыги устраивали шествие к реке. Шествие сопровождалось пением песни «Дзиуоу» у абхазов и Ханцугуаши у адыгов. У адыгов обряд вызывания дождя сопровождался и песней, посвященной божеству Еле. Этой же песней «Елацоппай» сопровождалась у адыгов и ритуальная пляска в честь Бога грома – Шибле. Ритуальная пляска «Шибле удж» исполнялась адыгами и при погребении убитого молнией человека или скотины.

Абхазы в этом случае исполняли круговой танец, сопровождаемый пением песни, посвященной божеству грома и молнии Афы. Песня исполнялась антифонно двумя хоровыми группами.

Исполнением песен в честь умершего абхазы и адыги сопровождали обряд больших годовых поминок-тризну.

В сравнительном плане интерес представляют свадебные песни абхазов «Оуредада» и «Радеда» и «Уэредадэ» у адыгов, этимология названия которых восходит к адыгскому слову «уардед», что в переводе на русский означает песня [Климов, 1965. с. 300], отсюда и происхождение рефрена «уарада» в абхазских и адыгских песнях и «варада» в мегрельских.

Ярко выражены параллелизмы в особенностях мелодического и гармонического языка. Характерными ладами абхазских и адыгских песен являются ионийский, миксолийдский, лидийский, фригийский, дорийский и эолийский лады, с преобладанием в музыкальном фольклоре абхазов дорийского и фригийского ладов, а в адыгском эолийского и ладов мажорно-минорной системы. Для абхазского и адыгского музыкального фольклора характерна ладовая переменность, построенная на сопоставлении тоник на секунду, терцию, иногда кварту вверх или вниз.

В песенном творчестве абхазов и адыгов широко представлен один из древнейших кадансов – сложномодулирующий квартовый каданс с присущими музыкальному фольклору каждого из этих народов своими национальными особенностями. В адыгском творчестве встречается абхазский каданс «озбак» и типично абхазский кадансовый оборот II. IV, III, I. И для абхазских и для адыгских песен характерны фригийский, эолийский, простой и сложный кадансы.

Абхазские и адыгские народные песни в основном двухголосные с бурдонной и бассо остинатной формами многоголосия.

Для абхазских песен характерно и трехголосые с комплексной формой полифонии. Адыгские же песни представляют собой перекличку запевалы и хоровой партии «ежу», звучашей в унисон. Большое же количество одноголосных песен у адыгов (почти все обрядовые песни одноголосные) – влияние ислама преследующего многоголосное пение и групповые танцы.

Ретроспективный анализ песен позволил выявить нам формулу-основу абхазского и адыгского музыкального фольклора. Формула-интонация которы есть нисходящее движение мелодической линии от наивысшего звука к тоник лада. Процесс развития последней в соответствии с языковой спецификой обу словил в дальнейшем формирование интонационных особенностей, которые ле ли в основу их музыкально-этнических языков.

Этно-музыкальные параллели, имеющие место в музыкальном фольклор абхазов и грузин, выявили материалы исследований традиционной музыкальнс культуры абхазов и грузин Западной и Восточной Грузии.

И у абхазов, и у грузин песня была обязательной участницей врачевани При заболевании оспой знахарка обрашалась к покровителю оспы Ахи Зосхану абхазов и по этому случаю абхазы пели обрядовую «песню оспы», грузины пе обрядово-хороводную песню «Иав-Нана», связанную с Богиней плодородия В ликой Матери Наны. Иав-Нана с течением времени потеряла свое первоначал ное назначение и стала исполняться как колыбельная.

И у абхазов, и у грузин с древних времен свадьба проходила со строгим с блюдением выработанных веками традиций. Большую часть торжества состав ли народные песни «Оуредада», «Радеда» у абхазов, «Кучхи бедниера» у мег лов и «Перед крестом» и «Макрули» у грузин.

Сходство музыкального фольклора абхазов и грузин прослеживается в музыкальных текстах песен.

Как было отмечено выше интонационной формулой абхазских песен является движение мелодической линии от наивысшего звука к тонике лада, что роднит абхазскую народную песню с восточно-грузинскими песнями, в которых характерным является движение мелодии от наивысшего звука к тонике фригийского лада [Майсурадзе, 1971. с. 30].

Для абхазских и грузинских песен характерны ионийский, миксолидский, лидийский, дорийский, эолийский, фригийский лад, а также ладовая переменность, построенная на сопоставлении тоник на секунду, терцию вверх или вниз.

Сходство абхазских и грузинских песен проявляется и в кадансовых формах. Для абхазских и грузинских песен характерны сложномодулирующий квартовый каданс, квартовый каданс, модулирующий каданс, фригийский, эолийский, простой и сложный кадансы.

В музыкальном фольклоре осетин, как и у абхазов, преобладают героические песни. В героических песнях осетин выявлено интонационное и гармоническое сходство с народнопесенным творчеством абхазов. Сходство проявляется и в стиле, и в манере исполнения.

Основными ладами осетинских, как и абхазских, песен является ионийский, миксолидийский, лидийский, фригийский, эолийский лады, а также переменный лад с характерным сопоставлением тоник на секунду, терцию вверх или вниз.

В абхазских и осетинских народных песнях установлены общие кадансовые формы, с характерными для каждой музыкальной культуры своими национальными особенностями.

Сходство абхазских и осетинских песен проявляется и в характерном метроритмическом стереотипе, состоящем из триолей, сочетающих в себе восьмую с четвертью. Вместе с тем интонационно родственные песни функционально разнятся.

Таким образом, результаты исследований абхазского, адыгского, грузинского и осетинского музыкального фольклора свидетельствуют о существовании в далеком историческом прошлом общей музыкальной культуры у народов, издревле проживающих на Кавказе.

Интонационное родство, а в ряде случаев тождественность напевов абхазов и адыгов свидетельствуют о генетическом родстве их музыкальных культур.

Длительными историко-культурными контактами обусловлено родство музыкальных культур абхазов и грузин.

Родство осетинских народных песен, как с абхазскими, так и с грузинскими, объясняется лежащим в основе осетинских песен кавказским субстратом.

Принимая во внимание общность и самобытность музыкальных языков абхазов, адыгов, грузин и осетин результаты исследований свидетельствуют, что каждая из этих музыкальных культур прошла свой путь развития, в процессе которого изменилось музыкальное мышление и трансформировался музыкальный язык.

Литература

Асафьев, 1947: Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. М., 1947.

Бокарев, Климов,: Бокарев Е. А. Климов Г. А. Иберийско-кавказские языки//Языки народов мира Т IV. М., 1967

Виноградов, 1960: Виноградов В. С. Проблемы этногинеза киргизов в свете этногенеза и историко-культурной общности народов СССР//Славянский музыкальный фольклор, Л., 1960.

Земцовский, 1988: Земцовский. И. Музыка и этногенез// Советская этнография №3, М., 1988.

Кабалевский, 1974: Кабалевский Д. Творческие встречи. Очерки, письма. М., 1974.

Касторский, 1930: Касторский. Абхазская народная песня. Рукопись рукописный фонд Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР, 1930.

Квитка. 1971-1973: Квитка К. В. Избранные труды в 2-х томах М., 1971-1973. Т. 1, 2..

Климов, 1965: Климов Г. А. Кавказские языки, М., 1965.

Кодай, 1961: Кодай З. Венгерская народная музыка, Будапешт, 1961.

Лакербай, 194: Лакербай М. Старинные песни абхазского народна // Советская Абхазия. 1941, янв.

Майсурадзе, 1971: Майсурадзе Н М. Восточногрузинская музыкальная культура вокальная музыка, Тб.,1971.

Налоев, 1980: Налоев З.М. У истоков песенного творчества адыгов// Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М., 1980.

Холопов, 1990: [Холопов Ю. Н. Лад//Музыкальный энциклопедический словарь. М., 1990.

Чикобава,1953: А.С. Введение в языкознание. М., 1953.

Шалашаа З.И.

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В УСЛОВИЯХ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

Одной из основных проблем, стоящих перед Республикой Абхазия в настоящее время является преодоление кризисных явлений, имеющих место практически во всех основных отраслях национальной экономики, с одновременной структурной перестройкой и обновлением техники и оборудования в них, что невозможно осуществить без привлечения значительных инвестиций. Однако основная трудность заключается в том, что преодолевать кризисные явления в национальной экономике республике приходится самостоятельно в условиях острого дефицита собственных финансовых ресурсов. Сдерживающим фактором в этом плане является то, что Абхазия рассматривается иностранными инвесторами в качестве зоны рискового вложения капитала из-за отсутствия политической стабильности вокруг нее.

Важнейшим условием привлечения иностранных инвестиций в республику является наличие законодательной основы, регулирующей деятельность иностранных инвесторов. В этом плане основным законодательным актом является Закон «Об иностранных инвестициях в Республике Абхазия», принятый в 1992 г., а также дополнения к нему 1998 г., в которых определяются общие принципы осуществления иностранных инвестиций на территории республики. Данные законы направлены на привлечение и обеспечение эффективного использования в национальной экономике иностранных материальных, научно-технических достижений и управленческого опыта и гарантируют защиту прав иностранных инвесторов.

В соответствии с Законом иностранные инвесторы могут осуществлять капитальные вложения на территории республики путем:

а) долевого участия в предприятиях, организациях, совместно с юридическими и физическими лицами Абхазии;

б) создания предприятий, полностью принадлежащих иностранным инвесторам, а также филиалов иностранных юридических лиц;

в) приобретения имущества, в том числе долей участия в предприятиях, паев, акций и иных ценных бумаг;

г) приобретения прав пользования землей и другими природными ресурсами, а также иных имущественных прав самостоятельно или с участием национальных юридических и физических лиц;

д) заключения договоров с юридическими и физическими лицами Республики Абхазия, предусматривающих в соответствии с законодательством республики иные формы осуществления инвестиций.

Предприятия с участием иностранного капитала в республике могут создаваться в форме акционерных компаний, обществ с ограниченной ответственностью и иных хозяйствующих товариществ. При этом решение о создании совместных предприятий принимается его учредителями самостоятельно, а в случаях, когда участником СП является государственное предприятие или предприятие общественной организации Республики Абхазия, решение о создании СП принимается его учредителями, с согласия собственника имущества или уполномоченного им органа.

Необходимо заметить, что в законодательном порядке государство гарантирует защиту иностранных инвестиций, правовой режим которых не может быть менее благоприятным, чем режим для имущества, имущественных прав и инвестиционной деятельности юридических и физических лиц Республики Абхазия, причем особо отмечается, что иностранные инвестиции в республике национализации не подлежат. Отметим, что в период с 1995 по 2005 годы Министерством юстиции Республики Абхазия зарегистрировано более 200 предприятий с иностранным капиталом с совокупным уставным фондом более 50 млн. долл. США, при этом размеры уставного фонда отдельных предприятий колеблются от 100 до 600 тыс. долл. Преобладающее большинство совместных предприятий учреждены в форме обществ с ограниченной ответственностью, а наиболее крупные объекты, относимые к предприятиям особо важного народнохозяйственного значения, находятся в совместном ведении иностранного капитала и государства, при котором доля последнего в уставном капитале СП составляет 50%. Это, в частности, Абхазо-Адыгское СП «Пивоваренный завод «Сухумский», Абхазо-Российско-Испанское СП «Гагрский лесокомбинат», Абхазо-Российские СП «Табачная фабрика г.Гудаута» и «Сухум-Бабаевский», Абхазо-Турецкое СП по добыче рыбы «Амлагур» и др. Осуществлены крупные иностранные инвестиции и в добычу угля в шахтерском городе Ткуарчал, где только за 2002-2005 гг. двумя турецкими фирмами, функционирующими на основе отдельных договоров с Министерством экономики вложены более 15 млн. долл США. Основными иностранными инвесторами в экономику Республики Абхазия в настоящее время являются юридические и физические лица Российской Федерации, Турции, Украины, Испании и т.д., а общая сумма освоенных ими в течение 2002 – 2005 гг. вложений составляет более 20 млн. долл. США.

Привлечение инвестиций в республику, помимо создания совместных предприятий осуществляется путем сдачи объектов в долгосрочную аренду Данная форма привлечения иностранного и местного капитала превалирует сфере курортов и туризма. Так, в период с 2000 по 2005 гг. в аренду сданы около 30 крупных курортных здравниц, среди которых наиболее привлекательными известными за пределами республики являются: пансионат «Самшитовая роща» санатории «Нарт», «Солнечный», «Абхазия», «Амра-интернэшнл», «Кавказ» «Армения», «Сосновая роща», дома отдыха «Лазурь», «Литфонд» и др.

В настоящее время Абхазия привлекает иностранный капитал в форме прямых инвестиций, которые представляют собой взносы в уставные фонды совместных предприятий, вложения во взаимовыгодные инвестиционные проекты, относящиеся к наиболее приоритетным отраслям национальной экономики, что является наиболее приемлемым в нынешних социально- экономических и политических условиях Абхазии. Однако простые количественные характеристики результатов иностранных инвестиций в республику создают иллюзию простых решений. Хорошо было бы, чтобы все параметры результатов осуществления любого принятого инвестиционного проекта были положительными. Но таких проектов очень мало и, как правило, их реализация сопряжена с большими инвестиционными затратами. На практике каждый проект дает различные характеристики эффективности их реализации по различным критериям.

Для правильной оценки любого проекта следует, прежде всего, определить влияние его осуществления на развитие национальной экономики. Теоретически осуществление того или иного проекта оказывает влияние на все аспекты правительственной политики экономического развития, а именно на национальный доход, национальные сбережения, занятость, распределение доходов, здра

охранение, социальные и культурные изменения и т. д. В принципе следует определить прямое и косвенное влияние осуществления проектов на выполнение всех задач экономической политики, так как все они представляют интерес и важны для общества. На практике же можно рассмотреть лишь наиболее важные результаты осуществления проектов и только в том случае, если они могут быть оценены.

Следует также учитывать многочисленные, неуловимые на первый взгляд детали, которые иногда могут оказаться наиболее важными последствиями осуществления проекта. Поскольку по своей природе они не поддаются количественному измерению, то решающее значение приобретает их субъективная оценка. Если же их хотят включить в модель программирования, то они должны быть оценены количественно, ибо в противном случае они не могут быть частью этой модели, которая выражается в количественных соотношениях. По этой причине рассматриваемые ниже количественные методы оценки ни в коем случае не являются единственным основанием для принятия решения о включении или не включении инвестиционного проекта в план развития. Однако подобные методы могут существенно помочь, особенно в том случае, когда рассматриваются проекты, количественные характеристики которых имеют важное значение. Окончательное решение о включении инвестиционного проекта в план всегда должны принимать специалисты, которые могут оценить общее количественное и неколичественное влияние осуществления проектов на достижение целей, сформулированных в индикативном плане социально-экономического развития республики.

Результаты осуществления проекта можно разделить на первичные и вторичные, а первые, в свою очередь, - на прямые и косвенные. С точки зрения влияния на доход это подразделение можно определить следующим образом: прямой результат осуществления инвестиционного проекта – рост дохода в секторе, в рамках которого осуществляется данный проект; косвенный результат – рост дохода в секторах, связанных с первым прямыми вертикальными технологическими отношениями; вторичный результат – рост дохода во всех других секторах национальной экономики.

Разнообразие источников инвестиций, поступающих от многочисленных внешних инвесторов наряду с внутренними инвестициями (российские рубли, американские доллары, турецкие лиры, немецкие марки, и т.д.) вынуждают инвестиционные компании прибегать к сложным приемам поиска наиболее эффективных инвестиционных решений. При этом значение имеет как характер задач, которые будут решаться с помощью инвестиций, так и набор различных инвестиционных ресурсов.

Можно выделить три уровня инвестиционных решений:

а) уровень отдельного инвестиционного проекта;

б) уровень инвестиций на уровне отрасли или подотрасли;

в) макроэкономический уровень инвестиционной программы.

Комбинации многоцелевых задач с многомерностью дефицитности или важности различных иностранных валют в случае создания объектов с разным долевым участием иностранных партнеров еще более усложняют задачу. Конечно, наиболее простой путь – оценка валют по их складывающейся рыночной стоимости, а цели реализации можно свести к одной задаче – рентабельности проекта. Но, даже в этом случае возникает проблема измерения – в каких денежных единицах измерять рентабельность проектов: в российских рублях, американских долларах или иных валютах? С нашей точки зрения, упрощение расчета

может привести к крупным просчетам и к практическим убыткам при выбор набора единиц измерений.

Начнем с того, что в Республике Абхазия существует целый набор критер ев результативности реализации любого проекта. Здесь и размеры дохода и нал гов на доходы, и рабочие места, учитывая значительные размеры безработицы, количество жилья, которое может сопутствовать реализации проекта, и продо жительность жизни и уровень квалификации персонала и другие характеристик

Предположим, что правительственные органы или правления корпораці определили влияние каждого проекта на каждую из указанных целей, которые индикативном плане социально-экономического развития страны в целом сфо мулированы следующим образом:

- увеличить доход или национальный продукт на «А»;
- увеличить занятость на «В»;
- увеличить сбережения (накопления) на «С»;
- увеличить какой-либо показатель в области здравоохранения на «D» (н пример, увеличить продолжительность жизни или уменьшить детскую смер ность) и т.д.

Допустим, что влияние осуществления проекта 1 на достижение поста ленных в плане целей характеризуется показателями a_1, b_1, c_1, d_1 и т.д.; проекта – показателями a_2, b_2, c_2, d_2 и т.д.

Чтобы оценить эти проекты, следует дать «оценку» различным целям п на, например увеличению дохода или национального продукта на единицу - увеличению занятости на единицу - q, увеличению сбережений (накоплений) единицу - r, увеличению показателя здравоохранения на единицу - s и т.д. Д начала можно допустить, что эти оценки являются субъективными оценка экономиста. Результаты влияния проектов, не поддающихся количественно учету, также приходится оценивать субъективно; впоследствии, как уже отме лось, эти оценки могут уточняться специалистами.

Таким образом, общая «оценка» проекта 1 равняется:

$$V_1 = a_1p + b_1q + c_1r + d_1s \text{ и т.д.}$$

«Оценка» проекта 2 составляет:

$$V_2 = a_2p + b_2q + c_2r + d_2s \text{ и т.д.}$$

С точки зрения финансовых затрат основным фактором является капит инвестируемый в каждый проект, который можно обозначить через $к_1$, $к_2$ и Могут быть и другие ограниченные факторы, например иностранная валюта f и т.д. Таким образом, имеются два типа ресурсов для инвестирования (их мо быть и больше, как это имеет место в Республике Абхазия).

Сделаем экономические расчеты применительно к условиям Республ Абхазия, исходя из следующего:

A - увеличение национального продукта на 100 млн. долл. =100 баллов;
B - увеличение занятости на 2 тыс. чел. =100 баллов;
C - увеличение накоплений на 50 млн. долл. =100 баллов;
D - увеличение продолжительности жизни на 1 год =100 баллов.

Проект 1, результаты:	Проект 2, результаты:
a_1 = 1 млн. долл., т.е. 1 балл	a_2 = 800 тыс. долл. , 0,8 балла
b_1 = 500 чел., 25 баллов	b_2 = 1000 чел, 50 баллов
c_1 = 500 тыс. долл., 0,1 балла	c_2 = 10 тыс. долл., 0,05 балла
d_1 = 2 года, 100 баллов	d_2 = 0,3 года, т.е. 33 балла

Если предположить, что увеличение дохода на 1 млн. долл. имеет для циональной экономики такое же значение, как и увеличение занятости на 2

чел., рост накоплений на 50 млн. долл. и продолжительность жизни на балл, то оценка проекта 1 будет равна:

$V_1 = 1 + 25 + 0,1 + 100 = 126,1$ баллов.

Оценка проекта 2 будет равна:

$V_2 = 0,8 + 50 + 0,05 + 33 = 83,85$ баллов.

По первоначальным оценкам (субъективным) наибольший результат дает проект 1. Далее необходимо сравнить полученные результаты с затратами. Если проект 1 стоит K_1= 2 млн. руб., а в иностранной валюте затраты составляют 500 тыс. долл., а проект 2 стоит K_2 = 1,2 млн. руб., а в иностранной валюте - 200 млн. долл., то с точки зрения затрат в рублях эффективность проекта 1 составит в баллах, на 1 млн. руб.:

126,1 : 2 = 63,

а эффективность проекта 2 составит

83,85 : 1,2 =70.

Можно констатировать, что с точки зрения затрат на 1 млн. руб. по суммарному результату в рублях проект 2 является эффективней. Но с точки зрения валютных затрат, при выбранной шкале оценок значимости результатов проект 1 дает следующие результаты на единицу затрат в иностранной валюте на 1 млн. долл.:

126,1 : 0,5 = 252 единиц,

а эффективность проекта 2 при затратах на 1 млн. долл. составит:

83,85 : 0,2 = 419.

Таким образом, хозяйствующий субъект, принимающий решение должен сопоставить результаты с разной покупательной способностью валют: официальной и реальной, а затем уже принимать окончательное решение. Подобная процедура должна быть применена ко всем предложенным проектам, а затем должен быть проведен отбор наиболее эффективных проектов в соответствии с поставленными целями и задачами в каждой конкретной отрасли. Если же задача не реализуется, то следует пересмотреть шкалу субъективных оценок и относительное соотношение дефицитности валют. Процедура повторяется столько раз, сколько это необходимо для получения эффективной отраслевой программы. При разработке многоотраслевой программы необходимо определить приоритетность отраслей, и в соответствии с обоснованием приоритетов определить значение субъективных оценок целей по каждой отрасли с тем, чтобы получить максимальный народнохозяйственный эффект и полной утилизации имеющихся разнообразных ресурсов. Чисто рыночный подход к данной проблеме по схеме инвестиции – прибыль представляет собой частный случай оптимизационной задачи. Здесь выдвинута идея упрощенной процедуры поиска оптимального решения, как для отдельного проекта, отдельной отрасли, так и для национальной экономики. За пределами этого подхода находится временной фактор, но и он может быть учтен через характеристики дисконтирования.

Если для осуществления проектов необходим не только капитал, но и другие ограниченные факторы, например, иностранная валюта, природные ресурсы или квалифицированные рабочие, то в знаменателе показателей эффективности проектов должен стоять не только инвестируемый капитал K_1, K_2 и т.д., но и оценки этих факторов производства. Оценки факторов производства иначе называют «расчетными ценами». И в данном случае, исходя из произвольных относительных цен на перечисленные выше ограниченные факторы производства, можно выбрать наиболее эффективную программу проектов, но объем необходимых для ее осуществления факторов может и не совпасть с их наличием. Методом

последовательного приближения можно найти такие относительные расчетн цены факторов производства, которые приведут к выбору самой эффективн программы, использующей только имеющиеся ресурсы для ее осуществлен Однако, полученный таким образом, максимальный вклад инвестиций в увел чение национального дохода страны может совпадать или не совпадать с пре положениями индикативного плана. Если план развития национальной эконом ки в целом и программы развития отдельных ее секторов основывались на то ных или предельных, капитальных коэффициентах, то расхождения не будет. Н как правило, будет иметь место некоторое несоответствие в том или ином отн шении и это будет свидетельствовать о необходимости пересмотра первонача ного проекта, что является примером осуществления «планирования по этапам

Если имеется план, в котором выделено несколько секторов национальн экономики, то рассмотренный метод можно использовать и для выбора проект в каждом секторе, что позволяет осуществить проверку плана, так как мож случиться, что «последний» проект, принятый в секторе 1, окажется менее в годным с точки зрения увеличения национального дохода страны, чем перв проект, исключенный в секторе 2. В подобном случае было бы лучше ввести п следний проект и отказаться от первого, и такой пересмотр плана явился бы е улучшением. Однако решение должно зависеть от того, что лучше и реальне предположения, лежащие в основе плана или оценки «эффективности» проекто

При оценке проекта иногда может возникнуть необходимость расчленен затрат, связанных с его осуществлением, на отдельные элементы. Подобная н обходимость особенно ясно проявляется, если используются так называем расчетные или условные, цены. Расчетные цены - это фиктивные цены, котор можно придать некоторым элементам затрат или товарам с целью придания лучшей оценки относительного значения для национальной экономики. Напр мер, расходы, осуществляемые в иностранной валюте или доходы, получаемы той же валюте, могут иметь гораздо более важное значение для национальн экономики, чем это показывает официальный валютный курс. Вообще расчетн цены - это уровень цен, при котором устанавливается равновесие между спрос и предложением. При официальном валютном курсе это равновесие часто отсу ствует; иностранная валюта оказывается слишком «дешевой», и поэтому спр на нее превышает предложение. Кроме того, существуют серьезные основан полагать, что фактические цены на труд и капитал в странах с переходной эк номикой, в том числе и Абхазии, в которых уровень социально-экономическо развития по известным причинам низок, отличаются от их «действительно ценности для национальной экономики, или от цен равновесия. В странах с пер ходной экономикой количество малоквалифицированной рабочей силы сто велико, что ее предложение превышает спрос. Использование дополнительн единицы неквалифицированного труда дает стране мало продукции и предста ляет собой меньшую ценность, чем выплачиваемая заработная плата. В то время капитал может иметь более важное значение для страны, чем это видно официальной ставки процента, доказательством чему служат гораздо более в сокие проценты по частным займам.

Расчеты, описанные выше, часто оказываются слишком сложными, и трудно провести с той точностью, какая требуется теоретически, в связи с че на практике на всех этапах планирования и программирования возникает п требность в применении приближенных методов.

Процесс разгосударствления, приватизации и акционирования государ венной собственности, который практически еще не начался в Республике Аб

зия, в особенности в более крупных предприятиях, должен способствовать привлечению средств в виде портфельных вложений, т.е. путем покупки зарубежными инвесторами акций приватизируемых объектов, и в этом случае необходимость проведения анализа оценок инвестиционных проектов возрастает еще больше.

К числу факторов, способствующих притоку иностранного капитала в национальную экономику Абхазии, следует отнести льготы, предоставляемые предприятиям с иностранными инвестициями, которые изложены в дополнениях к Закону «Об иностранных инвестициях в Республике Абхазия». В частности, предприятиям с иностранными инвестициями, в уставном капитале которых доля иностранного участия составляет более 30%, устанавливаются следующие налоговые льготы:

а) уменьшение на 25% облагаемой прибыли и суммы налога на имущество в течение первых трех лет после получения объявленной прибыли, включительно, если размер иностранных инвестиций в уставном фонде предприятия составляет 20 тыс. долл. США и более;

б) уменьшение на 50% облагаемой прибыли и суммы налога на имущество в течение первых трех лет, после получения объявленной прибыли, включительно, если размер иностранных инвестиций в уставном капитале предприятия составляет 50 тыс. долл. США и более;

в) полное освобождение от уплаты налога на прибыль и налога на имущество в течение первых трех лет после получения объявленной прибыли, включительно, если размер иностранных инвестиций в уставном капитале предприятия составляет 100 тыс. долл. США и более.

Кроме того, предприятия с иностранными инвестициями в республике дополнительно освобождаются от налогообложения прибыли, реинвестируемой в следующие приоритетные производства:

- производство, переработка и хранение сельскохозяйственной продукций;
- производство технических средств профилактики инвалидности и реабилитации инвалидов;
- строительство объектов жилищного, производственного, социального и природоохранного назначения;
- строительство и развитие энергетики на основе малых гидроэлектростанций и другой альтернативной энергетики.

К числу льгот относится и положения законодательства о том, что имущество, ввозимое в Республику Абхазия в качестве вклада иностранного инвестора в уставной капитал СП, полностью освобождается от взимания таможенной пошлины и не облагается налогом на импорт.

В настоящее время Кабинетом Министров Республики Абхазия определены основные отрасли и виды деятельности в национальной экономике, представляющие преимущественный интерес для иностранных инвесторов, каковыми являются:

- курорты и туризм, в том числе санатории, пансионаты, дома отдыха, гостиницы, туристические базы, туристические агентства и т.д.;
- пищевая промышленность, в том числе предприятия по производству винно-водочных изделий, безалкогольных напитков, консервирования плодоовощных продуктов сельского хозяйства, хлебобулочных и кондитерских изделий;
- перерабатывающая промышленность, в том числе: чайные и табачные фабрики, кожевенный и химический заводы и др.;

- лесная и деревообрабатывающая промышленность, в том числе предприятия по заготовке и переработке древесины (бук, пихта, дуб);
- добывающая промышленность, в том числе: по добыче каменного угля, барита для химической и медицинской промышленности, строительных материалов (известь, гранит, мрамор, кварцевые пески, глина и др.);
- энергетика, в том числе предприятия по производству и транспортировке электроэнергии;
- сельское хозяйство, в том числе возделывание и производство ореха-фундука, чайного листа, табака, эфирномасличных культур (базилик, герань, роза, тунг, эвкалиптовое масло), цитрусовых, плодово-ягодных культур, овощей, злаков и др. сельскохозяйственных культур.

Таким образом, в Республике Абхазия, органы государственной власти и управления с помощью экономических и нормативно-правовых мер воздействия, с использованием либеральной налоговой политики пытаются преодолеть последствия инвестиционного кризиса, обеспечить условия повышения инвестиционной активности. Вовлечение зарубежных инвестиций в воспроизводственный процесс будет способствовать значительному облегчению и ускорению структурной перестройки национальной экономики, формированию в ней высокотехнологичных и эффективных производств.

Раздел II. Аҟәша

Аҧсабаратәи атехникатәи ҭцаарадырраҟәа

Естественные и технические науки

Зыков Б.М., Марколия А.И.,
Сабо Е. П., Швангирадзе Р.Р.

ВОДОРОДНАЯ ЭНЕРГЕТИКА И ЭКОЛОГИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Потребности человечества в энергетических ресурсах за каждые 15 лет удваиваются. При этом большую долю энергии человечество получает из невозобновляемых ресурсов: нефти, угля, сланцев, природного газов, запасы которых ограничены. Так, например, энергетический ресурс нефти по прогнозам будет исчерпан не позже, чем через примерно 50 лет. Остальные ресурсы послужат несколько дольше. Атомная энергия в общем мировом балансе, хотя и возрастает с годами, но в 21 веке по прогнозам вряд ли сможет удовлетворить даже 50% потребности человечества в энергии. Доля же возобновляемых видов энергии ещё меньше.

За последние 2-3 десятилетия учёные - энергетики (уже во второй раз после известного энергетического кризиса 70х годов прошлого века), особое внимание уделяют водороду как универсальному топливу. Водород обладает почти в три раза большей теплотой сгорания, чем углеродные горючие. Запасы же водорода в составе воды морей и океанов неисчерпаемы. Интерес к водородной энергетике вызван не только ограниченностью углеводородных ресурсов, но и это пожалуй главное, вредными выбросами в атмосферу при их сжигании, такими как CO, CO_2, CH, NO_x, и др., пагубными для всего живого. Отметим, что из всех вредных выбросов на долю автотранспорта, работающего на бензине, приходится в среднем по России 45-50об%, а по Москве 94об% [6]. Продуктом же горения водорода являются безвредные пары воды, и он является автомобильным топливом 21 века.

Таким образом, для человечества переход на водородное топливо историческая необходимость и поэтому в настоящее время весь передовой мир активно приступил к разработке промышленных путей замены традиционных углеводородных энергоносителей водородом [1,2,20], хотя его стоимость пока ещё в 5-8 раз дороже.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ВОДОРОДНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Широкомасштабные проблемы водородной энергетики можно разделить в основном на две практически равнозначные задачи.

Первая – это получение наиболее дешёвым способом водорода приемлемой чистоты. Основным энергоносителем в водородной энергетике необходимым, например, для топливных элементов (ТЭ), является водород чистотой >99,999об%. Потребность в чистом водороде для различных задач варьируется от нескольких десятков м3/час до миллионов. Надежда на большую производи-

тельность связана с получением водорода на атомных электростанциях (АЭС). Следует отметить, что всеми существующими промышленными способами производится водород технической чистоты не лучше 99,8об% и необходима его дополнительная очистка.

Вторая - это разработка надёжных, безопасных и удобных способов аккумулирования и транспортировки водородного энергоносителя к потребителю. В то же время ученые активно занимаются проблемами, позволяющими одновременно получать и использовать водородное топливо непосредственно на борту транспортных средств например, разложением метанола (CH_3COOH), либо аммиака (NH_3). Проблемы водородной энергетики чрезвычайно широки и поэтому решением симпозиума «Безопасность и экономика водородного транспорта», проведенного в г. Саров, 17-22 августа 2003 г. и 12-17 апреля 2004 г. было принято решение существенно сократить второстепенные направления, направив усилия на наиболее перспективные [3,4].

Главными направлениями в водородной энергетике можно считать:

- ✓ - атомно-водородная технология производства водорода;
- ✓ - получение водорода методом электролиза при повышенных температурах;
- ✓ - получение водорода методом термохимического разложения воды;
- ✓ - получение водорода методом каталитической конверсии углеводородов;
- ✓ - получение водорода методом разложения аммиака;
- ✓ - получение водорода с использованием возобновляемых источников энергии.

В части хранения и транспортировки водорода:

- ✓ хранение в газообразном состоянии под давлением в баллонах различных типов;
- ✓ хранение в жидком состоянии в криогенных ёмкостях;
- ✓ хранение в твердофазном связанном состоянии в металлах или интерметаллидах;
- ✓ хранение в адсорбированном состоянии на криодесорбентах;
- ✓ хранение в углеродных наноструктурных материалах.

Важными направлениями, прежде всего для транспортных средств, остается совершенствование топливных элементов (ТЭ) и обеспечение безопасности работы, включающей разработку детекторов водорода и др.

Следует остановиться на состоянии разработок ТЭ (электрохимических генераторов), которые ведутся практически во всех странах мира, включая Россию [5]. В ТЭ с щелочными электролитами уже достигнут КПД 70-75% и на их базе созданы энергетические установки космического базирования [12]. В других типах ТЭ применяют твердые полимерные или керамические электролиты с мембранами и электродами из палладия и платины, к которым подводятся водород и кислород воздуха. Эти ТЭ очень чувствительны к чистоте компонентов, дороги и, несмотря на имеющийся прогресс, ещё далеки от практического использования [7-10]. Прогноз снижения стоимости ТЭ Российских разработок до 300-500 $/кВт [9], а зарубежных до 200 $/кВт и менее.

ПРОБЛЕМЫ ХРАНЕНИЯ И ТРАНСПОРТИРОВКИ ВОДОРОДА

Автомобилестроение является ведущей отраслью народного хозяйства, дающее стимулы развития другим инфраструктурным отраслям. Большие усилия ученых всего мира направлены на решение проблемы снабжения автомобильного транспорта водородом, являющимся автомобильным топливом 21 века.

Учитывая высокое совершенство и масштабы мирового выпуска автомобилей с двигателями внутреннего сгорания (ДВС), предлагается использовать водород не только в чистом виде как основное моторное топливо, но и в качестве добавки к бензину, что значительно повышает КПД ДВС. Перевод бензиновых двигателей на смесь бензина с водородом также снижает вредные выбросы [2]. Тем не менее частичная замена бензина водородом в ДВС – это временная мера.

Важной проблемой при использовании водорода в качестве моторного топлива является разработка систем его хранения. В настоящее время рассматриваются несколько способов решения этой проблемы.

1) Хранение газообразного водорода.
Наиболее подготовленным для реализации является способ хранения сжатого до 50 МПа газообразного водорода в баллонах. Объём баллона должен обеспечивать размещение в нём не менее 5 кг водорода, что соответствует примерно 300 км пробега автомобиля. На массу баллона влияет конструкция и прочность материала, из которого он изготовлен. Для стальных баллонов на 5 кг водорода под давлением 40 МПа масса достигает 300-320 кг. Возникает вопрос, многие ли водители на своих легковых автомобилях захотят возить такой лишний груз. Ведутся работы по снижению веса баллонов ориентируясь не на цилиндрические, а сферические формы. По мнению специалистов целесообразно на транспортных средствах использовать баллоны, содержание водорода в которых более 5 мас% от его веса.

2) Хранение сжиженного водорода.
Хотя хранение и перевозка больших количеств жидкого водорода промышленностью освоены, создание небольших криогенных сосудов объёмом менее 1 $м^3$ для хранения жидкого водородного топлива на борту транспортных средств, а также системы их заправки и тепловой изляции являются самостоятельной и ещё сложной нерешенной задачей. Конструкции автомобильных криогенных сосудов для сжиженного водорода с экранно-вакуумной изоляцией были разработаны в США, ФРГ и Японии. В России изготовлены относительно малогабаритные сосуды ёмкостью 80 литров для хранения 5 кг жидкого водорода при рабочем давлении 0,5-0,8 МПа. Масса сосуда 35 кг при толщине теплоизоляции ~6,2 см, а содержание водорода составляет почти 15мас%, что по современным представлениям является хорошим. Планируется создание криогенного сосуда на 8,5 кг жидкого водорода стоимостью $900-950 [13]. По всей вероятности криогенное хранение водорода на борту транспортных средств в перспективе может оказаться конкурентоспособным, хотя ещё следует решить вопрос безопасности в аварийных ситуациях.

3) Хранение водорода в углеродных наноматериалах.
По расчётам министерства энергетики США применение водорода в качестве топлива на транспорте становится возможным при использовании систем хранения в ёмкостях не менее 6,5мас% водорода [14]. С момента открытия углеродных нанотрубок, они стали объектом исследования для создания аккумуляторов водорода [15]. В широких исследованиях, проводимых до настоящего времени, при различных внешних условиях были получены весьма противоречивые результаты, повторять которые редко удавалось [16]. Так, на графитовых нановолокнах в [17] было получено поглощение водорода до 60 мас% при давлении 12 МПа и температуре 298 К. Однако, в работе [18], при попытке подтвердить эти результаты, поглощение водорода составило около 1 мас%. Во многих работах наблюдается сильная зависимость поглощения водорода в углеродных системах от структуры, способа получения, наличия примесей, усло-

вия проведения экспериментов и многих других факторов. Поэтому результаты поглощения водорода колеблются от 1 мас% до рекордных 60мас%, и требуются дальнейшие исследования для получения надёжных воспроизводимых результатов.

4) Гидридные системы хранения водорода.

Одним из перспективных является способ аккумулирования водорода в металлах и интерметаллических соединениях. Следует отметить, что ёмкость многих соединений по водороду существенно больше, чем в жидком водороде того же объёма и, если эффективные твердотельные гидриды удаётся синтезировать из материалов с достаточно низкой плотностью, то гидридные накопители водорода вполне могут конкурировать с другими. Следует отметить важную для транспортны средств безопасность гидридных систем, а также то, что интерметаллические соединения селективно поглощают водород, и дегидрированнй газ чище используемого для гидрирования.

Практически все металлы и сплавы способны поглощать и удерживать в определённых условиях то или иное количество водорода. В настоящее время исследуется в качестве накопителей водорода довольно большое число интерметаллических соединений. Однако, пока единицы их изучены в такой степени, чтобы можно было на их основе предложить реальные конструкции аккумуляторов, например для транспортных средств. Главными требованиями к гидридным накопителям водородного топлива являются: низкая плотность гидрируемого материала; высокая удельная ёмкость водорода (не менее 6-6,5 мас%); равномерность и обратимость процессов гидрирования и дегидрирования; приемлемые характеристики по давлению и особенно по температуре гидрирования и дегидрирования.

Преимущество гидридных накопителей водорода обусловлено тем, что в сосуде с гидридом находится небольшое количество свободного водорода при обычно небольшом давлении, а его выделение при термическом разложении проходит постепенно.

Основным недостатком гидридных систем является относительно низкое содержание водорода по массе, особенно если используются довольно тяжёлые, хотя и хорошо поглощающие редкоземельные и некоторые другие тяжёлые металлы, которые обычно и дорогостоящи [13]. Существуют, однако, интерметаллические соединения легких и относительно дешёвых компонентов, аккумулирующие до 6 мас% водорода, которые к сожалению ещё недостаточно изучены.

В настоящее время наиболее подготовлены для реализации системы хранения газообразного водорода в баллонах при давлениях 40 МПа с емкостью 1,5-2,5 мас%. Почти такая же емкость достигнута в опытных образцах промышленных гидридных накопителей [19]. Хотя введение в использованные интерметаллические соединения редкоземельных элементов увеличивают стоимость и массу. Из множества интерметаллических соединений [20,21], способных аккумулировать водород, только некоторые могут оказаться перспективными для транспортных накопителей.

В середине 2004 года в Сухумском физико-техническом институте (ныне ГНПО «СФТИ»), имеющем большой опыт в разработке материалов и установок малой и средней энергетики, начаты работы по водородной энергетике. Работа была сосредоточена на исследовании накопителей водорода. Проведен научно-технический поиск. Из интерметаллических соединений с приемлемыми для создания аккумуляторов широкого применения предпочтение отдано соединениям в системах: La – Ni, Mg – Ni, Fe – Ti и

Mg – Al. Некоторые основные характеристики соединений в этих системах приведены в таблице.

Характеристики гидридов некоторых интерметаллических соединений.

Интерметаллическое соединение	Температура гидрирования T, К	Давление гидрирования P, МПа	Температура разложения при P=0,1 МПа T_p, К	Объём водорода v, $м^3/кг$
$LaNi_5$	293	5-6	330	0,15
Mg_2Ni	410-570	1-1,4	450-500	0,40
FeTi	293	3-4	270	0,22
$MgAl_2$	-		400-450	0,82

Наиболее приемлемые характеристики по температурам гидрирования и дегидрирования имеет к настоящему времени интерметаллическое соединение $LaNi_5$. недостатком его является относительно низкая удельная ёмкость гидрида типа $LaNi_5H_6$ и высокая стоимость. Для пробега легкового автомобиля ~400 км необходимо на борту разместить 1000 кг гидрида, что не очень приемлемо для транспортных средств. Гидрид Mg_2NiH_4 обладает существенно большей емкостью и более низкой стоимостью, но получить его непросто из-за сильного влияния на свойства примеси кислорода.

В качестве основной задачи выбраны фундаментальные исследования интерметаллических соединений с учётом фазового состава, кристаллохимических особенностей, электронной структуры и других факторов основного соединения и вводимых добавок с целью получения накопителей с достаточно высокой водородной ёмкостью, относительно дешёвых и легко синтезируемых.

Для экспериментального исследования характеристик гидридов разработана установка, упрощенная схема которой представлена на рисунке.

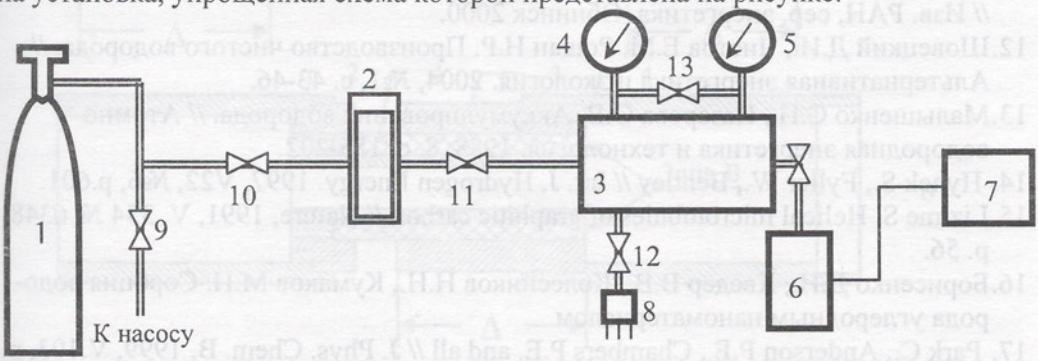


Рис. 1 Схема экспериментальной установки для исследования накопителей водорода веществами.

1 - баллон с водородом, 2 - ловушка азотная; 3 – калиброванный объём; 4 – манометр на 1 МПа; 5 – манометр на 0,1 МПа; 6 – сосуд с исследуемыми веществами; 7 – датчик температуры вещества; 8 – датчик низкого давления;; 9, 10, 11, 12, 13, 14 – краны.

Установка позволяет работать до температур 1220 К и давлении водорода до 1,7 МПа.

Литература

1. Корнилов Г,С., Лукшо В.А. Концепция экологически чистого автомобиля. // ГНЦ «НАМИ». М.: 2002.
2. Сорокин А.И., Мирзоев Г.К. Сравнительный анализ автомобильных двигателей внутреннего сгорания и энергоустановок на топливных элементах. / Труды второго всероссийского семинара. Новосибирск. 2003.
3. Abstract Book of Second International Symposium. 2003// SPECIAL ISSUE
4. Международный научный журнал. Альтернативная энергетика и экология. // 2004 с. 20-23.
5. Бетурина В. на пути водородной энергетики // Что нового в науке и технике. 2004. с. 20-23.
6. Коротеев А.С., Миронов В.В., Смоляров В.А. Перспективы использования водорода в транспортных средствах // Альтернативная энергетика и экология. 2004, №1, с. 5-13
7. Фурсенков П.В., Тарасов Б.П. // Альтернативная энергетика и экология. 2004, №10, с. 24-36.
8. Коровин Н.В. Электрохимическая энергия // Изв. РАН, сер. энергетика. 2357, №4, с. 49-65.
9. Коровин Н.В. Топливные элементы; состояние развития и проблемы // Альтернативная энергетика и экология. 2004, №10, с. 8-14.
10. Голин Ю.Л. и др. Щелочные топливные элементы для транспортных средств // Альтернативная энергетика и экология. 2004, №10, с. 31-34.
11. Коровин Н.В. Топливные элементы и энергетические установки на их основе // Изв. РАН, сер. энергетика. Обнинск 2000.
12. Шовецкий Д.И., Чистов Е.М. Рошан Н.Р. Производство чистого водорода. // Альтернативная энергетика и экология. 2004, №1, с. 43-46.
13. Малышенко С.П., Назарова О.В. Аккумулирование водорода. // Атомно-водородная энергетика и технология. 1988, 8. с. 155-202.
14. Hynek S., Fyller W., Bentley // Int. J. Hydrogen Energy. 1997, V22, №6, p.601.
15. Lizime S. Helical microtubules of graphitic carbon // Nature, 1991, V. 354 № 6348 p. 56.
16. Борисенко Д.Н., Кведер В.В., Колесников Н.Н., Кумаков М.П. Сорбция водорода углеродным наноматериалом.
17. Park C., Anderson P.E., Chambers P.E. and all // J. Phys. Chem. B. 1999, V.103, p 10572.
18. Tibbets G.G., Meisher G.P., Olc C.H. Hydrogen Storage Capacity of Carbon nanotrubes. // Carbon 2001, V. 39, p. 2291.
19. Тарасов Б.П., Фокин В.Н., Борисов Д.Н. и др. Аккумулирование водорода сплавами магния и редкоземельных металлов с никелем. // Альтернативная энергетика и экология. 2004, №1, с. 47-52.
20. Водород свойства, получение, хранение, транспортирование, применение. Справочник. Под ред. Гамбурга Д.Ю., Дубовкина Н.Ф. 1989, М.: Химия.
21. Булычев Б.М., Стороженко П.А. Молекулярные ионные гидриды металлов как источники водорода для энергетических установок. // Альтернативная энергетика и экология. 2004, №4, с. 11-18.

Авторы благодарят:

Удавиченко Ю. К., Шаумян Т. А. Родии В. М. и Кущенко М.

Дгебуадзе К. А., Козлов О.Ф.,
Красненкова Т.М., Марколия А.И.,
Оганезов З.А., Тимошенко А.П., Элошвили Ю.Л.

НИЗКОТЕМПЕРАТУРНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ КОАКСИАЛЬНЫХ МЕТАЛЛОКЕРАМИЧЕСКИХ ГЕРМОВВОДОВ

Гермовводы коаксиальной конструкции на основе многослойной металлокерамической композиции, выполненной с помощью бесприпойного диффузионного соединения керамического и металлических слоев, обладают рядом существенных преимуществ по сравнению со всеми известными конструкциями гермовводов [1-3]. Конструкции металлокерамических коаксиальных гермовводов представлены на рис.1.

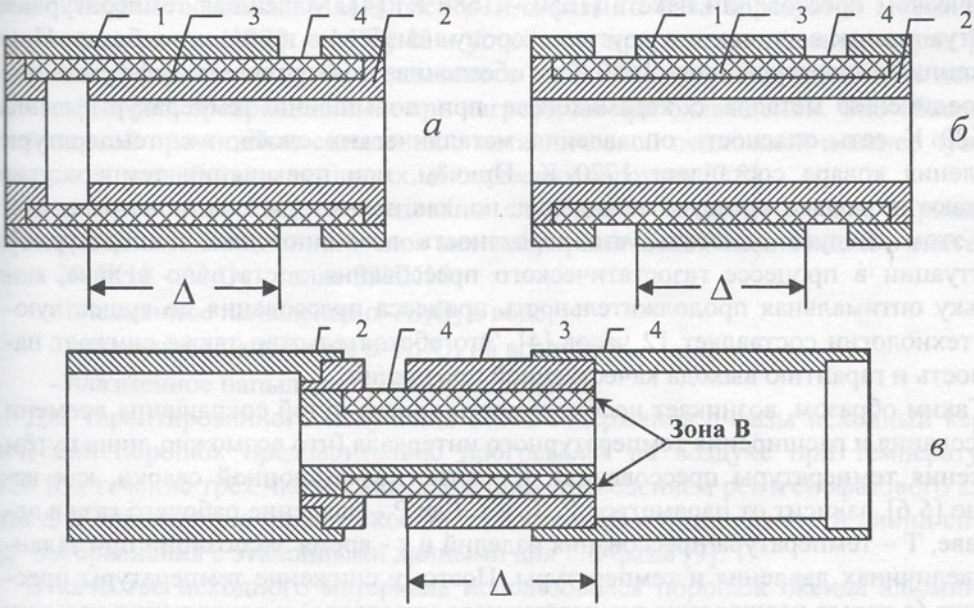


Рис.1. металлокерамические коаксиальные гермовводы.

а) – МКГВ-5; *б*) – МКГВ-5А; *в*) МКГВ-АМ

1- наружный металлический слой; 2- внутренний металлический слой;

3 – керамический слой; 4 – изолирующий поясок.

Здесь прежде всего, необходимо отметить их высокую химическую и радиационную стойкость, высокую механическую прочность и термостойкость, а также малые габаритные размеры. Эти преимущества делают их практически незаменимыми, в особенности в конструкциях специального электротермического оборудования, где требуется надёжная изоляция при высоком уровне электросопротивления в широком температурном интервале и в различных средах, в том числе агрессивных. (различного рода испытательные установки, термоэмиссионные и термоэлектрические преобразователи тепловой энергии в электрическую, имитаторы тепловыделяющих элементов реакторных установок, аккумуляторы солнечных батарей и т.п.).

Разработанная в СФТИ серия таких коаксиальных гермовводов из различных материалов и с различными параметрами позволяет решать ряд технических и научных задач.

Проведенные в процессе разработки гермовводов различные исследования [1-4] показали, что наиболее приемлемыми материалами для гермовводов могут быть:

- В качестве металлических слоев (манжет) – ниобий (Nb), сплав СБ-1 (Nb +1%Zr), ковар (сплав 29 НК18);
- В качестве изоляционного слоя – керамика из оксида алюминия (Al_2O_3).

Вполне естественно, что наибольшее распространение получили гермовводы на основе ковара, поскольку ковар дешевле ниобия примерно на порядок.

Однако, существующая в настоящее время технология производства гермовводов и прежде всего, трёхслойной металлокерамической композиции (пакета типа металл – керамика – металл) сопряжена с рядом трудностей. Здесь, прежде всего, необходимо отметить довольно узкий температурный интервал при газостатическом прессовании пакета (1650 – 1680 К) [4]. Малейшая температурная флуктуация как в ту, так и в другую сторону неизбежно приводит к браку. При снижении температуры ниже 1650 К не обеспечивается прочность диффузионного соединения металла с керамикой, а при повышении температуры выше Т=1680 К есть опасность оплавления металлических слоёв, т.к. температура плавления ковара составляет 1720 К. Причём, при повышении температуры страдают не только прессуемые изделия, но, как правило, и электронагреватель. При этом следует отметить, что вероятность возникновения температурной флуктуации в процессе газостатического прессования достаточно велика, поскольку оптимальная продолжительность процесса прессования по существующей технологии составляет 12 часов [4]. Это обстоятельство также снижает надёжность и гарантию выхода качественной продукции.

Таким образом, возникает необходимость поиска путей сокращения времени прессования и расширения температурного интервала (что возможно лишь путём снижения температуры прессования). Качество диффузионной сварки, как известно [5,6], зависит от параметров P, T, и τ. Где P – давление рабочего газа в автоклаве, T – температура прессования изделий и τ - время экспозиции при заданных величинах давления и температуры. Поэтому снижение температуры прессования (с целью расширения температурного интервала) и сокращения времени экспозиции при сохранении качества диффузионной сварки, может быть достигнуто в результате повышения давления в автоклаве.

Другой возможный путь обеспечения герметичности в области диффузионной сварки при пониженных значениях температуры и времени прессования – это повышение качества сцепления (адгезии) керамики и металлических слоёв гермоввода. В этом варианте решения проблемы также возможны различные способы:

- Разного рода развитие поверхности металлических слоев;
- Формирование переходных слоёв на металлических поверхностях (окисление, введение в керамику добавок, образующих стеклофазу и т.п.)
- Варьирование методов нанесения керамики (плазменное нанесение в различных средах, биндерное нанесение с различными связующими и т.д.)

Наконец, существует также чисто конструктивное решение этой задачи, которое заключается в увеличении длины поверхности диффузионной сварки (расстояние τ, см. рис.1). Однако, этот вариант возможен лишь в том случае, когда нет жёсткого ограничения по длине гермоввода. Поэтому необходимо отметить, что каждый из перечисленных вариантов, как в отдельности, так и в любом их сочетании может не обеспечить получения желаемых результатов в решении поставленной задачи. Поэтому необходимы специальные исследования металлокерамических композиций и всесторонние лабораторные испытания гермовводов при достаточно большой статистике.

При существующей постановке задачи направление исследований было сосредоточено на изучении факторов, влияющих на качество и свойства изоляционных слоёв металлокерамической композиции и разработке технологии, обеспечивающей эти качества при понижении уровня температуры газостатического прессования и сокращенном временем экспозиции.

Используемый в качестве электроизоляционного слоя материал – оксид алюминия (Al_2O_3) в исходном состоянии имеет, по крайней мере, семь модификаций, среди которых основными являются γ- и α-фазы. α-фаза образуется в температурном интервале (1020 – 1470) К и устойчива при высоких температурах [7]. Покрытие, получаемое путём плазменного напыления порошка α-Al_2O_3 не испытывает фазовых превращений ни при нагреве, ни при охлаждении. Оно обладает повышенной прочностью сцепления с металлической подложкой и менее чувствительно к воздействию тепловых циклических нагрузок [7,8].

В связи с этим были исследованы следующие технологические варианты формирования изоляционного слоя металлокерамической композиции в системе сплав 29НК18 - Al_2O_3 - сплав 29НК18:

- плазменное напыление α-Al_2O_3 в воде;
- плазменное напыление α-Al_2O_3 на воздухе;
- плазменное напыление γ-Al_2O_3 на воздухе.

Для гарантированного получения 100% содержания α-фазы исходный керамический порошок предварительно прогревался на воздухе при температуре 1520 К в течение трёх часов с последующим проведением рентгенофазового анализа для определения межплоскостных расстояний и интенсивности линий спектра для сравнения с эталонными данными для □α-фазы [9].

В качестве исходного материала использовался порошок оксида алюминия марки ЧДА безводный (содержит γ- и α-фазы), а также порошок Al_2O_3 марки Г-00, содержащий только γ-фазу.

Другой путь увеличения прочности сцепления керамического покрытия с металлическими слоями заключается в предварительном (до нанесения керамического покрытия) окислении металла. При окислении ковар (сплав 29НК18) образует плотную прочную плёнку с высокими связующими свойствами. По весу её толщина должна составлять (5-7)10^{-4}г/см^2. для получения такой пленки детали обрабатывают на воздухе в одном из следующих режимов [10] (см. табл.1).

Табл.1.

Температура t,°C	800	900	1100
Время τ, мин	17	3	1

В связи с этими рекомендациями исследовались также образцы с плазменным нанесением α-Al_2O_3 на воздухе с предварительным окислением подложки по указанным в табл. 1 режимам.

Исследовались также образцы композиций с биндерным способом нанесения керамики и использовании пластифицирующей добавки в виде соединений $Na_2O_nSiO_2$ (жидкое стекло), образующей при определённой температуре стеклофазу, т.е. изменяющей структуру керамики без образования нового химического соединения.

Наличие стеклофазы в керамике ускоряет процесс диффузионной сварки керамики с металлом и улучшает качество соединения. Это объясняется более низкой энергией активации ползучести стеклофазы по сравнению с аналогичной для чистого оксида алюминия. Причём больший процент содержания стеклофазы в керамике (до20%) улучшает процесс соединения с металлом при меньшей температуре [6].

Все технологические варианты исследованных образцов металлокерамических композиций по конструктивной схеме «*в*» (рис.1 *в*) и условия их формирования, а также результаты проверки их основных параметров приведены в табл.2. Для сравнения там приведены также данные для гермовводов МКГВ-5А штатной технологии.

Табл.2. Технологические варианты исследованных образцов гермовводов

№ технологического варианта	Условия формирования композиции		Длина поверхности диффузионного соединения Δ, мм	№№ образцов в технологическом варианте	Контролируемые параметры гермоввода			
	Условия нанесения изоляционного слоя	Режим газостатического прессования в аргоне			Пористость керамического слоя, %	Прочность сцепления металл-керамика, кГ/мм^2	Герметичность	Электросопротивление в Н.К.У., МОм
I	Плазменное нанесение α-Al_2O_3 в воде	P=25МПа, τ=3часа, T=1370-1570 K	5	1-3	9,83	0,50-0,61	-	~0,01
		P=27МПа, τ=6часов, T=1370-1570 K	10	4,5	8,91	0,60-0,63	-	~0,01
		P=31МПа, τ=6часов, T=1570-1620 K	10	6 7,8	1,92 1,98	0,72-0,80	- +	20,0-30,0
II	Плазменное нанесение α-Al_2O_3 на воздухе	P=31МПа, τ=6часов, T=1370-1570 K	5	1-3	6,41	0,62-0,73	-	0,06-0,08
		P=31МПа, τ=3часа, T=1570-1620 K	5	4,5 6-8	1,70	1,10-1,32	- +	18,0-30,0
III	Плазменное нанесение γ-Al_2O_3 на воздухе	P=31МПа, τ=3часа, T=1570-1620 K	5	1-3 4-6	2.02	1.11-1.27	- +	12.0-15.0
IV	Плазменное на-	P=31МПа, τ=3часа,	5	1 2-8	1,48	1,32-1,50	- +	>35,0

№ технологического варианта	Условия формирования композиции		Длина поверхности диффузионного соединения Δ, мм	№№ образцов в технологическом варианте	Контролируемые параметры гермоввода			
	Условия нанесения изоляционного слоя	Режим газостатического прессования в аргоне			Пористость керамического слоя, %	Прочность сцепления металл-керамика, кГ/мм^2	Герметичность	Электросопротивление в Н.К.У., МОм
	несение α–Al_2O_3 на воздухе на предварительно окисленную поверхность (1170К, 3мин)	Т=1570-1620 К						
V	Биндерное нанесение α-Al_2O_3 с добавкой $Na_2O \cdot 6SiO_2$ – 10%	Р=25МПа, τ=6часов, Т=1370-1570 К	5	1,2 3-6	8,12	0,81-0,83	+ -	0,50-0,70
VI	Биндерное нанесение α-Al_2O_3 с добавкой $Na_2O \cdot 6SiO_2$ – 20%	Р=30МПа, τ=6часов, Т=1570 К	5	1-3 4-6	4,01	0,90	- +	6,0-10,0
VII	Плазменное нанесение α–Al_2O_3 на воздухе на предварительно окисленную поверхность (1170К, 3мин)	Р=31МПа, τ=3часа, Т=1570-1620 К	10	1-8	1.43-1.51	1.29-1.33	+	>50
МКГВ-5А	Плазменное нанесение α-Al_2O_3 в воде (штатная технология)	Р=25МПа, t=12часов, Т=1650-1680 К	5	1-8	1,50	1,20-1,41	+	>100

Анализ результатов, приведенных в табл.2 показывает, что величину сцепления керамики с металлом увеличивает, образующаяся в результате окисления, плёнка на поверхности металла (технологические варианты II и III и в особенности IV и VII, когда эта плёнка формируется по специальному регламенту). Во всех остальных технологических вариантах прочность сцепления керамики с металлом в два раза ниже.

Плотность керамического слоя, которая прямо влияет как на величину электросопротивления изоляции, так и на герметичность гермоввода, как видно из таблицы в основном определяется давлением рабочего газа в автоклаве и температурой газостатического прессования. Там, где температура и давление в автоклаве были невысокими (варианты V, I- образцы 1-5 и II – образцы 1-3) пористость прессованной керамики была на порядок выше, чем в гермовводах МКГВ-5А (штатной технологии).

Введение в керамический порошок пластифицирующей добавки в виде соединения $Na_2O_6SiO_2$, образующего стеклофазу, не обеспечивает желаемых результатов (варианты V и VI). Даже при максимальном содержании жидкого стекла (20%) и повышенном давлении рабочего газа (30МПа) пористость керамики составляет 4%, а прочность сцепления 0,9 кГ/мм^2, что и отразилось на результатах (электросопротивление изоляции не превышает 6-10МОм и половина исследованных образцов не герметичны).

Увеличение длины поверхности диффузионного соединения (расстояние между изолирующими поясками) также способствует повышению вероятности обеспечения герметичности гермоввода при пониженной температуре и сокращённом времени экспозиции, но лишь с повышением давления в автоклаве (варианты I – образцы 7,8 и VII – все образцы).

Следует также отметить, что причина существенного отличия величины электросопротивления изоляции гермовводов представленной технологии от гермовводов МКГВ-5А кроется не в технологии, а в конструкции гермоввода. Поскольку ширина второго изолирующего пояска (в торце гермоввода, зона В, рис.1в) примерно на порядок меньше аналогичной в гермовводе МКГВ-5А (0,2мм вместо 2мм).

В целом же разработанная технология при существенном упрощении технологического процесса (снижение температуры и времени экспозиции) обеспечивает гарантированное получение требуемых параметров гермоввода при стабильной воспроизводимости результатов.

Авторы выражают благодарность Апостолиди М.Г., Казанову А.И. и Капустину В.Е. за техническую помощь в изготовлении и испытании образцов гермовводов.

Литература

1. Дгебуадзе К.А., Козлов О.Ф., Тимошенко А.П. и др. Разработка и испытания металлокерамических узлов на основе сплава 29НК18. Отчёт СФТИ, инв.№3012-Н, Сухум 2003.
2. Антипин В.М., Козлов О.Ф., Элошвили Ю.Л. и др. Гермоввод МКГВ-НВ. Пояснительная записка к эскизному проекту 536.17.00.ПЗ, СФТИ, Сухум, 1991.
3. Техническая справка Н500.30.ТС по договору №30/92 от 05.12.03, СФТИ, Сухум, 2003.

4. Техническая справка Н500.27.ТС по договору №27/92 от 03.08.03, СФТИ, Сухум, 2003.
5. Казаков Н.Ф. Диффузионная сварка материалов. М., Машиностроение, 1976.
6. Басин В.А. Диффузионная сварка стекла и керамики с металлами. М., Машиностроение, 1986.
7. Павлушкин И.М. Спечённый корунд. Литература по строительству. М., 1961.
8. Хасуй А. Техника напыления. М., Машиностроение, 1975.
9. Козлова И.Р. Структурные превращения в напылённой окиси алюминия. Ж. Неорганические материалы. Т.7, №8,1971, с.1372.
10. Технология термоэмиссионных преобразователей. Справочник. М., Атомиздат, 1974, с.89.
11. Гончаров А.И. Справочник по химии. Клев., Высшая школа, 1978.

Казаков А.В., Каневский И.Н., Максимов М.З.,
Марколия А.И., Уткина Л.А.

К ВОПРОСУ РАСЧЁТА ХАРАКТЕРИСТИК ИМПУЛЬСНОГО ИЗЛУЧЕНИЯ АНТЕНЫ НА БОЛЬШИЕ РАССТОЯНИЯ

Проведен последовательный анализ возможности создания «электромагнитных снарядов». Установлена связь излучаемой мощности с корреляционной функцией детерменированных процессов, показана зависимость её от эффективного квадрата расстояния. В узкой области, где $W''(r) \approx 0$, возможно её медленное падение.

В последние годы рядом исследователей [1,2] расчётно-теоретическим путём изучается возможность формирования электромагнитных сгустков, так называемых «электромагнитных снарядов», с помощью возбуждений сторонними токами передающих антенн. Однако, многие оценки в этих работах проведены по разрозненным формулам для отдельных приближений электромагнитного поля $\vec{E}(r,t)$, импульсов тока $I(t)$ и его распределения $\vec{F}(\rho)$ по антенне. При этом типовые формы импульсов и распределений аппроксимируются разрывными функциями, что вместе с отсутствием единых соотношений для напряжённости поля $\vec{E}(r,t)$ и мощности $\vec{W}(r)$ затрудняет последовательные оценки формирования электромагнитных снарядов в соответствущих устройствах и влияния дифракционных зон Френеля и Фраунгофера [3,4]. Следует отметить, что эти явления, особенно первое, по-видимому, не играют здесь существенной роли, поскольку речь идёт о больших расстояниях и в конечных выражениях структура рассеянного поля отсутствует [3,4]. Основная цель настоящей работы заключается в последовательном выводе зависимости мощности от расстояния, формы имульсов тока и распределения его по сечению, а также связи с корреляционными функциями детерминированных процессов.

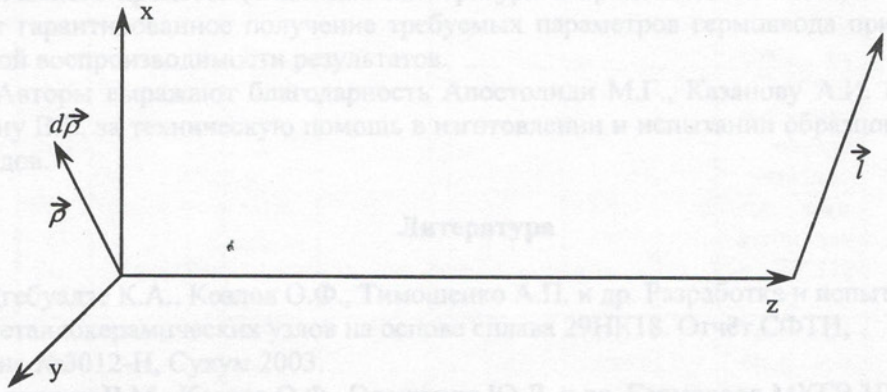


Рис. 1

В самом деле (см. рис.1), если элемент $d\vec{\rho}$ поверхности антенны излучает расходящуюся волну $\tau\big|_s^{-1}\exp(ikr_s)$, $k=\omega\cdot c$, то согласно [1], при $kr>>1$ исходная задача формируется в виде следующих соотношений:

(1) $\tilde{I}(\rho,\omega)=\tilde{I}(\omega)\cdot F(\rho)$,

(2) $\tilde{I}(\omega)=\int_{-\infty}^{\infty}e^{-i\omega t}I(t)dt$,

(3) $\int_s F(\vec{\rho})d\vec{\rho}=1$,

(4) $W(r)=\int_{-\infty}^{\infty}\left|E(\vec{r},t)\right|^2\cdot dt=\int_{-\infty}^{\infty}\left|\tilde{E}(\vec{r},t)\right|^2\cdot d\omega$.

В этом случае для полного поля в точке наблюдения $\vec{r}$ имеем:

(5) $\tilde{E}(r,\omega)=-i30k\int_s\frac{e^{-ikr_s}}{r_s}I(\omega)\cdot F(\vec{\rho})d\vec{\rho}$, где $r_s=\left|\vec{r}-\vec{\rho}\right|$.

Поскольку в данной задаче изучается зависимость мощности от формы импульсов $I(t)$ и их распределение по антенне, удобно перейти к временному представлению по формулам типа (2). После ряда очевидных преобразований получим:

(6) $E(r,t)=-\frac{30}{c}\int\frac{F(\vec{\rho})d\vec{\rho}}{\left|\vec{r}-\vec{\rho}\right|}\dot{I}\left(t-\frac{\left|\vec{r}-\vec{\rho}\right|}{c}\right)$, $\left|\vec{r}-\vec{\rho}\right|=\sqrt{z^2+\left(\vec{l}-\vec{\rho}\right)^2}$,

т.е. имеем обычную связь напряжённости с распределёнными источниками тока с учётом эффектов запаздывания [5,6].

Введём далее характерное время протекания имульсных процессов t_0 и безразмерные величины:

(7)

$$I=I_0S(\tau);\quad \dot{I}=\frac{dI}{dt}=\frac{I_0}{t_0}\cdot\frac{dS(\tau)}{d\tau};\quad \tau=t\omega_0;\quad \omega_0=t_0^{-1};\quad k_0=(ct_0)^{-1}.$$

Из (4) и (6) получим:

(8) $E(\vec{r},t)=\frac{E_0}{\left|\vec{r}\cdot k_0\right|}L(\vec{r},\tau)$,

(9) $W(\vec{r})=\frac{W_0}{\left(\left|\vec{r}\right|\cdot k_0\right)^2}\cdot\int_{-\infty}^{\infty}L^2\left(\vec{r},\tau\right)\cdot d\tau$,

где $k_0=(ct_0)^{-1}$ - характерное число и для кратности положено

$$(10)\qquad L\left(\vec{r},\tau\right)=\int\frac{\left|\vec{r}\right|}{\left|\vec{r}-\vec{\rho}\right|}F\left(\vec{\rho}\right)\cdot d\vec{\rho}\cdot\dot{S}\left(\tau-k_0\left|\vec{r}-\vec{\rho}\right|\right).$$

Отсюда видно, что и поле и мощность определяются одной хорошо известной в электродинамике функцией $L\left(\vec{r},\tau\right)$, которая, в свою очередь, зависит от скорости нарастания тока с учётом распределения источников на поверхности передающей антенны и эффектов запаздывания. Например, при локальном распределении токов, т.е. когда

$$(11)\qquad F(\rho)=\delta\left(\vec{\rho}\right),\ \text{где}\ \delta\left(\vec{r}\right)\ \text{- дельта функция, имеем:}$$

$$(12)\qquad L\left(\vec{r},\tau\right)=\dot{S}(\tau-k_0r).$$

В случае круглой антенны радиуса a с постоянной интенсивностью токов

$$(13)\qquad F\left(\vec{\rho}\right)=\frac{1}{\pi a^2}$$ получим следующее выражение для этой функции

$$(14)\qquad L\left(\vec{r},\tau\right)=\frac{\left(1-e^{-\alpha\partial/\partial\tau}\right)}{\alpha}S(\tau-k_0r),\quad \alpha=k_0a^2\left(\sqrt{a^2+r^2}+r\right)^{-1}\approx\frac{k_0a^2}{2r},$$

что совпадает с результатами работы [1] при $l=0$ и $r=z>>a$. При этом на больших расстояниях ($r^2>>a^2$), когда $\alpha<<1$, формула (14) переходит в (12).

Для промежуточных случаев можно ввести в рассмотрение нормированное гаусовское приближение для плотности тока в виде

$$(15)\qquad F(\rho)=\frac{\beta}{\pi a^2\left(1-e^{-\beta}\right)}\exp\left(-\beta\frac{\rho^2}{a^2}\right),$$

(β - характерная скорость спада распределения), которая при $\beta\to 0$ даёт результат (14), а при $\beta\to\infty$ - (12).

Таким образом, эти соотношения на больших расстояниях $\left(\left|\vec{r}-\vec{\rho}\right|=\sqrt{z^2+\left(\vec{l}-\vec{\rho}\right)^2}\approx z\sim r\right)$ приводят к следующему выражению для мощности

$$(16)\qquad W=W_0\frac{A}{\left(k_0r\right)^2};\quad A=\int_{-\infty}^{\infty}\dot{S}^2(\tau)d\tau,$$

т.е. мы имеем правильную ведущую асимптотику при $r\to\infty(\alpha<<0)$ [6]. При этом здесь и выше предполагается, что скорость нарастания $\dot{S}$ является конеч-

ной (импульс S - дифференцируемая функция) и интеграл правой части (16) сходится, т.е. импульс S и его преобразование Фурье удовлетворяют теоремам Персеваля [4] и Хинчина-Винера. Это означает, что как в исходных уравнениях (1) – (5), так и во всех последующих преобразованиях предполагается непрерывность функции $S(\tau)$. Поскольку замкнутая классическая теория преобразований Фурье [7-9] разработана только для квадратично интегрируемых функций, в прочих случаях необходима дополнительная регуляризация исходных соотношений [9,10]. Так, для нахождения второй ведущей асимптотики $W\left(\vec{r}\right)$ на малых рвастояниях $r \to 0$ (но $r^2 >> a^2$), когда $\alpha >> 1$, где

$$\alpha = a^2 k_0 \left(\sqrt{a^2 + r^2} + r\right)^{-1} \approx \frac{r_C}{r}, \quad r_C = \frac{k_0 a^2}{2}, \text{ т.е. } r < r_C, \tag{17}$$

для простоты примем $l = 0$, т.е. $\left|\vec{r} - \vec{\rho}\right| = \sqrt{z^2 + \rho^2}$, а также по-прежнему, будем считать $z >> a$. Тогда для $L\left(\vec{r}, \tau\right)$ будем иметь

$$L\left(\vec{r}, \tau\right) \approx \int_S F(\rho) \cdot d\vec{\rho}\, S\left(\tau - k_0 r - \alpha \frac{\rho^2}{a^2}\right), \tag{18}$$

и в случае центрально-симметричного распределения (15) найдём

$$L\left(\vec{r}, \tau\right) = -\frac{\beta}{1 - e^{-\beta}} \cdot \frac{1}{\alpha} \int_0^1 e^{-\beta x} \frac{d}{dx} S(\tau - k_0 r - \alpha x) dx. \tag{19}$$

Подставив это выражение в формулу (9) (вводя новую переменную интегрирования) и полагая затем $\tau - k_0 r - \alpha x \to \tau$, получим

$$W = \frac{W_0}{(k_0 r)^2} B(0) \cdot M(\alpha, \beta),$$

$$M(\alpha, \beta) = \frac{1}{\alpha^2} \int_0^1 F(x) dx \int_0^1 F(x') \frac{d^2}{dx^2} R\left[\alpha(x - x')\right] \cdot dx' \tag{20}$$

Здесь $R_S(\rho) \equiv R(\rho)$ - коэффициент корреляции детерминированного процесса $S(\tau)$, основные свойства которого определяются соотношениями:

$$R(\rho) = \lim_{\tau \to \infty} \frac{1/2\tau \int_\tau S(\tau) \cdot S(\tau + \rho) d\tau}{1/2\tau \int_\tau S^2(\tau) d\tau} = \frac{B(\rho)}{B(0)}, \tag{21}$$

$B_S(\rho)$ - интеграл перекрытия или корреляционная функция детерминированных сигналов. Величины $R(\rho)$ и $B(\rho)$ являются аналогами корреляторов случайных дифференцируемых и квадратично-интегрируемых процессов [8,11,12]. Они ха-

рактеризуют степень связи сигнала со своей копией, сдвинутой на интервал ρ. Эти величины хорошо изучены и обладаютследующими свойствами:

(21')

$$R(\rho)=R(-\rho);\quad R(\rho)\to 0\quad при\quad \rho\to\infty;\quad R(0)=1;\, R'(0)=0;\, R''(0)<0$$

Наконец, если функция $R(\rho)$ непрерывна при $\rho\to 0$, то она непрерывна при любых ρ. Например разложение $R(\rho)$ в ряд по степеням ρ имеет вид:

(22) $$R(\rho)=1+\frac{B'(0)}{B(0)}+\frac{1}{2}\cdot\frac{B''(0)}{B(0)}\rho^2,$$

но для дифференцируемых и интегрируемых процессов функция $S(\tau)$ со своими производными обращается в нуль при $|\tau|\to\infty$, так что

(23)

$$B'(0)=\int_{-\infty}^{\infty}S(\tau)\cdot\dot{S}(\tau)\cdot d\tau=\frac{1}{2}\int_{-\infty}^{\infty}\frac{d}{d\tau}S^2(\tau)\cdot d\tau=S^2(\infty)-S^2(-\infty)\equiv 0,$$

$$B''(0)\equiv\int_{-\infty}^{\infty}S(\tau)\cdot\ddot{S}(\tau)\cdot d\tau$$ и т.д., то есть, например, имеем

(24) $$R''(\rho)=-\frac{A}{B(0)};\quad A=\int_{-\infty}^{\infty}\dot{S}^2(\tau)\cdot d\tau;\quad R'(0)\equiv 0.$$

Это означает, что $R''(0)<0$ конечно, а соотношение (22) для аналитических форм импульсов принимает вид:

(25) $$R(\rho)=1+\frac{\rho^2}{2}R''(0)+\ldots$$

Приведем явные выражения $R(\rho)$ и $R''(\rho)$ дл некоторых импульсов, рассматриваемых в статистической радиотехнике и теории регулирования:

- близкий к треугольному

(26) $$S_1(\tau)=e^{-\gamma|\tau|};$$

- близкий к прямоугольному

(27) $$S_1(\tau)=\frac{1}{\sqrt{\pi}}\int_{\lambda(\tau-1)}^{\lambda\tau}e^{-x^2}dx;$$

(27) $$\lim_{\lambda\to\infty}S_\lambda(\tau)=\begin{cases}0, & \tau<0,\\ \frac{1}{2}, & \tau=0,\\ 1, & 0<\tau<1,\\ \frac{1}{2}, & \tau=1,\\ 0, & \tau>1.\end{cases};$$

и для промежуточной области – гауссовский импульс

(28) $$S_3(\tau)=e^{-\gamma^2\tau^2}.$$

После ряда преобразований будем иметь:

(29) $$R_1(\rho)=e^{-\gamma|\rho|}(1+\gamma|\rho|);\quad B_1(0)=\frac{1}{2\gamma};\quad A_1=\gamma;$$

$$R_2(\rho)=\frac{1}{B(0)}\frac{1}{\lambda\sqrt{2}}\left\{\Pi\left[\frac{\lambda(1+\rho)}{\sqrt{2}}\right]+\Pi\left[\frac{\lambda(1-\rho')}{\sqrt{2}}\right]-2\Pi\left(\frac{\lambda\rho}{\sqrt{2}}\right)\right\};$$

(30) $$B_2(0)=erf\left(\frac{\lambda}{\sqrt{2}}\right)-\sqrt{\frac{2}{\pi}}\frac{1}{\lambda}\left(1-e^{-\frac{\lambda^2}{2}}\right);\quad A_2=\lambda\sqrt{\frac{2}{\pi}}\left(1-e^{-\frac{\lambda^2}{2}}\right)$$

$$\Pi(z)=zerf(z)+\frac{1}{\sqrt{\pi}}e^{-z^2};\quad erf(z)=\frac{z}{\sqrt{\pi}}\int_0^z e^{-t^2}dt,$$

где $erf(z)$ интеграл вероятности, причём

(30') $$\underset{\lambda\to\infty}{R_2(\rho)}=1-|\rho|,\quad 0<|\rho|<1,$$

и для третьего типа импульсов

(31) $$R_3(\rho)=e^{-\frac{\gamma^2\rho^2}{2}};\quad B_3(0)=\frac{1}{\gamma}\sqrt{\frac{\pi}{2}};\quad A_3=\gamma\sqrt{\frac{\pi}{2}}.$$

При этом вторые производные этих корреляторов соответственно равны:

$$R''_1(\rho)=-\gamma^2(1-\gamma\rho)e^{-\gamma\rho};\quad \rho\ge 0;\quad R''_2(\rho)=-\gamma^2(1-\gamma^2\rho^2)e^{-\frac{\gamma^2\rho^2}{2}};$$

(32) $$R''_3(\rho)=\frac{\lambda}{\sqrt{2\pi}B(0)}\left\{e^{-\frac{\lambda^2}{2}(1+\rho)^2}+e^{-\frac{\lambda^2}{2}(1-\rho)^2}-2e^{-\frac{\lambda^2}{2}\rho^2}\right\}$$

Из приведенных формул для трёх модельных импульсов видно, что вторые производные $R''(\rho)$ при $\rho\to 0$ отрицательны, а при $\rho\to\infty$ - положительны, т.е. $R''(\rho)$ обращаются в нуль при конечных ρ, когда возможны линейные зависимости $R(\rho)$. Например, при $\lambda\ge 2$ изтретьего соотношения (32) находим для этой области

(33) $$\frac{\sqrt{2}}{\lambda}<\rho<1-\frac{\sqrt{2}}{\lambda}$$

и, в частности, $\rho\approx 1/2$, т.е. область возможной линейности при конечных λ весьма узка.

При конечных γ и $\lambda\ge 2$ важным является тот факт, что если при $\rho\to 0$ вторые производные этих корреляторов выбрать одинаковыми, т.е.

(34) $$\gamma^2\approx\lambda\sqrt{2/\pi},\quad \lambda\ge 2,$$

то в основной области, где $R(\rho)$ изменяется от 1 до 0,1 все корреляторы становятся близкими. В этом не трудно убедиться, исходя из явных выражений (29) – (31), например, $\lambda=4$, когда импульс (27) становится близким к прямоугольному. Это означает, что в практических вычислениях корреляторы (29) – (31) взаимозаменяемы. При этом необходимо исходить лишь из простоты соответствующих пробразований и расчётов [13,14]. Это следует, более строго, из современ-

ных асимптотических методов в частности, приведенного метода сращивания (ПМС) [15,16].

Применяя его к коррелятору $1-R(\rho)$, имеем:

$$1-R(\rho)=\frac{\rho^2}{2}R''(0),\quad \rho\to 0,\quad 1-R(\rho)=1,\quad \rho\to\infty, \tag{35}$$

и на основании процедуры ПМС находим:

$$R(\rho)\approx\frac{1}{1+\frac{\rho^2}{2}\left|R''(0)\right|}. \tag{36}$$

Этот результат не трудно получить также из общей теории аппроксимант Паде [15] на основании разложений (25).

Воспользовавшись теперь отмеченными свойствами коэффициентов корреляции дифференцируемых и квадратично-интегрируемых детерминированных процессов, выражения (20) для мощности можно преобразовать к виду:

$$W=\frac{W_0}{(k_0r)^2}B(0)M(\alpha,\beta),$$

$$M(\alpha,\beta)=-\frac{\beta}{2sh^2\beta/2}\int_0^1 sh\beta(1-x)R''(\alpha x)dx=-\overline{R''(\alpha x)}. \tag{37}$$

Как и следовало ожидать, коррелятор от произвольной $\dot{S}$ равен второй производной от коррелятора для S, взятого с обратным знаком [11,12], т.е. выражение для мощности пропорционально значению $R''(\alpha,x)$, усреднённому по функциям распределения тока.

Из (21) и (21') при $\alpha\to 0\ (r\to\infty)$ сразу следует результат (16), поскольку определяющим множителем в подинтегральном выражении (37) будет $sh\beta(1-x)$, когда

$$M(\alpha,\beta)\underset{\alpha\to 0}{=}-R''(0)=\frac{A}{B(0)}. \tag{38}$$

Этот же результат получается также и при $\beta\to\infty\ (\alpha<\beta)$, ибо основной вклад в интеграл (37) даёт область $x\sim 0$.

При этом следует отметить, что для импульсов (26) – (28) функция $R''(\rho)$ весьма проста и, соответственно, $M(\alpha,\beta)=-\overline{R''(\alpha x)}$ можно было бы выразить через интегралы вероятностей. Однако, конечные формулы, не смотря на простоту, оказываются громоздкими. Вместе с этим,формы импульсов (25) – (28) лишь приближенно отражают реальную картину, поэтому вычисление функций $M(\alpha,\beta)$ осуществим так же приближенно, по аналогии с оценками (35) – (36).

Для этой цели необходимо найти ведущие асимптотики $M(\alpha,\beta)$ при $\alpha\to\infty$ и $\alpha\to 0$. Последняя из них (38) уже найдена.

Для получения второй ведущей асимптотики $\alpha \to \infty$ обратимся к точной формуле (37). Не трудно заметить, что при $\alpha \to \infty\ (\alpha > \beta)$ определяющим множителем в интеграле (37) будет $R''(\alpha x)$ причём, по прежнему, основной вклад даёт область $\alpha x \sim 1\ (x \to 0)$, когда $sh\beta(1-x) \approx sh\beta - \beta ch\beta$. В этом случае последовательные вычисления, с учётом свойств $R(\rho)$, дают:

$$M(\alpha,\beta)\underset{\alpha\to\infty}{=}\frac{\beta^2 ch\beta}{2sh^2\beta/2}\cdot\frac{1}{\alpha^2}. \tag{39}$$

Отсюда и из определения $R(\rho)$ видно, что параметром сращивания является α^2. ($M(\alpha,\beta)$ - чётная функция по переменным α и β). Применяя теперь к ведущим асимптотикам (38) и (39) процедуру ПМС, получим

$$M(\alpha,\beta)\approx\frac{|R''(0)|}{1+r_0^2/r^2}, \tag{40}$$

так что выражение для мощности будет иметь вид:

$$W\approx\frac{W_0 A}{(rk_0)^2}\cdot\frac{1}{1+r_c^2/r^2}. \tag{41}$$

Здесь критическое расстояние r_c связано с основными параметрами передающей антенны соотношением:

$$r_c=\frac{k_0a^2}{2}\frac{\sqrt{-R''(0)}}{\beta}\frac{1-e^{-\beta}}{\sqrt{1+e^{-2\beta}}}. \tag{42}$$

В случае близкого к прямоугольному импульсу $(\lambda > 2)$ $R''(0)\approx-\lambda\sqrt{2/\pi}\approx-\lambda$ (при условии (34) это соотношение выполняется и для других импульсов) и величина r_c будет равна

$$r_c=\frac{k_0a^2}{2}\frac{\sqrt{\lambda}}{\beta}\frac{1-e^{-\beta}}{\sqrt{1+e^{-2\beta}}}\approx\frac{k_0a^2}{2}\frac{\sqrt{\lambda}}{\beta},\quad \beta\ge 2. \tag{43}$$

Это означает, что критическое расстояние слабо зависит от отношения параметра неоднородности распределения токов по поверхности антенны β и параметра крутизны фронта импульса λ.

Физическая природа происхождения этих параметров практически одинакова. Она связана с процедурой регуляризации идеальных прямоугольных импульсов типа (27), т.е. с возможностью получения равномерных распределений токов по поверхности антенны, а также во времени. Само собой разумеется, что создание таких импульсов с резкими границами во времени и пространстве затруднительно, с одной стороны, из-за диссипативных процессов, с другой – из-за больших энергетических затрат, необходимых для их формирования.

Так, идеальному импульсу (27') соответствует следующее представление в виде ряда Фурье:

$$S(\tau) \sim \frac{4}{\pi}\sum_{k=0}^{\infty}\frac{\sin(2k+1)\pi\tau}{2k+1} = 1, \quad 0<\tau<1, \tag{44}$$

сходимость которого очень слабая. В работе [17] на примере крутизны вольтамперной характеристики плёночного сверхпроводящего криотрона показано, что для восстановления $S(\tau)$ с помощью синусоидальных гармоник с точностью до двух значащих цифр $\pi\tau \sim 0{,}1$ необходимо более двухсот членов ряда (44).

Кроме того, из соответствующего коррелятора (30') следует:

$$W \underset{\lambda\to\infty}{\sim} \left|R''(0)\right| = \int \omega^2 \left|E(\omega)\right|^2 d\omega \to \infty. \tag{45}$$

Поэтому в реальных ситуациях β и λ конечны и примерно равны $\beta = 2 \div 3, \quad \lambda = 4 \div 5$, так что $r_c \approx \frac{k_0 a^2}{2}$, как и в формуле (17).

Таким образом, из приближённых оценок видно, что мощность зависит от квадрата эффективного радиуса $r_{эф} = \sqrt{r^2 + r_c^2}$. Линейная же аппроксимация от r^{-1} возможна лишь в переходной области от режима (38) к (39), когда $W'' \approx 0$, т.е. в области

$$r_k \approx \sqrt{3} r_c = \frac{\sqrt{3} a^2 k_0}{2}. \tag{46}$$

При параметрах передающих устройств, обсуждаемых в работах [1] ($a = 400 см; \quad t_0 = 10^{-12} сек; \quad k_0 = 1/ct_0 = 10^2/3 см^{-1}$) величина r_k равна, примерно, десяти – двадцати километрам, что сравнимо с промежуточной и ближней зонами, когда необходимо учитывать более точные соотношения для электромагнитных полей [4,14] в отличие от соотношений (1) – (5) работ [1].

Выше показано, что для дифференцируемых и квадратично интегрируемых импульсов тока мощность пропорциональна скорости нарастания тока λ и величине $(r^2 + r_c^2)^{-1}$, а зависимость критического радиуса r_c от параметров передающей антенны определяется формулой (43). При этом в области перехода $(r \approx r_c)$ от постоянного режима $W = const$ к известному закону r^{-1}. Однако, при условии (34) форма импульса не играет существенной роли и эта область является довольно узкой. Так, для $\lambda \approx 4$ она составляет $(1{,}5 \div 3) r_c$.

Однако, в серии работ [1,2] предсказываются, на основании расчётно-теоретического рассмотрения лишь уравнений (1) – (5), довольно широкая область расстояний, в которой имеет место такой закон убывания мощности в случае использования идеального прямоугольного импульса. В связи с этим остановимся подробнее на аппроксимациях реальных типовых форм импульсов в радиотехнике разрывными функциями и, в частности, прямоугольными типа (27') и на возможности вычислительных погрешностей при этом. Из этой правильной математической формулы следует, что $S = 0$ в области $-\infty < r < 0$, при $\tau = 0 \quad S(0) = 1/2$; далее $S = 1$ для $0 < \tau < 1$; при $\tau = 1 \quad S(1) = 1/2$; при $\tau > 1 \quad S = 0$, т.е. каждому значению аргумента соответствует единственное зна-

чение функции $S(\tau)$, т.е. выполняется условие однозначности [9], в отличие от графических изображений сплошной кривой, особенно вблизи точек $\tau = 0$ и $\tau = 1$, когда одному значению аргумента соответствует множество значений $S(\tau)$ от 0 до 1 [1,2,10,11].

На основании предельного представления (27) и ряда Фурье (44 легко показать, что коррелятор импульса $S(\tau)$ и его основные характеристики имеют вид:

(47)
$$R(\rho) \underset{\lambda\to\infty}{\equiv} R_\infty(\rho) = 1 - |\rho|; \quad R'_\infty(0) = \frac{R'(0^+) + R'(0^-)}{2} = 0, \quad R''_\infty(0) = \infty;$$

т.е. корреляционная функция (интеграл перекрытия) идеального прямоугольного импульса не является аналитической. Это означает, что все вычисления и промежуточные преобразования для такого импульса необходимо проводить с определённой осторожностью, так как можно получить нефизические результаты. Например, в средней мощности (37) область интегрирования (усреднения) равна $0^+ \le \rho \le \alpha \le 1$, так что интегрирование по частям даёт:

(48)
$$M(\alpha,\beta) = \frac{\beta}{2sh^2\,\beta/2} \cdot \frac{1}{\alpha^2} \left\{ \begin{array}{l} -\alpha R'(0^+) sh\beta + \beta\left[R(\alpha) - 1\right] + \\ + \beta^2 \int\limits_0^1 sh\beta(1-x) R(\alpha x)\,dx \end{array} \right\}.$$

Такая запись очень удобна для вычисления при $\beta << 1$ (случай реального распределения тока по антенне). Имеем:

(49)
$$M(\alpha,\beta) \underset{\beta\to 0}{=} M(\alpha,0) = \frac{2}{\alpha^2}\left[\alpha R'(0^+) + (1 - R(\alpha)\right].$$

Для непрерывных функций $R(\rho), R'(0^+) = 0$, т.е.

(50)
$$M(\alpha,0) = \frac{2}{\alpha^2}\left[1 - R(\alpha)\right],$$

откуда можно получить все отмеченные выше оценки, когда $r_c = \frac{k_0 a^2}{2}\sqrt{|R''(0)|}$.

Здесь ещё раз следует подчеркнуть, что основной характеристикой случайных и детерминированных процессов является величина $R''(0)$ [11,12], и при условии (34) различные формы импульсов и их спектральные представления становятся эквивалентными, ибо частные моменты ω^n при $n = 0,1,2$ равны. Вместе с этим, если на данном этапе вычисления $M(\alpha,\beta)$ подставить в (49) $R'(0^+) = -1$ из (47), то получим $M(\alpha,0) = 0$. При подстановке же $R_\infty(\rho)$ из (47) в (50) найдём $M(\alpha,0) = 2/\alpha$, т.е. $W \sim r^{-1}$ при любых расстояниях, что отлично от правильной асимптотики (16). Как отмечалось выше, такая вычислительная процедура некорректна прежде всего потому, что зависимость $W \sim r^{-1}$ возможна лишь в области (33), и при $\alpha \to 0$ имеем, согласно определению,

$R(\alpha) = 1 + R''(0)\alpha^2/2$. Далее, если в (37) сделать формальный переход к пределу при $\alpha \to 0$ и воспользоваться значением $R''(0) = \infty$ из (48), то окажется, что $W = \infty$, и так далее.

Такие некорректные вычислительные приёмы могут привести к нефизическим результатам, в частности, к кажущейся «фокусировке» электромагнитных сгустков при прямоугольных импульсов. Это обусловлено, прежде всего, тем, что разрывные функции относятся к классу сингулярно обобщённых, когда вычисления осуществляются не в локальном смысле, а в обобщённом интегрировании, дифференцировании, преобразовании и т.д. Например, бессмысленно в формуле (11) для $\delta(\rho)$ подставлять $\rho = 0$, ибо она имеет смысл только в обобщённом интегрировании (10).

В современной теоретической физике и теории сингулярно обобщённых функций для исключения появления нефизических результатов и расходимостей разработаны дополнительные методы регуляризации вычислительных процедур: правила обхода полюсов; введение обрезающих параметров или экранизирующих взаимодействий; сглаживание разрывно-выедающих множителей и т.д [6,9,10,15]. В этом смысле регуляризованные импульсы (25), (27) и (28) не приводят к нефизическим явлениям на любом вычислительном этапе. Более того, при определённых условиях они могут быть взаимозаменяемыми в целях упрощения конечных результатов. В этом отношении более предпочтительными оказываются гауссовские аппроксимации (15) и (28).

В работе приведен последовательный анализ возможности создания так называемых электромагнитных снарядов в рамках классической электродинамики. Установлена связь излучаемой мощности с корреляционной функцией детерминированных процессов. Показано, что мощность пропорциональна усреднённой второй производной этого коррелятора. В общем случае с помощью современных асимптотических методов и на ряде примеров токовых импульсов показано, что мощность обратно пропорциональна квадрату эффективного расстояния. В узкой переходной области от постоянного режима к r^{-2} возможно более медленное падение мощности, в том числе и линейное $(W'' \sim 0)$. Это явление естественно для переходных режимов и не имеет отношения к «фокусировке». Таким образом, в выбранной модели [1,2] создание «электромагнитных снарядов» является проблематичным. Обсуждаемое явление находится в противоречии с общей теорией распространения и дифракции волн [3-6,18,19].кроме того, выбранная длительность импульса $t_0 = 10^{-12}\,сек$, и, соответственно, длительность фронта $t_\phi \ll t_0$ сравнимы с временем ($10^{-13}\,сек$) релаксации корреляции и температуры в твердых телах [20], когда необходимо учитывать квантовые эффекты.

Литература

1. Содин Л.Г. // РЭ 1991. Т.36 №5 с. 1014; 1992. Т.37 №5 с. 849
2. Wu T.T., King R.W., Shen H.M. // J. Appl. Phys. 1985, V.57. №7. P.2370; 1987. V.62. №10. P.4036.
3. Глазер В. // Основы электронной оптики. М.: ГИТТЛ. 1957.

4. Файнберг Е.Л. // Распространение радиоволн вдоль земной поверхности. М.: АН СССР. 1961. 546с.
5. Крылов Н.Н. // Теоретические основы радиотехники. М.: Морской транспорт. 1963.
6. Зернов Н.В., Меркулов Г.В. // Радиотехника. 1991. №1. с. 68; 1995. №5. с.51.
7. Титчмарш Е. // Введение в теорию интегралов Фурье. М.: ГИТЛ. 1947.
8. Винер Н., Пэли Р. // Преобразование Фурье в комплексной области. М.: Наука 1964. 267 с.
9. Ван дер Поль Б., Бремер Х. // Операционное исчисление на основе двустороннего преобразования Лапласа. М.: ИИЛ. 1952.
10. Гельфанд И.М., Шилов Г.Е. // Обобщенные функции и действия над ними. М.: Физматгиз. 1959. 470 с.
11. Левин Б.Р. // теоретические основы статистической радиотехники. М.: Сов. Радио. 1969. 750 с.
12. Тихонов В.И. // Статистическая радиотехника. М.: Радио и связь. 1982. 623 с.
13. Максимов М.З. // Изв. АН СССР сер. физ. 1962. Т.26. с. 1172.
14. Казаков А.В., Максимов М.З. // Об одном методе вычисления коэффициентов линеаризации в автоматических системах. Препринт. М. ЦНИИатоминформ 1988.
15. Кашин А.П., Кварацхелия Т.М., Максимов М.З., Чиковани З.Е. // ТМФ. 1989. т.75. №3. с.392.
16. Казаков А.В., Максимов М.З. Чиковани З.Е. // Об оценках кпд распределения поля и точности ориентации приемно-передающих антенн. (в печати Р.Э.).
17. Кашин А.П., Максимов М.З., Марченко О.В. // ЖТФ. 1988. т.59. №3 с.428.
18. Вайнштейн Л.А. // Электромагнитные волны. 1988. М.; Радио и связь. 440
19. Агрест М.М. Максимов М.З. // Теория неполных цилиндрических функций и их приложения. 1965. М.; Атомиздат. 351 с.
20. Гуревич И.И., Тарасов Л.В. // Физика нейтронов низких энергий. 1965. М.; Наука. 607 с.

Инглизян П.Н., Криворучко С.П., Сабо Е. П.,
Судак Н. М., Чиликиди А.А.

МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМОЭЛЕКТРИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ РАСЧЁТА ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЕЙ

Энергетические характеристики разрабатываемых термоэлектрических преобразователей, такие как выходная электрическая мощность, КПД, тепловые потоки, определяются температурами горячих и холодных спаев, коэффициентами теплопроводности, термоэдс, электропроводности термоэлектрических материалов и сопротивлением коммутационных переходов: тепловым и электрическим. Свойства материалов и сопротивление коммутационных переходов меняются с температурой и роль этого изменения тем значительней, чем шире используемый интервал температур. В практических расчётах различных термоэлектрических устройств наибольшее распространение получил метод средних в интервале температур параметров термоэлектрических материалов [1]. Формулы и основные соотношения метода средних параметров остаются по виду такими же, как в случае постоянных параметров, но коэффициенты термоэдс и теплопроводности заменяются средне интегральными в заданном перепаде температур, а электропроводность осредняется с весом теплопроводности. Опыт проведения расчётов показывает, что даже при сильной зависимости параметров от температуры ошибка применения метода не превышает 1% в тепловом потоке и 2% в выходной мощности. Снижение этой ошибки возможно, но вряд ли целесообразно, поскольку исходные данные имеют меньшую точность. Обычно с невысокой точностью оцениваются контактные сопротивления, учёт которых при расчётах осуществляется введением небольших поправок в средние параметры. В данной работе разработана методика измерения средних параметров с учётом переходных сопротивлений и определения значений этих параметров в любом интересуемом перепаде температур.

МЕТОДИКА ИЗМЕРЕНИЯ

Исходными данными для определения средних параметров обычно являются температурные зависимости коэффициентов теплопроводности, термоэдс, электропроводности образцов термоэлектрических материалов, полученные их измерением в сравнительно малых (5-10 К) перепадах температур, когда свойства материалов можно считать постоянными. Наибольшую трудность вызывает измерение коэффициента теплопроводности, которое чаще всего проводят абсолютным стационарным методом, позволяющим попутно измерить коэффициенты термоэдс и электропроводности [2]. Температурную зависимость теплопроводности с погрешностью около 7% можно получить данным методом при выполнении ряда мер: обеспечения равномерных тепловых контактов для создания в образце одномерного теплового потока; надёжного крепления термопар высокого класса точности в заданных точках и предотвращения утечки тепла по ним; исключения теплообмена нагревателя задающего перепад температур и образца с системой экранов; снижения вклада потерь подбором геометрических размеров образца и тщательного учёта оставшихся тепловых потерь. Почти в два раза меньше при этом погрешность измерения коэффициентов электропроводно-

сти и термоэдс. Обеспечить такую точность измерения температурных зависимостей параметров под силу лишь оператору высокой квалификации. Измерения требуют значительных затрат времени на подготовительную работу, калибровку установки и проведение измерений при различных средних температурах и хотя бы в двух перепадах температуры для контроля заданной точности.

Измерение данным методом средних параметров в рабочем перепаде температур 50-100 К и более значительно упрощается, а точность растёт. Для таких измерений целесообразно использовать полуэлементы - образцы материала с коммутационными шинами по горячей и холодной сторонам. Обычно хорошая теплопроводность и электропроводность коммутационных шин по сравнению с термоэлектрическим материалом обеспечивает создание в материале (даже небольшой высоты) равномерных теплового потока и электрического тока. На коммутационных шинах легче надёжно закрепить термопары и получить малую относительную ошибку в определении сравнительно большого перепада температур, даже термопарами не высокого класса. Повышенный перепад температур на образце вызван увеличением через него теплового потока, что приводит к уменьшению ошибки измерения теплопроводности, связанной с тепловыми потерями. Таким образом, с достаточной для практических расчётов точностью можно получить значения средних в заданном перепаде температур параметров, которые благодаря присутствию на материале коммутационных шин включают поправки на тепловое и электрическое сопротивление коммутационных переходов.

При серийном производстве термоэлектрических батарей различного назначения этим методом осуществляется выборочный контроль термоэлектрических параметров ветвей термоэлемента. Для примера в таблице 1 приведены данные измерения средних термоэлектрических параметров в перепаде температур 550-350°С полуэлементов из теллурида свинца n-типа и сплава на основе теллурида германия p-типа сечением около 10x10 мм^2. Коммутационные шины толщиной около 1 мм, к торцам которых приваривались термопары хромель-алюмель, формировались на ветвях совместным горячим прессованием из смеси порошков железа и кобальта. В образцах p-типа под коммутационной шиной содержался антидиффузионный слой из прессованной смеси порошков теллуридов олова и кобальта толщиной 0,25 мм, относимый к термоэлектрическому материалу.

Таблица. 1.

Термоэлектрические параметры среднетемпературных полу элементов в перепаде температур 550-350°С разной высоты по материалу h усреднённые по числу измеренных образцов n

Тип	n	h	δh	α	δα	ρ	δρ	χ	δχ	Z
	шт.	мм	мм	мкВ/К	мкВ/К	мкОм·м	мкОм·м	Вт/(К·м)	Вт/(К·м)	1000/К
N	365	4,876	0,097	208,39	3,75	23,737	0,971	1,4030	0,046	1,304
N	219	4,027	0,098	208,69	4,48	24,385	1,033	1,3815	0,051	1,293
P	588	4,986	0,092	186,39	4,27	10,772	0,574	2,3233	0,112	1,388
P	496	4,164	0,070	184,27	4,50	10,753	0,563	2,3589	0,086	1,338

Как видно из таблицы, где кроме измеренных параметров приведена их дисперсия, точность измерения параметров в большом перепаде температур вполне приемлема, хотя она может быть существенно повышена, если принимать

перечисленные выше меры, которые необходимы при измерении в малых перепадах температур.

По полученным данным можно оценить потери термоэлектрической эффективности на коммутационных переходах. Средняя в интервале температур 550-350°С термоэлектрическая эффективность материала ветви N-типа Z=1,334 $10^{-3}K^{-1}$, а коммутационные потери эффективности в данных ветвях не более 3%. В ветвях P-типа термоэлектрическая эффективность материала в интервале температур 550-350°С составляет 1,712 $10^{-3}K^{-1}$, а потери эффективности в ветвях высотой материала 4,164 около 22%. Эти потери происходят на подкоммутационных слоях теллуридов олова и кобальта. Независимо от величины коммутационных потерь их необходимо учитывать в расчётах термобатарей.

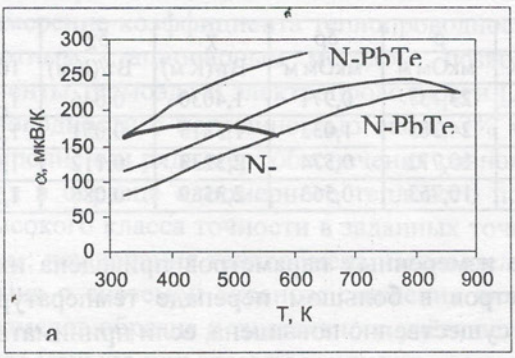
Среднее значение любого измеренного в интервале температур от $T_Г$ до T_X параметра f связано с его температурной зависимостью выражением:

$$\bar{f}_i = \frac{1}{T_Г - T_X} \int_{T_X}^{T_Г} f(t) \cdot dt, \quad (1)$$

Для определения средних параметров в любом другом заданном интервале температур из N измеренных средних параметров в нескольких различных перепадах температур необходимо определить функцию температурной зависимости, которую затем проинтегрировать. Если изменение параметров с температурой имеют монотонный характер, то функции их температурной зависимости успешно аппроусимируется полиномами. При немонотонном изменении параметров установить вид аппроксимирующей температурную зависимость модельную функцию лучше строить используя в первом приближении предсказываемые теорией физические зависимости. Число определяемых из измерений неизвестных при этом может быть сведено к минимуму, а точность аппроксимирующих функций повышена. Полезным для разработчиков будет и то, что в модельных функциях, определяемые из измерений неизвестные коэффициенты имеют определенный физический смысл.

Подбор аппроксимирующих функций

Для большинства используемых в термоэлектрическом приборостроении материалов изменение параметров с температурой изучено, что позволяет построить их физически обоснованные аппроксимирующие функции. На рис.1(а,б) приведены типичные температурные зависимости коэффициента термоэдс α(T) для некоторых практически используемых термоэлектрических материалов N- и P-типа низко и среднетемпературного диапазона.



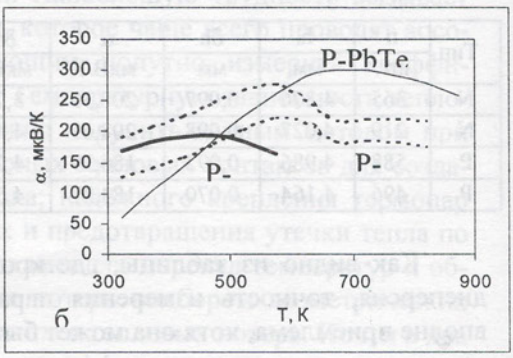
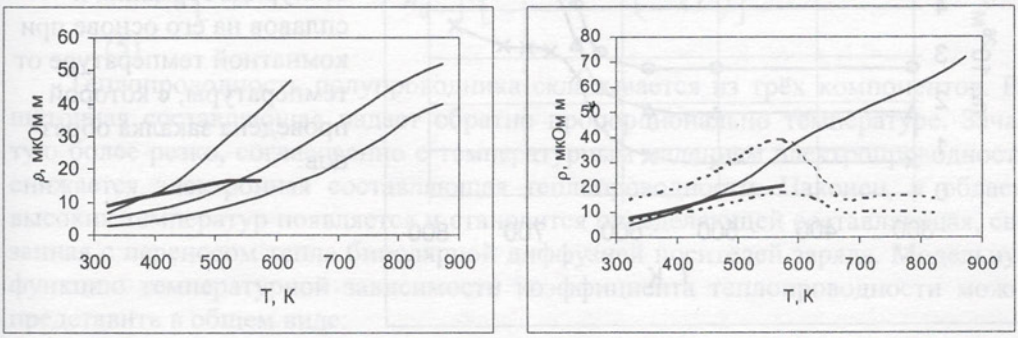


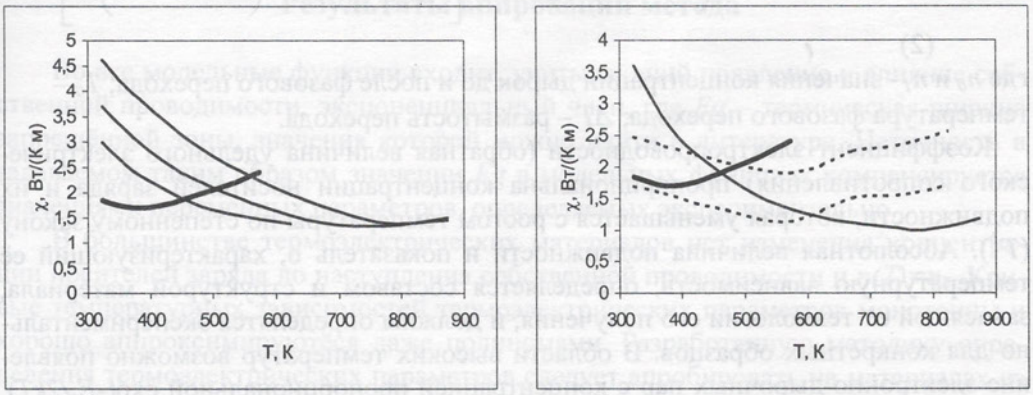
Рис. 1. Температурные зависимости коэффициента термоэдс α(T) для некоторых практически используемых термоэлектрических материалов (а) N- и (б) P-типа низко и среднетемпературного диапазона.

На рис.2(а,б) и 3(а,б) приведены типичные температурные зависимости удельного электрического сопротивления и коэффициента теплопроводности тех же образцов.



а б

Рис. 2. Температурные зависимости удельного электрического сопротивления ρ(T) для некоторых практически используемых термоэлектрических материалов (а) N- и (б) P-типа низко и среднетемпературного диапазона (обозначения те же, что на рис.1).



а б

Рис. 3. Температурные зависимости коэффициента теплопроводности χ(T) для некоторых практически используемых термоэлектрических материалов (а) N- и (б) P-типа низко и среднетемпературного диапазона (обозначения те же, что на рис.1).

Все термоэлектрические параметры и характер их температурных зависимостей взаимосвязаны, в первую очередь через концентрацию носителей заряда. В модельных функциях этих параметров необходимо учесть изменение концентрации носителей с изменением температуры. В частности, теллурид германия и сплавы на его основе характеризуются наличием фазового перехода при температуре T_0, сопровождаемого изменением концентрации дырок. На рис.4 приведена зависимость холловской концентрации дырок в прессованных образцах теллурида германия и сплавов на его основе при комнатной температуре от температуры, с которой проведена закалка образцов. Температура перехода меняется

очень мало для различных составов эффективных термоэлектрических материалов на основе теллурида германия и немного размыта.

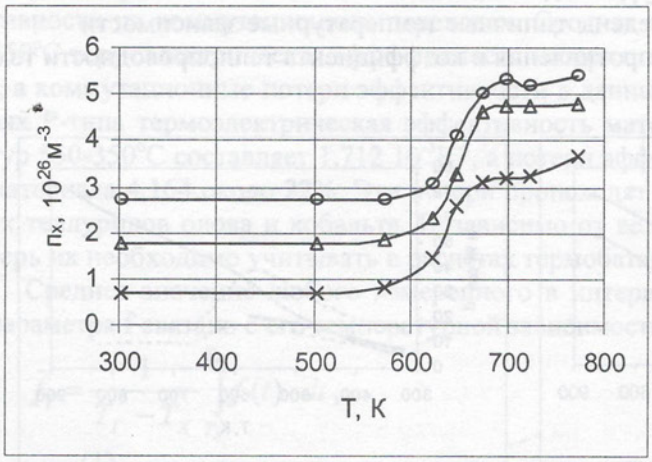


Рис.4. Зависимость концентрации дырок в прессованных образцах теллурида германия и сплавов на его основе при комнатной температуре от температуры, с которой проведена закалка образцов.

Описать температурную зависимость концентрации носителей в этих приведенных в равновесие материалов можно функцией:

$$n(T) = n_0 + (n_1 - n_0)\left(1 + e^{T_0 - T/\Delta T}\right)^{-1} \equiv n_0\left[1 + (n_1/n_0 - 1)\left(1 + e^{T_0 - T/\Delta T}\right)^{-1}\right], \quad (2)$$

где n_0 и n_1 - значения концентрации дырок до и после фазового перехода; T_0 – температура фазового перехода; ΔT – размытость перехода.

Коэффициент электропроводности (обратная величина удельного электрического сопротивления) пропорциональна концентрации носителей заряда и их подвижности, которая уменьшается с ростом температуры по степенному закону (T^{-b}). Абсолютная величина подвижности и показатель b, характеризующий её температурную зависимость, определяется составом и структурой материала, зависящей от технологии его получения, и должны определятся экспериментально для конкретных образцов. В области высоких температур возможно появление электронно-дырочных пар с концентрацией пропорциональной exp($-E_g/2kT$). В этих условиях модельную функцию электропроводности можно представить в виде:

$$\sigma = 1/\rho = b_0 T^{-b_1}\left[\frac{n(T)}{n_0} + b_2 \cdot \exp\left(-\frac{E_g}{2kT}\right)\right], \quad (3)$$

где ρ – удельное электрическое сопротивление.

Коэффициент термоэдс зависит от логарифма концентрации носителей заряда и в области примесной проводимости при постоянной концентрации носителей заряда, практически линейно растет с повышением температуры в соответствии с изменением уровня Ферми. В области высоких температур с появлением электронно-дырочных пар коэффициент термоэдс представляется в виде:

$$\alpha = \frac{\alpha_0\sigma_0 + \alpha_p\sigma_p}{\sigma_0 + \sigma_p} = \frac{\alpha_0}{1 + \sigma_p/\sigma_0}. \quad (4)$$

где коэффициент термоэдс, связанный с вкладом электронно-дырочных пар, компенсирующих друг друга, считается равным нулю $\alpha_p=0$. Таким образом, модельная функция температурной зависимости коэффициента термоэдс представляется в виде:

$$\alpha(T)=\frac{k}{e}\left[\alpha_0+\alpha_1 T-\ln\frac{n(T)}{n_0}\right]\cdot\left[1+\alpha_2\cdot\exp\left(-\frac{E_g}{kT}\right)\right]^{-1}.$$

(5)

Теплопроводность полупроводника складывается из трёх компонентов. Решёточная составляющая падает обратно пропорционально температуре. Зачастую более резко, согласованно с температурным падением электропроводности, снижается электронная составляющая теплопроводности. Наконец, в области высоких температур появляется и становится определяющей составляющая, связанная с переносом тепла биполярной диффузией носителей заряда. Модельную функцию температурной зависимости коэффициента теплопроводности можно представить в общем виде:

$$\chi=\frac{c_0}{T}+\frac{c_1}{T^2}\frac{n(T)}{n_0}+c_3\exp\left(-\frac{E_g}{kT}\right).$$

(6)

Результаты аппробации метода

Во все модельные функции входит, учитывающий появление и влияние собственной проводимости, экспоненциальный член, где *Eg* – термическая ширина запрещённой зоны, значения которой можно найти в литературе. Неточность в задаваемом таким образом значении *Eg* в модельных функциях компенсируется значениями переменных параметров, определяемых экспериментально.

В большинстве термоэлектрических материалов нет изменения концентрации носителей заряда до наступления собственной проводимости и $n(T)=n_0$. Кривые температурных зависимостей термоэлектрических параметров монотонны и хорошо аппроксимируютёся даже полиномами. Разработанную методику определения термоэлектрических параметров следует апробировать на материалах из сплавов на основе теллурида германия. Измерение в различных перепадах температуры средние значения термоэлектрических параметров нескольких прессованных образцов сплава $Ge_{0.97}Bi_{0.03}Te$, легированного 2ат% меди приведены в таблице 2.

Таблица 2. Параметры образца $Ge_{0,97}Bi_{0,03}$ +2ат% Cu, измеренные в перепаде температур.

$T_Г$, °C	T_X, °C	α, мкВ/°C	ρ, мкОм·м	χ, Вт/м·°C	$Z\cdot10^3$, °C^{-1}
250	100	132,6	7,82	2,34	0,96
350	200	180,1	12,22	1,89	1,40
450	250	192,75	11,17	1,83	1,82
500	250	187,7	11,17	1,96	1,61
550	250	185,6	10,61	1,97	1,65

Согласно литературным данным термическая ширина запрещенной зоны в теллуриде германия Eg=0,75 эВ [3]. Равновесная концентрация дырок эффективных термоэлектрических материалов на основе теллурида германия определяется в соответствии с выражением (2), где с достаточной точностью можно использовать значения T_0=630 К и □ΔT=20 К. Отношение концентраций до и после полиморфного превращения (n_1/n_0) определить можно, измерив электрическое сопротивление образцов материала при комнатной температуре после отжига при температурах 600 К и 660 К. $n_1/n_0 \approx \rho_{660}/\rho_{600}$. Необходимо отметить, что изменение концентрации дырок в сплавах при температурах ниже полиморфного превращения проходит крайне медленно. Поскольку в процессе измерения параметров образцы в заданном перепаде температур выдерживались не более часа, равновесное значение концентрации не могли достигаться при температуре холодных спаев ниже 250°С. с учетом того, что сплавы на основе теллурида германия используются при температурах выше 250°С, указанное ограничение температуры холодных спаев является приемлемым. Для получения же функции температурной зависимости электропроводности отношение концентраций n_1/n_0 целесообразно считать неизвестной переменной, а полученное значение использовать при определении функций других параметров.

Подставляя в (1) из таблицы 2 значения удельного электрического сопротивления и модельную функцию (2) получим 5 уравнений с четырьмя неизвестными. Из решения следует, что отношение концентраций дырок при полиморфном превращении во время измерения n_1/n_0=1,554 . Подвижность зависит от температуры u~$T^{-0,8}$.Температурная зависимость удельного электрического сопротивления согласно определённым по измеренным средним параметрам неизвестным коэффициентам в модельной функции описывается выражением:

$$\rho = \frac{0{,}082 \cdot T^{0,8}}{1 + \frac{1{,}554 - 1}{1 + e^{\frac{630-T}{20}} + 50.8 \cdot e^{-\frac{0.75}{2kT}}}},$$

и приведена на рис.5 сплошной кривой. Точками приведены значения, полученные измерением в малом перепаде температур на образцах того же состава не приведённых в равновесное состояние при температурах ниже полиморфного превращения.

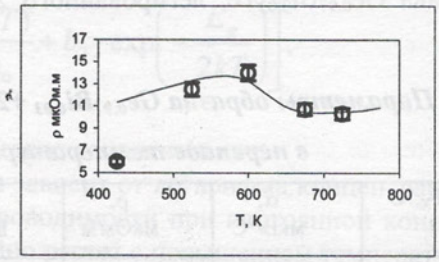


Рис.5. Температурная зависимость удельного электрического сопротивления образцов.

Подставляя в (1) из таблицы 2 значения коэффициента термоэдс, модельную функцию (5) и найденное отношение концентраций дырок при полиморфном превращении во время измерения (n_1/n_0=1,554) получим 5 уравнений с тремя не-

известными. Аналогично, используя модельную функцию (6) получим систему уравнений для коэффициента теплопроводности. Из решения следует, что равновесные температурные зависимости коэффициентов термоэдс и теплопроводности описываются выражениями:

$$\alpha = \frac{-0{,}2 + 4{,}26 \cdot 10^{-3} T - \ln\left(1 + \frac{1.554 - 1}{1 + e^{\frac{630-T}{20}}}\right) \cdot 86}{1 + 51.2 \cdot e^{-\frac{0.7}{2kT}}},$$

$$\chi = \frac{735}{T} + \frac{1{,}3 \cdot 10^5}{T^2}\left(1 + \frac{1{,}554 - 1}{1 + e^{\frac{630-T}{20}}}\right) + 210 \cdot e^{-\frac{0.7}{2kT}}.$$

Определённые кривые температурных зависимостей коэффициентов термоэдс и теплопроводности для измеренных образцов приведены сплошными линиями на рис. 6. Там же Точками приведены значения, полученные измерением в малом перепаде температур на образцах того же состава не приведённых в равновесное состояние при температурах ниже полиморфного превращения.

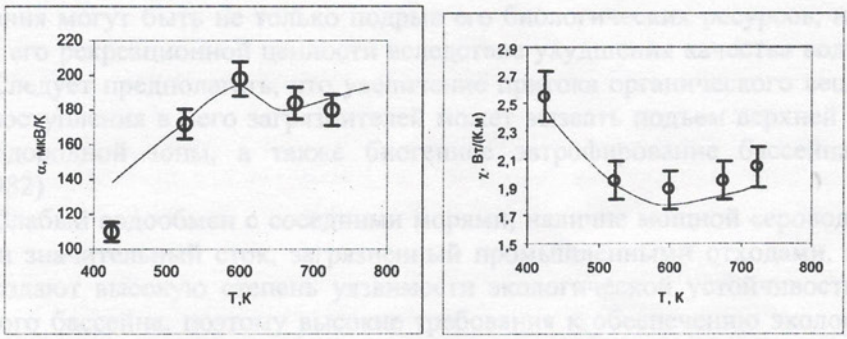


Рис.6. Кривые температурных зависимостей коэффициентов термоэдс и теплопроводности прессованных образцов сплава $Ge_{0.97}Bi_{0.03}Te$, легированного 2ат% меди.

Измеренные в малом перепаде температур значения удельного электрического сопротивления, коэффициентов термоэдс и теплопроводности, показанные на рис.5 и 6 точками, согласуются с полученными по данной методике температурными зависимостями выше 500 К. Расхождение ниже этой температуры связано с тем, что в этой области концентрация дырок в образцах выше равновесного значения. Это в меньшей степени отражается на теплопроводности и параметре термоэлектрической эффективности.

Таким образом, разработанные модельные функции хорошо описывают температурные зависимости параметров термоэлектрических материалов на основе халькогенидов висмута, сурьмы и свинца [4] и удовлетворительно материалов на основе теллурида германия. Определение средних в заданном перепаде температур параметров термоэлектрических материалов для расчёта термоэлектрических приборов сводится к интегрированию модельных функции с коэффициентами, предварительно установленными для каждого конкретного материала.

Литература

1. Марченко О.В., Кашин А.П., Лозбин В.И., Максимов М.З. Методы расчета термоэлектрических генераторов. Новосибирск, Наука, 1995.
2. Петров А.В. в сборнике Термоэлектрические свойства полупроводников М.-Л., АН СССР, 1963, с. 27-35.
3. Коржуев М.А. Теллурид германия и его физические свойства. М. Наука, 1986, 103 с.
4. Дударев Ю.И., Криворучко С.П., Максимов М.З., Марколия А.И., Сабо Е.П, Судак Н.М., Хагба Г.С., Чиликиди А.А. Опреределение термоэлектрических параметров материалов для расчета преобразователей. В сборнике докладов VIII межгосударственного семинара «Термоэлектрики и их применения» С.-П. 2002, с.299 – 304.

Дбар Р.С., Марколия А.И.;Экба Я.А.

АБРАЗИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И БЕРЕГОВАЯ ЛИНИЯ В ПРИБРЕЖНОЙ ЗОНЕ АБХАЗИИ

Черное море считается одним из наиболее изученных морских бассейнов. Интерес к его изучению вызван не только особенностями его гидро-химического режима, но и большим экономическим значением этого бассейна для государств, расположенных на его берегах. Черное море служит местом массового отдыха и туризма, напряженной активности транспорта, интенсивного рыболовства. На побережье Черного моря расположены большие порты и крупные промышленные центры. Кроме того, вокруг Черного моря обнаружены залежи нефти и газа. При разработке этих месторождений нефть перекачивается в порты на суда для транспортировки, что создает угрозу нефтяного загрязнения бассейна. В связи с этим нетрудно предположить возможность развития в недалеком будущем промышленной добычи нефти в прибрежной зоне Черного моря. Рост промышленного производства на черноморском побережье и особенно нефтяной промышленности и транспорта, также как и стремительное расширение индустрии отдыха на его берегах увеличивают загрязнение Черного моря. Следствием роста загрязнения могут быть не только подрыв его биологических ресурсов, но и снижение его рекреационной ценности вследствие ухудшения качества воды и пляжей. Следует предполагать, что увеличение притока органического вещества за счет поступления в него загрязнителей может вызвать подъем верхней границы сероводородной зоны, а также биогенное эвтрофирование бассейна (Сорокин,1982)

Слабый водообмен с соседними морями, наличие мощной сероводородной зоны и значительный сток, загрязненный промышленными отходами, крупных рек создают высокую степень уязвимости экологической устойчивости черноморского бассейна, поэтому высокие требования к обеспечению экологической безопасности Черного моря являются важнейшей государственной задачей всех стран черноморского бассейна.

Черное море характеризуется слабым расчленением береговой линии, малым количеством заливов, бухт и полуостровов, весьма приглубными берегами, и почти полным отсутствием островов. Простота и общая прямолинейность его берегов обуславливается их сбросовым типом, наличием крупных линейных разломов, оконтуривающих большую часть впадины моря. В отдельных участках побережья наблюдается мелкая расчлененность, связанная с местной тектоникой или же с размывающей работой моря (Вылканов и др.,1983).

Берега Абхазии протянулись на 240 км в восточной части Черного моря. Береговая линия здесь следует в юго-восточном направлении, примерно до г. Очамчыра, а затем постепенно поворачивает к югу и уходит вдоль Колхидской низменности.

Во многих пунктах Черноморского побережья Абхазии замечается усиленная морская абразия (размыв), отрицательные перемещения береговой линии (опускание), вызывающие сокращения пляжей, сельскохозяйственных площадей, деформацию путей сообщения, разрушение прибрежных сооружений. Все эти явления необъяснимы без признания новейших тектонических движений прибрежных районов.

Черноморское побережье Абхазии в тектоническом отношении характеризуется противоположными Главному Кавказскому хребту отрицательными дви-

жениями (опусканием). Это неудивительно, поскольку границы этих двух тектонических зон (мегаантиклинария и синклинария) проходят как раз вдоль Черноморского побережья Абхазии.

Как показала интерпретация археологических материалов, скорость опускания берега на участке Очамчиры составляет 2, а Сухума 3-4 мм за год. Это вызывает постепенное уменьшение живой силы рек, аккумуляцию аллювия в глубь страны, между линией берега и предгорьями, дефицит аллювиального материала в потоке береговых наносов и усиление абразионных процессов.

Усиление абразионных процессов на Черноморском побережье Абхазии вызваны также и другими причинами. Известно, что масса гальки в целом непрерывно убывает, в результате истирания более слабых пород, большинство которых уносится на большие глубины и возобновление их происходит только за счет нового поступления через реки.

Кроме того, у всех мысов, расположенных около устьев крупных рек и сложенных аллювием Пицундского у устья Бзыби, Сухумского у устья Гумисты, Кодорского у устья Кодора, наблюдаются крутые профили (углы до 35-45°). Подводный склон у таких мысов невыработан, и много гальки, выносимой названными реками, попадая сюда, сразу скатывается на большие глубины и выводится из водного процесса. Убыль гальки таким путем составляет солидную величину.

В усилении морской абразии на Абхазском берегу Черного моря значительную роль играют также неудачное расположение некоторых портовых сооружений.

На дне Черного моря отчетливо выделяется три элемента рельефа: континентальная терраса, простирающаяся от 0 до 100-200 м, континентальный склон, располагающийся между 200 и 2000 м и дно котловины, занимающее глубины от 2000 до 2243 м.

Близ берегов Абхазии ширина континентальной террасы сильно варьирует. У Гагрского карниза она не превышает 1 км, зато между Пицундским и Сухумским мысами т.е. в районе т.н. Гудаутской устричной банки континентальная терраса расширяется, достигая против Гудауты 35 км. В пределах Сухумской бухты и далее к югу до устья р. Кодор вновь ее ширина колеблется от 0,8 до 1 км, а на всем протяжении южной части береговой линии Абхазии достигает ширины от 24 км (Очамчыра) до 6-12 км у устья р. Ингур.

Континентальный склон в северной части Абхазского побережья имеет ширину порядка 40 км и отличается большой крутизной, на юге ширина уже около 164 км (Гагида) и соответственно склон становится более пологим.

Современная береговая зона восточной части Черного моря образована в результате совместной деятельности рек, выносящих песчаный, галечный и валунный материал, и волнений, разносящих речной аллювий вдоль морского берега. Часть обломочного материала безвозвратно теряется в подводных каньонах, а мелкозернистая непляжеобразующая фракция отчуждается и участвует в процессе осадконакопления на шельфе и в глубоководной части моря (Зенкевич, 1958; Кикнадзе, 1970; Меньшиков, 1978).

Переходная зона между Кавказом и Черноморской впадиной отличается высокой тектонической активностью и вполне вероятно, что в плейстоцене тут образовались мощные срывы, чем определено отсутствие шельфа на большинстве участков берега (Кикнадзе, 1970).

Характерно, что каждая река в береговой зоне выносит свойственные только для ее бассейна маркирующие породы, что облегчает установление границ распространения выносов каждой отдельной реки (Кикнадзе, 1970).

Таким образом, формирование побережья восточной части Черного моря становится зависимым от прилегающей суши. Роль связывающих "артерий" суши с морем выполняют реки, доставляющие в береговую зону моря продукты разрушения горных пород. В итоге, речные долины, устья рек, побережье и море представляются единым комплексом. В связи с этим систему река-устье-море можно рассматривать как единое целое.

В современной динамике морских берегов Абхазии все более возрастающую роль играют антропогенные вмешательства в естественный режим. В результате чего береговая зона испытывает сильный дефицит пляжеобразующих наносов, и берег повсеместно размывается и отступает (Джоашвили,1989). Буны, волноломы, подпорные стены, блоки, тетраподы, которые длительное время применялись для укрепления побережья, не только нарушали режим движения наносов, но и вызывали сильные низовые размывы.

Основная причина размыва – дефицит береговых наносов, особенно интенсивно этот процесс протекает на аллювиально-аккумулятивных берегах. Строительством портового мола в устье реки Моква был перекрыт вдольбереговой поток Кодорской динамической системы, чем были спровоцированы размывы в пределах г. Очамчира и в Гальском районе Абхазии.

Реки, выносящие в море пляжеобразующие наносы и формирующие берега, в преобладающем большинстве случаев, характеризуются однорукавными устьями. Обусловлено это тем, что речные наносы не расходуются на формирование и наращивание дельт, а вовлекаются во вдольбереговые потоки. При избытке наносов, они начинают накапливаться, и формируется мыс, что является аналогом дельтаобразования, только смещенного вдоль морского берега. Такими являются мысы – Пицундский, Кодорский, Сухумский.

С реками и обильным стоком их наносов связаны также подводные каньоны, наличие которых является характерной чертой восточной части Черного моря. Несколько групп и ряд одиночных каньонов сосредоточены между устьями рек Мзымта и Ингур. Вершины большинства каньонов лежат на глубинах 15-25 м, некоторые же врезаны в береговую зону, и их крутой свал начинается с 6-10 м. Уклоны ложа варьируют в пределах 6-20°, встречаются также отвесные уступы, крутизна которых достигает 45°, а на отдельных участках наблюдаются вертикальные стенки. В морской части каньоны прослеживаются до глубины более 1000 м (Меньшиков, 1978; Сафьянов, 1978,1996).

Ввиду непостоянства гидрометеорологических, геоморфологических и астрономических процессов, уровенная поверхность морей и океанов подвержена колебаниям как периодическим (приливы, сейши), так и непериодическим (сгоны, нагоны, паводки и т.п.).

Все эти колебания обуславливают положение среднего уровня моря, абсолютная отметка которого необходима изыскателям и проектировщикам при расчетах гидротехнических сооружений. Кроме того, для этой цели необходимо знать абсолютные отметки наивысшего и наинизшего уровня в районе изысканий.

Для возможности прогнозирования изменений уровня моря необходимо знать степень воздействия процессов, влияющих на уровень. Колебания уровня моря оказывают также существенное влияние на процессы, обуславливающие формирование и трансформацию полей температуры, солености и течений.

Средний столетний уровень Черного моря на 33 см ниже нуля Кронштадтского футштока. Но учитывая, что уровенная поверхность океанов и морей не всегда строго горизонтальна и испытывает колебания во времени и пространстве относительно среднего своего положения, средний уровень моря у Сухумского мыса на 3 см ниже среднего уровня Черного моря в целом (Дуванин, 1958, Титов и др., 1983).

Изменение уровня моря носит четко выраженный сезонный характер, определяемый соотношением составляющих уравнения водного баланса в течение года (Альтман и др., 1975).

Годовой ход уровня моря в районе Сухума согласуется с годовым ходом речного стока с максимумом весной и минимумом осенью и зимой (рис.1).

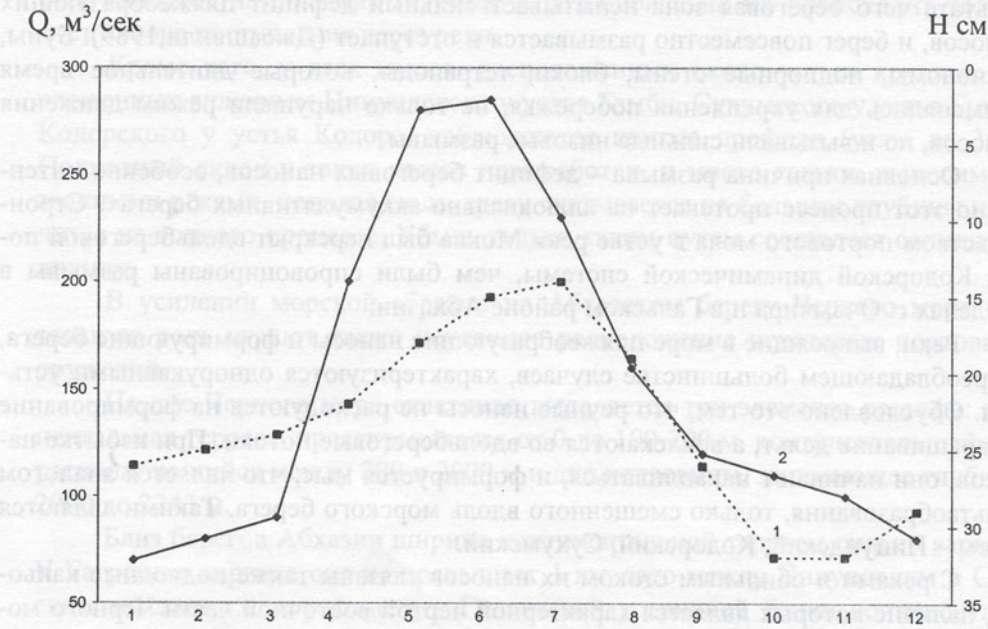


Рис. 1 Колебания уровня моря (1) и суммарный годовой сток рек абхазского побережья (2).

Нарастание уровня моря в течение первых трех месяцев (январь-март) идет медленно, а с апреля наклон кривых увеличивается, уровень быстро растет, что объясняется интенсивным таянием снегов и поступлением в море в этот период значительных объёмов речных вод. Максимум уровня относится к июню. С июля в связи с уменьшением притока речных вод и увеличением испарения с поверхности моря расход воды начинает преобладать над приходом и уровень понижается.

Наибольшее изменение уровня за время подъема по многолетним данным составляет 48 см, спада – 44 см, наименьшее 8 и 4 см соответственно.

Наиболее вероятны (около 40% случаев) подъемы и спады от 20 до 30 см. Подъемы и спады до 10 и выше 40 см отмечались редко (<3%).

Наиболее часто наибольшие средние месячные уровни отмечались в июне (45%), наименьшие в октябре (33%). Средний многолетний уровень моря у берегов Сухума составляет (-23 см) ниже нуля Кронштадтского футштока, наивысший уровень равен +78 см и наинизший уровень составляет -44 см.

В Черном море наряду с сезонными и годовыми колебаниями уровня хорошо выражены его многолетние изменения. Средний уровень Черного моря у берегов Сухума за последние 50 лет составляет -23 см. Межгодовые колебания уровня составляют в среднем 6 см, изменяясь от 0 до 15 см. Амплитуда средних годовых уровней за многолетний период составляет 30 см и зависит в наибольшей степени от изменчивости суммарного речного стока, который является индикатором колебаний среднего годового уровня Черного моря.

На интегральной кривой отклонений годовых значений уровня от его среднего значения отчетливо выделяются два цикла многолетних колебаний. В период с 1875 по 1940 г. уровень моря имел тенденцию к понижению, а в период с 1941 по настоящее время отмечается устойчивая тенденция повышения уровня моря.

Скорость понижения уровня моря для первого периода равна 0,035 см/год, значение тренда 2,08 см. Скорость повышения уровня моря для второго периода равна 0,131 см/год, значение тренда 5,76 см. Можно предположить, что главной причиной повышения уровня Черного моря является рост уровня Мирового океана.

Для таких береговых форм, как Пицунда и Сухумский мыс подъем уровня моря означает также начало очередной фазы размыва. Устья рек оказываются подпертыми морем, в результате чего резко сокращается твердый сток – основа существования аккумулятивных выступов.

Морские берега очень изменчивы. Один сильный шторм способен буквально поглотить огромный кусок суши или, наоборот, создать широкий пляж. Волны иногда достигают огромной силы и полностью разрушают массивные бетонные стенки или гидротехнические сооружения. Особенностью образования мощных волнений на побережье Абхазии является то, что подводный склон здесь очень крутой и волны подходят к урезу такими же высокими как и в открытом море. Все изменения происходят уже у самого берега, при средней высоте волн на глубокой воде в 3-4 м они увеличиваются в прибойной зоне до 5-6 м, то есть почто в полтора раза. Работа совершаемая такими волнами в береговой зоне огромна, и не приходится удивляться тому как сильно они изменяют берег и разрушают мощные бетонные стены (Меншиков,Пешков,1980).

Океанологами подсчитано, что при ударах волн высотой около 7 м, на каждый км береговой линии приходится энергия, мощность которой равна почти миллиону л.с. Важнейшей частью береговой зоны являются пляжи, находящиеся в зоне прибойного потока. Основная естественная функция пляжа – гасить энергию волн. Это своеобразная подушка из песка, гальки и гравия лучшая защита берега от морского прибоя. Не случайно поэтому в последние годы вместо обычных береговых укрепительных сооружений стали создавать искусственные пляжи.

Во внутренних морях, подобных Черному, интенсивность и частота образования волн зависит от силы ветра. Чем сильнее и продолжительнее ветер, тем они крупнее. Иногда, когда в открытом море ветер утихает или меняет направление, волны обладая большой инерцией продолжают двигаться в прежнем направлении и достигают берега в виде мертвой зыби. Но иногда сильные штормы начинаются при полном безветрии. На размеры волн оказывают влияние как обширность самого моря так и его глубина. Ветру нужно пространство, чтобы разогнать волну. Однако с какой бы скоростью он ни дул, на мелководье они редко бывают выше двух метров. На Черном море, несмотря на его сравнительно небольшие размеры, волны приближаются к типу океанических. Это объясняется

его большой глубиной и ровными очертаниями береговой линии. В прибрежной зоне Абхазии сильные ветры чаще всего наблюдаются зимой и в периоды смены типов атмосферной циркуляции ранней весной и поздней осенью. Они определяют частоту появления интенсивных штормов (рис. 2).

В отдельные годы наблюдаются до 55 дней с сильными штормами. При этом более 70% из них приходятся на период с октября по март месяцы. Своей разрушительной силой известны западные штормы на долю которых приходится более 60% всех случаев наблюдений. Волны этого направления имеют длину разгона около 1000 км. Набирая силу от берегов Болгарии, они оказываются поэтому самыми большими на Черном море. Волны этого направления мало чем отличаются от океанических. Высота волн в открытом море достигает 10 м, взметы воды при ударе о стены молов достигают более 40 м. Такие штормы размывают пляжи, выводят из строя волноломные сооружения и вызывают значительные разрушения на побережье от Новороссийска до Сухума. В отдельные годы, например, в январе 1968 г. прибойный поток на некоторых участках переливался через железнодорожное полотно. Было приостановлено движение поездов. Волнения южных румбов менее часты, около 40%. Из-за небольшой длины разгона (150-200 км) они уступают своими размерами западным волнам. Но случается что и они достигают высоты 7 м, как это было в январе 1969 г. и феврале 1999 г.

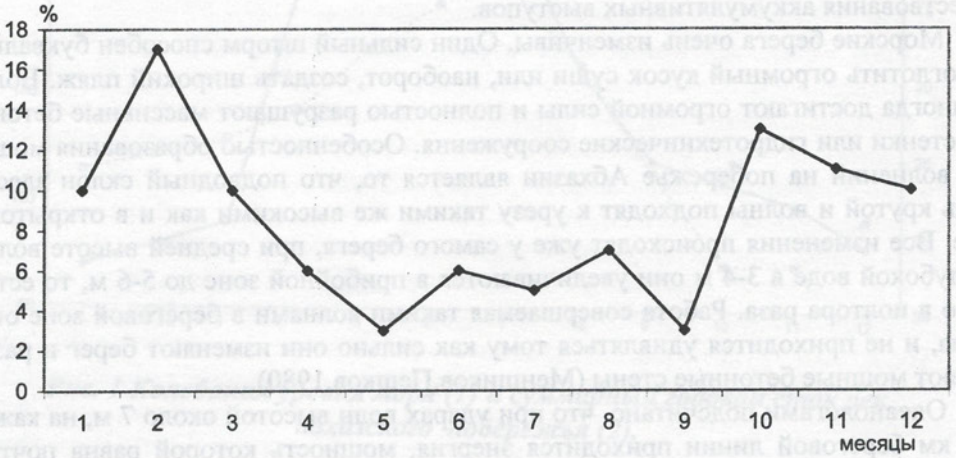


Рис. 2 Распределение частоты появления штормов силой более 4-х баллов на Сухумском мысу.

Соотношение повторяемости волнений, которое мы указали в %, не выдерживается строго из года в год. Даже в имеющемся ряду наблюдений существовали периоды заметного преобладания волнений тех или иных румбов. Отмечались также годы резкого увеличения волновой активности (например, 2004 г.). Надо полагать, что чередование штормов определенным образом зависит от 11-летних циклов солнечной активности. Западные волнения обычно приурочены к фазам минимальной активности Солнца. При ее увеличении начинают преобладать южные, что связано с более частым вторжением в Черное море средиземноморских циклонов.

Черноморское побережье Кавказа представляет собой чередование чисто курортных территорий с территориями, ориентированными на интенсивное сельскохозяйственное и индустриальное производство. Ценные для курортного хо-

зяйства и развития рекреации участки побережья соседствуют с крупными портами. Эти порты, кроме перевозок зерна, леса, руды, специализируются также на нефтеперевалке: порт Новороссийск рассчитан на отгрузку 32 млн. тонн нефти в год, Туапсе – на 8 млн. тонн в год. Функционирует газопровод "Голубой поток" РФ-Турция и далее.

Состояние экосистемы Черного моря в целом, экологическая обстановка на многих его побережьях в настоящее время вызывает справедливую озабоченность региональной и мировой общественности. Многочисленные данные свидетельствуют о прогрессирующем ухудшении экологического состояния Черного моря, природной среды его побережья. Следствием этого явилось значительное ухудшение условий жизни населения на морском побережье, подрыв рекреационного потенциала региона.

Состояние Черного моря в определяющей степени зависит от объема и химического состава вод материкового стока, поступающего в него. Изменения стока вследствие использования вод для различных хозяйственных целей на территории морского бассейна с неизбежностью сказывается на состоянии вод и водных экосистем моря, в особенности в пределах его шельфовых акваторий.

Таким образом, море аккумулирует множество негативных воздействий хозяйственной деятельности на обширной территории их водосборов, и дополнительно испытывает последствия активности человека на их акваториях. При этом следует отметить, что, несмотря на некоторое снижение уровня хозяйственной активности, наметившееся в связи с трудностями в экономике последних лет, уменьшения загрязнения материкового стока в Черное море не произошло. Об этом свидетельствуют данные по сбросам загрязненных сточных вод в водные объекты, общий объем которых в 1992 году составлял 4680 млн.куб.м (Проблемы защиты Черного моря от загрязнения, 1996).

Черноморское побережье Абхазии и Большого Сочи характеризуется интенсивным использованием относительно узкой полосы морского побережья для курортной и других видов рекреации. Здесь сосредоточено большинство курортных учреждений, вся инфраструктура обеспечивающих их предприятий местной промышленности, сельского хозяйства, обслуживания и транспорта. Вплотную к береговой линии Черного моря проходят железнодорожная и автомобильная магистрали федерального значения. Количество отдыхающих ежегодно приезжающих в район Большого Сочи, Гагру и Пицунду по некоторым оценкам в несколько раз превышает допустимую удельную нагрузку (Проблемы защиты Черного моря от загрязнения, 1996).

Для прибрежной зоны Черного моря весьма характерным является бактериальное заражение морской воды, что может вызвать вспышки таких заболеваний, как холера, брюшной тиф, другие кишечные инфекции. В подавляющем числе случаев заражение морских вод вызывается сбросом неочищенных и необеззараженных сточных вод, при этом сбросы могут быть как аварийными, так и запланированными. Опасны также смывы с территорий турбаз, пансионатов, санаториев, домов отдыха, которые зачастую захламлены, изобилуют выгребными санузлами, имеют кустарные системы очистных сооружений. Отсутствие элементарной санитарно-гигиенической культуры населения – один из основных источников бактериального загрязнения; в большей степени он обусловлен необустроенностью пляжей и их перегрузкой.

Сложная санитарно-эпидемиологическая обстановка на пляжах и сильное загрязнение прибрежных морских вод токсическими соединениями и патоген-

ными микроорганизмами все чаще становиться причиной закрытия морских пляжей.

Основными источниками поступления биогенных веществ в морскую среду являются – коммунальные сточные воды, поверхностный сток сельскохозяйственных полей, сток животноводческих комплексов, зоны рекреации. Загрязнение взвешенными частицами происходит за счет смыва с почвы и сброса недоочищенных сточных вод. Высокотоксичные вещества всегда антропогенного происхождения и образуются они в промышленных предприятиях. Сточные воды превышают норму близ всех населенных пунктов. Важной проблемой для восточной части Черного моря является размыв и отступание береговой зоны. Основная причина размыва – дефицит береговых наносов, особенно интенсивно этот процесс протекает на аллювиально-аккумулятивных берегах. Строительством портового мола в устье реки Моква был перекрыт вдольбереговой поток Кодорской динамической системы, чем были спровоцированы размывы в пределах г. Очамчира и в Гальском районе Абхазии.

Основными причинами загрязнения Черного моря нефтепродуктами, являются аварийные разливы на побережьях и недостаточная очистка балластных вод с судов, низкий уровень утилизации нефтешламов, аварии на нефтепроводах, поверхностный сток с нефтеперерабатывающих заводов, аварии на хозяйственных объектах в результате стихийных явлений. В 1993 г. в Черное море было сброшено 8,5 тыс. тонн нефтепродуктов. Их концентрация в различных районах прибрежных вод варьировала от 1-2 до 5,2 ПДК (Проблемы защиты Черного моря от загрязнения, 1996). Количество нефтяных загрязнителей возросло после ввода в эксплуатацию Супсинского терминала, и в случае аварии они быстро распространятся в сторону Абхазии (Кикнадзе, 1976).

Решение проблемы загрязнения окружающей среды опасными веществами и материалами в Черноморском бассейне состоит из двух частей, - это вопросы накопления, хранения, переработки и вторичного использования бытовых и промышленных отходов, и поступление опасных веществ и материалов в природные воды суши и моря со сбросами и выбросами. Особенно затруднено решение этих вопросов на Кавказском побережье Черного моря, где недостаток свободных земель и большая концентрированность хозяйственной инфраструктуры на узкой приморской полосе сильно усложняют организацию хранения и переработки отходов.

Черноморское побережье Абхазии часто подвергается воздействию стихийных явлений, таких как смерчи, штормовые ветры, мощные ливневые паводки, сели и прочие. Они вызывают крупномасштабные загрязнения прибрежных морских вод нефтепродуктами, биогенными элементами, взвешенными другими вредными веществами.

Взвешенные вещества и разнообразный мусор выносятся в Черное море при ливневых паводках с территорий населенных пунктов, промышленных площадок, карьеров, а также с водосборов рек, на которых ведутся лесозаготовки с применением тяжелых тракторов.

Одним из главных факторов неудовлетворительного экологического состояния прибрежных морских вод и побережий морей, представляющих наибольшую ценность для населения и народного хозяйства является ухудшение состояния природных сред формирующимися на суше загрязнениями. Особую опасность для Черного моря представляет поверхностный ливневый сток, формирующий залповые сбросы в море разнообразных загрязнений с территорий населенных пунктов, промышленных площадок и сельскохозяйственных полей.

Если подавление точечных источников загрязнений связано с применением известных технологических решений, то снижение уровня формирования загрязнений от дисперсных, распределенных по территории источников, представляет собой более сложную проблему. Для ее решения необходимо сочетание технологических средств снижения поступлений загрязнений в окружающую среду и методов ландшафтного планирования территории, позволяющих наиболее полно использовать потенциал самоочищения природных систем.

Оздоровление экологической обстановки в бассейне Черного моря на территории Абхазии необходимо для создания предпосылок устойчивого социально-экономического развития региона, отработки эффективных механизмов управления состоянием окружающей среды, которое бы отвечало условиям комфортного проживания населения и способствовало бы высокой экономической эффективности имеющегося здесь хозяйственного потенциала.

Загрязнение моря особенно возможно в чрезвычайных ситуациях,вызванных мощными стихийными явлениями, такими как сильный ветер, штормовое волнение, смерчи, внезапные ливневые паводки и сели на побережьях и т.д. Под их воздействием происходят аварии на морском и трубопроводном транспорте, разрушение хозяйственных объектов, в том числе и хранилищ отходов и нефтепродуктов, активизируются водная эрозия и оползневые процессы. Кроме прямого ущерба хозяйству и населению это приводит к залповому сбросу в море больших количеств рыхлого материала, мусора и других разнообразных, в том числе токсичных загрязнений. Особенно тяжелые чрезвычайные ситуации такого типа возникают при большой концентрации населения и хозяйственной инфраструктуры в районах городов Гагра, Пицунда, Гудаута, Сухум, Очамчыра.

В связи с невозможностью искусственного снижения силы стихийных природных явлений, для уменьшения риска их неблагоприятного воздействия на население, хозяйственную инфраструктуру, и, тем самым, смягчения негативных экологических последствий, прежде всего, загрязнения моря, необходима соответствующая адаптация населения и хозяйства. Для устранения экологически неблагоприятных последствий хозяйственной деятельности на шельфе Черного моря необходимо ограничить или свести к минимуму вредные воздействия, связанные с дноуглубительными работами и свалками грунтов. Повышение экологической безопасности таких работ возможно при применении наиболее совершенной техники, а также при усилении контроля за соблюдением технологии их проведения.

Для оздоровления экологической обстановки в Черноморском бассейне и создания на этой основе перспектив долговременного экологически безопасного и эффективного социально-экономического развития региона ключевым элементом является разработка и реализация программы комплексного управления прибрежными зонами Черного моря. Ее отправным положением является представление о морской береговой зоне, как о комплексе соседствующих береговых систем, включающих в себя сопряженные участки суши и акватории морского шельфа, тесно взаимодействующие и взаимообусловлено изменяющиеся. Береговые системы при этом рассматриваются как природно-антропогенные, состоящие из природных и социально-экономических компонентов

Литература

Вылканов А. и др. Черное море. Л. Гидрометеоиздат, 1983. – 408 с.

Джоашвили Ш.В. Роль речных наносов в динамике морских берегов. Известия АН СССР, 1989, №4. С. 92-97.

Зенкевич В.П. Берега Черного и Азовского морей. М., Географгиз, 1958, 373с.

Кикнадзе А.Г. Применение литологического метода к исследованиям динамики береговой зоны. Вестник МГУ. География, 1970, №6. С. 88 – 92.

Меншиков В.Л., Пешков В.М. Берег Пицунды: факты и гипотезы. М. "Мысль", 1980, 112с.

Сорокин Ю.И. Черное море. М., Изд-во "Наука", 1982. – 216 с.

Титов В.Б., Савин М.Т. Об оценке температурного режима атмосферы, формирующего гидрологическую структуру Черного моря. //Метеорология и гидрология. 2000, №10. С. 78 – 84.

Экба Я.А., Дбар Р.С., Гицба Я.В. Динамика биогенных элементов сухумской акватории Черного моря. Тр. III Междунар. науч.прак.конф. "Актуальные проблемы экологии в условиях современного мира". Майкоп, 2003. С. 132 – 134.

Экба Я.А., Дбар Р.С., Гицба Я.В. Загрязнение нефтепродуктами сухумской акватории Черного моря. Тр. III рег. конф. "Биоразнообразие Кавказа". Нальчик, 2004. С. 109 – 114.

Козлов О.Ф., Марколия А.И., Тимошенко А.П., Элошвили Ю.Л.

ЭКСПРЕСС-МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАЧЕСТВА АРГОНА, ИСПОЛЬЗУЕМОГО В ВЫСОКОТЕМПЕРАТУРНЫХ УСТАНОВКАХ

В настоящее время применение газообразного аргона получило широкое распространение. Хорошо известно его использование при арогоно-дуговой сварке таких металлов как нержавеющая сталь, алюминий, медь и их сплавов. Качество сварного шва соединяемых деталей зачастую определяется качеством использованного аргона. Качество аргона играет решающую роль в процессе диффузионной сварки соединяемых деталей, когда в установках газостатического прессования используется аргон при температуре около 2000 К под давлением до 30-35 МПа и выдерживается в течение нескольких, а иногда свыше десятка часов.

В испытательных и технологических высокотемпературных установках для обеспечения бесперебойной работы резистивных электронагревателей и экранов из тугоплавких металлов, используется, как правило, газообразный аргон высокой чистоты, но сертификат, которым сопровождаются стандартные баллоны сжатого аргона, не гарантирует его качества. Основными вредными примесями в аргоне, используемом как нейтральный газ, являются кислород, пары воды и двуокись углерода, объёмная доля которых в аргоне высокой чистоты не должна превышать 0,0002%, 0,0003% и 0,00002% соответственно.

Загрязнение аргона может быть обусловлено многими причинами и, прежде всего, некачественной предварительной обработкой баллонов перед заполнением с целью удаления паров воды и адсорбированных на стенках молекул кислорода и двуокиси углерода.

Анализ наличия примесей в указанных концентрациях можно осуществить с помощью масс-спектрометра [1,2], но это длительный процесс, требующий дорогого оборудования. В данной работе предлагается сравнительно простой способ определения качества аргона и других инертных газов, используемых в технологических и испытательных установках. Для этой цели создана установка, схема которой показана на рис.1.

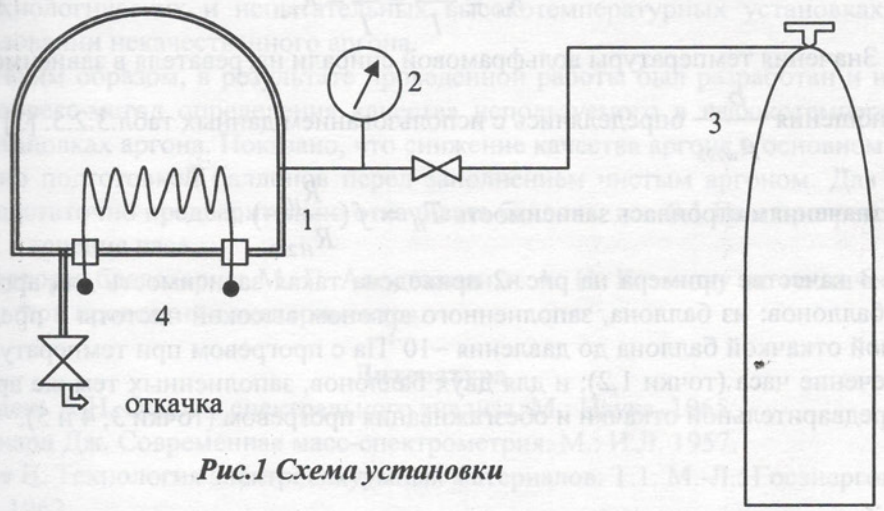


Рис.1 Схема установки

В рабочую вакуумированную камеру 1, объёмом 0,25 литров напускали аргон до давления (1-2) МПа, которое регистрируется манометром 2. Аргон подается из баллона 3, в котором находится аргон под давлением не менее 10 МПа, пригодность которого предстояло определить. В камеру 1 помещался нагреватель, питаемый регулируемым источником постоянного тока Б5-21 при напряжении 30В с балластным сопротивлением, ограничивающим силу тока до 10 А. В качестве нагревателя использоваласт спираль из вольфрамовой проволки 0,15 мм Сопротивление нагревателя в условиях НКУ составляло 0,28-0,34 Ом при сопротивлении токоподводов 0,06 Ом.

Материалом нагревателя был выбран вольфрам поскольку сопротивление его меняется более чем на порядок при увеличении температуры с 293 К до 2900 К. Используя табличные данные зависимости сопротивления от температуры [3] и измеряя относительную величину сопротивления нагревателя, можно определить его температуру, при которой нагреватель в испытываемом аргоне сгорит. Чем ниже температура перегорания вольфрамовой нити нагревателя из-за взаимодействия с активными примесями, тем хуже аргон. В особо чистом аргоне вольфрам выдерживает температуру 2833 К [3].

Испытаниям подвергались баллоны с аргоном различного качества (от технического до высокой чистоты). Сравнительно небольшой объём испытательной рабочей камеры (0,25л) и относительно низкое давление (1-2МПа) не вызывает заметных расходов газа на его испытание.

После заполнения камеры испытательной установки аргоном из испытываемого баллона, снимались вольтамперные характеристики (ВАХ) нагревателя с постепенным повышением напряжения питания и с выдержкой в каждой точке не менее 5 минут. Строились таблицы зависимости температуры нагревателя от относительного его электрического сопротивления. При обработке данных ВАХ использовались выражения:

$$U = U_н + IR_T, \qquad (1)$$

где U –напряжение питания нагревателя, включающего падение напряжения на сопротивлении токоподводов R_T, I – ток в цепи. Сопротивление нагревателя при заданной температуре:

$$R_н = \frac{U_н}{I} = \frac{U}{I} - R_T. \qquad (2)$$

Значения температуры вольфрамовой спирали нагревателя в зависимости от отношения $\frac{\rho_{wt}}{\rho_{w293}}$ определялись с использованием данных табл.3.2.5. [3] и по этим значениям строилась зависимость $T_H = f(\frac{R_{Ht}}{R_{H293}})$.

В качестве примера на рис. 2 приведена такая зависимость для аргона из трёх баллонов: из баллона, заполненного аргоном высокой чистоты с предварительной откачкой баллона до давления ~10^{-1}Па с прогревом при температуре 473 К в течение часа (точки 1,2); и для двух баллонов, заполненных тем же аргоном без предварительной откачки и обезгаживания прогревом (точки 3, 4 и 5).

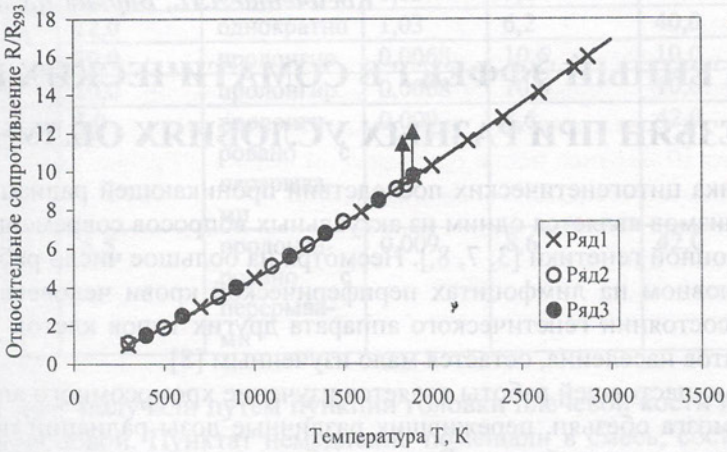


Рис.2. Зависимость относительного сопротивления вольфрамового нагревателя от температуры

В газообразном аргоне высокой чистоты, накачанном в предварительно обезгаженный баллон температура вольфрамовой спирали в камере установки была доведена до 2873 К и не сгорела при выдержке в течение более часа. Начальное давление в камере составляло 1,6 МПа, а при температуре 2873 К повысилось до 1,95 МПа в соответствии с формулой для газокинитического давления $P = nkT$. Аргон из необезгаженных баллонов приводил к перегоранию вольфрамовой спирали при достижении температур 1853 К и 1893К и даже ниже (1300 К). Следует отметить, что в каждом эксперименте использовалась новая спираль нагревателя с сопротивлением 0,28-0,34 Ома.

Отбракованный описанным выше способом аргон (точки 1, 2; рис.2) успешно был использован в установке высокотемпературного газостатистического прессования при температуре ниобиевых образцов 2000 К и давлении аргона30 МПа при этом вольфрамовый электронагреватель и ниобиевые экраны сохранили свою целостность (температура нагревателя оценивалась на уровне 2800 К).

В то время как использование забракованного аргона (точки 3-5; рис. 2) привело к перегоранию электронагревателя и поломке части ниобиевых экранов в том режиме работы газостатистической установки.

Аналогичные разрушения оснастки могут произойти в плазменной и других технологических и испытательных высокотемпературных установках при использовании некачественного аргона.

Таким образом, в результате проведенной работы был разработан и испытан экспресс-метод определения качества используемого в высокотемпературных установках аргона. Показано, что снижение качества аргона в основном обусловлено подготовкой баллонов перед заполнением чистым аргоном. Для этих целей достаточно предварительно откачивать баллоны до ~0,1 Па с прогревом до ~500 К в течение часа.

Авторы благодарны М. Г. Апостолиди и А. И. Казакову за техническую помощь при проведении экспериментов.

Литература

1. Зайдель А.Н. Основы спектрального анализа. М.: Наука, 1965.
2. Бернард Дж. Современная масс-спектрометрия. М.: И.Л. 1957.
3. Эспе В. Технология электровакуумных материалов. Т.1. М.-Л.: Госэнергоиздат, 1962.

Косиченко Л.П., Баркая В.С., Барцыц С.Ч.

МУТАГЕННЫЙ ЭФФЕКТ В СОМАТИЧЕСКИХ КЛЕТКАХ ОБЕЗЬЯН ПРИ РАЗНЫХ УСЛОВИЯХ ОБЛУЧЕНИЯ

Оценка цитогенетических последствий проникающей радиации у облученных организмов является одним из актуальных вопросов современной медицины и радиационной генетики [3, 7, 8,]. Несмотря на большое число работ, выполненных в основном на лимфоцитах периферической крови человека и животных, вопрос о состоянии генетического аппарата других типов клеток у облученных контингентов населения, остаётся мало изученным [8].

Целью настоящей работы является изучение хромосомного аппарата клеток костного мозга обезьян, переживших различные дозы радиации при разных условиях лучевого воздействия. В связи с большим сходством цитогенетической радиочувствительности обезьян и человека [4] и общей реакции этих организмов на лучевое воздействие [9], а также ввиду большой продолжительности жизни обезьян, в отличие от мелких лабораторных животных, приматы являются наиболее подходящей моделью для оценки опасности проникающей радиации для человека. Близость патологии, полученной в эксперименте на модельных объектах к таковой человека, уменьшит степень риска при экстраполяции результатов эксперимента на человека.

Настоящая работа является продолжением нашего многолетнего изучения цитогенетических последствий радиации в соматических клетках обезьян.

Эксперименты поставлены на 11 облученных обезьянах макаках резусах и 5 контрольных (не облученных). Экспериментальные животные облучены тотально γ-лучами от источника $_{137}Cs$ без радиопротекторов и переболели лучевой болезнью разной тяжести ($ЛД_{50-90}$).

Данные об условиях облучения представлены в таблице 1. Как видно из таблицы четыре обезьяны облучены однократно в дозе 3,2 Гр; три другие обезьяны такого же возраста облучены в дозе 6,2 Гр; в следующей группе обезьяны облучались пролонгировано в течение 26 часов и накопили суммарную дозу 10,6 Гр, и последние две обезьяны также облучались пролонгировано, но при других условиях опыта: облучение длилось 15 часов 45 минут с тремя 15-минутными перерывами. Суммарная доза радиации в этом случае составила 8,6 Гр. Мутагенный эффект радиации у всех обезьян исследовали в клетках костного мозга; в последнем опыте при дозе 8,6 Гр помимо клеток костного мозга для сравнения были проанализированы лимфоциты периферической крови.

Таблица 1

Условия опыта

Инвентарный номер обезьян	Возраст обезьян к моменту облучен.; годы	Условия облучения	Мощность дозы, Гр/мин	Суммарная доза облучения, Гр	Время после облучения, месяцы
17086	17086	однократно	0,7	3,2	10,0
16155	12,0	однократно	0,7	3,2	10,0
15820	11,5	однократно	0,7	3,2	10,0
16295	10,0	однократно	0,7	3,2	10,0
15633	12,0	однократно	1,03	6,2	40,0

15849	12,0	однократно	1,03	6,2	40,0
14588	12,0	однократно	1,03	6,2	40,0
20879	10,0	пролонгир.	0,0068	10,6	10,0
20980	10,0	пролонгир.	0,0068	10,6	10,0
14702	5,0	пролонгировано с перерывами	0,009	8,6	42,0
14679	5,5	пролонгировано с перерывами	0,009	8,6	42,0

Костный мозг получали путем пункции головки плечевой кости или бугристости большеберцовой. Пунктат немедленно помещали в смесь, состоящую из среды 199 и бычьей сыворотки (9:1), 0,2 мл 0,001% колхицина, двух капель гепарина и инкубировали в термостате при температуре 38°С. Инкубацию и обработку материала осуществляли по методу, модифицированному для клеток приматов в нашей лаборатории [5].

Гипотоническая обработка клеток производилась в 0,65% растворе хлористого калия в течение 20 – 25 минут. После центрифугирования полученный осадок фиксировали в охлажденной смеси, состоящей из метилового спирта и уксусной кислоты в соотношении 3:1.

Лимфоциты периферической крови культивировали по методу Мурхеда [11] без добавления антибиотиков. Культуры фиксировали спустя 60 часов, что соответствовало времени появления первых митозов. Препараты окрашивали азур-эозином по Романовскому.

При микроскопировании препаратов анализировали клетки на стадии метафазы с 40 – 43 хромосомами и полиплоиды. У каждого животного исследовали от 100 до 200 метафаз. В отдельных случаях, из-за отсутствия нужного количества митозов, было исследовано менее 100 клеток. Учет аберрации хромосом проводили в клетках на стадии метафазы по общепринятому методу.

Известно, что кариотип обезьяны макаки резус представлен 2n = 42 хромосомами. Кариологический анализ численных показателей хромосом в соматических клетках облученных макак резусов показал, что процент диплоидных и анеуплоидных наборов хромосом у всех экспериментальных обезьян оставался на уровне контрольных значений. Снижение количества диплоидных клеток имело место лишь у обезьян, облученных одномоментно в дозе 6,2 Гр и обследованных спустя 40 месяцев после лучевого воздействия. Этот показатель в среднем составил 71,59%, в контроле был в пределах 89 – 96%. Ввиду незначительных изменений количества клеток с гиподиплоидными наборами хромосом при других дозах и условиях опыта, данные могут рассматриваться как артефактные. Следует думать, что у облученных животных оболочка ядра соматических клеток более чувствительна к действию гипотонизации, что приводит к потере отдельных хромосом. Что касается клеток с полиплоидными наборами хромосом, то исключение составили данные опытов при пролонгированном облучении в дозе 10, 6 Гр. В костном мозге этих обезьян спустя 10 месяцев после облучения отмечена тенденция к увеличению количества клеток с полиплоидными наборами хромосом, показатели которых находились в пределах 2,5 – 2,67%. Разница по сравнению с контролем близка к статистически достоверной (P=0,05). Увеличение количества полиплоидных клеток после облучения малыми мощностями, по-

видимому, объясняется компенсаторными процессами в костном мозге облученных обезьян.

В костном мозге обезьян, облученных в дозе 6, 2 Гр и обследованных спустя 40 месяцев после лучевой нагрузки, количество полиплоидных клеток составило 0,5%, что соответствовало верхним границам нормы. У обезьян, обследованных через 10 месяцев после однократной дозы 3,2 Гр при анализе клеток полиплоидных наборов хромосом не обнаружено.

Спонтанный фон аберраций хромосом в костном мозге у взрослых клинически здоровых обезьян представлен 0,88 ± 0,46 на 100 клеток. В лимфоцитах периферической крови у контрольных обезьян этот показатель был выше и составил 1,39 ± 0,37.

В контрольных пунктатах основным типом аберраций хромосом были ацентрические фрагменты: парные и одиночные, с преобладанием количества последних (таблица 2). Обменных аберраций в пунктатах костного мозга не обнаружено.

Как видно из таблицы, в клетках костного мозга обезьян на всех сроках после облучения разными дозами радиации при разных условиях опыта частота аберраций хромосом превышает контрольный уровень (P<0,05 и P = 0,05). Так, спустя 10 месяцев после однократного облучения в дозе 3,2 Гр и после пролонгированного лучевого воздействия в течение 26 часов в дозе 10, 6 Гр, средние показатели аберрации хромосом соответственно составляли 13,04 ± 0,64 и 11,33 ± 0,87 аберраций на 100 клеток. Тогда как при однократном облучении в дозе 6,2 Гр даже в более отдалённые сроки, т.е. спустя 40 месяцев после облучения мутагенный эффект превышал показатели аберраций, индуцированные однократной дозой 3,2 Гр и пролонгированной дозой 10,6 Гр и составлял 18,84 ± 0,93 аберрации на 100 клеток (таблица 2).

Таблица 2

Мутагенный эффект в костном мозге облученных обезьян

Инвентарный номер обезьян	Доза облучения, Гр	Изучено клеток	Количество аберрантных клеток, %	Всего аберраций хромосом на 100 клеток
17086	3,2	100	11,0	13,0
16155	3,2	80	11,25	12,5
15820	3,2	160	16,67	16,67
16295	3,2	70	9,0	10,0
Среднее	3,2	410	11,88±1,6	13,04±0,64
15633	6,2	160	19,1	20,0
15849	6,2	170	15,29	21,18
14588	6,2	110	10,0	15,45
Среднее	6,2	440	14,76±0,35 18,84±0,93	
20879	10,6	40	10,0	10,0
20903	10,6	130	11,66	14,66
Среднее	10,6	170	10,88±2,4	11,33±0,87

14702	8,6	90	6,66	7,77
14679	8,6	150	5,33	6,0
Среднее	8,6	240	5,98±1,5	6,89±0,43
Контрольная группа (5 обезьян)	не облучали	400	0,88±0,36	0,88±0,36

После пролонгированного облучения в течение 15 часов 45 минут с тремя 15-минутными перерывами в процессе облучения при относительно высокой суммарной дозе (8,6 Гр), частота аберраций хромосом была наиболее низкой и в среднем составляла 6,89 ± 0,43 аберраций на 100 клеток. Таким образом, частота аберраций в костном мозге обезьян, переживших разные дозы и разные условия облучения, хотя и превышала контрольный уровень, но при этом отмечались некоторые различия в величине эффекта.

В связи с относительно низкой частотой аберраций хромосом в костном мозге обезьян, пролонгировано облученных в дозе 8,6 Гр, представляло определенный интерес исследовать другой тип соматических клеток, отличающихся от костного мозга слабой интенсивностью митотической активности. Особенностью такого типа клеток, как известно, является более длительное сохранение мутагенного эффекта свойственного для более ранних сроков после облучения. В нашем опыте были использованы лимфоциты периферической крови, взятые у этих же облученных обезьян одновременно с костным мозгом. Данные о мутагенном эффекте в двух типах соматических клеток представлены в таблице 3.

Как видно из таблицы, частота аберраций хромосом в лимфоцитах периферической крови оказалась в два с лишним раза выше, чем в клетках костного мозга, и в среднем составляла 16,83±1,34 аберрации на 100 клеток. Более того частота аберраций хромосом в лимфоцитах периферической крови приближалась к эффекту костного мозга обезьян, облученных однократно в дозе 6,2 Гр.

При анализе тяжести поражения наследственных структур соматических клеток, обращают внимание имеющиеся различия между количеством аберраций хромосом и процентом аберрантных клеток (таблица 3). Эти различия, хотя и незначительные, но имели место у всех облученных обезьян и наиболее выражены при однократном облучении в дозе 6,2 Гр (ЛД$_{70-90}$), что указывало на тяжесть поражения клеток проникающей радиацией (см. таблицу 2).

Таблица 3

Мутагенный эффект в разных типах соматических клеток после пролонгированного облучения в дозе 8,6 Гр

Клетки	Инвентар № обезьян.	Изучено клеток	Аберрантные клетки, %-	Типы аберраций на 100 клеток			Всего аберраций на 100 клеток
				ацентрич. фрагменты	ассиметр. хромосомные обмены	симетр. хромосомные обмены	
							Костный
	14702	90	6,66	1,11	0,0	6,66	7,77.
	14679	150	5,33	2,0	0,0	4,0	6,00
мозг	Среднее	240	5,98	1,55±0,97	0,0	5,33±0,34	6,89±0,43
Лимфоциты периферич. крови	14702	60	15,0	1,66	0,0	15,00	16,66
	14679	13,0	100	5,00	0,0	12,00	17,00
	среднее	160	14,0	3,33±1,96	0,0	13,5±2,7	16,83±1,34

Повышенное количество структурных повреждений хромосом в соматических клетках у всех облученных обезьян в отдаленные сроки в основном составляли аномальные хромосомы, и в меньшем количестве ацентрические фрагменты как одиночные, так и парные (таблица 4).

Таблица 4

Типы аберраций хромосом в костном мозге обезьян (на 100 клеток)

Инвентарный № обезьян	Доза облуч. Гр	Условия облучения	Время После обл.мес	Одиночные фрагменты	Парные фрагменты	Симметрич. хромосомн. обмены	Асиметр. хромосомн. обмены
17086	3,2	Одномоментно	10,0	1,0	3,0	9,0	0,0
16155	3,2	Одномоментно	10,0	2,5	1,25	8,75	0,0
15820	3,2	Одномоментно	10,0	2,37	3,34	10,06	0,9
16295	3,2	Одномоментно	10,0	1,43	2,86	5,71	0,0
Среднее	3,2	Одномоментно	10,0	1,85 ± 0,91	2,61 ± 0,13	8,32 ± 0,41	0,22±0,01

Инвентарный № обезьян	Доза облуч. Гр	Условия облучения	Время после обл.мес.	Одиночные фрагменты	Парные фрагменты	Симметрич. хромосомн. обмены	Асимметр. хромосомн. обмены
15563	6,2	Одномоментно	40,0	0,9	0,9	19,38	0,62
15849	6,2	Одномоментно	40,0	0,59	3,52	16,48	0,59
14588	6,2	Одномоментно	40,0	0,0	0,91	13,63	0,91
Среднее	6,2	Одномоментно	40,0	0,49 ± 0,02	!.77 ± 0,08	16,49 ± 0,7	1,06±0,05
20879	10,6	Пролонгировано	10,0	0,0	5,0	5,0	0,0
20903	10,6	Пролонгировано	10,0	1,5	2,0	10,16	
Среднее	10,6	Пролонгировано	10,0	0,76 ± 0,58	3,5 ± 0,28	7,58 ± 0,58	0,0
14702	8,6	Пролонгировано	42,0	0,0	1,11	6,66	0,0
14679	8,6	Пролонгировано	42,0	1,34	0,66		4,0
Среднее	8,6	Пролонгировано	42,0	0,67 ± 0,04	0,89 ± 0,05	5,33 ± 0,34	0,0

Как видно из таблицы, частота парных фрагментов у облученных обезьян в той или иной степени преобладала над количеством одиночных фрагментов. Эти различия наиболее выражены после однократного облучения в дозе 6,2 Гр и после пролонгированного облучения обезьян, накопивших суммарную дозу 10,6 Гр. Однако основной удельный вес в костном мозге на всех сроках после облучения, т.е. от 10 месяцев и до 42 месяцев составляли симметричные хромосомные транслокации. Наиболее высокий показатель частоты аберраций был после облучения летальной дозой 6,2 Гр: в среднем по группе обезьян он составил 16,49 ± 0,7 аберраций на 100 клеток ($P<0,05$).

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что у всех облученных обезьян, в дозах 3,2 Гр и 6,2 Гр, а также облученных пролонгировано в суммарных дозах 8,6 Гр и 10,6 Гр и обследованных спустя 10; 40 и 42 месяца после лучевого воздействия, мутагенный эффект хотя и в разной степени, но превышал контрольный показатель. При этом наибольший выход аберраций хромосом (18.84 аберрации на 100 клеток) выявлен в клетках костного мозга обезьян, получивших интенсивную дозу радиации 6,2 Гр ($ЛД_{70-90}$) и обследованных спустя 40 месяцев после облучения. В клетках костного мозга обезьян однократно облученных в дозе 3,2 Гр и пролонгировано в дозе 10,6 Гр частота аберраций спустя 10 месяцев после воздействия соответственно составила 13,04 ±

0,64 и 11,33 ± 0,87 и была ниже, чем у обезьян, получивших дозу радиации 6.2 Гр, но обследованных спустя 40 месяцев.

Различия в частоте аберраций хромосом у облученных обезьян и обследованных в разные интервалы времени после лучевой нагрузки можно объяснить эффектом дозы радиации, который был описан в литературе для ранних сроков после облучения [10].

Наиболее низкий показатель мутагенного эффекта (6,89 ± 0,43 аберрации на 100 клеток) был в костном мозге обезьян, облученных пролонгировано в течение 15 часов 45 минут с тремя 15-минутными перерывами при суммарной дозе 8,6 Гр. В этом случае мутагенный эффект был в два раза ниже по сравнению с эффектом после непрерывного пролонгированного облучения в дозе 10,6 Гр, что определялось величиной суммарной дозы радиации [6], а также условиями облучения. В это же время в лимфоцитах периферической крови у этих же обезьян, облученных в дозе 8,6 Гр, частота аберраций хромосом была выше, чем в костном мозге и составляла 16,83 ± 1,34 на 100 клеток (P<0,05). Однако, в отличие от острого облучения, при облучении малыми мощностями в лимфоцитах периферической крови значительно реже происходят асимметричные обмены (см. таблицу 4). Вследствие этого в лимфоцитах периферической крови у пролонгированно облученных обезьян имели место лишь симметричные хромосомные обмены и ацентрические фрагменты.

Как свидетельствуют полученные данные, количество аберраций хромосом в разных типах соматических клеток, какими являются костный мозг и лимфоциты периферической крови, было не одинаковым, что возможно объясняется физиологическими особенностями исследуемых тканей, в частности интенсивностью митотической активности. Так, в пролиферирующем органе, каким является костный мозг, какое-то количество клеток с грубыми повреждениями хромосом после облучения могло элиминироваться, в то время как в лимфоцитах периферической крови гораздо дольше сохраняются клетки с поврежденными хромосомами [1, 5]. Эта особенность ткани и привела в нашем опыте к разным показателям количества аберраций хромосом в разных типах соматических клеток у одних и тех же обезьян, переживших пролонгированное облучение.

В заключение работы на основании полученных результатов, следует отметить важность использования обезьян в качестве модельных объектов для тестирования цитогенетических последствий радиации на этих животных, общая и цитогенетическая радиочувствительность которых сходна с таковой человека [4, 9].

Литература

1. Баркая В.С., Торуа Р.А., Косиченко Л.П., Елистратова Ж.В. // Вестник Академии Медицинских наук, 1988. № 3, с. 65 – 69.
2. Бенова Д., Вычленов А., Баев И., Караджов А. Сб. Интеркосмос. IX Симпозиум по космической биологии и медицине. Будапешт, 1976 (Тезисы докладов), с. 4 – 5.
3. Бочков Н.П., Бедельбаева К.А.// Доклады Академии Наук БССР, 1991, т. 3 №8, с. 745 – 748.
4. Джемилев З.А. Автореферат докторской диссертации. Москва: 1980, с. 1 38.
5. Косиченко Л.П. // Генетика, 1972, т. 8, № 3, с. 105 – 110.

6. Москалев Ю.И., Булдаков Л.А., Ильин В.Н., Кудрицкий Ю.К.// Медицинская радиология, 1983, т. 28, № 4, с. 74 – 82.
7. Мошик К.В. Материалы I научно-практической конференции. Минск: 1990, с. 127 – 136.
8. Пяткин Е.К., Нугис В.Ю., Чирков А.А. // Гематология и трансфузиология, 1991, т. 36, № 10, с. 21 – 26.
9. Семенов Л.Ф. Вопросы физиологии, экспериментальной патологии и радиобиологии. Сухуми: 1965, с. 311 – 317.
10. Lu Cai, Vuke Jin. J. Radiol., Med. and Prot. 1988, v. 8, No. 3, p. 191 – 195.
11. Moorhead H., Nowell P.S., Mellman W. et al. Exper. cell res. 1960, v. 29, No. 3, p. 613 – 616.

Кикория А.Д., Какубава В.В., Агрба Д.В.

ШИРОТА ИНФИЦИРОВАНИЯ ВИРУСАМИ ГЕПАТИТА В И С НАСЕЛЕНИЯ АБХАЗИИ

Вирусные гепатиты занимают одно из ведущих мест среди заболеваний желудочно-кишечного тракта человека и представляют собой глобальную проблему далёкую от своего решения. К настоящему времени в разных странах мира вирусными гепатитами инфицировано или перенесло их в прошлом около 2 млрд. человек, что существенно превышает распространённость ВИЧ инфекций. Вирусные гепатиты включают в себя широкий круг состояний: от лёгких, субклинических, до тяжёлых, быстропрогрессирующих форм болезни; от острых, самоограничивающихся до хронических поражений с развитием в дальнейшем цирроза и рака печени. К настоящему времени известно по крайней мере, восемь гепатотропных вирусов (A,B,C,D,E,F,G,TT и др.), принадлежащих к различным семействам. (Ильина и др. 2002 и др..2004)

Среди всех инфекционных болезней вирусные гепатиты по распространенности занимают третье место, причём пять известных вирусов (A, B,C,D,E) являются причиной развития 95% острых и 80% хронических гепатитов. Вирусная инфекция играет доминирующую роль в патогенезе хронических заболеваний печени.

Наибольшую угрозу здоровья населения несут вирусные гепатиты с парентеральным путём передачи (B, C и D), которые вызывают самые распространённые антропогенезные инфекции. Около 300 000 человек ежегодно заболевают вирусным гепатитом B. сегодня в мире насчитывается более 3 млн. больных хроническим гепатитом (ХГ) B, что составляет 6 - 10 % от общего числа хронических заболеваний печени. Ещё более серьёзную угрозу представляет гепатит C. В разных странах от 1 до 5% населения поражены этим вирусом. Среди хронических заболеваниях печени (ХЗП) вирусный гепатит стоит на первом месте и составляет 40-60% больных. В дальнейшем, очень высок риск развития у больных ХГ цирроза и рака печени.

В тоже время, установить вирусную природу гепатита и получить информацию об его этиологии возможно только путём выявления серологических маркеров вируса гепатита. К таким маркерам относятся вирусные белки (антигены), специфические антитела, вырабатываемые организмом в ответ на инфекцию, нуклеиновые кислоты вируса (ДНК или РНК), представляющие его геном.

Сравнительно недавно в практику клинико-диагностических лабораторий кроме иммуноферментного анализа вошли методы генодиагностики, позволяющие обнаруживать и характеризовать гены или несмысловые последовательности ДНК и/или РНК. (ПЦР - анализ).

В отличие от ИФА, ПЦР анализ относится к прямым методам обнаружения возбудителя в клиническом материале, что позволяет оценить активность вирусного процесса и проследить процессы распространения возбудителя в различных органах и тканях.

Современные подходы диагностики и мониторинга развития вирусных гепатитов B и C реализуют принцип комплексного обследования пациентов, включающего характерную клиническую картину и данные лабораторных исследований. Результаты проведённых лабораторных исследований играют существенную, если не ведущую, роль для повреждения диагноза вирусного гепатита и установления его этиологии (Boyer N., Marcellin P., 2002).

Несомненно, что в поствоенной блокадой Абхазии остро стоял вопрос мониторинга ряда инфекционных заболеваний, в том числе и вирусных гепатитов.

В 2001г. в Абхазии начал функционировать медицинский центр лабораторной диагностики фирмы «Медитест», который и занялся проблемами диагностики инфекций на современном методическом уровне исследований.

За время работы (2001-2004г.г.) было обследованы сыворотки крови 2710 пациентов, проводились также анонимное анкетирование инфицированных.

Для поиска иммунологических маркеров использовались следующие тест-системы для иммуноферментного анализа (ИФА):

- вируса гепатита В – HBs-антиген – ДСМ (Медико-биологический союз, РФ),

- вируса гепатита С – «ВГС – ДСМ» (комплект 2) и «ВГС – ДСМ»- подтверждающий тест (комплект №1) (Медико-биологический союз, РФ).

Поиск генетических маркеров проводили с помощью набора для определения РНК HCV (ДНК –технология, РФ).

Результаты поведённых ИФА – исследований сведены в таблицу 1.

Таблица 1.

Мониторинг населения Абхазии на наличие вирусов гепатита В и С.

Год	Количество обследованных	ВИРУСЫ ГЕПАТИТА		
		В (HBsAq)	С(core+ NS)	В+С
2001	377	28(7,4%)	30(7,9%)	11(2,9%)
2002	586	61(10%)	110(7,9%)	9(1,5%)
2003	817	63(7,7)	149(18,2)	12(1,5%)
2004	920	43(4,6%)	130(14%)	4(0,4%)
Итого:	**2710**	**195(7,2%)**	**419(15,5%)**	**36(1,3%)**

Молекулярно-биологический анализ показал, что в сыворотках 40 пациентов, инфицированных вирусом гепатита С (по данным иммуноферментного анализа), только 4 (10%) обнаруживалось РНК HCV.

Столь широкое инфицирование вирусами гепатита В и С, безусловно не соответствует общему эпидемиологическому состоянию среди граждан Абхазии, т.к. мы обследовали только часть населения (группа риска), в основном больных гепатитами. Однако настораживает тот факт, что большинство больных гепатитом В и С составляют молодые люди, в основном мужского пола, репродуктивного возраста (18-40 лет). По предварительному опросу большая часть из них являются наркоманами или лицами употребляющими наркотики эпизодически, т.е были инфицированы инъекционным путём.

Нами был обследован также достаточно большой контингент беременных (всего 954 пациентов), из них вирусами гепатита В было инфицировано – 12 (1,25%), гепатита С – 6 (0,6%) человек, что совпадает с данными литературы. Так в Росси антитела к ВГС выявляют у 2-4% клинически здоровых доноров (Шустов и др. 2002).

У одного новорожденного ребёнка в крови определялся высокий титр антител к вирусу гепатита С, однако, очевидно, о циркулировании у него материнских антител. Передача вируса от матери к ребёнку (вертикальный путь передачи) достаточно низок – 5-6% случаев.

Другой путь инфицирования, который был нами установлен это медицинские процедуры (переливание крови, стоматологическое лечение) 10 случаев.

Интересен тот факт, что несмотря на высокую вероятность передачи этих вирусов половым путём мы выявили, что ряд сексуальных партнёров на момент исследования не были инфицированы, что конечно не исключает их дальнейшего заражения, т.к. вероятность инфицирования по данным литературы составляет 10%.

Другой вариант этой проблемы – это чрезвычайно высокая вероятность инфицирования вирусом СПИДа человека, особенно среди лиц инфицированы вирусом гепатита С, т.к частота распространения маркеров гепатита С среди потребителей наркотиков составляет 50-90%, а до 88% ВИЧ-инфицированных наркоманов в России имеют антитела к ВГС (Бобкова, 2002).

Исходя из литературных данных и собственных данных мы можем утверждать, что подавляющее количество наркоманов, проживающих в Абхазии, либо инфицированы вирусами В и С, либо либо будут заражены ими в дальнейшем. Инфекция продолжает распространяться. Под угрозой может оказаться генофонд абхазской нации т.к. эти вирусы относятся к инфекциям, передающихся в том числе и половым путём, инфицируя не только половых партнёров, но и рождающихся детей от инфицированных матерей. Необходимо срочно принимать соответствующие санитарно-эпидемиологические мероприятия ограничивающие дальнейшее распространение этих опасных инфекций.

Литература

1. Ильина Е.Н., Фомина Е.Е., Артёмов Е.К. и др.
2. Хронические вирусные заболевания печени – М. 2002 С.223.
3. Лазебник Л.Б., Царгородцева Т.М., Парфёнов А.И.
4. Иммунная система и болезни органов пищеварения//
5. Терапевтический архив.- 2004.- №12 – С.5-8.
6. Boyer N., Marcellin P. Paihogenesis, diagnosis and management of hepatics C// J/ Hepatol. 2000 – Vol.32 – P/ 98 – 112
7. Шустов А.В.. Кочнева Г.Н., Символобова Г.Ф. и др. частота встречаемости маркеров гепатита С и Факторы риска у персонала больниц Новосибирской области // ЖМЭИ – 2002 - №5 – С.104 – 115.
8. Хоронжевская – Муляр И.С., Мартынюк Г.А., Шахтильдян И.В. и др.// широта инфицирования вирусами гепатита В и С различных групп населения северно-западной Украины// ЖМЭИ 2000 - №5 – С.35 – 39.

Кокоша Л.В., Осия О.В.

ДВА СЛУЧАЯ «ПЕЛЬГЕРОВСКОЙ» АНОМАЛИИ ЛЕЙКОЦИТОВ В АБХАЗИИ

Морфологические изменения лейкоцитов крови многочисленны и разнообразны. Они могут быть выявлены в зависимости от клинической ситуации и обнаруживаются в различных видах лейкоцитов, но наиболее часто подобные изменения проявляются в нейтрофильных гранулоцитах (14).

Гранулоцитарный ряд лейкоцитов крови здоровых людей характеризуется клетками с сегментированным ядром, имеющим 3, 4 и более сегментов. Количество палочкоядерных нейтрофилов равно 1-6%, а сегментоядерных – от 47 до 72%.

В 1928 году голландский гематолог Пельгер впервые обнаружил у здоровых людей своеобразную картину крови, названную впоследствии «пельгеровской аномалией», где ядра клеток имели в основном два сегмента, и количество палочкоядерных нейтрофилов было больше, чем сегментоядерных. В дальнейшем об обнаружении у здоровых людей «пельгеровской» аномалии лейкоцитов сообщали Хьют, Бургер, Лейтнер и Ван Леевен, Вейтгельт, Алиев и Реккерс, Штагель и Июндель, Шталдтмайстер, Уидериц и др (цитируется по Людвиковской (12). Хьют наблюдал подобные изменения крови у нескольких членов семьи и рассматривал их как проявления конституционно-наследственной аномалии ядер лейкоцитов, не связанной с заболеванием, поскольку все обследованные лица были здоровы.

Семейно-наследственная аномалия лейкоцитов, известная в литературе, как «пельгеровская», распространена повсеместно. Подобные случаи описаны в Голландии, Швейцарии, Германии, Чехословакии, Японии, Франции, на острове Ява. Имеющиеся в отечественной литературе описания случаев «пельгеровской» аномалии лейкоцитов носят случайный характер (20, 23, 4, 12, 1, 18, 6, 8,11). А.М.Кислицина проследила случаи "семейного" выявление этой аномалии лейкоцитов у лиц в нескольких поколениях.(10).

Своеобразные изменения клеток крови, наблюдаемые при "пельгеровской" семейной аномалии, встречаются не только у людей, но и у некоторых видов животных (8, 12).

Таким образом, всеми наблюдениями был доказан наследственно-семейный характер аномалии, передающейся по доминантному типу. Передача признака может быть от одного родителя (гетерозиготное носительство) или от обоих (гомозиготное носительство) (1). Однако, несмотря на распространенность этой аномалии (частота распространения примерно 1-3 случая на 1000 человек) (9, 23) в разных странах мира, знакомство практических врачей с этим феноменом недостаточно и заключения при ее обнаружении часто ошибочны. Зачастую неправильная диагностика приводит к отнесению "пельгеровских" клеток к обычным палочкоядерным нейтрофилам, вследствие чего гемограмма показывает резкий "палочкоядерный сдвиг влево" без всяких клинических обоснований для этого и обследуемому назначается соответствующее медикаментозное лечение (8, 12, 17, 2).

Изменения лейкоцитов при «пельгеровской» аномалии своеобразны и касаются главным образом ядра клетки:

1. Диаметр клетки уменьшен, наблюдается несоответствие размеров ядра и цитоплазмы с преобладанием последней, в которой свободно лежит своеобраз-

ное по форме ядро. В отдельных гранулоцитах цитоплазма содержит большое количество неравномерной зернистости.

2. Ядро таких нейтрофилов меньше по размерам, чем у нормальных клеток, структура ядра грубая, пикнотичная, с темной буро-фиолетовой окраской базихроматина, процесс конденсации ядерного хроматина закончен.
3. Аномалия развития таких клеток выражается в почти полном отсутствии ядерного полиморфизма, характерного для зрелого нейтрофила.
4. Отмечается укорочение ядра, приобретающего карликовый характер, развитие формы ядра отстает от его структурного развития. При грубой «сверхзрелой» структуре ядра его форма относительно «молодая» - круглая (миелоцитарная), почкообразная, в виде эллипса, боба, почки (метамиелоцитарная) или палочковидная. Ядра с намечающейся перетяжкой напоминают гимнастические гантели или «пенсне». Ядра с 3 или более сегментами почти не встречаются (1, 9, 15, 24, 19).

Таким образом, наиболее демонстративной особенностью нейтрофилов при «пельгеровской» аномалии является молодая форма ядра, отстающая от структурного развития клетки, хотя наличие в нем грубоглыбчатого хроматина указывает на то, что созревание клетки происходит ускоренно. Г.А. Алексеев (1) указывает, что «структура ядра стара, а форма его юна». И.А.Кассирский полагает, что при "пельгеровской" аномалии лейкоцитов изменяется тип кроветворения в целом в смысле упрощения дифференцировки клеток крови (9, 3). Развитие круглоядерного нейтрофила при "пельгеровской" аномалии минует стадию метамиелоцита и начинается в стадии миелоцита. Наблюдается также преждевременная конденсация ядерного хроматина без соответствующего изменения формы ядра, вследствие чего не происходит сегментация ядра.

Как справедливо указывал Н.А. Шмелев (23), обычная терминология лейкоцитов к "пельгеровским" аномальным клеткам плохо применима и у исследователей вопрос номенклатуры этих клеток являлся наиболее спорным. Во избежание ошибочного диагностирования "палочкоядерного сдвига влево" при оценке лейкоцитарной формулы Г. А.Алексеевым была предложена следующая классификация «пельгеровских» нейтрофилов:

а). круглоядерные;

б). несегментированные с ядром в виде эллипса, боба, почки, земляного ореха, гимнастических гирь;

в). палочкоядерные;

г). бисегментированные;

д). трисегментированные (1,5,9).

Несмотря некоторые цитоморфологические особенности, в функциональном отношении (способность к фагоцитозу, ферментативная активность, продолжительность жизни в циркулирующей крови) нейтрофилы при «пельгеровской» аномалии являются полноценными клетками (12, 3, 9). Цитохимических изменений, как проявления возможного патологического ядерного метаболизма в таких клетках не обнаружено (3). Реакция носителей аномалии на инфекцию кровопотерю не отличается от соответствующей реакции лиц с обычными клетками.

В базофилах, эозинофилах, моноцитах и лимфоцитах описанные выше изменения встречаются реже и менее выражены (1,2,9,13,16).

В пунктатах костного мозга таких людей встречаются две популяции нейтрофилов:

- аномальные нейтрофилы, среди которых преобладают круглоядерные формы, составляющие до 65% всех ядросодержащих клеток костного мозга,

- нормальные нейтрофильные миелоциты и промиелоциты (21,25)

Аномалия проявляется на миело- и метамиелоцитарной стадии дифференциации нейтрофилов.

Изучение костномозгового кроветворения у здоровых носителей "пельгеровской" аномалии (23, 12, 1) показывает, что развитие зрелых круглоядерных нейтрофилов происходит не обычным путем дифференцирующего деления, а путем преждевременной конденсации ядерного хроматина, которая не сопровождается изменением формы ядра и сегментация ядер или не происходит, или только намечается. Дальнейшая "пельгеризация" нейтрофилов может происходить на уровне метамиелоцитов, в результате чего получаются несегментированные нейтрофилы с ядром в виде эллипса, боба, арахиса, гантелей. Из последних развиваются бисегментированные нейтрофилы (форма "пенсне"). Феномен "круглоядерности" отражает высшую степень экспрессивности "пельгеровской" аномалии. Естественно, этот признак наиболее выражен у гомозиготов, у которых количество круглоядерных гранулоцитов достигает 94% (1,9).

На основании собственных наблюдений Г.А. Алексеев среди гетерозиготов выделяет два гематологических варианта "пельгеровской" аномалии лейкоцитов:

- первый вариант – с относительно большим содержанием круглоядерных нейтрофилов

(до 20%) и сравнительно незначительным (2-15%) содержанием бисегментированных форм клеток,

- второй вариант – с незначительным (не более 2%) содержанием круглоядерных и высоким (16-64%) содержанием бисегментированных форм. У носителей обоих вариантов преобладающими формами являются несегментированные нейтрофилы.

Исследования, проводимые после установления Хьютом в 1932 году семейного характера «пельгеровской» аномалии лейкоцитов, показали, что этот признак наследуется по аутосомно-доминантному типу и обычно обнаруживается у нескольких членов семьи в нескольких поколениях (7,3,1,22). Описана семья, в которой «пельгеровские» лейкоциты были обнаружены у 39 человек в 4 поколениях.

Кариологические исследования показали, что в аномальных клетках возникает мутация, которая наследуется на генном уровне и не сопровождается видимыми как количественными, так и структурными изменениями хромосомного набора (3).

Г.А. Алексеев предположил, что в основе гипосегментации ядер клеток лежит генетически наследуемый дефицит энзимного фактора, ответственного за развитие нормальной клеточной дифференцировки (1, 2, 9).

Помимо описанных выше случаев полного носительства, при которых все нейтрофилы являются "пельгероваскими", в мировой литературе известны случаи частичного носительства, при которых 20-80% клеток составляют нормальные формы, "сосуществующие" с "пельгеровскими" (9, 1). Однако, следует осторожно относиться к описанию частичного носительства "пельгеровской" аномалии при различных заболеваниях (2, 25, 22, 9).

Врожденные, наследственно-закрепленные аномалии сегментации лейкоцитов могут изменяться под влиянием экзогенных и эндогенных факторов. Так, известны случаи временного исчезновения аномальных лейкоцитов и появления

гиперсегментированных ядер при заболевании B_{12} – дефицитной анемией в период обострения. При достижении же у этих больных клинико-гематологичкской ремиссии типичная картина "пельгеровской" нейтрофилограммы восстанавливается, а полисегментированные нейтрофилы исчезают. Этот факт позволяет предположить антагонистические отношения между витамином B_{12} и фактором ядерной полисегментации нейтрофилов (1, 9).

Наряду с "пельгеровской" аномалией лейкоцитов, носящей семейно-наследственный характер, существуют приобретенные формы гипосегментации ядер нейтрофилов. Эти клетки называются "пельгероидами", "псевдопельгеровскими" или "псевдопельгероидами" (9, 1). Принципиальным отличием этих форм от истинной аномалии является их временный, обратимый характер, связанный с заболеванием, при котором эти клетки появляются. Возможно, наряду с наследственными, генотипическими факторами, существуют экзогенные факторы, влияющие не процесс дифференцировки ядер клеток (18, 9). Подобные "пельгероиды" появляются под влиянием ионизирующей радиации, действия колхицина (экспериментальные исследования) (1), при острых кишечных инфекциях, при лекарственной болезни после применения сульфаниламидных препаратов, антибиотиков, новокаина, камфары и т.д. (16, 9, 1).

Особый интерес представляют сообщения об аномалии лейкоцитов при системной патологии крови. В статье Г.А. Алексеева (2) обобщено 44 случая "псевдопельгеровской" аномалии при хроническом миелолейкозе, остром лейкозе, полицитемии, остеомиелосклерозе, миеломной болезни, агранулоцитозе, метастазах рака в костный мозг. Л.Л.Яворковский (25) наблюдал "пельгеровские" клетки у больных миелодиспластическим синдромом. Исследованиями с меченым тимидином показано, что гипосегментация ядер лейкоцитов при хроническом миелолейкозе не случайна, а связана с парциальной блокадой в гранулоцитах лейкемического клона ферментов, участвующих в процессах ядерной сегментации. В период клинико-гематологической ремиссии при лейкозах "пельгеризация" гранулоцитов исчезает, что доказывает ее связь с лейкемическим процессом. Морфологические особенности "пельгероидов" соответствуют гетерозиготным формам при врожденной "пельгеровской" аномалии. Приобретенный, несемейный характер "песевдопельгеровской" аномалии в каждом отдельном случае был доказан данными исследований крови родственников и у самого больного до заболевания (2).У больного до заболевания и у родственников аномальные клетки не обнаруживались.

Таким образом, для дифференциальной диагностики в случае обнаружения «пельгеровских» аномальных лейкоцитов, наиболее важным является проведение морфологического исследования лейкоцитов крови и выявление носителей этой аномалии среди родственников обследуемого в поколениях. Результаты этого анализа должны быть сообщены лечащему врачу, так как это позволит избежать ошибочного толкования картины крови как «левого» сдвига нейтрофилов и неправильной тактики врача при лечении любого заболевания у носителя «пельгеровской» аномалии (17,5,15,8,2,12). Несколько труднее распознается аномалия у больных с патологическим процессом, обычно сопровождающимся "сдвигом лейкоцитарной формулы влево". Но в подобных случаях обращает на себя внимание характерная форма ядер, своеобразный мономорфизм гранулоцитов вместо относительного полиморфизма при истинном сдвиге. В общей массе клеток ядра лейкоцитов при этой аномалии похожи друг на друга и кажутся штампованными. При выздоровлении больного указанный мнимый "сдвиг влево"

сохраняется, а абсолютным доказательством аномалии лейкоцитов является обнаружение подобной морфологической картины у родственников больного (8).

Представляем собственные наблюдения случаев «пельгеровской» аномалии лейкоцитов у жителей Абхазии..

Описываемый нами **первый случай** аномалии был выявлен случайно. Больной А-ба, 18 лет, в мае 1999 года поступил в неврологическое отделение Сухумской городской больницы с диагнозом «нейровирусная инфекция». Первичное гематологическое обследование больного показало, что при лейкоцитозе 8,6 $x10^9$/л общее количество нейтрофилов составило 80%, причем 37% сегментоядерных нейтрофилов имели ядра с двумя сегментами, а у 43% клеток ядра были в форме палочек или были круглыми. Ядра несегментированных нейтрофилов были равномерно утолщены или имели посередине небольшое вдавление, напоминая почку, круглые ядра по форме напоминали миелоциты. Размеры этих клеток были несколько меньше нормальных нейтрофилов. Ядра сегментированных нейтрофилов имели форму «гантелей» или «пенсне», причем сегменты соединялись между собой короткой перемычкой или тонкими нитями. Такая морфологическая картина клеток крови позволила заподозрить у больного «пельгеровскую» аномалию лейкоцитов.

В процессе лечения больному неоднократно проводилось гематологическое обследование с использованием при подсчете лейкоцитарной формулы классификации нейтрофилов, предложенной Г.А. Алексеевым (1).

Таблица 1.

Гематологическое обследование больного А-ба в динамике.

Дата обсл..	Лейкоциты	Нейтрофилы				Эозинофилы	Базофилы	Лимфоциты	Моноциты
		Кругляд	Палоч.	Бисегм	Трисег.				
31. 05	8,6x10^9/л	10	33	37	0	0	0	20	4
2 .06	6,7x10^9/л	9	24	33	0	3	0	27	4
12. 06	7,8x10^9/л	13	15	33	2	2	0	33	2
21. 06	6,6x10^9/л	4	21	34	1	3	0	28	0

Результаты обследования этого больного в динамике с применением при подсчете лейкоцитарной формулы классификации нейтрофилов, предложенной Г.А.Алексеевым, представлены выше в таблице 1.

Данные нейтрофилограмм этого больного позволяют заключить, что количество бисегментированных нейтрофилов при каждом обследовании практически не изменялось, а число несегментированных клеток колебалось от 43% при первичном обследовании до 25% при обследовании перед выпиской.

Для дифференциальной диагностики выявления аномальных клеток у данного больного были обследованы его близкие родственники (мать, отец, дед по линии отца, 2 родных брата).

Гранулоцитограмма родственников больного редставлена ниже в таблице 2.

Таблица 2.

Гранулоцитограмма родственников больного А-ба.

Обследуемый.	Нейтрофилы				Эозинофилы			
	Кругл.	Полочк.	Бисегм.	Трисегм.	Кругл.	Палочк.	Бисегм.	Трисегм.
Пробанд	**13**	**15**	**33**	**2**	**0**	**2**	**1**	**0**
Мать	0	3	0	71	0	0	1	0
Отец	**4**	**16**	**44**	**3**	**0**	**0**	**1**	**0**
Брат отца	0	3	0	47	0	0	1	0
Брат 1	0	1	0	51	0	0	1	0
Брат 2	0	5	0	54	0	0	1	0
Дед	**9**	**24**	**28**	**2**	**2**	**3**	**11**	**0**

Как и у пробанда, аномальные нейтрофилы были обнаружены только у отца пробанда и у его деда по линии отца. У матери пробанда, у обоих его родных братьев, а также у родного брата отца и у внука брата деда аномальных гранулоцитов не выявлено.

Таким образом, из 8 обследованных нами членов одной семьи в трех поколениях носителями «пельгеровской» аномалии лейкоцитов являлись трое: дед, отец и внук, т.е. лица мужского пола, и аномалия наследовалась по аутосомно-доминантному типу.

Результаты обследования больного А-ба в динамике и, главное, данные обследования его родственников в трех поколениях позволяют утверждать, что обнаруженные у больного морфологические изменения никакого отношения к заболеванию больного не имели и могут рассматриваться как аномальные "пельгеровские" клетки..

Второй случай.

В феврале, марте, апреле 1999 года женщина М-ян, будучи беременной, неоднократно обследовалась в разных клинических лабораториях города и в лейкограмме постоянно отмечался "палочкоядерный сдвиг влево", причем количество палочкоядерных нейтрофилов достигало 45-50%. Клинически женщина была здорова. Стойкость морфологических изменений в гемограмме и отсутствие клинических признаков заболевания позволило предположить у нее «пельгеровскую» аномалию лейкоцитов.

В июле 1999 года М-ян была приглашена в клиническую лабораторию городской больницы для дополнительного обследования. В лейкограмме ее крови, проведенной согласно морфологической классификации, предложенной Г.А.Алексеевым (1), определялось 4% круглоядерных нейтрофилов, 9% несегментированных, 32% бисегментированных и 1% трисегментированных нейтрофилов. Нейтрофилы имели особенности, характерные для «пельгеровских» аномальных клеток. Для подтверждения предположения об аномалии лейкоцитов крови, мы обследовали ее близких родственников : отца, мать, брата, сестру и двоих детей 5 лет и 5 месяцев.

Таблица 3.

Нейтрофилограмма родственников обследуемой М-ян.

Обследуемая	Нейтрофилы				
	Кругло-ядерные	Несегменти-рованные.	Палочко-ядерные.	Бисегменти-рованные.	Трисегмен-тированные.
Пробанд	**4**	**9**	**21**	**34**	**1**
Мать,42г.	0	0	8	12	56
Отец,50л.	0	0	5	5	62
Брат,24г.	0	0	5	5	49
Сестра,20л.	0	0	1	8	61
Дочь,5л.	0	0	4	10	47
Сын, 5 мес.	**12**	**14**	**11**	**11**	**10**

Из всех обследованных родственников аномальные клетки, характерные для "пельгеровской" аномалии, были обнаружены лишь у ее сына 5 месяцев: из 58% нейтрофилов 12% были круглоядерными клетками, 14% - несегментированными, 11% - палочкоядерными, 11% - бисегментированными и только 10% - трисегментированными нейтрофилами.

Стойкость обнаружения аномальных клеток у женщины без клинических признаков болезни и выявление таких же клеток при обследовании ее сына (второе поколение) позволяют отнести выявляемые клетки к "пельгеровским " аномальным клеткам.

Таким образом, проведенные нами исследования позволяют заключить, что случаи «пельгеровской» семейной аномалии лейкоцитов встречаются и у жителей Абхазии. Возможно, что в некоторых других случаях неправильная диагностика приводила к отнесению «пельгеровских» клеток к обычным формам палочкоядерных нейтрофилов, вследствие чего гемограмма показывала резкий "палочкоядерный сдвиг влево" без всяких клинических оснований для этого.

Выводы:

1. Описаны две семьи с «пельгеровским» вариантом ядра нейтрофилов.
2. В первом случае «пельгеровская» аномалия гранулоцитов передавалась по наследству по мужской линии в трех поколениях, но не обязательно всем членам семьи
3. Носителями этой аномалии явились здоровые люди, не имеющие особой восприимчивости к инфекциям.
4. Для практических врачей важно знать, что не всегда повышенное количество палочкоядерных нейтрофилов означает «сдвиг влево», а может явиться следствием наследственно-конституционного изменения гранулоцитов.

Литература

1. Алексеев Г.А., Дубровская В.С. Терапевтический.архив, 1964,1,23.
2. Алексеев Г.А, Проблемы гематологии и переливания крови, 1967, 5,37.
3. Бутомо, И.В.,Ионов А.А. Клиническая Медицина, 1039, 17,72.
4. Гольдберг Д.И., Гольдберг Е. Д. Справочник по гематологии, 1971, Томск, 100.
5. Гуровская Т.М. Акушерство и гинекология,1954,4 62.
6. Давиденков С.Н., Эфроимсон В, БМЖ, т.119, 1961,1009.
7. Иофин И.И. Терапевтический архив, 1955,т.27, №1, 72.
8. Кассирский И.А, Алексеев Г.А. Клиническая гематология, 1970,М, 759.
10. Кислицина А.М., Шишов А.И. , Проблемы гематологии и переливания крови, 1962,4 46.
11. Корняева Н.В. Лабораторное дело, 1956, 1, 17.
12. Людвиковская Р.И.Клиническая Медицина,1951, 4, 108.
13. Ронин В.С. Лабораторное дело, 1989, 6 26.
14. Ронин В.С. Лабораторное дело, 1990, 5, 30.
15. Руководство к практическим занятиям по клинической лабораторной диагностике, под ред. М.А. Базарномич. ,1968, Киев, 33.
16. Северова Е.А. Боканова Ж.В. Терапевтический архив, т XLI, 3, 15.
17. Справочник клиническим лабораторным методам исследования. Под ред. Кост Е.А., 1968, Москва, 74.
18. Сухарев Г.В. Терапевтический архив, 1953, 25, 2, 68.
19. Тушинский М.Д., Ярошевский А.Г. Руководство по внутренним болезням, 1959, М.
20. Фрейфельд Е. Гематология , 1934, Биомедгиз, Москва, 1034.
21. Шац В.Е., , Проблемы гематологии и переливания. крови, 1963,3, 53.
22. Шмелев Н.А. Архив пат. анатомии и пат. физиологии, 1935, 5.
24. Яновский Д.Н. Картина крови и ее клиническое значение, 1957, Киев, 67.
25. Яворковский Л.Л. и др. Гематология и трансфузиология, 1989, 5, 46.

Осия О. В., Джалагония Ш. Л.

ГЛИНОЛЕЧЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПЕЛОИДОТЕРАПИИ

Глинолечение – один из методов теплового или холодового лечения. Для этого используются лечебные глины или реже глинистые илы. Они представляют собой минеральные тонкодисперсные осадочные отложения. Характерной их особенностью является малое содержание органических веществ, отсутствие сульфидов, низкая влагоёмкость, адсорбционная способность, повышенная липкость. Основные ее компоненты – силикатные частицы (окись кремния и алюминия). С водой глины могут образовывать пластичную массу, хорошо прилегающую к телу. Приготовленная для процедур глинистая масса характеризуется большой теплоёмкостью, малой теплопроводностью и как следствие этого – большой теплоудерживающей способностью. При наложении на кожу, глина медленно отдает тепло. Механизм физиологического влияния на организм глинолечения во многом аналогичен механизму действия грязелечения.

Глина, грязи (осадочные иловые грязи соленых озёр или лиманов, пресноводные торфяные грязи, сапропелевые грязи, сульфидные и глинистые иловые грязи, сопочные вулканические грязи), парафин, озокерит принадлежат к группе веществ, образующихся в природных условиях под действием геологических процессов и климатических влияний. Они именуются *ПЕЛОИДАМИ* (грязеподобными). Отсюда их применение с лечебной целью получило общее название *ПЕЛОИДОТЕРАПИИ.*

Механизм действия пелоидотерапии

Главными действующими моментами (факторами) пелоидотерапии являются температурные, механические и химические раздражители, из которых тепловое воздействие на организм принято считать ведущим. Поэтому глинолечение (синоним: пелоидотерапия) – это, прежде всего метод теплового лечения. Вместе с тем, пелоидотерапия представляет собой метод комплексного, сочетанного воздействия на организм трех лечебных факторов. Глинолечение, как один из видов пелоидотерапии, может применяться иногда как самостоятельный метод лечения, но, как правило, применяется в составе комплексной лечебной терапии, как разновидность физиотерапевтического воздействия на организм.

Тепловой фактор. Глина может применяться и как горячая, и как холодная процедура. Чаще используется горячая глина, которую подогревают на водяной бане. Однако, термическое действие различных грязей на организм неодинаково. Физические свойства грязи, в частности, теплопроводность, определяются свойствами химических веществ, содержащихся в ней, соотношением органических и неорганических соединений и др. Так, теплопроводность сульфидных иловых грязей почти в два раза больше, чем торфяных, что объясняется большим содержанием в сульфидных иловых грязях минеральных веществ. Вследствие этого, при одной и той же температуре грязи, процедура из сульфидной иловой грязи является более нагрузочной на организм, чем процедура из торфяной или сапропелевой.

По разному проявляются и развивающиеся при этом физиологические реакции организма. Так, сравнительное изучение влияния сульфидной иловой и торфяной грязи в эксперименте на животных выявило, что в одинаковых условиях проведения процедуры сульфидная иловая грязь вызывала стимуляцию функ-

ций мозгового слоя надпочечников, а торфяная, наоборот – угнетала ее. На фоне экспериментального гипотиреоза эти изменения были ещё более выраженными.

Различия в выраженности физиологических сдвигов при грязелечении установлены и в зависимости от степени минерализации грязи (растворенности в ней солей) и показателя грязевой среды. (pH). При нагреве до одной и той же температуры грязи, имеющие более высокую минерализацию и резко кислый показатель среды, способствуют более выраженной нормализации возбудимости нервно-мышечного аппарата и кожных терморецепторов, а также в большей степени повышают электропроводность кожи, ускоряют некоторые ферментативные процессы, стимулируют нейрогуморальную систему и др. При экспериментальном гепатите грязь высокой минерализации вызывала более выраженную стимуляцию обмена аскорбиновой кислоты и нормализацию функций печени.

С учетом физико-химических свойств грязей различных типов установлены различные максимальные пределы температуры их нагрева: для сульфидных иловых грязей 44°, для торфяных 48°, для сапропелевых 46° и т. д. Под влиянием температурного фактора в области приложения грязи наблюдается соответствующее силе температурного раздражителя расширение сосудов, ускорение кровотока в них, повышение температуры в подлежащих тканях, нормализацию проницаемости, ускорение обменных процессов. Тепло обладает также болеутоляющим и антиспастическим действием.

Механический фактор при пелоидотерапии является существенным при проведении общих грязевых ванн и полостном лечении. При аппликационном методе его значение уменьшается. Однако, используемое количество грязи, глины и других, в различных методиках пелоидотерапии строго учитывается. Толщина используемой массы при аппликации должна быть не менее 4-5 см. Полагают, что не резко выраженное сдавление подлежащих тканей, имеющем место при такой аппликации (и полостном лечении) способствует распространению тепла в тканях на большую глубину.

Химический фактор при пелоидотерапии определяется воздействием содержащихся в грязях органических и неорганических соединений и их соотношением, минерализацией биологически активных веществ, микроэлементов, газов, и др.

Опыты с исключением теплового и механического факторов в механизме действия грязелечения (использования аппликаций и грязевых растворов низкой температуры) подтвердили наличие химического компонента в лечебном действии грязей. При наличии грязевой аппликации не непосредственно на кожу больного, а через полиэтиленовую прокладку (с целью исключения влияния химических компонентов на кожные хеморецепторы и их всасывания через кожу) эффект грязелечения был значительно снижен. Неорганические химические компоненты в основном абсорбируются кожей, вызывая раздражение многочисленных рецепторов кожи и кожных сосудов. Частицы некоторых органических веществ проникают через кожу, циркулируют в крови и могут оказывать непосредственное воздействие на различные органы и системы организма. К ним относятся прежде всего различные органические кислоты (валериановая, муравьиная гуминовая и др.), летучие компоненты грязей (аминные соединения, сероводород), углеводороды, азотистые вещества и др.). Доказана возможность проникновения в кожу и некоторых ионов неорганических веществ (серы, железа). Химический фактор обусловлен в определенной степени содержанием в грязях биологически активных веществ органической природы (ферменты, витамины, вещества типа медиаторов – ацетилхолин, гистамин и др.).

Важная роль в физиологическом действии грязей принадлежит гормоноподобным соединениям типа фолликулина и других эстрогенных веществ. Одним из доказательств прохождения их через кожу и специфичности действия является развитие в эксперименте резкой гиперемии яичника, пересаженного в переднюю камеру глаза крольчихи, после воздействия несколькими грязевыми аппликациями. Этим веществам, по-видимому, принадлежит известная роль в эффективности терапевтического действия грязелечения при ряде гинекологических заболеваний.

При наложении грязевых аппликаций происходит повышение активности каталазы, оксидазы, протеиназы, холинэстеразы и других ферментов, стабилизируя и регулируя ферментативные процессы в тканях , в результате чего ускоряются окислительно-восстановительные процессы, улучшается газообмен, тканевое дыхание. С биоантиоксидантным эффектом связывают благоприятное влияние пелоидотерапии на процессы регенерации тканей, а также уменьшение токсического влияния на организм продуктов свободно-радикального окисления.

Грязям, особенно сульфидным иловым, присуще бактерицидное действие, обусловленное присутствием в них некоторых агентов типа бактериофагов и веществ типа антибиотиков (например, пенициллиноподобных). Бактерицидное действие лечебных грязей обусловливает возможность использования их для лечения инфицированных ран и др.

При проведении глино-, грязелечения все три указанных выше фактора комплексно (содружественно) действуют раздражающе на многочисленные термо-, механо-, хемо-, и осморецепторы кожи, оказывая рефлекторно-гуморальное влияние на различные физиологические системы и органы организма. Механизм лечебного действия пелоидотерапии на организменном уровне складывается из оптимизации реакций отдельных органов и систем как результат стимулирующего воздействия на них лечебных факторов грязелечения.

Существенна роль пелоидотерапии в изменении иммунологической реактивности организма, нормализуется продукция антител, задерживается развитие аллергических реакций немедленного и замедленного типа, что снижает аллергическую настроенность организма, нормализуются показатели неспецифического иммунитета. Пелоидотерапия оказывает влияние на микроциркуляционные процессы в тканях, тесно связанные с «ферментативно-трофической» системой организма; нормализуется проницаемость капилляров и соединительнотканных структур, способствуя репаративным процессам. Пелоидотерапия оказывает лечебное действие на местный воспалительный процесс.

Вызывая гиперемию тканей, улучшение трофики, процессов обмена и кровообращения в бассейне ирригации сосудов в области воспалительного очага, грязелечение способствует рассасыванию патологических процессов воспаления. Поступающие в кровь продукты распада белков действуют по типу «аутопротеинотерапии», что способствует мобилизации защитных сил организма. Противовоспалительное действие грязелечения в наибольшей степени проявляется в стадии пролиферации и обратного развития воспалительного процесса, когда элементы соединительной ткани ещё недостаточно уплотнены. При ещё нестойких фиброзных изменениях грязелечение может способствовать максимальному рассасыванию возникших в воспалительном очаге соединительнотканных образований. А в случае образования рубцов, способствует размягчению и рассасыванию спаек, стимулирует и ускоряет регенеративные процессы.

Реакции организма, вызванные применением лечебной грязи, продолжаются и после окончания грязевой процедуры (фаза последействия). Повторное при-

менение грязи укрепляет и мобилизует адаптационные свойства организма. Проявление реакции организма тесно связано не только с температурой и физико-химическими свойствами грязи (глины), но также с площадью грязевой аппликации и местом ее применения. Грязевые аппликации, обширные по площади по сравнению с небольшими, оказывают более интенсивное влияние на организм. Аппликации, наложенные на так называемые рефлексогенные зоны (плечевой и тазовый пояса, некоторые участки верхних и нижних конечностей), вызывают ряд изменений в органах, метамерно связанных с соответствующими сегментами спинного мозга и спинномозговыми вегетативными ганглиями (сдвиги в некоторых видах обмена и гемодинамических показателей, в функциональном состоянии этих органов). С учетом этого положения в практике грязелечения применяют методики так называемых грязевых воротников, поясов, брюк, перчаток и т.п.

В ответной реакции организма особая роль принадлежит сердечно-сосудистой системе. Под влиянием грязелечебных процедур отмечается увеличение числа функционирующих капилляров, увеличивается выброс крови из депо, вследствие чего ускоряется кровоток и возрастает объем циркулирующей крови в организме. Наступающие гемодинамические сдвиги зависят от интенсивности воздействия грязевой процедуры и исходного состояния сердечно-сосудистой системы. Под влиянием грязевой процедуры с температурой грязи 40-42° у большинства больных наблюдается учащение пульса. Поэтому у больных с выраженной тахикардией необходимо провести соответствующее лечение до назначения им грязевых процедур. Артериальное давление у больных с гипотензией во время процедуры повышается, а у больных с гипертонической болезнью – понижается (колебания давления составляют 5-15 мм рт. ст.). По окончании процедуры артериальное давление возвращается к исходным величинам примерно через 15 минут. Наблюдаются умеренно выраженные отрицательные изменения электрокардиографических показателей, которые характеризуются увеличением регистрируемых зубцов с положительным знаком (P,R,T) иногда удлинением предсердно-желудочковой проводимости, незначительным смещением интервала S-T от изоэлектрической линии. Спустя 15-20 минут после окончания процедуры эти изменения обычно нормализуются.

Влияние грязевых процедур высоких температур (44-48°) на сердечно-сосудистую систему оказывается более выраженным. Эти процедуры нередко вызывают тахикардию, повышение артериального давления, появляются неприятные ощущения и боли в области сердца, ухудшается общее самочувствие, регистрируются отрицательные сдвиги в показателях ЭКГ.

Отрицательные сдвиги особенно резко проявляются у больных, у которых помимо заболевания, показанного для глино-, грязелечения, имеются соответствующие нарушения со стороны сердечно-сосудистой системы. В связи с этим у больных с сопутствующими заболеваниями сердечно-сосудистой системы грязелечение следует проводить с особой осторожностью; это касается температуры грязи (глины), площади грязевой аппликации и количества процедур на курс лечения.

В процессе проведения курса грязелечения наблюдается так называемая бальнеореакция. При физиологической бальнеореакции изменения в функциональном состоянии органов и систем – в пределах физиологических колебаний не вызывающих нарушений динамического равновесия. Патологическая бальнеореакция и реакция обострения при глино-грязелечении, выражающиеся в усилении основных клинических симптомов заболевания, должна рассматриваться как результат нарушения динамического равновесия внутренней среды органи

ма, а следовательно, как вредное для здоровья нежелательное явление. Они могут быть предупреждены правильной оценкой исходного состояния больного при назначении грязевых процедур и применением в нужных случаях щадящей методики пелоидотерапии, обеспечивающей достаточно хороший лечебный эффект.

В зависимости от физических и химических свойств каждого из пелоидов наблюдается и их особое температурное влияние. Оно у них отлично от других видов температурного воздействия. Сравнительная таблица по Водковской дает представление о теплоёмкости и теплопроводности некоторых из них, приготовленных для отпуска процедур (см. таблицу).

Таблица по Водковской.

Пелоиды	Средняя удельная теплоемкость (в калориях)	Коэффициент теплопроводности	Теплоудерживающая способность в секундах (минутах)
1. Хорошо разложившийся торф	0,80	0,0011	756" (12'6")
2. Глина	0,50	0,0017	480"(8')
3. Иловая грязь	0,50	0,0020	360"(6')
4. Парафин	0,77	0,0006	1190"(19'8")
5. Озокерит	0,80	0,0004	1875"(31'25")

Значительные сдвиги происходят в целом в процессах терморегуляции. Под влиянием грязелечения повышается температура тела, усиливается потоотделение. Степень их повышения находится в прямой зависимости от температуры применяемого теплоносителя и его физических свойств. Выраженность изменений при этом со стороны внутренних органов, и особенно сердечно-сосудистой системы, во многом зависит от их исходного функционального состояния. Поэтому применение грязелечения должно проводиться под врачебным контролем со строгим учетом общих реактивных возможностей организма и допустимой индивидуальной переносимости.

При выборе методов пелоидотерапии, необходимо учитывать основное заболевание, общее состояние больного, а также наличие (или отсутствие) у него сопутствующих заболеваний. В неясных или сомнительных случаях грязелечение применять не следует из-за возможности распространения патологического процесса, возможности скрытого (внутреннего) кровотечения, непереносимости в связи с состоянием органов дыхания, сердечно-сосудистой системы, провоцирования онкозаболеваний и т. д.

Глина, как горячая процедура. Она применяется в тех же случаях, что и грязевые аппликации (припарки), чаще при затяжных (хронических) воспалительных процессах. С лечебной целью применяют обычно гончарную (скульптурную) глину, имеющую серо-зеленый или голубой цвет. Она отличается особенной пластичностью. Может применяться и обыкновенная, но чистая глина, без примеси песка, извести и т. п. Доставленную глину надо исследовать микробиологическим способом на наличие в ней микробов. Это же необходимо делать время от времени и при ее употреблении с лечебной целью.

При подготовке глин для процедур, их сначала просушивают, очищают от посторонних примесей, просеивая через сито с отверстиями в 2-3 мм. Затем, замешивают горячей водой до получения густой гомогенной массы. Для повышения минерализации, эту глину дополнительно можно замесить также 10% раствором поваренной соли (NaCl), уриной и минеральными водами квасцового типа. В условиях Абхазии для этих целей можно с успехом использовать минеральную воду «Башкапцара» (Аданга), относящаяся к квасцевым водам. Кстати, эта уникальная, по лечебным свойствам вода содержит также силикатные частицы, как окись алюминия и кремния, содержащиеся и в глине. Добавление этой воды способствует повышению концентрации имеющихся в глине основных химических компонентов до оптимального уровня, повышая лечебное действие глинотерапии.

Есть и другие способы приготовления лечебной глины. Приготовленная глина должна напоминать грязевую кашицу с консистенцией густого киселя. Для этого 10-20 кг глины тщательно разминают с небольшим количеством горячего 1% раствора поваренной соли (NaCl) или морской соли. Разогревать массу надо не перегревая на водяной бане в узком ведре или металлическом кувшине, которое ставят в какой-нибудь большой сосуд, например, в бак с кипяченой водой, повторно перемешивая массу. Нагрев глину до 45-50°, её выкладывают в таз, отчего она конечно, несколько остывает.

Общие условия глинолечения те же, что и при других способах пелоидотерапии. Положив на лежак в поперечном положении два шерстяных одеяла, а затем клеёнку или брезент, проверяют температуру приготовленной массы, и если надо, прибавляют более холодной или более горячей размятой глины. Больного укладывают навзничь или ничком и смазывают нужное место тонким слоем этой массы. Затем, быстро накладывают ее пригоршнями, пока не получится слой в 3-4 поперечных пальца, и закрывают брезентом и одеялами. Грелка между одеялами может замедлить остывание припарки. Температура накладываемой массы для первых процедур должна быть около 40°, в дальнейшем 40-42° и даже 45°. Продолжительность процедуры постепенно удлиняется (10-15-20-25-30 минут) в зависимости от состояния больного и общей реакции. Припарки из густой массы не вызывают ощущения жжения, но даже при ограниченном размере припарки легко происходит общее разогревание организма с обильным потоотделением. Заканчивая процедуру, развертывают больного и тщательно смывают остатки глины (или лечебной грязи) теплой водой, лучше под душем. Повторно процедуру применяют через день или подряд, но с перерывом на 3-й или 4-й день. Общее число процедур на курсовое лечение – 12- 15. В некоторых же случаях, чтобы добиться излечения, можно назначить большее число процедур. При необходимости курс лечения можно повторить, но не раньше 5-6 месяцев.

Показания глинолечения: излагаются в последовательности, зависящей от частоты применения глино-, грязелечения при том или ином заболевании.

Заболевания опорно-двигательного аппарата. Артрит и полиартрит травматического, инфекционного (бруцеллезный и др.) и дистрофического характера в хронической стадии и стадии затухающего обострения; ревматоидный полиартрит, ревматизм (суставная форма) в неактивной стадии (не ранее чем через 8-9 месяцев после обострения), заболевания позвоночника и суставов (остеохондроз, остеохондропатия, спондилоартроз и спондилоартрит в хронической стадии, болезнь Бехтерева при минимальной степени активности процесса); болезнь и травматические повреждения костей, мышц и сухожилий – переломы с замедленной консолидацией, остит и периостит, миозит, фибромиозит, бурсит, тендо-

вагинит, контрактура дерматогенного (после ожогов, флегмон и т. д.), миогенного и артрогенного характера (на почве травматических повреждений), остеомиелит без признаков активности воспалительного процесса, трофические язвы, длительно не заживающие раны.

Болезни и последствия травм ЦНС. Инфекционно-токсические заболевания ЦНС: менингоэнцефалит, арахноидит, энцефалит (в т. ч. диэнцефалит), энцефаломиелит, токсические энцефалопатии, менингомиелорадикулит, миелит, в т. ч. эпидемический полиомиелит (все заболевания по окончании острого периода); спинная сухотка без выраженной атаксии и кахексии; последствия ранений и др. травм спинного мозга, его оболочек, конского хвоста, в т. ч. при наличии не резко выраженных нарушений функций тазовых органов; последствия кровоизлияний в спинной мозг (гематомиелия) не ранее чем через 2 месяца после травмы; последствия травм головного мозга при отсутствии эпилептических припадков и психических расстройств.

Болезни и последствия травм периферической НС. Радикулит первичной (инфекционно-токсический), вторичный различной локализации, связанный с заболеваниями позвоночника (остеохондрозом и др.), с гинекологическими заболеваниями в хронической стадии и стадии затухающего обострения; состояния после операций на межпозвоночных дисках: полирадикулоневрит, полиневрит, плексит, неврит инфекционного, инфекционно-аллергического и токсического характера в подострой и хронической стадиях, вегетативный полиневрит, солярит, ганглионит, трунцит, вибрационная болезнь (форма с преимущественным поражением периферической вегетативной иннервации) в подострой и хронических стадиях; последствия ранней и других травм периферических отделов нервной системы (травматический радикулит, плексит, неврит), не требующие оперативного вмешательства, в т. ч. с не резко выраженным синдромом каузалгии и фантомными болями.

Болезни женских половых органов. Заболевания матки и ее придатков воспалительного характера; эрозия шейки матки (при исключении злокачественности); бесплодие на почве воспалительных заболеваний яичников, не резко выраженная функциональная недостаточность яичников.

Болезни мужских половых органов. Хронический простатит, эпидидимит, орхит, везикулит.

Болезни органов пищеварения. Язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки вне периода обострения, особенно при наличии воспалительных инфильтратов и спазмов, недостаточности моторной функции желудка, перигастрит, перидуоденит, хронический колит, гепатит, безкаменный холецистит, холангит (некалькулезный), перихолецистит.

Болезни уха, горла, носа. Хронические атрофические и субатрофические процессы в носоглотке. Хронические воспалительные заболевания придаточных пазух носа, хронический тонзиллит в стадии компенсации, хронические воспалительные заболевания уха.

Болезни глаз. Неврогенный кератит, язва и бельмо роговой оболочки; травматические поражения глазного яблока, компенсированные формы глаукомы, пигментная дегенерация сетчатки, атрофия зрительного нерва и др.

Болезни кожи. Хронические формы экзем; флебит, последствия тромбофлебита (инфильтрат, язва) не ранее чем через 3 месяца после обострения.

Остаточные явления после ожогов и отморожений (рубцы, трофические язвы и др.)

Основные противопоказания

Острые воспалительные процессы, доброкачественные и злокачественные новообразования, заболевания крови, кроветворных органов, кровотечения и наклонность к ним, туберкулез любой локализации, недостаточность кровообращения II и III стадии, гипертоническая болезнь

II Б и III стадии, выраженные формы атеросклероза, эндокринные заболевания и болезни обмена веществ (ожирение III и IV степени, тяжелые формы тиреотоксикоза, микседемы, сахарного диабета и др.), заболевания почек и мочевыводящих путей; все сроки беременности; психические заболевания, в т. ч. прогрессивный паралич и наркомания; тяжелые формы неврозов, генуинная эпилепсия, цирроз печени, все формы желтухи в острой стадии; полиартрит с прогрессирующим течением, с тяжелыми деформациями, анкилозами; остеомиелит при наличии крупного секвестра или крупного инородного металлического тела в остеомиелитическом очаге.

Данная публикация может рассматриваться как методическая рекомендация, предназначенная для широкого круга врачей санаторно-курортных и больнично-поликлинических учреждений.

Джалагония Ш. Л.

ОСОБЕННОСТИ СОМАТИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Выбор детей дошкольного возраста для изучения особенностей их соматического статуса обосновывается объективными обстоятельствами. Родовая травма, компрессия черепа и мозга, асфиксия и др. в определенной мере воздействуют на головной мозг ребенка, оставляя «след» в виде микроорганических изменений в субстрате мозга. Однако не всегда они ведут к необратимой потере функций. Часто функция продолжает осуществляться в примитивном виде т.к. поражение эволюционно более молодых анатомических центров приводит к активации более древних. В то же время известны случаи, когда на фоне функциональных нарушений скрываются органические изменения. Многие авторы считают, что разнообразные проявления психонервных расстройств в дошкольном периоде мало осознаются и переживаются личностью в виду ее незрелости. Эти признаки ошибочно связывают с особенностями возрастного периода, характерами и привычками практически здоровых детей дошкольного возраста.

В детском и, особенно, в дошкольном возрасте (от 3-х до 6 лет) обычно обнаруживаются различные отклонения в состоянии здоровья, которые можно отнести к формирующейся деформации характера, психологической структуры личности человека. Именно поэтому дети дошкольного возраста требуют к себе особого внимания в плане предупреждения перехода факторов риска в болезнь. В этом возрасте трудно дифференцировать симптомы собственно болезни и недифференцированные проявления доболезненных состояний. В этой связи австралийский педиатр Гизела Эберлейн (1981 г.) выдвигает проблему пограничного между здоровьем и болезнью состояния «детей, которые хотя еще и не болеют, но и не совсем здоровы». Корни развития патологических состояний взрослого человека лежат главным образом в дошкольном периоде жизни – указывает автор.

Материал и методы

Работа выполнялась на базе детского сада. Было обследовано 70 детей дошкольного возраста от 3-х лет до 6ти включительно. Дети подвергались обследованию 2 раза в год, летом (июнь месяц) и зимой (январь). В каждый сезон года у детей проводилось 15-кратное определение (3 раза в день – утром, днем и вечером, в течение 5 дней подряд) величин систолического артериального давления (АД), температуры тела (to) за 7 минут, частоты сердечных сокращений (ЧСС) и частоты дыхания (ЧД) за 1 минуту. Эти обследования проводились в сидячем положении детей после предварительного 10-минутного отдыха (лежание на кушетке). Полученный банк данных заносился в индивидуальную коррелологическую карту обследуемого лица с составлением вариационного ряда трех сопоставляемых показателей: АД и ЧСС, АД и ЧД, АД и to тела. Материал подвергался обработке методом парной корреляции (Е.В. Гублер, А.А. Генкин, 1973) с использованием формулы Спирмена. Статистическая значимость полученных коэффициентов парной корреляции устанавливали по таблице Л.Н. Большева и П.В. Смирнова (1965). После выявления корреляционных связей между регистрируемыми показателями проводилось последующее соотнесение полученных значений со стандартной коррелокартой (классификацией) межсистемных взаи-

моотношений для тестирования общесоматического состояния организма (Ш.Л. Джалагония – «Способ количественной оценки различных состояний здоровья детей и подростков». Научно-методическая рекомендация Сухум, АГУ, 1992). Наличие прямых корреляционных связей между АД и ЧСС, между АД и ЧД и отсутствие достоверной связи между АД и t^o тела соответствует состоянию оптимального здоровья (или 1-му уровню соматического состояния). Изменение (исчезновение или появление) одной из трех характерных для 1-го уровня корреляционных связей соответствует субоптимальному здоровью (2ой уровень здоровья). В случае изменения двух из трех характерных для 1-го уровня связей устанавливается 3-ий уровень здоровья, получивший специальное наименование – донозологическое пограничное состояние (Р.М, Баевский, В.П, Казначеев: БМЭ, 1978, т.7, с. 252-255). Изменение всех трех характерных для 1-го уровня связей, т.е. отсутствие достоверных связей между АД и ЧСС, между АД и ЧД и обнаружение связей между АД и t^o тела, соответствует **состоянию болезни** (4ый уровень соматического состояния).

Результаты исследования

Анализ процентного соотношения представленности различных уровней соматического состояния у практически здоровых детей дошкольного возраста позволил выявить общую для данной возрастной группы закономерность – значительное преобладание донозологического пограничного состояния (3-ий уровень здоровья), достигавшего 75,71% (53 детей из 70). На долю субоптимального состояния (второй уровень) приходился 21,43 % всех обследованных детей (21 из 70 детей). Оптимальное здоровье и состояние болезни встречались крайне редко – по одному ребенку на 1-ый и 4-ый уровни или по 1,43% на каждый уровень.

Уровни здоровья детей по сезонам года распределялись следующим образом. Оговоримся, что различные данные, полученные в зимние холодные и летние жаркие месяцы были статически не значимыми. В летний период на 1-ый 4-ый уровни приходилось по одному ребенку, а зимой эти уровни вообще не были представлены. Второй уровень здоровья хотя и обнаруживался чаще 1-го и 4-го, однако, в сезонном аспекте не было выявлено существенной разницы – летом 2-ой уровень составлял 22,85%, а зимой – 20%. В отличие от 1-го, 2-го и 4-го уровней уменьшение числа детей с дозонологическим третьим уровнем наблюдалось не зимой (80,0%), а летом (71,43%). Несмотря на разницу в 8,57% в данном случае можно говорить лишь и тенденции повышения 3-го уровня здоровья в прохладный период года в сравнении с жарким.

По литературным данным дошкольный возраст является «носителем различных факторов риска. Они обнаруживались и у наших детей. Так, у одного из детей в первый день обследования (утром, днем и вечером) систолическое АД регистрировалось на уровне 135, 135 и 130 мм Hg. В четвертый день обследования АД регистрировалось на уровне 130 мм Hg. Средний уровень АД из 15 измерений составлял у него123 (110-135) мм Hg, что выше возрастной нормы, равной 103 (85-120) мм Hg. (М.Я. Студеникин, 1983; О.А. Мутафьян, 2002). Наши наблюдения позволяют говорить о детской гипертензии, кстати, наследственно отягощенной – родители ребенка состояли на диспансерном учете по поводу гипертонической болезни II степени. Подобные повышения артериального давления обнаруживались еще у 4-х детей. Итак, факторы риска гипертонии составляют 7,14% случаев из общего числа обследованных детей (5 из 70), а среди детей с дозонологическим здоровьем он достигал 9,4% случаев (5 детей из 53). Что касается температуры тела у некоторых детей обнаруживалась или необычно н

кая to в пределах 35,0-35,5 °С или наоборот субфебрильная t° (37,0-37,3 °С). Такая лабильность системы терморегуляции отмечалась при хорошем самочувствии практически здоровых детей с донозологическим третьим уровнем.

Некоторые регистрируемые показатели были подвержены у детей сезонной зависимости. В летний знойный период наблюдалось снижение систолического АД до 104,34±1,25/103,96 ÷ 106,78/, а зимой оно достигало уровня 107,03±1,57/103,96÷110,10/. В зимний холодный период ЧСС достоверно ($p<0,001$) выше 106,57±1,09/106,36÷106,78/, чем летом – 100,34±1,37/97,69÷102,99/.

Заключение

Изучение межсистемных отношений у детей проведено впервые. Исследования показали, что характер корреляционных связей между физиологическими системами у детей не однотипен. Выявленные различия характера межфункциональных связей находились в прямой зависимости от уровня соматического статуса организма. У практически здоровых детей дошкольного возраста были выявлены 4 уровня здоровья, из которых на долю дозонологического состояния приходилось 2/3 всех обследованных лиц. Преобладание донозологического пограничного состояния обнаруживалось и у взрослого трудового населения Сибири, составляя 65% обследованных лиц (И.И. Брехман, 1976). Обследование различных слоев взрослого местного населения Абхазии и приезжих отдыхающих так же выявило у них преобладание донозологического пограничного состояния, но оно по нашей методике исследования не превышало 58,5% (Ш.Л. Джалагония, 1991). Полученные нами по одной методике результаты исследования и их сопоставление свидетельствует о том, что дозонологическое пограничное состояние преобладает над другими уровнями здоровья у практически здоровых обследованных лиц независимо от возраста, достигая более 50%. Однако у детей дошкольного возраста дозонологическое состояние явно доминировало, достигая 75,71 %, что на 17,21 % преобладало над этим уровнем здоровья у взрослого населения (58,5 %).

По литературным данным дети дошкольного возраста являются основными «поставщиками» различных психосоматических заболеваний людей. Проведенные нами исследования показали, что особенностью дошкольного возраста является значительная представленность у них доболезненных пограничных форм здоровья, что делает их особо уязвимыми. На организм ребенка оказывают воздействие ряд неблагоприятных, не всегда учитываемых факторов среды. Существенное значение приобретают знание таких обстоятельств, как особенности протекания беременности у матери, как проходили роды и раннее детство. Этими данными лечврачи не владеют. В ряде случаев при обследовании детей обнаруживаются рентгенологические, неврологические, электрофизиологические корреляты имеющейся органической церебральной недостаточности (М.Г. Айрапетянц, А.М. Вейн, 1982), рассматриваемой как одна из основ минимальной мозговой дисфункции (А.Г. Журба, Е.М. Мастюкова, 1978). Нельзя забывать, что у детей дошкольного возраста широко представлены такие отклонения от нормы, как повышенная судорожная биоактивность работы мозга, ночные страхи, энурез, упрямство, эмоциональная лабильность, логопедические нарушения, навязчивые движения, подергивание, грызение ногтей, разнообразные неврологические, еще не осознанные расстройства, различные отклонения поведения трудновоспитуемых детей и др. У наших детей дошкольного возраста со значительной представленностью у них доболезненного пограничного состояния здоровья об-

наруживались некоторые факторы риска, как гипертензия, нарушение терморегуляции, изменение частоты сердечного ритма, сезонные изменения некоторых параметров исследования. Важно отметить, что эти сдвиги отсутствовали у детей с наиболее благополучным профилем здоровья (оптимальное и субоптимальное). С результатами наших исследований в определенной мере согласуются сообщения о диспансерном обследовании детей дошкольного возраста г. Сухум. У 411 детей из 643-х обследованных или 63,8% случаев были выявлены сколиоз позвоночника и нарушение опорно-двигательного аппарата.(«Нужная газета», №42 от 23 июля 2002г.). Массовая диспансеризация детей дошкольного возраста, выявление у них доболезненных, пограничных состояний и факторов риска, своевременное предупреждение их перехода в состояние выраженной патологии будет способствовать оздоровлению населения, что должно стать актуальной задачей органов здравоохранения.

Ҿытҩанаа С. М.

АҨСУА ЖӘЛАР РЕТНОБОТАНИКА

Читанава С.М.

ЭТНОБОТАНИКА АБХАЗОВ

Czitanava S.M.

ETNOBOTANICS OF ABKHASIANS

Жизнь абхазов издревле была связана с окружающей природой, в особенности с растительным миром, которые служили и служат для изготовления орудий труда, предметов быта, источником пищи, имели и имеют применение в народной медицине. Название многих растений, в силу исторических причин, были народом утеряны, с восстановлением их связаны большие трудности, т.к. при этом необходимо объединение усилий, как этнографов, так и ботаников со знанием абхазского языка.

The life of Abkhazians was closely linked to their natural environment from ancient times, particularly with the world of plants, which representatives were and are used for manufacturing of instruments and necessaries, as sources of meal. These species have been still applicable in traditional popular medicine up to current days. Due to historical reasons the names of many plants were lost and forgotten by people. Now it is very hard to retrieve it, because in this case there is requirement for unification of efforts of ethnographists and botanics with the knowledge of Abkhazian language.

Аҩсны изызҳауа ацциаакәа иахьатәи аҩшра рыманы ишьақәгылеит плеистоцен ҳәа изышьҭоу аамҭа анҩәамҭазы, 2-4 миллион шыкәса рацхьа. Наукала, ишдыру еиҩш, Амшын еиқәа аҩшаҳәаҩы ауаатәыҩса ркультура ашьақәгылара иахыцуеит 5-3 нызқь шыкәса ҳера ҡалааныза. Убарт ажәларкәа ркультура иазбжан аҩсуа жәлар ркультурагьы.

Жәытә-натә аахыс аҩсуа жәлар рыцстазаара адҳәалан рыкәшамыкәша беиарала еибаркыз аҩсабаратә комплексҟәа, реиҳаразак ацциаакәа. Урт рыцстазаараҩ ацциаакәа ааныркылон аҭыц ду, иагьрыман еиуеиҩшым ахархәаракәагьы. Иаҳҳәозар, ускантәи аамҭаз идыргылоз аҩнҟәа-ақәаҩкәа уасхырс иазышьҭарҩоз ахьа (*Castanea sativa*) акәын, уи адаҡьақәа ршышуан абжьынц, ма ахәажә (*Rhododendron luteum Rh. ponticum*) амахәкәа рыла. Ахыбгьы хырҡьон аисыр ала (*Carex acutiformis*), мамзаргьы амза (*Abies nordmanniana*) ааиҡәырччаны иалырхуаз аҡауаркәа рыла. Иаагоу аҩырцштәкәа рыла иубоит аҩсуаа жәлар ибзианы ишырдыруаз ацциаахккәа рчыдаракәа. Иаҳҳәап, ахьа-ҩла анцыра дуны ишамоу, аццышә ишырымфо.

Аҩныҩныцҡатәи аматәарҟәагьы злырхуаз ибзианы ирдыруан, урт ласызар акәын, ачҳара рымазар акәын. Убас иҡоу аҡазшьа ҭыдакәа змоу

ирейуоуп ачамҳа – (*Acer campestre*), иагьалырхуан амҳацәкәеи, амҳабыстақәеи, акәдыршьшьыгакәеи, аныгакәеи уҳәа ирацәаны аҩнытә матәарқәа.

Анхаратә усқәа регьы рхы иадырхәон еиуеицшым ацциаакәа – зхатабзиарақәа еиҳаракыз дырны. Ауардын матәахәкәа ал-цла (*Alnus barbata*) иалырхуамызт, избанзар анцыра мачуп азы. Убри азы рхы иадырхәоз даеа цциаахккәан: араш (*Ulmus carpinifolia*), ажа (*Fraxinus excelsior*). Ауардын иатаркуаз ацәкәа ирыкәырцон аугә – араш, ма ачамҳа иалхны, агьатамакәа алхзар акәын адыгача (*Ilex colchica*). Аскәа, ма арахә рышьаҳараз, ма рыкәсаҳәараз рхы иадырхәон адарцәи, абтәоа (*Periploca graeca*), алмышәзахәа (*Clematis vitalba*), избанзар урт аркьакьаразы иманшәалан.

Ажәлар хәартара зманы ирыцхьазоз ацциаакәа ирацхьагылан афатә хккәа злырхуази урт рыхәтакәеи: адацкәа, абгькәа, агәыцәкәа, абнатәшәыр хккәа. XVII-XVIII тәи ашәышыкәсакәа рзы ауп ацсуа жәлар ианрыднагалаз ацьыкәреи (*Zea mays*). Аха убрааныза рхы иадырхәоз, хымцада хадарагьы злаз акакәын ачарыцкәа реицш изсало ацциаа хкы - ахәыз, абыста (*Panicum dichotomiflorum*) ҳәа изышьтоу. Еиуеицшым афатә хккәа злыцуаз цциаакәаны ицхьазан: абырчман (*Smilax excelsa*), ахәац (*Urtica dioica*), ачыркәа (*Helianthus tuberosus*). Хәартара рыман иара убасгьы абнатә шәырқәа: ашымҳа (*Laurocerasus officinalis*), алаҳа (*Ficus carica*), абгызыр (*Cornus mas*), амжәа (*Morus nigra*), абацә (*Mespelus germanica*), амаахыр (*Rubus anatolicus*), аҳаччa, абнаҳа (*Pyrus caucasica*), абҳәаса (*Prunus divaricta*), асысқьыр (*Allium ursinum*).

Егьырт ажәларкәа зегь реицш, ацсуаагьы ацциаакәа рхы иадырхәон еиуеицшым ачымазаракәа рыхәшәтәраҿы. Ажәлар рыхәшәтәратә практикаҿы еиҳаразак хархәара змаз цциаакәан: ашьхардац (*Polygonum carneum*); ахәра бгьыц (*Plantago major*); ацьакәа (*Helleborus caucasicus,H.abchasicus*); ажьамрахәшә (*Rumex obtusifolia*); ашәча (*Hedera colchica*); алыкә (*Datura stramonium*); абжьырца (*Polygonum persicaria*); аацрахәшә (*Glechoma hederacea*); акәылбыш (*Salvia glutinosa*); ацшахәшә (*Atropa bella-donna*); амцабгь (*Physalis alkekengi*); акәым (*Solanum nigrum*) убас ирацәаны.

Иахьа ҳажәлар реы ацсуа хьызкәа еиқәырханы измоу цциаахккәаны иҟоуп жәпакы, убри аамтаз иагьазгәататәуп имачзамкәангьы шаҳцәызхьоу. Иҟоугьы аунификациатә форма иахыжьым, насгьы системала еибытам. Убри азоуп алитератураҿгьы изуцыло ацциаакәа рыхьзкәа ииашамкәа: арачыс – орех Волошский; акәада – орех абхазский; анцьаур – багульник болотный; анышәкәыд – фисташка, аасцла - (бук карликовый) арт реицш иҟоу ацциаакәа Ацсны еизҳазом. Анаҩсан ацсышәала ахьз змоу ацциаакәа урысшәала ииашаны еитагам: адәыкрын – ромашка (фиалка)[1], асасқьыр – амброзиа (черемша), амарч – сорняк (лютик), абтәыҩа – лиана (обвоиник греческий), ацәхәда – заразиҳа (гречка двуколосая), ашьамашәыга – красная бузина (лаконос, жирная трава), адыргыг – золототысячник (осот шероховатый), ачархан – черника (малина Буша), акәадац – облепиха (шиповник), амаркацьы - череда (дурнишник зобовидный). Абри еицш иҟоу агхакәа рцәырцра, хгәаанагарала, мзызс иацоуп аҩыра ҳажәлар ианрымамыз аамтазы убарт ахьызкәа еиқәханы иахьыказ ашьханыкәацәеи ахьшьцәеи реы. Аха изыхкьалакгьы,аамта иаламызҩар амуит.

Иазгәатазар стахуп, аетнографиатә материалкәа реизгараан аума, ма ацсуа цциаа хьызкәа реиташьакәыргылараан аума ботаникала ацциаатцаа далахәзар – алцшәа иаҳа ибзиахар алшоит, избанзар, арт ахьызкәа аеквива-

[1] Ахыцкәа иртаку ахьызкәа иашоуп.

лентла еибытатәуп аҧсышәалеи, урысшәалеи, алатин бызшәеи рыла. Рапхьаза акәны Аҧсны аҧсабара ҵиаакәа наукала рытҵараан абас иҟоу аматериалкәа еизызгаҟәоз ирсиуоуп Н. М. Альбови А. А. Колаковскии. Аха рыцҳарас иҟоу, аҧсышәала ираҳауаз аҵиаахьызкәа аҧсуа бызшәа ахатә чыдарақәа ирыбзоураны, ииашаны ирзанҵомызт. Иаҳҳәап: абадыр-иабач, абамчвара, аджуцва убас егьыртгьы. Абри инадҳәаланы, иазгәататәуп, рапхьаза акәны Аҧсны изызҳауа аҵиаакәа рыхьызкәа аҧсышәала реиташьақәыргылара проблеманы ицәыригеит еиҵырдыруаз аҵҵаарадырыҿ, аҵиаатҵааҿ И. Н. Воронов, иагьаныҵшуеит 1925 шыҟәсазы иҟаиҵаз аихшьаала. Аҧсны наукала аҵиаатҵаара 100 шыҟәса ахыҵра иазкны.

Ажәарҿиарарасы аҵиаахьызкәа рзы аҧсуа жәлар рхы иадырхәон, ма иара аҵиаа инанагзо афункциа: аблыхәшә, аванызахәшә, агәхьаахәшә, адоуҳәшә, аатрахәшә, абарбац ахәшә, ажәзҿа ахәшә, аканҵатцыр ахәшә, анаҵәлыкәырша ахәшә, ма аҵиаа аҭеиҭыҵш (**морфология**) – абгалымҳа, ажьалымҳа, абгаҵыхәа, аҵәахәда, алабз, апап иҳаскьын, ахҭабаа, ахыш, аҵыгәҵыхәа.

Иахьа ҳзыхцәажәаз апроблема дуун ҳаҧсуа бызшәази, ҳмилаҭ ахдырразн. Иаҭахуп инарцауланы аҵҵаара еиуеиҵшым ахырхарҭақәа рыманы. Абри инадҳәаланы, иазгәататәуп, 1986 шыҟәса раахыс ҳшаҧу аматериалкәа реизгареи аҵиаахьызкәа реиташьақәыргылареи ирызку аусурақәа. Ҳгәы иагьҭоуп системала аунификациа рызуны, хаз шәкәны жәар ҳасабла аҧсуа бызшәеи, аурыс бызшәеи, алатин бызшәеи рыла еиҟәыршәаны аҭыжьра.

Ҵака иаагоу аҵиаакәа рсиа еквавалентла еибытоуп аҧсуеи, аурыси алатынтә бызшәакәа рыла:

Аабгьы	Еримедиум колхидский	Epimedium colchicum
Аатцла	Тисс ягодный	Taxus baccata
Аатрахәшә	Будра	Glechoma hederacea
Абгызыр	Кизил мужской	Cornus mas
Абгалымҳа	Кирказон грузинский	Aristolochia iberica
Абнатцыцындра	Душеснея индийская	Duchesnea indica
Аваныза ахәшә	Осока прерванная	Carex divulsa
Агәил	Роза (все виды)	Rosa
Агәымаркатыл	Сассапариль высокий	Smilax excelsa
Аҳәыхьхәшә	Пахучка обыкновенная	Clinopodium vulgare
Аҧш	Тополь белый	Populus alba
Адырҧыҵ	Осот огородный	Sonchus oleraceus
Адәыҳәымсаг	Вербена лекарственная	Verbena officinalis
Адәышьыхә	Душевик лекарственный	Calamintha officinalis
Адәыбҧаҵ	Иглица шиповатая	Ruscus aculeates
Адәыцамҟәыр	Клевер полевой	Trifolium campestre
Адәыҳаршьыл	Лебеда раскидистая	Atriplex patula
Адәыкакаҵ	Маргаритка многолетняя	Bellis perennis
Адоу ахәшә	Молочай чашуичатый	Euphorobia sguamosa
Адарцәи	Обвоиник греческий	Periploca graeca
Адыҧаҵа	Падуб колхидский	Ilex colchica
Адәхаха	Пастушья сумка	Capsella bursa-pastoris
Адәыҵархал	Сердечник шершавый	Cardamine hirsuta
Адәыкрын	Фиалка (все виды)	Viola
Адырзы	Щавель альпийский	Rumex alpinus
Аҟәылбыш	Шалфей (все виды)	Salvia
Аҟармча	Черноголовка обыкновенная	Prunella vulgaris
Аҟәарамза	Синеголовник кавказский	Eryngium caucasicum
Акәытмырццыга	Пираканта красная	Pyracantha coccinea

Аҟәым	Паслен черный	Solanum nigrum
Аҟьар	Овес посевной	Avena sativa
Аҟәаца	Лук круглый	Allium rotundum
Аҟәны	Лен слабительный	Linum catharicum
Аҟампыр	Клекачка колхидская	Staphylia colchica
Аҟырҟәыц	Держи-дерево колючее	Paliurus spina-christi
Аканцатцыр ахәшә	Двуцветоголовник цельнолистный	Dichrocephala integrifolia

Allium rotundum	Аҟәаца	Лук круглый
Aristolochia iberica	Абгалымҳа	Кирказон грузинский
Atriplex patula	Адәыҳаршьыл	Лебеда раскидистая
Avena sativa	Аҟьар	Овес посевной
Bellis perennis	Адәыкакаҷ	Маргаритка многолетняя
Calamintha officinalis	Адәышьыхә	Душевик лекарственный
Capsella bursa-pastoris	Адәхаха	Пастушья сумка
Cardamine hirsuta	Адәыҷархал	Сердечник шершавый
Carex divulsa	Аваныза ахәшә	Осока прерванная
Clinopodium vulgare	Агәыхьхәшә	Пахучка обыкновенная
Cornus mas	Абгызыр	Кизил мужской
Dichrocephala integrifolia	Акынцатцыр ахәшә	Двуцветоголовник цельнолистный
Duchesnea indica	Абнатцыцындра	Душеснея индийская
Epimedium colchicum	Аабҕьы	Епимедиум колхидский
Eryngium caucasicum	Аҟәарамза	Синеголовник кавказский
Euphorobia sguamosa	Адоу ахәшә	Молочай чешуйчатый
Glechoma hederacea	Аатцрахәшә	Будра плющевидная
Ilex colchica	Адыҕаҷа	Падуб колхидский
Linum catharicum	Аҟәны	Лен слабительный
Paliurus spina-christi	Аҟырҟәыц	Держи-дерево колючее
Periploca graeca	Адарцәи	Обвоиник греческий
Populus alba	Аҕш	Тополь белый
Prunella vulgaris	Аҟармча	Черноголовка обыкновенная
Pyracantha coccinea	Акәытмырццыга	Пираканта красная
Rosa sp.	Агәил	Роза (все виды)
Rumex alpinus	Адырзы	Щавель альпийский
Ruscus aculeates	Адәыбҕаҷ	Иглица шиповатая
Salvia sp.	Аҟәылбыш	Шалфей (все виды)
Smilax excelsa	Агәымаркатыл	Сассапариль высокий
Solanum nigrum	Аҟәым	Паслен черный

Sonchus oleraceus	Адырҕыҷ	Осот огородный
Staphylia colchica	Ақампыр	Клекачка колхидская
Taxus baccata	Аатҵа	Тисс ягодный
Trifolium campestre	Адәыцамҟәыр	Клевер полевой
Verbena officinalis	Адәыҳәымсаг	Вербена лекарственная
Viola sp.	Адәыкрын	Фиалка (все виды)

Будра плющевидная	Аатҵрахәшә	Glechoma hederacea
Вербена лекарственная	Адәыҳәымсаг	Verbena officinalis
Двуцветоголовник цельнолистный	Акынҵатҵырахәшә	Dichrocephala integrifolia
Держи-дерево колючее	Аҟырҟәыц	Paliurus spina-christi
Душевик лекарственный	Адәышьыхә	Calamintha officinalis
Душеснея индийская	Абнатҵыҵындра	Duchesnea indica
Епимедиум колхидский	Аабҕыы	Epimedium colchicum
Иглица шиповатая	Адәыбҕаҕ	Ruscus aculeates
Кизил мужской	Абгызыр	Cornus mas
Кирказон грузинский	Абгалымҳа	Aristolochia iberica
Клевер полевой	Адәыцамҟәыр	Trifolium campestre
Клекачка колхидская	Ақампыр	Staphylea colchica
Лебеда раскидистая	Адәыҳаршьыл	Atriplex patula
Лен слабительный	Ақәны	Linum catharicum
Лук круглый	Ақәаҵа	Allium rotundum
Маргаритка многолетняя	Адәыкакаҵ	Bellis perennis
Молочай чешуичатый	Адоу ахәшә	Euphorobia sguamosa
Обвойник греческий	Адарҵәи	Periploca graeca
Овес посевной	Ақьар	Avena sativa
Осока прерванная	Аваныза ахәшә	Carex divulsa
Осот огородный	Адырҕыҷ	Sonchus oleraceus
Падуб колхидский	Адыҕаҵа	Ilex colchica
Пираканта красная	Акәытмырццыга	Pyracantha coccinea
Паслен черный	Аҟәым	Solanum nigrum
Пастушья сумка	Адәхаха	Capsella bursa-pastoris
Пахучка обыкновенная	Агәыхьхәшә	Clinopodium vulgare
Роза (все виды)	Агәил	Rosa sp.
Сассапариль высокий	Агәымаркатыл	Smilax excelsa
Сердечник шершавый	Адәыҵархал	Cardamine hirsuta
Синеголовник кавказский	Аҟәарамза	Eryngium caucasicum
Тисс ягодный	Аатҵа	Taxus baccata
Тополь белый	Аҕш	Populus alba
Фиалка (все виды)	Адәыкрын	Viola sp.

Черноголовка обыкновенная	Аҟармча	Prunella vulgaris
Шалфей (все виды)	Аҟәылбыш	Salvia sp.
Щавель альпийский	Адырзы	Rumex alpinus

Айба Л.Я., Цугба Д.В., Айба В. Ш.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ВИНОГРАДАРСТВА В АБХАЗИИ

Виноградарство издавна является традиционной отраслью сельского хозяйства Абхазии.

Западное Закавказье, в том числе и территория Абхазии, является одним из очагов возникновения культурного винограда (Медведев, Негруль, Вавилов, Чамагуа). Сортимент винограда Абхазии складывался на протяжении многих веков. Здесь были обращены в культуру 53 местных сорта, имелось также значительное количество разнообразностей дикого и культурного винограда (Баллас).

Огромный вред виноградникам Абхазии нанесла завезенная в конце 19 века филлоксера, и только перевод культуры на филлоксероустойчивые подвои позволил решить данную проблему.

Большая заслуга в развитии виноградарства Абхазии принадлежит Е.И. Чамагуа. Им была собрана ампелографическая коллекция аборигенных и интродуцированных сортов, изучение которых позволило выделить ряд перспективных сортов столового и технического направления (Чамагуа).

Виноградарство Абхазии с 1985 года, как и во всех виноградарческих регионах Советского Союза, после известного «крестового похода» на данную отрасль, начала претерпевать упадок, который еще более усугубила Отечественная война 1992 – 1993 гг., нанесшая огромный урон народному хозяйству Республики. Все имеющиеся плантации винограда, в том числе и ампелографическая коллекция, погибли.

В настоящее время отдельными фирмами закладываются промышленные плантации винограда. Однако научное обеспечение отрасли представляет определенную сложность и прежде всего из – за недостаточности финансирования, что сдерживает создание современной исследовательской базы. Тем не менее, в Абхазии Научно – Исследовательском институте сельского хозяйства составлена программа и осуществляются научные разработки, которые будут способствовать переходу отрасли на качественно новый уровень.

Первым этапом работы является ампелографической коллекции – центра сбора, изучения и сохранения генофонда винограда. Институтом, с 2004 года, проводятся планомерные экспедиционные обследования территории Абхазии с целью привлечения в собираемой генофонд винограда аборигенных сортов и форм, обладающих интегрированными генотипами и высокой адаптивностью к условиями среды их первичного формирования. В дальнейшем будут проведены скрещивания аборигенных сортов с лучшими сортами мировой селекции и отбор наиболее перспективных для нашей зоны. Проводится также интродукция материала из – за рубежа. Среди уже собранных образцов сорта технического и столового направления с широким варьированием признаков. Будет изучена их адаптивность к местным природно – климатическим фактором и выявлены генотипы с сравнительно высокой экологической пластичностью и возможность их непосредственного внедрения в производство, а также привлечения в генетико – селекционную работу.

Современные требования к ведению культуры предусматривают разработку малозатратной экологизированной технологии возделывания, обеспечивающей получение конкурентоспособной продукции, что может быть достигнуто: за счет

внедрения комплексно – устойчивых новых сортов, требующих меньших средств на защиту от вредителей и болезней, позволяющих готовить посадочный материал в виде корнесобственных саженцев; применением наиболее эффективных типов шпалер и способов формировок; использованием в системе защиты растений новых эффективных препаратов, позволяющих сократить кратность обработок плантаций, а также биологических методов борьбы.

Главным элементом в системе земледелия является почвы, который должна быть направлена на улучшение ее структуры и физико–химических свойств и способствовать естественного плодородия.

Почвы Абхазии в основном сильно истощены. Злоупотребление минеральными химическими удобрениями, в особенности такими как обезвоженный аммиак, аммиачная вода, углекислый аммоний и др., нарушило естественный баланс элементов в почве.

Являясь сильнейшими ядами они совместно с пестицидами губительно сказываются на биосфере земли и по сути приводят к ее стерильности. Поэтому необходим новый подход к системе содержания почвы. В мировой практике для восстановления естественного плодородия широко используется залужение плантаций как травами – сидеритами, так и естественным травостоем. Работы в этом направлении запланированы и включены в приоритетные исследования института.

Немаловажное значение для успешного развития виноградарства в Республике и его рентабельности является: установление особенностей фитоклимата в различных вертикальных зонах и их влияние на продуктивность и качество технических сортов винограда; выделение микрозон, наиболее отвечающих биологии культур; разработка зональной технологии технических сортов; гарантирующей получение сырья высокого качества и производство марочных вин мировых стандартов.

Территория Абхазии является филлоксероопасной зоной, вследствие чего здесь велась привитая культура винограда. Такая тенденция при культивировании сортов, неустойчивых к филлоксере, должна быть продолжена. Поскольку хозяйственно – ценные признаки, такие как урожайность, качество ягод, выход вина, его качество и изменение при длительном хранение и т.д. во многом зависят от подвоя возникает необходимость изучения биологической совместимости различных типов подвоев с выделенными для промышленных посадок сортами. Филлоксероустойчивые сорта американского происхождения и сорта – подвои в основном характеризуются слабой хлорозоустойчивостью, вследствие чего необходимо установить степень хлорозоопасности почв различных микрозон, где предполагается закладка промышленных посадок сортов винограда, привитых на филлоксеоустойчивые подвои, а также выделить среди последних сравнительно хлорозоустойчивые.

Для выращивания сертифицированного посадочного материала, отвечающего Госстандарту, необходимо создать питомниководческую базу. Для ее качественного развития потребуются Госинвестиции, как это делается во Франции, Германии и в других странах с развитым виноградарством. Размножение сортов и производство посадочного материала следует строго регламентировать, с тем чтобы избежать засоренности плантаций не сортовыми саженцами.

Темпы развития аграрной науки в Абхазии, в том числе и в области виноградарства, определяются не только уровнем экономико–правовой обеспеченности, но и притоком в нее квалифицированных молодых кадров. Подготовка таковых проводится в рамках творческого сотрудничества Абхазского НИИ сельско-

по хозяйства с Краснодарским Зональным НИИ садоводства и виноградарства, а также с рядом других научных учреждений сельскохозяйственного профиля Российской Федерации.

Литература

1. Медведев Я. С. Деревья и кустарники Кавказа. 1919г.

2. Негруль А.М. Происхождение культурного винограда. Ампелография СССР, т. 1, Москва, 1946г.

3. Вавилов Н.И. Дикие родичи плодовых деревьев азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев. Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции. т. 26, №3, 1931г.

4. Чамагуа Е.И. Культура винограда в Абхазии. Сухуми, 1961г.

5. Чамагуа Е.И. Виноград Абхазии. Изд. «Алашара», Сухуми, 1968г.

6. Баллас М.Т. Виноделие в России. Историко – статистический очерк. СПВ, 1896г.

Айба Л.Я., Авидзба М.А.

РАЙОНИРОВАННЫЕ И РЕКОМЕНДОВАННЫЕ СОРТА ЦИТРУСОВЫХ, ПЛОДОВЫХ, СУБТРОПИЧЕСКИХ И ТЕХНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ ИНСТИТУТОМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ

Научно-исследовательский Институт Сельского Хозяйства Академии наук Абхазии является единственным научным учреждением в аграрной области республики.

За многолетнюю научную деятельность учеными института изучено более 60 тысяч сортообразцов, принадлежащих к 5800 видам мировых растительных ресурсов в результате внедрены и внедряются уникальные сорта и формы цитрусовых, плодовых и субтропических технических культур.

Лимоны

1. **Новоафонский** – районированн с 1996г.

Дерево сильнорослое. Плоды крупные, красивые, удлиненно овальной формы желтого цвета, среднего веса 120 гр. Мякоть бело – кремового, нежна сочная, семян до 7 шт. Содержание лимонной кислоты 6 %, витамина С – 58, 5 мг %, начало созревания плодов – конец ноября. Урожайность высокая – 20 т плодов с 1 га.

2. **Ударник** – районирован с 1962 года.

Дерево сильнорослое. Плоды крупные, обратно – яйцевидной формы ярко – желтого цвета, среднего веса 140 г. Мякоть бело – кремовая, нежная сочная, семян до 12 шт. Содержание лимонной кислоты 6,1 %, витамина С – 60 %. Начало созревания плодов – конец ноября. Урожайность высокая – 20 т плодов с 1 га.

3. **Мейер** – районирован с 1961 года.

Дерево среднерослое. Плоды широкоовальной формы, без соска, среднего веса 95 г.

Мяготь нежная, желтовато – оранжевая, сочная, семян до 15 шт. Содержание лимонный кислоты 4,1 %, витамина С – 31,2 мг. %. Начало созревания плодов – конец октября. Урожайность высокая 30 т с 1 га.

Лимон Мейер широко распространен в Среднеазиатских республиках. В связи с высокой устойчивостью этой культуры к заболеванию мальсекко, закладка намечается в ближайшие годы более 3 тыс. га в Абхазии. Ремонтатное растение цветет и плодоносит в течение всего года. Саженцы, полученные черенками, представляют большой интерес, как компактное декоративное растение,

4. **Лиобон** – районирован с 1978 года.

Дерево сильнорослое. Плоды крупные, красивые, удлиненно – овальной формы, лимонно – желтого цвета, среднего веса 110 г. Мягкость более кремовая, нежная с большим количеством сока, семян до 10 шт. Содер-

жание лимонной кислоты 6,7 %, витамина С – 77,7 мг %. Начало созревания плодов – конец ноября. Урожайность высокая – 20 т плодов с га.

Апельсины

1. **Вашингтон Навел** – районирован с 1962 года.

Дерево среднерослое. Плоды крупные, красивые, округлые, оранжевого мякоть цвета, средний вес 200 – 500 г. Мягкость оранжевая, сладко – кислая, сочная, семян нет. Содержание сахаров в соке 8,6 %, витамина С – 22, 80 мг % начало созревания плодов первая декада ноября. Урожайность средняя – 20 т с 1 га.

2. **Гамлин** – районирован с 1958 года.

Дерево среднерослое. Плоды мягкие, красивые, поверхность гладкая, оранжевого цвета, средний вес 90 – 100 грамм, мякоть оранжевая, сладко – кислая, сочная, семян мало 2 – 3шт. Содержание сахара в соке 8,9 %. Витамина С – 64,2 мг % начало созревания плодов – первая декада ноября. Урожайность высокая 35 т с га.

3. **Первенец** – районирован с 1959 года.

Дерево сильно рослое. Плоды среднего размера, округлые, оранжевого цвета, средний вес 140 г. Мякоть оранжевая, кисло – сладкая, сочная, семян много до 15 шт. содержание сахара в соке 6,0 %, витамина С – 56,2 мг % начало созревания плодов вторая декада ноября. Урожайность высокая 35 т плодов с 1 га.

Мандарины

1. **Мандарин широколистный уншиу** – районирован в 1961году.

Дерево сильнорослое, густооблиственной широкоовальной кроной. Плоды средние до 70 г, округлые, кожура оранжевого цвета, отделяемость хорошая, мякоть сочная, семян нет. Вкус сладко – кислый. Химический состав плодов: сахара 7,25 %, кислотность 0,97 %, витамина С – 34,1 мг %, Р – 13,7 мг % начало созревания плодов – конец второй декады ноября. Урожайность 20 т с га.

2. **Иверия** – районирован в 1978 году.

Дерево сильнорослое, ветвистое, густооблиственый широкоовальной кроной. Плоды крупные средний вес 75 г, округло – сплющенная, кожура оранжевая, отделяемость от мякоти хорошая, мякоть светло – оранжевая, нежная, сочная, вкус сладко – кислый, семян нет. Химический состав мякоти: сахара – 6,2 %, кислотность – 0,55 %, витамина С – 24,58%, Р – 12,41 мг % начало созревания плодов – начало второй декады ноября. Урожайность высокая 15 – 30 т с га.

3. **Сухумский** – районирован в 1989 году.

Дерево сильное с густооблиственной раскидистой кроной. Плоды средние 70 – 72 г, округло – приплюснутые, кожура оранжевая, отделяемость от мякоти хорошая. Мякоть светло – оранжевая, нежная, сочная, вкус сладко – кислый, семян нет. Химический состав мякоти: сахара 7,6 %, кислотность 0,58 %, витамина С – 33,54 мг % начало созревания плодов – первая половина ноября. Урожайность высокая 25 – 30 г.

4 . **Сильверхилл** - районирован в 1964 году.

Дерево сильнорослое с густоветвистой овальной кроной. Плоды средние 68 г, округлые, оранжевые, отделяемость кожуры от мякоти хорошая, мякоть светло-оранжевая, сочная, вкус сладко-кислый, семян нет. Химический состав мякоти: сахара 6,89%, кислотность-0,61%,витамина С - 28,42

мг %, Р – 9,58 мг %. Начало созревания плодов – начало третьей декады ноября. Урожайность средняя 18 – 20 с га.

4. **Миагава Васе** – районирован в 1978году.

Дерево слаборослое, карликовое, сильнооблиственной овальной кроны. Плоды крупные, средний вес 85 г, от округло – сплющенной до слабо – грушевидной формы, кожура ярко – оранжевая, отделяемость от мякоти хорошая. Мякоть оранжевая, сочная, вкус сладко–кислый, семян нет. Химический состав мякоти: сахара – 6,13 %, кислотность – 0, 90 %, витамина С – 34 мг %, Р – 11,48 мг %. Начало созревания плодов первая половина октября. Урожайность с 1 га (при схеме посадки 3х 1,5 = 2225 растений) 35 -40 т.

Грейпфрут

1. **Марш бессемянный** – районирован в 1961 году.

Дерево среднерослое, высотой 2,3 – 3 м с округлой кроной. Плоды крупные красивые, округлой формы, оранжево – желтого цвета, бессемянные, среднего веса – 250 г, мякоть сочная кисло – сладкая, приятная на вкус, горечь слабая. Содержание сахара – 3,5 %, лимонной кислоты – 1,7 %, витамина С – 45,1 мг %, витамина Р – 50 мг %. Начало созревания плодов – конец ноября. Урожайность высокая до 23 – 30 т с 1 га.

2. **Юбилейный** (гибрид от скрещивания помпельмуса Азахикан с грейпфрутом Пернамбуко) районирован с 1976 года.

Дерево среднерослое, высотой 2-2,5 м. Крона округлая, побеги почти без колючек. Плоды крупные, красивые, округлой формы, среднего веса – 275г, оранжево-желтого цвета. Мякоть сочная, семян 16 шт. Вкус кисло-сладкий, приятный, освежающий, горечь слабая, содержание сахара 6,4%, лимонной кислоты 2,1%, витамина С – 42,4 мг% и витамина Р 71,9 мг%. Начало созревания плодов середина ноября. Урожайность высокая 35-40 т с 1 га. Растение отличается повышенной морозоустойчивостью.

Помпельмусы

1. **Шеддок грушевидный** – районирован с 1962г.

Дерево сильнорослое, высотой 3 – 3,5 м. Крона овальная, рыхлая. Плоды грушевидной формы, среднего веса 200г, оранжевой окраски. Мякоть сочная, кисло-сладкая, приятная на вкус, горечь слабая, семян до 10 шт. Содержание сахара 5,5%, лимонной кислоты 1,35%, витамина С – 35 мг% и витамина Р – 45 мг%. Начало созревания плодов конец ноября.

2. **Гулрипшский** (гибрид от скрещивания мандарина уншиу с помпельмусом) – районирован с 1977г.

Дерево сильнорослое, высотой 3,5-4м. Крона округлая, рыхлая. Плоды крупные, красивые, оранжевого цвета, среднего веса – 390г. Мякоть сочная, кисло-сладкая, приятная на вкус, горечь слабая, без семян. Содержание сахара 7,3%, лимонной кислоты 2,4%, витамина С – 33,6 мг% и витамина Р – 96,1 мг%. Начало созревания плодов конец ноября. Урожайность высокая до 40 т плодов с 1 га. Растения отличаются высокой морозоустойчивостью.

Схема посадки

Фейхоа

1. **Суперба** – дерево среднерослое. Срок созревания – ранний. Плодоношение ежегодное. Урожай с дерева в среднем 29 кг, что в пересчете на 1 га составляет 14,5 т. Плоды крупные, с нежной мякотью и отличным вкусом. Отличается большим содержанием сахара 6,9% и аскорбиновой кислоты – 17,6 мл/100г.

2. **Сеянец № 89** – дерево среднерослое. Срок созревания ранний. Плодоношение ежегодное. Урожай с дерева в среднем 27,4кг, в пересчете на 1 га составляет 13,7т. Плоды крупные. Мякоть плода нежная, слабо зернистая, вкус кисло-сладкий, отличный. Содержание сахара – 8%, аскорбиновой кислоты 18 мг/100г.

3. **Сеянец № 9** – дерево сильнорослое. Срок созревания ранний. Плодоношение ежегодное. Урожай с дерева в среднем 30кг, что составляет в пересчете на 1 га 15т. Плоды крупные. Мякоть плода нежная, сочная. Вкус отличный. Содержание в плодах сахара – 6,2%, аскорбиновой кислоты 16,2 мг/100г.

Инжир

1. **Зеленый из Иски**. Получен из США (Калифорнии) – районирован с 1966г. Дерево среднерослое с тонкими и длинными ветвями, урожайное (до 13 т с 1 га). Со средним сроком созревания. Плоды средние, с отличным вкусом хороши для использования в свежем виде. Содержание сахара – 79,22% на сырой вес, кислотность 1,60% на абсолютный сухой вес.

2. **Сухумский фиолетовый**. Местный сорт районирован с 1965г. Дерево сильнорослое, высокоурожайное (до 20 т с 1 га). Со средним сроком созревания. Плоды крупные, глазок закрытый. Из глазка часто выделяется капелька золотистого густого сока. Плоды почти не трескаются. Вкус отличный. Отличаются высоким содержанием сахара – 77,54% на сырой вес, кислотность 1,16% на абсолютный сухой вес.

Яблоня

1. **Мелба** – американский сорт, ранних сроков созревания. Деревья среднерослые, в плодоношение вступают рано. Урожай регулярный до 44 т с 1 га. Плоды выше средней величины (135 г), приплюснуто-конические, зеленовато-желтые с оранжево-красным румянцем. Мякоть нежная, сочная, отличного вкуса.

Плоды содержат: сухого вещества 10,4%, сахаров 5,1%, кислотность 0,4%, витамина С – 5,1 мг/100г.

2. **Июльское Черненко** – сорт селекции ЦГЛ, очень ранних сортов созревания. Деревья среднерослые, урожай средний до 15 т с га. Плоды средней величины (125 г) желтовато-зеленые с карликово-красными полосами, хорошего вкуса. Плоды содержат: сухого вещества 8,7%, сахаров 4,8%, кислотность 0,5%, витамина С – 5,4 мг/100г.

3. **Синап Горийский** – грузинский сорт осеннего срока созревания. Деревья сильнорослые, в плодоношение вступают рано. Урожай ежегодный, высокий до 41 т с га. Плоды крупные (215 г) цилиндрической формы, желтовато-зеленые с ярким румянцем, хорошего вкуса. Плоды содержат: сухого вещества 9,73% сахаров 4,5%, кислотность 0,4%, витамина С – 12,8 мг/100г.

Груша

1. **Конференция** – английский сорт, позднелетнего срока созревания. Деревья среднерослые, мощные, в плодоношение вступают рано. Урожай регулярный, очень высокий до 30 т с га. Плоды крупные (200г), узко-грушевидные, зеленые, покрыты густой ржавой сеткой. Мякоть нежная, сочная, отличного вкуса Плоды содержат: сухого вещества 16,2%, сахаров 11,9%, кислотность 0,1%, витамина С – 2,72 мг/100г.

2. **Ле-Лектье** – французский сорт, позднелетнего срока созревания. Деревья среднерослые, рано вступают в плодоношение. Урожай регулярный, высокий до 20 т с га. Плоды крупные (200г), коротко-грушевидные, зеленовато-желтые с ржавыми точками, очень сочные, хорошего вкуса. Плоды содержат: сухого вещества 15,9%, сахаров 12,3%, кислотность 0,2%, витамина С – 2,6 мг/100г.

Субтропические технические.

Бамбук

1. **Бамбук золотисто-бороздчатый.**

Стволы 7 – 10 м высоты, прямые, иногда изогнутые с диаметром 2-4 см. Древесина прочная. Вегетирует в апреле-мае месяце. Один из наиболее продуктивных видов. Ежегодно с 1 га можно заготовить до 20-25 тыс. стволов.

2. **Бамбук зелено-сизоватый.**

Стволы высокие, прямые, малосбежистые 8-12 и с диаметром 3-5 см. Вегетирует весной апрель-июль месяце. Древесина обладает высокой прочностью. Один из наиболее морозоустойчивых видов. Дает 7-8 тыс. стволов с 1 га.

3. **Бамбук опушенный (Мосо).**

Наиболее крупный вид, стволы его достигают высоты 10-18м, с диаметром 10-16см. Вегетирует рано, с февраля по май месяцы. Один из наиболее ценных бамбуков, отличается высокой прочностью древесины. Ежегодно с 1 га заготавливают 1 – 2 тыс. стволов.

4. **Бамбук бамбуковидный.**

Самый распространенный на побережье вид. Стволы высотой 8 – 13 м, прямые, стройные, диаметр 4-8 см. Вегетируют поздно, с конца мая до июня. Очень ценный вид в техническом отношении. Дает до 6-8 тыс. стволов с 1 га.

Эвкалипт

1. **Эвкалипт Дальримплеана**.

Наиболее морозоустойчивый вид. Деревья в возрасте 35 лет достигают высоты 28 м, при диаметре ствола 90-100 см. Лист содержит 0,37% эфирного масла, в котором до 22-25% цинеола, используемого в медицине. Древесина прочная, в связи с чем, является ценным промышленным видом.

2. **Эвкалипт прутовидный (виминалис)**.

Отличается довольно высокой морозоустойчивостью. Самый распространенный на черноморском побережье вид. В возрасте 30-35 лет деревья имеют высоту 22-25 м при диаметре ствола 80-90 см. Лист содержит до 0,62% эфирного масла, в котором 40-45% цинеола, пинен и филландрен. Древесина темно-коричневая, ломкая.

3. **Эвкалипт пепельный (цинерея)**.

Морозоустойчивый вид. Переносит без повреждения все холодные зимы на побережье Республики Абхазия. Деревья средних размеров 18-20 м с диаметром ствола 30-55 см. Благодаря сизоватой листве являются очень декоративным деревом. Лист содержит 1,34% эфирного масла, состоящего из цинеола 54-84%, пинена, эфиров, альдегидов и сесквитерпенов. Древесина красноватая, не уступает дубу.

Тунг

1. **Тунг фордии (китайский)**.

Листопадное дерево высотой до 8-10 м с раскидистой кроной. С плодов тунга получают исключительно ценное техническое масло, которое пользуется на мировом рынке неограниченным спросом. Полновозрастные деревья дают от 25 до 100 кг плодов с дерева. Содержание масла в ядре от 49 до 54%.

2. **Тунг кордата (японское масляное дерево)**.

Отличается от предыдущего тем, что дает мелкие плоды. Полновозрастные растения дают от 17 до 80 кг плодов с дерева. Выход масла от 67 до 72%. Масло с несколько пониженной высыхающей способностью.

Хватыш Г.А.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНОФОНДА ТОМАТА И БАКЛАЖАНА В УСЛОВИЯХ АБХАЗИИ

Томаты и баклажаны относятся к семейству пасленовых. Они обладают высокими пищевыми качествами. В них содержатся почти все известные в настоящее время витамины, минеральные соли, органические кислоты, необходимые для нормальной жизнедеятельности человека.

Благоприятные климатические условия Абхазии позволяют успешно выращивать томаты, баклажаны, в открытом грунте с апреля до первой декады ноября, а продукция поступает с 20 июня по 10 ноября. В настоящее время эти культуры на производственных площадях занимают ведущее место, но спрос на них не полностью удовлетворяется. Важно не только расширять посевы томатов и баклажан, но и подобрать более урожайные, скороспелые устойчивые к различным болезням сорта, обеспечивающие непрерывное поступление продукции из открытого грунта в течение всего летнее – осеннего периода. Районированные сорта этих культур сильно поражаются различными болезнями, дают низкий урожай и не отличаются высокими товарными качествами плодов.

Поэтому большое значение имеет изучение генофонда сортов разнообразия томатов, баклажан и выделение наиболее ценных сортов для непосредственного использования в овощеводстве и селекции.

В связи с этим впервые, с 1960 по 1991 гг. в условиях открытого грунта во влажно – субтропической зоне Абхазии изучено по основным хозяйственно – биологическим признакам (скороспелость, урожайность, качество продукции, химический состав) генофонд мировой коллекции ВНИИРа различного географического происхождение. Всего изучено свыше 400 сортообразцов из 30 стран мира. Изучение коллекции проводили по методике отдела овощных культур ВНИИРа. Полевые исследования были проведены на опытных полях Сухумской опытной станции субтропических культур ВНИИРа (ныне Абхазский научно – исследовательский институт сельского хозяйства Академии наук Абхазии)

В наших опытах семена образцов высевали 15 февраля – 5 марта в теплицах. Рассаду высаживали, в зависимости от метеорологических условий года ,15 апреля – 15 майя . Обработка почвы, посадка рассады и уход за растениями проводились в соответствии с обще принятыми агроправилами в зоне влажных субтропиков. Каждый образец изучали не менее 2 – 3 лет, наиболее перспективные – 4 – 5 лет.

Томаты. Культуру томата в Абхазии как овощное растение возделывают с конца XVIIв. особенно широкое распространение и товарный производственный характер эта культура получила после установления Советской власти.

В годы изучения мировой коллекции томата в зависимости от температурных условий года и влажности почвы менялись длина периода вегетации, высота заложения соцветий, количество опавших цветков, степень поражения различными болезнями, морфологические признаки и урожайность. Метеорологические условия вегетационных периодов характеризовались более высокой среднемесячной температурой (в мае $18,5^0$ июне 22^0) и умеренно достаточным количеством осадков благоприятствовало росту и развитию почти всех сортов: закладка соцветий, цветение, образование и созревание плодов наблюдались намного раньше (на 10 – 18 дней) по сравнению с другими годами исследования при снижении температуры в весенние месяцы на 1 - $2,2^0$ по сравнению с многолетними

данными, а также большим количеством осадков в мае и июне. Это сдвинуло сроки начала созревания плодов на более позднее время.

Период вегетации (массовые всходы – начало созревания плодов) – один из наиболее важных признаков, зависящий от наследственных особенностей сортов и условий выращивания. К группе скороспелых отнесены образцы с длительностью периода вегетации 118 – 120 дней, к группе среднеранних -120 -122, среднеспелых -122 – 127, среднепоздних 127 -134 дня. По характеру закладки соцветий, между группами сортов имеются существенные различия. У скороспелых соцветия закладываются через 1-2 листа, у среднеспелых и среднепоздних –через 2-3. Периоды массовые всходы – цветение и образование плодов у скороспелых сортов на 6-9 дней короче, чем у среднепоздних.(Г.А.Хватыш,1980 г.)

У большинства изучавшихся образцов период цветение – образования плодов на 2-м и последующих соцветиях проходит на 2-3 дня раньше, чем на 1м. При неблагоприятных погодных условиях период цветение-образование плодов сокращается. Наиболее короткий период завязывание-созревание плодов наблюдается у скороспелых сортов (36-дней) ,наиболее длительный – у среднепоздних (42 дня).

Характер опадения цветков и плодов в нормальных условиях является одним из наиболее важных показателей продуктивности томатов (Д.Д.Брежнев,1964 г.)Однако при неблагоприятных условиях роста и развития опадение цветков и плодов почти у всех сортов достигает 70 – 82%, в связи с чем на много снижается у всех сортов продуктивность томатов.

За годы изучения в меньшей степени это проявилось у наиболее скороспелых и среднеспелых форм.

Коллекционные образцы различались по урожайности и качеству урожая. Эти показатели изменялись в зависимости от сортовых особенностей и в значительной степени от погодных условий. Необходимо отметить, что скороспелые, среднеранние и среднеспелые сорта были несколько урожайнее среднепоздних. Низкая урожайность последних объясняется тем, что в Абхазии при ранневесеннем сроке посадке плодообразование происходит в конце июня и в течение июля. Для этого периода характерны высокие температуры и относительно низкая влажность воздуха, что и вызывает сильное опадение цветков и завязей. Самый низкий урожай плодов (0,5 – 1,2 кг с 1 растения) по всем группам скороспелости отмечался, когда наблюдалось более низкая температуры в период вегетации. Наиболее высокий урожай плодов (1,3 – 3 кг) был получен в период цветения, образования и созревания плодов проходил почти, в оптимальных условиях температуры и влажности почвы.

Опыт, проведенный нами по сроком посева в открытом грунте в условиях Абхазии, что у сортов томата, выращенных в летний период (посадка рассады 17 июня – 10 июля) продолжительность отдельных фаз роста и развития намного сокращается по сравнению с весенним сроком посадки. Ускоренное наступление всех фаз роста развития и созревания связано с повышением температуры (июнь – $20,3^0$, июль – $24,5^0$) и большим количеством часов солнечного сияния, чем в весенний срок посадки (апрель 15^0, май $17,5^0$). Однако урожай при весенней посадке больше на 45 – 50 %, чем при летней. Низкий урожай томатов, выращенных летнее – осеннее период, объясняется понижением температуры в осенние месяцы (сентябрь 20^0, октябрь 16^0).

В условиях Абхазии химический состав плодов томата изменяется по сортам: содержание сухого вещества – 3,6 – 5,0 %, из них растворимые сахара – 1,73 – 3,54 %, органические кислоты – 0,28 – 1,19 мг., ликопин – 0,78 – 2,62 мг./100г.

Сахаро – кислотный коэффициент находится в приделах от 6 до 11 (Г.А. Хватыш, Р.И. Герия, И.П. Карба, 1987г.)

По комплексу морфологических и хозяйственно – ценных признаков из мировой коллекции ВНИИР выделены ряд перспективных сортов томата, которые представляют интерес не только для непосредственного использования в производстве, но для целей селекции.(Таблица 1.) Наиболее урожайными сортами скороспелой группы были симферопольский 765, №dAC – 38, Venture, Veineland 6511 и Утро. Кроме того они отличались дружным созреванием плодов и довольно крупными плодами (средний вес товарного плода до 110г.)

Таблица 1.

Урожайность и хозяйственные показатели перспективных сортов томата (посадка рассады 15 апреля – 10 мая).

№ по каталогу ВИР	Название, происхождение	Число дней от масс. всходов до созревания	Урожайность с 1 растения		Урожай за 15 дней плодоношения %	Урожайность товарных плодов %	Средний вес товарного плода Г.
			кг	% к стандарту			
			Скороспелые				
2455	Превосходный 176, Белоруссия	119	1,6	111	32,9	77,2	92
2955	NDAC – 38 Канада	118	1,8	117	40,0	70,5	110
3462	Veineland 6511,Канада	118	1,7	115	33,6	76,0	106
2047	Симферопольский 765,Украина	119	2,0	122	27,5	74,2	71
7050	Venture, Канда	119	1,72	116	34,4	72,0	108
4285	Утро, Молдавия	119	1,7	115	33,5	72,2	90
			Среднеранние				
2642	Gem, Германия	121	2,3	131	33,5	77,2	112
2999	Geneva – 13,США	120	1,92	118	36,5	74,0	110
3416	El monte, США	120	2,2	129	35,5	77,0	105
3418	Enterpriser, США	120	2,2	129	36,2	78,0	100
3372	Piernita, Франция	121	2,0	122	35,5	77,0	95
			Среднеспелые				
4018	Scotia,Канада	124	1,73	177	34,5	79,2	80
3483	VF145 – 22 – 8, США	126	1,7	115	28,2	76	100

4478	H – 324 – 1, Испания	126	1,63	112	30,0	75	90
10951	Columbia, США	125	1,6	111	32,0	7,4	89
вр.7202	West Virginia X383 США	126	1,65	113	25,0	73,1	63
			Среднепоздние				
4022	Tecumseh, США	132	1,36	94	22,5	73,5	110

В группе среднеранних сортов по урожайности, дружности созревания, размеру плодов, хорошей окраске, высоким вкусовым качествам выделились Gem, Geneva – 13, El Monte, Enterpriser, piernita (см. табл. 1).

Из среднеспелых сортов по урожайности, товарности, крупности и вкусовым качествам плодов представляют интерес Scotia, VF 145 – 22 – 8, H – 324 – 1, Columbia, West Virginia X 383.

В группе среднепоздних выделяется крупностью плода с хорошей окраской, высокими вкусовыми качествами сорт Tecumseh.

Наиболее актуальной и в то же время отстающей является селекция томатов на иммунитет в условиях влажных субтропической зоне Кавказа. Наибольшее распространение в этой зоне имеют фитофтороз, бронзовость томатов, вершинная гниль и сухая пятнистость. Относительно устойчивыми к указанным заболеваниям были сорта: Gem, Geneva – 13, Scotia, Утро, West Virginia X 383, VF 145 – 22 – 8, Симферопольский 765.

В условиях Абхазии, применяя разные сроки и способы посева и используя высокоурожайные, устойчивые к болезням, различные по скороспелости сорта можно получить свежую продукцию из открытого грунта в течение 5 – 6 месяцев (с июня по ноябрь). Бесперебойное поступление зрелых плодов достигается за счет плодоношения ранних, высаженных горшечной рассадой в апреле и плодоношения поздних, высаженных в июне.

Баклажан. В Абхазии культура баклажана возделывается с давних времен (XI–XII вв). Плоды баклажана широко используются местным населением для приготовления различных национальных блюд в жареном и вареном виде, а также готовят баклажановую икру.

Изучение генофонда баклажана (более 200 образцов) из мировой коллекции ВНИИРа по биологическим, морфофизиологическим и хозяйственно-ценным признакам в условиях Абхазии представляет большой практический и научный интерес.

Результаты исследований позволили установить сортовую зависимость роста и развития, плодоношения, продуктивность растений баклажана от колебаний погодных условий влажных субтропиков (Г.А.Хватыш, 1988; Р.К.Отырба, 1991). При весеннем сроке посадки рассады (1 – 15 V) цветение сортообразцов баклажана наступало на 90 – 102 день от массовых всходов. Наиболее скороспелые образцы вступали в плодоношение 105 – 116-й день после массовых всходов, а самые поздние на 120 – 130-й день.

Период налива плода (от начала завязывания до их технической спелости) в зависимости от сорта составила от 7 до 15 дней. Самым коротким периодом налива плодов (7 дней) отличились сорта Алмаз, Универсал, Burpee Hybrid (К – 703, Канада), а у сортов Симферопольский 105, Mission Bell F_1 (К – 2865, Нидерланды). Bonika (К – 2745, Канада) составил соответственно 12,13 и 15 дней.

Период от массовых всходов до биологической (семенной) спелости плодо баклажана в зависимости от сорта и погодных условий составил 160 – 190 дней.

Скороспелость коллекционных образцов баклажана определяли по продол жительности периода от массовых всходов до технической спелости плодов. К раннеспелым отнесены сорта, у которых период от всходов до технической спе лости составил 105 – 116 дней. К таким сортам относятся: Консервный 10, Ал маз, Симферопольский 105, Длинный фиолетовый (К – 652, Россия), Short Fron (К – 2708, Япония), Длинный фиолетовый 239 (К – 584, Россия). Наиболее позд но вступили в техническую спелость плодов (на 120 – 122 день) Гардабанский (К – 659, Грузия), Атобей (К – 623, Азербайджан) Длинный фиолетовый (К – 624 Россия) и другие.

Урожайность сортов баклажана является одним из основных показателей определяющих целесообразность возделывания в данных условиях. Изучавшиеся коллекционные сорта различались по урожайности и качеству урожая, которы резко изменялись в зависимости от биологических особенностей и, в значитель ной мере, от погодных условий в период вегетации растений.

Урожайность и хозяйственные показатели перспективных сортов баклажана приводятся в таблице 2. Общая урожайность у выделившихся сортов варьирова ла в пределах от 3,8 до 8,9 кг/м^2. При этом отдача раннего урожая от общего со ставила от 25 до 45%. Наиболее высокой урожайностью (от 6,5 до 8,9 кг/м^2 отли чились Burpee Hybrid, Extec F, Black Beauty, Glassic F_1, Алмаз, Симферопольский 105 (см. табл. 2). Средний вес товарного плода у отдельных сортов составила о 200 до 301 г.

Таблица 2

Урожайность и хозяйственные показатели перспективных сортов баклажана

№ по каталогу ВИР	Название, происхождение	Средняя урожайность плодов с 1м^2		Товарная урожайность плодов (в % от общего урожая)	Средний вес товарного плода (г)
		(кг)	в % к стандарту		
659	Гардабанский (стандарт) Грузия	4,8	100	90,0	150
703	Burpee Hybrid, Канада	8,6	181	93,4	301
993	Extec F_1, Нидерланды	8,0	167	92,0	217
991	Ylassic F_1, Нидерланды	8,0	167	93,0	290
2865	Mission Bell F_1, Нидерланды	7,2	151	92,0	260
2862	EXP. 1004 F_1, Нидерланды	7,3	154	93,2	310
978	Алмаз, Украина	7,7	148	93,0	164
674	Симферопольский 105, Украина	6,5	136	92,0	180
814	Otose, Япония	6,4	134	92,0	174

№ по каталогу ВИР	Название, происхождение	Средняя урожайность плодов с 1м^2		Товарная урожайность плодов (в % от общего урожая)	Средний вес товарного плода (г)
		(кг)	в % к стандарту		
954	Bleck Beauty, Непал	8,9	186	90,0	278
652	Длинный фиолетовый, Россия	6,4	134	93,4	165
584	Длинный фиолетовый 239, Россия	6,0	130	87,0	200
675	Заводской, Украина	6,4	134	90,0	160
699	Длинный местный, Китай	5,4	114	91,0	130
2708	Short Foml, Япония	5,2	109	90,0	141
2880	Pusa Kranti, Индия	3,8	81	93,5	157
626	Кипчакский местный, Таджикистан	6,5	136	91,0	185
653	Консервный 10, Россия	6,5	136	91,5	160

Изучение сортового разнообразия баклажана показало, что содержание химических веществ в плодах у сортов обуславливается генотипом, но в значительной мере зависит от места выращивания и погодных условий. У перспективных сортов содержание химических веществ составила: сухого вещества от 7,0 до 10,1%, сахаров от 2,3 до 3,8%, аскорбиновой кислоты от 2,2 до 4,8 мг/100 г.

Большое значение имеет селекция на создание сортов баклажана с плодами без горечи, с плотной и малосемянной мякотью. По этим признакам высоким товарным качеством плодов отличаются сорта: Местный (К – 570), Glassic F_1 (К – 997), Юбилейный (К – 931), Алмаз (К – 978) и Длинный местный (К – 699).

В результате проведенной оценки мировой коллекции баклажана по устойчивости к болезням (вертициллезное и столбурное) и вредителям (колорадский жук) выделены наиболее устойчивые образцы: Алмаз, Донецкий урожайный (К – 850), Кипчакский местный (К – 626) и другие.

Таким образом, на основании изучения генофонда мировой коллекции баклажана выделен ряд перспективных сортов для непосредственного внедрения в производство и исходный материал для основных направлений селекции.

Литература

1. Брежнев Д.Д. Томаты. изд. «Колос», Москва, 1964.
2. Хватыш Г.А. Хозяйственно-биологические особенности сортов баклажанов в условиях Абхазии. Бюллетень ВИРа, вып. 178, Ленинград, 1988.
3. Хватыш Г.А. Хозяйственно-биологические особенности сортов томатов в условиях Абхазии. Труды по приклад. ботан., генетт. и селекции. Том 31.

4. Хватыш Г.А., Герия Р.Н. Ленинград, 1980. Карба И.П. Исходный материал для селекции томатов в Абхазии. Бюллетень ВИРа, вып. 167, Ленинград, 1987.

5. Хватыш Г.А. Овощеводство влажных субтропиков Кавказа. Сухум, 2004.

6. Отырба Р.К. Влияние погодных условий на продуктивность баклажана в зоне влажных субтропиков. Тез.докл. конф. молодых ученых и аспирантов ВИР, Ленинград, 1991.

Раздел III. Акәша

АХҨЫС

ХРОНИКА

Дзидзария О.П., Саманба Л.Х.

К 20-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ ПЕРВОГО ТОЛКОВОГО «СЛОВАРЯ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА»

Книга книг, включающая в себя все другие книги…
Анатоль Франс

В 1986 году в сухумском издательстве «Алашара» вышел в свет первый том «Словаря абхазского языка», в следующем, 1987 году – второй том. Доктор филологических наук К. С. Шакрыл и кандидат филологических наук В. Х. Конджария являются составителями первого тома, второго тома – К. С. Шакрыл, В. Х. Конджария и профессор Л. П. Чкадуа. Руководил составлением словаря К. С. Шакрыл, который также возглавлял редакционную коллегию.

«Словарь абхазского языка» – это фундаментальная работа, которая заняла достойное место не только в абхазском языкознании, но и в разработке норм абхазской лексикографии, оказавшая огромное влияние на развитие абхазского литературного языка. Значимость словаря трудно переоценить: он стал эталоном для всех последующих словарей различных типов, надежным источником для сравнительно-исторических исследований лексики абхазо-адыгских языков.

Принципы, которыми руководствовались составители словаря, уже стали традиционными, ими успешно пользуются последующие поколения лексикографов абхазского языка.

«Словарь абхазского языка» является толковым и переводным – абхазско-русским. В лексикографической практике составления подобных словарей, сочетающих два типа разных по назначению словарей, не так много. Впервые абхазо-адыгский словарь был составлен проф. З. Н. Керашевой и А. Х. Хатановым (Толковый словарь адыгейского языка, Майкоп, 1960), который был удостоен высокой оценки такими выдающимися кавказоведами, как А. С. Чикобава, Рене Лафона.

Толковый словарь абхазского языка является первым и пока единственным подобным изданием в абхазоведении. Это один из первых двуязычных словарей абх. яз.

Составление толкового словаря – одна из самых важных задач лексикографии. «Работа по составлению толковых словарей родного языка – важное национальное дело»[1], – пишет крупный славист В. В. Виноградов. В своих статьях по

---

[1] Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва, 1977, с. 243.

лексикологии и лексикографии он особо подчёркивает организационную роль толковых словарей в развитии и совершенствовании национальной лексикографии. По общепризнанному мнению, толковый словарь является сокровищницей языка. В «Словарь абхазского языка» вошло 20 тысяч слов. Он, несомненно, не отражает всего богатства абхазской лексики. Это первый вклад, и вклад весьма существенный, в сокровищницу абхазского языка.

Начало абхазской лексикографии связано с переводными словарями – абхазо-русским, русско-абхазским. Первым словарём, в который вошло около 2500 слов, является «Абхазско-русский словарь» Н. Я. Марра (Ленинград, 1926). В словарь вошли широко используемые в речи общеизвестные всему абхазскому социуму слова, перевод которых отличается особой точностью. Это первая сравнительно объёмная регистрация слов лексического состава абхазского языка 20-х годов прошлого столетия. Но словарь ценен ещё и тем, что помимо общеизвестных слов, многие слова и их грамматические формы представлены в диалектном варианте. Безупречно точная запись слов и их русский перевод – бесценный материал для диалектологии, для выявления истории некоторых фактов фонетики, грамматики и семантики слова. Всё это позволяет считать словарь Н. Я. Марра диалектологическим.

В 30-х годах талантливым кавказоведом А. Н Генко составлялся «Абхазско-русский словарь», который был издан в 1998 году в Сухуме, через 57 лет после его смерти. Рукопись словаря подготовил к печати и снабдил предисловием и комментариями к.ф.н. Т. Х. Халбад. В словарь вошло свыше 9 тыс. слов. Подобно словарю Н. Я. Марра, в нём также много диалектных слов и диалектных вариантов слов. В нём широко представлена отраслевая лексика, а также образцы охотничьей лексики. Этот словарь обращает на себя особое внимание в плане описания лексической семантики: очень точно подобран русский эквивалент и, пожалуй, впервые многозначные слова представлены в частных значениях.

В 1954 году выходит «Абхазско-грузинский словарь» Б. П. Джанашия, в который вошло свыше 7 тыс. слов.

Все терминологические словари, изданные в 30–40-х годах, были переводными. Примечательным является то, что иноязычные термины в основной массе вошли в абхазский словарь без каких-либо изменений. Это объясняется тем, что процесс терминотворчества отставал от темпов развития общества: необходимость выразить новые понятия, связанные с новыми предметами, явлениями, новым укладом жизни, с социальными отношениями, сделали максимально востребованными иноязычные термины.

«Словарь абхазского языка» составлялся с учётом всех изданных ранее словарей, а также рукописи А. Н. Генко «Абхазско-русский словарь». В предисловии к словарю написано: «В работе над ним были **использованы** (выделено нами – *О.Д., Л.С.*) ранее изданные словари»[1]. Как известно, в лексикографии преемственность обязательна: наращение словника не происходит без учёта словника предыдущих словарей, без учёта представленных в нём значений и переводов вокабул. И потому составители «Словаря абхазского языка» включили в словник все общеупотребительные слова предыдущих словарей, выборочно – диалектизмы, профессионализмы, термины специальных наук и отраслевой лексики и, конечно, существенно его дополнили словами, терминами, неучтёнными предыдущими составителями.

[1] Словарь абхазского языка. Т. 1, 1986, с. 8.

Одна из важных особенностей, обеспечивающих словарю особую значимость, заключается в том, что дополнение словника словаря, описание и толкование семантики всех слов, выявление частных значений многозначных слов преимущественно основаны на материале художественной литературы, на произведениях выдающихся абхазских писателей и поэтов – Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, И. Когониа, И. Папаскир, Б. В. Шинкуба и других, творчество которых заложило основу абхазского литературного языка и наметило путь его развития. Учтена лексика научных, общественно-политических изданий, яркие, образные слова фольклорного наследия и народно-разговорной речи. В словник словаря вошли слова, которые активно используются в повседневном общении, слова, которые, находясь в пассиве, могут быть использованы при любой необходимости. Он представляет собой наиболее широкий ресурсный источник по абхазской лексике.

Как известно, принцип составления словаря является одним из главных вопросов лексикографии национальных языков. Они формируются исходя из структуры и специфики языка. Принципы, которые были разработаны К. С. Шакрыл и которыми руководствовались составители «Словаря абхазского языка», максимально отражают семантику и структуру лексического состава абхазского языка, а также его фонетическую, грамматическую и словообразовательную систему. Так, в данном словаре впервые заднеязычные фонемы *гə, қə, кə, ғə, хə, ҳə* представлены в виде самостоятельных фонем: слова, начинающиеся с этих фонем, выделены отдельно; на уровне орфографии буква *у* выражает момент лабиализации (напр.: *агəылаԥжəара* «порвать что-то внутри чего-то»), а не совместно с заднеязычными фонемами – комплекс звуков – *гу, қу, ку, ғу, ху, ҳу*. До 1996 года в абхазской графике и на уровне орфографии перечисленные фонемы рассматривались как сочетания двух звуков – согласный+гласный *у*, что не соответствовало реалиям языка. Такое верное и своевольное введение их в словарь в качестве самостоятельных фонем впоследствии стало традицией.

В отличие от предыдущих словарей в «Словаре абхазского языка» слова точнее и обширнее снабжены грамматическими характеристиками.

Глаголы абхазского языка на семантико-грамматическом уровне группируются в динамические и статистические, каждая из которых имеет свою парадигматическую систему. Они разнятся и основами. Всё это обязывает составителя словаря каждую из них квалифицировать как самостоятельную словарную единицу, что учтено составителями данного словаря: статические глаголы снабжены пометой *астат.*, а лабильные глаголы сопровождены пометой *алаб.* - это глаголы, реализующиеся в вариантах переходный/непереходный. Также впервые глагол сопровождён пометой *еиԥац.* «переходный», *еиԥамц.* «непереходный», указывающей на одну из основных глагольных категорий, формирующих парадигму спрягаемой формы глагола и предложения.

В абхазском языке все основы динамических глаголов образуют масдарную форму. Составители первых словарей использовали её в качестве словарной формы, и это впоследствии также стало удачной традицией. Масдарная форма глагола называет процесс действия и его грамматическое значение, отличное от грамматических значений других частей речи. В его грамматическом значении нет указаний ни на лицо, число, класс, ни на время, наклонение, ни на характер действия в плане совершенном или несовершенном. Исходя из этого, все глаголы в масдарной форме в основном переведены на русский язык в несовершенном виде. Такой перевод, несомненно, разгрузил словарь, избавил его от излишней подробности. Масдарная форма, образователем которой является суффикс *-ра*,

обладает именными парадигмами. Однако наблюдаются некоторые ограничения. Так, большинство многоличных глаголов, в отличие от одноличных, не реализуются в превратительной, неопределённой формах (*барак, барас,* от масдара *абара* «видение, видеть» – искусственный). В глагольной семантике, скорее в инфинитивной семантике, масдар встречается в функции значимого компонента в сложном сказуемом: *аԥхьара далагеит* «начал читать», *аԥхьара даҕуп* «он читает» или цельным значением *лаагара дцеит* «пошёл её привести». В спрягаемой же форме мы имеем не масдар, а основу глагола. Производящей основой для масдара является эта же основа. Масдарную форму условно приняли за словарную и начальную форму глагола (хотя известно, что она позднего образования). Всё это послужило поводом для того, что масдар в словаре был представлен одной словарной статьей. Лишь те формы, которые субстантивировались, были выделены в отдельные самостоятельные статьи. Такое решение во многом сэкономило объём словаря.

Известно, что в абхазском языке именным словосочетаниям модели существительное+существительное, существительное+качественное прилагательное, прилагательное с суффиксом *тә(ы)* (а не *тәи*) + существительное, характерна цельнооформленность. Эти словосочетания на морфологическом и просодическом уровнях оформляются как композита: грамматические морфемные показатели и ударение у них общие, фонетические процессы на стыке компонентов словосочетаний те же, что и внутри слова. Эта особенность словосочетаний очень затрудняет определение их места в уровневой системе языка. В каждом конкретном случае перед пишущим встаёт вопрос, как писать – писать слитно или раздельно. В результате чего в их написании и сегодня господствует анархия: кто как хочет, так и пишет, иногда в одном и том же абзаце можно встретить слитное и раздельное написание одного и того же словосочетания. Надо отдать должное составителям данного словаря: в словарь сочетания типа *аԥаца шкәакәа* «белая борода», *аԥаца еиқәаҵәа* «чёрная борода» не вошли, так как по всем семантико-грамматическим параметрам сочетания такого типа нельзя отнести к композитам. Словарь тем самым диктует правильное написание: если эти формы не приведены в словаре в виде самостоятельной словарной единицы, значит, писать нужно раздельно.

В виду того, что количество вводимых слов в словарь было предварительно определено (20 тысяч слов), глаголы, производные такими деривационными показателями, как локальные и направительные превербы, версионные, каузальный, союзный, совместный, взаимный, потенциальный, вошли в словарь в ограниченном количестве. Критерием выбора была частотность их использования. Кроме того, многим из перечисленных формантам характерен признак синкретизма (слияние двух функций – словообразовательной и формообразовательной). Часты случаи, когда посредством их изменяется лишь грамматическое значение слова (ср.: *илгоит* «то она несёт» и *илзылгоит* «то она для неё несёт»); формантом *з* образована 3-личная форма глагола с указанием на назначение прямого объекта косвенному.

Перед составителями стояла задача определить является ли данное образование производной, самостоятельной лексемой или оно представляет собой иную грамматическую форму одной и той же лексемы. Предусмотренный объём словаря также ограничил ввод производных слов, образованных высокопродуктивными дериватами, типа *ча, ршьа, шьа, ԥы, тә, ҭра, ҵас: ақәҵага: ақәҵага рахәыц* «нитка для вышивания», *ақәҵашьа* «манера вышивания»; *аԥьамсарҭа* «вместилище мусора»; *аргылаԥы* «строитель».

При составлении словарей, особенно толковых, двуязычных, ключевой проблемой является полисемия. Составитель должен выявить по возможности все значения слова, определить на современном уровне языка, какое из этих значений является общим, инвариантным, демонстрирующим семантическую связь с другими частными значениями, которое наиболее актуально и независимо от контекста и каково контекстуально обусловленное частное значение. Кроме того, составитель должен определить, какие из выявленных значений являются значениями многозначного слова или значениями омонимичных слов, также должен не смешивать значение с употреблением. В словарях, вышедших в свет до издания «Словаря абхазского языка», многозначные слова представлены не во всех контекстуально-зависимых значениях, а чаще и вовсе не представлены. Скрупулёзный анализ картотеки, составленный по произведениям выдающихся абхазских писателей, поэтов, публицистов, учёных, методистов, позволил составителям по возможности оптимально решить эту сложную задачу и выразить структурой словарной статьи – инвариантное значение подается первым, русский перевод следует за абхазской лексемой, последовательность последующих значений определяет актуальность частных значений.

Значимость словарных статей заключается ещё и в том, что в них чётко разграничены употребление и значение: пометами указывается сфера использования, например: *абжь.* – в абжуйском диалекте, *аматем.* – в математике, *амиф.* – в мифологии и так далее. В определениях и толкованиях представлены различные стилистические нюансы.

Не будет преувеличением заключение, что семантический аспект словаря является верным источником при решении многих возникающих вопросов в области абхазской лексикологии.

Прошло почти четверть века с момента появления «Словаря абхазского языка». Срок не велик. Однако за эти 20 лет словарный состав абхазского языка обогатился неологизмами, новыми терминами. Многие заимствованные термины, вошедшие в абхазский словарь, получили абхазское наименование, семантика многих слов дополнилась новыми значениями, обусловленными социальными изменениями и развитием общества. За это время появились различные словари: терминологические, отраслевые, фразеологические, двуязычные, словари омонимов, синонимов, омографов. Завершена работа по составлению орфографического русско-абхазского словаря, ждёт издания завершенный в 1989 году «Словарь бзыбского диалекта абхазского языка» К. С. Шакрыл.

Мастера художественного слова, публицисты, учёные ввели в обиход много удачных словообразований, которые из области речи уже перешли в область литературного языка как органическая единица его словарного состава. Всё это обязывает абхазоведов переиздать «Словарь абхазского языка», существенно дополнив его словами, отражающими современное состояние абхазского языка начала XXI века. Необходимость переиздания данного словаря диктуется ещё и тем, что он уже стал библиографической редкостью, во многих общественных библиотеках его уже нет. Словарь, который не только регистрировал и объяснял факты абхазского языка, но и принимал активное участие в развитии абхазского литературного языка и абхазской культуры, сегодня лишён массового применения. Переиздание данного словаря с существенными дополнениями и редакцией – задача сложная, нелёгкая, но очень актуальная.

Алиева А.И.
(г. Москва)

НОВОЕ СЛОВО В НАРТОВЕДЕНИИ

Исследователям фольклора народов Кавказа хорошо известна трагическая судьба Архива Абхазского института истории, языка и литературы им. Д.И.Гулиа (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии), полностью сгоревшего во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. На другой день после случившейся беды на пепелище пришел патриарх абхазского нартоведения, известный историк, этнолог, фольклорист, доктор исторических наук, профессор Шалва Денисович Инал-ипа, по всем правилам совершил ритуал оплакивания бесценного архива, хранившего искусство талантливых абхазских сказителей и труд нескольких поколений абхазских ученых, неутомимо собиравших драгоценные материалы народной духовной культуры абхазского народа. После этого Ш.Д. Инал-ипа вернулся домой и умер.

Казалось бы, собирание и изучение абхазского фольклора на длительное время остановилось. Но уже в 1998 г. возобновились экспедиции к здравствующим абхазским сказителям и фиксация на аудио- и видеозаписывающую технику произведений абхазского фольклора. Началась работа по сбору, упорядочению и исследованию фольклорных материалов, сохранившихся в личных архивах абхазских фольклористов. С 1994 года публикуются новые исследования известных абхазских фольклористов Ш.Д. Инал-ипа, Ш.Х.Салакая, С.Л. Зухбы.

Особенно плодотворно работает представитель следующего за этими учеными поколения – Зураб Джотович Джапуа. На протяжении двух последних десятилетий он систематически фиксирует произведения абхазского фольклора с применением новейших технических средств, кропотливо собирает и публикует не только собственные, но и записи, сохранившиеся в архивах предшественников (А.Н.Генко, А. К. Хашбы, В. И. Кукбы, А.А.Аншбы). Как представитель нового поколения абхазских фольклористов, З.Д. Джапуа опирается на достижения российской многонациональной фольклористики и, как правило, ведет исследования на тщательно текстологически выверенном фольклорном материале. А этим, как известно, во многом бывает обусловлена достоверность и аргументированность теоретических выводов ученого. Убедительное тому подтверждение – новая книга З.Д. Джапуа[1].

В ней представлены результаты проведенного автором аналитического изучения абхазского эпоса о двух его архаичных героях – Сасрыкуа и Абрыскиле – в плане текстологии, систематики и научной интерпретации.

Совершенно справедливо открывает книгу историографический раздел «Введение. Из истории собирания и исследования сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле». На эту тему опубликован ряд работ абхазских фольклористов, но лишь З.Д.Джапуа не только максимально полно и четко воссоздает историю фиксации, публикации и изучения абхазского героического эпоса, но – и это главное – восстанавливает историческую справедливость, т.е. впервые вводит в научный оборот те ценнейшие записи эпоса, которые были сделаны в 30-е годы XX в. и выдающимся русским лингвистом А. Н. Генко, и первыми абхазскими фольклористами А.К.Хашбой и В.И.Кукбой, чьи материалы лишь совсем недавно стали доступны исследователям, т.к. эти ученые бы-

[1] Джапуа З.Д. Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле (Систематика и интерпретация текстов в сопоставлении с кавказским эпическим творчеством. Тексты, переводы, комментарии). Ответственные редакторы: д. филол. н., чл.-корр. РАН В. М. Гацак, д. филол. н., академик АНА Ш. Х. Салакая. Сухум, 2003. 374 с.

ли репрессированы. В главе впервые подробно воссоздана полная и реальная история записи публикации и исследования абхазского эпоса о Сасрыкуа и Абрыскиле, дана очень точная характеристика работ предшественников З.Д.Джапуа в этой области. Особо отмечу, что уважение, такт в их оценке удачно сочетаются с верной характеристикой того, что уже сделано, и с определением задач рецензируемого исследования.

Вместе с тем, возможно, именно уважение и такт по отношению к предшественникам не позволили автору дать более подробную аналитическую характеристику многих записей эпических текстов (прежде всего – сводного издания абхазского эпоса 1962 г.), а также выявить, какое влияние оно оказало на репертуар сказителей, от которых в последующие десятилетия абхазские фольклористы фиксировали эпические сказания, (т.е. проследить процесс «вторичной фольклоризации» эпоса). Это пожелание относится и к текстологической оценке других фиксаций абхазского эпоса, данных во «Введении». Хотя надо сказать, что во многих случаях З.Д. Джапуа говорит об элементах редактуры, обработки или иных видов вмешательства издателей в тексты нартских сказаний.

Последовательно проведенный текстологический анализ всей совокупности имеющихся записей сказаний о двух архаичных героях абхазской эпики – Сасрыкуа и Абрыскиле – позволил автору не только впервые воссоздать исчерпывающую и главное – достоверную историю частоты и последовательности фиксаций новых сюжетов и вариантов сказаний об этих двух героях, но и предложить их новое исследовательское прочтение и интерпретацию.

Естественно, в центре внимания ученого – цикл главного героя абхазского нартского эпоса – Сасрыкуа, который занимает здесь исключительно важное место – и по числу посвященных ему сказаний, и по глубине и художественному совершенству их разработки, и по богатству аккумулированных в них обрядовых и мифологических данных.

Следует особо подчеркнуть сложность задач, стоявших перед З.Д.Джапуа: ведь его предшественниками в исследовании сказаний о Сасрыкуа были такие выдающиеся ученые, как академик Вс.Ф. Миллер, Н.С.Трубецкой, Ж. Дюмезиль, В.И.Абаев, Е.М. Мелетинский (на материале преимущественно осетинской и адыгской версий); абхазские нартские сказания исследовали Ш.Д. Инал-ипа, Б.В.Шинкуба, Х.С. Бгажба, Ш.Х. Салакая, А.А. Аншба, С.Л. Зухба; в этом ряду следует особо выделить работы В.Г. Ардзинбы, который предложил свою реконструкцию некоторых образов, сюжетов и мотивов абхазских сказаний о Сасрыкуа с привлечением типологически сходных сюжетов, мотивов, образов не только из фольклора и мифологии народов Северного Кавказа, но также из хурритской и хаттской традиций. З.Д.Джапуа в известной мере продолжает и развивает поиски В.Г. Ардзинбы, следуя его методике привлечения типологически сходных явлений из соседних (и не только соседних) эпических традиций для характеристики абхазского цикла сказаний о Сасрыкуа.

Основная цель автора – реконструировать архаические мифоэпические представления, которые отразились в абхазском цикле об этом древнейшем герое эпоса.

Подробный, всесторонний и очень интересный анализ семантики сюжета о чудесном рождении Сасрыкуа, проведенный З.Д.Джапуа, дает весьма интересное объяснение генезиса данного нартского сюжета. Согласно ему, пастух, выступающий в этом сказании – демоническое существо потустороннего мира (змей – хранитель воды), Сатаней-Гуаща – сексуальная избранница этого хтонического покровителя плодородия, а мотив мифологического змея в его первоначальной форме и своеобразном выражении, характеризующийся отсутствием самого змееборца, определяет специфику появления этой традиционной темы в нартском сюжете. Анализируя другие тексты – прежде всего классическое эпическое сказание о добывании огня и о бое Сасрыкуа с

неузнанным богатырем, З.Д.Джапуа последовательно прослеживает трансформацию мотива змея-подателя в мотив змееборства.

Значительное внимание в главе уделено анализу сказания о похищении Сасрыкуа огня (в книге этот сюжет обозначен как «спасение братьев-нартов» и рассматривается в контексте со сказочным сюжетом «проглатывание братьев-нартов старухой-ведьмой» на сказочный сюжет - АТ 332 Н*, 333 А, 2028 В). Здесь особый интерес представляет анализ сказания о похищении огня, где совершенно справедливо подчеркиваются особенности, характерные собственно для нартской мифоэпической (а не сказочной) традиции и выявляются следы древнего обычая ритуального убиения хтонического владетеля огня.

Только в абхазском и балкаро-карачаевском нартском эпосе сказочный сюжет (АТ 300) «освобождение водного источника» прикреплен к имени Нарта Сасрыкуа. З.Д.Джапуа исходит из убеждения, что это – собственно эпическое, исконное произведение, а не трансформированный мифологический или сказочный сюжет и делает вывод, что с некоторой долей вероятности можно предположить, что в абхазском нартском сюжете об освобождении водного источника своеобразно сочетаются две стадиально взаимосвязанные формы (ступени) змея – змея-поглотителя и водяного змея-насильника. Этот вывод убедительно подтверждает анализ мотива змееборства в нартском эпосе, богатырской сказке и героико-исторических сказаниях.

Также подробно исследуются мифологические истоки сюжетов «освещение пути свечением мизинца», «чудеса по пути к родителям жены», «оживление суженой с помощью травинки».

Под общим заглавием «поиск более сильного противника» З.Д.Джапуа рассматривает в одном ряду эпическое сказание о «встрече Сасрыкуа с богатырем-всадником» и сказание на несомненно сказочный сюжет (АТ 650 В) о «встрече героя с великаном-пахарем». И в этих сказаниях автор стремится выявить и воссоздать отразившиеся в них архаические мифоэпические представления.

Так, анализируя сказание о встрече Сасрыкуа с неузнанным богатырем З.Д.Джапуа вслед за В.Г.Ардзинбой характеризует образ последнего как переосмысление образа семиголового великана, которого убивает Сасрыкуа в сказании о добывании огня. Кроме того, в структуре сюжета этого сказания автор видит следы древнего обряда смерти и возрождения с целью восстановления плодородия природы.

В разделе «женитьба героя» анализируется сказание о героическом сватовстве и женитьбе Сасрыкуа и продолжающий его сюжет о роковой смерти сына богатыря, о существовании которого он и не подозревал. В последнем З.Д.Джапуа видит отражение обряда ритуального убийства состарившегося правителя, вместо которого иногда приносили в жертву его сыновей-младенцев.

Подробно проанализирован круг сказаний, повествующих о гибели Сасрыкуа. Это и самое традиционное сказание, собственно эпическое и завершенное из всех сюжетных версий и мотивов, связанных с темой эпической судьбы этого богатыря в абхазском нартском эпосе, и ряд сюжетов на типично сказочные сюжеты («уход в загробный мир», «выведывание местонахождения души героя и его коня», «перерезание ног», «поминки по герою»), и этиологические сказания («уход на луну», «заклятия на собак и волков»).

Специальная глава монографии посвящена эпосу об Абрыскиле – абхазском Прометее. В ней подробно проанализированы три основные сюжетно-тематические линии – чудесное рождение героя, его героические деяния, погоня за ним ангелов, его поимка, заключение в пещеру и попытка освободить его из подземелья. Анализ сказаний об Абрыскиле в сопоставлении с версиями ряда других народов Северного Кавказа позволил З.Д.Джапуа выявить, с одной стороны, их близкое сходство с адыгскими,

абазинскими и убыхскими версиями, что справедливо объясняется общностью генезиса этих народов, родством их языков, общностью исторических судеб. С другой стороны, автор пришел к обоснованному выводу о том, что основные мотивы эпоса об Абрыскиле восходят к архаическим представлениям абхазов, связанным с ритуальной и обрядово-мифологической практикой, однако они приобретают яркую эпическую окраску.

Особенно интересны в этой главе наблюдения и выводы автора о соотношении циклов сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле, о том, что сюжетообразующим в эпосе об Абрыскиле стали отдельные мотивы и эпизоды сказаний о Сасрыкуа, что, по мнению автора, характерно и для эпоса других народов Кавказа. В то же время в абхазском эпосе об Абрыскиле эпическое начало органически сочетается с мифологическим, унаследованным из архаических мифов о зооморфных божествах.

В процессе глубокого и всестороннего исследования двух архаических циклов абхазского эпоса З.Д.Джапуа приходит к убедительно аргументированному выводу о том, что эти два цикла представляют собою самый ранний пласт мифоэпической традиции абхазов, как и ряда других народов Северного Кавказа, у которых бытует и нартский эпос, и предания о прикованных богоборцах.

Итак, подведем итоги. З.Д.Джапуа впервые в абхазской фольклористике не только восстановил реальную историю записи абхазских сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле во всей ее полноте, но и сам на протяжении почти четверти века целеустремленно фиксировал нартский эпос абхазов, причем на самом современном уровне, что делает его записи поистине бесценными. Не менее важна его работа по изданию произведений абхазского фольклора в записях безвременно ушедшего А.А.Аншбы (Сухум, 1995), А.Н.Генко, А. К. Хашиба и В. И. Кукбы (Сухум, 2001), других собирателей и в собственных записях (Сухум, 2000 и Сухум, 2003). На основании выявленных опубликованных текстов, рукописных материалов и собранных аудио- и видиофиксаций, З.Д.Джапуа составил «Хронологический указатель записей сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле». В него вошел основной корпус аутентичных текстов, расположенных так, что читатель может проследить частоту и последовательность фиксации новых сюжетов и вариантов абхазского эпоса. Эта кропотливая многолетняя работа по собиранию, текстологическому исследованию и публикации абхазского эпоса, проведенная З.Д.Джапуа, заслуживает самой высокой оценки.

В рецензируемой работе З.Д.Джапуа поставил цель выявить картину эпического мироздания абхазов, раскрыть архаическую семантику мифоэпических образов, мотивов и эпизодов на основе обрядово-мифологических данных и блестяще с нею справился. Но проведенный им анализ позволяет сделать еще один важный вывод об уровне стадиального развития абхазского нартского эпоса, в котором органично сосуществуют и собственно эпические сказания (рождение героя из камня, похищение огня, бой с неузнанным богатырем, гибель), и сказания на сказочные сюжеты (АТ 332 Н, 333 А, 2028 В, 300, 650 В, 302, 519, 470, 471), органично включенные в абхазскую эпику, и различные предания (не только этиологические). Было бы справедливо более четко сформулировать этот вывод в работе.

Органично дополняет аналитическую часть книги публикация эпических сказаний об этих героях на языке оригинала и в русском переводе, с подробными комментариями и библиографией.

Рецензируемая монография – серьезный вклад в исследование величавых сказаний о нартах, и в наши дни бытующих у целого ряда народов Северного и Западного Кавказа и некоторых народов Закавказья, по-прежнему скупо раскрывающих свои секреты даже таким бесспорно талантливым исследователям, как З.Д. Джапуа.

Чкок-Эшба Э. М.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И КАВКАЗ»

4 – 6 октября 2006 г. Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии совместно с Абхазским государственным университетом и при поддержке Института востоковедения РАН, Восточного университета ИВ РАН и Евроазиатского транспортного инновационного центра провел Международную научную конференцию – «Вызовы глобализации и Кавказ». На этом форуме обсуждался широкий круг проблем, связанных с историей непризнанных государств, с социоестественной историей, идеологией, культурой народов Кавказа, России. О значимости данной конференции говорит, прежде всего, состав ее участников. В работе конференции приняли участие ученые из различных научных и учебных заведений Сухума, Москвы, Санкт-Петербурга, а также Китайской Народной Республики, Владикавказа, Нальчика, Назрани, Цхинвала, Майкопа, Ростова, Черкесска, Карачаевска, Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, Абхазского государственного университета, Института востоковедения РАН, Института археологии РАН, Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований Правительства КЧР, Карачаево-Черкесского государственного университета, Кабардино-Балкарского государственного университета, Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, Института по изучению России Хейлунцзякского университета, Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО – Алания, Юго-Осетинского НИИ им. З. Н. Ванеева, Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Южного научного центра РАН.

Подготовка и непосредственная работа международного форума проходила при повышенном внимании со стороны руководства Республики Абхазия, что нашло свое выражение, в частности, в финансовой и другой поддержке.

Открыл конференцию Президент АН Абхазии, академик АНА и АМАН, д. филол.н., профессор Арстаа Шота Константинович. С приветственным словом выступил Президент Республики Абхазия Багапш Сергей Васильевич, который выразил благодарность гостям форума, прибывшими в Абхазию.

Работали четыре секции: «Этнополитические конфликты и проблемы непризнанных государств»; «Проблемы социоестественной истории»; «Взаимодействие и взаимовлияние культур: проблемы истории»; «Взаимодействие и взаимовлияние культур: проблемы филологии». Был организован «круглый стол», посвященный актуальным проблемам глобализации – «Транспорт в развитии и взаимодействии евроазиатских цивилизаций». На пленарном и секционных заседаниях было заслушано более 80 докладов, большинство из которых, представляли немалый интерес для участников и нередко вызывали оживленные дискуссии.

На пленарном заседании было выслушано несколько докладов, в том числе директора Института востоковедения РАН, почетного академика АН Абхазии, д.и.н., профессора Рыбакова Ростислава Борисовича (Москва) – «Отечественное востоковедение между вчера и завтра», министра иностранных дел РА, д.и.н., профессора Шамба Сергея Мироновича (Сухум)–«Внешняя политика Абхазии на

пути к независимости», ученого секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, к.и.н. Петрова Андрея Евгеньевича (Москва) – «История и общество: восприятие прошлого между освоением и пониманием», главного ученого секретаря Президиума АНА, академика АНА и АМАН, д.филол.н., профессора Салакая Шоты Хичовича (Сухум) – «Наука в Абхазии: история и современность», научного сотрудника Института по изучению России Хэйлунцзякского университета Ли Ялун (КНР, г. Харбин) – «Кавказ в геополитике России».

Р. Б. Рыбаков поделился своими впечатлениями о роли данного форума. В своем выступлении ученый сформулировал ряд задач, которые по его мнению стоят перед современной наукой о Востоке, призванной помочь решению острейших проблем глобального масштаба.

В докладе С. М Шамба. были рассмотрены и проанализированы этапы внешней политики Абхазии.

В докладе Ш. Х. Салакая подробно исследована история науки в Абхазии и ее развитие сегодня.

Выступление Ли Ялуна вызвало интерес у слушателей и дискуссию по заданной проблеме.

На секцию «Этнополитические конфликты и проблемы непризнанных государств» (руководители: И. Д. Звягельская, Ю. С. Гаглойти, Д. В. Мосяков, Р.А. Хонелия) были вынесены 20 докладов. Значительное внимание участников форума привлекли проблемы, связанные с этнополитическими конфликтами, в частности, научный доклад зав. сектором международных вопросов Центра арабских исследований ИВ РАН, д.и.н., профессора И.Д. Звягельской (Москва) – «Особенности современных этнополитических конфликтов (на примере Кавказа)».

В докладе зав. сектором Афганистана отдела БСВ ИВ РАН, д.э.н., профессора В.Г. Коргун (Москва) – «Пути решения этнополитических проблем в Афганистане в контексте глобальной безопасности» рассмотрена этно-национальная ситуация в Афганистане. Сохраняющиеся этнические противоречия в афганском обществе тормозят процесс сбалансированного развития страны и отделяют перспективу окончательной стабилизации ситуации в урегулировании афганского кризиса в целом. Автор подчеркивает, что только национальное единство явится залогом достижения мира и обеспечения безопасности в Афганистане и регионе.

В докладе зав. сектором социо-антропологических исследований отдела стран СНГ ИВ РАН, к.и.н. А. Р. Вяткина (Москва) – «Северный Кавказ и Крым: тактика национальных движений в геостратегическом контексте» показано, как непосредственно с Османской империей связана судьба сотен тысяч крымских татар и северокавказских народов (адыгов, абхазов, чеченцев, карачаевцев, осетин и др.), как российская администрация и пришлые землевладельцы немало преуспели в притеснении коренного населения на Кавказе и в Крыму.

Доклад, представленный н.с. отдела истории АбИГИ А.Ф. Авидзба (Сухум) – «Этнополитический аспект права абхазского народа на самоопределение и глобальные вызовы современности» вызвал интерес у участников форума. Автор утверждает, что наличие суверенного абхазского государства есть настоятельная и неотвратимая необходимость. Следовательно, вопрос строительства и укрепления именно Абхазского государства является общенациональной идеей всех граждан Республики Абхазия.

В докладе директора Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО – Алания, д.и.н., профессора З. В. Кануковой (Владикавказ) – «Глобализация и тради-

ционная культура» сказано о том, что современная глобализация сталкивается с традиционными культурами, многократно подвергнутыми модернизационным процессам, но сохранившими свои защитные и адаптационные механизмы.

А. Л. Островский (Москва), к.ю.н., ИВ РАН в своем докладе – «Условное осуждение в эпоху глобализации» полагает, что правовые системы различных стран должны взаимодействовать и стремиться к выработке универсальных норм, регулирующих взаимоотношения между государствами, а также распространяющих свое действие на отдельные положения внутреннего законодательства.

На секцию «Проблемы социоестественной истории» (руководители: А. И. Кобзев, Э. С. Кульпин, В. И Маландзия, Р. А. Ханаху) были вынесены 15 докладов.

В докладе Э. С. Кульпина – Губайдулина (Москва), г.н.с. отдела истории стран Востока ИВ РАН, д.филос.н. – «Социоестественная история – как новое научное направление» исследуются взаимосвязи, взаимозависимости, взаимовлияния процессов, явлений и событий в жизни общества и природы как в прошлом, так и в настоящем, чтобы предвидеть развитие тех или иных процессов в будущем, а также возникновение новых процессов.

В совместном докладе Р.С. Дбар, начальника государственной экологической службы РА, к.б.н., доцента АГУ, В. И. Маландзия, проректора по учебной части АГУ, к.б.н., доцента, Я. А. Экба, зав. кафедрой прикладной экологии АГУ, д.ф.-м.н., профессора (Сухум) – «Глобальные изменения климата и региональные экологические проблемы Абхазии» прозвучало мнение, что время в котором абхазскому обществу приходится создавать природоохранные органы и осуществлять экологическую политику, трудно назвать благоприятным, число нерешенных проблем многократно превосходит число решенных, но именно в такие времена общество формирует основные свои черты, которые затем становятся характерными для него на протяжении столетий. При всей сложности условий развития страны, уникальная природа Абхазии остается в числе самых главных ценностей нашего общества.

В докладе Ю. М. Ботякова, с. н. с. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, к.и.н. (Санкт-Петербург) – «Персонажи традиционного сельского сообщества: пастух, охотник» речь идет, главным образом о сельском сообществе адыго-абхазского мира. При этом основной интерес представляет система взаимодействия, сложившаяся между ядром общины и представителями ее топографической периферии. В данном случае в этой роли выступают чабан и охотник.

На секции «Взаимодействие и взаимовлияние культур: проблемы истории «(руководители: Ю. Г. Аргун, А. А. Кадырбаев, А. Э. Куправа) было прослушано 12 докладов.

Концепция А. Э. Куправа, г.н.с. отдела истории АбИГИ, д.и.н., профессора (Сухум) в докладе – «Влияние русского языка на антропонимию абхазов (XIX – XX в.в.)» вызвала живой интерес у участников конференции. Исследуя проблему, автор приходит к выводу, что в связи с необратимостью характеризующих ныне языковых процессов, необходимо привести точную параллельную запись абхазских личных и фамильных имен на родном и русском языках, ускорить исследование этимологии абхазских фамильных имен.

Значительное внимание участников конференции привлекли проблемы, связанные с взаимоотношениями Российского государства с кавказскими народами. В частности, в докладе А. А. Кадырбаева, в.н.с. отдела истории стран Вос-

тока ИВ РАН, д.и.н., профессора (Москва) «Российское казачество в свете истории взаимоотношений Российского государства с кавказскими народами», опираясь на дошедшие до нашего времени исторические и этнографические свидетельства, сделана попытка реконструировать другую версию, которая по мнению автора, позволяет составить представление о казачестве, как о сложившемся в ходе смешения разных народов, прежде всего славянских, степных и кавказских.

И. И. Цвинария, зав. отделом археологии АбИГИ, к.и.н., (Сухум) в докладе – «Культура палеометалла Абхазии в контексте окружающего мира» развивает тезис об этнической принадлежности носителей культуры энеолита и ранней бронзы Западного Кавказа древнейшим предкам абхазов и адыгов.

В докладе д.и.н. М. М. Хашба (Сухум) – «Народная музыка абхазов: жанры, стилистика, кросс-культурные параллели» показаны интонационные, ладовые, гармонические особенности абхазских народных песен, а также раскрыты черты общности музыкальных культур абхазов, адыгов, и осетин, объясняемыми в отдельных случаях общими корнями музыкальных культур или результатом этнокультурных контактов.

Э. М. Чкок-Эшба, ученый секретарь АбИГИ (Сухум) в докладе «Общественно – политическая деятельность православного Ново-Афонского монастыря» проанализировала совокупность внутренних и внешних факторов, обусловивших возникновение одного из крупнейших религиозных центров бывшей Российской империи. Автор раскрыла заметную роль монастыря не только в общественно-политической, но и экономической и культурной жизни Кавказа.

В докладе К. М. Гожева, ведущего специалиста КЧИ ГИ, д.филол.н. (Черкеск) – «Антропологический смысл модернизации образования и образовательная стратегия региона» автор приходит к выводу, что модернизация образования невозможна без долговременной системы конструктивных отношений сотрудничества ведущих культурно-педагогических институций страны, дружественных, близлежащих республик (Абхазия, Южная Осетия) и региональных организаций образования. Согласование социально-образовательных интересов регионов и Центра представляет сегодня кардинальную проблему развития Российской Федерации.

На секции «Взаимодействие и взаимовлияние культур: проблемы филологии» (руководители: А. М. Абдурахманов, З. Д. Джапуа, А. М. Казиева, С. У. Пазов) были вынесены 33 доклада. Обсуждались: проблемы теории и методологии лингвистики, фольклора и литературы.

В докладе З. Х. Бижевой, д.филол.н., профессора КБГУ, член.-корр. АМАН (Нальчик) – «Лингвоконцепты, как репрезанты этнической картины мира» утверждается, что адыгское концептуальное пространство многоаспектное, как и любая другая концептосфера, в настоящий момент исследуется в основном в когнитивном аспекте. Речь идет об анализе лексических, языковых значений, представляющих собой особый тип знания – знания о словах и их ментальных репрезентациях.

М.М. Султыгова, помошник председателя правительства Республики Ингушетия, к.филол.н. (Магас) в докладе – «Соотношение исконного и заимствованного пластов лексики в сельскохозяйственной терминологии ингушского языка» отмечает, что определенная часть заимствований, претерпев значительные фонетические изменения, вошла в устойчивый слой ингушской лексики.

В докладе «Глобализация и проблема сохранения миноритарных языков Северного Кавказа» Л. Б. Гацаловой (Владикавказ) д.филол. н., речь идет о проекте создания электронного корпуса текстов осетинской литературы и фолькло-

ра, об электронной версии научного архива СОИГИСИ. Осуществление проекта предполагается в 2007 г.

Объектом исследования Е. Б. Бесоловой, д. филол.н. (Владикавказ) в докладе – «Особенности текста обряда посвящения коня покойнику» является обрядовый текст с позиции его содержания и художественного использования средств языка.

Д. В. Сокаева, к. филол.н. (Владикавказ) в докладе – «К вопросу о соотношении обряда и фольклорного текста» полагает, что сходство структур в осетинском и русском фольклоре не исключая генетический фактор встречается и в фольклоре народов других мифологических концепций.

В докладе И.В. Мамиевой, к.филол.н. (Владикавказ) – «Архетип «дороги» в современной осетинской повести» проанализирован архетепический мотив в художественной системе осетинской повести. Автор анализирует, архетип «дороги», в соединении с рядом других «первообразов», работающих на его усиление, многомерно и художественно значимо реализуется в структуре произведений, как ведущий системный фактор.

Естественно, трудно описать все, что вместили в себя три дня работы конференции. Необходимо только добавить, что гостям были предложены и культурные мероприятия.

Международная конференция содействовала более глубокому пониманию многих теоретических и практических проблем глобализации в мире, и на Кавказе в частности. В месте с тем, в ходе обсуждения возникли новые вопросы, требующие дальнейших исследований.

Бебия С.М., Гуланян Т.А.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОХРАНЕНИЕ БИОРАЗНООБРАЗИЯ РАСТЕНИЙ В ПРИРОДЕ И ПРИ ИНТРОДУКЦИИ», ПОСВЯЩЕННАЯ 165-ЛЕТИЮ СУХУМСКОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА И 110-ЛЕТИЮ СУХУМСКОГО СУБТРОПИЧЕСКОГО ДЕНДРОПАРКА

С 15 по 20 октября 2006 года в г. Сухум в Институте ботаники Академии наук Абхазии состоялась Международная научная конференция «Сохранение биоразнообразия растений в природе и при интродукции», посвященная 165-летию Сухумского ботанического сада и 110-летию Сухумского субтропического дендропарка. Конференция организована Институтом ботаники Академии наук Абхазии (АНА) при поддержке Советов ботанических садов России, Украины, Ассоциации ботанических садов Беларуси, Международного совета ботанических садов по охране растений (BGCI), Российским отделением BGCI.

Оргкомитетом конференции были разосланы два Информационных письма в адрес более 360 ботанических садов, дендрариев, опытных станций и других ботанических учреждений России, стран бывшего СССР, а также Германии, Польши, Венгрии, Англии, Ирландии, США, Словакии, Испании. Желание участвовать в работе конференции изъявили более 130 ученых и специалистов. Принять участие в ее работе смогли более 90 участников из 35 ботанических учреждений различных городов и регионов России, Украины, других стран СНГ, Венгрии, Абхазии.

Работа конференции проходила в актовом зале Военного санатория МВО «Сухум».

16 октября состоялось открытие конференции, на котором присутствовали представители руководящих органов Республики, общественности, работники аппарата и ученые институтов АНА, а также гости конференции.

Конференцию открыл Председатель Оргкомитета Президент АНА, академик АНА Ш.К. Аристава. В своем вступительном слове Ш.К. Аристава отметил значимость проводимого мероприятия, проблемы сохранения биологического разнообразия растений в мире для развития науки Абхазии и государства в целом, сердечно приветствовал гостей и участников конференции.

С приветственным словом выступил Президент Республики Абхазия С.В. Багапш. Он поздравил Институт ботаники со славными юбилеями 165-летием Сухумского ботанического сада и 110-летием Сухумского субтропического дендропарка. Отметил, что, несмотря на все еще существующие сложности жизни и работы в послевоенной Абхазии, Институт ботаники и его коллектив с честью несет знамя ботанической науки, достойно трудится, поддерживая и расширяя свои коллекции, изучая как живую, так и ископаемую флору края. Пожелал коллективу Института ботаники дальнейших научных успехов, а участникам конференции плодотворной работы.

Затем слово было представлено Председателю Совета ботанических садов России, директору Главного ботанического сада им. Н.В.Цицина РАН, д.б.н. А.С.

Демидову. Он отметил, что между Сухумским ботаническим садом и ГБС РАН существовали устойчивые многолетние связи, прерванные во время грузино-абхазской войны, и выразил удовлетворение, что они вновь восстанавливаются. А.С. Демидов поблагодарил Институт ботаники АНА за инициативу проведения такой широкомасштабной конференции в Абхазии, а руководящие органы республики за поддержку, позволившую этому событию успешно состояться.

Приветствие ученого из Венгрии Имре Ретезара, помимо поздравления коллективу Института ботаники, содержало несказанную радость, что вновь можно оказаться на благословенной земле Абхазии, встретить старых друзей и продолжить исследования, прерванные по причине войны 1992-93 годов на длительный период.

В докладе директора ИБ АНА д.б.н. , профессора С.М. Бебия «Сухумский ботанический сад Института ботаники Академии наук Абхазии – центр сохранения биоразнообразия растений на Кавказе» была поэтапно раскрыта история появления, становления Сада, особенности решения фундаментальных научных проблем, стоявших перед этим, одним из старейших ботанических садов Европы – Сухумским ботаническим садом, ныне Институтом ботаники АНА , в разное время, а также практические результаты всех этих работ. Основными направлениями в ранний период существования Сада были изучение местной флоры, интродукция и акклиматизация иноземной. Со временем специалисты Сада стали работать и в области палеоботаники, селекции растений, лесоведения, охраны природы.

В докладе отражены самые выдающиеся достижения многих известных ученых этого Института, отмечены наиболее значимые труды, написанные ими в разное время, такие как работы А.А. Колаковского, А.В. Васильева, Т.Н. Турчинской, Г.Г. Айба. Приведена информация и о научных достижениях, трудах, изданных после грузино-абхазской войны (начиная с 1994г.). Это работы З.И. Адзинба, С.М. Читанава и монография С.М. Бебия « Пихтовые леса Кавказа», удостоенная в 2005г. Государственной премии Абхазии по науке имени акад. Г.А. Дзидзария.

Отмечено, что Сад всегда активно контактировал более, чем со 150 ботаническими учреждениями мира, и благо, что эти контакты опять начинают налаживаться. Это поможет восстановить работы по всем традиционным научным направлениям. Заключаются Договора о сотрудничестве с профильными научными учреждениями ближнего и дальнего зарубежья. Отмечается участие ученых Института в комплексных, в том числе международных, экспедициях и др. Учреждение постепенно встает на ноги, крепнет, расширяется. Есть надежда, что его статус хранителя, продолжателя бесценного научного наследия многих поколений ботаников, создаваемого для пользы народного хозяйства края, сохранения уникальной природы Абхазии, для нынешних и будущих поколений, будет крепнуть.

Содоклад «Сухумский субтропический дендропарк: 110 лет истории периодов расцвета и упадка уникальной коллекции растений» был представлен зам. директора ИБ АНА по научной работе к.б.н. Т.А. Гуланян. Он посвящен наиболее ярким периодам истории Дендропарка, когда коллекции его растений создавались, расширялись, активно изучались. Первый период (1894-1914гг.) связан с именем основателя парка Н.Н. Смецкого, который на личные средства приобрел уникальную по микроусловиям территорию в 40 десятин в восточной части г. Сухум, закупал растения в частных питомниках Французской и Итальянской Ривьеры и создавал коллекционный сад.

Уже во времена Н.Н. Смецкого Дендропарк считался редкостным по видовому и формовому составу субтропических растений, число таксонов которых достигало 250. В силу разных обстоятельств, после передачи Н.Н. Смецким в 1916 г. в дар государству своего парка, последний в 1922-1925 гг. находился в ведении Сухумского ботанического сада.

Второй период (1925-1940 гг.) расцвета парка и его коллекций произошел, когда парк был передан Интродукционному питомнику ВИРа. Тогда, при активном участии акад. Н.Н. Вавилова, из разных стран мира сотрудниками ВИРа привозились уникальные растения, которые после акклиматизации размножались и распространялись по всему Черноморскому побережью Кавказа (ЧПК).

В те годы, перед Великой Отечественной войной, коллекция Дендропарка достигла своего максимума 900 таксонов. В это время Дендропарк был возвращен Ботаническому саду, который, однако, вскоре волевым решением Правительства был выселен из парка на свою городскую территорию, а в Дендропарке обосновался д\о – «Сухум» МГБ СССР. При этом были потеряны многие документы по истории развития коллекции.

Вернуться вновь в этот уникальный парк Сухумский ботанический сад смог лишь в 1980 г. За период с 1980 по 1992 гг. была проведена инвентаризация 90% насаждений (около 50 га). Было выявлено, что в Дендропарке к 1992 г. произрастали растения около 750 таксонов, преобладающее большинство которых выходцы из Ю-В. Азии; 110 таксонов являлись уникальными по габитусу, встречаемости, возрасту. Многие из них давали самосев, что открывало возможность их семенного размножения. Наряду с этим проводились опыты по вегетативному размножению трудноукореняемых таксонов.

За период 1992-93 гг. Дендропарк вновь пережил бедственное время, он, как и в период революционных преобразований, долгое время оставался без научного и агротехнического обслуживания. Вновь началась гибель растений по многим причинам, в частности, по причине минирования значительной части территории.

Нормальную работу дендрологов в Дендропарке удалось наладить лишь в 2003г. Проводится разминирование его верхней части, уже обезврежено более 500 мин. Начата тотальная очистка территории от сорняков и самосевов, доведение насаждений до состояния текущего ухода, начата новая инвентаризация, учет уникумов, произведено пополнение коллекции растений новыми видами.

Докладчица выразила надежду, что все еще сложная ситуация с этим парком улучшится, и он, наконец, будет выполнять свою роль хранителя ценнейшего генофонда биоразнообразия дендрофлоры, эстетическую, коллекционную, научно- просветительскую, роль держателя маточников для пополнения ценными таксонами зеленого наряда ЧПК, в частности Абхазии, еще долгие годы.

После перерыва участникам конференции была дана информация, что в ее адрес поступили многочисленные поздравления из ближнего и дальнего зарубежья. В том числе получены поздравления от Генерального секретаря Международного Совета ботанических садов по охране растений (BGCI) Сары Олдфилд, председателя Российского отделения BGCI И.А. Смирнова, Председателя СБС Украины чл. корр. НАНУ д.б.н. Т.М. Черевченко, Председателя Ассоциации бот. садов Беларуси, директора Центрального ботанического сада НАНБ акад. В.Н. Решетникова, директора ЦСБС СО РАН д.б.н. , проф. В.П. Сидельникова, директора Ботанического сада - Института Уфимского научного центра РАН д.б.н. З.Х. Шигапова, директора Ботанического сада Института экологии и ботаники

Венгерской Академии наук др. Кошы Геза, проф. Петера Равена, директора Миссурского ботанического сада (США) и др.

На открытии Юбилейной конференции с приветственным словом выступили представители 25 учреждений, приславших для участия в ней свои делегации (Ярмишко В.Т. – БИН РАН, С. -Петербург, Гапоненко Н.Б. – Нац. бот. сад НАНУ, Киев, Смирнов Ю.С. – Бот. сад БИН РАН , С. – Петербург , Алехин А.А.- Бот. сад Харьковского Нац. университета, Карпун Ю.Н. – Субтропический бот. сад Кубани, Сочи, Придня М.В.- НИИГОРЛЕСЭКОЛ, Сочи, Омаров М.Д. – ВНИИЦ и СК , Сочи, Мороз Е.К. –Нац. дендропарк «Софиева», Умань, Куликов Ю.А.- Бот. сад Казанского Гос. Университета, Широков А.И. – Бот. сад Нижегородского Гос. Университета, Маландзия В.И. –АГУ, Сухум , Бобров А.В.- МГУ, Москва, Шумихин С.А. – Бот. сад Пермского Гос. Университета, Баранова О.Г. – Удмуртский Гос. Университет, Ижевск, другие гости и коллеги, в том числе ученые Абхазии). Приветствуя участников, гостей, юбиляров, выступавшие отмечали большие заслуги многих поколений ботаников – флористов, интродукторов, цветоводов и др., работавших в Сухумском ботаническом саду и Сухумском субтропическом дендропарке на протяжении длительного времени их существования, создавших славу этих парков, их огромные коллекции, подробнейше изучавших и местную флору. Был отмечен и вклад в науку работ ученых современного поколения, хранящих и продолжающих традиции, заложенные их предшественниками.

Институту ботаники были переданы в дар семена и саженцы более 50 таксонов древесно-кустарниковых и цветочных культур, а также свыше 100 томов книг новейших изданий родственных учреждений.

Дальнейшая работа конференции проходила по 5 направлениям: 1) флора, растительность, ботаническая география; 2) морфогенез, биология, экология, жизненный статус редких и исчезающих видов растений и растительных комплексов; 3) интродукция и сохранение биоразнообразия растений; 4) биоразнообразие растений и социальная экология; 5) проблемы изучения, охраны, мониторинга, восстановления, рационального использования биоразнообразия растений и растительных комплексов.

В докладах отразилась информация о деятельности ботанических садов России по сохранению биоразнообразия растений в природе и при интродукции (Демидов А.С., Потапова С.А.- ГБС РАН, Ярмишко В.Т. – БИН РАН), теоретические и прикладные аспекты интродукции редких и исчезающих растений флоры Украины (Гапоненко Н.Б. – Нац. бот. сад НАНУ), эколого-географический анализ кальцефильных эндемов Колхиды (Адзинба З.И. – ИБ АНА, Сухум), описание адвентивной дендрофлоры пригородных лесов Сочи (Карпун Ю.Н. – Субтропический бот. сад Кубани), анализ флоры Колхиды (Читанава С.М. – ИБ АНА, Сухум), разнообразие дендрофлоры и типов леса Приморья (Петропавловский Б.С. – Бот. сад-институт ДВО РАН, Владивосток), редкие виды Сахалина и Курильских островов в коллекциях Сахалинского бот. сада (Чабаненко С.И. – Сахалинский бот. сад ДВО РАН, Южно-Сахалинск).

Обращено внимание на интродукцию и состояние отдельных групп растений в различных природно-климатических условиях и ботанических садах (Алексеева Н.Б.- БИН РАН; Виноградова Ю.К. ГБС РАН; Михеев А.Л. - Эколого-ботаническая станция БИН РАН, Пятигорск; Паутова И.А.- БИН РАН).

Восстановлению и обогащению биоразнообразия нарушенных растительных комплексов долины р. Лена посвящен доклад О.В. Нездийминога (Институт Сев. луговодства АН РС, Якутск). Большой интерес и обсуждение вызвали док-

лады Л.Я. Айба (НИИСХ АНА, Сухум) о производстве киви в Абхазии, доклад С.М. Читанава (ИБ АНА, Сухум) по этноботанике абхазов, прозвучавший на абхазском языке, а также богато иллюстрированный доклад ученого из Венгрии Имре Ретезара « Реликтовые растения как среда обитания эндемичных жуков Абхазии».

Всего было заслушано около 30 докладов.

Большой научный, во многих случаях и практический, интерес вызвали материалы стендовых докладов. В них были освещены различные аспекты изучения растений, в том числе анатомии, онтогенеза, генетического разнообразия отдельных видов и др. В докладе А.В. Самохина, Р.В. Дудкина (ТИБОХ ДВО РАН, Владивосток), посвященном интродукции видов рода ***Cypripedium,*** продемонстрировано, что пересадку легче переносят коротко- корневищные виды башмачков. И.Г.Гавриленко, Д.Д.Басаргиным (ТИБОХ ДВО РАН , Владивосток) в результате изучения особенностей прорастания семян 7 видов дальневосточных лютиковых выявлены оптимальные условия прорастания для каждого вида.

Обстоятельная информация о влиянии антропогенного воздействия на состояние популяций ранневесенних кавказских видов растений представлена коллективом авторов (Н.В.Куксина и др.) из МГУ им. М.В.Ломоносова. Длительное изучение ряда видов, особенностей воздействия на их популяции обрыва цветков в весеннее время привело авторов к выводу, что оно мало влияет на структуру и состояние этих популяций. Основной причиной сокращения численности популяции, по мнению исследователей, следует считать нарушение мест обитания, в частности, почвенного покрова.

В стендовых докладах представлена также информация о результатах выявления болезней тропических и субтропических культур (Карпун Н.Н.- СГУТ и КД, Сочи), генетической структуре и дифференциации популяции сосны обыкновенной на Кавказе и в Крыму (Петрова И.В. и др.- Бот.сад УрО РАН, Екатеринбург).

Богато иллюстрированный доклад фитодизайнера Романова С.С.(Ростовский дворец творчества детей и молодежи) отражает анализ опытов выращивания тропических и субтропических растений в условиях низких температур, позволивших выявить виды, наиболее устойчивые к низким положительным температурам.

Сотрудники Главного ботанического сада им. Н.В.Цицина и Ботанического сада Нижегородского университета (Широков А.И. с соавторами) подготовили интересный доклад об особенностях сбора и хранения семян орхидных в свете обмена семенным материалом между ботаническими учреждениями. Представлены обоснованные научные рекомендации по сбору, хранению, пересылке семян, включающие информацию об оптимальных условиях для хранения и транспортировки.

За 5 дней конференции для участников и гостей Оргкомитетом были организованы и на высоком профессиональном уровне проведены 4 ботанические экскурсии.

Во время экскурсий по Ботаническому саду и Дендропарку, которые провели директор ИБ АНА д.б.н.,проф. С.М.Бебия и зам.директора по науке к.б.н. Т.А.Гуланян, гости ознакомились с богатыми уникальными коллекциями древесно-кустарниковых растений, особенностями и возможностями их акклиматизации, перспективами расширения, внедрения в народное хозяйство, проблемами охраны и поддержания уникального биоразнообразия растений в культуре и другими вопросами.

Состоявшиеся на 4 и 5 день конференции экскурсии в Рицинский национальный парк (РРНП) и сосновую рощу Пицунда-Мюссерского заповедника, проведенные зав. отделом флоры и растительности ИБ АНА к.б.н. Адзинба З.И. и Бебия С.М. позволили гостям ознакомиться с элементами флоры Абхазии, особенно эндемами, реликтами, услышать о работах по функциональному районированию территории РРНП, проблемах охраны как отдельных уникальных видов, так и ценных сообществ природных насаждений сосны, пихты, ели, бука, каштана и других растений, подвергающихся ныне интенсивным рубкам, приводящим к серьезным экологическим нарушениям.

Особо было подчеркнуто исключительно важное значение горных лесов Абхазии не только для сохранения уникального биологического разнообразия флоры и фауны, но их огромная, решающая роль в сохранении благоприятной окружающей среды для проживания человека, для развития экономики и процветания страны. Мнения ученых участников конференции были едины в необходимости скорейшего прекращения промышленных рубок в лесах Абхазии, как это было принято решением Правительства СССР еще в 1979 году.

На Пицунде состоялось официальное закрытие конференции, на котором была принята Резолюция, отмечены большая значимость юбилейных событий, проведенных по случаю их мероприятий, услышанной информации, возможностей общения, обмена мнениями, необходимыми для развития исследований, укрепления научных связей и творческого сотрудничества между учеными специалистами ботанических садов, дендрариев и других ботанических учреждений в области сохранения биоразнообразия растений в природе и при интродукции.

В принятой Резолюции участники научной конференции выразили обеспокоенность нынешним состоянием охраны биологического разнообразия растений и целых растительных комплексов в природных условиях, считая принимаемые меры по охране недостаточными.

В Резолюции подчеркнута необходимость обратиться к правительствам и ученым ботанических учреждений стран мира путем скоординированного сотрудничества на различных уровнях поддержать глобальные усилия в снижении опасности, которая угрожает растительному миру и одновременно человеческому обществу, добиваться приостановления деградации природной среды, уничтожения растительных ресурсов планеты и, прежде всего, лесных, особенно в горных регионах, в которых, главным образом, сосредоточено наибольшее разнообразие растений.

Одним из положительных фактов, особо отмеченных участниками конференции, было издание к ее началу Сборника тезисов докладов, включающего 251 статью.

В ходе конференции был заключен Договор о сотрудничестве между Институтом ботаники АНА и Ботаническим институтом им. В.Л. Комарова РАН в рамках Соглашения о научно-техническом сотрудничестве между РАН и АНА, подписанным 11 ноября 2005 года

Резолюция
Участников Международной научной конференции «Сохранение биоразнообразия растений в природе и при интродукции », посвященной 165-летию Сухумского ботанического сада и 110 - летию Сухумского субтропического дендропарка

Международная научная конференция « Сохранение биоразнообразия растений в природе и при интродукции» состоялась 16-20 октября 2006 г. в г. Сухум, Абхазия на базе Института ботаники Академии наук Абхазии (Сухумский ботанический сад). В работе конференции приняли участие 94 ученых – ботаников, представителей 35 ботанических садов, дендрариев и других ботанических учреждений различных городов и регионов России, Украины, стран СНГ, Венгрии, Абхазии.

Участники конференции отметили высокий уровень организации конференции, которая прошла при поддержке Президента и Правительства Республики Абхазия, Советов ботанических садов России, Украины, Ассоциаций ботанических садов Беларуси, Международного совета ботанических садов по охране растений (BGCI) и Российского отделения BGCI.

Учитывая задачи, поставленные Международной стратегией по сохранению биологического разнообразия, которые предполагают сохранение растений, прежде всего в природе, а также в условиях ботанических садов и дендрариев, **конференция постановляет:**

1. Приступить к созданию «Красной книги Абхазии», предусматривающей инвентаризацию редких и исчезающих видов флоры Абхазии путем организации экспедиций, сбора гербарного материала, семян, черенков и живых растений редких видов, а также обработку и анализ собранного материала, которые завершатся публикацией 1-го издания «Красной книги Абхазии».

2. Направить усилия на исследования и сохранение коллекционного фонда Сухумского Ботанического сада и Сухумского субтропического дендропарка, являющихся бесценным национальным достоянием Абхазии и представляющих ценность мировой значимости. В связи с этим расширить работы по инвентаризации таксономического состава имеющихся в них растений, созданию баз данных по этим фондам с использованием апробированных стандартных программ. Продолжить пополнение коллекций новыми таксонами мировой флоры.

3. Рекомендовать восстановить в Абхазии деятельность старых интродукционных пунктов (парки Синопский, Агудзерский, ВИР-овский, ИЭПИТ-а); Ходатайствовать перед Руководством Абхазии о создании специального фонда для их восстановления и развития. Просить Президиум Российской Академии Наук (РАН), в рамках Договора о сотрудничестве между РАН и Академией наук Абхазии, подписанного 11 ноября 2005 года (статьи 1-11), об оказании поддержки в создании такого фонда.

4. Обратиться к Руководящим органам Абхазии с просьбой об усилении природоохранной деятельности в Республике и соблюдении охранного режима на территориях заповедников, национального парка, а также особо охраняемых объектов.

5. В свете новых концепций Международной стратегии по сохранению биологического разнообразия растений в природных условиях необходимо со-

хранение условий среды их естественного обитания. Участники Международной научной конференции считают необходимым обратиться к правительствам и ученым ботанических садов стран мира, путем скоординированного сотрудничества на различных уровнях, поддержать глобальные усилия в снижении опасности, которая угрожает растительному миру и одновременно человеческому обществу, добиваться приостановления деградации природной среды, уничтожения растительных ресурсов планеты и, прежде всего, лесных, особенно в горных регионах.

Конференция выражает особую благодарность Президенту РА С. В. Багапшу, Правительству РА и лично Сопредседателю Оргкомитета конференции Вице-премьеру РА Л. И. Лакербая, Председателю Совета ботанических садов России д.б.н. А.С.Демидову.

Оргкомитет конференции

Бебия С. М.

2-ая МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВОСТОЧНЫХ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ БОТАНИЧЕСКИХ САДОВ – «EastCentGard II» «ЕВРОПЕЙСКИМ БОТАНИЧЕСКИМ САДАМ СОВМЕСТНО ОСУЩЕСТВЛЯТЬ СТРАТЕГИЮ ОХРАНЫ РАСТЕНИЙ»

3 – 7 июля 2007 года в Польше в Варшаве – Рогове состоялась 2-я Международная научная конференция «Европейским ботаническим садам совместно осуществлять стратегию охраны растений», посвященная 20-летию Международного совета ботанических садов по охране растений (МСБСОР - BGCI). В работе конференции приняло участие около 120 представителей более чем 60 ботанических садов, дендрариев и других ботанических учреждений из 24 стран Европы, в том числе из Польши, России, Абхазии, Украины, Литвы, Эстонии, Латвии, Франции, Швейцарии, Испании, Голландии, Великобритании, Словении, Венгрии, Германии, Чехии, Болгарии.

Международная конференция проходила под эгидой Польской академии наук, Ботанического сада ПАН, Варшавского университета науки жизни, Департамента лесной ботаники с Роговским арборетумом, Польского ботанического общества и Международного совета ботанических садов по охране растений (BGCI).

Работа конференции проходила на базе Роговской лесной опытной станции Варшавского сельскохозяйственного университета.

Конференцию открыл директор Ботанического сада Польской академии наук профессор Иржи Пухальский. В своем вступительном слове он подчеркнул важность и актуальность в глобальном масштабе обсуждаемой на конференции проблемы, огласил программу и порядок работы и пожелал всем участникам успешной работы конференции. Было оглашено также поздравление в адрес конференции от Президента Польской академии наук профессора Михаила Клехера, от Генерального секретаря МСБСОР д-ра Сары Олдфилд. Много теплых слов и пожеланий продолжали звучать на дружеском ужине участников конференции в конце первого дня и в заключительный день работы конференции.

Затем с краткой информацией о деятельности Варшавского университета жизни и науки в области образования по охране биологического разнообразия растений выступил ректор этого университета профессор Томаш Борецкий. Последующие выступления полностью были посвящены научным докладам и сообщениям.

Работа конференции проходила по 5 основным тематическим направлениям - сессиям (Session):

1 Ботанические сады в 21- м веке;

2. Наука и активизация охраны в ботанических садах;

3. Сохранение биоразнообразия – результаты и достижения;

4. Садовые и медицинские растения;

5. Ботанические сады – история, будущее и активизация образования.

В первый день работы конференции 4-го июля были заслушаны доклады по двум сессиям. С большим интересом слушали доклады Сузанны Шаррок (МСБСОР, Ричмонд, Великобритания) – «BGCI – 20 лет сотрудничества по охране растений для благо человека и планеты»; Антонии Агуилелла (Ботанический сад Университета Ва-

ленсия, Испания) – «Модель международной сети обмена растений в ботанических садах»; Татьяны Черевченко (НБС НАНУ, Киев, Украина) – «Нынешняя ситуация и перспективы развития ботанических садов на Украине». В этом докладе, в частности, была затронута острейшая проблема целостности территорий ботанических садов Украины. Эта проблема оказалась болезненной и для ряда других ботанических садов Европы, в том числе, для ботанического сада Института ботаники АНА. Проблема вызвала оживленную дискуссию и нашла отражение в итоговом документе конференции.

Заслуживали большого внимания и другие доклады: Иржи Пухальский (Варшавский ботанический сад ПАН, Польша) – «Сеть ботанических садов Польши и их деятельность»; Хейки Тамм (Ботанический сад Тартуского университета, Тарту, Эстония) – «Положение и сотрудничество в охране растений в ботанических садах Эстонии»; Джонс Мюллер (Королевский ботанический сад, Кью, Великобритания) – «Глобальная сеть охраны семян – проект тысячелетия банка семян»; Майте Делмас (Национальный музей истории природы, Париж, Франция) – «Выполнение GSPC Национальным музеем истории природы Франции»; Джозе Бавкон (Ботанический сад Люблянского университета, Любляна, Словения) - «Охрана в Ботаническом саду Люблянского университета»; Ольга Васильева (Центральный сибирский ботанический сад СО РАН, Новосибирск, Россия) – «Методы изучения биоразнообразия и орнаментальных деревьев в Западной Сибири»; Ева Кристкова и др. (Ботанический сад, Оломоуц, Чешская республика) – «Морфологическая оценка дикой *Lactuca spp*. germplasm для ее таксономического уточнения»; Виктор Кузеванов (Ботанический сад Иркутского университета, Иркутск, Россия) – «Материальные и нематериальные ресурсы ботанических садов связанные с биоразнообразием, и благополучие человека». Последний доклад первого дня работы - Петра Бонащака (Рогов арборетум Лесной опытной станции, Рогов, Польша) – «Рогов арборетум – из лесных участков к многостороннему институту» был посвящен истории становления и опыту работы Роговского арборетума, одного из лучших в Польше.

На следующий день, 5-го июля, было продолжено слушание научных докладов по двум – Ш и 1У сессиям. Наш доклад (Институт ботаники АНА, Сухум, Абхазия) – «Повышение продуктивности лесов и сохранение биоразнообразия растений в Колхидском флористическом рефугиуме» был доложен в ходе работы П сессии. Всего в этот день было заслушано 12 докладов. Во второй половине дня параллельно проходило заседание круглого стола по природоохранному образованию. К концу дня профессор Иржи Тумилович провел экскурсию по Роговскому арборетуму, где участники конференции с большим интересом ознакомились с богатой коллекцией древесных растений более 1000 видов и форм из многих регионов мира. Созданные здесь 60-летние монокультуры из интродуцированных ***Pseudotsuga menziesii, Abies alba, A. nordmanniana, Larix decidua, Thuja plicata*** и других ценных лесообразующих древесных пород обнаруживают прекрасный рост и развитие, высокую производительность древостоев до 500-700 м3/га. Безусловно, опыт Роговского арборетума в создании лесных культур заслуживает внимания для регионов с умеренно теплым климатом.

На третий день, 6 июля, состоялась поездка в Кампионский национальный парк, расположенный вдоль левобережья реки Висла с центром в поселке Изабелл. Участников конференции ознакомили с основными лесными и другими растительными ассоциациями. Их в национальном парке насчитывает более 60. В парке строго охраняются такие редкие виды как ***Platanthera bifolia, Festuca mollissima, Betula obscura,***

Juniperus communis и другие. Парк является образовательным центром по охране природного, культурного и исторического наследия.

Последний день работы конференции также был посвящен научным докладам. Участники, с первых дней работы конференции, также имели возможность ознакомиться и с 40 постерными докладами. По завершении научных докладов в каждой сессии проходили обсуждение и дискуссии по докладам.

На последнем пленарном заседании была продолжена заключительная часть дискуссий. В ходе дискуссии дана высокая оценка научной, учебной и просветительской деятельности Ботанического сада РАН, являющегося центром сохранения биоразнообразия растений и образования в Польше. За 33 года его существования здесь на площади 40 га созданы уникальные коллекции живых растений различного функционального назначения, насчитывающие около 8000 таксономических единиц. Участники конференции ознакомились с систематическим дендрарием, уникальной коллекцией хвойных растений, с экспозицией местной флоры, розарием, цветочно-декоративными, лекарственными, а также редкими и исчезающими растениями Польши, с коллекциями фондовой тропической оранжереи. Сотрудники Сада ознакомили нас с опытом работы Банка семян, с технологией замораживания семян растений, с работой и прекрасно оформленными экспозициями музея Сада.

Участники конференции обсудили общие вопросы совместной стратегии охраны растительного разнообразия и образования; обсудили вопросы научного и практического сотрудничества между учеными ботанических учреждений, обмена учеными, информацией, литературой, семенным материалом, организации совместных экспедиций. Были подведены итоги работ конференции и приняты соответствующие решения, которые послужат укреплению творческих и деловых связей ученых разных стран в областях ботанических исследований, образования и просвещения, сохранения растительного разнообразия планеты. Участники дискуссии отметили активную работу и высокий уровень докладов на конференции, особенно молодых ученых.

Был отмечен высокий уровень организации конференции и выражена всеобщая благодарность ее Оргкомитету.

К началу конференции Оргкомитет опубликовал тезисы докладов участников конференции в специальном выпуске «Бюллетени Ботанических садов, Музеев и Коллекции» Польского ботанического общества (**Bulletin of Botanical Gardens, Museums et Collections, Vol. 16A, 2007) .**

Была организована культурная программа: поездка в пос. Железово Нова в дом – музей, где родился Шопен, экскурсия в Варшавский Королевский дворец и парк Вилланов, Старый город и Королевский костел. Состоялись концерты – местного фольклорного ансамбля в Рогове и концерт фортепьянной музыки известного Польского музыканта профессора Иржи Романюка в концертном зале Ботанического сада ПАН.

После завершения конференции автору этих строк была любезно представлена от коллег из Варшавского ботанического сада ПАН возможность ознакомиться с чудесными старинными парками Варшавы, с довольно богатыми коллекциями Ботанического сада Варшавского университета и Ботанического сада Ягелонского университета в г. Кракове.

Салакая Ш.Х.

Впечатляющие итоги

(с Общего годичного собрания Академии наук Абхазии)

22 марта 2007 г. состоялось Общее годичное собрание Академии наук Абхазии, посвященное итогам деятельности ведомства за 2006 год. Помимо работников самой системы Академия наук на собрание были приглашены представители творческой и вузовской интеллигенции Абхазии, руководители учреждений и организаций. На собрании присутствовали спикер Парламента РА Ашуба Н.Н., Вице-премьер Лакербая Л.И., министр образования Вардания И.В., депутаты Парламента РА и др.

Развернутым вступительным словом общее собрание открыл Президент АНА, академик Арстаа Ш.К. Во вступительном слове была дана общая картина состояния науки в Абхазии и указаны на основные проблемы, над решением которых призваны работать ученые Академии наук.

С отчетным докладом о научной, научно-организационной и общественной деятельности членов Академии (как академиков, так и членов корреспондентов) и научных учреждений, подведомственных ей, выступил на собрании главный ученый секретарь Президиума АНА, академик Салакая Ш.Х.

Следует отметить одну особенность нынешнего отчета в отличие от прошлых лет, заключающуюся в том, что в данном отсчете намного полнее и обстоятельнее освещалась деятельность не только учреждений, входящих в систему АНА, но прежде всего самих членов Академии. В докладе конкретно и довольно подробно была представлена внутренняя работа, проведенная в течение отчетного периода академиками Ардзинба В.Г., Арстаа Ш.К., Бгажба О. Х., Гварамия А.А., Зухба С.Л., Ласурия М.Т., Максимовым М.З., Салакая Ш.Х., Старцевым В.Т., Чкадуа Л.П, и членами корреспондентами АНА Джапуа З.Дж., Ладария М.Г. и Швангирадзе Р.Р. Несмотря на серьезные проблемы со здоровьем у некоторых из названных ученых (например, В.Г. Ардзинба, С.Л. Зухба, В.Т. Старцев), каждый из названных ученных внес весомый вклад в развитие той отрасли науки, в которой он подвизается. Причем это касается широкого спектра и новых научных разысканий, и новых публикаций, и научных докладов и публичных выступлений на институтских, межведомственных и международных научных форумах и других общественных мероприятиях. В этом плане особенно показательна многогранная, активная деятельность академиков Гварамия А.А., Бгажба О.Х., Ласурия М.Т., Зухба С.Л., Чкадуа Л.П. и членкорра Джапуа З.Дж.

Однако, нисколько не принижая всей важности и ценности труда членов Академии, следует при этом заметить, что все-таки основная нагрузка в выполнении исследовательских задач ложится на плечи коллективов научных институтов, которых в системе Академии наук шесть. Это разнопрофильные, разномасштабные, но юридически равноправные академические учреждения. В отчете отмечалось, что всеми этими коллективами разрабатывалось 66 тем, относящихся к 15 научным проблемам. Вектор охваченных исследованием отраслей наук довольно широк, начиная от гуманитарных и социальных, физико-математических и технических наук и кончая медико-биологическими и сельскохозяйственными науками.

Гуманитарные проблемы исследуются главным образом в Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа (директор – кандидат филологических наук Авидзба В.Ш.). Здесь представлены почти все отрасли абхазоведения – филологические, исторические, искусствоведческие. Общеизвестные

фундаментальные труды, изданные этим коллективом. В настоящее время институт работает над такими важнейшими темами, как академическая Грамматика абхазского языка, словари различного типа, История абхазской литературы в 2 романах, 12-томная серия «Абхазское народное поэтическое творчество»; в сфере исторических наук – «История, культура и искусство Абхазии с древнейших времен до наших дней». Отдельной проблемой стоит «Абхазская энциклопедия», в авторском коллективе которой не только сотрудники АБИГИ, но и многие специалисты и из других ведомств и организаций Абхазии.

Крупнейшим учреждением в системе Академии наук Абхазии является Государственное научно – производственное объединение СФТИ (Сухумский физико-технический институт; генеральный директор, доктор технических наук Марколия А.И.), включающий в себя два юридически самостоятельных института – физико-технический и гидрофизический – со своими дочерними предприятиями и филиалами в Сухуме, Пицунде, Гулрипше. В советские годы этот коллектив выполнял важнейшие государственные задания. В наше время его функции, конечно, заметно ограничились, хотя научный потенциал в значительной степени сохранился.

Не будучи сполна востребованным местными потребностями, данное учреждение, к сожалению, оказалось вне бюджета Республики Абхазия (если не считать небольшую дотацию), и поэтому фактически оно держится за счет тех средств, которые получает от различных российских партнеров, чьи заказы выполняются на основе заключенных между ними хозяйственных договоров. Однако вряд ли может продолжаться так бесконечно. По-видимому, настало время властным структурам республики принять действенные меры, чтобы этот мощный коллектив работал главным образом на Абхазию и соответственно обеспечивался госбюджетом РА.

В недалеком прошлом аналогичные проблемы испытывал и Сухумский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (директор-доктор сельхознаук Айба Л.Я.). Но года два назад он был принят на полное государственное довольствие, т.е. переведен на госбюджетное обеспечение, и это исключительно плодотворно сказалось на деятельности института. Сегодня там проводятся в широком масштабе такие научные эксперименты, которые, несомненно, послужат надежной базой для мощного, качественно нового развития субтропической культуры нашей республики.

Продолжаются начатые еще в прошлые годы важные научные исследования на базе Сухумского обезьяньего питомника коллективом Института экспериментальной патологии и терапии (директор Кубрава Т.Г.).

Флора Абхазии и сопредельных регионов - главный объект исследования старейшего научного учреждения республики - Института ботаники (директор – доктор биологических наук Бебия С.М.). Богатые минеральные источники Абхазии изучались Научно-исследовательским институтом курортологии и нетрадиционной медицины (директор Осия О.В.).

Органической составной частью любой исследовательской деятельности является научно-организационная работа, которая выражается, прежде всего, в регулярном проведении проблемно-тематических или комплексных экспедиций, командировок и научных форумов. И в этом плане отчетный период в жизни Академии был весьма плодотворным. Один только Институт гуманитарных исследований им Д.И. Гулиа организовал пять продолжительных экспедиций по районам Абхазии, в том числе две - совместно с коллегами из московских академических Институтов археологии, этнологии и антропологии и музея Востока.

За этот период в учреждениях АНА состоялся ряд научных и научно-практических конференций и сессий. АБИГИ, например, провел 7 таких форумов, среди которых традиционная ежегодная итоговая сессия Института и получившие особенно широкий резонанс Международные конференции: «Вызовы глобализации и Кавказ» (совместно с Институтом востоковедения и Абхазским госуниверситетом) и первая Абхазская Международная археологическая конференция, посвященная памяти Ю. Воронова (совместно с Госуниверситетом).

Крупным событием в жизни республики стала организованная Институтом ботаники АНА Международная конференция «Сохранение биоразнообразия растений в природе и при интродукций», посвященная юбилеям Сухумского Ботанического сада и Субтропического дендропарка. Гостями форума были маститые ученые из многих стран ближнего и дальнего зарубежья.

Другая, не менее важная, сторона научной жизни Академии наук – это ее издательская деятельность. За обозреваемое время сотрудники системы АНА издали десятки монографий, различных тематических и проблемных сборников материалов и исследований, учебников и учебных пособий для средней и высшей школы.

К наиболее значительным публикациям следует отнести: два сборника «Абхазоведения» (серии филологическая и историческая), III том «Трудов» профессора Г.А.Дзидзария, I том «Научного наследия Ю.Воронова», «Грамматику абхазского языка» профессора Н. Яковлева (с предисловием академика Л. Чкадуа), «Историческую и современную топонимию Абхазии» профессора В. Кварчия, Газета «Апсны» (1919-1921 г.г.) (Составление и предисловие к.ф.н. В. Авидзба), «Чтобы не погас огонь очага» академика С.Зухба, сборник материалов «Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – начало XX в.)» (составители Р. Гожба и к.и.н. Т. Ачугба), «Письма в Абхазию» Омара Бейгуаа» (составитель И. Марухба) и др.

Наметились существенные сдвиги и в деле подготовки научных кадров. При этом следует отметить, что в последние годы академические институты стали пополняться не только за счет молодых специалистов, подготовленных в признанных научных центрах за пределами Абхазии, но прежде всего за счет молодежи, которая прошла теоретическую подготовку в самой республике, в первую очередь в стенах недавно открытой аспирантуры при АНА. В системе Академии наук (при АБИГИ) функционируют 3 диссертационных совета: 2 в области филологии и 1 в сфере исторических наук. Совсем недавно были созданы также 2 диссертационных совета при Абхазском госуниверситете в области педагогических наук. На этих советах уже защищено свыше 5 диссертаций, причем одна из них (диссертация В.Зантария по проблемам абхазской лирики) выполнена и защищена на абхазском, что, несомненно, свидетельствует о все возрастающей роли абхазского языка как государственного в РА. Защиты происходили, конечно, и за пределами Абхазии: 2 докторские (О. Дзидзария и Л. Хагба) и 2 кандидатские (Е.Тания и Н.Хашиг) успешно были защищены в Москве и Нальчике.

Неоценимую роль в оживлении, активизации научной жизни в системе Академии сыграли действенные меры, предпринимаемые властными структурами, политическим руководством РА. Это, прежде всего, принятие Закона о науке, учреждение Государственной премии им. Г.А.Дзидзария в области науки, первыми лауреатами которой стали виднейшие ученые академики Ш.Арстаа, Л.Чкадуа, Г. Шамба, профессора С. Бебия и В.Кварчия; увеличение оклада определенной категории научных работников, существенное повышение размера стипендии аспирантам и т.д.

За последние годы стали значительно расширяться творческие контакты между Академиями наук России и Абхазии, а следовательно и между академическими учреждениями РА с научными центрами российских городов и особенно с родственными институтами республик Северного Кавказа. Эти связи прочно зиждутся на двустороннем Соглашении о научно-техническом сотрудничестве, заключенном года два назад между двумя академиями – Российской и Абхазской – и подписанном их президентами академиком Ю.С. Осиповым и академиком Ш.К. Арстаа.

И в отчетном докладе и в выступлениях ораторов – академиков Л.Чкадуа и М. Ласуриа, член-корров З. Джопуа и М. Ладария, профессора С. Бебия, кандидатов наук В. Зантария и И.Цвинария, старшего научного сотрудника Е. Аджинджал, директора Центра стратегических исследований кандидат философских наук О. Домения, директора Института педагогики М. Нинуа – указывались на решенные и нерешенные проблемы в деятельности АНА, поднимались вопросы, связанные с рычагами стимулирования научной работы. Отмечалось, что для такого стимулирования научной работы следовало бы использовать, по примеру, скажем, России, всевозможные поощрительные гранты, особенно для молодых и начинающих научных работников. Не раз указывалось также, что неоправданно и совершенно незаслуженно было упразднено в республике почетное звание «Заслуженный деятель науки», которое служило не столько материальным, сколько моральным поощрением. Его просто необходимо восстановить.

В целом и в докладе и в выступлениях участников собрания подчеркивалось, что, несмотря на финансовые, материально-технические и иные проблемы, развитие науки в Абхазии идет по восходящей линии, вселяя уверенность в еще более значимых и радужных ее перспективах.

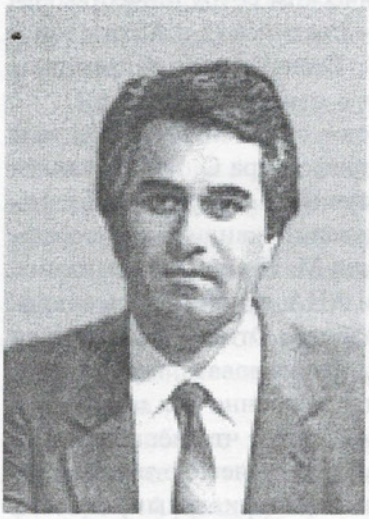
Общее годичное собрание Академии рассмотрело и некоторые другие научно-организационные вопросы. Почетным академиком Академии наук Абхазии единогласно был избран крупнейший современный северо-кавказский писатель Исхак Шумафович Машбаш – народный писатель Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии, академик Адыгской (Черкесской) международной Академии наук (АМАН), лауреат Государственных премий СССР, РФ и Республики Адыгея, кавалер множества орденов и медалей, в том числе и абхазского ордена «Ахыдз-Апша» («Слава») II степени, автор десятков поэтических и прозаических произведений, в том числе свыше 15 романов на современную и историческую тематику.

За плодотворную научную и научно-организаторскую работу были награждены почетными грамотами Президиума АНА – директора ряда институтов (В. Авидзба, А. Марколия, С. Бебия и Л. Айба).

На Общем годичном собрании АНА выступил вице-премьер РА Лакербая Л.И. Выразив удовлетворение характером обсуждения научных проблем на собрании, он заверил, что со стороны руководства РА Академии наук Абхазии и всем ее подведомственным учреждениям и впредь будет оказываться всяческая поддержка и уделяться максимум внимания.

IN MEMORIAM

ВЛАДИМИР ЛЕУА-ИПҢА АҬНАРИА



Ҳмилаҭтә ҭцаарадырра, ҳаҧсуа культура ааха ҕәҕәа роуит: 68 шыҟәса дшырҭагылаз иҧсҭазаара далҵит иалукааша ҳцарауаҩ, аҧсуа филологиа адоҟтор, Аҧсны Аҭцаарадыррақәа ракадемиа алахәылакорреспондент, Аҧсуаҭцааратә инсти-тут ацарауаҩ хада, Аҧсуа ҳәынҵ-қарратә университет апрофессор, Аҧсни Урыстәылеи ашәҟәыҩцәа рорганизациақәа рлахәыла, Дырмит Гәлиа ихьз зху Аҧсны Аҳәынҵқарратә премиа алауреат Владимир Леуа-ипа Аҵнариа. Ари цәыз дууп, хьаа дууп ҳмилаҭтә интеллигенциа рзы еиҧш, ҳажәлар зегьы рзы.

В. Л. Аҵнариа ҧсабарала аҟыбаҩ ҷыда змаз, аҧсҭазааратә ҧышәа дуи азанааҭтә-теориатә зыҟаҵара бзиеи зауз ҩеиаҩын, ҭцааҩын. Уи ибаҩхатәра амехак ҭбаан: дыкритикын, длитератураҭцааҩын, дпоетын, деиҭагаҩын, ауаажәларра-политикатә усурагьы ҽышәала далахәын. Аха хадаратәла еиҳа дзызҟазаз, ирейҳау иқәҩиарақәагьы зыдҳәалаз акритикеи алитератураҭцаареи роуп. Имоуп акымкәа-ҩбамкәа амонографиақәа, астатиақәа, аочеркқәа. Ҷыдала уи иҭижьхьан Аҧсны жәлар рпоет Б. Шьынқәба, апоет-классик И. Коҕониа рыҧсҭазаареи рыҩеиамҭақәеи ҭызцааua амонографиақәа, Д. Гәлиеи, И. Папаскьыри, И. Ҭарбеи, А. Гогәуеи, М. Лашәриеи инадыркны иахьатәи аҩарацәа рҟынза ирыхьзынҩылоу астатиақәеи аочеркқәеи.

Мышкы ииз мышкы дшыҧсуа ззымдыруада, аха аҳәатәы рацәаны ишимаз, аҳәашьаз иара уеизгьы дыхиан, дзыхьзаз шьардаза ишырацәоугьы, илшашаз зегьы ҟамцакәа, инарцәы-мҩа дыҟәлеит ҳҩыза, ҳақәла, Аҧснгьы Аҧсны анҭыцгьы, хаҭалагьы ирҩеиамҭақәа рылагьы инарҭбааны апҳьаҩцәа еицырдыруаз аҧсуа ҭарауаҩ ду, арҩеиаҩы, аазаҩ, ажәа азҟаза иаша В. Л. Аҵнариа.

Илашҩуп, иҭбааup, хҭысла, фақтла ибеиоуп В.Л. Аҵнариа дызнысыз иҧсҭазааратәи ирҩеиаратәи мҩа, аха, рыцҳарас иҟалаз, уи амҩа еснагь ииашахәцәаза ицомызт, иаман имаҷымкәа ахцәрырсҭақәагьы аҭагә-ҭасырҭақәагьы. Иҟалап, убарҭ аҭагә-ҭасрақәа ракәзаргьы кыр изыркьаҩыз, израаигәаз ҳарҩеиаҩ ду иаҧьал, иуахҭа.

В.Л. Аҵнариа диит 1938 шыҟәса, жәабран мза 28 рзы, абжьыуаа рҩы мацара акәым, Аҧсны зегьы апоезиа ианцәахә-тәарҭоуп ҳәа ирыҧхьазо Кәтол ақыҭан, атрадициатә ҭасҟәеи ақьабзҟәеи аҳра ахьыруаз аҧсуа нхаҩы цқьа Леуа Ҷнариа иҭаацәарацәы. Убаскан, ихәыҷратә шыҟәсҟәа раан, ишьҭикааз амилаҭтә цәаҩа ссирҟәа набыцрак рыҟәымкәа, ҧсраенынза иааигоит иахьа зымҩа иҟәаҳҭо ҳҩыза ҕәакьа.

В. Л. Аҵнариа Анцәа ицишаз аҧсабаратә ҟыбаҩ ҷыда илан. Уи ауп, ҳәарада, ихадароугьы арҩеиаҩ изы, аха уи абаҩхатәра амацара акәым изыбзоуроу ацарауаҩ еихьзара дуқәа зегьы. Абаҩхатәра уеизгьы-уеизгьы иаиуроуп аеҟьарҭа, аеарҭбаароуп, абҕа еицнахроуп. Убри аҟнытә уи иазаҧцатәуп изырманшәалаша аҭагылазаашьа. Убри азы ихадақәоуп ҩба: азанааҭтә зыҟаҵареи аҧсҭазааратә ҧышәеи. Урҭ рыҩбагьы рзы В. Л.

Аҭнариа ихы далԥшуа дҟамлеит, деибыҭахеит арԥиаѡ иаша ишихәҭоу ала.

Иҭара хациркит иԥыҭа гәакьа Кәтол. Уаҟа ихарҭәааѧ абжьаратә. ашкол даналга, диасуеит Аҟәаҟа, араҟа 1953 шыԥҳәсазы дҭалоит Н.А. Лакоба ихьз зху Аԥсуа бжьаратә школ, аҭарагьы иҭон дԥырԥшыганы, дагьалгоит дызҭаз ашкол хьтәы медалла 1957 шыԥҳәсазы. Иара убри ашыԥҳәс азы даанахәоит А. М. Горки ихьз зхыз Аҟәатәи аҳәынҵԥарратә арҭаѡратә институт, аԥсуа бызшәеи анемец бызшәеи рфакультет. Араҟагьы иара ирԥиҭьзаз астудентҭәа дреиуан, иоуан хьызҳәалатәи астипендиа ҵыда, иҭарагьы хиркәшоит иалкаау дипломла, 1962 шыԥҳәсазы.

Аусурахь ихы мырхакәа, иҭара аҭҭаразы дҭоит Москваҟа, дагьҭалоит уаҟа СССР Аҭҭаарадырраԥәа ракадемиа иатәыз Адунеитә литература аинститут аԥы алитература атеориа ала аспирантура. Усҟантәи азакәан аԥҟараԥәа инарыԥәыршәаны, аҭара дышҭазгьы аррамаҭура дҭар акәхеит. 1963–1964 шыԥҳәсԥәа рзы ихигеит аррамаҭура Тамбов аԥалакь аԥы. Аррахьтә даныхынҳә иҭара иаҭиҭеит дызҭаз аспирантураԥ, Адунеитә литература аинститут аԥы.

1967 шыԥҳәсазы ԥәԥиарала далгоит аспирантура, шыԥҳәсык ашьҭахь, 1968 шыԥҳәсазы, ихьчоит икандидаттә диссертациа, «Баграт Шьынԥәба ирԥиамҭеи асахьаркыратә хаԥсахьа аԥиареи аԥсуа поезиаԥы» ҳәа хыс измаз иквалификациатә темала. Иҳәатәуп иара убри Адунеитә литература аинститут аԥы 1993 шыԥҳәсазы уи ишихьчаз идоԥтортә диссертациагьы, ифундаменталтә ҭцаамҭа ду, «Аԥсуа жәеинраалеиԥартәышьа» захьзу имонографиа ала.

1968 шыԥҳәса лаҭарамзазы, аспирантура назлоу иҭараԥәа зегьы хыркәшаны, идиссертациагьы хьчаны, В. Л. Аҭнариа аусура далагоит Д.И. Гәлиа ихьз зху Аԥсуаҭҭааратә институт аԥы. Убри инаркны иахьа уажәраанза, иԥсҭазаара аҭыхәтәантәи амшԥәа рԥҟынза, 40 шыԥҳәса инарзынаԥшуа, иааиԥмырԥҟьазакәа аус иуан абри аҭҭаарадырратә усҳәаарҭаԥы, дагьанысит амаҭуратә мѡа, аҭарауаѡ еиҭбы инаиркны аҭарауаѡ хада иԥҟынза.

Абраҟа иусура ашыԥҳәсԥәа ирылагзаны уи иаԥиҭеит 60 инарыцны аҭҭаарадырратә усумҭаԥәа, агазеҭтә кьыԥхьымҭаԥәа уахь иаламҭакәа. Урт зегьы рхыԥхьазара шәкыла ирацәоуп.

Иҭижьхьоу имонографиаԥәеи еизгаԥәеи рахьтә еиҳа иаарылукаартә иԥоуп ишәԥәԥәа: «Баграт Шьынԥәба ирԥиамҭа. Алирика. Аепос. Апоетика» (1970), «Ашаеҭәа» (Иуа Коԥониа иԥсҭазаареи ирԥиамҭаԥәеи ирызку) (1979), «Абырҭкал» (1973), «Аҳәатәи аҳәашьеи» (1976), «Аамҭеи арԥиамҭеи» (1989), «Аԥсуа жәеинраалеиԥартәышьа» (1987), «Алирикатә аамҭаԥәа» (1991). Иара убасгьы уи дрылахәын, авторҭәа хадаԥәа дыруазәкны, ахыркәшаратә ҟазшьа змоу аколлективтә усумҭаԥәа «Аԥсуа литература аҭоурых аочеркԥәа» (1974), «Аԥсуа литература аҭоурых», (1986) уҳәа жәпакы егьырҭгьы. В. Л. Аҭнариа имаԥымкәа иҭынхеит инагзаны дзылгахьоу анапылаѡырԥәагьы, 15-нызыԥ ажәа инареиҳаны еидызкыло «Анемец-аԥсуа жәаргьы» убрахь иналаҭаны.

Аҭарауаѡ ирԥиаратә усура аҳәаԥәа кырза ишыҭбаазгьы, еснагь хшыѡзышьҭра хада ззиуаз аԥсуа литература ажанрԥәа, ҭеиҳаразакгьы апоезиеи апрозеи ирыдҳәалоу хра злоу азҭаатәԥәа ракәын, алитературатә процесс инагәылаланы аилыргара акәын. Акритик иажәа еснагь иразан, еилыххан, иахьахәҭаз иҭьбаран, иԥеацан, иахьахәҭазгьы ихаан, иԥшԥан.

Аҭцааратә усура анеѡсангьы, В. Л. Аҵнариа аԥьабаа рацәаны иадибалахьан арҵаратә-аазаратә усхкгьы. Аԥсуа ҳәынҵқарратә университет аҽы уи дрыԥхьон аԥсуа литературеи алитература атеориеи ирызкны алекҵиаҟәа, аус адиулон иара убасгьы урҵ алекҵиаҟәа ркурс акьыԥхь азырхиара. Ауниверситет иатәу аԥсуа литература акафедра дапрофессорын.

Акритикеи алитератураҭцааареи инарыва́ргыланы, В. Л. Аҵнариа ҳа ҳаԥхьаѡцәа дырдыруан абаѡхатәра злоу поетк иаҳасабалагьы. Уи иҭижьхьеит акымкәа-ѡбамкәа ихатәы оригиналтә жәенраалаҟәа реизгаҟәа, иара убасгьы адунеитә поезиа ашедеврҟәа, Пушкин, Блок, Гиоте, Геине реиԥш иҟоу аклассикцәа дуҟәа рырҽиамҭаҟәа. Насгьы иазгәаҭатәуп, уи иеиҭагамҭаҟәа реиҳарак (лымкаала анемец поезиа) ишиашоу аоригинал аҟынтәи ишеиҭагоу, аурыс бызшәа абжьаҟазарала акәымкәа.

В. Л. Аҵнариа СССР-и Аԥсни ашәҟәыѡцәа реидгылаҟәа дрылахәын 1973 шыҟәса раахыс. Аҵыхәтәантәи ашыҟәсҟәа рзы уи дрылахәын Урыстәыла Ашәҟәыѡцәа реидгылеи Аԥсны Ашәҟәыѡцәа рассоциациеи. Ҽыншәала далахәын арҵ арҽиаратә организациаҟәа русура, акырынтә дыҟәгыланы дцәажәахьан ашәҟәыѡцәа реизара дуҟәеи рыпленумҟәеи рҽы, еснагь дрызҽлымҳан алитературатә еимак-еиҽакҟәа, адискуссиаҟәа, адиспутҟәа.

Убарҵ зегьы инарҷыданы, В. Л. Аҵнариа истудентра шыҟәсҟәа инадыркны агәҭаҵәҟьа далагылан аԥсуа жәлар иааиԥмырҟьазакәа имѡаԥыргоз, иахьагьы имѡаԥырго амилаҭ-хаҟәиҭратә ҟәԥара, ауаажәларратә хеидкыла «Аидгылара» аиҽкаара аума, ацентр ахь ицоз аколлективтә шәҟәҟәа рыѡра, рнапаҵаѡра аума, уи ҽышәала дызлахәымыз хҭыск, фаҟтк азбахә аҳәара уадаѡуп.

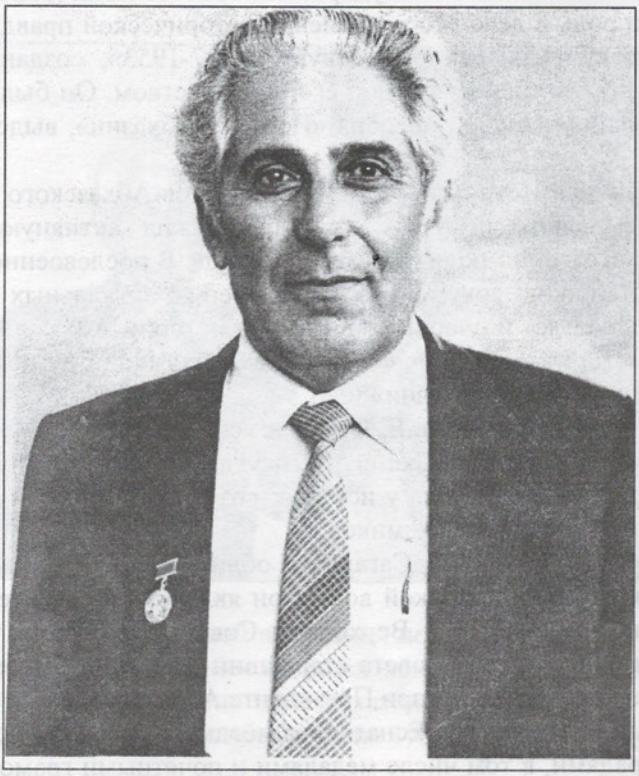
Аҵыхәтәантәи ашыҟәсҟәа рзы игәамбзиара, иҭаацәаратә ҭагылазаашьаҽ иԥылаз аҭагәҭасраҟәа ирыхҟьаны, ишдыру еиԥш, кыр аԥьабааҟәа ихигеит. Иҟалап, ҳарҵ иѡызцәа, иҟәлацәа иахьынзахәҭоу ҳазидымгылазар, ихьышьҭрахь дҳазмыргьыжьызар. Уи ҳара иҳагхаз ауп. Иҽаԥхьа аҭамзаара шьҭаҳҵар ҳахәҭоуп.

Егьирахь ала, В. Л. Аҵнариа иааԥсара ду, илшараҟәа рыхә бзианы иршьахьеит ҳажәларгьы ҳаиҳабырагьы. Уи ианашьан Д.И. Гәлиа ихьз зху Аԥсны Аҳәынҵқарратә премиа, Аԥсны Аҭцаарадыррақәа ракадемиа анаԥырцоз иалырхыз рапхьазатәи алахәылацәа дыруазәкхеит, ианаршьахьан иара убасгьы аиҳабыратә ҳамҭаҟәа, аҳаҭыртә грамотаҟәа.

Аха зегьы ирeиҳау ҳамҭас В. Л. Аҵнариа ирҳаз – ижәлар рыбзиабара, ииаазоз аҽар рыгәбылра ауп. Уи иара иԥхараны иҟам ҳажәлар ыҟанаҵ, ҳаԥсуа ԥхьаѡы дыҟанаҵ, ҳлитература аԥсы ҭанаҵы.

Аҵарауаѡ иԥсыжра аҽны
академик Ш. Хь. Салаҟаиа
ииҳәаз ажәа аҟнытә

БАДЖГУР ЕСНАТОВИЧ САГАРИЯ



Общественность Республики Абхазия понесла тяжелую утрату. На 80-м году ушел из жизни известный историк, главный научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, доктор исторических наук, профессор, академик-секретарь Отделения гуманитарных и социальных наук, член Президиума Академии наук Абхазии, председатель Исторического научного общества им. Г.А. Дзидзария, кавалер ордена «Ахьдз-Апша» второй степени, лауреат Государственной премии им. Д.И. Гулиа, заслуженный деятель науки Республики Адыгея, заслуженный работник культуры Абхазии, член-корреспондент Международной академии духовного единства народов мира Баджгур Еснатович Сагария.

Б.Е. Сагария родился 1 мая 1926 года в с. Ачандара Гудаутского района. Среднюю школу окончил в родном селе. В годы великой Отечественной войны состоял в истребительном батальоне.

В 1954 году окончил Ростовский государственный университет. С 1954-го по 1958 год находился на партийной работе. С 1958-го по 1961 год – аспирант Сухумского пединститута. Его научным руководителем был выдающийся абхазский историк Г.А. Дзидзария. В 1965 г. Б. Сагария защитил кандидатскую, а в 1983 г. – докторскую диссертации.

С 1962 года и до последних дней жизни Б.Е. Сагария работал в Абхазском институте языка, литературы и истории (ныне АбИГИ). Ряд лет возглавлял отдел истории, один из ведущих в институте.

Баджгур Еснатович является автором более 260 опубликованных работ, в том числе 70 научных, среди которых 16 монографий и сборников.

Центральное место в научной биографии Б.Е. Сагария занимало изучение истории советской национальной государственности Абхазии («Национально-

государственное строительство Абхазии (1921-1931)», «Образование и укрепление советской национальной государственности Абхазии (1921-1938)» и др.

Важную роль в деле восстановления исторической правды сыграл сборник «Абхазия: документы свидетельствуют. 1937-1953», созданный коллективом авторов Абхазского института под его руководством. Он был соавтором и членом редколлегии учебного пособия «История Абхазии», выдержавшего два издания.

В пожарище вместе с собранием документов Абхазского института сгорел личный архив ученого, но Б.Е. Сагария продолжил активную деятельность на научном и общественно-политическом поприще. В послевоенное время им издан ряд книг и сборников документов по освещению актуальных вопросов истории Абхазии: «О «белых» и «черных» пятнах в истории Абхазии», «О трагических страницах в истории Абхазии», «О границах Абхазии с Грузией в 1917-1921 гг.», «Важная веха в истории Абхазии» и др.

Научную деятельность Б.Е. Сагария успешно совмещал с преподавательской, будучи профессором Абхазского государственного университета.

Баджгур Еснатович стоял у истоков создания Академии наук Абхазии, являясь одним из первых ее академиков.

Много сил отдано Б.Е. Сагария и общественно-политической деятельности: во время грузино-абхазской войны он являлся заместителем председателя Общественной комиссии при Верховном Совете республики Абхазия, затем – заместителем председателя Совета старейшин Абхазии, заместителем председателя Совета общественности при Президенте Абхазии и т.д.

Деятельность Баджгура Еснатовича неоднократно отмечалась правительственными наградами, в том числе медалями и почетными грамотами. Светлая память об известном ученом, замечательном человеке, гражданине своей страны, горячем патриоте Баджгуре Еснатовиче Сагария останется в сердцах его соотечественников и всех, кто его знал.

Академия наук Абхазии,
Абхазский институт гуманитарных исследований,
Абхазский государственный университет

Памяти Г. К. Шамба

6 октября 2006 г. завершив свой последний полевой сезон на Эшерском городище, ушел из жизни выдающийся археолог-абхазовед, доктор исторических наук, действительный член Академии наук Абхазии Г. К. Шамба,

Родился Георгий Кучович Шамба 20 июня 1934 г. в селе Абгархук Гудаутского района.

Среднее образование он получил в школах села Кутол Очамчырского района и села Ачандара Гудаутского района, окончив последнюю в 1954 г. В этом же году поступил на исторический факультет Сухумского пединститута, который окончил в 1959 г. В 1959-1960 гг. после окончания вуза работает в музеях Сухума и Пицунды. В 1960 г. был принят на работу в должности лаборанта в Отдел археологии АбИЯЛИ им. Д. И. Гулиа.

В 1962 г. поступает в очною аспирантуру Института археологии и этнографии АН ГССР, которую окончил в 1965 г. В 1967 г. защищает кандидатскую диссертацию в Тбилиси по теме «Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху». Основные положения диссертации нашли отражение в статье, изданной в «Советской археологии» №2 за 1965 г., называющейся «Позднеантичные погребения Нагорной Абхазии» и в монографии «Ахаччараху – древний могильник Нагорной Абхазии», изданной в 1969 г.

Наиболее яркие открытия, сделанные Г. К. Шамба, связаны с древностями абхазского села Эшера.

В 1967 г. известное ранее Эшерское городище подверглось глубокой плантажной распашке под мандарины с применением бульдозера. На поверхности памятника оказывается колоссальный материал, хранившийся в его недрах. Это собственно и послужило толчком к активным сборам материала на памятнике и исследованиям, которые по инициативе М. М. Трапша с конца 1967 г. здесь начали проводить тогда молодые сотрудники Абхазского института Г. К. Шамба и Ю. Н. Воронов.

Летом 1968 г. Г. К. Шамба приступает к стационарным раскопкам на Эшерском городище. В первый год работ удалось вскрыть часть оборонительной стены и обнаружить в 120 м. к северо-востоку от городища богатое погребение раннеэллинистического времени с эгреткой.

Чрезвычайно плодотворным был следующий год. В урочище «Кутышха» недалеко от нижнего гумистинского моста, рядом со школой в феврале 1969 г обнаружены знаменитые Эшерские кромлехи – мегалитический культовый памятник эпохи поздней бронзы – раннего железного века, который исследовался два года (с 1969 по 1970 гг). В 1974 г. Георгий Кучович уже подготовил монографию, в которой опубликовал этот материал.

В это же время на северо-восточном склоне холма Верещагина, на участке колхозника Ж. Арзуманяна, был обнаружен клад, представлявший собой комплекс оружия из 19 предметов: трех топоров, четырех бронзовых и 11-ти железных наконечников копий.

На Эшерском городище в этот сезон была вскрыта Восточная башня № 3 с куртинами.

В том же году на холме Верещагина были доследованы несколько захоронений эпохи поздней бронзы и раннего железа, разрушенные во время террасирования западного склона холма. Среди обнаруженных вещей имеются: литая бронзовая фигурка для привески, фигурка оленя, поясные пряжки, бусы и т.д. С этих пор работы на Эшерском городище велись с перерывами вплоть до конца 80-х годов.

Следует также отметить открытия, сделанные в 1972 г. на верхней площадке городища, где были найдены остатки 6 погребений могильника эллинистического времени (Шамба, 1977, с.127-132). В 1973-1974 гг. под башней №1 был открыт раннеантичный слой, представленный, прежде всего, керамикой родосско-ионийской группы.

В 70-е годы были им продолжены исследования поселения на холме Верещагина. Тогда впервые удалось установить, что поселение на холме Верещагина двуслойное: предантичного и эллинистического времени.

Во второй половине 70-х годов Г. К. Шамба публикует статьи, посвященные разным аспектам исследования Эшерского городища. Анализируется архаическая керамика, мегарские чаши, флакоы, амфорные клейма.

В 1980 г. выходит монография Г. К. Шамба, подводящая итоги исследования Эшерского городища в 1968 и с 1970 по 1977 г. В книге были проанализированы строительные остатки, среди которых исследователь выделил сооружения общественного назначения (казармы, общественное здание на нижней площадке с фрагментами греческой надписи, пристенные караульные помещения) и оборонительные сооружения (башни, куртины, ров). Специальную часть исследования составлял анализ найденного в процессе раскопок инвентаря. Поскольку к моменту к моменту публикации было выделено на памятнике два слоя – раннеантичный (VI-V вв. до н.э.) и эллинистический (IV-I вв. до н.э.), обнаруженный в процессе раскопок материал, рассматривался по этим хронологическим горизонтам

Исключительное значение имеет и публикация фрагментов бронзовой греческой надписи из общественного здания на нижней площадке городища. Монографический ффод в научный оборот материалов Эшерского городища и прежде всего древнейших археологических свидетельств присутствия греков в данном регионе уже в VI в. до н.эх., быстро нашел отклик научного сообщества. Эшерское городище было включено в ряд обобщающих работ по античной археологии Причерноморья. Важно такж, что в этот же период Г. К. Шамба публикует свои открытия на абхазском языке в популярной книге «Древности Эшера», что ярко характеризует его как популяризатора археологического знания в своей республике.

Эшерские открытия, а также находки, сделанные Г. К. Шамба в Восточной Абхазии в урочище Джантух и других регионах Абхазии, явились основой докторской диссертации «Культура племен Абхазии в I тысячелетии до н.э.», защищенной в Ереване в 1967 г. Однако опубликовать свои выводы Г. К. Шамба удалось лишь после грузино-абхазской войны в 2000 г. в фундаментальной монографии «Абхазия в I тысячелетии до н.э.».

В 2000 г. Г. К. Шамба возобновляет исследования археологических памятников в селе Нижняя Эшера в 2003-2006 гг. работая совместно с своими московскими коллегами из Государственного музея Востока.

Г. К. Шамба успешно совмещал исследовательскую работы с преподавательской. В 1996 г. ему было присвоено звание профессора АГУ. Неоднократно выступал в качестве официального оппонента на защитах диссертаций. По его инициативе и под его руководством было организовано издание ежегодника «Археологические открытия в Абхазии. В последние годы он являлся председателем Археологической комиссии при Президиуме Академии наук Абхазии. В 2006 г. Г. К. Шамба был избран действительным членом этой академии.

Г. К. Шамба являлся автором более 200 научных работ и 14 монографий, За две последние монографии в 2006 г. ему была присуждена Государственная премия РА им. Г. А. Дзидзария.

Несмотря на многолетнюю хроническую болезнь, мучившую его последние годы, Г. К. Шамба оставался жизнерадостным и общительным. Он любил шутку, хорошую компанию, был прирожденным тамадой дружеского застолья. Был всегда чуток и отзывчив по отношению к коллегам и друзьям. Смог воспитать достойными своего отца пятерых детей.

Светлая память о нашем дорогом Георгии Шамба навсегда останется в наших сердцах.

Эрлих В. Р., Джопуа А. И., Ксенофонтова И. В.

Адзинба З. И.

Personalia

Альфред Алексеевич Колаковский (1906 - 1997)

(К столетию со дня рождения)

С возрастом начинаешь задумываться: что жизнь проходит и время неумолимо. Постепенно уходят люди, окружавшие тебя, оставляя память о себе. Особенно память хранит образы светлых людей. О них остается добрая память с примесью горечи об их утрате.

Именно такая память осталась у нас о нашем благородном и добром учителе Альфреде Алексеевиче Колаковском, человеке отдавшем всего себя служению богине Флоре.

А. А. Колаковский родился 24 февраля 1906 г. В Киеве. Закончив школу в Кировобаде в 1924 г. он поступает на сельскохозяйственный факультет Тбилисского политехнического института. Уже со II курса студент Колаковский проявляет интерес к ботаническим исследованиям, принимает участие в экспедициях по изучению растительности Закавказья под руководством известного ботаника-кавказоведа А.А. Гроссгейма и начинает публиковать научные статьи. С 1926 становится членом В Б О

Окончив институт в 1930 г., А. А. работает в сельскохозяйственных учреждениях Азербайджана, применяя хорошую научную подготовку на практике, сочетая её с качествами ученого-полевика.

В 1933 г. молодой ученый, узнав о возможности попасть в экспедицию Д.И. Сосновского по изучению горных пастбищ Абхазии, соглашается на единственную вакансию рабочего. Пройдя пешком от Сухума до верховий Чхалты и поднявшись на трудно доступный гребень Главного Кавказа - Эрцаху, Альфред

Алексеевич был покорен богатой природой абхазских гор, их буйной и разнообразной растительностью, особенно после полупустынных ландшафтов восточного Закавказья.

В это время в Абхазии, как и в других районах СССР, проводились исследования производительных сил, связанных с требованиями народного хозяйства. Именно с этим периодом комплексных, в том числе и ботанических, исследований Абхазии связано начало научной деятельности Колаковского в нашей республике.

А. А. Колаковский и В. С. Яброва-Колаковская (на фото справа) с сотрудниками СОПСА

По достоинству, оценив богатую природу Абхазии, он с удовольствием соглашается на предложение директора АбНИИКа Арсения Константиновича Хашба работать здесь и в 1934 переезжает в Абхазию с семьёй навсегда, посвятив свою жизнь любимому делу, возглавив все работы по ботаническому исследованию нашей республики. Продолжились исследования всех альпийских пастбищ, составляются карты растительности каждого пастбища и общая карта с их названиями. В 1939 г. на этом материале он успешно защищает кандидатскую диссертацию. Одновременно проводится изучение флоры и растительности Рица – Ауадхарского заповедника, постоянно пополняется гербарий и идет изучение всей флоры Абхазии. На основе собранного богатого материала А. А. готовит 4-х томную «Флору Абхазии», два тома которой вышли до ВОВ (1938 и 1939 г.г.). Особо следует отметить, что такой подробной «Флоры» по территории СССР в то время еще не издавалось и не удивительно, что она была удостоена премии на конкурсе молодых ученых и получила высочайшие отзывы таких корифеев – ботаников как А. А. Гроссгейм, Н.А. Буш и Н.И. Вавилов. В 1939 г. А. А. Колаковский, организует на Ах - Аге Альпийский стационар, где продолжается работа над методами рационального использования и улучшения альпийских пастбищ Абхазии.

Во время ВОВ., являясь заместителем директора Ботанического сада на территории Сухумского дендропарка им. Н.Н. Смецкого, А. А. Колаковский оказывал помощь частям Красной Армии, размещавшихся здесь для реабилитации. Одновременно вместе со своей супругой В.С. Ябровой занимается выявлением лекарственных растений, так необходимых в то время для фронта.

В 1945 г. Ботанический сад становится самостоятельным учреждением, и А. А. назначается зав. отделом ботаники, оставаясь его бессменным руководителем до конца жизни. Защитив докторскую диссертацию по фитоландшафтам Абхазии и их истории в 1947 г. разработал методику сохранения пицундской сосновой рощи, получив патент за изобретение. Заканчивает и издает 3-й и 4-й тома «Флоры Абхазии» (1948 и 1949 гг.).

География флористических и фитоландшафтных исследований А. А. Колаковского расширяется, охватывает всё западное Закавказье и, в результате, в 1961 г. выходит в Москве прекрасная монография «Растительный мир Колхиды». Глубокий анализ материала, накопленного за все предыдущие годы, позволил ученому сделать соответствующие обобщения и выделить особую Средиземногорную область, охватывающую горные системы Евразии. Эти факты подтвердились и палеоботаническими исследованиям Колаковского, которыми он занялся, как всегда, с увлечением, с 50-х годов. Сначала он проводил раскопки в окрестностях Сухума и на Сухумской горе, где были обнаружено около 90 видов ископаемых растений, близких к современной флоре. Затем в предгорьях Кодорской низменности вместе со своими учениками А. К. Шакрыл и Н. К. Ратиани, ставшими в последствии известными палеоботаниками, были открыты более древние – понтические остатки ископаемой флоры. Ими было собрано более 10 тыс. образцов и определен 181 вид из которых – 90 оказались новыми для науки, при чем эта флора, по мнению специалистов, оказалась очень экзотичной, связанной с современными индо – малайскими видами. Затем богатая ископаемая флора была обнаружена в районе Пицунды, в бассейне реки р. Дуаб и в Гулрыпшском районе, в селах Бармыш, Мгудзырхуа и Гуада. Именно обилие субтропических видов в ископаемых флорах низкогорий Абхазии доказывает древность Колхидского флористического рефугиума. А. А. проводит раскопки и во восточной Грузии, что дает ему возможность сделать выводы о значительном региональном отличии этих флор от флоры Колхиды и сходство её с сарматской флорой Северного Кавказа. На фоне многих статей об интересных находках, одна за другой выходят крупные монографии по палеоботанике. Это «Плиоценовая флора Кодора», «Ископаемая дендрофлора Кавказа». Под его редакцией выходит 2х томный «Каталог ископаемых растений Кавказа», «Обзор ископаемых дубов СССР» А. А. является одним из основных авторов II тома капитальной многотомной сводки «Ископаемые цветковые СССР», материалы которых базируются на кропотливых и трудоёмких раскопках, проводимых по всей Абхазии и за её пределами. Недра Абхазии открывают пытливому исследователю 150 неизвестных до сих пор ископаемых растений, что позволило сделать выводы о существовании здесь вечнозелёных субтропических влажных лесов в доледниковое время. Колаковский становится ведущим палеоботаником Кавказа, создав в Сухуме мощный палеоботанический центр в масштабах Союза. Его материалы и сегодня включаются в издаваемую многотомную сводку по ископаемым растениям СССР, России и прилегающих территорий.

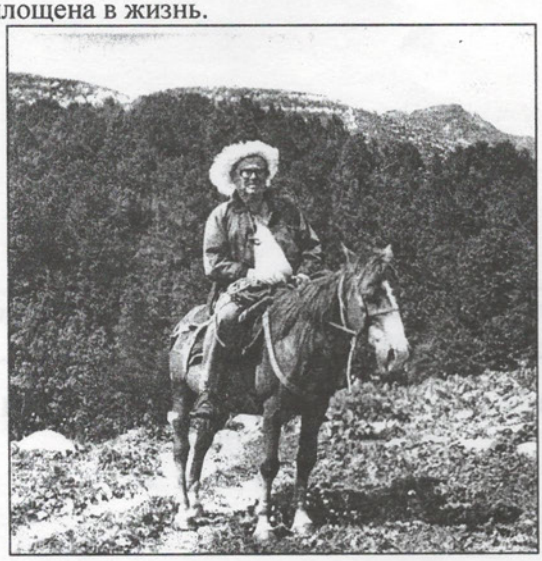
А. А. внес огромный вклад в изучение и познание ископаемых флор. Им была собрана замечательная и богатейшая коллекция отпечатков листьев, плодов и частей древесины ископаемых растений, насчитывающая более 20000 образ-

цов, хранившаяся в Сухумском ботаническом саду. Части коллекции были переданы Лаборатории палеоботаники Ботанического института им В. Л. Комарова АН СССР, Абхазскому государственному музею, где они до сих пор сохраняется. К сожалению в 1986 г. в СБС 90% этой бесценной коллекции, вместе с 150 голотипами, была уничтожена огнем пожара. К счастью все материалы, уничтоженной коллекции, с описанием, оригинальными рисунками и фотографиями видов А. А. Колаковский успел опубликовать. Совершенно справедливо отмечает д. б. н. И. А. Ильинская - один из крупнейших палеоботаников Союза и России «Трудно поверить, что всё это сделал один человек менее чем за 30 лет»

За 30 лет накапливается богатый материал и по современной флоре Абхазии. А. А. открыто и описано около 40 новых для науки видов растений, обнаружено много новых для Абхазии растений. Готовится и в 80-е годы выходит в свет второе, 4-х томное издание «Флора Абхазии», уже ставшее, как и первое, библиографической редкостью. Большую помощь в подготовке второго издания ученому оказывают все сотрудники отдела и, особенно, его верная соратница по работе и спутница по жизни д. б. н. В.С. Яброва-Колаковская, способствовавшая его удивительной результативности.

Пополняется до 45 тыс. листов Гербарий уникальной, рефугиальной Колхидской флоры, Института ботаники, который в 1986 г вошёл в список важнейших гербариев мира.

А. А. справедливо считал, что человечество в долгу перед миром растений, т.к. уничтожает его, не считаясь с тем, что это основа жизни на Земле, в том числе и для человечества. Последние два десятилетия он занимается изучением растительности охраняемых территорий. В 1987 г выходит по его инициативе и под его редакцией монография о Пицунда-Мюссерском заповеднике с подробной картой растительности. Предлагается создание природного национального парка в Западной Абхазии, где сконцентрированы редкие виды растений. Эта идея сегодня частично воплощена в жизнь.



А. А. Колаковский во время экспедиций на Гарском хребте. (пастбище Бамбей - Яшта) 1981г.

Во время войны в Абхазии, находясь в блокированном Сухуме, не взирая на голод, холод, непрерывные артобстрелы, А.А. продолжал работать. По его инициативе был собран весь брошенный по пустым отделам Сада гербарий, им же

по-новому систематизированный и этикетированый. А.А. вместе с сотрудниками спасают старейшую и ценную библиотеку Ботанического сада, пострадавшую от артобстрела, и упорно работает над монографией по семейству колокольчиковых, изданной в 1995 г в Москве Международной ассоциацией абхазо-абазинского (абаза) народа.

Стремясь сделать более доступным, знакомство с флорой Абхазии А. А. подготовил к печати «Определитель растений Абхазии», который, к сожалению, ждет своего издания. На основе богатейших знаний и опыта, анализируя, роль горных территорий Земли в эволюции флор он проводит новое флористическое районирование земного шара. Этому посвящена была последняя монография ученого «Средиземногорная область арена эволюции флоры северного полушария». Как он говорил: «это моя «лебединая песня». В эту работу А. А. вложил весь потенциал своих богатых знаний. С глубокой благодарностью необходимо отметить, что издание этой монографии осуществил экологический фонд Республики Абхазии в 2002 г.

А. А. опубликовано около 200 научных работ, среди которых около 20 [1)] капитальных монографии, отличающихся глубиной исследовательской мысли и ставших известными в научном мире, которому он открыл истинные богатства природы Абхазии.

Наш славный учитель бескорыстно и с удовольствием делился своими богатейшими знаниями и опытом с многочисленными учениками и коллегами.

Этот доброжелательный, светлый, отзывчивый и очень скромный человек, оптимист, ученый классик дарвиновского типа с мировым именем навсегда останется в памяти своих благодарных учеников и коллег.

Адыррақара
№2

Вестник
№2

Аформат 70х108/16. Атираж 500. Иҟаҵә. кьыԥхь бгьыц 26.
Иныкә. кьыԥхь бгьыц 36,4. Аҽаҵапҟа № 193.

Икьыԥхьуп Аҳәынҵқарратә полиграфиатә наплакы
«АКЬЫҬХЬ АѲНЫ» аҟны.
Ак. Аҟәа, Ешба имѳ., 168.